#Безсрокадавности_Хабаровск

#СудИстории_Хабаровск

#Хабаровскийпроцесс

#ДальневосточныйНюрнберг_Хабаровск

В сборник включены аналитические материалы Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», проходившего в Хабаровске 6–7 сентября 2021 г.

На форуме обсуждалось историческое значение решений Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками, результаты исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов по проблемам преступлений японской армии в годы Второй мировой войны, особенности ресурсной базы, исследовательские практики, формы репрезентации историко-документального наследия Хабаровского трибунала в образовательном процессе и музейном пространстве, а также способы противодействия фальсификациям истории и сохранения памяти о Второй мировой войне.

В форуме приняли участие государственные и политические деятели, сотрудники следственных органов, юстиции и прокуратуры, ученые и сотрудники учреждений образования, науки и культуры, представители общественных объединений и средств массовой информации из 52 субъектов Российской Федерации и 7 стран.

ISBN 978-5-9990-0087-3

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС. Аналитические материалы Международного научно-практического форума

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аналитические материалы
Международного научно-практического форума
Хабаровск, 6–7 сентября 2021 г.

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА

Российское историческое общество
Фонд «История Отечества»
Российское общество историков-архивистов
ООД «Поисковое движение России»
ООГПД «Бессмертный полк России»
Общественная палата Российской Федерации
Ассоциация юристов России
Ассоциация юридического образования
Ассоциация развития педагогических университетов и институтов
Федеральная служба безопасности России
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство просвещения Российской Федерации
Генеральная прокуратура Российской Федерации
Следственный комитет Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Министерство обороны Российской Федерации
Правительство Хабаровского края
Общественная палата Хабаровского края
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровский государственный университет экономики и права
Государственный архив Хабаровского края
Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Фонд ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

ПОИСКОВОЕДВИЖЕНИЕРОССИИ
Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества

Общественная палата Российской Федерации

АЮРО

АРПУИ АССОЦИАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ИНСТИТУТОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА Хабаровского края

ТИХООКЕАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХГУЭП ХАБАРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

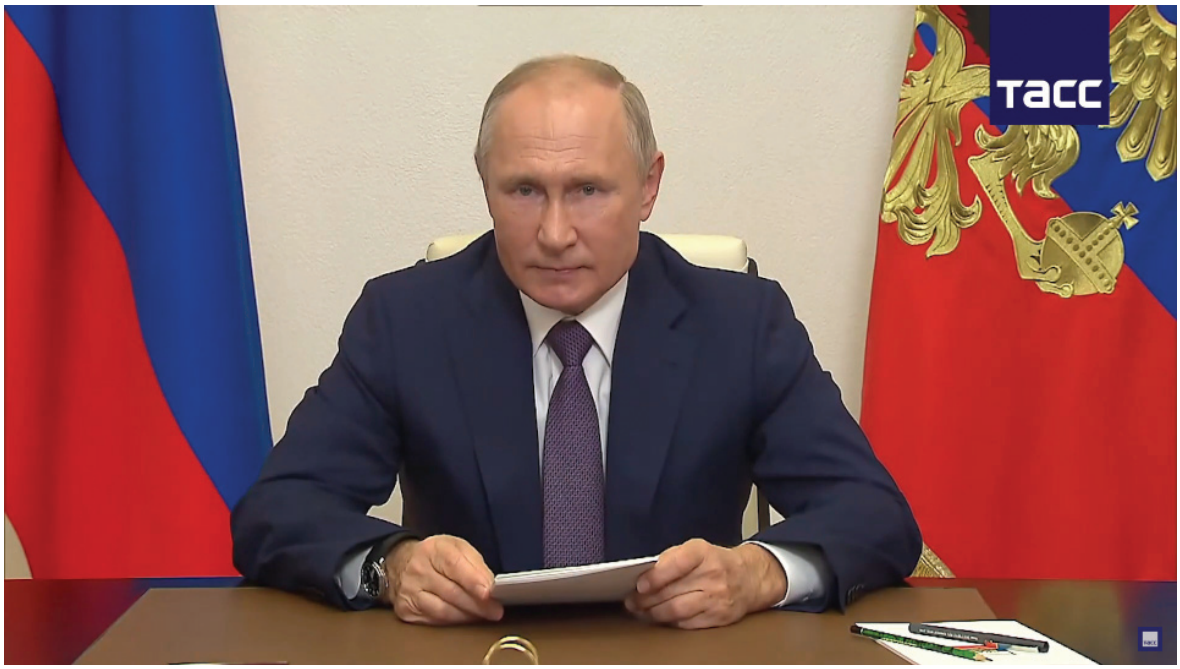
ГРОДЕКОВСКИЙ МУЗЕЙ

Дом офицеров в г. Хабаровске, где проходили заседания
Военного трибунала Приморского военного округа 25–30 декабря 1949 г.

Японские военные преступники на скамье подсудимых. г. Хабаровск. 1949 г.

Приветствие Президента Российской Федерации участникам и гостям Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы»

Уважаемые друзья, приветствую вас на Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы». На этом процессе над японскими военными преступниками, состоявшемся в 1949 году, так же как на Нюрнбергском и Токийском процессах, был вынесен правовой, моральный и нравственный приговор тем, кто развязал Вторую мировую войну, кто был виновен в страшных преступлениях против человечности. Его проведение стало выражением принципиальной позиции нашей страны по факту грубого нарушения норм международного права, включая запрет на использование химического и биологического оружия. Хабаровский процесс стал первым и значимым шагом на пути к запрещению подобного оружия массового поражения, фактически предтечей соответствующей Конвенции ООН 1972 года. И поэтому ваша представительная встреча имеет особое научное и, конечно, практическое звучание. Обсуждение событий тех лет основывается на фактах и архивных материалах. Такая честная, ответственная позиция очень важна для сохранения исторической памяти, для того чтобы эффективно противодействовать попыткам исказить события Второй мировой войны и не допустить их повторения. Рассчитываю, что форум внесет весомый вклад в глубокое осмысление исторического наследия Хабаровского процесса и его значение для современности, а сделанные вами выводы будут востребованы в дальнейшей научно-исследовательской работе. Желаю вам плодотворных дискуссий.

Всего самого доброго,

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аналитические материалы
Международного научно-практического форума

Хабаровск, 6–7 сентября 2021 г.

Москва
2022

УДК 93
ББК 63(0)63
Ха12

Составитель: *Л. Д. Шаповалова*

Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы: Аналитические материалы Международного научно-практического форума, Хабаровск, 6–7 сентября 2021 г. / Сост. Л. Д. Шаповалова. – М.: Фонд «Историческая память», 2022. – 272 с.

ISBN 978-5-9990-0087-3

В сборник включены аналитические материалы Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», проходившего в Хабаровске 6–7 сентября 2021 г.

На форуме обсуждалось историческое значение решений Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками, результаты исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов по проблемам преступлений японской армии в годы Второй мировой войны, особенности ресурсной базы, исследовательские практики, формы репрезентации историко-документального наследия Хабаровского трибунала в образовательном процессе и музейном пространстве, а также способы противодействия фальсификациям истории и сохранения памяти о Второй мировой войне.

В форуме приняли участие государственные и политические деятели, сотрудники следственных органов, юстиции и прокуратуры, ученые и сотрудники учреждений образования, науки и культуры, представители общественных объединений и средств массовой информации из 52 субъектов Российской Федерации и 7 стран.

Статьи печатаются в авторской редакции

© Российское общество историков-архивистов, 2022
© Шаповалова Л. Д., составитель, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Фонд «Историческая память», издание, 2022

ISBN 978-5-9990-0087-3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие....13

Первое пленарное заседание

«Научное осмысление и практическое использование документального наследия Хабаровского процесса»

М. В. Дегтярев
Приветствие участникам Форума....15

С. В. Лавров
Приветствие участникам Форума....16

А. О. Чекунков
Осмысление прошлого для развития Дальнего Востока....16

В. Н. Фальков
Исторические ценности в научно-образовательной политике высшей школы России на примере Хабаровского процесса....17

А. В. Васильев
Материалы Хабаровского процесса как документальное свидетельство подготовки Японией бактериологической войны....19

Чэнь Кайкэ
Вопросы исторических источников Хабаровского процесса....21

М. В. Супотницкий
Хабаровский процесс и его актуальность сегодня....26

В. Н. Плигин
Роль общественных организаций и иных институтов гражданского общества в борьбе за незыблемость принципов гуманизма....29

Второе пленарное заседание

«Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в условиях современных политических и информационных вызовов»

С. Е. Нарышкин
Приветствие участникам Форума....31

И. В. Краснов
Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в условиях современных политических и информационных вызовов....32

А. В. Бугаев
Ключевые точки исторической памяти в образовательном и воспитательном пространстве российской школы и педагогического образования – основное условие гражданского воспитания....34

Е. М. Цунаева
Проект «Без срока давности»: Запад и Восток – история одной страны 35

А. Н. Савенков
Хабаровский процесс как торжество Нюрнбергских принципов и международного уголовного правосудия 37

Цой Чжэ Док
У нации, которая забывает историю злодеяний Японии во время Второй мировой войны, нет будущего 44

В. В. Нелидов
Историческая память о Второй мировой войне в послевоенной Японии: роль и значение в политике и обществе 51

Д. В. Стрельцов
Наследие Второй мировой войны в Японии: консервативная и прогрессивная традиции 55

Ким Ен Ун
Исторические традиции политики геноцида японских властей по отношению к корейцам и китайцам 58

Д. С. Горностаев
Роль и значение СМИ в освещении исторических событий 62

Тематическая площадка

«Проект “Без срока давности”: Запад и Восток – история одной страны»

Сессия

«“Без срока давности” — от общественной инициативы к мегапроекту»

П. А. Гринфельд, Т. Е. Мерсадыкова, А. А. Грязнова,
Онлайн-версия базы данных проекта «Без срока давности» 65

С. В. Аристов
Исследования проекта «Без срока давности»: система нацистских концлагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.) 66

Н. И. Исакова
Подготовка комплекса архивных документов для публикации в рамках проекта «Без срока давности»: от выявления до создания научно-справочного аппарата 69

А. Л. Бормотов
Итоги реализации поискового направления проекта «Без срока давности» 72

Р. Ш. Шхалиев оглы
«Бессмертный полк» в документах Государственного архива Хабаровского края: вопросы сохранения и использования документов периода Второй мировой войны 75

Сессия

«Интеграция проекта “Без срока давности” в образовательный процесс: опыт и перспективы»

Н. А. Ильина
Разработка и внедрение образовательного модуля по проекту «Без срока давности» в образовательные программы высшей школы 78

М. А. Пономарева, А. В. Аверьянов
Формы и способы интеграции материалов проекта «Без срока давности» в образовательный процесс Южного федерального университета 80

Т. Г. Хришкевич
Система повышения квалификации по программе «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи» в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» 83

Тематическая площадка

«Историко-документальное наследие Хабаровского процесса»

А. Л. Анисимов
Фальсификация истории Советско-японской войны 1945 г. 87

В. Н. Тимошенко
Хабаровский процесс в отражении зарубежной историографии 91

Р. Ш. Шхалиев оглы
Материалы Хабаровского процесса 1949 г. – предмет изучения историков и архивистов 95

В. П. Галицкий
Участие оперативных органов безопасности в подготовке Хабаровского процесса: неизвестные страницы 98

А. В. Самохин
Деятельность отряда 100 (по материалам Хабаровского судебного процесса) 102

А. П. Тарасов
Бактериологическая война японской армии на Халхин-Голе: отражение боевого применения биологических средств в материалах Хабаровского процесса 1949 г. и трудах современных китайских историков 106

И. В. Крюков
Боевая подготовка войск Дальневосточного фронта к войне с милитаристской Японией в 1945 г. 110

Г. А. Ткачева
Война на Востоке: Дальневосточные рубежи в обеспечении обороноспособности СССР 114

Б. Б. Кондратенко
Провокационные нарушения государственной границы СССР на Дальнем Востоке в период действия Пакта о нейтралитете с Японией (1941–1945 гг.) 118

Е. Л. Катасонова
О репатриации на родину японских военнопленных: завершающий этап 121

Е. В. Суверов
Нарушение правил изоляции японскими военнопленными в СССР (1945–1950 гг.) 125

В. В. Синиченко
Правовой статус различных категорий военнопленных японской армии в СССР 128

М. Г. Степанов
К истории пребывания японских военнопленных на территории Хакасии (1945–1947 гг.) 131

Тематическая площадка

«История российско-японских отношений и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе»

А. Ю. Плотников
Хабаровский процесс в контексте российско-японских отношений первой половины XX века 136

Е. Е. Аурилене
Российская эмиграция в Маньчжоу-диго и «новый порядок в Восточной Азии» 138

В. П. Зимонин
Военные преступления Японии на Востоке России и в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона в первой половине XX века не должны подлежать забвению 141

На Чон Чжу
Японская оккупация Кореи (1910–1945 гг.) 146

Ким Вон Ил
Политика японизации корейского населения в конце колониального периода (конец 1930-х – начало 1940-х гг.) 152

Б. Б. Пак
«Женщины для утешения» для японской императорской армии: военное преступление и грубое нарушение международного права в области прав человека 158

А. В. Алепко
Филиппины в годы японской оккупации (1942–1945 гг.) 162

Е. М. Астафьева
Японская оккупация Сингапура в период Второй мировой войны 167

П. В. Кульнева
Расхождение траекторий исторической памяти в Китае и Японии как фактор возникновения международных конфликтов 170

И. В. Олейников
Реалии прибрежной торговли: участие предприятий Иркутской области во внешней торговле СССР с Японией в 1980-е гг. (по материалам Государственного архива Иркутской области) 173

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в системе национального и международного права»

Ю. П. Хохлов
Хабаровск: уникальный суд над создателями бактериологического оружия, аспекты обвинительной деятельности 177

А. В. Федоров
Хабаровский процесс: история и современность 180

И. И. Бутрим
Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве 184

В. Н. Додонов
Международно-правовой запрет бактериологического оружия: современные проблемы и вызовы ... 189

В. Н. Неко
Роль военных прокуроров в уголовном преследовании военнослужащих японской Квантунской армии. Рассмотрение обращений о пересмотре итогов Хабаровского процесса 191

П. В. Агапов, К. В. Шевелева
Неусвоенные уроки Хабаровского процесса: уголовно-правовые средства противодействия оправданию человеконенавистнической идеологии....194

А. Н. Мондохонов
Патриотическое воспитание молодежи в условиях информационного противостояния....196

Д. В. Садовников
Ответственность за военные преступления, совершаемые с использованием непрямых средств: от бактериологического оружия до автономных систем вооружения, основанных на искусственном интеллекте....198

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в образовательном процессе высшей школы»

Н. В. Шелковникова
Программа «Дальний Восток во Второй мировой войне» образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности»....204

Д. Ю. Асташкин
Образ японских военных преступников: региональный компонент....207

В. В. Митин
Попытки привлечения к ответственности императора Хирохито после Второй мировой войны....209

М. И. Романова
Использование художественного кинематографа в изучении событий Второй мировой войны (на примере Войны на Тихом океане): проблемы формирования исторической памяти и восприятия образа войны у студентов-историков....213

А. М. Филонов
О применении Японией оружия массового поражения в войне против СССР....215

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в учебно-воспитательном пространстве педагогического вуза, колледжа, школы»

С. С. Кравцов
Приветствие участникам Форума – членам Ассоциации развития педагогических университетов и институтов....220

Н. Ю. Склярова
Роль Ассоциации развития педагогических университетов и институтов в реализации проекта «Без срока давности»....221

Т. В. Филиппова
Анализ содержания учебников по теме «Разгром Квантунской армии Японии. Хабаровский процесс» как ориентир подготовки будущих учителей истории....224

В. В. Иванов
Вопросы изучения истории Хабаровского процесса в педагогических вузах: использование вооруженными силами США бактериологического оружия в период войны в Корее в 1950–1953 гг....228

Н. В. Беломестнова
Секретное «сверхоружие» японских милитаристов, или Все тайное становится явным....232

Т. В. Ярославцева
Сохранение памяти о геноциде советского народа на основе семейных ценностей, традиций и реликвий 239

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в музейном пространстве. Военные преступления против человечности в экспозициях отечественных и зарубежных музеев»

И. В. Крюков
Хабаровский процесс в преломлении музейной практики: из истории коллекции В. В. Павчинского....242

Ю. А. Филипенко
Репрезентация трагедии мирного населения на Сахалине в Музейно-мемориальном комплексе «Победа» 244

Ю. И. Дин
Проблемы источниковой базы по истории уничтожения мирного населения Сахалина на завершающем этапе Второй мировой войны....246

А. Ю. Волькович, К. Г. Назаня
Музей памяти жертв нацизма как опыт расчеловечивания национал-социалистической идеологии путем музеефикации зверств нацизма....249

А. М. Горбунов
Музеефикация темы геноцида мирного населения СССР в Музее Победы 251

И. А. Овчинникова
«В цепи фашистских злодеяний». О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на Белгородчине в годы Великой Отечественной войны 253

Е. П. Мироничев
Музей Карельского фронта: опыт репрезентации событий Великой Отечественной войны на оккупированной территории Карелии и Заполярья....255

Т. И. Столярова
Фашистский оккупационный режим на территории Навлинского района Брянской области 258

Е. С. Манюк, В. В. Макогонова
Калининградский областной историко-художественный музей и проект «Без срока давности»....262

Е. И. Серпионова
Пластичность коммемораций: сравнительный анализ содержания путеводителя по мемориалу концлагеря Бухенвальд времен ГДР и современности 266

Предисловие

Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками состоялся 25–30 декабря 1949 г. Его проведение было выражением принципиальной позиции Советского Союза по факту разработки и применения милитаристской Японией бактериологического оружия. СССР имел неопровержимые доказательства, в том числе показания командующего Квантунской армии Отодзо Ямады, о подготовке бактериологической войны и сосредоточении к 1945 г. в Маньчжурии вблизи советской границы такого количества бактериологического оружия, которое было способно уничтожить все население планеты. Советское руководство не могло согласиться с политикой заигрывания с японским политическим и военным руководством и сокрытия преступлений против человечности, которую последовательно проводили США на Международном военном трибунале для Дальнего Востока, более известном как Токийский трибунал. Предоставление США убежища разработчикам и руководителям смертоносных бактериологических отрядов несло объективную угрозу человечеству. Хабаровской судебный процесс стал первым и важнейшим шагом на пути решения проблемы глобальной безопасности послевоенного мира.

Документальное наследие Хабаровского процесса выходит за рамки одного события и имеет беспрецедентное значение для понимания в целом места Дальневосточного региона в истории Великой Отечественной и Второй мировой войны. Это объективный и логичный инструментарий понимания роли Красной армии в Победе во Второй мировой войне и спасении мира от новой угрозы. Хабаровский судебный процесс – единственный в истории, где предъявлены и неопровержимо доказаны факты подготовки милитаристской Японией бактериологической войны, это важнейшая веха запрещения бактериологического и токсического оружия.

Изучение Хабаровского судебного процесса позволяет сформулировать концептуальные ценности образования и воспитания, необходимые для сохранения исторической правды и ответа на провокационные информационные вызовы о Второй мировой войне.

Дальний Восток – это территория федерального образовательно-просветительского проекта «Без срока давности», направленного на сохранение исторической памяти о Второй мировой войне. Именно Дальний Восток явился территорией преступлений милитаристской Японии против человечности. В истории одной страны соединились два плана ее уничтожения: Генеральный план «Ост» нацистской Германии и «Великая Восточноазиатская сфера сопроцветания» милитаристской Японии.

Япония своими действиями и активным военно-промышленным сотрудничеством с Германией первой нарушила советско-японский договор о взаимном нейтралитете, подписанный 13 апреля 1941 г. Победа СССР над милитаристской Японией стала залогом окончания Второй мировой войны. Красная армия своими действиями в Маньчжурии в 1945 г. спасла мир от бактериологической войны.

На актуализацию места и значения Хабаровского судебного процесса в и его решений направлено проведение международного форума.

Оргкомитет

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Первое пленарное заседание

«Научное осмысление и практическое использование документального наследия Хабаровского процесса»

М. В. Дегтярев,
Губернатор Хабаровского края
M. V. Degtyarev,
Governor of the Khabarovsk Territory

Приветствие участникам Форума
Greetings to the Forum participants

Уважаемые коллеги, друзья!

Для нас большая честь принимать мероприятие такого высокого уровня в Хабаровском крае. Это свидетельствует об особом внимании, которое сегодня уделяется Дальнему Востоку России, нашему региону и его роли в истории страны.

Форум имеет значение для всех стран Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку на нём освещаются актуальные вопросы сохранения мира и обеспечения международной безопасности.

Исторические примеры нам показывают, к каким угрозам может привести путь военной агрессии.

Хабаровский судебный процесс 1949 года поставил точку в осуждении японского милитаризма как одной из военно-политических сил, которые развязали Вторую мировую войну в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Этот процесс, вместе с Нюрнбергским и Токийским процессами, стал юридическим завершением системы международных судов первых послевоенных лет. Здесь дали оценку деяниям военных преступников и их пособников, поставили вне закона идеологию фашизма и геноцид мирного населения.

В ходе Хабаровского судебного процесса были представлены неоспоримые доказательства разработки и испытания милитаристской Японией бактериологического оружия, ее подготовки к нападению на нашу страну.

Сегодня нам вновь приходится обращаться к историческим фактам и документальным свидетельствам, чтобы противостоять попыткам фальсификации истории Второй мировой войны и ее итогов.

Для этого рассекречиваются и вводятся в научный оборот новые архивные документы, демонстрируются документальные фильмы, ведется поисковая и научно-исследовательская работа. Очень важно, чтобы подрастающее поколение России не забывало о подвиге, который совершил наш народ в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны. Считаю, что в этом знании заключается основа патриотизма, любви к Родине.

Хочу выразить слова благодарности всем, кто прибыл из разных регионов нашей страны и зарубежья для участия в форуме, нашим дальневосточным исследователям. Отдельные слова благодарности ветеранам за то, что сегодня мы живем в мирное время.

Желаю всем участникам форума плодотворной работы и научных открытий!

С. В. Лавров,
Министр иностранных дел Российской Федерации
S. V. Lavrov,
Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation

Приветствие участникам Форума
Greetings to the Forum participants

Уважаемые коллеги!

Вторая мировая война, унесшая десятки миллионов жизней, стала величайшей трагедией в истории человечества. Сохранить память о ней – наш святой долг. Сбережению исторической правды способствует изучение новых документов и источников. Ваш форум посвящен прошедшему в декабре 1949 г. в Хабаровске трибуналу над группой японских военных, виновных в создании химического и бактериологического оружия, а также его испытаниях на живых людях.

Архивные материалы, представленные на выставке, наглядно говорят о роли Министерства иностранных дел в организации Хабаровского процесса. Отечественные дипломаты убедительно разъяснили союзным державам причины, почему этот суд был необходим. Главная из них состояла в том, что преступления так называемого отряда № 731 и других боевых подразделений японской армии, занимавшихся бесчеловечными опытами над военнопленными, не нашли достаточного отражения в материалах Токийского трибунала 1946–1948 годов. В данном контексте Хабаровский процесс стал важнейшим дополнением суда в Токио, поскольку впервые засвидетельствовал ужасы применения биологического оружия, поведал миру об этой страшной изнанке милитаристской Японии. Вынесенный судом приговор дал объективную оценку совершенным преступлением.

Важно, чтобы и нынешнее и будущие поколения помнили о зверствах японских милитаристов, оставивших кровавый след в истории человечества. Забывать об этом мы не имеем морального права.

На днях в Нью-Йорке откроется очередная 76-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В этой связи нелишне напомнить, что общепризнанные итоги Второй мировой войны, закрепленные в Уставе Всемирной организации, незыблемы. Российская дипломатия будет и впредь пресекать попытки их ревизии, кем бы они не предпринимались. И конечно же, важный вклад в эту работу призваны вносить ученые, научные, экспертные круги, широкая общественность, в том числе и путем проведения таких мероприятий, как этот форум.

А. О. Чекунков,
Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики

Осмысление прошлого для развития Дальнего Востока

A. O. Chekunkov,
Minister of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic

Understanding the past for the development of the Far East

В своем выступлении я хотел бы подчеркнуть важность работы по осмыслению прошлого для развития Дальнего Востока для построения будущего. На только что завершившемся во Владивостоке Восточном экономическом форуме Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал: «Россия – это неотъемлемая часть Азиатско-Тихоокеанского региона, это твердая и последовательная позиция, развитие на Востоке, интеграция в экономике АТР, усиление экономических, технологических, социокультурных и других связей со всеми странами региона – это и приоритет развития, и объективная необходимость». Россия – тихоокеанская держава, это тоже слова Владимира Владимировича Путина из обращения к Федеральному Собранию в 2014 г., поэтому крайне важно знать и понимать исторический контекст региона. События прошлого глубоко вплетены и в политику, и в отношения между

азиатскими странами. Наши соседи хорошо умеют помнить и опираться на историю как недавнюю, так и исчисляемую тысячелетиями. При этом жесткость позиций по отдельным вопросам не мешает им быть гибкими в торговле и инвестициях. Например, Вьетнам активно и охотно торгует с Соединенными Штатами Америки, несмотря на ныне живущее поколение инвалидов, которые родились такими после химических бомбардировок США во время Вьетнамской войны. Китай тесно взаимодействует и с Японией, и с Кореей, и со всеми странами региона, с которыми периодически вступает в жесткие противоречия по фундаментальным вопросам истории и географии. Изложение исторических фактов каждой страной сильно разнится. В Азии нет общепринятой единой трактовки таких событий, как оккупация Японией стран региона и её действия во время оккупации, обстоятельства победы коммунистов в Китае, тайваньский вопрос, голод в 1959–1961 гг. и многие другие. Набор споров и территориальных претензий ныне существует в Южно-Китайском море, через которое проходит более 20% мировой торговли и треть мировых морских перевозок. Большую активность там проявляет Седьмой Тихоокеанский флот США, что не добавляет стабильности и безопасности в регионе. Для Дальнего Востока России это вопрос не праздный, не теоретический. От того, как мы выстроим отношения со странами АТР, зависит будущее благополучие не только Дальнего Востока, но и всей России.

Знать и понимать историю – это, выражаясь актуальным языком, иммунитет, антитела к повторению ошибок прошлого. На Восточном экономическом форуме я докладывал Президенту Российской Федерации, и мы презентовали запуск программы обучения молодых кадров для управления, государственной службы и работы по развитию Дальнего Востока и Арктики. Особенность программы «Муравьев-Амурский 2030», которую мы назвали именем великого россиянина, исторической личности, которая имеет особое значение для Хабаровского края и всего Дальнего Востока, – это подготовка будущих управленцев, основанная не только на знаниях, но и на воспитании в них особого духа с опорой на ценности служения Отечеству. Это подготовка не просто к управлению процессами, а к службе государству. В русском языке служба в армии, служба в церкви и государственная служба – служение Отечеству.

Благодарю организаторов форума за такую качественную и обширную работу. Уверен, что результат обсуждений обогатит российскую историческую науку, добавит новый важный компонент в образовательный процесс и, главное, укрепит память о трагедии, которую нельзя забывать, о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне.

В. Н. Фальков,
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

Исторические ценности в научно-образовательной политике высшей школы России на примере Хабаровского процесса

V. N. Falkov,
Minister of Science and Higher Education of the Russian Federation

Historical values in the scientific and educational policy of the Higher school of Russia on the example of the Khabarovsk process

Высшая школа сегодня – это не только качественное высшее образование, но и неотделимое от образования воспитание. Самое лучшее воспитание то, которое дается в процессе обучения. Причем при формировании как профессиональной культуры, в данном случае я имею в виду подготовку историков и юристов, так и при формировании общей культуры.

Хабаровский процесс – значимое историческое событие. Так же как и Нюрнбергский трибунал, и Токийский трибунал. Эти исторические факты, которые сегодня осмыслены или осмысливаются, очень важны. И мы считаем, что эти факты должны стать частью образовательной программы в высшей школе. Почему это важно? Потому что так устроено современное общество. Мы живем в мире постправды, где реальные факты, к сожалению, не всегда играют ключевую роль, а их трактовки определяют отношения людей и формируют общественное мнение.

Что можно этому противопоставить? Научно проработанные, хорошо подготовленные учебные программы и широкую работу наших учебных заведений.

Мы такую работу начали достаточно давно во взаимодействии с научным сообществом, с нашими вузами. И я хотел бы обратить внимание присутствующих на то, что здесь, на этом форуме, представлены наши ведущие исследовательские институты, в частности Институт государства и права РАН в лице заместителя директора института А. Г. Звягинцева. Александр Григорьевич – крупнейший исследователь не только Нюрнбергского и Токийского трибунала, но и Хабаровского процесса. Здесь сегодня присутствуют Сергей Николаевич Иванченко – ректор Тихоокеанского государственного университета, Наталья Анатольевна Ильина, ректор Псковского государственного университета. Я сознательно акцентирую внимание и на личностях, и на конкретных институтах и университетах, показывая, что это планомерная и системная работа.

Отдельно хотел бы отметить, что в 2020 г. в рамках большого проекта «Без срока давности», который был запущен по инициативе Президента Российской Федерации, исследовательским коллективом Псковского государственного университета подготовлен учебный модуль. Это учебное пособие и соответствующие материалы, которые сегодня последовательно внедряются в образовательный процесс.

В этой связи часто приходится слышать вопрос: адресованы ли эти материалы только юристам и историкам либо вообще всем студентам?

Материалы Хабаровского, Нюрнбергского и Токийского трибуналов должны стать частью профессиональной подготовки наших юристов. Здесь присутствуют представители Ассоциации юристов, и мы этот вопрос еще отдельно обсудим с коллегами. Необходимо знать, что происходило на территории нашей страны, что имеет значение не только для нашего народа, а во многом предопределило формирование норм международного права в целом и международно-уголовного права в частности. Хабаровский судебный процесс внес свой вклад в формирование единства международного права в той его части, которая касается регламентации деятельности государств, международных организаций по борьбе с бактериологическим и химическим оружием.

Что касается историков, то мы делаем акцент на возможность студентов погружаться в исследовательскую деятельность, знакомиться напрямую с первоисточниками. Это как раз противодействие фальсификации истории и тому, как сегодня зачастую в этом огромном информационном потоке трактуются те или иные события.

Задача сообщества университетов и институтов – использовать результаты проведенной работы и новые факты, в том числе о Хабаровском процессе. Неизвестные страницы, которые открылись в рамках подготовки к этому мероприятию, вызывают большой интерес у наших исследовательских организаций. Сейчас вместе с Администрацией Президента РФ обсуждается идея создания Центра изучения Второй мировой войны совместно с Институтом российской истории.

Многие десятилетия наша страна последовательно изучает эти страшные события во всем их многообразии. Основной упор был сделан на изучение Второй мировой войны в той части, которая касается боевых действий на Западе. Но восточное направление, восточный вектор, как показывают имеющиеся факты, был не менее значим и таил в себе много опасностей. Особая ценность его исследования в том, что многие события, которые происходят сегодня в мире, называясь реальной политикой, напрямую связаны с тем, что происходило в 1945-м, в 1949-м годах. И Хабаровский процесс – это, как говорят наши исследователи, подведение итогов. Последовательное подведение итогов Второй мировой войны и детальный разбор всех обстоятельств, научно обоснованный, профессиональный, с соблюдением норм не только национального, но и международного права. Я считаю, что это очень важное обстоятельство, которое определяет исследовательскую повестку для многих десятков коллективов, в том числе и здесь, в Хабаровске, поскольку историческая наука достаточно хорошо представлена на форуме.

В современном обществе существует большой запрос на социально-гуманитарное знание, на понимание того, какова история региона, какие значимые события здесь происходили и во многом предопределили будущее не только Хабаровского края, но всего Дальнего Востока и России.

Хочу поблагодарить университетские и исследовательские коллективы, которые проводят огромную работу по сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

Со своей стороны мы сделаем все возможное, чтобы все тайные страницы истории были изучены, чтобы все факты стали достоянием общества и частью нашего высшего образования.

А. В. Васильев,
начальник Управления регистрации архивных фондов ФСБ Российской Федерации

Материалы Хабаровского процесса как документальное свидетельство подготовки Японией бактериологической войны

A. V. Vasiliev,
Head of the Department of Registration of Archival Funds FSB of the Russian Federation

Materials of the Khabarovsk Trial as documentary evidence of Japan's preparation of a bacteriological war

14 августа 1945 г. император Японии, а также правительство и военное командование страны приняли условия Потсдамской декларации и 2 сентября подписали Акт о капитуляции перед союзными государствами: Советским Союзом, США, Англией и Китаем. Вторая мировая война закончилась. По ее итогам в Токио состоялся суд над японскими военными преступникам – Международный военный трибунал для Дальнего Востока, в котором участвовали 11 государств, в том числе Советский Союз. Международный трибунал признал факт вступления Японии в преступный сговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против человечности и установил, что Япония на протяжении долгих лет планировала, развязывала и вела завоевательные войны, активно готовясь к более крупномасштабной агрессии против Советского Союза и других стран. Осуществляя активную подготовку к войне, японские правящие круги и специальные службы возлагали большие надежды на разработку, совершенствование и применение в боевых условиях бактериологического оружия.

После окончания работы Международного трибунала в Токио в конце декабря 1949 г. в Хабаровске начался открытый судебный процесс военного трибунала Приморского военного округа, рассмотревший материалы следствия и предъявивший обвинения 12 японским военным преступникам, причастным к созданию и применению бактериологического оружия. Именно в ходе Хабаровского процесса стало известно о зловещих планах милитаристской Японии как союзника Германия по ведению войны против СССР. На Хабаровском процессе впервые мир узнал о готовящейся бактериологической войне, которой помешало стремительное наступление Красной армии в Маньчжурии. На скамье подсудимых оказались бывший командующий Квантунской армией Ямада Отодзо, бывшие начальники санитарного управления и ветеринарной службы Квантунской армии Кадзицука Рюдзи и Такахаси Такаацу, бывший начальник санитарной службы 5-й армии Сато Сюндзи, руководители и сотрудники специальных подразделений Квантунской армии по разработке и использованию особого вида оружия. Материалами предварительного следствия и судебного следствия было установлено, что руководство Японии активно готовилось к применению бактериологического оружия в ходе развязанных им войн для массового истребления как войск противника, так и мирного населения путем распространения эпидемий. Для разработки такого оружия в середине 1930-х годов по Указу императора Японии на территории оккупированной Маньчжурии были созданы два строго засекреченных учреждения, получившие в целях маскировки наименование «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», впоследствии переименованное в отряд № 731, и «Ипоэпизоотическое управление» Квантунской армии, переименованное в отряд № 100. На допросе 3 ноября 1949 г. Ямада Отодзо говорил, что отряд № 731 был укомплектован большим количеством сотрудников из числа офицеров, солдат и вольнонаемных, которые, имея специальную подготовку в области бактериологии, вели широкую научно-изыскательную и производственную работу по массовому изготовлению бактерий чумы, тифа, паратифа, дизентерии, холеры и многих других как средств бактериологического оружия. Бывший начальник производственного отдела отряда № 731 Кавасима Киоси сообщил следствию, что только в специальном отделении Второго отдела находилось 4500 инкубаторов, способных за один производственный цикл произвести 45 кг блох, используемых в качестве переносчиков болезней. Оборудование позволяло в течение нескольких дней вырастить свыше 30 кг чумных и других болезнетворных микробов. Для проведения начальных опытов по заражению в расположении отряда имелись загоны для скота, а для проведения экспериментов на людях – внутренняя тюрьма и крематорий. Для испытания бактериологического оружия на живых людях в полевых условиях в 20 км от уезда Аньда в провинции Хэйлундцзян был создан специальный полигон. Подопытных из числа китайцев и советских граждан доставляли сотрудники японской жандар-

мерии. Все испытуемые, попавшие в тюрьму отряда № 731 и подвал его филиала в Харбине, содержались в самых ужасных условиях, не было элементарных санитарных удобств, все постоянно находились закованными в цепи. Всего с 1940 по 1945 г. уничтожены путем насильственного заражения бактериями чумы, тифа, паратифа, сибирской язвы свыше 3 тысяч человек.

В японской армии готовились специальные воинские команды и диверсионные группы для применения бактериологического оружия – заражения бактериями городов и сел, водоемов и колодцев, скота и посевов на территории государств, подвергшихся японской агрессии. Так, в одном из архивных документов МГБ Бурят-Монгольской АССР за 1947 г., рассекреченном ПУ ФСБ России по Республике Бурятия, говорится о том, что пленные солдаты японских санитарно-эпидемиологических отрядов в ходе допросов сообщали о проведения ими бактериологических мероприятий путем перегона на советскую территорию зараженного домашнего скота. Перед оглашением приговора генерал Ямада Отодзо сказал: «Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне. Я признаю свою вину за все злодеяния». В заключительном слове Кавасима Киоси отмечает: «Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны. Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества».

Военный трибунал Приморского военного округа приговорил четырех высокопоставленных японских военачальников во главе с главнокомандующим Квантунской армией к 25 годам заключения. Остальные преступники получили от 2 до 20 лет заключения. Хабаровский процесс не привлекал к себе пристального внимания общественности. В последующие годы его подготовка и проведение изучались мало, доступ к документам архивов был закрыт. Отсутствие достоверной информации послужило основой искажения событий Второй мировой войны на Дальнем Востоке, а в ряде случаев – оправдания военного курса японских правящих кругов, проводившегося в начале и середине 1940-х годов. С целью недопущения фальсификации истории в органах ФСБ в настоящее время проводится большая работа по рассекречиванию архивных документов отечественных спецслужб, связанных с событиями Второй мировой войны. В прошедшем году гриф секретности был снят с хранящихся в Центральном архиве ФСБ России материалов Хабаровского процесса.

Документальное наследие Хабаровского судебного процесса выходит за рамки одного события и имеет беспрецедентное значение для понимания в целом места Дальневосточного региона в истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Значение материалов также обусловлено теми мерами, которые были предприняты японскими властями по максимальному сокрытию следов производства бактериологического оружия и фактов его применения. Вопрос сокрытия Японией каких-либо следов разработки средств бактериологической войны был настолько актуальным, что уже 9–10 августа 1945 г. он рассматривался в Токио. Главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо получил на этот счет прямые указания. Вот что он писал в своем дневнике 14 августа 1945 г.: «Секретное предписание военного министра № 119 приказывает сжечь полностью все совершенно секретные и секретные документы». Отныне исследователям становятся доступны не только материалы собственно судебных заседаний, но и в полном объеме документы предварительного следствия, предшествовавшего процессу. Среди документов – протоколы допросов обвиняемых и свидетелей из числа японских должностных лиц, владевших информацией о планах руководства страны в отношении Советского Союза. Имеются фотокопии приказов, указаний, распоряжений японского военного командования и их переводы на русский язык. Документы определяют цели, задачи и порядок подготовки диверсий против СССР, военных действий против Советского Союза и Китая, а также бактериологических экспериментов над живыми людьми. Следует отметить, что агрессивная внешняя политика японских властей в годы Второй мировой войны, подготовка бактериологических и иных диверсий против ряда государств зафиксированы не только в материалах Хабаровского процесса. Немало таких сведений содержится и в переписке отечественных спецслужб Сибири и Дальнего Востока.

В настоящее время рассекречен и подготовлен к публикации значительный комплекс документов по данной тематике, хранящихся в Управлении ФСБ России по Хабаровскому краю. Это следственные материалы о функционировании на территории Маньчжурии лагеря для советских военнопленных «Хогоин», среди которых собственноручные признания японских военнослужащих о пытках, расстрелах и направлении на опыты в отряды № 731 и № 100 заключенных лагеря. Новые материалы, раскрывающие историческую правду о событиях 1940-х годов на Дальнем Востоке, представленные на историко-документальной выставке «Хабаровский процесс в зеркале истории», свидетельствует, что разработка, испытание и использование бактериологического оружия при осуществлении экспансионистского курса являлись одной из составляющих частей внешней политики правящих кругов Японии. Результаты открытия российских архивов уже во многом превзошли ожидания научных кругов и общественности. Рассекреченные документы отечественных органов безопасности существенно расширяют знания об истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Чэнь Кайкэ,
главный научный сотрудник Института новой истории, профессор Китайской Академии общественных наук (КНР)

Вопросы исторических источников Хабаровского процесса

Аннотация
В статье рассматриваются основные группы источников по истории Хабаровского процесса, хранящиеся в архивах России. Показано их значение для китайских историков, отмечены слабости и «узкие» места источниковой базы исследования бактериологических атак Японии против Китая в годы Второй мировой войны.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, Квантунская армия, бактериологическая война, японские военные преступники.

Chen Kaige,
Chief Researcher of the Institute of Modern History, Professor Chinese Academy of Social Sciences

Questions of historical sources of the Khabarovsk process

Abstract
The article discusses the main groups of sources on the history of the Khabarovsk process, stored in the archives of Russia. Their significance for Chinese historians is shown, weaknesses and «bottlenecks» of the source base of the study of the bacteriological war of Japan against China during the Second World War are noted.
Keywords: World War II, Khabarovsk Trial, Kwantung Army, bacteriological war, Japanese war criminals.

После окончания Второй мировой войны антифашистские союзники организовали международные военные трибуналы на Востоке и Западе, соответственно для суда над военными преступниками класса А из фашистских стран-захватчиков, таких как Германия, Италия и Япония. Международный трибунал в Европе проходил в Нюрнберге (Нюрнбергский процесс) 20 ноября 1945 г. до 1 октября 1946 г.; Международный военный трибунал для Дальнего Востока проходил в Токио с 3 мая 1946 г. до 12 ноября 1948 г.[1] Военные преступники класса А из Германии, Италии и Японии, которые вели войну и убивали людей, наконец-то предстали перед судом по закону. Исходя из этого, на основе мира, был установлен новый международный политический порядок и продемонстрирована справедливость человечества. Однако на Токийском процессе японские военные преступники, которые производили и использовали бактериологическое оружие, не предстали перед судом, которого они заслуживали, из-за закулисных манипуляций Соединенных Штатов[2]. Чтобы предать суду 12 японских военнослужащих, участвовавших в бактериологической войне (Кавасима, Карасава, Ямада, Ниси, Кадзицука, Сато, Хиразакура, Митомо, Такахаси, Оноуэ, Кикучи, Курусима), советское правительство 25–30 декабря 1949 г. самостоятельно организовало военный трибунал в Хабаровске в Приморском крае, известный в российской историографии как «Хабаровский процесс»[3].

Исторические источники лежат в основе исторических исследований, и наиболее важные из них относятся к архивным документам. В настоящее время имеющиеся в распоряжении исследователей исторические источники о Хабаровском процессе весьма ограниченны. Это в определенной степени ограничивает изучение истории Хабаровского процесса. Сразу после завершения работы советского Приморского военного трибунала был опубликован сборник документов «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия»[4]. Он включает шесть разделов: 1) Документы предварительного следствия; 2) Показания подсудимых и свидетелей на суде; 3) Заключение экспертизы; 4) Речь государственного обвинителя; 5) Речи защитников; 6) Приговор военного трибунала.

Документы относительно полно отражают основное содержание и позицию «Хабаровского процесса». Примерно в конце 1990-х годов я учился в Институте Дальнего Востока Российской академии наук и купил русскую версию этой книги в книжном магазине на Тверской улице. Позже, вернувшись домой, я купил

китайскую версию на китайском сайте «Старые книги Конфуция». На сегодняшний день это единственный сборник документов, который служит незаменимым источником для китайских ученых, изучающих историю Хабаровского процесса, и представляет собой основной источник.

В 2014 г. был создан архив Института современной истории Китайской академии общественных наук и был начат проект «Коллекция редких архивов и материалов современной китайской истории за рубежом». Финансируемый Китайской академией социальных наук, проект направлен на сбор и копирование архивных материалов по вопросам современной истории Китая из архивов Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, России и Японии. Я конкретно отвечаю за сбор и обработку материалов, связанных с современной историей Китая в государственных архивах России. В июне 2018 г. я отправился в Российский государственный военный архив (РГВА), чтобы выявить документы о военной помощи Советского Союза Китаю во время Антияпонской войны, и время от времени находил архивные материалы о Токийском и Хабаровском процессах (Ф. 451. Оп. 20. Д. 1–70. 4133 л.). Дела №№ 48–70 содержат документы, связанные с Хабаровским процессом, включая протоколы судебных заседаний, судебные решения и др. документы по делу 12 военных преступников 731-го отряда Квантунской армии и подчиненных ему 100-го, 643-го и 162-го филиалов (1621 лист, включая 133 фотографии).

Если сравнить изданный сборник с архивными документами, хранящимися в РГВА, то можно обнаружить, что опубликованы только извлечения из документов, поэтому мы часто видим многоточие при их чтении.

Из исследований российских ученых, например В. С. Христофорова, известно, что в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России) также хранятся исторические источники о Хабаровском процессе (Д. № Н-20058. Т. 1–26). В этих делах содержится информация о японских военнопленных в Советском Союзе. Среди документов архива протоколы допросов и показания обвиняемых, показания свидетелей, дневники и др.[5] Что касается разницы между материалами о Хабаровском процессе, хранящимися в ЦА ФСБ России и РГВА, то она пока не выяснена.

Поскольку Хабаровский военный трибунал был проведен Советским Союзом в одностороннем порядке и не носил международного характера, сведения о военных преступлениях японцев, участвовавших в процессе, были неполными и ограниченными. Если посмотреть на документы Хабаровского процесса с точки зрения отражения в них бактериологической войны Японии в отношении разных государств, то они недостаточны и нуждаются в дополнении источниками на английском, японском и китайском языках. В связи с этим следует остановиться еще на двух моментах.

1. Помимо 12 офицеров, осужденных в Хабаровске, имеется много военных преступников, которые избежали суда, получив убежище в Соединенных Штатах. К ним относятся Исии Сиро, Масадзи Китано, Вакамацу Дзиро, Юкио Касахара, Хирохито и др. Чтобы судить японских военных преступников, советское правительство предприняло много усилий: во-первых, в конце 1949 г. был создан военный трибунал в Хабаровске. И хотя Хабаровский процесс сам по себе не является международным, его можно рассматривать как дополнение к Токийскому международному процессу, а также как противодействие укрывательству Соединенными Штатами японских военных преступников. Во-вторых, 1 февраля 1950 г. посол СССР в США направил официальную ноту правительству Соединенных Штатов с предложением о создании международного военного трибунала с участием Советского Союза, Соединенных Штатов и Китая для рассмотрения дел пропавших японских военных преступников[6], которые производили и использовали бактериологическое оружие, но правительство Соединенных Штатов отказалось. Хотя из-за сопротивления Соединенных Штатов японские военные преступники не были преданы суду Токийского международного военного трибунала, совершенные ими военные преступления против человечности, связанные с бактериологическим оружием, объективно существуют и не могут быть забыты. Как известно, после войны Соединенные Штаты оккупировали Японию и получили большой объем информации о разработках бактериологического оружия[7]. Поэтому данные его испытаниях и ведении бактериологической войны японской армией на обширном пространстве Тихоокеанского театра военных действий, особенно в Китае, в основном хранятся в Соединенных Штатах и Японии. Мы должны тщательно собрать и исследовать эти данные, чтобы полностью разоблачить прошлые преступления Японии и предупредить будущие поколения.

2. Основной целью Хабаровского судебного процесса было преследование попыток Японии развязать бактериологическую войну в отношении Советского Союза, при этом игнорировались преступные действия японской армии по производству бактерий и ведению бактериальной войны в Китае. Например, при допросе генерал-майора медицинской службы Сато, который служил командующим 1644-м и 8604-м бактериологическими отрядами, не рассматривались действия этих отрядов в Китае. Хабаровский процесс прошел мимо преступлений 1855-го бактериологического отряда, дислоцировавшегося в Пекине. Фактически после Мукденского инцидента японские милитаристы тайно создали множество исследовательских баз бактериологического оружия в Китае, нагло занимаясь производством инфекций, таких как чума, сибирская язва, холера, брюшной тиф и т.д. С одной стороны, в процессе производства бактериологического оружия японцы использовали тайно арестованных людей – антияпонских бойцов для проведения экспериментов на живых людях. Ими было убито более 4 тысяч китайцев, монголов и советских людей. С другой стороны, японцы широко

использовали бактериологическое оружие на поле боя в Китае против простых китайцев. Согласно неполной статистике, во время японского вторжения в Китай бактериальная война велась более чем в 20 провинциях и городах, таких как Чжэцзян, Цзянси и Хунань. Возьмем в качестве примера Чандэ, провинция Хунань, где бактериальная война была самой тяжелой и серьезной. «Бактериальная война, проведенная Японией в ноябре 1941 года, привела к тому, что 8 округов и 25 поселков в Чандэ пострадали от чумы, а число жертв достигло 7 643 человек»[8].Согласно исследованию ученых, «японские бактериологические отряды совершили бактериальные атаки на более чем 20 провинций и городов материкового Китая. Вспышка распространилась на 298 округов, унеся около 2,37 миллиона пациентов, из которых около 650 000 умерли»[9].

Ввиду большого вреда, причиненного китайскому народу бактериологической войной японской армии, правительство Китая и китайские ученые приняли различные меры для сбора исторических источников по истории бактериологической войны в Китае во время японского вторжения и добились больших успехов. Наиболее важными результатами этой работы являются: 1) Доклад Международного научного комитета по расследованию бактериологической войны в Северной Корее и Китае (Научный вестник. Спец. выпуск по борьбе с бактериологической войной. Китайская академия наук, 1952); 2) Совместно отредактировано Центральным архивом Китая, Вторым историческим архивом Китая и Академией общественных наук Цзилиня: «Избранные архивы японского империалистического вторжения в Китай. Бактериологическая война и война с ядовитым газом» (Китайский книжный магазин, 1994); 3) Составлено Архивами провинции Ляонин: «Грешные 731 и 100 отряды: Антология архивов и исторических материалов о японских бактериологических войсках в Китае» (Этническое издательство провинции Ляонин, 1995); 4) Совместно отредактировано Центральным архивом Китая, Вторым историческим архивом Китая и Академией общественных наук Хэбэя: «Архивы преступлений японской агрессии в Северном Китае. Т. 5: Бактериологическая война; Т. 6: Война с ядовитым газом (Народное издательство Хэбэя, 2005); 5) «Записи о преступлениях 731-го отряда японских захватчиков» под ред. Цзинь Чэнмина (China Peace Publishing House, 2015. 60 т.).

Вышеупомянутые публикации являются важным дополнением к источникам о Хабаровском процессе. Только при наличии достаточных исторических данных мы можем полностью раскрыть преступления Японии против человечности в бактериологической войне и предупредить будущие поколения.

Таким образом, Хабаровский процесс продемонстрировал человеческую справедливость и стал первым в истории судом над преступниками бактериологической войны, разоблачившим чудовищные преступления японских захватчиков против человечества. Хотя Хабаровский процесс был ограниченным, не носил международного характера и в силу этого многие японские военные преступники избегли наказания, мы должны полностью подтвердить его прогрессивное значение.

В современном мире некоторые страны в собственных интересах пытаются скрыть или отрицать свои чудовищные преступления против человечества, невзирая на международное и человеческое правосудие, и пытаются унизить или отрицать великие достижения Советского Союза и Китая в антифашистской войне. Мы должны решительно осудить такое поведение.

Примечания

[1] *Христофоров В. С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа. Т. 8. С. 234.

[2] *Чэнь Чжи юань, Чжу Цин жу.* Обзор исследования истории японской бактериальной войны в стране и за рубежом за последние 60 лет // Исследование войны сопротивления против Японии. 2011. № 2.

[3] См.: Стенограмма Хабаровского процесса. М., 1950.

[4] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 539. Китайская версия была несколько раз переиздана в Китае. См.: 1949: Хабаровский процесс / Под ред. Цзян Ли. Издательство литературы и искусства Народно-освободительной армии, 2004; Серия исследований о потерях китайского населения и материальных потерях во время Антияпонской войны: Архивы Хабаровского процесса: Раскрытие преступлений японских бактериологических станций. Изд. Истории Коммунистической партии Китая, 2016.

[5] *Христофоров В. С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России. Великая Победа. Т. 8. С. 229.

[6] Цзе Фан Жи Бао: газета. 1950. 3 февр.

[7] *Harris Sh. H.:* Factories of Death Japanese Biological Warfare 1932–1945 and the American Cover-up. L. & N.Y., 2002. Рассекреченные документы японского вторжения в Китай показывают, что результаты исследований 731-й отряда были переданы Соединенным Штатам (См.: Reference News, 2007, January, 19).

[8] Резюме Международного симпозиума по бактериологическим военным преступлениям // Исследование о антияпонской войне. 2003. № 1.

[9] *Се Чжун хоу.* Исследование о количестве жертв среди китайских военных и гражданского населения, вызванных японскими бактериологическими войсками в Китае в результате войны // Wuling Journal. 2010. № 5.

陈开科[1]

哈巴罗夫斯克审判的历史资料问题

第二次世界大战结束后, 世界反法西斯同盟国分别在东, 西方组织了国 际军事法庭，对德、意、日等法西斯侵略国家的甲级战犯进行了审判。欧洲同盟国军事法庭于 1945 年 11 月 20 日在纽伦堡开庭，迄 1946 年 10 月 1 日; 远东国际军事法庭于 1946 年 5 月 3 日在东京开庭，迄 1948 年 11 月 12 日[2]。 发动战争屠杀人类的德、意、日三国的甲级战犯终 于遭到合法审判。在此基础上，立足于和平主色调，确立了新的世界国际政治秩序，彰显了人类正义。然而，令人奇怪的是，在东京审判中，制造和使用细菌武器的日本战犯由于美国的幕后操纵却未能得到应有的法律审判[3]。为了使实施细菌战的日本战犯受到法律和正义的审判，苏联政府独自在远东滨海边疆区的哈巴罗夫斯克组织军事法庭, 于 1949 年 12 月 25 日至 30 日对日本细菌战 12 名战犯 (Кавасима, Карасава, Ямада, Ниси, Кадзицука, Сато, Хиразакура, Митомо, Такахаси, Оноуэ, Кикучи, Курусима) 进行审判, 俄罗斯史学界称为“哈巴罗夫斯克 审判”[4]。

历史资料是历史研究的基础, 而其中最重要的又要属“档案资料”。关于哈巴罗夫斯克审判的俄文史料，就目前情况而言不是太丰富，尚处于挖掘阶段。这在一定程度上制约了“ 哈巴罗夫斯克审判” 问题的研究。

1949 年底苏联滨海边疆区军事法庭对 12 名日本细菌战犯进行审判后 ，莫斯科立即出版了相关的史料“选辑” – «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия»[5]， 并翻译成汉、英、法、 日等多种文字。内容包括六个部分：1) Документы предварительного следствия; 2) Показания подсудимых и свидетелей на суде; 3) Заключение экспертизы; 4) Речь государственного обвинителя; 5) Речи защитников; 6) Приговор военного трибунала。比较全面地反映了“哈巴罗夫斯克审判” 的基本内容和立场。大约在 20 世纪 90 年代末， 我在俄罗斯科 学院远东 研究所留学。记得曾在特维尔大街书店地下一层“旧书店”购买到该书的俄文版。后来，回国后，又在中国“孔夫子旧书网”上买到汉文版。这是我所见唯一的有关“哈巴罗夫斯克审判”的档案资料集。是迄今为止中国学者研究“哈巴罗夫斯克审判”历史的唯一档案资料集，具有无可替代的基础资料作用。

2014 年，我所工作的单位一 中国社会科学院近代史研究所档案馆成立, 开始启动“海外中国近代史珍稀档案资料的收集”工程。该工程由中国社会科学院资助，旨在从英、法、美、俄、日各国档案馆收集复制有关近代中国历史问题的档案资料。我具体负责收集整理俄罗斯各国立档案馆藏有关中国近代历史的资料。2018 年 6 月，我到俄罗斯国立军事档案馆 （РГВА） 查阅有关抗日战争时期苏联对华军事援助的档案，偶尔查到了有关东京审判和哈巴罗夫斯克审判的档案资料：Ф. 451. Оп. 20. Д. 1–70, 共计 4133 页。 其中案卷 48–70 即有关 “哈巴罗夫斯克审判”的档案，包括滨海军区 军事法庭审讯庭审讯日本关东军 731 细菌部队及其下属第 100. 643. 162 部队共 12 名战犯的审讯记录、 判决书、 案情分析等， 共 1621 页， 其中照片 133 张。

如果我们将 «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» 与收藏于俄罗斯国立军事档案馆的档案资料 (Ф. 451. Оп. 20. Д. 48–70）比较，就会发现：«Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» 只是 – 个资料摘录。这也是我们在阅读该资料集时，经常发现省略号 “…” 的原因.

此外，我们在阅读部分俄国学者如 В. С. Христофоров 的著述时， 发现在俄罗斯联邦安全署中央档案馆 Центральный архив Федеральной службы безопасности России 亦收藏有关于“哈巴罗夫斯克审判” 的历史资料。这些资料主要收藏在 (ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 1–26). 由于我本人没有亲自到该档案馆查阅这些档案，所以档案的页码总数则不清楚。该档案主要包括苏联所有日本战俘的历史资料，其中包括哈巴罗夫斯克审判中12名日本细菌战犯的审讯资料，如战犯的证词、日记、证人证言、审讯记录等[6]。至于该档案馆所保存的这些哈巴罗夫斯克审判档案的内容与前述俄罗斯国立军事档案馆的类似档案有何区别，则不得而知。

目前，有关哈巴罗夫斯克审判的档案资料，我所知就这些了。仔细思考，由于哈巴罗夫斯克军事法庭由苏联单方面组成，不具备 “国际性”， 所以，庭审中涉及的日军细菌战罪行史料受到限制。如果从整个二战时期日军细菌战的视野来看，哈巴罗夫斯克审判的历史资料显然很不完善，亟待英文、日文和中文资料的补充。

1.众所周知，侵华日军从事细菌战的战犯除了哈巴罗夫斯克审判的那 12 名军官外，尚有很多战犯由于美国的庇护而免遭审判。这些战犯包括 Исии Сиро, Масадзи Китано, Вакамацу Дзиро, Юкио Касахара, Хирохито 等。为了审判日本细菌战犯，苏联政府做了多方努力：一 是 1949 年底独 自成立军事法庭在哈巴罗夫斯克审判部分日军细菌战犯。哈巴罗夫斯克审判虽然本身不具备 “国际性”， 但他既可以看作是东京国际审 判的补充 ， 也含有抵抗美国庇护日军战犯行为的意义；二是 1950 年 2 月 1 日， 苏联驻美大使曾正式照会美国政府，要求合作成立苏、美、中国际军事法庭，审判遗漏的日军细菌战犯[7]，但遭到了美国政府的抵制。日军细菌战犯虽然因美国的阻力未经东京国际军事法庭审判，但他们所犯下的细菌战反人类罪行确实客观存在，不容抹杀。众所周知：美国在战后军事占领了日本本土，获取了大量日本细菌武器和细菌战的情报资料[8]。因此，二战中日军在太平洋战场的广泛空间尤其是在中国进行

细菌武器试验及实施细菌战的资料主要保存在在美国和日本。我们应该努力将这些资料挖掘、整理问世，以全面揭露日本从事反人类细菌战的罪行，警示后人。

2.哈巴罗夫斯克审判的主要目的在追究日军对苏联的细菌战企图和活动，比较忽略日军在华制造细菌和实施细菌战的犯罪行为。例如在审讯曾担任1644 和 8604 细菌部队指挥官的 Сато 军医少将时，竟没有追究 1644、 8604 细菌部队在华实施细菌战的情况。同时，哈巴罗夫斯克审判根本没有注意到驻扎北京的细菌部队 1855 实施细菌战的罪行。 实际上，九一 八事变后， 日本军国主义者即在中国战场秘密建立了很多细菌武器研究基地，肆无忌惮地制造鼠疫、炭疽、霍乱、伤寒等传染性细菌武器。一方面，在制造细菌武器的过程中，使用密捕的抗日志士进行人类活体实验，残杀了中国人、苏联人和蒙古人达四千多人。其罪行累累，可谓罄竹难书；另一方面，日军在中国战场大肆使用细菌武器，毒害中国百姓。据不完全统计，日军在侵华期间，在浙江、江西、湖南等 20 多个省市进行了细菌战。 以细菌战最难最为严 重的湖南常德地区为例，«1941年11月日本实施的细菌战，造成常德地区 8 个县、 25 个乡遭受鼠疫的侵害， 受害人数达7643人»[9]。 据有关学者研究： “日军细菌战部队在中国大陆对 20 个以上省市实施了细菌攻击， 疫情爆发 蔓延 298 个县（旗），造成患者约 237 万人，其中死亡约 65 万人”[10]。

鉴于日军在华实施细菌战给中国人民所带来的巨大危害，中国政府和中国学者采取各种措施，挖掘日军侵华期间在华实施细菌战的历史资料，取得了巨大成就。已经出版的比较重要的有：

（1）《国际科学委员会调查在朝鲜和中国的细菌战事实报告书》,《科学通报一反细菌战特刊》,中国科学院 1952 年版；

（2）中央档案馆、中国第二历史档案馆、吉林省社会科学院合编：日本帝国主义侵华档案资料选编·细菌战与毒气战，中华书局，1994 年；

（3）辽宁省档案馆编:《罪恶的 “七三一” “一00” 一侵华日军细菌 部队档案史料选编》, 辽宁民族出版社 1995 年版；

（4）中央档案馆、中国第二历史档案馆、河北省社会科学院合编：《日本侵略华北罪行档案》，第 5 卷《细菌战》、第 6 卷《毒气战》，河北人 民出版社, 2005 年；

（5）金成民主编：《侵华日军第七三一部队罪行实录》（全 60 册）, 中国和平出版社，2015 年。

上述这些资料无疑是哈巴罗夫斯克审判资料的重要补充。只有掌握充足的历史资料，才能彻底揭露日本进行细菌战的反人类罪行，警示后人。

总之，哈巴罗夫斯克审判是人类历史上首次对细菌战战犯的审讯，揭露了日本侵略者残害人类的滔天罪行，彰显了人类正义。尽管其本身具有–些缺陷如“国际性不足”、许多日本细菌战战犯漏网等等，但我们应该充分肯定其进步意义。现今世界，极少数国家为了自己的私利，不顾国际和人类公义，试图隐瞒、否认自身对人类所犯下的滔天罪行，试图贬损、否认苏联和中国在第二次反法西斯战争中的丰功伟绩，我们要坚决谴责。

---

[1]中国社会科学院近代史研究所研究员、中国社会科学院大学教授，中国中俄关系史研究会秘书长（法人代表）.

[2] *Христофоров В. С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа. Т. 8. С. 234.

[3]陈致远、朱清如：《六十年来国内外日本细菌战史研究述评》，《抗日战争研究》201 年第 2 期.

[4] См.: Стенограмма Хабаровского процесса. М., 1950.

[5] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 539. 汉文版于 2004 年、2016 年在中国多次重版. 姜力编：《1949：伯力大审判》， 解放军文艺出版社，2004 年； 抗日战争时期中国人口伤亡和财产损失调研丛书： 《伯力审判档案：日军细菌站罪行披露》, 中共党史出版社, 2016 年.

[6] *Христофоров В. С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа. Т. 8. С. 229.

[7]《解放日报》1950 年 2 月3日.

[8] *Harris Sheldon H.* Factories of Death Japanese Biological Warfare 1932–1945 and the American Cover-up. London and New York, 2002. 《侵华日军菌战解密文件显示: 731 部队研究成果移交美国》, 《参考消息》2007年1月19日.

[9] 《“细菌战罪行国际学术研讨会”综述》, 《抗日战争研究》2003 年第 1 期.

[10] 谢忠厚:《日本侵华细菌战伤害中国军民人数问题之研究》, 《武陵学刊》2010 年第 5 期.

М. В. Супотницкий,
главный специалист ФГБУ «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации

Хабаровский процесс и его актуальность сегодня

Аннотация

Япония приступила к созданию бактериологического оружия в 1932 г. В качестве наиболее перспективного поражающего агента японские военные рассматривали возбудитель чумы. Основная цель применения бактериологического оружия – геноцид населения СССР. Его разработка и производство осуществлялись в отряде 731 в 20 км от Харбина. Основным союзником Японии в разработке и применении БО была панская Польша. Благодаря проведенному в 1949 г. Хабаровскому процессу и публикации его документов мы сохранили за собой историческую память и моральное право говорить правду о той войне.

Ключевые слова: Вторая мировая война, бактериологическое оружие; головневые грибы; Исии Сиро; отряд 731; план «Кантокуэн»; сибирская язва; Халхин-Гол; холера; чума.

M. V. Supotnitskiy,
Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Khabarovsk War Crime Trials and its relevance today

Abstract

Japan began to develop bacteriological weapons (BW) in 1932. The Japanese military considered the causative agent of the plague as the most promising damaging agent. The main purpose of using BW is the genocide of the population of the USSR. The main ally of Japan in the development and use of BW was the Poland. Thanks to the Khabarovsk War Crime Trials held in 1949 and the publication of its documents, we have retained our historical memory and the moral right to speak the truth about that war.

Keywords: World War II, anthrax; bacteriological weapons; Battles of Khalkhin Gol; cholera; glanders; Ishii Shiro; Kantokuen, Khabarovsk War Crime Trials; plague; Unit 731.

В 1930-е гг. у японских правительственных кругов было понимание ограниченности ресурсов страны, не позволявшее вести захватнические войны при столкновении с крупными державами. Поэтому к предложению майора медицинской службы Исии Сиро (1892–1959), совершившего разведывательную поездку в Европу и США в 1928–1930 гг., начать собственную программу создания бактериологического оружия (БО) отнеслись очень серьезно. В августе 1932 г. Исии возглавил организованную им при Военно-медицинской академии лабораторию профилактики эпидемических болезней в японской армии, которая располагалась в Токио, в квартале Вакамацу района Синдзюку. В июне 1936 г. по секретному указу японского императора Хирохито в районе близ поселка Пинфан провинции Биньцзян, удаленного от центра Харбина к югу приблизительно на 20 километров, начато строительство крупного военного объекта, вошедшего в историю Второй мировой войны как «Маньчжурский отряд 731» (далее – отряд 731). Отряд подчинялся непосредственно командующему Квантунской армией. С этого момента японская программа по созданию БО вошла в апогей своего развития, очень дорого обошедшийся населению Китая, СССР и Кореи[1].

План «Кантогун токусю энсю» («Особые манёвры Квантунской армии», сокращённо «Кантокуэн») – план нападения Японии на СССР, разработанный в 1941 г. и увязанный по срокам с немецким планом «Барбаросса». Предусмотренному планом «Кантокуэн» нападению на СССР было дано название: «Сибирский поход японской армии» – «Тэйкоку Рикугун». Объявление войны СССР было намечено на 10 августа 1941 г., сразу после ожидавшегося странами Оси захвата немецкой армией Москвы. Этот план предполагал применение бактериологического оружия[2].

Подготовка офицеров и унтер-офицеров по освоению и применению бактериологического оружия начата в июле 1941 г. В случае войны бактериологическое оружие предполагалась применять авиацией по тылам Красной армии, по Чите, Хабаровску, Уссурийску, Благовещенску[3].

Чума. В качестве основного поражающего агента японские военные рассматривали возбудитель *чумы*. Чума – это не просто эпидемическая болезнь. Это тяже-

лая психологическая травма из прошлого, страх перед чумой столетиями сидит в генах людей. Основной способ применения возбудителя чумы – ингаляционный. Летальность заболевших легочной чумой в то время 100%. Ингаляционным способом они также предполагали применять возбудителей сибирской язвы и сапа. Для этого японские военные разрабатывали авиационные диспергирующие приборы и специальные бомбы. К концу войны в полигонных условиях испытывалась бомба, позволяющая распылять опасные бактерии на заданной высоте с учетом рельефа местности – идеальный способ ведения бактериологической войны[4].

На мирных жителях Китая японцы отработали *способ инициации вспышек легочной чумы* через продукты питания. Возбудитель чумы попадает в легкие через лимфатические узлы верхних дыхательных путей и гортани[5], что значительно облегчало такую задачу.

Вот как описал бывший сотрудник отряда Хироси Акияма (1958) один такой эксперимент:

«…Пришли в деревню около полудня. В ней насчитывалось не больше двадцати дворов. …Когда мы расположились в тени и развернули свои завтраки, ребятишки, до сих пор застенчиво державшиеся поодаль, подошли ближе. Сагава, достав из вещевого мешка сладкие пирожки с бобовой начинкой, оделил ими каждого.

…Прошло несколько дней. По отрывочным словам, доносившимся из лаборатории, я понял, что в деревне, где мы были, вспыхнула чума. …Работники лаборатории потом по очереди должны были ездить в эту деревню, чтобы наблюдать за тем, как протекает эпидемия, и на месте испытывать эффективность лечебных препаратов. …Все дети, которых Сагава оделил сладкими пирожками, заболели легочной формой чумы, и некоторые уже умерли. В деревне появлялись новые больные. Примерно через неделю деревня была сожжена. Возможно, не все жители умерли от чумы, но так как опыт следовало держать в строгой тайне, то говорили, что все оставшиеся в живых были расстреляны»[6].

Для того, чтобы вызвать *вспышки бубонной чумы* на территории города или даже крупного региона, японцами производился сброс с самолетов зараженных грызунов и блох. Их сбрасывали в специальных контейнерах. Замысел состоял в том, что сначала вызывается чума среди грызунов, тем самым создавались условия для толчка к развитию эпидемии. Потом заразившиеся на местных крысах блохи расползаются по домам людей и вызывают вспышку бубонной чумы уже по всему городу. Летальность среди заболевших бубонной чумой – 50–70%. Но у части больных бубонная чума может перейти в легочную. И далее эпидемия чумы выйдет за пределы очага уже как легочная. Такой способ распространения чумы был отрепетирован в Китае. Делалось это следующим образом. Рано утром над китайским городом появлялась японская авиация, на бреющем полете самолеты расстреливали жителей на улицах, загоняя их в подвалы. Потом появлялись другие самолеты, которые сбрасывали зараженных блох, а для того, чтобы выманить городских крыс, сбрасывали зерно. Когда звучал сигнал «отбой воздушной тревоги», обычно все блохи успевали расползтись по подвалам. Аналогичный способ биологического нападения в 1952 г. широко использовали в Корее американцы, они называли его японским[7].

Технологии убийств. Прежде чем принять на вооружение образец бактериологического оружия, его испытывали на людях. Всего в отряде 731 было уничтожено не менее 3 тысяч подопытных людей[8]. Генеральным штабом Японии были утверждены три способа ведения бактериологической войны против СССР: распыление бактерий с самолетов, сбрасывание бактериологических бомб и диверсии. Диверсионные операции против личного состава Красной армии предполагалось проводить через воду, используя возбудитель *холеры***.** Летальность заболевших при холере при существовавших тогда способах лечения могла достигать 50%. Возбудителем *сибирской язвы* предполагалось заражать продукты питания, водоисточники. Летальность кишечной сибирской язвы составляла 100%. Для нанесения ущерба народному хозяйству СССР путем распространения эпизоотий предполагалось использовать возбудители *сапа, сибирской язвы, чумы рогатого скота и оспы овец.* Вызвать голод среди населения СССР японцы надеялись путем рассеивания *головневых грибов* с самолетов над полями, засеянными злаковыми растениями[9].

Для индивидуальных убийств командиров Красной армии высшего ранга и представителей политического руководства СССР в 731-м отряде изучался и нарабатывался смертельный нервнопаралитический яд – *тетродотоксин*. Разрабатывались технические средства применения тетродотоксина[10].

Диверсионные операции предполагалось проводить при непосредственном соприкосновении с частями Красной армии, в ближайшем тылу и при отступлении, на территориях, захватываемых нашими войсками[11].

С 1942 г. японцами проводилась тщательная разведка пограничных районов СССР. К 1945 г. в отряде 731 уже имелся огромный запас географических карт, собранных для ведения бактериологической войны[12].

Первую бактериологическую диверсию против Красной армии японские военные осуществили в районе Халхин-Гола в 1938 г., заразив реку Халка бактериями брюшного тифа. Успех этой операции стал импульсом к дальнейшему развитию 731-го отряда[13].

Последнюю диверсию они осуществили 25 августа 1945 г. в Маньчжурии, т.е. уже после капитуляции японской армии 15 августа. Тогда они заразили сапом лошадей и выпустили их, после чего в Маньчжурии, в наших войсках и у местных жителей вспыхнули эпизоотии сапа среди лошадей[14].

Польша – забытый подельник японских создателей бактериологического оружия[15]. Когда мы говорим о 731-м отряде, то обычно упускаем, что у японцев был союзник – панская Польша. Польская разведка сотрудничала с японской разведкой с 1925 г. В начале 1930-х гг. в Варшаве в Военном институте защиты от газов была организована секретная лаборатория – «двойка», которая занималась изучением поражающего действия возбудителей чумы, холеры, дизентерии, сальмонеллеза, брюшного тифа, сапа и ботулинического токсина (они называли

его «колбасный яд»). В 1933 г. руководителем «двойки» стал доктор Ян Гольба. В 1936 г. на территории «двойки» в Варшаве состоялась тайная конференция, на которую прибыла японская делегация из Главной базы Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии в Харбине. Гольба прочитал доклад о возможности заражения людей во время военных действий возбудителями брюшного и сыпного тифов, дизентерии, сибирской язвы и сапа. Языком общения был русский.

Испытания эффективности полученных препаратов ботулинического токсина проводили на русских людях, которых польские спецслужбы считали шпионами. Ботулинический токсин добавлялся в пищу будущей жертве. Смерть наступала через несколько дней и была мучительна.

В 1937 г. в Брестской крепости была построена камера площадью 9 м^2 для ингаляционного заражения людей. В одной из стен было окошко для распыляющего прибора. Важной уликой, указывающей на то, что в Бресте на самом деле проводили эксперименты на людях, является письмо, которое в мае 1955 г. доктор Гольба послал Генеральному прокурору ПНР.

«Я действительно проводил на опытной станции в Бресте на Буге опыты с болезнетворными микробами над индивидуумами. Это факт, которого я не отрицаю», – писал Гольба. Потом объяснял: «Задача на выполнение этих исследований давалась мне моими начальниками в виде военного приказа. Перед совершением опытов мои начальники утверждали, что лица, над которыми данные опыты будут проводиться, приговорены к смертной казни, и их дела апелляции не подлежат». Далее он объяснял, что был убежден, что так может наилучшим образом служить родине, которой угрожают внешние враги. По протоколам, составленным «сталинскими следователями»[16], семь неопознанных лиц, ставших подопытными в экспериментах, доставлял в Брест начальник III секции «двойки» подполковник Юзеф Скшидлевский. После смерти заключенного его тело растворяли в керамической ванне, наполненной смесью соляной кислоты с добавками сероуглерода и концентрированной азотной кислоты. Проблема у «экспериментаторов» была в том, что кости не всегда растворялись. Но паны как-то решали и эту проблему.

Когда началась война, Гольбе и его подручным удалось сбежать в Великобританию. Там их направили в Портон Даун – британский центр по разработке химического и биологического оружия, где они подобнейшим образом рассказали о своих достижениях. Особенно британцев интересовали успехи поляков в лиофильной сушке опасных патогенов. Британцы в то время работали над созданием бактериологической бомбы, использующей для поражения людей споры сибирской язвы. Такая технология им была крайне нужна. Гольба и его сподвижники вернулись в Польшу при Временном правительстве национального единства во главе с Эдвардом Осубкой-Моравским. Но пришедшие в 1947 г. к власти в Польше коммунисты во главе с Болеславом Берутом воздали им должное.

Несостоявшийся Варшавский процесс. В Российском государственном архиве социально-политической истории сохранилась записка, датированная сентябрем 1952 г., подписанная министром иностранных дел Андреем Вышинском и Генеральным прокурором СССР Григорием Сафоновым и направленная Сталину. Из нее можно понять, что согласно решению ЦК ВКП(б), принятому 10 июня 1952 г., в Варшаву послали представителя Прокуратуры СССР П. А. Кульчицкого с целью ознакомления с материалами дела против бывших работников довоенного польского Главного штаба, который являлся организатором подготовки к бактериологической войне против Советского Союза, а также в целях установления целесообразности проведения такого процесса. В сентябре 1952 г. Политбюро ВКП(б) приняло постановление о крайней желательности проведения в Польше процесса по типу Хабаровского. А когда подготовка к процессу завершилась, в марте 1953 г. внезапно умер Сталин и от идеи публичного процесса отказались.

Заключение.

Значение взятых в сопоставлении по политическим последствиям Хабаровского и несостоявшегося Варшавского процессов состоит в том, что они преподносят серьезный урок современной России. Политкорректность в отношении совершенных преступлений, их замалчивание под любым предлогом обеляют преступников, создают преступникам ореол жертвы, и они обязательно им воспользуются, как, например, та же Польша – «гиена Европы», по выражению Черчилля[17]. Ждут еще своего расследования террор и геноцид, совершенные в отношении русского населения на бывших территориях СССР. Не получили заслуженного возмездия участники нацистских батальонов, устроивших геноцид в отношение жителей Донбасса. Приспешниками нацисткой Германии была не только Япония, но и Италия, Испания, Румыния, Словакия, Венгрия, эсэсовские формирования других европейских стран, Западной Украины, Прибалтики. Все они творили чудовищные преступления на территории СССР. И память о жертвах тех преступлений должна быть восстановлена, зафиксирована в документах, преступники, ушедшие от наказания, должны быть названы. И если бы не инициатива министра внутренних дел С. Н. Круглова и дальновидность Сталина, мы бы сегодня ничего не знали ни о планах Японии по уничтожению населения СССР бактериологическим оружием, ни о тех жертвах среди русских и китайцев, которые были принесены молоху бактериологической войны в 731-м отряде, и вообще ничего о 731-м отряде. Как мы не знаем о преступлениях польской «двойки» и их доморощенного Исия – пана Яна Гольбы. Не будь Хабаровского процесса, Россию заставляли бы бесконечно каяться за вступление в 1945 г. в войну против Японии на стороне западных союзников. Если бы Россия, как образно заметил заместитель Генерального прокурора России А. Г. Звягинцев[18], «посыпала голову пеплом» якобы «за совершенные в ходе Советско-японской войны преступления», то современная Япония, может быть, смилостивилась бы над ней в каких-то вопросах. Но благодаря Хабаровскому процессу и публикации его документов мы сохранили за собой историческую память и моральное право говорить правду о той войне.

Примечания

[1] *Моримура С.* Кухня Дьявола. М., 1983.
[2] *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011.
[3] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.
[4] *Моримура С.* Кухня Дьявола. М., 1983.
[5] *Кулеша Г. С.* К патологической анатомии легочной чумы. Поражение при легочной чуме слизистых оболочек верхних дыхательных путей // Вестник микробиологии и эпидемиологии. 1924. Т. 3. С. 239–243.
[6] *Акияма Х.* Особый отряд 731. М., 1958.
[7] Доклад международной научной комиссии по расследованию фактов бактериологической войны в Корее и Китае. Пекин, 1952.
[8] *Моримура С.* Кухня Дьявола. М., 1983.
[9] *Моримура С.* Кухня Дьявола. М., 1983; Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии… М., 1950.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] *Акияма Х.* Особый отряд 731. М., 1958; *Звягинцев А. Г.* Апокалипсис по-японски. М., 2019.
[14] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии… М., 1950.
[15] История польской программы создания бактериологического оружия и несостоявшегося Варшавского процесса приведена по работе Анджея Краевского, использовавшего рассекреченные послевоенные документы польского МИД, Управления безопасности и прокуратуры. См.: *Краевский А.* Бутерброд со смертью // Focus.pl. 2009. 10 июня (URL: http://perevodika.ru/articles/12652.html; URL: https://bonmo-zametki.livejournalcom/2796.html; дата обращения: 01.08.2021).
[16] Странная логика прослеживается и в формулировках пана А. Краевского. С одной стороны, присутствуют некие «сталинские следователи», расследующие массовые убийства, – это как бы плохо. С другой – серийные убийцы, использовавшие для убийств биологические агенты, но ведь они жертвы «сталинских следователей».
[17] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. первая. Т. 1. М., 1991.
[18] *Звягинцев А. Г.* Апокалипсис по-японски. М., 2019.

В. Н. Плигин,
сопредседатель Ассоциации юристов России

Роль общественных организаций и иных институтов гражданского общества в борьбе за незыблемость принципов гуманизма

Аннотация
Автором рассматривается проблема «размывания» и забвения в современном мире важнейших принципов гуманизма и роль общественных организаций в их возвращении в жизнь общества.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский судебный процесс, принцип гуманизма, гуманитарные принципы, общественные организации.

V. N. Pligin,
Co-Chairman of the Association of Lawyers of Russia

The role of public organizations and other civil society institutions in the struggle for the inviolability of the principles of humanism

Abstract
The author considers the problem of “blurring” and oblivion in the modern world of the most important principles of humanism and the role of public organizations in their return to society.
Keywords: World War II, Khabarovsk trial, the principle of humanism, humanitarian principles, public organizations.

Тема Хабаровского судебного процесса и его решений имеет принципиальнейшее значение с точки зрения принципов гуманизма, которые были зафиксированы в международном праве после Второй мировой войны.

Мировое сообщество, которое было шокировано преступлениями против человечности, сделало многое для того, чтобы каким-то образом отреагировать на них и найти способ этой реакции. Это Всеобщая декларация прав человека, это множественные Конвенции, и центральным институтом этих конвенций был гуманизм. Была попытка вновь возвратить человека в исторический процесс, найти способ защитить человека. Однако прошел совершенно небольшой период

времени, и те вещи, о которых говорили и которые нашли отражение во многих декларациях, к сожалению, начали забываться.

Мы можем с вами вспомнить совсем недавние события. В 1994 г. в одной из стран в течение нескольких дней было убито от 500 тысяч до 1 млн 100 человек, в другой стране правящий режим уничтожил практически треть своего населения – это все современные события, которые происходят сейчас. Один из вызовов, с которым встретятся цивилизованные страны, – это найти решение той проблемы, которая сейчас возникает, трагедии в Афганистане.

Возвращение ценностей справедливости и гуманизма, воспитание этих ценностей становятся центральной проблемой в связи с тем, что современная система международных отношений быстро меняется, причем настолько быстро и вне каких-либо правил, что невозвращение к категориям гуманизма может сыграть достаточно злую шутку с нами.

Россия всегда оставалась во главе гуманитарного процесса. Этот процесс характерен не только для последнего периода. Россия была инициатором ряда конференций, которые проходили в Гааге в 1899 и 1907 годах, где была принята Международная конвенция о законах и обычаях войны, заложившая основу норм международного гуманитарного права. И эту роль России мы должны всячески подчеркивать, понимая, что наша страна была во главе этого процесса. Несомненно, что в российской армии так же, как и в других армиях мира, существуют определенные боевые традиции, преданность Родине, постоянная готовность к ее защите, но в истории российской и советской армии всегда акцентировалось внимание на гуманном отношении к поверженному врагу, пленным, населению зарубежных стран. Эта максима сопровождала всю нашу историю, начиная со времен Петра I, этих же принципов придерживались А. В. Суворов, М. И. Кутузов и многие другие полководцы.

Поэтому российские общественные организации делают многое для того, чтобы вернуть в повседневную практику принцип гуманизма, в том числе в воспитание нового поколения. При этом мы должны иметь в виду, что эта ценность становится крайне важной еще и в связи с тем, что происходит атомизация современного общества. В рамках атомизации сохранение основополагающих ценностей человечества имеет принципиальнейшее значение. Ассоциация юристов России принимает активное участие в этой работе. Весной 2020 г. в составе Ассоциации создана специальная профильная комиссия по юридическому наследию Второй мировой войны, международному гуманитарному праву (международное право в настоящее время подвергается системным вызовам, в ряде случаев практически уже разваливается), комиссия по военным преступлениям, преступлениям против человечности.

Наши специалисты готовы принять самое активное участие в формировании учебной программы в школах и вузах, внести свои предложения, которые касаются как истории, так и вопросов права, оценки тех действий, которые были совершены в годы Второй мировой войны. Мы проводили мероприятия не только в Российской Федерации, они нашли положительную оценку в Брюсселе, в Швеции и др.

Принцип гуманизма может быть возвращен в нашу жизнь и обиход только в том случае, если заметное число людей всего мира будут обращаться к этому принципу. Мы часто говорим о техническом прогрессе, однако он часто связан с обезличиванием человека, например, в способах ведения войны наблюдается абсолютное обесчеловечивание. Так, на мониторе пилота человек-жертва обозначается как точка. Нет ощущения человека, есть просто экранные вещи, экранное время, экранное уничтожение точки. Современное человечество нуждается в том, чтобы максимально вернуть в свою жизнь принцип гуманизма, и в этом стремлении мы должны объединиться.

Повестка сегодняшнего форума, посвященная производству и применению Японией бактериологического оружия, дает нам ужасные примеры бесчеловечности, и эти примеры должны демонстрироваться в том числе для того, чтобы через них вернуться к тем ценностям, которые были зафиксированы в международном праве после войны.

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Второе пленарное заседание

«Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в условиях современных политических и информационных вызовов»

С. Е. Нарышкин,
председатель Российского исторического общества
S. E. Naryshkin,
Chairman of the Russian Historical Society

Приветствие участникам Форума
Greetings to the Forum participants

Дорогие друзья!

3 сентября мы отмечали День окончания Второй мировой войны. Блестяще проведенная 76 лет назад Маньчжурская наступательная операция вошла в учебники как образец полководческого искусства. Сегодняшний разговор, возвращающий нас к этим событиям, имеет как научное, так и общественное значение. К сожалению, по-прежнему приходится слышать о том, что вступление Советского Союза в войну с Японией было ошибкой, что победа на этом театре военных действий могла бы быть достигнута и без участия Советского Союза. Порой нам пытаются вменить в вину и нарушение советско-японского пакта о взаимном нейтралитете, хотя это прямо противоречит фактам. Легко опровергнуть эти домыслы. Заключенный в 1941 г. Пакт о взаимном нейтралитете сохранял силу на протяжении пяти лет, однако уже в апреле 1945 г. нарком иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов сообщил японскому послу о денонсации этого договора. Продление Пакта стало бы тяжелым бременем для всей антигитлеровской коалиции. Еще на Ялтинской встрече лидеров «Большой тройки» в феврале 1945 г. Советский Союз взял на себя обязательство перед союзниками вступить в войну с милитаристской Японией, чтобы приблизить установление мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Если же говорить о серьезных нарушениях международного права, то начать следует с Женевского протокола 1925 г., прямо запрещающего использование бактериологического оружия. Поэтому сам факт создания таких подразделений, как печально известные отряды № 731 и № 100, свидетельствует о том, что японские милитаристы еще в 1930-е годы перешагнули границу допустимого на войне. Советскому руководству и, как полагаю, американскому было хорошо известно о случаях применения Японией бактериологического оружия. Японцы начали подготовку бактериологической войны вскоре после захвата Маньчжурии. Один из первых эпизодов боевого применения искусственно выведенных бацилл имел место на Халхин-Голе. Болезнетворные бактерии были выпущены в реку, но следует отдать должное советской разведке, наши части были об этом предупреждены и заблаговременно приняли меры защиты. А сами японцы по иронии судьбы понесли в этой атаке серьезные потери. К лету 1945 г. Квантунская армия была готова к ведению бактериологической войны в гораздо больших масштабах. В ее распоряжении имелись огромные запасы специально выведенных бацилл, способных вызвать массовые эпидемии. Существовали и средства их доставки, к примеру, керамические бомбы, зараженные блохами. Эффективность этого оружия многократно проверялось на

живых людях: китайцах, монголах, русских. Сегодня нам доподлинно известно, что бактериологическое оружие рассчитывали применить в районах Благовещенска, Уссурийска, Хабаровска и Читы. Однако, к счастью, этим планам японских милитаристов не суждено было сбыться.

Вот что сообщал на Хабаровском процессе бывший командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо: «Вступление Советского Союза в войну против Японии и стремительное продвижение Советской армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против Советского Союза и других стран». Красная армия спасла миллионы жизней, предотвратив использование оружия массового поражения.

Размышляя сегодня об этих событиях, мы далеки от того, чтобы осуждать весь японский народ. Милитаристское правительство не учитывало его интересы и привело страну к краху. Варварские атомные бомбардировки американцами городов Хиросима и Нагасаки – это наглядный пример того, как мирные граждане были вынуждены расплачиваться за ошибки и преступления своей военщины. У России нет ни территориальных, ни каких бы то ни было иных претензий к Японскому государству. С высоты сегодняшнего дня мы склонны утверждать, что ответственность за совершение военных преступлений является индивидуальной личной виной того, кто отдает или исполняет преступные приказы. Вместе с тем было бы исторически справедливым, чтобы официальный Токио согласился признать итоги Второй мировой войны. Я убежден, что такое решение послужило бы самой прочной основой для вывода развития двусторонних отношений на качественно новый уровень, позволяющий искать развязки по всем, в том числе и чувствительным вопросам.

Полагаю, что усилия форума должны быть обращены к нашим гражданам, нашей молодежи. Хотел бы поблагодарить врио Губернатора Хабаровского края М. В. Дегтярева, который еще в апреле, выступая в Доме Российского исторического общества на круглом столе, приуроченном к 75-й годовщине начала Токийского трибунала, предложил провести этот форум. Помню по совместной работе в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва, какое внимание Михаил Владимирович уделял историческому просвещению и патриотическому воспитанию молодежи.

Сегодня же в ходе форума нам предстоит обратиться к историческим фактам, в том числе малоизвестным, чтобы отчетливо понимать, какой огромной беды мы избежали на Дальнем Востоке, и отдать дань памяти тем, кто нас от этой беды уберег.

И. В. Краснов,
Генеральный прокурор Российской Федерации

Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в условиях современных политических и информационных вызовов

I. V. Krasnov,
Prosecutor General of the Russian Federation

Khabarovsk process as a key point of historical memory in the context of modern political and informational challenges

Сегодня мы вспоминаем далёкие события, связанные со Второй мировой войной на Дальнем Востоке. Как верно отмечено в названии нашего заседания, они стали важной отправной точкой для сохранения исторической памяти и справедливой оценки совершённых в те годы преступлений.

Проведённый в 1949 г. в Хабаровске по инициативе нашей страны процесс стал первым в мире судом над военными преступниками, участвовавшими в создании и испытании на людях биологического оружия. Он продемонстрировал твёрдую позицию Советского Союза в окончательном разгроме нацизма и неотвратимости наказания виновных в совершении особо изощрённых преступлений против человечности.

И, хотя Хабаровский процесс не носил международного статуса, общемировое гуманитарное значение его итогов трудно переоценить. Наряду с Нюрнбергским и Токийским трибуналами он лёг в основу базовых документов ООН и, несомненно, оказал воз-

действие на последующие запрет и полную ликвидацию бактериологического оружия.

Проведённому в Хабаровске процессу предшествовала кропотливая работа по сбору доказательств вины военнослужащих Квантунской армии. Хочу отметить немалую роль в этом правоохранительных органов, прокуроров и следователей.

Особый вклад в его итоги внёс опытнейший государственный обвинитель, также принимавший участие в Нюрнбергском и Токийском процессах, – Лев Николаевич Смирнов. Благодаря высочайшему профессионализму и настойчивости он добился установления вины военных преступников. Приведённые им убедительные доводы и доказательства оказали существенное влияние на оценку действий японских военных по разработке варварских способов уничтожения людей.

Не секрет, что спустя десятилетия есть желающие исказить историческую правду, в том числе и в отношении этих событий. Сегодня здесь об этом уже говорилось. Ещё в 1994 г. по запросу Японской ассоциации бывших военнопленных Главной военной прокуратурой России было отказано в реабилитации осуждённых в Хабаровске преступников, а определением Верховного Суда приговор оставлен в силе.

Сегодня в условиях участившихся попыток пересмотреть итоги Второй мировой войны преуменьшить заслуги Советского Союза в победе над фашистской Германией и её союзниками, в том числе милитаристской Японией, материалы военных трибуналов приобретают особое значение.

Поэтому одна из значимых целей проведения сегодняшнего форума – не допустить замалчивания и искажения реальных итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

На решение этой задачи всецело направлена наша общая работа в рамках беспрецедентного проекта «Без срока давности».

Прокурорами продолжается установление обстоятельств вновь выявленных преступлений, совершённых в годы Великой Отечественной войны, и лиц, причастных к их совершению.

Отобраны и рассекречены архивные материалы о преступлениях карательных отрядов и их пособников на оккупированных территориях. Под надзором Генеральной прокуратуры расследуются уголовные дела по фактам геноцида советских граждан.

Наряду с уголовным преследованием организована работа и в рамках гражданского судопроизводства.

Так, впервые в истории нашей страны в октябре прошлого года районным судом Новгородской области удовлетворено заявление прокурора о признании фактов расправы над мирными жителями и военнопленными в 1942–1943 годах около деревни Жестяная горка, военными преступлениями и преступлениями против человечества, геноцидом народов СССР.

Аналогичное заявление прокурора меньше двух недель назад рассмотрено и удовлетворено Псковским областным судом в связи с обнаружением новых мест массовых захоронений жертв фашистов. Готовятся соответствующие материалы для направления в суды Республики Крым и Ростовской области.

Названные судебные процессы – лишь часть огромной работы по сохранению исторической правды о преступлениях военных лет, начало которой было положено в том числе благодаря Хабаровскому делу.

Её важным аспектом считаю совершенствование правового регулирования в сфере противодействия фальсификации исторических фактов о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

В этих целях в текущем году с нашим участием принят ряд законодательных новелл. Среди них нормы об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, унижение их чести и достоинства. Ужесточено наказание за реабилитацию нацизма, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Была введена административная ответственность юридических лиц за публичное распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Нюрнбергского трибунала, а также заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Подготовлен законопроект, закрепляющий незыблемость признанных Уставом Нюрнбергского международного военного трибунала принципов международного права, нормативное определение таких понятий, как «нацизм», «фашизм» и «геноцид народов Советского Союза», запрет реабилитации и пропаганды нацизма. Кроме того, им предусмотрена регламентация правового статуса комплекса архивных документов, кино- и фотоматериалов, посвящённых Второй мировой войне.

У нас есть и другие предложения. Считаю необходимым включение реабилитации, оправдания и пропаганды нацизма в понятие экстремистской деятельности, что значительно расширит возможности противодействия таким явлениям. Важно проработать вопрос о дополнительной правовой регламентации увековечения памяти мирного населения Советского Союза, подвергшегося изгнанию и истреблению в годы Великой Отечественной войны. Положения действующего закона распространяются только на лиц, погибших при выполнении воинского долга и боевых задач в ходе военных действий.

Убеждён, что все эти меры позволят не только устранить имеющиеся пробелы в правовом регулировании, но и будут иметь важное политическое значение для сохранения исторической памяти и укрепления позиций Российской Федерации на международном уровне по воспрепятствованию фальсификации фактов о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

А. В. Бугаев,
Первый заместитель Министра просвещения Российской Федерации

Ключевые точки исторической памяти в образовательном и воспитательном пространстве российской школы и педагогического образования – основное условие гражданского воспитания

A. V. Bugaev,
First Deputy Minister of Education of the Russian Federation

The key points of historical memory in the educational and educational space of the Russian school and pedagogical education are the main condition for civic education

Значимость исторического образования в учебном процессе, в образовательном процессе школы очень сложно переоценить, потому что воспитание гражданина, формирование гражданской идентичности – это, безусловно, ключевая задача образовательной системы нашей страны и, конечно же, задача, от выполнения которой непосредственно зависит сохранение и в дальнейшем развитие всего нашего российского общества.

Образование – это целостная система, и основы, которые мы закладываем сейчас в тех ребят, которые уже совсем скоро придут в народное хозяйство, заменят многих из нас на различных ответственных постах, в том числе понимание и знание нашего прошлого, являются не менее важными, чем знания по практическим дисциплинам, физике, математике и другим изучаемым в школе. Здесь очень важной является фигура педагога – человека, который дает эти знания, его подготовка.

В подготовке выпускников педагогических вузов вопросам исторического воспитания придается особое значение. Президент РФ неоднократно говорил о том, что мы должны предпринять всё от нас зависящее, для того чтобы не допустить никакой фальсификации, никаких ревизионистских подходов к вопросам, связанным с историей Великой Отечественной войны, Второй мировой войны, к аспектам завершения Второй мировой войны, отдельно к тем преступлениям, которые японская военщина совершала и планировала к совершению на территории Дальнего Востока, направленным как против граждан Советского Союза, так и против граждан других государств.

Образ прошлого – это та часть образования, которая должна формировать единое и не противоречащее исторической правде представление о прошлом. Именно этот образ мы должны сохранить и передать нашим детям. В его основе должна лежать значимость тысячелетней истории государства, память о наших предках, создавших уникальную цивилизацию и великую культуру, которую отстояли наши деды и прадеды в борьбе с фашистскими агрессорами и с японскими милитаристами во Второй мировой войне. Создание образа прошлого должно включать определение ключевых точек исторической памяти, и здесь особое значение имеют именно трактовки прошлого, о которых мы будем говорить.

К сожалению, в современном мире предпринимаются попытки искажать исторические процессы, которые происходили в мире во время Второй мировой войны, и в том числе здесь, на Востоке нашей Родины. Наша задача как педагогов, задача всего педагогического сообщества – таким образом формировать представления о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, чтобы такие трактовки были невозможны и недопустимы. К ключевым точкам истории Второй мировой войны безусловно относится Хабаровский судебный процесс.

Министерство просвещения принимает активное участие в работе проекта «Без срока давности». В рамках образовательного процесса в школах в рамках проекта «Без срока давности» проводится конкурс школьных сочинений о событиях Великой Отечественной войны.

Дети должны знать не только о подвигах советского народа и Красной армии, но и о тех преступлениях, которые японская военщина и фашистские оккупанты творили в отношении мирного населения на территории нашей страны и сопредельных государств. Министерство просвещения и региональные органы образования будут включать в школьный образовательный процесс все больше и больше исторических фактов и тем, связанных с Великой Отечественной войной.

Важно понимать, что образование невозможно представить без воспитания. Все, о чем мы говорим сегодня, – неотъемлемая часть воспитательного процесса. Не так давно бытовало мнение, что образо-

вание может быть представлено в виде определенной услуги. Мы сейчас отошли от такого подхода, и в своем выступлении на заседании Президиума Государственного Совета, посвященного вопросам образования, Президент РФ В. В. Путин указал на то, что образование и воспитание неотрывны друг от друга. Образование не может являться услугой, учитель – это высокое звание, это служение обществу. Человек, связавший свою жизнь со служением, воспитывает и формирует будущее страны, то будущее, от которого зависит мир, в котором мы будем жить уже совсем скоро.

Память о героическом и трагическом прошлом является основной частью гражданского воспитания. В формировании этой памяти мы видим одну из ключевых задач системы образования в целом и деятельности Министерства просвещения в частности.

Е. М. Цунаева,
кандидат исторических наук, ответственный секретарь ООД «Поисковое движение России», сопредседатель Центрального штаба ООД «Бессмертный полк России»

Проект «Без срока давности»: Запад и Восток – история одной страны

Аннотация
В статье анализируются итоги проекта «Без срока давности» и рассматриваются его дальнейшие перспективы в рамках изучения преступлений милитаристской Японии против советских граждан в годы Второй мировой войны. Приводятся факторы, определяющие особую актуальность проекта для регионов Дальнего Востока.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», Генеральный план «Ост», «Великая восточноазиатская сфера сопроцветания».

E. M. Tsunaeva,
Candidate of Historical Sciences, Executive Secretary of Search Movement of Russia, Co-Chairman of the Central Headquarters of the Immortal Regiment of Russia

The «No Statute of Limitations» Project: West and East – a history of one country

Abstract
The article analyzes the results of the project «No Statute of Limitations», and discusses its future prospects in the study of the crimes of militaristic Japan against Soviet citizens during World War II. Factors determining the special relevance of the project for the regions of the Far East are given.
Keywords: World War II, Great Patriotic War, «No Statute of Limitations», Generalplan «Ost», «Greater East Asia Co-Prosperity Sphere».

В последнем номере журнала «Военная мысль» опубликована статья советника министра обороны А. М. Ильницкого, которая называется «Ментальная война России». В этой статье автор с указанием конкретных примеров констатирует, что возник новый тип межгосударственного противоборства – ментальная война, цель которой заключается в уничтожении самосознания и изменении ментальной цивилизационной основы сообщества противника. В рамках форума «Армия – 2021» был организован круглый стол, посвященный этой проблеме, на котором выступил в том числе министр обороны. Участники констатировали тот факт, что в настоящее время действительно сложилась обстановка такой необъявленной войны, войны, которую отчасти наша страна начала проигрывать.

И в этом смысле «Поисковое движение России» как сообщество, которое долгие годы особенно остро ощущает проблему сохранения исторической памяти, не случайно вышло с инициативой проекта «Без срока давности», который посвящен не совсем свойственной для движения теме – мирным гражданам, пострадавшим от рук нацистских преступников.

Поисковое движение представлено как сообщество почти во всех регионах, в том числе на Дальнем Востоке. И в последнее время отчётливо видно, что даже молодые члены движения, вовлеченные в тему

сохранения памяти, крайне мало знают о таком плане, как Генеральный план «Ост». После анализа учебников – а в рядах движения много педагогов, не только историков – стало понятно, насколько общество неправильно подходит к трактовке и к оценке Великой Победы. Это привело к тому, что даже отношение к ветеранам и их победе достаточно утилитарное. Молодёжь знает, что ветераны освобождали и защищали Родину, что это часть их семейной истории – и это верно. Но нет понимания, что они не просто защитили Родину и освободили территорию – они спасли нас от полного уничтожения.

В этом смысле проект «Без срока давности», с инициативой которого Поисковое движение России вышло еще в декабре 2018 г., сейчас является одним из самых эффективных орудий в этой начавшийся ментальной войне. И таким эффективным он стал благодаря тому, что общественная инициатива была услышана на самом высоком уровне, Президентом, в рамках Российского организационного комитета «Победа», и была поддержана не только общественными организациями, но и министерствами и ведомствами. На данный момент уже выработан целый ряд конкретных действий, и на разных площадках Форума они будут рассматриваться с разных сторон: с точки зрения научных исследований, юридической практики, общественной инициативы. Планируется обсуждение вовлечения в этот проект такого, на первый взгляд, далекого от темы сохранения исторической памяти профессионального сообщества, как архитекторы – они разрабатывают собственный проект.

Хотелось бы подчеркнуть связь проекта «Без срока давности», который уже активно представлен на западе, с темой Дальнего Востока. Это звучало уже во многих выступлениях, но здесь хотелось бы сказать о той острой необходимости внедрения в образовательное пространство темы геноцида в соединении «Запад – Восток», темы общей исторической судьбы в планах агрессоров – и западных территорий, и российского Дальнего Востока. Это внедрение может осуществляться самыми разными способами, не только в рамках Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности».

Один из выступающих сегодня на открытии выставки задал очень правильный и актуальный вопрос: «А когда же мы будем об этом говорить в школах?» Говорить о том, что из себя представляет план «Ост», насколько созвучен этому плану другой, который разрабатывался Квантунской армией в недрах императорского дома Японии – план по созданию «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Он начал разрабатываться уже в конце 1941 г. – начале 1942 г., и материалы Токийского процесса констатировали, что в самом начале Великой Отечественной войны, когда мы терпели натиск нацистов, вопрос о захвате Дальнего Востока Японией уже был решен. Опубликованные документы демонстрируют это.

Отдельно разрабатывалась и тема оккупационного режима, который тоже имеет аналогии с Генеральным планом «Ост». Он предполагал лишение советских граждан политических прав и выселение их с территорий, разделение территорий между Германией и Японией – линия разграничения проходила вдоль Омска. Дальний Восток, в том числе Хабаровск, должен был быть в зоне влияния и управления милитаристской Японии. Необходимо говорить об этом совершенно откровенно – наша молодёжь не может сейчас нам верить на слово, поэтому крайне важно вооружить их аргументацией. Их убеждения, их вера должны быть подкреплены осознанной аргументацией на основе архивных документов, часть из которых представлена на выставке.

Один из ракурсов проекта «Без срока давности» – это бесчеловечные преступления, и в этом также прослеживается созвучие Востока и Запада. Преступления, которые касались не только китайцев или корейцев, которые попадали в руки японских милитаристов, но и советских граждан. Благодаря Хабаровскому процессу стали известны имена некоторых из них, и они указаны в документах.

Как представитель общественных организаций – «Бессмертного полка России» и «Поискового движения России» – хочу подчеркнуть, что нам сейчас как никогда важно и нужно общественно-государственное партнерство, иначе мы проиграем. Воевать не хочется, но получается, что нужно. Выставка о Хабаровском процессе, также как и выставка «Без срока давности», составленная на основе материалов, опубликованных в 23 томах сборника архивных документов, должна пройти по всем 85 субъектам Российской Федерации. И не только в электронном пространстве, потому что открытие выставки – это встреча, это беседа с молодым поколением и, конечно, публикация архивных документов.

Международный научно-практический форум «Уроки Нюрнберга», о котором сегодня уже упоминали, нашёл отзвук в научном и общественном пространстве и был принят на международном уровне. Уверена, что сегодняшний Форум позволит сделать то же самое в отношении еще одной ключевой точки нашей исторической памяти, еще раз подчеркнет единство судьбы нашей страны – Востока и Запада, Запада и Востока – в планах агрессора и подвиг наших уважаемых победителей, которые спасли нашу страну и весь мир в том числе от бактериологической войны.

А. Н. Савенков,
доктор юридических наук, профессор, директор Института государства и права РАН, член-корреспондент РАН

Хабаровский процесс как торжество Нюрнбергских принципов и международного уголовного правосудия

Аннотация
Хабаровский судебный процесс рассматривается автором как логическое продолжение торжества правосудия над военными угрозами миру и человечеству.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, бактериологическое оружие, Квантунская армия, японские военные преступники, принципы международного права.

A. N. Savenkov,
Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

The Khabarovsk Trial as a triumph of the Nuremberg Principles and international criminal justice

Abstract
The Khabarovsk Trial is considered by the author as a logical continuation of the triumph of justice over military threats to peace and humanity.
Keywords: World War II, Khabarovsk Trial, bacteriological weapons, Kwantung Army, Japanese war criminals, principles of international law.

Судебный приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге, гарантом которого и по сей день выступают постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций – Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Французская Республика и Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, бывшие союзниками и остающиеся победителями во Второй мировой войне, а также обладающие ядерным оружием, – усилиями политического руководства стал универсальным законом для всей планеты, благодаря которому на ней сохраняется жизнь.

В этом году исполняется 75 лет резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала».

Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала[1]: 1) Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию; 2) То обстоятельство, что по национальному праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву; 3) Не исключает ответственности по международному праву то обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства; 4) Не исключает ответственности по международному праву то обстоятельство, если какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, если сознательный выбор был фактически для него возможен; 5) Каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права; 6) Преступления, указанные ниже, наказуются как международно-правовые преступления:

a) Преступления против мира:

i) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений;

ii) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в пункте i.

b) Военные преступления:

Нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гра-

жданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление государственного или частного имущества, бессмысленное разрушение городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью.

c) Преступления против человечности:

Убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми;

7) Соучастие в совершении каждого из перечисленных преступлений – есть международно-правовое преступление.

Нюрнбергский процесс положил начало современному международному праву. В первую очередь такой системы международных норм, которые действительно имеют универсальный, общеобязательный характер не только для государств, но и для руководителей, которые ими управляют. Это знаковое событие в реализации на практике основного принципа современного международного права, запрещающего агрессивную войну и применение силы в целом.

Мир представляет собой важнейшую гарантию основного права человека – права на жизнь. Сегодня важно помнить об этом, способствовать развитию его идей и принципов, разъяснять законность и справедливость не подлежащих обжалованию и пересмотру его решений во имя упрочения авторитета международного права и правосудия.

Самый сильный и смертельно опасный враг – немецкий нацизм – был разгромлен и предан международному суду, но справедливость требовала правовых оценок агрессии его поверженного восточного союзника – военщины милитаристской Японии. Для этого был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токийский процесс – это суд Международного военного трибунала для Дальнего Востока над главными японскими военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны, который проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Трибунал был учрежден на основании и во исполнение Каирской декларации от 1 декабря 1943 г., Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., Акта о капитуляции от 2 сентября 1945 г. и Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей с 16 по 26 декабря 1945 г.[2]

Каирское заявление сделали Президент США, Председатель Национального Правительства Китайской Республики и премьер-министр Великобритании. Оно гласит: «Военные миссии договорились о будущих военных операциях против Японии. Три великих союзника ведут эту войну, чтобы сдержать агрессию Японии и наказать ее. Они не жаждут выгоды для себя и не думают о территориальной экспансии. Их цель состоит в том, чтобы Япония была лишена всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны в 1914 г., и чтобы все территории, украденные Японией у китайцев, такие как Маньчжурия, Формоза и Пескадоры были возвращены Китайской Республике. Япония также будет изгнана со всех других территорий, которые она захватила с помощью насилия и жадности. Вышеупомянутые три великие державы, помня о порабощении народа Кореи, полны решимости, что со временем Корея станет свободной и независимой. Три союзника […] будут продолжать […] операции, необходимые для безоговорочной капитуляции Японии»[3].

Потсдамская декларация была провозглашена 26 июля 1945 г. и утверждала для Японии следующие условия безоговорочной капитуляции: «Японии будет предоставлена возможность прекратить эту войну […]. Союзные нации полны решимости вести войну против Японии до тех пор, пока она не перестанет сопротивляться. Пришло время Японии решить, будет ли она и дальше находиться под контролем тех своенравных милитаристских советников, чьи неразумные расчеты поставили Японскую империю на порог уничтожения, или она пойдет по пути разума.

Ниже приведены наши условия. Мы не будем отклоняться от них. Альтернатив нет. Мы не потерпим никаких задержек.

Условия Каирской декларации будут выполнены, и суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и такими небольшими островами, которые мы определим.

Японским вооруженным силам после полного разоружения будет разрешено вернуться в свои дома с возможностью вести мирную и продуктивную жизнь. Мы не намерены, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но суровое правосудие будет отнесено ко всем военным преступникам, включая тех, кто жестоко обращался с нашими пленными. Правительство Японии устранит все препятствия на пути возрождения и укрепления демократических тенденций среди японского народа. Устанавливаются свобода слова, религии и мысли, а также уважение основных прав человека. Оккупационные силы союзников будут выведены из Японии, как только эти цели будут достигнуты и в соответствии со свободно выраженной волей японского народа будет создано мирно настроенное и ответственное правительство. Мы призываем правительство Японии объявить сейчас о безоговорочной капитуляции всех японских вооруженных сил и предоставить надлежащие и адекватные гарантии своей добросовестности в таких действиях. Альтернатива для Японии – быстрое и полное разрушение»[4].

19 января 1946 г. Верховный командующий союзными войсками в Японии американский генерал армии Д. Макартур (Douglas MacArthur), действуя в рамках предоставленных ему соглашением Правительств полномочий, издал приказ об организации Трибунала (согласно решениям, принятым на

Московской конференции от 26 декабря 1945 г., он получил возможность издавать приказы, которые содействовали выполнению Японией условий капитуляции) и утвердил его Устав. В ст. 3 Специальной прокламации, учреждающей Международный военный трибунал для Дальнего Востока, было установлено: «Ничто в данном приказе не должно наносить ущерб юрисдикции любого другого международного, национального или оккупационного суда, комиссии или прочего трибунала, созданного или подлежащего созданию в Японии или на любой территории какой-либо из Объединенных Наций, с которой Япония находилась в состоянии войны, для суда над военными преступниками»[5].

Последний вобрал в себя важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала, но в отличие от него в нем не был соблюден принцип равноправного участия стран в организации и проведении процесса. Устав был разработан американскими юристами в соответствии с нормами англосаксонской процедуры. Верховному командующему были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия: он назначал председателя, главного обвинителя, членов трибунала из представителей, которых предлагали государства, подписавшие акт о капитуляции, а также Индия и Филиппины. Он имел право смягчить или изменить приговор, но не усилить меру наказания. Официальные языки процесса – японский и английский.

25 апреля 1946 г. председатель Трибунала утвердил девять правил процедуры Международного военного трибунала по Дальнему Востоку[6].

3 мая 1946 г. в здании бывшего Военного министерства состоялось первое заседание Трибунала, членами которого были: от СССР – член военной коллегии Верховного суда СССР И. М. Зарянов, от США – Джон П. Хиггинс (John Patrick Higgins), главный судья Верховного суда Массачусетса. В июне 1946 г. он внезапно подал в отставку. Его сменил, с одобрения Генерального прокурора США Тома Кларка и Верховного главнокомандующего союзными войсками генерала армии Макартура, бывший Главный военный прокурор генерал М. Крамер (Myron Cady Cramer)[7]; от Китая – Д. Мэй; от Великобритании – член Верховного суда У. Патрик, от Франции – прокурор А. Бернар, от Голландии – судья Б. Роллинг, от Индии – профессор Р. Пэл, от Канады – член Верховного суда Э. Макдагалл, от Новой Зеландии – член Верховного суда Э. Норткрофт, от Филиппин – член Верховного суда Д. Джаранилла, от Австралии – председатель Верховного суда штата Квинслэнд Уильям Флуд Уэбб, который в 1943 г. был назначен правительством Австралии членом комиссии по расследованию преступлений японских военных. В период с 1943 по 1945 г. он подготовил три доклада о преступлениях японских военных против австралийских военнопленных. В 1944 г. Уэбб работал в Лондоне с Комиссией Объединенных Наций по военным преступлениям. Он и был назначен председателем Трибунала.

Главным обвинителем стал представитель от США Джозеф Берри Кинан (Joseph Berry Keenan).

От СССР обвинение представляли заведующий секцией Института права АН СССР и начальник договорно-правового отдела МИД СССР, член-корреспондент АН СССР С. А. Голунский[8], затем сменивший его прокурор г. Москвы А. Н. Васильев и государственный советник юстиции Л. Н. Смирнов. Дополнительным обвинителем от Китая был главный прокурор Шанхайского Верховного суда Сян Чжэ-чжунь, от Великобритании – бывший член парламента, адвокат А. Коминс-Карр (зам. главного обвинителя), от Франции – Главный прокурор в суде присяжных Департамента Сены и Марны Р. Онето, от Австралии – член Верховного суда штата Квинсленд А. Мэнсфильд, от Голландии – член специального суда в Гааге В. Бергергоф-Мульдер, от Канады – заместитель главы военно-судебного ведомства канадской армии бригадный генерал Г. Нолан, от Новой Зеландии – прокурор Верховного суда генерал Р. Квильям, от Филиппин – член Филиппинского конгресса майор П. Лопец, от Индии – Г. Менон[9].

Логическим продолжением торжества правосудия над военными угрозами миру и человечеству стал Хабаровский процесс – суд военного трибунала Приморского военного округа над бывшим главнокомандующим, воинскими должностными лицами и сотрудниками специальных подразделений японской Квантунской армии.

Обвинение представлял государственный советник юстиции 3-го класса Л. Н. Смирнов.

Председателем судейской коллегии спустя некоторое время был назначен генерал-майор юстиции Д. Д. Чертков, член военной коллегии Вооруженных Сил СССР. Защиту подсудимых представляли члены Московской коллегии адвокатов, также уже имевшие опыт проведения открытых судебных процессов.

14 октября 1949 г. министр внутренних дел разослал подчиненным распоряжение № 632, в котором приказал завершить все подготовительные мероприятия к 15 ноября. Ответственным за организацию и подготовку судебного процесса был назначен начальник УМВД по Хабаровскому краю генерал-майор В. С. Царев.

Для оказания помощи в подготовке судебного процесса из Москвы была выслана группа оперативных сотрудников МВД.

22 ноября 1949 г. в докладной записке, направленной В. М. Молотову, К. П. Горшенин, Г. Н. Сафонов и С. Н. Круглов отметили, что следствие завершено только в отношении девяти обвиняемых. Десятым обвиняемым должен был стать главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада, который отрицал свою причастность к деятельности «спецотряда № 731» и «отряда № 100». Однако в конечном итоге он вынужден был признаться в том, что отдавал приказы о работе отрядов. Ямада обвинялся по той же статье, что и другие обвиняемые.

Судебный процесс над главнокомандующим Горшенин, Сафонов и Круглов предложили начать раньше – 7 декабря 1949 г. – и завершить не позднее 14 декабря. Причина такого предложения не ясна. В конечном итоге оно реализовано не было, и Ямада

был включен в список подсудимых на Хабаровском судебном процессе.

3 декабря 1949 г. И. В. Сталину был представлен вариант проекта обвинительного заключения в отношении десяти подсудимых. Они обвинялись не только в руководстве деятельностью спецотряда № 731 и отряда № 100 (изготовление и применение биологического оружия), но и в подготовке в Маньчжурии плацдарма для организации наступательной войны против Советского Союза. Доказательства, представленные в проекте обвинительного заключения, только частично основывались на показаниях свидетелей и были составлены из информации, полученной от самих обвиняемых. 8 человек из 10 (О. Ямада, К. Кавасима, Т. Такахаси, Т. Карасава, М. Оноуэ, Т. Ниси, Д. Хирадзакура, К. Митомо), как следует из текста обвинительного заключения, признали свою вину полностью, а С. Сато и Ф. Кодзицука признали себя частично виновными.

9 декабря окончательный вариант проекта обвинительного заключения был согласован с В. М. Молотовым, В. С. Абакумовым и заместителем министра иностранных дел А. А. Громыко. Список обвиняемых был расширен до двенадцати человек. Обвинительное заключение предполагалось вручить 13 декабря 1949 г.

Подготовка к проведению судебного процесса затянулась, он был начат 25 декабря и завершен 30 декабря.

Суду военного трибунала в качестве подсудимых были преданы 12 японских военнослужащих: 1) Генерал армии Ямада Отодзо, с 1944 г. по день капитуляции Японии был главнокомандующим Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя в этих отрядах убийства тысяч людей во время экспериментов по применению бактериологического оружия; 2) Генерал-майор Кавасима Киоси, в 1941–1943 гг. – начальник производственного отдела отряда № 731, принимал участие в подготовке бактериологической войны, лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в производственных масштабах. В 1942 г. принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. На протяжении своей службы в отряде № 731 принимал участие в массовом умерщвлении заключенных путем заражения их бактериями тяжелых инфекционных болезней; 3) Майор Карасава Томио – начальник отделения производственного отдела отряда № 731. Один из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия. В 1940 и 1942 гг. участвовал в организации «экспедиций» по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. Неоднократно лично участвовал в опытах по испытанию бактериологического оружия на заключенных китайских и советских гражданах; 4) Генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук Кадзицука Рюдзи, являясь в 1936 г. начальником отдела военно-санитарного управления Военного министерства Японии, способствовал созданию специальной бактериологической лаборатории Исии. С 1939 г. – начальник санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил деятельностью отряда № 731, снабжая всем необходимым для производства бактериологического оружия. Курировал работу отряда, знал о работе по заражению людей и одобрял это; 5) Подполковник Ниси Тосихидэ – с января 1943 г. начальник филиала № 673 отряда № 731 в г. Суньу, по совместительству – начальник 5-го отдела отряда № 731. Активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия, убийствах заключенных путем применения бактерий остроинфекционных болезней и подготовке кадров для спецподразделений армейских частей для ведения бактериологической войны. В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 в 1945 г. отдал приказание сжечь все помещения, оборудование и документы филиала; 6) Майор Оноуэ Масао – начальник филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия. Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне. Знал и содействовал работе отряда № 731. В августе 1945 г. для сокрытия следов преступной деятельности филиала сжег все здания, запасы материалов и документы; 7) Генерал-майор Сато Сюндзи, с 1941 г. – начальник бактериологического отряда в г. Кантоне (условное наименование «Нами»), а в 1943 г. – начальник аналогичного отряда в г. Нанкине (отряд «Эй»), принимал участие в создании бактериологического оружия. Впоследствии, будучи начальником санитарной службы 5-й армии, входившей в состав Квантунской армии, руководил филиалом № 643 отряда № 731 и оказывал содействие в работе по производству смертоносных бактерий; 8) Генерал-лейтенант ветеринарной службы, химик-биолог Такахаси Такаацу – начальник ветеринарной службы Квантунской армии, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 по заражению заключенных опасными инфекционными болезням; 9) Поручик Хиразакура Дзенсаку – сотрудник отряда № 100, проводил исследования в области выработки и применения бактериологического оружия, неоднократно принимал участие в спецразведке на границе в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР и при этом производил отравление водоемов, в частности, в районе Трехречья; 10) Старший унтер-офицер Митомо Кадзуо – сотрудник отряда № 100, принимал участие в изготовлении и испытании на живых людях бактериологического оружия. Непосредственный участник бактериологических диверсий в районе Трехречья; 11) Кикучи Норимицу – санитар-практикант лаборатории филиала № 643 отряда № 731, принимал непосредственное участие в работе по изысканию новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий остроинфекционных заболеваний; 12) Курусима Юдзи – лаборант филиала отряда

№ 731, имел специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий остроинфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

На основании исследования в судебном процессе вещественных доказательств, документов, свидетельских показаний и допросов подсудимых было установлено, что японские власти разработали стратегию, создали и пробовали применять против других государств в целях массового истребления войск, населения и захвата территорий бактериологическое и химическое оружие. Бактериологическое оружие применялось против советских и монгольских войск в период боев на Халхин-Голе, а также в ходе войны Японии против Китая.

Бактерии чумы были начинкой бомбы, которая, по задумке ее разработчиков, демонстрировала бы возможность наиболее эффективного применения бактериологического оружия. Главная особенность этой бомбы заключалась в том, что у нее был керамический корпус, начиненный чумными блохами. Бомба взрывалась бы на высоте 50–100 метров над поверхностью земли, что обеспечивало максимально широкое заражение местности.

Один из участников издевательств над людьми Окава Фукумацу в фильме RT «Лаборатории смерти. Как работал японский отряд 731» заявил, что каждый день он убивал трёх-четырёх человек, вырезая внутренние органы живых людей. «Всякий раз, когда я это вспоминаю, я молюсь о том, чтобы забыть, какие ужасные, дьявольские вещи мы делали, но забыть это невозможно», – рассказал Фукумацу.

Квантунская армия неоднократно применяла изготовленное секретными отрядами оружие. В 1939 г. при отступлении после поражения от советских войск японцы вылили бактерии в реку Халхин-Гол.

Бывший сотрудник отряда № 100 подсудимый Хирадзакура подробно рассказал на суде, как по заданиям генерала Вакамацу направлялись специальные разведывательно-диверсионные группы в районы Трехречья и Хайлара для производства бактериологических диверсий против СССР и Монгольской Народной Республики. Своим подчиненным Вакамацу постоянно твердил: на случай войны Японии с Советским Союзом 100-й отряд должен стать фабрикой по выпуску в массовом количестве различных бактерий и сильнодействующих ядов для ведения диверсионно-бактериологической войны против Советского Союза.

Командование Квантунской армии разработало планы бомбежек бактериологическими бомбами городов – Владивостока, Ворошилова, Хабаровска, Читы, Благовещенска. Уже разведывались районы предстоящей бактериологической войны, создавались группы диверсантов.

Многие годы японские захватчики планомерно подкрадывались к границам СССР, создавая плацдармы для готовящегося нападения.

Даже в случае высадки американских войск на Японских островах руководство страны планировало перебраться в Маньчжурию и, опираясь на Квантунскую армию и широко применяя бактериологическое оружие, продолжать сопротивление и добиваться заключения достойного мира. Комитет начальников штабов США признавал, что в этом случае пришлось бы еще воевать не менее 1–1,5 лет и потери союзников по их расчетам могли составить более 1 млн человек.

Только вступление в войну против Японии Советского Союза и быстрый разгром Квантунской армии сорвали эти планы японских милитаристов и позволили предотвратить массовое применение бактериологического оружия против войск и главным образом населения.

С началом войны и стремительного продвижения наших войск японские преступники взорвали заводы бактериологического оружия в районе Харбина, в других местах и начали заметать следы существования бактериологического оружия. Но это в полной мере им не удалось, и нашими войсками было захвачено и в последующем представлено большое количество документов и фактов преступной деятельности командования Квантунской армии, в частности генерала Ямада и руководителей японской военно-медицинской и ветеринарной службы[10].

Начальник штаба Квантунской армии Хикосабуро Хата[11] в своих показаниях указывал, что вопросами, связанными с разработкой и применением бактериологического оружия, занимался 1-й оперативный отдел и медицинское управление Генерального штаба императорской армии Японии. Главное здание, в котором работали сотрудники подразделения, находилось в 20–25 км от крупного маньчжурского города Харбин, в городке Хэйбо (по-китайски – Пинь Фань). Вся территория городка являлась запретной зоной. Штат отряда насчитывал примерно три тысячи лабораторных и технических сотрудников[12]. Около двухсот из них содержались в лагерях МВД. Подразделение имело также филиалы в пяти других городах: Хайлине, Линкоу, Сунь-У, Хайларе и Дайрене[13]. Филиалы располагались на приграничной с СССР территории. Отряд № 731 имел разветвленную структуру, в которой основными были три отдела: исследовательский (1-го отдела), экспериментальный (2-го отдела) и производственный (4-го отдела). Сотрудники 3-го отдела ни производством, ни разработкой бактериологического оружия не занимались и отвечали за водоснабжение и проведение противоэпидемических мероприятий. Исследовательский отдел (1-й отдел) отвечал за создание и отбор наиболее смертоносных бактерий; в экспериментальном отделе (2-м отделе) осуществлялась «апробация» наиболее перспективных средств ведения бактериологической войны; производственный (4-й отдел) занимался разведением бактерий, вакцин, сывороток и их производством в крупных масштабах.

Позднее стало известно о существовании 5-го отдела – «учебно-просветительского», который занимался обучением кадров для «правильного» использования бактериологического оружия. О дея-

тельности этих отделов стало известно из показаний начальника производственного отдела генерал-майора Кавасимы. Он сообщил, что подразделение было строго засекречено и по документам именовалось как «отряд противоэпидемического снабжения водой Квантунской армии». Формально оно занималось не только очисткой воды, но и борьбой с эпидемическими заболеваниями в армии. Деятельность подразделения скрывалась даже от самих японских военнослужащих, и во внутренних документах подразделение называлось «маньчжурским отрядом № 731». Доступ в отряд предоставлялся только с разрешения командующего Квантунской армией генерала Ямада.

Интересно, как менялась позиция главнокомандующего под влиянием свидетельских показаний других военнопленных – от полной забывчивости к признанию фактов совершения преступлений.

В январе 1938 г. Ямада был назначен командующим 3-й армией, которая размещалась в Маньчжурии на границе с Советским Союзом, а с 1944 г. стал главнокомандующим Квантунской армией. На допросе в ноябре 1949 г. он признал, что ему как главкому Квантунской армией было известно, что ее специальный отряд 731 «в широких масштабах вел изыскания в области исследования и изготовления бактериологического оружия». «При осмотре 731-го отряда я был крайне поражен размахом исследовательской и производственной деятельности отряда по изготовлению бактериологических средств войны», – говорил Ямада. Отряд № 731, согласно показаниям Кавасимы, имел в своем распоряжении крупную производственную базу по массовому производству разных видов бактериологического оружия. Также были выстроены аэродром, полигон для испытаний и сформировано специальное авиационное подразделение для его применения.

В 1945 г., как указывал Ямада, отряд № 731 возглавлял генерал Исии Сиро, которого в момент разоружения японских войск уже не было в Маньчжурии.

В 1949 г. стало известно о существовании других секретных подразделений, созданных с аналогичными целями. Самое крупное из них называлось «отряд № 100». В его задачи входило разведение бактерий, предназначенных для заражения скота бактериями сибирской язвы и других смертельных заболеваний. Отряд № 100 также имел собственные филиалы. Кроме отряда № 100 на китайской территории и в Маньчжурии действовали и менее крупные подразделения – отряды «Эй» и «Нами».

В 1930-е гг. в сферу интересов Японии попала Маньчжурия с ее богатыми запасами полезных ископаемых. Маньчжурия стала не только источником сырья, но и рынком сбыта японских товаров. В конце 1930-х годов конфронтация Советского Союза и Японии усилилась, что привело в итоге к вооруженным конфликтам на реке Халхин-Гол и на озере Хасан. К началу войны японские власти для защиты своих интересов разместили на территории Маньчжурии военную группировку – Квантунскую армию, которая планомерно увеличивалась с 1941 г. по 1945 г. Отряд № 731 и отряд № 100 были созданы для того, чтобы нанести максимальный вред силам противника. Советский Союз являлся соперником Японии в борьбе за господство на Дальнем Востоке и не мог не рассматриваться японскими властями в качестве возможного врага. Однако накануне Второй мировой войны в японском правительстве было принято решение начать наступление против американского флота в Тихом океане. Возможность одновременного ведения войны на сухопутном и военно-морском театрах военных действий исключалась японским правительством ввиду ограниченности ресурсов.

13 апреля 1941 г. был заключен Пакт о нейтралитете между СССР и Японией сроком на 5 лет. Несмотря на это, возможность последующей военной агрессии со стороны Японии в случае достижения ею успехов на тихоокеанском театре военных действий сохранялась.

Создание отряда № 731 являлось логичным шагом, предпринятым командованием Квантунской армии при разработке плана войны против СССР («Кан Току Эн»). Однако японские генералы стремились это опровергнуть. Так, К. Кийоси утверждал, что ни в каких документах конкретно не назывался будущий противник и объект применения бактериологического оружия. Показания об отряде № 731, полученные от японских генералов, руководство МВД изначально рассматривало как доказательства, полностью изобличавшие военное командование Квантунской армии в подготовке к ведению агрессивной наступательной войны против Советского Союза.

Подсудимым вменялось в вину участие в организации и деятельности в Квантунской армии, в нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. («О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств»), специальных подразделений, которые занимались разработкой бактериологического оружия; воспроизводством его естественных переносчиков; обучением диверсантов, созданием особых видов вооружений, средств и маршрутов доставки к местам применения; проведением повлекших гибель не менее 3 тысяч человек экспериментов над людьми, в том числе над советскими военнопленными, и использованием бактериологического оружия в целях массового уничтожения населения.

Один из допрошенных японских офицеров свидетельствовал, что «особой отправке» в отряд № 731 каждый месяц подвергались не менее 150–180 человек, их которых 20 человек поступали из лагеря «Хогоин», где содержались советские граждане, задержанные сотрудниками японских полицейских органов. Начальник лагеря «Хогоин» майор Иидзима был также допрошен и свидетельствовал о применении пыток в отношении советских граждан. Аналогичные показания были даны японскими офицерами, уже осужденными за насилие и применение пыток в отношении советских граждан на срок от 15

до 20 лет лагерного заключения в ходе закрытых заседаний военного трибунала Хабаровского военного округа в апреле 1948 года.

В задачи 2-го отдела отряда № 731 входила не только экспериментальная апробация «перспективных» исследований в области разработки бактериологического оружия. Отдел разрабатывал и новые средства ведения бактериологической войны, которые также проходили испытания в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке. Все изыскания проводились под непосредственным контролем со стороны генерал-лейтенанта Сиро Исии, который возглавлял спецотряд № 731. В 1939 г. на совещании Исии сообщил сотрудникам отряда, что его деятельность одобрена Генеральным штабом императорской армии Японии. Исии лично разработал новый способ применения бактериологического оружия посредством сброса бомб, начиненных блохами, зараженными чумой. Этот способ получил название «бомбы Исии». В 1940 г. он лично возглавил экспедицию «спецотряда № 731» в Китай, где испытывали различные средства распространения бактериологического оружия, жертвами которых стали тысячи человек. «Бомбы Исии» начинялись бактериями чумы, холеры, сапа, тифа, дизентерии и кровоточащей инфекционной лихорадки Сонго. В 1941 г. было произведено испытание этих «перспективных» способов ведения войны в условиях, максимально приближенных к реальности. В маньчжурском городке Нимбо была зафиксирована вспышка чумы. Этот факт попал на страницы одного из журналов по медицинской тематике, издававшегося в Маньчжурии в 1941 г. В статье был отмечен необычный, подозрительный характер проявления заражения местного населения, поскольку чума обычно распространялась через грызунов, а их скоплений в этом районе не отмечалось. Генерал-майор Кавасима в своих показаниях рассказывал о том, что вспышка чумы произошла вследствие намеренного заражения, переносчиком которой стали зараженные чумой блохи, выращенные в лабораториях отряда и выпущенные около городка. Кавасима также свидетельствовал о том, что зараженные чумой блохи в керамических бомбах сбрасывались с самолетов год спустя на город Чандэ (Центральный Китай), который являлся важным коммуникационным пунктом китайских отрядов, действовавших против японских экспедиционных войск. В начале июня 1942 г., как отмечал Кавасима, Исии созвал секретное совещание, на котором присутствовали все начальники отделов. На совещании они были извещены о том, что главнокомандующий Квантунской армией (тогда ее возглавлял Умедзу Иосидзиро) приказал применить бактериологическое оружие вблизи железнодорожной станции Чжэган (Центральный Китай). В сентябре 1942 г. в ходе специально организованной «экспедиции» сотрудников отряда заражению подверглись множество источников воды.

От деятельности отряда погибли в общей сложности порядка трех тысяч человек. Из показаний японских генералов следовало, что отряд № 731 располагал значительной материальной базой: оборудованием, помещениями для осуществления изысканий, инструментами, инвентарем. Молниеносное наступление Красной армии вынудило командование Квантунской армии спешно эвакуировать сотрудников отряда № 731 в Южную Корею и 20 августа 1945 г. уничтожить все улики, документацию и даже сами здания лабораторий и прилегавшие к ним постройки, а также тюрьму, в которой содержались порядка 500 заключенных-«подопытных». Генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицу Рюдзи заявил в ходе допроса, что именно главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада отдал приказ об уничтожении здания отряда № 731 и эвакуации всех его сотрудников. Для подтверждения наличия лабораторных комплексов, о которых свидетельствовали японцы, 14 февраля 1947 г. в качестве свидетеля был допрошен начальник Забайкальско-Амурского военного округа генерал-лейтенант Е. Г. Троценко, в то время являвшийся командиром частей Красной армии, наступавших в районе г. Ванемяо. Он рассказал, что в августе 1945 г. на юго-западной окраине города было обнаружено полусгоревшее здание – предположительно, один из лабораторных комплексов.

Вина подсудимых была полностью доказана. В ходе судебного процесса были заслушаны показания подсудимых и свидетелей, заключение экспертизы, речи Государственного обвинителя и защитников. Все подсудимые выступили с последними словами, в которых признавали свою вину (обвиняемый Сато – частично). В соответствии с приговором военнопленные Ямада, Кадзицука, Такахаси и Кавасима были осуждены на 25 лет исправительно-трудовых лагерей, Карасава и Сато – на 20 лет, Ниси – на 18 лет, Оноуэ – на 12 лет, Митомо – на 15 лет, Хирадзакура – на 10 лет, Курусима – к 3 годам и Кикучи – на 2 года[14].

Приговор и итоги Хабаровского судебного процесса были опубликованы в газетах «Правда» и «Известия» 1 января 1950 г.

Примечания

[1] Текст принципов утвержден в 1950 г.

[2] Report of the meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics the United States of America the United Kingdom. Dec. 27, 1945. II. Far Eastern Commission and Allied Council for Japan.

[3] Cairo Conference 1943. Released. Dec. 1, 1943.

[4] Potsdam Declaration. Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. Issued, at Potsdam, July 26, 1945.

[5] Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.). URL: https://base.garant.ru/2540693/.

[6] Rules of Procedure of the International Military Tribunal for the Far East. April 25, 1946; Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals. Under Control Council Law. № . 10. Vol. XV. Procedure, Practice and Administration. Washington, DC: Government Printing Office. 1946–1949.

[7] *Fred L. Borch*. Sitting in Judgment. Myron C. Cramer's Experiences in the Trials of German Saboteurs and Japanese War Leaders // Prologue Magazine. Summer, 2009. Vol. 41. № . 2.

[8] Голунский Сергей Александрович в 1947–1948 гг. входил в Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов

по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории СССР. В 1952–1953 гг. член Международного суда ООН.
[9] Суд в Токио / Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев. 3-е изд. М.: Воениздат, 1984. С. 544–574.
[10] *Гареев М. А.* К 60-летиюТокийского и Хабаровского судебных процессов над японскими военными преступниками // Вестник Академии военных наук. 2009. № 2 (27).
[11] Список военнопленных генералов, захваченных войсками Забайкальского фронта с 9 по 28 августа 1945 г. 31 авг. 1945 г. (ЦАМО РФ. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 23. Л. 117–119).
[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 214.
[13] Там же.
[14] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. С. 534–536.

Цой Чжэ Док,
профессор, доктор политических наук, директор Института политики и дипломатии Республики Корея и КНР Вонганского университета (Республика Корея)

У нации, которая забывает историю злодеяний Японии во время Второй мировой войны, нет будущего

Аннотация
Подразделение № 731 японской Квантунской армии проводило биологические эксперименты над живыми людьми, вело бактериологическую войну, разрабатывало специальные виды оружия для повышения эффективности расширяющейся интервенции против других стран. Японская армия по распоряжению правительства обращала женщин в сексуальное рабство, оправдывая это насилие необходимостью оказания помощи японским солдатам из-за стрессов войны.
Ключевые слова: Вторая мировая война, биологические опыты над людьми, бактериологические бомбы, сексуальные рабыни, армия Японии.

Choi Jae Dok,
Professor, PhD in Political sciences, Director of the Institute of Politics and Diplomacy ofthe Republic of Korea and the People's Republic of China, Won Gang University (Republic of Korea)

A nation that forgets the history of Japan's atrocities during World War II has no future

Abstract
Unit 731 of the Japanese Kwantung Army conducted biological experiments on living people, waged bacteriological warfare, developed special weapons to increase the effectiveness of expanding interventions against other countries, the Japanese army, by order of the government, turned women into sexual slavery, justifying these atrocities by the need to help Japanese soldiers due to the stresses of war.
Keywords: World War II, biological experiments on humans, bacteriological bombs, sex slaves, Japanese army.

731-я воинская часть: биологические эксперименты с людьми-бревнами (марута).

После обнародования конфиденциальных документов миру стало известно о разработке бактерий, которыми заражали китайцев, советских солдат и гражданских лиц, захваченных во время Второй мировой войны.

Согласно обнародованным данным Федеральной службы безопасности (ФСБ) России, тысячи советских граждан и солдат, захваченных японцами с 1930-х гг. до 1945 г. и доставленных в Маньчжурию, содержались в концентрационном лагере «Хогоин» вблизи Харбина и подвергались всевозможным пыткам и экспериментам по применению биологического оружия. Когда захваченные советские солдаты даже под пытками отказывались работать против Советского Союза, секретные службы Японии переводили их в 731-ю спецчасть японской Квантунской армии и там совершали чудовищные акты, подвергая экспериментам по применению биологического и бактериологического оружия.

Согласно записям допросов, сделанных в июне 1948 г. в рамках подготовки Хабаровского военного трибунала, Иидзима Иосио, начальника концентраци-

онного лагеря «Хогоин», и его заместителя Ямагиси Кендзи, начальника следственного отделения лагеря, выяснилось, что лагерь был рассчитан на 150 человек и в нем в 1945 г. размещались только русские. Среди них советский пилот, случайно приземлившийся в Маньчжурии, и гражданские лица, арестованные на границе. Иидзима Иосио сказал, что целевая группа 731-й части изучала бактериальное воздействие на организм человека и «нуждалась в живых людях». Кэндзи Ямагиси сказал, что на советских заключенных проводились различные тесты «для проверки эффективности новых токсинов и бактериальных агентов». В ходе испытаний большинство советских заключенных были заражены бактериальными инфекциями, такими как сибирская язва, холера и брюшной тиф, и Япония создала на их основе различные виды биологического оружия.

Ямакиси Кендзи признался, что лично он убил около 40 человек, отказавшихся дать какие-то сведения об СССР, в том числе рядового Демченко, офицера Игнатова, советских граждан Канева, Перебоева, Романченко.

ФСБ России сообщила, что в 1944 г. японская армия планировала использование бактериологических бомб, и эти данные полностью подтвердил последний командующий Квантунской армией Отодзо Ямада на Хабаровском военном трибунале.

Исии Сиро, 1892 г. рождения, генерал-лейтенант сухопутных войск Японии, был создателем и руководителем 731-й воинской части Квантунской армии. Доктор наук, микробиолог Исии был маниакальным сторонником бактериологической войны. Во время японской интервенции в Китай он занимал должность начальника Службы безопасности водоснабжения армии (противоэпидемиологической службы). В районе города Харбина многие годы он проводил опыты по бактериальной инфекции, по замораживанию людей и частей их тел, анатомированию живых людей и др. эксперименты, в результате которых было инфицировано большое число китайских военнослужащих и гражданских лиц, которых после проведения над ними опытов убивали. Исии получил 3 патента: на выращивание бактерий, на водяной фильтр, на фарфоровую бактериологическую бомбу. Последняя является одним из самых важных видов оружия. 9 октября 1959 г. в возрасте 67 лет Исии умер от онкологического заболевания.

731-я часть была создана в 1932 г. под руководством Исии Сиро под названием «противоэпидемического исследовательского центра». В 1941 г. центр был повышен в статусе, получил номер и стал называться отрядом № 731. Для сторонних людей 731-я часть называлась «Департаментом противоэпидемиологической службы» (специализация – эпидемиологическое состояние воды). В действительности здесь изучали проблемы бактериологической войны и проводили опыты над живыми людьми. Она располагалась в местечке Пинфан, примерно в 20–25 км от Харбина.

Подвергшиеся опытам люди были не только корейцами. Японская жандармерия отправляла в отряд «специальный контингент». Среди них были китайцы, русские, в том числе антифашисты из зарубежных стран. Они умерли от анатомирования, заражения бактериями, от опытов по обморожению. Людей, предназначенных для опытов, японцы называли «марута» (бревна).

Жертвами бесчеловечных опытов были в большинстве своем военнопленные разных национальностей: корейцы, китайцы, монголы, а также военнослужащие Союзных войск (США, СССР).

В результате юридических сделок с военными преступниками США смогли получить все документы, в том числе отчеты по проводившимся опытам над людьми. Сотрудников 731-й части, преуспевших в послевоенной общественной жизни, намного больше, чем понесших наказания за преступления. И это связано с юридической сделкой с США. Освобожденные от ответственности по военным преступлениям лица испытали лишь некоторые неудобства в процессе судебного разбирательства. В этом главная причина того, что помимо массовой резни в Нанкине, убийства людей в Маньчжурии и сексуального рабства, в США почти не говорят о 731-й части.

731-я часть была полностью бактериологическим подразделением Квантунской армии в Харбине (провинция Хэйлунцзян, Китай). С 1939 г. по 1942 г. при помощи новейшего технологического оборудования она произвела 639 кг бактерий. Этого количества было достаточно, чтобы обречь на мучительную смерть десятки миллионов людей.

В 731-й части были проведены различные опыты и тесты по меньшей мере на 3 тысячах военнопленных и др. лицах, начиная с 1936 г. по лето 1945 г. Применялись три основных типа экспериментов, проводившихся на людях (марута): бактериальные, экстремальные и биологические.

Бактериальные эксперименты – это опыты над ничего не подозревавшими людьми, когда распыляли с самолетов поры чумы, а затем наблюдали, как распространяется и протекает болезнь в деревне; это эксперименты с отравлением холерными бактериями колодцев в селах и наблюдение, как заболевают люди холерой и как они умирают. Это эксперименты по определению эффективности бактериологической бомбы, по скорости и объему передачи от человека к человеку инфекции. Для этой цели здоровых и инфицированных людей в разной пропорции помещали в одном помещении разного размера, в том числе и наземных и подземных закрытых лабораториях, карцерах, тюремных камерах, и определяли, как, с какой скоростью происходит заражение здоровых людей.

Экстремальные эксперименты включали опыты с высоким давлением, когда людей помещали в специальные барокамеры и определяли, как каждая часть человеческого организма реагирует на нарастающее давление и как они перестают выполнять свои функции, при каком давлении и при какой продолжительности такого давления люди умирают. Опыты с замораживанием людей проводились так:

зимой в самые морозные дни людей полностью обнаженными выводили на поле, привязывали к столбам и наблюдали, какие части тела раньше при каком морозе замерзают, при какой температуре, при какой продолжительности пребывания на морозе люди умирают.

Это были не единичные опыты, а массовые, поскольку раздельно определяли, как выдерживают эти эксперименты люди разных национальностей, разные по месту проживания, возрасту, полу, профессии и т.д. Проводились опыты с ожогами, неврологические эксперименты, когда вскрывали у живого человека череп и выявляли, как организм реагирует на прикосновение, поражение, а затем удаление отдельных участков мозга, пока не удаляли весь мозг. Неврологические опыты также включали влияние пули на человеческий организм, в частности, изучали, как разные органы человека реагируют на проникшую в мозг и другие органы живого человека пулю.

С подписанием 2 августа 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» Акта по полной и безоговорочной капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война. Но и сегодня, по прошествии более полувека, последствия самой ужасной в XX веке войны по-прежнему потрясают людей. До сих пор США, Канада. Великобритания и другие страны ищут нацистов, ставших глубокими стариками, для наказания за преступления, совершенные в годы войны. Не только они, но и Германия сообщает населению об ужасных злодеяниях нацистов, управлявших страной.

Однако в отличие от Германии о злодеяниях высших руководителей японской армии мало что известно. В Японии почти нет людей, которые рассказывали бы или писали о массовых убийствах в Нанкине, совершенных японскими военнослужащими, о сотнях тысяч сексуальных рабынь из Кореи, Китая и Филиппин для японских армейских борделей, об опытах над живыми людьми, которые проводили японские ученые в интересах японской армии, и др. преступлениях в годы Второй мировой войны.

За прошедшие после окончания войны годы не было ни одного премьера или представителя правительства Японии, который касался бы ужасных преступлений Японии. До сих пор японские руководители отказываются извиняться за прошлую историю. Руководящие Министерством культуры и науки Японии крайне правые чиновники пытаются полностью отрицать преступления Японии и японской армии во время войны. Из учебников по истории и культуре, по указанию министерства, вымарывают всякие упоминания о Нанкинской резне или бактериологической войне. В результате обычные японцы почти ничего не знают о преступлениях своего государства на территориях других стран в прошлом.

В Японии те же ученые, которые во время Второй мировой войны проводили над людьми биологические эксперименты, после войны более полувека вели научные исследования, в частности в Японском институте здравоохранения. Какую работу они там проводили, научному сообществу других стран неизвестно, но по крайней мере 9 директоров и 5 заместителей директоров этого института в 1930–1940-е гг. имели отношение к экспериментам над живыми людьми. Институт получает правительственное финансирование. Известные как военные преступники ученые работают в этом учреждении и, используя свои служебные позиции, более 40 человек из них (без согласия или обманом получив согласие) продолжают биологические эксперименты над живыми людьми. Заместитель директора института Масакита Таока не только в 1947 г., но с 1952 по 1955 г. проводил биологические эксперименты над заключенными и детьми младшего дошкольного возраста, а также психически и неврологически больными людьми. В 1952 г. один ученый этого института проводил опыт над новорожденным в 1-й государственной больнице в Токио. Он же в с 1961 г. по 1971 г. проводил опыты над солдатами Сил самообороны по одной из разновидностей дизентерии «Шигелла».

Исии Сиро проводил эксперименты над людьми тремя способами. Первый, отмеченный им как самый важный, использовался в лаборатории в вышеупомянутом районе около Харбина Пинфан. Второй использовался для понимания возможностей поражения людей при использовании бактериологической бомбы, для чего несчастных «марута» вывозили на равнинное место и сбрасывали туда бактериологическую бомбу. Третий состоял в том, чтобы проверить, как обнаженные люди (гражданские лица и военные) переносят бактериальное заражение.

По плану, составленному Исии в рамках изучения бактериологического оружия, такие эксперименты над людьми проводились сотни, а то и тысячи раз. В лагере «Хогоин» в корпусах 7 и 8 из небольших комнат или маленьких тюремных камер «марута» направлялись в подземные лаборатории. В них для выявления степени эффективности распыления бактерии для каждого эксперимента использовалось разное количество бактерий. Чтобы узнать, какие способы заражения наиболее эффективны, экспериментаторы отравляли еду, одежду, посуду, столовые приборы испытуемых. Жертвы биологических опытов ели зараженный сибирской язвой шоколад, содержащие бактерии чумы булочки и торты или пили содержащие разные количества бактерий чай, кофе, молоко, воду, пиво и крепкие спиртные напитки. Узнавши, что сельскохозяйственные культуры являются эффективными усвоителями бактерий в организме человека, Исии проводил опыты по кормлению людей зараженными овощами и фруктами. Приверженец Исии Наито Рёичи проводил подобные исследования с использованием различных овощей и фруктов в Стоматологическом институте Сухопутных войск Японии в Токио.

Сотрудники отряда проводили большое количество опытов над людьми с использованием бактерий чумы, сибирской язвы и тифа. В «больнице смерти» в Чанчуне в Китае в течение 9 лет опытов над людьми были умерщвлены сотни и тысячи «материалов для опытов», которые скончались от инфекционных

бактерий. Патологоанатомы анатомировали не только трупы, но и живых людей. Анатомирование патологоанатомами в Вакамацу имело большие отличия от подобных мер в обычных больницах. Они выкладывали трупы на анатомический стол, очень тщательно вскрывали трупы и извлекали из них клетки и органы, а затем маркировали каждую из них. В двух рапортах об использовании бактерий сибирской язвы и холеры сообщается, что ученые воинских частей в Чанчуне тщательно изучали трупы и болезни.

В «9 рапорте» объемом в 372 страницы отмечены симптомы 21 человека и имеются сотни рисунков и фотографий клеток и органов. В «А рапорте» (406 страниц) о 30 опытах по сибирской язве также содержится большое количество рисунков и фотографий строения клеток и органов.

Кроме того, в составленном жандармерией Квантунской армии отчете с 1936 по 1945 г. содержится неоспоримый факт, что японская армия для биологических опытов насильно направила в 731-ю часть 277 человек из числа корейцев, китайцев и советских людей для использования в создании бактериологического оружия. Направляемых людей характеризовали как «преступников», которых обвиняли в шпионаже (диверсиях) и в идеологических преступлениях (участие в национально-освободительном и коммунистическом движении). Это также свидетельство того, что участники освободительного движения объявлялись «преступниками» и использовались для проведения варварских биологических опытов.

В КНР обнародован доклад командующего японской жандармерией в Китае о том, что в результате 6 недельного штурма города Нанкин в провинции Цзянсу с декабря 1937 по январь 1938 г. население города сократилось с 1 млн до 335 тысяч человек. В докладе также указано, что в это время в г. Уху провинции Аньхой в течение 10 дней число вианбу увеличилось на 84 человека, а из 109 вианбу 25 были китаянки, 36 – кореянки. Эти документы были зарыты японцами в августе 1945 г. в подвале здания командования жандармерии Квантунской армии в столице Маньчжурии Чанчуне и обнаружены властями КНР в 1953 г.

Сексуальное рабство в японской армии – преступление против человечности.

После вторжения японской армии в Маньчжурию участились случаи изнасилования китаянок японскими солдатами, что вызвало много жалоб от местного населения. Кроме того, в армии стали распространяться венерические болезни, что оказывало отрицательное влияние на ее боеспособность. Для исправления ситуации с 1932 г. стала создаваться система армейских борделей, а в 1937 г. после кровавой резни в Нанкине армейские бордели стали официально управляться армией.

До 1938 г. набор в армейские бордели осуществлялся в основном под предлогом найма молодых женщин для работы на заводах и в ресторанах в городских районах. Чтобы не было утечки в СМИ о наборе женщин в бордели, работа проводилась тайно. Но когда все же об этом стало известно, возникли трудности с вербовкой женщин. Поэтому армия взяла на вооружение методы охоты на рабов, использовавшиеся европейскими работорговцами. Жертвами такой охоты становились женщины не только из Кореи, но и Японии, России, Нидерландов, Китая, Соединенных Штатов, Франции и Юго-Восточной Азии, но кореянки были самыми многочисленными (около 200 тысяч): от девочек 11–12 лет до 43-летних замужних матерей. В японских военных документах бордели назывались «военными центрами комфорта», «военными клубами», «военными центрами отдыха» или «санитарными общественными туалетами», рабыни подвергались сексуальному насилию каждая от 15 до 70 раз в день. Кроме того, сексуальные пытки применялись в местах под землей или в тайных комнатах, где использовались устройства для сексуальных пыток. Документы свидетельствуют, что в этих местах армейские хирурги у забеременевших женщин без колебаний удаляли плод и матку. Большие объемы документов плохо поддаются систематизации, поэтому трудно назвать точное число жертв такого сексуального рабства. Но они есть в японских архивах и в США.

В китайском ежемесячнике «Инспекции почтовой службы» был напечатан доклад о результатах инспекции жандармерией Квантунской армии почтовых отправлений. В нем сообщалось, что в созданном в городке Ихэ провинции Хейлунцзян армейском борделе содержится 20 секс-рабынь – все кореянки, и они прибыли туда в соответствии с японским Законом о всеобщей мобилизации.

В отчете о регистрации телефонных разговоров Центрального банка Маньчжурии содержится информация о том, что с декабря 1944 г. по март 1945 г. японская армия 4 раза направляла деньги по графе «приобретение вианбу (секс-рабынь)», и они составили 532 тысячи иен. Это подтверждает, что мобилизация женщин в армейские бордели осуществлялась по решению правительства Японии.

До сих пор исторические ошибки безнаказанности виновных и забвения преступлений сохраняются. На 3 мая 2021 г. в Южной Корее осталось в живых 14 жертв сексуального рабства. Должных извинений от Японии они так и не дождались.

최 재덕,
원강대교수,
원광대한중정치외교연구소장

2차대전중 일본만행 기록-역사를 잊은민족에게 미래는 없다

731 부대의 생체실험은 침략 확대를 위한 특수무기 개발인 세균전의 기획 이였고, 종군위안부 만행은 오랜 전쟁 속에서 성욕 충족과, 스트레스를 풀기 위한 수단 이였다.

1. 731 부대 생체실험-인간 통나무, 마루타 (Unit 731 Biopsy-Human Log, Maruta).

2 차 세계대전 기간 포로 된 소련 군인들과 민간인들을 생물학 세균 개발 실험 대상으로 삼았다는 천일공노할 기밀문서들을 밝혀내 세상에 공개했습니다. 러시아 연방보안국이 밝혀낸 기밀 자료에 따르면 1930 년대부터 1945 년 2 차 세계대전이 끝날 동안 수천 명의 소련 시민들과 군인들이 일본군에 포로 되었으며 만주에 도착한 이들은 하얼빈 지역에 있는 호고인 강제 수용소에 수용되어 온갖 고문과 생물학 세균무기 개발 실험 대상으로 이용되는 만행을 겪었습니다.

당시 일본의 특수비밀기관에서 고문을 당하고 있던 소련군 포로들에게 소련을 반대하여 일하도록 강요할 수 없다는 걸 알게 된 일본은 1945 년 그들을 일본 관동군 산하 731 특수 파견대로 이송해 이곳에서 생물학 세균 무기를 개발하는 실험 대상으로 삼는 천인공노할 만행을 저질렀습니다.

1948 년 6 월 하바롭스크 군사재판의 일환으로 진행된 기록물에 따르면 당시 호고인 강제 수용소 소장 이지마 요시오와 대리인 야마기시 겐지 강제수용소 정보수사 과장을 심문하는 과정에서 수용소가 150 명을 수용할 수 있도록 설계 되었고 조종 실수로 만주에 상륙한 소련군 비행사와 국경에서 일본군에게 체포된 민간인을 포함해 러시아인 만을 수용했다는 사실을 고백했습니다.

이지마 요시오 수용소장은 731 특수파견대는 인체에 대한 치명적인 박테리아 영향을 연구하고 있었으며 실험에는»살아있는 사람이 필요했다»고 실토했고 야마기시 겐지 정보 수사과장은 «새로운 독성물질과 세균 작용제의 작용 효과를 테스트하기 위해» 소련 포로들을 상대로 다양한 실험이 진행되었다고 말했습니다. 실험 테스트 결과 대다수의 소련군 포로들과 시민들이 탄저병, 콜레라, 장티부스 같은 박테리아 전염병에 감염되었으며 일본은 이를 토대로 수많은 세균무기를 만들어냈습니다.

야마기시 겐지는 개인적으로 소련에 대한 정보 제공을 거부한 소련군 뎀첸고 병사와 이그나토프 장교, 소련 시민인 카네프, 페레보예프, 로만첸코를 포함해 약 40 명에 달하는 러시아인들을 살해했다는 것을 고백했으며 앞서 러시아연방 보안국은(FSB) 1944 년에 일본군은 세균 폭탄 사용을 계획했으며 이에 대해 일본 관동군 마지막 사령관이었던 오토조 야마다는 하바롭스크 군사재판 과정에서 관련 사실들을 모두 인정했습니다.

이시이 시로, 1892 년 출생, 일본 육군 중장, 731 부대 창설자이자 지도자다. 의학 박사인 이시이 시로는 세균전 마니아다. 중국 침략 시기 그는 관동군 방역급수부장 신분으로 중국 하얼빈 (哈爾濱) 등지에서 수년간 세균 감염, 동상 실험, 생체해부 등 잔혹한 생화학실험을 진행해 중국의 수많은 군인, 민간인들이 감염되고, 사망했다. 1939~1942 년까지 731 부대는 최신식 과학기술설비로 누계 639.5 킬로그램의 세균을 배양했습니다

이시이 시로도 3가지 '특허발명'을 냈는데, 세균배양상자, 물여과기, 도자기세균폭탄이다. 도자기 세균폭탄은 세균전의 주요 무기 중 하나다. 1959 년 10 월 9 일, 이시이 시로는 암으로 도쿄에서 67 세에 생을 마감했다. 731 부대, 이시이시로가1932 년 8월에 창설했고, 당시 '방역연구실'로 불렸다. 1941 년에 '731'이란 악명 높은 번호로 개명했다. 731 부대의 외부 명칭은 '관동군 방역급수부'지만, 사실 이곳은 세균전 연구와 인체실험을 위한 비밀군사부대였고, 본부기지는 하얼빈시 핑팡(平房)구에 소재했다.

실험대상으로 삼은 사람은 무고한 조선인 외에도 일본헌병대에게 '특별이송'된 중국인. 러시아인 심지어 국제 반파시즘 인사들도 있었습니다. 이들은 생체해부, 세균감염, 동상실험 등 방식으로 잔인하게 죽임을 당했다. 이러한 생체 실험의 대상을 '마루타'라고 불렀습니다.

희생자 중에서는 전쟁 포로들이 대부분이었으며 조선인, 몽골인, 중국인, 연합군 포로 (미군, 소련군 등) 에 이르기까지 다양한 국적의 사람들이 끌려가 희생되었습니다. 미국 또한 전후 전범들과의 사법 거래를 통해 생체실험을 통해 나온 자료를 고스란히 얻을 수 있었다. 실제로 731 부대에서 제대로 된 죗값을 치른 자들보다 사회적으로 출세한 자들이 압도적으로 많은데 이는 미군과의 사법 거래에 의한 것이다. 미국이 자료에 눈이 멀어 전범에게 면죄부를 준 탓에 죽어나간 사람들만 피눈물을 흘리게 됐고, 이는 미국이 난징 대학살, 만주사변, 위안부 문제와 달리 731 부대에 대해서는 최대한 말을 아끼는 가장 큰 이유입니다.

731 부대는 중국 헤이룽장성 하얼빈에 있던 일제 관동군 산하 세균전 부대로 1936 년에서 1945 년 여름까지 전쟁포로 및 기타 구속된 사람 3,000 여 명을 대상으로 각종 세균실험과 약물실험 등을 자행하였다. 731 부대의 생체실험 대상자는 중국인, 소련인, 몽고인과 조선인이였다. 731 부대가 사람(마루타)을 대상으로 한 실험은 크게 3가지로 나눌 수 있다. 세균실험, 극한실험, 생체실험이 바로 그것이입니다.

세균 실험은 페스트균 실험(항공기로 마을에 페스트균을 뿌리고 진행과정을 조사), 콜레라균 실험(우물에 콜레라균을 뿌리고 진행과정 조사), 세균전 실험(세균 폭탄을 만드는 과정 및 효과에 대한 연구, 실험), 세균전이실험(건강한 사람과 세균에 감염된 사람을 한 곳에 가둬두어 어떤 식으로 세균이 전이 되가는지를 알아내는 실험)으로 모두 살아있는 인간에게 잔인하게 실험되었다. 극한실험은 압력실험 (특수압력실을 만들어 놓고 사람의 각 부위가 얼마만큼의 압력까지 견딜 수 있는지 실험), 동상실험(한겨울에 옷을 벗겨 밖에 묶어 놓고 얼마나 견딜 수 있는 지에 대한 실험), 독가스실험(독가스에 얼마나 견디는지 어떤 반응을 보이는지 실험)등을 자행했다. 생체실험은 동상실험, 화상실험, 신경실험(뇌를 열어 뇌의 각 부위를 자극 인체의 몸이 어떻게 반응하는 지 실험), 탄환연구(뇌를 비롯한 인체의 장기에 탄환(총알)이 박혔을 때 어떻게 되는지 연구)등을 잔인하게 한 것 이였습니다.

1945 년 9 월 2일. 일본이 동경항 미국 미쑤리 군함에서 반나치및 반국군주의 동맹국에 무조건적인 항복서를 서명함으로써 제2 차 세계대전은 종식됐습니다. 그러나 반세기가 훨씬 지난 오늘날에도 전세계를 공포에 몰아넣었던 20 세기 사상 가장 끔찍했던 전쟁의 여파는 전후 세대에게도 여전히 충격을 던져주고 있으며 아직까지도 미국과 캐나다, 영국을 비롯한 세계 곳곳에서는 인류애를 저버린 흉악한 범죄자를 처벌하기 위해 이제는 노인이 되어버린 과거의 전범들을 색출해내고 있다. 그뿐 아니라 독일은 국민들에게 한 때 베토벤과 실러, 괴테와 같은 위대한 예술가를 배출한 나라를 12 년 동안 통치한 나치 정권에 대한 무시무시한 공포를 끊임없이 상기시키고 있습니다.

그러나 이상하게도 독일과는 달리 전쟁을 일으키고 전쟁을 이끌었던 일본군 수뇌부의 만행에 대해서는 정확하게 알려져 있는 바가 거의 없다. 끔찍했던 1937 년의 난징대학살이나 수십만 명에 달하는 한국·중국·필리핀 여성을 일본군을 위한 '위안부'라는 명목으로 성 노리개로 부린 점, 화학전(이하 CW (Chemical Warfare) 로 표기)이나 세균전(이하 BW (Biological Warfare) 로 표기)에 사용할 무기를 만들기 위해 과학자들이 자행한 인간 생체실험 같은 주제를 이야기하는 일본인은 거의 없습니다.

지난 반세기 동안 일본의 지도부는 여러 차례 바뀌었지만 자신들의 국가가 과거에 저지른 만행을 언급한 수상이나 정부 대변인은 아직까지 한 명도 없었으며 최근까지도 일본의 지도자들은 과거사에 대한 사과를 거부하고 있다. 일본의 문부과학성을 이끌고 있는 막강한 보수적인 관료들은 과거의 만행을 없었던 일로 만들려고 애쓰고 있다. 일본 문부과학성의 총아들은 학생들을 가르칠 교과서를 승인하기 전에 난징대학살이나 위안부 문제 혹은 세균전에 관한 내용을 삭제해버린다. 그 결과 오늘날 평범한 일본 국민들은 자신들의 조국이 저지른 과거의 만행에 대해 거의 알지 못하고 있습니다.

일본의 경우 제2 차 세계대전 당시 무고한 사람들을 인간 생체실험에 이용했던 과학자들이 전쟁이 끝난 후에도 행정부를 장악한 채 일본 NIH 에서 실시하는 주요 연구를 반세기 동안이나 좌지우지하고 있다. 이들 과학자들이 어떤 일을 했는지에 관해서는 자세히 다루겠지만 여기서는 적어도 전후 NIH 의 소장 7명과 부소장 5 명이 1930 년대와 1940 년대에 자행된 BW 인간 생체실험에 관여했다는 사실은 미리 말해두고자 한다. NIH 는 정부의 지원을 받는 기관이었다. 전범으로 알려져 있는 과학자들은 바로 이 기관에서 일하면서 조직이 부여한 강력한 권력을 사용하여 40 년 이상 사람들의 동의 없이, 혹은 거짓으로 동의를 얻어 인간 생체실험을 계속해 오고 있다. NIH 의 마사미키타오카 부소장은 1947 년뿐만 아니라 1952 년에서 1955 년까지 죄수들과 어린 아기, 정신 병동에 입원한 환자들을 대상으로 인간 생체실험을 자행했으며 1952 년 도쿄에 있는 일본 국립제일병원에서 출생한 신생아를 대상으로 실험을 한 과학자도 있었다. 신생아를 대상으로 실험을 행한 이 과학자는 1967 년에서 1971 년에는 자위대 병사들을 대상으로 이질균의 일종인 시겔라균(Shigella) 에 대한 실험도 실시했다. 이시이는 세 가지 방법으로 인간 생체실험을 자행했다.

첫 번째 방법은 그 중에서도 가장 중요한 실험 방법으로 핑판이나안다와 같은 만주와 중국 점령지에 퍼져 있던 이시이 직속 부대 실험실에서 행한 실험이었다.

두 번째 방법은 바로 위에서 언급한 것처럼 세균 폭탄의 성능을 알아보기 위해 안다에서 인간 마루타를 대상으로 행한 야외 실험이며 마지막

세 번째 방법은 일반 시민과 분대원들을 대상으로 세균 노출 실험을 실시한 야외 실험이었다. 이시이가 전체 계획을 세워 만든 BW 연구 실험실에서 인간을 대상으로 자행한 실험은 수백 건 아니 어쩌면 수천 건에 이르렀다. 본부의 7 번 건물이나 8 번 건물에 있는 작은 방이나 분대의 작은 감옥에서 끌려나온 마루타들은 지하에 있는 실험실로 직행했다.

그 곳에서 과학자들은 개인이나 집단을 대상으로 세균을 살포할 때 어느 정도가 적당한 양인지를 알아보기 위해 각기 다른 양의 세균을 희생자들에게 주입했다. 과학자들은 또한 어떤 방법으로 세균을 살포하는 것이 가장 효과적인지를 알아보기 위해서 세균 보균자의 음식이나 옷감, 기구 혹은 용기 등을 달리하여 실험했다.

생체실험에 희생되는 사람들은 탄저균이 들어 있는 초콜릿이나 페스트균이 들어 있는 쿠키 등 특별한 세균이 들어 있는 여러 가지 음식을 먹어야 했으며, 세균의 양을 달리해서 넣은 차나 커피, 우유, 물, 맥주, 화주와 같은 음료수를 마셔야 하는 사람도 있었다. 농작물이 세균을 퍼뜨리는 효과적인 장비라는 사실을 알아낸 이시이는 수많은 야채와 과일 속에 바이러스를 주입하는 실험도 실시했다. 이를 위해서 이시이의 총명한 신봉자 나이토 료이치는 도쿄에 있는 육군의과대학에서 다양한 야채와 과일을 이용한 BW 연구를 진두지휘했다.

와카마츠의 과학자들은 페스트균과 탄저균, 비저균을 가지고 수많은 인간 생체실험을 자행했다. 중국 창춘 죽음의 공장이 9년 동안 가동되는 동안 수백, 아니 어쩌면 수천이 넘는 '실험 재료'들이 이런 질병에 걸려 죽어갔다. 병리학자들은 셀 수 없

이 많은 시신들을 해부했으며 경우에 따라서는 살아 있는 사람도 해부했다.

와카마츠 병리학자들의 시신 해부 방법은 일반 병원에서 실시하는 부검과는 많은 차이가 있었다. 와카마츠의 병리학자들은 시신을 실험대 위에 올려 놓고 아주 꼼꼼하게 해부한 뒤 시신에서 떼어낸 세포와 조직 하나하나에 표시를 했다. 비저와탄저에 대해 기록해 놓은 두 건의 보고서는 창춘 부대 병리학자들이 시신과 질병을 꼼꼼하게 연구했다는 사실을 말해준다. 21 명의 증상을 기록해 놓은 'G 보고서' 라는 이름의 비저균에 관한 372 면짜리 보고서에는 인간의 다양한 세포가 수많은 파스텔화와 수백 장의 사진으로 담겨져 있다. 또한 'A 보고서'라고 적힌 30건의 탄저열에 관한 사례를 기록해 놓은 406 면짜리 보고서에도 세포 조직을 그린 수많은 파스텔화와 사진이 실려 있다.

관동군 헌병대의 우편물 검열 결과를 담은 중국 '우정검열월보' '에는"헤이룽장성헤이허에 설치된 일본군 위안소의 위안부 20 명이 모두 조선인이며 (일본의) 국가총동원법에 묶여 온 것"이라는 내용이 포함돼 있다.

만주국 중앙은행의 전화통화기록에는 일본군이 1944 년 12 월 1945 년 3 월 4 차례에 걸쳐 공용자금을 군 위안부 '구매' 항목에 지출했고 그 액수가 53 만 2000 엔(당시 화폐단위)에 달했다는 내용이 있어 일제의 군 위안부 동원이 국가 차원에서 자행된 행위였음을 입증하고 있다. 또한, 관동군 헌병대가1936 년부터 1945 년 사이에 작성한 문서들에는 일본군이 생체실험으로 악명 높은'731 부대'로 조선인 이기수를 비롯해 중국인, 소련인 등 277 명을 강제이송해 세균무기 개발의 도구로 이용한 정황이 기록돼 있다. 일본군 문서에는 731 부대로이송한 '범죄자'를 간첩(파괴분자)과 사상범(민족해방운동가 및 공산주의운동가) 두 종류로 구분하고 있어 일제가 독립투사 등을 범죄자로 몰아 생체실험 도구로 사용했음을 보여준다.

일본군이 1937 년 12 월부터 1938 년 1 월까지 6주간 장쑤성 난징을 공격한 뒤 난징의 인구가 100 만 명에서 33 만5000 명으로 줄었다는 내용을 담은 일본군 화중파견헌병대 사령관의 보고서도 이번에 함께 공개됐다. 이 보고서에는 당시 안후이성 우후시에서 열흘 새 위안부 84 명이 늘어났다면서 전체 109 명 중 중국인은 25 명이었고 조선인은 36 명이었다고 기록돼 있다. 이들 기록물은 일제가 1945 년 8월 패망 직후 만주국 수도였던 창춘에 있던 관동군 헌병대 사령부 지하에 묻고 달아난 것을 중국 당국이 1953 년 발굴한 것들이다.

2. 종군위안부 만행(Japanese military sexual slavery crimes against humanity).

일본군은 만주 침략 후 일본군의 중국인에 대한 강간사건이 빈발하여 현지인의 민원이 많아지고 군대 내에 성병이 만연하여 군 전력 유지에 차질을 빚게 되자, 이를 막기 위해 1932 년경부터 군대위안부제도를 도입하기 시작하여, 1937 년 난징 대학살을 계기로 군대 전속 위안부집단을 본격적으로 운영하였다.

모집방법을 보면 1938 년까지는 주로 도시 지역에서 여공 모집, 식당종업원 모집 등의 구실로 인신매매 수법을 이용하였다. 일제는 한국 미혼여성을 위안부로 동원한 것이 언론에 보도되지 않도록 은밀히 시행하였다. 그러나 이 같은 방법으로 모집 동원된 여성들이 위안부 생활을 한다는 것이 널리 알려져 여성을 모집하는 것이 어려워지자 노예사냥과 비슷한 수법을 사용해 위안부를 충원하기도 하였다고 한다.

국적은 한국 뿐만 아니라 일본, 러시아, 네덜란드, 중국, 미국, 프랑스, 동남아시아 등으로 다양했으나 수적으로 한국인이 가장 많아 약 20 여만 명으로 추정되고 있다. 연령도 11,12 살의 어린 소녀들부터 43 의 가정을 가진 어머니도 위안부로 끌려가기도 했다고 할 만큼 다양했다. 위안소는 일본군문서상 '군위안소', '군인클럽', '군인오락소', 혹은 '위생적인 공중변소' 등으로 불렸으며 하루에도 보통 15 명에서 많으면 70 명 까지 성관계를 가지는 성고문을 받았다고 한다. 또한 지하나 은밀한 곳에서 성고문 기기만을 사용하는 곳이 성고문을 자행했다. 임신을 하면 태아와 자궁을 통째로 들어내는 만행도 서슴치 않았다. 이 외에도 많은 자료를 보면 일일이나열하기도 힘들고 끔찍할 정도로 잔인한 행태를 저질렀다.

일본 정부는 2 차 세계대전을 치르는 동안 일본군인들의 성욕을 해소하는 문제를 해결할 필요가 있었다. 군대의 기밀 유지를 위하여 별도의 성행위 장소인 군대 위안소를 만들고, 식민지 및 점령지 출신의 여성들을 모집하여 관리했다. 이것이 자기들의 용어로 '위안부'였다. 이 위안부의 모집에 문제가 있었고, 대표적인 사례로 취업 사기가 있었다. 일본 본토, 한반도, 대만에서 포주들이 «일자리를 소개시켜 준다», «공장에서 일하게 된다»라며 모집하였는데 막상 도착한 곳은 위안소인 식으로 여성들을 끌어들였다.

최근까지도 이 역사적 과오이자 문제는 현재진행형이며2021 년 5 월 3 일 기준 위안부 피해자 14 명이 생존해 있기까지 제대로 된 일본의 사과가 없는 사건으로 도 유명하다.

В. В. Нелидов,
старший преподаватель МГИМО,
научный сотрудник Института востоковедения РАН

Историческая память о Второй мировой войне в послевоенной Японии: роль и значение в политике и обществе

Аннотация
В статье поднимается вопрос об оценках военного прошлого Японии в общественно-политической жизни этой страны. Ключевым элементом оказывается представление о японском народе как жертве Второй мировой войны, что избавляет японцев от ощущения коллективной ответственности за преступления, совершенные японским милитаризмом. К настоящему времени по этому вопросу в обществе сложилось равновесие: правящие силы избегают открытых ревизионистских высказываний, но стараются и не акцентировать проблему вины.
Ключевые слова: Япония, историческая память, проблема ответственности, Вторая мировая война, ревизионизм.

V. V. Nelidov,
Senior Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS

Historical memory of World War II in post-war Japan: role and significance in politics and society

Abstract
The article discusses the evaluations of Japan's war past in the social and political life of this country. The key element turns out to be the perception of the Japanese people as a victim of this war, which saves the Japanese from the feeling of collective responsibility for the crimes committed by Japanese militarism. At present, an equilibrium has formed in Japanese society on these issues: the ruling forces avoid openly revisionist statements while trying not to emphasize the problem of guilt.
Keywords: Japan, historical memory, problem of responsibility, World War II, revisionism.

В начале XXI столетия все большее значение в международной и внутриполитической повестке дня самых разных стран и регионов мира начинают приобретать вопросы, связанные с трактовкой болезненных и трагических событий прошлого. Восточная Азия – регион, где подобная тенденция к «политизации» исторических обид выражена особенно ярко, и споры, связанные с оценками событий тех лет, регулярно омрачают отношения между Японией и ее соседями. Одним из примеров тому является так называемая «проблема учебников»: то, что в некоторых из публикуемых в Японии школьных учебников истории содержатся формулировки, оправдывающие действия Японии накануне и в годы Второй мировой войны, вызывает ожесточенные протесты стран – соседей Японии[1].

Другим вопросом, связанным с отношением к военному прошлому, является проблема храма Ясукуни. В этом расположенном в центре Токио синтоистском святилище почитаются души японских военных, павших за императора. Но среди тех, кто уже в послевоенные годы был внесен в списки этого храма, есть и японские военные преступники, казненные по приговору Токийского трибунала. В результате визиты официальных лиц в храм Ясукуни воспринимаются критиками внутри Японии и за ее пределами как выражение почтения этим военным преступниками и, таким образом, оцениваются как символические жесты, нацеленные на оправдание милитаристского прошлого и потому оскорбительные для стран, пострадавших от японской агрессии[2].

Наконец, особенную остроту в последнее время приобрела так называемая проблема «женщин для утешения» (этим эвфемизмом в годы войны называли девушек из Кореи и других оккупированных Японией стран, которых силой и обманом заставляли работать в японских военных борделях), серьезно омрачающая отношения между Токио и Сеулом[3].

Хотя указанные выше и некоторые другие вопросы, касающиеся влияния событий исторического прошлого на отношения Японии со странами-соседями,

достаточно исследованы в отечественной и зарубежной литературе, проблема того, как именно эти вопросы отражаются в общественно-политической жизни самой Японии, заслуживает более подробного рассмотрения.

В первые послевоенные десятилетия вопрос об оценке трагических событий колониального и военного прошлого был для японской общественной и политической жизни относительно периферийным, чему прежде всего способствовала специфика развития Японии во время и непосредственно после американской оккупации.

На начальном этапе оккупации Японии был предпринят ряд мер, нацеленных на то, чтобы предотвратить какую бы то ни было возможность подъема военного реваншизма. Одним из ключевых шагов этого периода стало принятие новой Конституции, проект которой был подготовлен Штабом оккупационных войск, принят японским руководством с некоторыми поправками и вступил в силу в мае 1947 г. Именно знаменитая «мирная» 9 статья Конституции, провозглашающая отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров, и по сей день остается краеугольным камнем политики Японии в сфере национальной безопасности.

Однако уже к концу 1940-х гг. приоритеты американских оккупационных властей резко поменялись. В условиях нараставшего противостояния с Советским Союзом, а также очевидной перспективы победы коммунистов в Китае стало ясно, что именно Япония должна стать для Вашингтона главным союзником и форпостом в Восточной Азии. Поэтому уже с 1948 г. оккупационные власти свернули многие из мер, нацеленных на демократизацию и демилитаризацию страны. Одним из следствий этого было то, что в политическую и общественную жизнь смогли вернуться многие подвергнутые незадолго до этого репрессиям деятели военного времени. В результате, в отличие от нацистской Германии, правящая верхушка которой была практически полностью вычищена и в любом случае не имела никакой возможности сохранить власть ни в ФРГ, ни в ГДР, в Японии политическая элита сохранила непосредственную преемственность с довоенным периодом. В результате, в отличие от ФРГ и тем более ГДР, лидеры которых решительно заявили о своем категорическом отказе от наследия нацистской Германии, руководство послевоенной Японии, подчас занимавшее видные посты еще до 1945 г., в первые послевоенные десятилетия хотя и не высказывало откровенно реваншистских идей, а во внешней политике придерживалось курса на сотрудничество с Соединенными Штатами, тем не менее предпочитало попросту не акцентировать внимание на вопросах, связанных с ответственностью за Вторую мировую войну.

Периферийную роль темы ответственности за войну во многом определяла и специфика памяти о войне, сохранявшейся у переживших ее простых японцев. В коллективной исторической памяти война ассоциируется прежде всего не с агрессией Японии в Азии, а с образами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, разрушительных авианалетов на Токио и другие крупные города и кровопролитных боев на Окинаве. При этом, поскольку война видится скорее как постигшее страну безличное бедствие, а не как преступление, то и вина Соединенных Штатов в применении ядерного оружия против мирного населения, как правило, не акцентируется. Как отмечает японский ученый Онума Ясуаки, в годы войны японцы «были слишком занятыми своими страданиями, чтобы думать о судьбе других, которых их солдаты убивали, калечили и приносили им огромные страдания»[4]. Эта же ситуация в послевоенные годы закрепилась в качестве своеобразного «комплекса виктимности» – идеи, что японцы были прежде всего жертвами войны, что избавляло японское общество от бремени вины и необходимости рефлексии относительно причин, которые сделали возможным само развязывание войны[5].

Вопрос об оценках исторического прошлого начал играть более значимую роль в общественных, политических и академических дискуссиях с конца 1970-х гг., когда превращение Японии в одну из ведущих экономических держав придало японскому обществу новую уверенность в своих силах. С одной стороны, среди представителей консервативной части политического спектра все громче стали звучать голоса тех, кто считал, что Японии стоит отказаться от «мирной» 9-й статьи, создать полноценные вооруженные силы, стать «нормальной страной» (подразумевалось, что конституционные пацифистские ограничения делают ее «ненормальной») и тем самым «подвести итоги» войны.

С другой стороны, с 1980-х гг. о необходимости более откровенного осмысления ответственности Японии за военное прошлое начали все чаще говорить придерживавшиеся левых и пацифистских взглядов японские ученые, журналисты и представители неправительственных движений. Ведущую роль в этом процессе с самого начала играли общественные организации пацифистской и правозащитной ориентации, такие как объединения жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, движения за запрет ядерного оружия, женские объединения, занимавшиеся защитой прав корейского меньшинства в Японии.

Часто эти организации были аффилированы с левыми политическими силами – Социалистической партией Японии (СПЯ) и Коммунистической партией Японии (КПЯ). Продвигаемая японскими социалистами и коммунистами трактовка событий Второй мировой войны также подчеркивала роль японского народа как жертвы, но при этом они противопоставляли пострадавших от войны простых японцев милитаристскому режиму и обвиняли правящую консервативную Либерально-демократическую партию (ЛДП) в ревизионизме и реваншизме.

Резкому повороту в официальной позиции по этим вопросам исторического прошлого способствовали тектонические сдвиги, произошедшие

в японской политике в начале 1990-х гг. В 1993 г. ЛДП впервые с момента своего основания в 1955 г. оказалась в оппозиции, а к власти пришло коалиционное правительство восьми партий, во главе которого встал Хосокава Морихиро. Уже во время своей первой пресс-конференции он сделал беспрецедентное заявление, признав, что Япония вела агрессивную войну. Примечательно, что практически сразу же после заявления Хосокавы группа депутатов парламента от ЛДП, имевших тесные связи с Японской ассоциацией членов семей павших (*Ниппон Идзокукай*, общественной организацией, объединяющей родственников погибших во Второй мировой войне и стоящей на националистических позициях) и храмом Ясукуни, потребовала от Хосокавы отказаться от своих слов и осудила его заявление, отметив, что оно представляет только Японию виновной в войне, игнорируя при этом военные преступления, совершенные странами-союзницами[6].

Коалиционное правительство не смогло долго удержаться у власти, и уже в следующем, 1994 г. к власти снова вернулась ЛДП. Однако ей также пришлось сформировать коалиционное правительство, в которое, помимо небольшой партии Сакигакэ, вошла СПЯ, еще совсем недавно бывшая главным оппонентом ЛДП в условиях «системы 1955 года». Даже пост главы правительства либерал-демократы были вынуждены уступить социалистам: премьер-министром стал председатель ЦИК СПЯ Мураяма Томиити.

Ради вхождения во власть социалисты, в свою очередь, пошли на ряд принципиальных программных уступок: они отказались от критики японо-американского Договора безопасности и согласились с существованием Сил самообороны. В конечном счете, такой политический оппортунизм обошелся им очень дорого. Потеряв почти всех своих лояльных избирателей, СПЯ, с 1996 г. переименованная в Социал-демократическую партию (СДП) и всего за несколько лет до этого бывшая главной оппозиционной силой, уже во второй половине 1990-х гг. превратилась в одну из мелких политических партий, практически не имеющих существенного влияния в японской политической жизни.

Однако с точки зрения оценок военного прошлого короткое пребывание социалистов у власти оказалось важным рубежом. 15 августа 1995 г. на церемонии в честь годовщины окончания войны премьер Мураяма заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония, проводя ошибочную государственную политику, пошла по пути к войне, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и страдания многим странам, и особенно народам Азии. […] Еще раз выражаю чувство глубокого сожаления и приношу искренние извинения».

Изменение официальной позиции по вопросу об ответственности Японии породило во второй половине 1990-х гг. реакцию со стороны консервативных политических кругов, националистических общественных организаций и сочувствовавших им простых граждан, среди которых распространилась определенная «усталость от извинений». Они настаивали на том, что подобные шаги унизительны для Японии, аргументируя свои взгляды тем, что в преступлениях, в которых обвиняют японское государство, повинны и западные державы, в свое время также бывшие колониальными метрополиями. Сыграл свою роль и внешний фактор. Демократизация в Южной Корее и перенос акцентов государственной идеологии в КНР с социализма на патриотизм привели к тому, что эти страны, на протяжении 1960–1970-х гг., как казалось тогда, окончательно закрывшие вопросы военного прошлого, начали вновь активно обвинять Японию в недостаточном раскаянии.

При этом общественные дискуссии по вопросам, связанным с трактовкой проблем исторического прошлого, отражают важную особенность политического процесса в Японии: ведущую роль в артикуляции позиций с обеих сторон политического спектра играли не столько политические партии, сколько общественные движения. В результате по такому чувствительному вопросу, как проблема ответственности Японии за преступления военного прошлого, можно услышать острые и даже провокационные высказывания отдельных политиков, но крупные политические партии и особенно правящая ЛДП ограничиваются довольно обтекаемыми заявлениями по этому вопросу. И, напротив, радикальные ревизионистские высказывания, как правило, воспринимаются почти всем японским обществом как категорически неприемлемые. Поэтому, хотя на улицах японских городов и можно увидеть протестные акции представителей ультранационалистических группировок и движений (по-японски называемых *уёку дантай*, «правые группы»), какого бы то ни было реального влияния на политику страны они не имеют. Что же касается политического мейнстрима, то даже те из лидеров правящей ЛДП, кто сочувственно относится к националистическим и ревизионистским кругам, как правило, стараются излишне не акцентировать внимание на этих вопросах и ограничиваются отдельными, символическими жестами, руководствуясь прежде всего соображениями политического прагматизма. В полной мере это относится и к наиболее влиятельному лидеру ЛДП и премьер-министру Японии последнего времени Абэ Синдзо, возглавлявшему японское правительство с 2012 по 2020 г.

Самого Абэ часто характеризовали как националиста, и эта оценка не лишена основания: политик является одним из видных членов националистической организации «Ниппон кайги» («Японская конференция»), объединяющей многих представителей японской политической элиты. Но те шаги, которые он предпринял в период пребывания у власти, и те заявления, которые он делал, позволяют говорить о том, что к вопросам, связанным с проблемами исторического прошлого, он подходил с большой осторожностью.

Так, например, в декабре 2013 г. Абэ посетил храм Ясукуни, что стало первым визитом главы правительства с тех пор, как в августе 2006 г. святилище посетил премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро. Но в опубликованном после этого официальном заявлении была предпринята попытка смягчить возможную негативную реакцию со стороны японской и иностранной общественности. От имени премьера в нем, в частности, говорилось: «Япония больше никогда не должна начинать войны. Это мое убеждение основано на остром раскаянии за прошлое. Стоя перед душами погибших, я обновил свою решимость твердо держаться клятвы об отказе от войны». Кроме того, там особо подчеркивалось: «У меня совершенно нет намерения ранить чувства китайского и корейского народов. Мое желание состоит в том, чтобы […] с уважением строить отношения дружбы с Китаем и Республикой Корея, как это делали все предыдущие премьер-министры, посещавшие храм Ясукуни»[7]. [Заявление Премьер-министра… 2013 г.]. И после того, как посещение святилища в 2013 г. вызывало волну критики внутри Японии и за ее пределами, премьер Абэ ни разу не посещал его лично, ограничиваясь отправкой подношений от своего имени.

Краткий обзор процесса развития и трансформации оценок военного прошлого в японской политической и общественной жизни позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ключевым элементом национальной памяти является представление о японском народе как прежде всего жертве войны. Этот тезис фактически разделяется представителями почти всех сегментов политического спектра. Разница лишь в том, что для левых, стоящих на пацифистских позициях, виновником войны является милитаристский режим, а правые ревизионисты в той или иной степени готовы оправдывать японское правительство, подчеркивая, что ответственность за развязывание войны несут и страны, против которых Япония воевала.

Во-вторых, в первые послевоенные десятилетия вопрос о собственно ответственности Японии за войну занимал в общественной и политической жизни страны относительно второстепенное место. Этому способствовали как геополитические условия (Япония оказалась в крайне выгодной для себя позиции ключевого союзника США в Восточной Азии), так и специфика японской внутриполитической ситуации, заключавшаяся в том, что ключевой политической силой в стране оказались консервативные политики, многие из которых пришли во власть еще до 1945 г.

В-третьих, важным пунктом внутриполитической повестки вопрос об ответственности за войну стал лишь к концу XX века, что было обусловлено рядом причин внутреннего и внешнего характера: развитием деятельности неправительственных гуманитарных и правозащитных организаций, сломом системы единоличного господства ЛДП, а также все более активными претензиями со стороны стран – соседей Японии и распадом биполярной системы международных отношений в целом. Активизация движения за признание ответственности Японии за военное и колониальное прошлое породила и ответную реакцию: представители правых сил, тесно связанные с частью правящего консервативного лагеря, начали все более активно протестовать против того, что они воспринимали как унизительное и бесконечное «самоистязание».

Наконец, в-четвертых, на данный момент по вопросу о трактовке военного прошлого в японской политической и общественной жизни сложилось определенное равновесие. Политическое руководство в лице правящей ЛДП в целом признает ответственность Японии, но предпочитает не акцентировать внимание на этом вопросе, подчеркивая не столько вину своей страны за прошлое, сколько ее обращенность в будущее и важность уроков войны с точки зрения сохранения приверженности Японии ценностям свободы, мира и демократии. Открыто ревизионистские и оправдательные по отношению к милитаристской Японии взгляды по-прежнему остаются уделом политических маргиналов, но и глубокого раскаяния в прошлых событиях, которое стало элементом национальной идеологии в Германии, в японском обществе также практически не наблюдается. Представляется, что понимание этой специфики, в значительной мере обусловленной особенностями японской политической и общественной жизни, необходимо в том числе и для выстраивания конструктивного и плодотворного диалога по историческим вопросам между Россией и Японией.

Примечания

[1] *Стрельцов Д. В.* Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Ежегодник Япония. 2014. № 43. С. 18–21.

[2] *Молодякова Э. В.* «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует // Япония: тотальная победа консерваторов. Изб. тр. 2000–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2017. С. 178–192; *Стрельцов Д. В.* Указ. соч. С. 8–9.

[3] *Дьячков И. В.* Историческая память и политика: проблема «женщин для комфорта» в современных южнокорейско-японских отношениях // Японские исследования. 2019. № 4. С. 72–87.

[4] *Onuma Y.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. Vol. 20. P. 604.

[5] *Orr J. J.* The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan. Honolulu: University of Hawaii Press. 271 p; *Стрельцов Д. В.* Указ. соч. С. 12–13.

[6] *Saito H., Wang Y.* Competing Logics of Commemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem // Sociological Perspectives. 2014. Vol. 57(2). P. 175.

[7] Заявление Премьер-министра Японии С. Абэ «Клятва в вечном мире» (неофиц. пер.). 26.12.2013. URL: http://japan.kantei.go.jp/96abe/statement/201312/pdf/26danwa_ru.pdf (дата обращения: 02.09.2021).

Д. В. Стрельцов,
МГИМО

Наследие Второй мировой войны в Японии: консервативная и прогрессивная традиции

Аннотация
Сторонники консервативной традиции в Японии полагают, что Япония в годы войны действовала точно так же, как и все прочие западные страны, и проводила в Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов. Консервативную традицию характеризует также критическое отношение к Токийскому трибуналу, который многие ее сторонники называют «правосудием победителей». В свою очередь, сторонники прогрессивной традиции акцентируют внимание на страданиях простых японцев в ходе войны, ставших жертвами милитаристской элиты.
Ключевые слова: Вторая мировая война, консервативная традиция, прогрессивная традиция, пацифизм, Токийский трибунал, виктимность, милитаристский режим.

D. V. Streltsov,
MGIMO University

The legacy of World War II in Japan: conservative and progressive traditions

Abstract
Supporters of the conservative tradition in Japan believe that during the war Japan acted in the same way as all other Western countries, and that it pursued in Asia the policy of national liberation from white colonialism. The conservative tradition is also characterized by a critical attitude towards the Tokyo Tribunal, which many of its supporters call «the victors' justice». In turn, the supporters of the progressive tradition focus on the suffering of ordinary Japanese during the war, who became victims of the militaristic elite.
Keywords: World War II, conservative tradition, progressive tradition, pacifism, Tokyo Tribunal, victimhood, militaristic regime.

Консервативная традиция в Японии предполагает гламурный взгляд на собственную историю. Консерваторы склонны отрицать или, по крайней мере, преуменьшать агрессивный характер войны. Они исходят из того, что война не была спланированным и сознательным актом агрессии, а Япония была скорее принуждена к ведению войны внешними силами. Например, депутат ЛДП и бывший министр обороны Т. Инада, отражая эти взгляды, доказывала, что Японии вела войну «за собственное выживание и в интересах самообороны». Она открыто призвала премьера С. Абэ «избавиться от взгляда на историю, привнесенного Токийским трибуналом»[1].

Широкое распространение получил тезис о том, что империалистическая Япония действовала в условиях того времени точно так же, как и все прочие западные страны, а все ее действия были направлены на выход из кризиса. Япония весь период новейшей истории с момента выхода на траекторию вестернизации действовала по сложившимся тогда правилам и была ничуть не хуже других империалистических держав, включая победивших ее США и Великобританию. По мнению японского политолога М. Цудзита, хотя период военного времени характеризовался тем, что в стране сложилась крайняя форма тоталитаризма, ничего экстраординарного в политике Японии не было: она была последовательной в своем стремлении стать равной мировым державам и повысить свой статус в глазах других народов мира[2].

Сама Япония стала жертвой правосудия победителей над побежденными. Иными словами, вина страны заключается не в каких-то особых «преступлениях», связанных с экспансионистской политикой, а лишь в том, что она проиграла войну.

Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчеркивается, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США. Например, Абэ, выступая на церемонии по поводу 70-летия окончания войны, заявлял о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономическо-

го и дипломатического тупика», спровоцированного политикой Запада»[3].

Более того, часть радикально настроенных консерваторов правой ориентации настаивают, что Япония проводила в Юго-Восточной Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов. Сторонники этой традиции утверждают, что японская политика военного времени была оборонительной, что продвижение (а не агрессия) Японии на материке была реакцией на политику «белого колониализма» и даже ставила себе целью освободить от него азиатские народы.

Сторонники «теории освобождения Азии» склонны рассматривать начатую в 1910 г. колонизацию Кореи не как ее порабощение, а как «мирное заключение международного договора». Война против Китая, как и экспансия Японии в страны Юго-Восточной Азии, считались оправданными, поскольку конечной их целью было освобождение от господства белой расы и возвращение Азии азиатам. Япония, по их мнению, косвенно достигла одной из своих главных целей, даже проиграв войну, поскольку в послевоенный период большинство бывших колоний европейских империй достигли политической независимости. Один из консервативных политиков от правящей партии Итагаки Тадаси следующим образом дал свою положительную оценку тому, что Япония сделала в Азии: «Вы неоднократно говорили, что Япония вторглась в Азию, но на самом деле Япония освободила Азию. Разве можно было бы освободить Азию от колониального господства [Запада] без Великой восточноазиатской войны»?[4]

Важный для консерваторов вопрос касается зверств, совершенных императорской армией во время войны. Консерваторы оспаривают многие обвинения, выдвинутые против Японии азиатскими странами, заявляя о том, что масштабы «Нанкинской резни» были сильно преувеличены и лишены доказательных оснований, а реальное число ее жертв не превышает нескольких тысяч человек, что «женщины для утешения» были наемными проститутками, что система «станций для утешения» была обычной практикой в армиях того времени и что военные преступления, в том числе в отношении мирного населения, совершались армиями других стран (в том числе американской), а не только японской. Это выразилось, в частности, в публичном выражении японским премьер-министром сомнений по поводу существования самой проблемы «женщин для утешения»: 1 марта 2007 г. Абэ, выступая в парламенте, заявил об отсутствии каких-либо доказательств их принуждения.

Консервативную традицию характеризует также критическое отношение к Токийскому трибуналу, который многие называют «правосудием победителей» и который так и не обрел морального авторитета среди японцев и не стал уроком для Японии[5]. Наибольшее неприятие вызывает обозначенная судом оценка действий Японии с момента начала ее экспансии в Китай в 1931 г. (т.н. «взгляд Токийского трибунала на историю» *Токио сайбан сикан*, или «Взгляд Дальневосточного трибунала на историю» *Кёкуто сайбан сикан*). По мнению консерваторов, этот взгляд отличает предвзятое отношение к действиям Японии в период между 1931 и 1945 гг., которые подлежат безоговорочному и бездоказательному осуждению как «акты агрессии», тогда как всё, что делали враги Японии, объявляется высокоморальным и оправданным. Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побежденным соперником.

Сомнения выражаются и в отношении юридической обоснованности вердикта. Например, утверждается, что «преступления против мира» или «преступления против человечества», в котором обвинялись японские военные лидеры, были концептами, специально придуманными победившими державами, чтобы наказать побежденную нацию, и что применялись эти обвинения задним числом, поскольку такие преступления не были установлены в международном праве. Это мнение разделял и премьер-министр Японии Абэ, который в своей книге «В направлении «красивой страны», опубликованной в 2006 г., отмечал, что действия Трибунала нарушают принцип международного права о неприменимости обратного действия закона. В той же книге Абэ утверждал, что японские военные, которых Токийский военный трибунал признал военными преступниками, не нарушали действовавшие в период войны японские законы, а, следовательно, с точки зрения японской правовой системы, эти лица не были военными преступниками. Абэ, кроме того, выражал сомнения по поводу определения «агрессивной войны», заявив о том, что научных доказательств такого определения не существует. Выступая 16 февраля 2006 г. в парламенте, японский премьер заявил о том, что дача определения минувшей войны – это дело не правительства, а историков.

Затрагивая тему Токийского трибунала, консерваторы часто приводят тот факт, что против обвинительного вердикта выступили трое из его одиннадцати судей. Большую известность в Японии получило особое мнение индийского судьи Радхабинода Пала, который хотя и не отрицал военных преступлений Японии, не согласился с большинством выводов трибунала. Неудивительно, что консерваторы считают тех японцев, кто придерживается «взгляда Токийского трибунала на историю», «мазохистами» и «манихеями».

Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их – значит осквернять память собственных предков. По их мнению, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность. Консервативные позиции в значительной степени основаны на «чистоте духа» и идеализированной «японскости» военного поколения, поэтому вся война не может быть признана агрессивной: это делегитимизировало бы благородство военного поколения и сделало бы их смерть бессмысленной. Например, в музее Юсюкан

при храме Ясукуни имеется специальный зал «Дух самурая» где через самурайский меч, символ «японскости» и чистоты японского духа, проводится идея «благородства и трансцендентальности войны».

Бывший премьер-министр Р. Хасимото, который в начале 1990-х гг. занимал должность президента Ассоциации семей погибших в войне, отмечал в своей книге «Как вернуть себе место у власти» (*Сэйкэн даккайрон*): «Как бы чувствовали себя те, кто живет сегодня и дорожит памятью своих умерших родственников, если бы им сказали, что это все-таки была агрессивная война?»[6]

Консерваторы предлагают строить внешнеполитическую линию на идее преодоления послевоенного «недуга» пацифизма и отмены антимилитаристских ограничений. Их представления о преемственности нынешней Японии с довоенным государством, о благородных мотивах и миссионерской роли Японии в Восточной Азии, о виктимности японской нации и о романтизации жертв военного времени находят свое отражение не только в публичном дискурсе вокруг интерпретации исторического прошлого, но и в концептуальных основах внешней политики страны.

Из этого вытекает, что несправедливы и юридические итоги Второй мировой войны, зафиксированные без участия Японии и без учета ее интересов. Среди значительной части политического руководства страны, равно как и общественного мнения, распространена точка зрения о том, что основные условия послевоенного мироустройства, касающиеся договоренностей Сталина с союзниками относительно Японии, по которым СССР возвращал себе южную часть Сахалина и получал Курилы в компенсацию за свое вступление в войну, являются проявлением территориального экспансионизма, противоречащего подписанной самими же союзниками Атлантической хартии, где говорится о том, что страны, ее подписавшие, не стремятся к территориальным или другим приобретениям. Особый акцент при этом делается на то, что Ялтинские соглашения заключались тайно и без участия Японии, а значит, изначально к ней несправедливы.

Что касается Устава ООН, по которому Япония должна была признать все договоренности между союзниками, которые привели к окончанию Второй мировой войны, а также Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась от Курильских островов, то консерваторы оценивают признание этих документов как неизбежное зло, которое оправдывается лишь тем, что это позволило Японии вступить в ООН и стать полноценным членом международного сообщества. Вместе с тем многие в Японии не считают Ялтинско-Потсдамскую систему «священной коровой» и указывают на то, что многие ее элементы утрачивают свое значение в современном мире и потому нуждаются в модификации.

Сторонники прогрессивной традиции в своей риторике акцентируют страдания простых японцев в ходе войны, ставших жертвами милитаристской элиты.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неописуемые страдания, а потому уже с лихвой окупил свои грехи. Из 74 млн населения Японской империи в ходе войны погибло около 3 млн чел., в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хибакуся» продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии с воздуха американцами весной – летом 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванного ими пламени погибло около 100 тыс. жителей.

Важным постулатом, на котором воспитывались послевоенные японцы, стала идея о том, что японский народ, равно как и император, стал жертвой милитаристской клики, которая привела страну к военной катастрофе. При этом фактически замалчивалась субъектность милитаристской политики, позволяющая определить ответственность виновных за те или иные преступные деяния. В историческом видении недавнего прошлого в послевоенной Японии сложился дискурс «истории пассивного залога», события происходили как бы сами по себе («Было начато продвижение на материк», «Был отдан приказ начать наступление» и т.д.).

В глазах многих многочисленные жертвы среди мирного населения, особенно те, кто пострадал от столь бесчеловечного оружия, в значительной мере искупили вину Японии за ее исторические прегрешения.

Прогрессивная традиция делает упор на пацифизм, на протест против антиядерного оружия, распространившегося в мире после войны. Следует отметить, что «прогрессисты» считают жертвами милитаристского режима в первую очередь самих рядовых японцев, а не другие народы Азии, а потому не считают нужным каяться, испытывая перед этими народами коллективное чувство вины.

Благодаря прогрессивной традиции многие преступления милитаристского режима стали широко известными в мире. Например, профессор Токийского университета Иэнага Сабуро с 1962 по 1993 г. с переменным успехом судился с Министерством образования по поводу даваемых последним предписаний относительно текста учебников, касающихся событий войны.

В середине 1990-х гг. профессор Ёсими Ёсиаки опубликовал ряд документов из японских военных архивов, доказывающих системный характер официальной поддержки практики «утешения» в японской армии. В 1981 г. писатель Моримура Сэйити опубликовал документальную повесть «Кухня дьявола» (悪魔の飽食) о спецподразделении японских вооружённых сил «отряд 731», в котором с начала 1940-х по август 1945 г. разрабатывалось, производилось и применялось бактериологическое оружие.

Поколение помнивших войну японцев практически полностью ушло, а потому в исторической памяти нации данная тема фактически утратила свою актуальность как нечто, не связанное с личным опытом ныне живущего поколения, и переместилась в категорию «истории».

Премьер-министр Абэ еще в 2015 г. заявил в ходе памятной церемонии окончания войны, что новые поколения не должны извиняться. На 75-ю годовщину окончания войны Абэ уже не стал извиняться за агрессивную политику Японии и лишь пообещал никогда не допустить повторения войны. Глубокое раскаяние по поводу действий страны в военное время выразил только японский император Нарухито.

Азиатские страны (Китай, Республика Корея) все еще с трудом могут устранить свое недоверие в отношении Японии, и причиной этого являются высказывания и действия правых японских политиков.

Эти страны слышат из Японии одновременно голоса признания и отрицания вины, а потому чувствуют, что послевоенное японское общество не сильно изменилось в направлении коллективного раскаянья, а это усложняет двусторонний диалог на политическом уровне. В результате установление отношений доверия между Японией и странами Восточной Азии представляется в обозримой перспективе маловероятным.

Примечания

[1] Коно данва хитэйха-но кэйфу (тю) [Откуда появились противники Заявления Коно? Ч. 2] // Акахата. 15.10.2014. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik14/2014–10–15/2014101502_04_ 0.html (дата обращения: 25.09.2020).

[2] *Tsujita M.* A Fragile Balance between «Normalization» and the Revival of Nationalistic Sentiments // War and Militarism // Modern Japan: Issues of History and Identity (ed. by Guy Podoler). Folkestone, UK: Global Oriental, 2009. P. 189.

[3] Prime Minister of Japan. Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 25.09. 2020).

[4] Цит. по: *Saito. H.* Apologies and Denunciations, 1989–1996 // The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. P. 84.

[5] *Jansen M.* The Making of Modern Japan. Cambridge: Harvard University Press, 2000. P. 673.

[6] Цит. по: *Haffner J., Casas i Klett, T., & Lehmann J.* Facing History: Getting Past the Nation-state // Japan's Open Future: An Agenda for Global Citizenship. London and New York: Anthem Press, 2009. P. 44.

Ким Ен Ун,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН, доцент ДЗР ФМЭиМП НИУ ВШЭ

Исторические традиции политики геноцида японских властей по отношению к корейцам и китайцам

Аннотация

Бесчеловечные опыты отряда № 731 Квантунской армии над живыми людьми, проводившиеся с 1936 по 1945 г., создание системы сексуальных рабынь для армейских борделей, Нанкинская резня 1937 г. и другие военные преступления были не личными инициативами людей с нарушениями психики, а частью политики, проводившейся правительством Японии. Об этом свидетельствуют и действия японских войск во время интервенции в Корею в 1592–1598 гг., а также поведение японских солдат в оккупированных ими странах.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, 731-я часть японской армии, бактериологическая бомба, «могила 100 тысяч ушей», сексуальные рабыни, геноцид корейцев и китайцев.

Kim En Un,

Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher CKS of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of DZR FMEiMP of the Higher School of Economics

Historical traditions of the policy of genocide by the Japanese authorities towards Koreans and Chinese

Abstract

The inhuman experiments of the military unit 731 of the Kwantung Army on living people from 1936 to 1945, as well as the creation of a whole system of sex slaves for army brothels, the Nanjing massacre of 1937 were not personal initiatives of people with mental disorders, but part of a policy carried out by order of the government of Japan. This is evidenced by the actions of Japanese troops during the intervention in Korea in 1592–1598, as well as the actions of Japanese soldiers in the countries they occupied.

Keywords: World War II, Khabarovsk Trial, 731 Japanese army units, bacteriological bomb, grave of 100 thousand ears, sex slaves, genocide of Koreans and Chinese.

В настоящее время важно обратить внимание на историческое значение Хабаровского процесса и те вызовы, которые стоят перед современным обществом, в котором все чаще предаются забвению историческая память и преступления прошлого. И в первом и во втором аспектах повестки форума есть актуальные вопросы, которые связаны с преступлениями, совершенными правящими кругами Японии и ее армией в годы Второй мировой войны и в годы колониального правления в Корее, а также относящиеся к политической позиции США непосредственно после Второй мировой войны и в дальнейшем.

Оценивая значение Хабаровского процесса, следует обратить внимание, что он был проведен в 1949 г., что логически вытекало из ситуации и обстановки того времени.

Нюрнбергский процесс, проходивший с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г., т.е. меньше, чем год, дал исчерпывающую оценку преступлениям против человечности фашистского режима нацистской Германии. Организованный Соединенными Штатами Америки Токийский трибунал (1946–1948 гг.) над главными военными, политическими и нравственным преступниками Японии, как ожидали народы мира, и прежде всего Азии, также должен был дать исчерпывающую оценку всем известным на тот момент фактам преступлений милитаристской Японии. Трибунал в Токио, длившийся два с половиной года, осудил главных и менее заметных исполнителей военных и политических преступлений, совершенных против США, граждан Великобритании, Нидерландов, в частности за насильственную мобилизацию в солдатские бордели японской армии 38 молодых голландок. Однако ни слова осуждения Токийским трибуналом не было высказано в связи с аналогичными преступлениями в отношении кореянок и китаянок, которые по разнарядке Министерства обороны Японии также насильно или обманом попали в сексуальное рабство, а также о массовых убийствах корейцев и китайцев. На Токийском трибунале США проводили политику заигрывания и сокрытия преступлений армии и других государственных органов Японии. Более того, США предоставили убежище разработчикам биологического оружия и руководителям убийства людей с применением нечеловеческих пыток. В этом смысле Хабаровский процесс не просто осудил разработку биологического оружия и его применение, а вообще любые преступления против человечности, показав абсолютную неприемлемость развязывания новых войн и применения оружия массового уничтожения. Хабаровский процесс стал первым и важнейшим шагом на пути обеспечения глобальной безопасности послевоенного и современного мира, указывая на необходимость строгого соблюдения согласованных Союзными державами – победителями антигитлеровской коалиции – решений, осуждающих навечно преступления нацизма и милитаризма Германии и Японии и наказания за их отрицание.

США, вопреки собственным принципам, изложенным в Каирской и Потсдамской декларациях в отношении полной и безоговорочной капитуляции Японии перед всеми союзными державами, не допустили союзные державы к решению вопросов послевоенного устройства Японии. Тем самым они фактически дезавуировали статус Японии как капитулировавшей страны, приравняв ее к обычной стране, потерпевшей поражение в войне, а не к зачинщику самой разрушительной в истории человечества войны, в ходе которой погибло только граждан СССР и Китая более 60 млн человек.

И в последующем США предприняли все усилия для того, чтобы снять с Японии статус полностью и безоговорочно капитулировавшей страны. Наиболее вопиющим примером такого подхода США является подписание Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Не лишне будет помнить о том, что полностью и безоговорочно капитулировавшая Германия не могла претендовать на заключение мирного договора со странами, перед которыми она капитулировала. До сих пор ни США, ни Франция, ни Великобритания, являясь союзниками Германии по НАТО, не заключили мирного договора с ней. Китайская Народная Республика заключила с Японией в 1978 г. Договор о мире и дружбе, но этот договор является не мирным договором между воевавшими странами, а обычным стандартным договором о нормальных межгосударственных отношениях.

В этой связи желание Японии заключить мирный договор с Россией нужно понимать не как искреннее желание подвести черту под старым и выстроить отношения всестороннего сотрудничества, а как желание получить еще один юридический прецедент закрепления статуса Японии как обычной потерпевшей в войне стороны, а не как зачинщика мировой войны. Тем силам, которым действительно дороги нормы международного права, принципы мирного сосуществования, дружественных отношений между странами, едва ли следует идти на поводу у тех, кто мечтает о реванше и «замазывании» своих преступлений, о забвении перед человечеством своей вины за развязывание войны и преступлений против многих народов мира, и прежде всего китайского, корейского, вьетнамского, малайского и филиппинского.

Велика вероятность того, что после заключения мирного договора с Россией, утвердив юридически свой статус стороны, проигравшей войну, а не капитулировавшей как зачинщик войны и агрессор, правые круги Японии из числа националистов начнут кампанию постепенного обеления, а затем оправдания военных преступников, казненных по приговору Токийского трибунала, и позиционирования их как героев, выполнявших свой долг перед отечеством. Тем, кто помнит о страшной войне, кто потерял своих родственников, большинство которых не имело отношения к армии и погибло от рук карателей, тем более потомкам воинов-победителей невозможно оставаться равнодушными ко всякого рода попыткам пересмотреть или исказить историю и итоги Второй мировой войны.

Теперь непосредственно о преступлениях Японии в отношении корейского народа. Центральное инфор-

мационное агентство КНДР недавно сообщило: «Япония в годы колониального господства в Корее насильно завербовала и похитила более 8 млн 400 тысяч юношей и людей зрелого возраста, выгнав их на поля войны и на гибельный каторжный труд для захвата Азии и убив многих людей. Более того, японцы увели с собой 200 тыс. наших женщин в качестве сексуальных рабынь и подвергли их немыслимому позору»[1].

Каторжный труд использовался на строительстве военных объектов, на угольных и других шахтах по добыче руд. В одном только районе Ямагучи, Кюсю, было 845 предприятий, на которых принудительно работали 37 тыс. 373 завезенных корейца. Во многих случаях, чтобы сохранить в тайне местоположение этих объектов, корейских рабочих убивали по завершении строительства или консервации объектов. Я был в одной пещере в горе на окраине г. Осака, где во время войны строился подземный военный аэродром. Японцы не успели завершить строительство к моменту капитуляции. Чтобы скрыть этот объект, они убили всех корейцев, работавших на нем. После атомной бомбардировки американцами г. Нагасаки для разбора завалов были направлены только корейские рабочие, т.к. к этому времени японцы уже знали о смертоносной радиации после атомного взрыва[2].

Японцы на протяжении многих веков крайне жестоко относились к корейцам, да и к другим иностранцам. В 1592–1598 гг. корейский народ отражал нападение Японии на Корею, известное как Имдинская война. Во время этой войны японцы в доказательство убийства корейцев отправляли в Японию уши и носы корейцев. В самом центре второго по величине города Японии Осака я был у «могилы 100 тысяч ушей» корейцев, отправленных японскими захватчиками. Другая могила, довольно скромная по размерам по сравнению с другими свидетельствами жестокости японцев, так называемый холм Мимидзука в бывшем тогда столицей Японии г. Киото, под которым погребены уши и носы 40 тыс. корейцев, не только павших воинов, но и мирных жителей – детей и женщин. При этом с японской расчетливостью посылались не отрезанные головы убитых, потому что они весят в десятки раз тяжелее, а уши или носы. Японские вояки получали деньги за каждый присланный в Японию орган корейца.

Такие же холмы есть и в других местах. Считается, что во время японо-корейской войны в Японии были закопаны уши и носы более 100 тыс. корейцев. Таким образом, эти массовые убийства людей были совершены не отдельными садистами и маньяками, а по приказу правительства, а это есть не что иное, как государственное преступление, которое нужно охарактеризовать как геноцид, хотя в те времена не было такого термина. Но его суть остается – массовое истребление людей, т.е. геноцид.

В 1923 г. в столичном регионе Японии после большого землетрясения, известного как Великое землетрясение Канто, японские националисты распространили слухи о бунте, саботаже и отравлении корейцами колодцев. Было создано 64 отряда для расправы с корейцами и убито от 6 до 10 тысяч человек.

На нынешнем форуме в основном говорится о результатах расследования деятельности 731-го отряда Квантунской армии. Известно, что 60% жертв бесчеловечных опытов, проведенных только в этой воинской части, были китайцы, 30% – советские граждане, остальные 10% – монголы и корейцы. Но в Квантунской армии были и другие воинские части, которые применяли химическое и бактериологическое оружие против мирного населения Китая, в частности отряд № 100, а также войсковая часть № 526, располагавшаяся в Цицикаре. В 1950 г. на территории этой части, которую японцы покинули после капитуляции в 1945 г., было обнаружено большое количество оставшихся запасов химического оружия японского производства. В августе 2003 г. там произошла утечка около 600 литров химических припасов, в результате чего умерли от отравления 43 человека[3].

6 лет назад были обнародованы фотографии одного японского военнослужащего этой части, сделанные в Маньчжурии во время Второй мировой войны. На одной из них этот молодой солдат (тогда ему был 21 год) одет в форму химических войск Квантунской армии. Среди фотографий есть фото наваленных кучей детских трупиков (на вид детишкам 5–6 лет). Имеются фотографии японского солдата, который держит за волосы отрезанную голову китайца.

Трупы детей, расстрелянных военнослужащими японской армии в местечке Терин провинции Ляонин (КНР) в годы Второй мировой войны // Китайская молодежная газета «Жунго жинниен пао». 24 июля 2015 г. 中國青年報 Жун (Chung) го (kuo) Чин (ch'ing) Ниен (nien) Пао (pao).

Обратим особое внимание на то, что ставшие известными в послевоенные годы фотографии зверств японских солдат, в частности вышеупомянутые фотографии, найдены в фотоальбомах, которые храни-

лись в семьях бывших солдат. При этом их не прятали, а хранили открыто.

В августе 1945 г. на юге Сахалина, который тогда был территорией Японии, группа японцев убила десятки жителей деревни Мизухо – корейцев. После освобождения села советское командование узнало от выживших жителей об этой истории, и военная прокуратура расследовала это преступление. Дело было передано в суд, и в начале 1946 г. убийцы были осуждены. Поскольку эти убийства произошли на территории тогда еще чужого государства и касались граждан другой страны, то советские органы правопорядка могли бы и не заниматься этим делом. Но было совершено преступление против мирных людей, и нужно было осудить организаторов и исполнителей преступления. При этом необходимо отметить, что убийства корейцев были совершены не солдатами японской армии, не полицейскими или жандармами, а обычными японцами, жителями этой же самой деревни, занимавшимися мирным трудом.

Япония как колониальная держава занималась грабежом природных ресурсов, земли, лесов, рыбы и морепродуктов, а также объектов материальной и духовной культуры Кореи. До прихода японцев ни одна усыпальница или могильный курган в Корее не были разграблены. Япония вывезла не только в частном порядке, но и по решению государственных органов многие тысячи предметов культуры Кореи. И до сих пор, обладая точным списком вывезенного, власти Японии отказываются сообщить о количестве предметов культуры Кореи, которые хранятся в государственных и частных музеях и коллекциях Японии. Согласно данным Фонда корейского культурного наследия, 81 тыс. 889 предметов культуры, созданных в Корее, хранится в государственных музеях, храмах и частных коллекциях Японии[4]. Реальное число существенно больше.

Японцы ставили задачу полной ассимиляции корейцев в японской империи, чтобы корейцы как нация, как этнос полностью исчезли. Для этого корейцам не только запрещалось в общественных местах и учреждениях говорить на корейском языке, но и носить корейские имена и фамилии. Я сам, родившийся на Сахалине до его возвращения в состав СССР, при рождении официально в японских документах был наречен японской фамилией и именем. Родители мои, будучи неграмотными людьми, не знали, что написано в японских метриках и потому запомнили свою и мою корейскую фамилию и имена. И уже в СССР моим родителям и мне, моим братьям и сестрам выдали документы с нашими корейскими именами и фамилиями.

Нужно еще раз подчеркнуть тот факт, что приказ о создании отряда № 731 и других подобных подразделений армии Японии, готовивших бактериологическую и химическую войну главным образом против СССР и Китая, отдал лично император Японии Хирохито. Что касается сексуальных рабынь, то и приказы о мобилизации женщин в эти армейские бордели отдавались по линии Министерства обороны Японии, т.е. от имени правительства Японии. Поэтому эти преступления являются не частными преступлениями отдельных лиц, а государственными преступлениями Японии в межвоенный и военный периоды.

Все вышеприведенные факты дают основание говорить о том, что Япония проводила политику геноцида по отношению к корейскому и китайскому народу, направленную на уничтожение народа как физически, так и культурно и ментально, лишив исторической памяти. То, что совершили власти Японии в годы Второй мировой войны и колониального господства в Корее, должно быть оценено как геноцид. Более того, потребуется добавить к определению тогдашнего режима в Японии как «милитаристского», понятие фашистский, потому что методы японского и гитлеровского государств были практически одинаковыми.

Примечания

[1] 일본의 앞날은 과거청산에 있다 Илбон-ы апналын гвагочонсане итта (Будущее Японии – в очищении от прошлого) // ЦТАК–КНДР, 20 июля 2021 г. URL: http://www. kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf; jsessionid=C5E9F118693853393E1B1F344 C62C7EE#this (дата обращения: 21.07.2021).

[2] 강제노동의 현장이 세계문화유산이라니? Канчжэ нодоны хенчжани сегемунхва юсан и рани? Можно ли считать места принудительного труда всемирным культурным наследием? // Korea Herald – Republic of Korea. URL: http://view.koreaherald.com/kh/view.php?ud=20120725001086/ (дата обращения: 27.07.2012).

[3] 중국 청년이 일본 '세균전' 526부대 실존 증거 발굴 (Чунгук чеппены илбон сегючжон 526 будэ силчжен чжынго балгул – Китайский юноша отыскал утерянные свидетельства японской бактериологической воинской части № 526). Енхап ньюс – Республика Корея. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20150724087100097 (дата обращения: 15.07.2021).

[4] *Хохлова Е. А.* История перемещения корейских культурных ценностей в период японской оккупации // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 245.

Д. С. Горностаев,
Медиагруппа «Россия Сегодня»

Роль и значение СМИ в освещении исторических событий

Аннотация

Задача СМИ как части гражданского общества состоит в том, чтобы сообщать о новых исторических фактах, документах, привлекать внимание к историческому анализу, быть площадкой для обмена экспертными мнениями. Агентство «РИА Новости» за последние пару лет подготовило большой массив материалов в рамках проекта «Без срока давности», в том числе и по рассекреченным материалам Хабаровского процесса, и они действительно стали историческими сенсациями.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, историческая справедливость, «Без срока давности», «РИА Новости», СМИ.

D. Gornostaev,
Rossiya Segodnya International Media Group

Role and significance of the Mass-media in covering historical events

Abstract

The task of the media as part of civil society is to report on new historical facts, documents, draw attention to historical analysis, and be a platform for the exchange of expert opinions.

Over the past couple of years, «RIA Novosti» has prepared a large array of materials within the framework of the «Без срока давности» project, and they really became historical sensations. Including on the declassified materials of the Khabarovsk Trial.

Keywords: Khabarovsk Trial, historical justice, «RIA Novosti», Mass-media, «No Statute of Limitations».

Несколько часов назад на открытии выставки Пётр Дементьевич Плевак, ветеран войны, сказал, что о преступлениях японцев советские солдаты и матросы узнавали из газет. Это самая высокая оценка журналистского труда. Ведь история начинается с новости. И продолжается новостями. Задача журналиста выделить из события главное и рассказать об этом людям. Казалось бы, новость – это о том, что происходит именно сейчас. Но есть и сенсационные новости, относящиеся к давней истории. Агентство «РИА Новости» за последние пару лет подготовило большой массив материалов в рамках проекта «Без срока давности», в том числе и по рассекреченным материалам Хабаровского процесса, многие из которых представлены здесь на выставке. И они действительно стали историческими сенсациями. «РИА Новости» выпустило десятки таких материалов, около тысячи материалов на основе публикаций «РИА Новостей» появились в других СМИ.

Безусловно, задача СМИ как части гражданского общества как раз и состоит в том, чтобы сообщать о новых исторических фактах, документах, привлекать внимание к историческому анализу, быть площадкой для обмена экспертными мнениями.

Мы будем и дальше заниматься освещением материалов Хабаровского процесса и других материалов о Второй мировой, о Великой Отечественной войне, о военных преступлениях, которые не имеют срока давности.

В названии нашей конференции говорится о современных вызовах, в том числе о главном вызове – забвении, а мы видим, что в Японии это предаётся забвению. Рассекреченные в последние месяцы документы вызвали массу публикаций как в российских СМИ, так и в медиа Китая, Южной Кореи. Они неизменно попадали в число самых цитируемых и востребованных новостей, входили в топ Яндекса. Но при этом очень незначительное освещение это имело в японских СМИ. Были лишь единичные публикации, как, например, в газете «Иомиури», и без исторического осознания смысла новых документов.

В этой связи показательна разница в том, как СМИ и гражданское общество Германии и Японии по-разному подходят к освещению вопросов преступлений политических и военных деятелей Второй Мировой войны. В Германии в своё время, в начале 1990-х годов, общество и СМИ активно обсуждало идею осуждения вермахта за преступления Второй мировой,

даже несмотря на то, что Нюрнбергским трибуналом Вермахт в целом не был признан преступным. Тем не менее проводились научные исследования, выставки на эту тему, немецкие СМИ активно освещали это, причём самые авторитетные, такие как «Der Spiegel». В Японии все обстоит иначе.

Обмен информацией, обмен опытом с коллегами из-за рубежа крайне важен, чтобы эти новые факты, данные, документы стали достоянием не только российской, но и мировой общественности. Мы в отдельной дискуссии завтра подключим наших корреспондентов «РИА Новости» в Израиле и Германии, которые представят немецких и израильских историков, которые расскажут, как в их странах относятся к сохранению памяти и осуждению военных преступлений, независимо от того, какой они национальности.

Попытки исказить историю, попытки замалчивания преступления и ухода от ответственности приводят к тому, что недопустимость преступлений против человечности подвергается сомнению и тем самым создаются предпосылки для их повторения. Недаром японские преступные методы использовались США во время корейской войны. Да и сейчас идея использования биологического оружия и в целом – ведения биологической войны снова начинает заполнять некоторые горячие головы.

Тематическая площадка

«Проект “Без срока давности”: Запад и Восток – история одной страны»

Аннотация

«Без срока давности» – всероссийский проект, нацеленный на сохранение исторической памяти о жертвах геноцида советских граждан, совершённого нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. В рамках работы площадки будет представлен опыт реализации проекта по трём основным направлениям: поисковому, архивно-исследовательскому и просветительскому.

Эксперты рассказывают о сотрудничестве различных профессиональных сообществ в рамках проекта, который объединил историков, архивистов, членов поискового движения, лингвистов, архитекторов, педагогов. Благодаря реализации проекта, раскрывающего одну из самых трагичных страниц отечественной истории, был инициирован ряд следственных мероприятий, которые позволили квалифицировать военные преступления нацистов против советских граждан как геноцид. Использование богатого инструментария и вовлеченность в него большого количества участников позволили расширить масштабы проекта, который теперь охватывает каждый регион России.

На сессионных заседаниях состоялась презентация онлайн-версии базы данных проекта «Без срока давности», в которую вошли свыше 7 тысяч документов из 80 федеральных, региональных, муниципальных и ведомственных архивов. Каждый выявленный документ содержит факты преступлений против советского населения. Каждый выявленный документ – это доказательство геноцида, целенаправленно проводившегося на территории СССР нацистами и их пособниками.

Участники поделились опытом внедрения образовательного модуля по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи «Великая Отечественная война: без срока давности» в образовательные программы высшей школы.

Сессия

«“Без срока давности” — от общественной инициативы к мегапроекту»

П. А. Гринфельд,
Генеральный директор ООО «Альт-Софт»
Т. Е. Мерсадыкова,
заместитель Генерального директора ООО «Альт-Софт»
А. А. Грязнова,
менеджер проектов ООО «Альт-Софт»

Онлайн–версия базы данных проекта «Без срока давности»

Аннотация
Сообщение посвящено разработке и наполнению базы данных архивных документов «Без срока давности» и представлению ее в интернете.
Ключевые слова: проект «Без срока давности», межархивный проект, база данных, КАИСА, информационный ресурс.

P. A. Grinfeld,
General manager of Alt-Soft, LLC
T. E. Mersadykova,
Deputy general manager of Alt-Soft, LLC
A. A. Gryaznova,
Project manager of Alt-Soft, LLC

Online version of the database of the project «No Statute of Limitations»

Abstract
The message is devoted to the development and filling of the database of archival documents «No Statute of Limitations» and its presentation on the Internet.
Keywords: «No Statute of Limitations» Project, interarchival project, database, KAISA, data resource.

Межархивный проект «Без срока давности» посвящен публикации архивных документов о военных преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны.

Основой проекта является база данных архивных документов, разработанная компанией «Альт-Софт».

Компания «Альт-Софт» с 1991 г. осуществляет деятельность в сфере разработки, внедрения и сопровождения программно-информационных систем, занимается созданием и сопровождением интернет-представлений информационных ресурсов различных институтов памяти.

Программная платформа КАИСА обеспечивает интегрированное представление информационных ресурсов архивов, музеев, библиотек, организаций по охране памятников истории и культуры.

Компанией «Альт-Софт» реализована задача по разработке единой базы данных для сбора и хранения документов из архивов разных регионов России с возможностью одновременной загрузки данных большим количеством пользователей. Специализированная настраиваемая информационная система на программной платформе КАИСА обеспечила синхронную работу с базами большого количества архивов, что позволило уложиться в отведенные для подготовки проекта сжатые сроки.

Разработан веб-интерфейс базы данных (личный кабинет) для загрузки архивами документов через интернет-браузер. Для загрузки в базу документов и их описаний сотрудникам архивов достаточно иметь

выход в интернет без необходимости устанавливать программу на местах в архивах. Каждый архив обеспечен отдельной учетной записью для работы только со своими данными.

Для ответственных редакторов проекта созданы рабочие места в КАИСА для доступа ко всему массиву документов и проведено их обучение работе в базе данных.

Проект «Без срока давности» – пример совместной работы большого количества архивов и IT-специалистов по созданию масштабного информационного ресурса, охватывающего порядка 22 регионов России, около 7 тысяч архивных документов, хранящихся в 86 архивах России.

В структуре базы предусмотрена выгрузка данных из базы в разрезе региональных томов и тематических рубрик для подготовки книжной публикации, затем изданной в 23 томах.

Для доступа к контенту базы большого круга пользователей была разработана онлайн-версия базы данных и размещена на официальном сайте проекта «Без срока давности».

Онлайн-версия базы данных представляет собой синхронное отображение в интернете единой базы данных архивных документов. На сайте предусмотрен многоаспектный поиск и гибкая система фильтров для различной группировки информации по всему массиву документов. Онлайн-версия базы данных оснащена научно-справочным аппаратом в виде именного и географического указателей по регионам с встроенным поиском по указателю.

Пользователям онлайн-версии базы данных доступны скан-образы оригиналов многих документов, не вошедших в книжное издание из-за естественных ограничений объема печатного издания.

Разработанная и отлаженная технология может быть использована для формирования других масштабных информационных проектов с большим количеством участников.

С. В. Аристов,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии НИУ МЭИ

Исследования проекта «Без срока давности»: система нацистских концлагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.)

Аннотация
В статье предложено авторское определение понятия «концентрационный лагерь», предполагающее необходимость учитывать функции эксплуатации и уничтожения, а также состав контингента узников. Обозначаются основные направления перспективных исследований нацистских мест заключения на оккупированных территориях СССР.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», нацизм, оккупация, концлагерь.

S. V. Aristov,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Culturology NRU MPEI

Research of the Project «No Statute of Limitations»: a system of nazi concentration camps in the occupied territory of the Soviet Union (1941–1944)

Abstract
The article proposes the author's definition of the concept of «concentration camp», which implies the need to take into account the functions of exploitation and destruction, as well as the composition of the prisoner contingent. The main directions of prospective research of Nazi places of detention in the occupied territories of the USSR are outlined.
Keywords: Great Patriotic War, «No Statute of Limitations», Nazism, occupation, concentration camp.

Изучение истории нацистских концлагерей, как и лагерей иных типов на оккупированных советских территориях, имеет принципиальное значение для анализа нацистской оккупационной политики в годы Великой Отечественной войны.

На протяжении десятилетий после войны, в первую очередь в западной исторической науке, ведущим являлся подход, обозначающий концентрационными лишь те лагеря, которые подчинялись Инспекции концентрационных лагерей (ИКЛ), а позднее Главному административно-хозяйственному управлению (ВФХА). Подобный взгляд на проблему представлялся формально логичным и был впервые использован в 1960-е гг., когда правительство ФРГ подготовило перечень мест заключения, бывшие узники которых могли получить компенсационные выплаты[1].

Правда, помимо 23 центральных концлагерей данный список включал ранние лагеря, функционировавшие в период становления нацистского режима, и гетто (Терезиенштадт), а также около 1600 филиалов. Подобный подход до сих пор используется западными учеными.

В то же время количество известных мест заключения постоянно росло. Так, в начале 2000-х гг. в рамках компенсационных выплат фондом «Память, ответственность, будущее» был составлен сводный список, состоявший из 3800 лагерей, их филиалов и «иных мест заключения, приравненных к концлагерям»[2].

На территории Белоруссии в качестве «иных мест» Правление германского фонда утвердило 21 лагерь, на территории Украины – 27 лагерей, Литвы – 9, Латвии – 2. На территории Российской Федерации приравненными к концлагерям были признаны места принудительного содержания в г. Рославль (Дулаг-130), п. Урицкий (Дулаг-142) и Гатчине (Дулаг-154). Российский фонд направлял обращение в Германию с просьбой признать в качестве «иных мест» еще 13 лагерей[3]. Однако список центральных концлагерей так и не был расширен.

Вполне возможно, что свою роль сыграл финансовый вопрос. Максимальные компенсационные выплаты производились только узникам концлагерей и филиалов так называемой «международной классификации», которая являлась повторением вышеописанной немецкой. Решение о присвоении лагерю статуса «иного места», в соответствии с законом ФРГ, принималось правлением германского фонда на основании заключения немецких историков. Проблема изменения классификации не поднималась.

В итоге, как справедливо отмечает один из ведущих современных исследователей нацистских концлагерей Николаус Вахсман: «Свыше 80 лет успело минуть с тех пор, как распахнул ворота Дахау, но и поныне не существует единой, всеобъемлющей оценки понятия концлагерь»[4].

Основываясь на анализе сложившихся методологических подходов и имеющейся источниковой базе, представляется возможным сформулировать такое определение понятия «концентрационный лагерь», которое могло бы ориентироваться в первую очередь на сущностные составляющие феномена, а не формальные показатели.

Первой характеристикой, которая выделяет нацистские концентрационные лагеря среди всех остальных мест заключения, является их функционал. Концлагеря могли осуществлять широкий круг функций – изолирование «опасных» лиц, «перевоспитание», устрашение общества, трансформация социального состава населения, массовой эксплуатации и уничтожения. Однако лишь две последние были определяющими, так как они являлись основополагающими для нацистской политики в целом. За стремлением к уничтожению стояла «чистая» идеология – создание «народного сообщества», «окончательное решение» еврейского вопроса, «план Ост», которые должны были привести к построению «идеального» расистского мира. Однако достижение этих глобальных целей ограничивалось объективной ситуацией, в частности, нехваткой людских ресурсов для нормального функционирования экономики рейха, поэтому нацисты переходили к утилитарной практике эксплуатации. Программа принудительного труда и геноцид, по мнению исследователей, скорее дополняли, чем противоречили друг другу. В нацистской системе возникал некоторый «компромисс» (У. Херберт) или «синтез идеологии и прагматики» (В. Нааснер), когда убийства и рабская эксплуатация сменяли друг друга в своей «приоритетности», либо объединялись в формуле «уничтожение через труд»[5].

Ни в каких иных местах заключения функции эксплуатации и уничтожения не реализовывались столь стабильно и при этом динамично, подстраиваясь под идеологические требования и конъюнктурные запросы нацистских функционеров разных уровней. Начинаясь с произвола охраны и бессмысленного, не систематизированного труда в «ранних лагерях», эти функции достигли уровня фабричного производства в годы войны. Масштабы убийств и эксплуатации, безусловно, могли различаться от концлагеря к концлагерю, от одного периода функционирования к другому, но эти функции присутствовали всегда. Такой результат был возможен только в концлагерях еще и потому, что длительный период их функционирования был несравним с большинством иных институтов пенитенциарной системы Третьего рейха.

Второй важнейшей характеристикой концлагерей являлось разнообразие контингента заключенных. В соответствии с причинами ареста в концлагерях можно условно выделить три основные страты узников: заключенных по «политико-идеологическим» причинам – политических врагов нацистов в самом широком смысле (военнопленных, представителей оппозиции и религиозных организаций); граждан, преследовавшихся по «расовым» мотивам, – на основе этнического расизма (евреи и цыгане); узников по «социал-расистским» основаниям – на основе евгенических идей о «народном сообществе» и «вредных» для него элементах («асоциальные» и «криминальные» категории). В разные периоды, в том или ином концлагере, в контингенте концлагерей могли доминировать различные группы узников (играла свою роль не только общая политика, но и региональные интересы и приоритеты нацистского руководства). Обширный состав заключенных делал концлагеря

весьма универсальным инструментом террора, посредством которого нацисты демонстрировали свою власть в отношении всех основных групп граждан, вне зависимости от принадлежности к социальной группе, возраста и пола.

Именно поэтому концлагеря стали важнейшей опорой режима в рейхе и в оккупированных регионах. Они как никакой другой институт Третьего рейха воплотили в себе дух нацизма[6].

Предложенный подход в отношении определения понятия «концлагерь» позволяет избежать нескольких крайностей. Во-первых, чрезмерного сужения понятия, когда под ним подразумеваются лишь лагеря, находившиеся в подчинении Главного административно-хозяйственного управления СС. В таком случае возникает ошибочное представление, что масштабный террор был ограничен лишь лагерями ИКЛ/ВФХА, в большинстве случаев, располагавшихся на территории Германии, отчасти в Польше, в остальных же случаях имел место меньший уровень эскалации насилия. Во-вторых, точное определение понятия позволяет не допустить предельного расширения термина концлагерь, когда к нему относятся все без исключения лагеря[7]. Как справедливо отмечала в своем труде немецкая исследовательница Гудрун Шварц, тезис о том, что все нацистские лагеря были концлагерями, а все концлагеря – лагерями смерти, ошибочно уравнивает все лагеря Третьего рейха, не позволяя выделить их специфику и место в политике уничтожения[8].

Исходя из анализа имеющейся источниковой базы, к концлагерям на оккупированной территории Советского Союза, сочетавшим функции эксплуатации и уничтожения, а также содержавшим многообразный контингент заключенных, функционировавшим длительный промежуток, мной были отнесены: Вайвара, Ригу-Кайзервальд, Каунас, подчинявшиеся Главному административно-хозяйственному управлению (ВФХА), а также Яновский[9] и Сырецкий лагеря, лагерь в бывшем совхозе «Красный», Малый Тростенец, Саласпилс, Колдычево и Моглинский концлагерь, находившиеся в ведении Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Однако происходящее в рамках проекта «Без срока давности» рассекречивание архивных документов уже сейчас позволяет предположить, что к концлагерям могут быть отнесены и ряд других мест заключения. В частности, Дулаг-142 в Брянске или Дулаг-154 в Гатчине. Очевидно, что в дальнейшем этот список будет расширяться.

Тем не менее для подробного анализа функционирования данных лагерей, необходимо осуществлять дальнейшую работу по выявлению источников, в том числе в зарубежных архивах, а также рассекречиванию документальной базы, хранящейся в нашей стране. В перспективе в Российской Федерации необходимо создать единый центр хранения и изучения подобных материалов, который был бы сопоставим с Яд-Вашем (Иерусалим) и Мемориальным музеем Холокоста (Вашингтон).

Кроме того, необходимо понимать, что перед отечественными исследователями стоит куда более масштабная задача – изучение всех типов мест заключения на оккупированных советских территориях. Мы практически ничего не знаем о нацистских тюрьмах, о полицейских лагерях, лагерях для детей, трудовых лагерях и т.д. на оккупированных территориях СССР. То, что они не являлись концлагерями, не исключало их из нацистского конвейера смерти. Они играли свою, значительную роль, о которой необходимо знать и помнить.

Наконец, последнее – выявление и изучение нацистских мест заключения на оккупированных советских территориях должно приводить к включению памяти о происходивших в них преступлениях в региональную и общероссийскую историческую память. В этом смысле проект «Без срока давности» имеет беспрецедентное значение.

Примечания

[1] URL: https://www.gesetze-im-internet.de/begdv_6/anlage.html (дата обращения: 12.12.2021).
[2] URL: https://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/haftstaetten/index.php (дата обращения: 12.12.2021).
[3] URL: https://fondvp.ru/other (дата обращения: 12.12.2021).
[4] *Вахсман Н.* История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2017. С. 20.
[5] *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 653–699.
[6] *Вахсман Н.* История нацистских концлагерей. М.: Центрполиграф, 2017. С. 9.
[7] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944). Минск: Беларусь, 1984. 271 с.
[8] *Schwarz G.* Die nationalsozialistischen Lager. Frankfurt am Main: Fischer, 1996. S.17.
[9] С января 1944 г. он стал филиалом Майданека и таким образом был формально переподчинен ВФХА.

Н. И. Исакова,
и.о. директора Государственного архива Псковской области

Подготовка комплекса архивных документов для публикации в рамках проекта «Без срока давности»: от выявления до создания научно-справочного аппарата

Аннотация
В статье раскрываются факторы, которые повлияли на источниковую базу публикации, критерии отбора документов, цели источниковедческого анализа, особенности систематизации и археографической обработки документов.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», преступления немецко-фашистских захватчиков, источники, критерии отбора документов, археографическая обработка документов.

N. I. Isakova,
Acting director The State Archive of Pskov Region

Preparation of a complex of archival documents for publication in the framework of the Project «No Statue of Limitations»: from findings to creation of scientific reference tools

Abstract
The article highlights the factors that influenced the source base of the publication, the criteria for selecting documents, goals of source analysis, peculiarities of organization of documentary materials and archaeographic processing.
Keywords: The Great Patriotic War, Project «No Statue of Limitations», the crimes of the Nazi invaders, sources, criteria for selecting documents, archaeographic processing of documents.

Псковская область – один из первых регионов, в котором в ноябре 2019 г. была анонсирована масштабная работа по подготовке многотомного издания, посвященного трагедии мирного населения в годы Великой Отечественной войны.

Работа над региональным томом началась с определения источниковой базы публикации, которая сформировалась под влиянием и с учетом двух факторов.

Во-первых, документы по данной тематике находятся на хранении в целом ряде архивов. Помимо региональных архивов необходимо было привлечь документы Государственного архива Российской Федерации, где хранятся документы ЧГК, а также документы архивов Федеральной службы безопасности РФ, часть из которых должны была пройти через процедуру рассекречивания.

Второй фактор связан с особенностями административно-территориального деления региона в довоенные и послевоенные годы. Следует отметить, что этот фактор касается целого ряда областей.

В годы Великой Отечественной войны территория Псковской области входила в состав двух областей: Ленинградской и Калининской, а также двух союзных республик: Эстонии и Латвии. В конце войны на территории современной области было создано две области: Псковская и Великолукская.

Таким образом, документы по расследованию злодеяний на территории Псковской области отложились в двух республиканских и четырех областных комиссиях ЧГК. Кроме того, они также отложились в архивах Тверской и Ленинградской областей.

В основу отбора документов для публикации положены принципы историзма и объективности. С их учетом применялись следующие критерии отбора документов:

1) привлечение документов максимально возможного количества архивов;

2) использование всех возможных видов документов, отражающих разные аспекты изучаемой темы – заявлений граждан, протоколов допросов (опросов) свидетелей, актов судебно-медицинских экспертиз,

актов комиссий, документов из следственных дел по фактам преступлений, документов оккупационных властей, направленных на создание невыносимых условий жизни для мирного населения;

3) привлечение документов комиссий всех уровней: областных, районных и городских, сельских;

4) отбор комплексов взаимосвязанных документов, позволяющих осветить тот или иной факт в развитии, установить причинно-следственные связи. Например, чтобы показать, как осуществлялось установление и расследования факта злодеяния, в сборник включены протоколы опроса двух свидетелей, акт осмотра места захоронения и акт комиссии. С этой же целью вместе с актами комиссий публикуются документы, послужившие основаниями для составления указанных актов.

В ходе отбора документов для публикации проводился их источниковедческий анализ, целями которого были:

1) выявление информационно насыщенных документов, например, из заявлений граждан в комиссии, опросных листов граждан, возвратившихся на Родину из германской неволи, отбирались документы, содержащие наиболее полную, грамотно изложенную информацию по конкретным фактам;

2) приоритетное использование подлинников документов или заверенных копий, в случае их отсутствия в сборник включались копии документов, содержание которых было важно для раскрытия темы;

3) приоритетное использование документов, ранее не введенных в научный оборот.

Так, несколько лет назад архивом были изданы два сборника документов «Войной испепеленные года»[1] и «Сороковые, роковые»[2], где были опубликованы некоторые документы по теме, которые не были включены в новое издание;

4) приоритетное использование документов с хорошей сохранностью бумажного носителя и текста, хотя в отдельных случаях для публикации были отобраны документы с частичной утратой (отсутствием) части текста ввиду ценности содержащейся в них информации и отсутствия возможности замены другими документами;

5) обеспечение полноты представленных в сборнике источников, что обусловлено неравномерным наличием документов по различным районам современной Псковской области. По ряду районов сохранилось большое количество документов, в то время как по отдельным районам их количество гораздо меньше, что сделало критерии отбора для них менее жесткими.

Перечисленные критерии отбора не применялись при работе с фотодокументами в связи с их малочисленностью: все выявленные по теме сборника фотодокументы в него включены.

Специалистами архива была проведена работа по отбору для публикации документов на немецком языке. Сотрудникам архива пришлось использовать свои знания, вооружиться словарями для того, чтобы отобрать необходимые документы. Для перевода пришлось привлечь специалистов с более глубоким знанием языка. Для дальнейшей работы по переводу документов с немецкого языка в регионе высадился «архивный десант» из студентов Псковского государственного университета. Нам еще предстоит провести работу по введению этих документов в научный оборот.

Отбор документов проводился в два этапа: сначала в ходе выявления документов, окончательно – по его завершении.

В результате работы по выявлению и отбору документов в сборник включено 230 документов и фотографий за 1941–1946, 1966–1968 гг.

Все документы сгруппированы в пять тематических разделов.

Следует отметить сложность систематизации документов из-за того, что в них содержится многоаспектная информация: о карательных операциях, отдельных преступлениях, угоне населения в Германию и т.д.

В раздел 1 «Карательные операции и массовое уничтожение мирного населения» вошли документы, отражающие оккупационный режим, в условиях которого осуществлялось целенаправленное и систематическое уничтожение мирных жителей, в основном стариков, женщин и детей.

В начале раздела помещены документы, содержащие обобщенные сведения по Псковской и Великолукской областям. Далее документы систематизированы по территориальному принципу (по районам и отдельно по городам Великие Луки и Псков) и размещены в алфавитном порядке. Внутри района (города) сначала в хронологической последовательности расположены документы, на основе которых осуществлялся сбор сведений о злодеяниях (протоколы допросов (опросов) свидетелей, акты сельских комиссий, судебно-медицинской экспертизы и пр.), а затем, как правило, акт, содержащий обобщенные сведения по району (городу).

Основу раздела составляют акты областных, районных и городских, сельских комиссий, заявления свидетелей, протоколы допросов (опросов) свидетелей и жертв нацистов, статистические сведения о количестве уничтоженного населения на территории областей, районов, городов, сельсоветов.

Факты уничтожения населения подтверждают протоколы осмотра мест массовых захоронений, акты судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, в раздел включены справки и заключения органов НКГБ, прокуратуры по конкретным карательным операциям, газетные статьи, фотографии.

В разделе 2 «Жизнь в оккупации: лишения и голод» содержится 20 документов за 1941–1944 гг. Документы раздела систематизированы по хронологическому принципу.

Большая часть документов раздела – это «трофейные документы» из фондов немецких оккупационных учреждений: объявления и приказы о регламентации социально-экономической сферы (различных запретах, ограничительных мерах, введении обязательных

поставок и т.д.); сводная ведомость по начислению налога с населения, удостоверения личности, распоряжения о наложении административных взысканий на жителей за нарушение запретов оккупационных властей.

В раздел 3 «Принудительные работы и угон мирного населения в Германию» вошли различные виды документов, дающих представление об организации и обстоятельствах угона жителей на принудительные работы на территорию рейха, условиях пребывания в неволе. Значительную часть раздела представляют опросные листы возвратившихся на Родину жителей области, которые систематизированы в алфавитном порядке.

В раздел «Уничтожение граждан, находящихся в больницах и др. лечебных учреждениях» включено 8 документов, в том числе фотографии, на которых зафиксированы результаты эксгумации трупов больных советских граждан. Документы раздела систематизированы по географическому принципу (месту совершения преступления) и расположены в алфавитном порядке. Документы, касающиеся определенного места совершения преступления (района), расположены в следующем порядке: вначале расположен обобщающий документ, после которого документы располагаются в хронологическом порядке.

В разделе 5 «Нацисты и их пособники – преступления без срока давности. По материалам следственных дел» публикуется обвинительное заключение по делу о злодеяниях, сохранившееся в материалах Псковской областной комиссии, и материалы из следственного дела, рассекреченного в 2019 г. УФСБ по Псковской области. В этом же разделе содержатся протоколы допросов свидетелей и осмотра местности, документы о приведении в исполнение приговоров в отношении обвиняемых.

Особый интерес представляют фотодокументы, приобщенные к материалам дела. В середине 1960-х гг. на территории лагеря, располагавшегося в д. Моглино Псковского района, в ходе расследования была проведена фотофиксация остатков строений и территории, на которой размещался лагерь. Помимо обзорных снимков территории лагеря и остатков строений, в разделе публикуются фотографии обвиняемых.

С помощью данных материалов были определены места преступлений и в 2020 г. проведены раскопки. 27 августа 2021 г. Псковский областной суд признал зверства нацистов, которые происходили на территории лагеря во время Великой Отечественной войны, военным преступлением и геноцидом национальных и этнических групп. В качестве доказательств использовались в том числе опубликованные документы.

Археографическая обработка документов проводилась в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и принципами оформления документов согласно письму Федерального архивного агентства.

Большая часть документов публикуется полностью. В извлечениях представлены обширные документы, часть которых не относится к теме настоящей публикации. Содержание опущенных частей текста оговаривается в текстуальных примечаниях.

Всем документам, кроме опросных листов для возвратившихся на Родину из германской неволи граждан, даны редакционные заголовки, которые содержат общую характеристику документа. В заголовке указываются: вид, автор, адресат, краткое содержание.

Все документы, опубликованные в сборнике, датированы. При отсутствии даты на документе она устанавливалась составителями на основании источниковедческого анализа. Способ ее установления оговаривается в текстуальном примечании.

Текст документа, публикуемый в первый раз, сопровождается архивной легендой, которая содержит поисковые данные (название архива, номер фонда, описи, единицы хранения, листа). Там же указывается подлинность, способ воспроизведения документа. Легенда к печатным статьям состоит из названия печатного издания, номера и даты издания, номера страниц.

В случае, если документ был ранее опубликован, вместе с архивной легендой указывается место (адрес) его первой публикации.

В документах, содержащих сведения, относящиеся к тайне личной жизни (например, изнасилования), фамилии пострадавших не воспроизводятся, несмотря на то что истек 75-летний срок с момента создания документов. В текст документа вставляются квадратные скобки и пропуск оговаривается в текстуальных примечаниях. Не воспроизводятся также фамилии свидетеля, понятых и переводчика из следственного дела 1960-х годов.

Сборник имеет следующий научно-справочный аппарат: научный очерк, археографическое предисловие, текстуальные примечания, научные комментарии, развернутый именной и административно-географический указатели, список сокращенных слов и содержание.

В текстуальных примечаниях содержатся сведения для изучения истории создания текста, о его особенностях и погрешностях.

В примечаниях по содержанию (комментарии) сообщаются дополнительные сведения об административно-территориальном делении, о военных оккупационных учреждениях, об отдельных упоминаемых в документах лицах.

В именной указатель включены все лица, упоминающиеся в тексте документов. Для должностных лиц указывается должность на момент составления документа.

В случае, если в документе указаны инициалы того или иного лица, но по другим источникам установлены его имя и отчество, они даны в указателе.

Если лицо в тексте не обозначено полностью (только по имени или имени и отчеству) и не может быть определено, в указателе оно обозначено так же, как в документе, например, «Люся».

В случаях, когда в документе указано только имя человека, но рядом указана фамилия родственника (отца, матери, мужа, жены), и с высокой долей вероятности можно предположить, что они имели одну и ту же фамилию, указывается фамилия данного родственника.

В связи с тем, что большую часть лиц составляют обычные жители, без указания других сведений и, учитывая повторяемость имен и фамилий, для их идентификации указано место проживания.

Большую сложность при составлении именного указателя вызвали фамилии, имена, должности немецких офицеров, виновных в злодеяниях, совершенных на оккупированной территории. Во многих случаях свидетели не могли правильно их воспроизвести, поэтому в документах сведения о них содержатся в искаженном виде, с большим количеством разночтений. При наличии разночтений и невозможности установить правильный вариант фамилии, имени, должности в именном указателе приведены все варианты, имеющиеся в документах.

В географический указатель наименования внесены по первому слову: населенный пункт, для сел и деревень – сельсовет (если удалось его определить), район, область. При составлении указателей использовались справочники по административно-территориальному делению.

Со стороны организаторов проекта была создана база данных, с помощью которой отсылка от именного и географического указателей к документу была заполнена в автоматическом режиме.

Таким образом, в результате публикации документов в рамках проекта «Без срока давности» в научный оборот был введен основной комплекс документов, рассказывающих о трагедии мирного населения в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

[1] «Войной испепеленные года»: Псковский край накануне и в годы Великой Отечественной войны, в первые послевоенные годы. 1939–1949 гг.: сб. док. Государственного архива Псковской области. Псков, 2005

[2] «Сороковые, роковые»: сб. док. СПб., 2015.

А. Л. Бормотов,
кандидат технических наук ООД «Поисковое движение России»

Итоги реализации поискового направления проекта «Без срока давности»

Аннотация

«Поисковое движение России» – инициатор, координатор и активный участник поискового направления федерального историко-просветительского проекта «Без срока давности». Поисково-разведывательные работы прошли в 23 регионах Российской Федерации, на территориях, которые были оккупированы противником в годы Великой Отечественной войны. Их результаты являются доказательствами массового и целенаправленного уничтожения мирного населения, геноцида советского народа.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, геноцид, ООД «Поисковое движение России», проект «Без срока давности», сохранение исторической памяти.

A. L. Bormotov,
Candidate of Engineering Sciences The OOD «Exploratory Movement of Russia»

Results of implementation of the search direction of the Project «No Statute of Limitations»

Abstract

The Search Movement of Russia is the initiator, coordinator and active participant in the search direction of the federal historical and educational project «No Statute of Limitations». Search and reconnaissance work took place in 23 regions of the Russian Federation, in the territories that were occupied by the enemy during the Great Patriotic War. The results presented in the article are evidence of the massive and targeted destruction of the civilian population, evidence of the genocide of the Soviet people.

Keywords: World War II, The Great Patriotic War, genocide, OOD «Exploratory Movement of Russia», project «No Statute of Limitations», preservation of historical memory.

В 2018 г. Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» выступило инициатором проекта «Без срока давности». Это была общественная инициатива, которая в итоге получила государственную поддержку и за два с половиной года реализации превратилась в мегапроект – крупное общественное движение.

Масштабы развития проекта можно проследить по реализуемым направлениям. В начале 2019 г. было выделено три основных направления: архивно-исследовательское, поисковое и просветительское. К середине 2021 г. их стало уже девять: поисковая работа, работа с архивными документами, проведение научных конференций и международных мероприятий, интеграция результатов проекта в образовательный процесс, организация молодежных мероприятий и конкурсов, театральные постановки, создание памятных мест, музейно-выставочная деятельность, открытые кинопоказы. Среди многочисленных направлений деятельности поисковые работы остаются в числе приоритетных.

Почему поисковые работы так важны и были выделены в отдельное направление?

Основу проекта составило архивно-исследовательское направление, в рамках которого были выявлены, рассекречены и опубликованы материалы о трагедии мирного населения, в первую очередь из региональных и ведомственных архивов. В рамках подготовки уникального серийного 23-томного издания документов и материалов «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны» архивистами было отобрано более 7 тысяч и рассекречено 623 архивных документа.

Архивные материалы позволяют говорить о преступлениях нацистов не «highly likely», как это принято сегодня на Западе, а опираясь на факты, зафиксированные в то время, когда эти преступления совершались.

В архивных документах содержатся факты зверского отношения к мирному населению, убийств и издевательств в отношении стариков, женщин и детей. Однако без подтверждения этих фактов уликами они могут быть опровергнуты.

Благодаря поисковой работе факты, изложенные в документах, становятся неопровержимыми доказательствами массового уничтожения мирного населения на оккупированной территории, доказательствами целенаправленного геноцида нашего народа.

За период реализации проекта поисково-разведывательные и поисковые работы прошли на территории 23 регионов нашей страны, которые были оккупированы противником в годы Великой Отечественной войны. И повсеместно, какой бы регион мы не взяли, везде совершались военные преступления против мирного населения, что доказывает целенаправленный характер политики нацистов на истребление граждан СССР.

На первых шагах реализации поискового направления мы столкнулись с проблемой. Поисковые работы по обнаружению мест захоронения мирных граждан отличаются от аналогичных работ по розыску мест захоронения военнослужащих. Места гибели солдат чаще всего находятся на передовой линии в окопах или воронках, при бойцах обычно много металлических предметов, позволяющих точно определить захоронение с помощью металлодетекторов.

При поиске мест захоронений гражданских лиц такого не наблюдалось, чаще всего перед расстрелом жертв заставляли раздеваться, соответственно в расстрельных ямах нет металла. Захоронения на местности не обозначены, в архивных документах точных локаций не указано. Нацисты и их пособники зачастую тщательно скрывали следы своих преступлений.

Чтобы решить эту сложную задачу по поиску неучтенных мест захоронений мирных граждан и обобщить имеющийся опыт проведения поисковых экспедиций на основе архивных данных, в марте 2021 г. был создан Координационный центр по организации поисковых работ в рамках проекта «Без срока давности».

Создание Центра позволило объединить актив из профессионалов-поисковиков в мобильную группу и направлять ее в различные регионы для непосредственного обнаружения мест массовых захоронений мирных граждан.

В поисковых работах в рамках проекта участвуют не только активисты Поискового движения России, но и военнослужащие 90-го отдельного поискового батальона Министерства обороны России.

Новгородская область стала стартовой площадкой по реализации проекта «Без срока давности». В районе д. «Жестяная Горка» в период оккупации 1942–1943 гг. было убито более 2600 мирных граждан и советских военнопленных. В ходе поисковых работ были обнаружены останки 542 человек, из них 52 детей. По факту обнаружения было возбуждено уголовное дело, и впервые в истории России 27 октября 2020 г. Солецкий районный суд Новгородской области вынес решение об установлении факта геноцида населения СССР в д. «Жестяная Горка» Батецкого района.

В 2021 г. поисковые работы в Новгородской области продолжились. Поисковики нашли захоронение в окрестностях деревни Вдицко Новгородского района. Были обнаружены страшные находки: 190 замученных женщин, стариков и детей, одна из женщин была беременна.

В *Краснодарском крае* продолжаются активные работы по обнаружению мест массовых захоронений мирных граждан. Среди них особое место занимает трагедия Ейского детского дома, в котором фашисты уничтожили 214 детей-инвалидов.

В этом году Краснодарскими поисковиками были обнаружены два захоронения. Одно их них с останками 200 военнослужащих и мирных жителей в селе Новомихайловском Гулькевичского района, другое – с останками мирных жителей вблизи города Темрюка.

При этом оказалось, что на захоронение вблизи Темрюка не имеется ни одного акта или иного документа, составленного после освобождения территории от оккупации. Уже подняты останки 40 человек и работы продолжаются. В предыдущие годы вблизи этого места уже находили такое же неучтенное захоронение 132 мирных жителей, из которых 69 – дети.

В районе деревни Моглино *Псковского района* был организован лагерь для содержания военнопленных и мирных граждан. В 1945 г. в ямах-могилах найдены трупы мужчин, женщин, детей в возрасте от 2–3 месяцев до 60 лет. На большинстве детских трупов обнаружены переломы костей черепа от удара тяжелым твердым тупым предметом, либо от удара головой ребенка обо что-то твердое. В 2020–2021 гг. в ходе поисковых работ на месте захоронения расстрелянных мирных граждан и советских военнопленных в районе Моглино, Андрохново и Глоты обнаружены останки более 188 человек.

В 2021 г. поисковые объединения Псковской и Новгородской областей обнаружили два места с массовыми захоронениями возле деревни «Борки» Невельского района Псковской области, где в годы Великой Отечественной войны гитлеровские каратели убили тысячи мирных советских граждан. Теперь предстоит работа по вскрытию захоронения и изучению находящихся там останков.

По архивным материалам ответственными за массовые казни невинных мирных жителей, истязания и убийства раненых и больных военнопленных, за угон в немецкое рабство советских граждан Невельская комиссия назвала нескольких нацистов, среди которых начальник штаба 263-й дивизии СС Вальтер Гаутман, начальник отдела Невельской полиции безопасности (СД) гауптшарфюрер СС Франц Шторк, начальник Невельского отдела тайной полевой полиции обер-лейтенант Герман Бодэ и др.

Республика Карелия, а в период Великой Отечественной войны Карело-Финская Советская Социалистическая Республика, отличалась от остальной оккупированной территории тем, что оккупантами там были финны.

Всего на подконтрольной финнам территории в 1941–1944 гг. было создано несколько десятков центров для «ненационального» мирного населения. На начало апреля 1942 г. в них находилось около 24 тыс. человек – около 30% населения зоны оккупации.

В лагерях, согласно данным архивов, содержались в основном русские, белорусы и украинцы, т.е. было произведено целенаправленное разделение по национальному признаку. Для коренного населения условия не были такие жёсткие.

В Акте комиссии по исследованию трупов советских военнопленных и гражданских лиц, умерших в концлагерях г. Петрозаводска, от 20–22 июня 1944 г. говорится: «…считаем, что причиной смерти абсолютного большинства погребенных явилось истощение».

Олонецкий район был занят финскими войсками к середине осени 1941 г. Оккупанты создали там несколько лагерей, в том числе в селе «Ильинском». В 2021 г. здесь было обнаружено место массового захоронения узников финских концлагерей. Из поднятых на данный момент тел предположительно 2 женщины. Одной около 16 лет, у нее прострелена голова.

За два года оккупации на территории *Брянщины* были полностью или частично сожжены свыше 1 тыс. поселков, деревень и сел. Убито, замучено и погибло при бомбардировках свыше 76 тыс. мирных жителей. Угнано в немецкое рабство 163 тыс. человек. Целенаправленно вместе со всеми жителями уничтожены такие населенные пункты как Хацунь, Манешино и др.

На территории Брянска осенью 1941 г. был организован лагерь Дулаг-142, первоначально предназначавшийся для пленных военнослужащих Красной армии. Начиная с марта 1942 г., сюда стали сгонять и мирных жителей из прилегающих к Брянску сёл и деревень. Одновременно в лагере размещалось до 80 тыс. человек. Дулаг-142 служил сборно-пересыльным пунктом, откуда трудоспособное население угоняли на принудительные работы в Германию.

После освобождения во всех районах Брянщины были созданы государственные комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов. По оценкам комиссии, в Дулаге-142 было убито и погибло от голода и болезней до 40 тысяч человек, которые были захоронены в братских могилах на территории лагеря.

С конца 2020 г. на территории бывшего лагеря ведутся поисковые работы, обнаружены ямы с захороненными жертвами. По предварительной оценке, в каждой яме находится по 40–50 человек. Сейчас составляется карта захоронений. Речь не идет о полной эксгумации всех ям. Важно зафиксировать итоги поисковых работ и подтвердить архивные данные.

В рамках проекта «Без срока давности» в *Волгоградской области* была вскрыта трагедия расстрела нацистами в окрестностях д. «Водино» Ворошиловского (ныне Октябрьского) района 43 мирных жителей. Улики, найденные при эксгумации ямы с расстрелянными, показали весь цинизм политики геноцида гитлеровской Германии. Из 43 человек 19 – дети и подростки в возрасте от 8 месяцев до 18 лет. В подтверждение этого чудом сохранившийся блокнот с детскими рисунками и 43 гильзы от огнестрельного оружия. Это яркое свидетельство нацисткой цены человеческой жизни: одна жизнь – один патрон.

В *Ростовской области* поисковые работы проводились в районе г. Миллерово, где нацистами были организованы лагеря для содержания военнопленных и мирных граждан, в том числе Дулаг-125, через который прошли более 40 тыс. узников. Основная часть пленников была вывезена на работы в Германию, несколько тысяч замучены, расстреляны, повешены. В ходе поисковых работ в 2020–2021 гг. обнаружены места захоронения расстрелянных мирных граждан и подняты останки более 266 человек, из которых не менее 23 – дети и 80 – женщины.

Поисковые работы проводились в г. Сальске. В рассекреченных материалах о массовом убийстве нацистами жителей Сальска, оккупированного с 31 июля 1942 г. по 21 января 1943 г., сказано, что оккупанты ежедневно привозили на территорию кирпичного завода № 1 группы жителей, где их расстреливали и сбрасывали в котлованы и силосные ямы. Всего, по данным ФСБ, гитлеровская карательная команда ЕК-12 СД расстреляла в Сальске свыше 3 тыс. человек.

В *Воронежской области* в период оккупации была создана система лагерей для советских военнопленных и мирных граждан Дулаг-191. В бывшем селе Лушниковка (теперь это часть г. Острогожска) в одном лагере содержались военнопленные, в другом – женщины и дети. Пленных не кормили, детям разрешали собирать милостыню. Заболевшим не оказывали медицинскую помощь, многие умирали. За время существования концлагерей общее число погибших составило около 8,5 тыс. человек. В 2021 г. в селе Лушниковка были эксгумированы останки более тысячи узников Дулага-191.

Поисковые работы прошли и в *Калужской области.* В 2020 г. были обнаружены 2 ямы с останками 129 мирных жителей и военнопленных. На останках сохранились отверстия от пуль и следы холодного оружия. По архивным данным в деревне «Крюково» Барятинского района в январе 1942 г. немцы расстреляли и сожгли более 500 мирных жителей, людей уничтожали целыми семьями.

Это только часть информации о работе поискового направления проекта «Без срока давности».

По действующему законодательству сведения о фактах обнаружения останков мирных граждан передаются в местное отделение полиции и далее проводится доследственная проверка со всеми вытекающими последствиями. На основании вновь выявленных фактов преступлений нацистов и их пособников Следственным комитетом России были возбуждены уголовные дела по статье 357 УК РФ «Геноцид» в Псковской, Волгоградской, Орловской, Ростовской, Калужской областях, Ставропольском крае и др., по ст. 105 УК РФ возобновлено уголовное дело о массовом уничтожении нацистами советских граждан на полуострове Крым в годы Великой Отечественной войны.

27 августа 2021 г. Псковский областной суд признал геноцидом преступления нацистов и их пособников на территории Псковской области в годы Великой Отечественной войны.

Реализация поискового направления проекта «Без срока давности» позволяет подтвердить факты геноцида, содержащиеся в архивных документах; сохранить память о трагедии мирного населения путем мемориализации вновь выявленных мест массовых захоронений жертв нацистов и их пособников; перейти от статистики к персонификации трагедии и понять масштаб геноцида нашего народа в годы Великой Отечественной войны; вскрыть новые факты военных преступлений нацистов и их пособников.

Р. Ш. Шхалиев оглы,
Генеральный директор Государственного архива Хабаровского края

«Бессмертный полк» в документах Государственного архива Хабаровского края: вопросы сохранения и использования документов периода Второй мировой войны

Аннотация
В статье рассмотрена деятельность Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) по популяризации архивных документов периода Второй мировой войны с целью сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории военного времени.

Ключевые слова: Вторая мировая война, популяризация архивных документов, сохранение исторической памяти, «Бессмертный полк».

R. Sh. Shikhaliev ogly,
Director General of the Khabarovsk Territory State Archive

«Bessmertnyy polk» in the documents of the State Archive Khabarovsk Krai: issues of preservation and use of documents from the period of the Second World War

Abstract
The article examines the activities of the State Archives of the Khabarovsk Territory in popularization archival documents of the World War II in order to preserve historical memory and counter the falsification of wartime history.
Keywords: World War II, popularization of archival documents, preservation of historical memory, «Bessmertnyy polk».

В условия изменений, происходящих в современном мире, важнейшими национальными приоритетами являются укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России.

Недопущение фальсификации российской истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, возрождение и укрепление патриотизма, гражданственности, популяризация архивных документов, на страницах которых запечатлены славные моменты нашей подлинной истории, подвиги защитников Отечества, свидетельства о героизме наших дедов и прадедов, – вот основные направления и задачи деятельности Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Краевой архив, являясь одним из крупнейших архивных учреждений Дальневосточного федерального округа, вносит весомый вклад в сохранение документальной истории периода Второй мировой войны.

Для реализации поставленных задач проводится работа по приему документов времен Второй мировой войны на хранение, по обеспечению их сохранности, реставрации и, конечно, популяризации в выставочных проектах, публикациях, по представлению их общественности.

На протяжении многих лет краевой архив создает коллекцию документов участников войны и тружеников тыла, принимая на хранение личные документы (письма с фронта, фотографии, автобиографии, воспоминания), а также формирует коллекции аудио- и видеозаписей, наград, значков, тех вещей, которые смогут честно поведать внукам и правнукам о давно минувших днях той страшной войны.

Важной составляющей работы ГАХК в области популяризации архивных документов и фотографий, отражающих подлинную, никем не отредактированную историю Второй мировой войны, является презентация широкому кругу пользователей фотодокументальных выставочных проектов и фотоизданий.

В память о людях, победивших в войнах, краевым архивом готовятся и экспонируются выставочные проекты. Среди них такие, как «Они сражались за Родину» – о героях-дальневосточниках; «Все для фронта, все для Победы!» и «Ради жизни на земле» – о дальневосточниках – тружениках тыла; «И на Востоке завоеван мир…» – о войне с Японией и завершении Второй мировой войны.

Архивом издаются фотоальбомы и сборники фотографий. Фотоальбом, вышедший в год 75-летия со дня окончания Второй мировой войны, «Этот день мы приближали как могли…» включает свыше 600 документов, рассказывающих о вкладе жителей края в Победу. Оценкой вклада Госархива Хабаровского края в дело популяризации истории Второй мировой войны стала благодарность Оргкомитета по подготовке и проведению празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, объявленная коллективу учреждения, и благодарственное письмо, врученное врио Губернатора края Михаилом Дегтяревым.

Работа ГАХК в вопросах сохранения исторической памяти проводится со всеми категориями населения: школьниками и студентами, жителями и гостями краевой столицы, военнослужащими, пенсионерами и ветеранами. Часто выставочные проекты архива, рассказывающие о событиях Второй мировой войны, размещаются в учебных заведениях, общественных местах, парковых зонах, воинских частях.

Так, постоянно размещаются выставки в помещениях Хабаровского аэропорта и железнодорожного вокзала. На протяжении семи лет реализуется сотрудничество с воинскими частями Восточного военного округа, а в парковой зоне, на набережной реки Амур, размещена выставка под открытым небом.

Использование в работе цифровых технологий также способствует популяризации истории родного края и позволяет архивистам рассказать о земляках-дальневосточниках. В 2020 г. по инициативе ГАХК стартовал новый проект «Улицы Хабаровского края рассказывают…», целью которого является рассказ жителям и гостям города и края о людях, чьими именами названы улицы в регионе.

На сегодняшний день таблички с QR-кодами открыты на 28 улицах, 27 из которых носят имена участников войны. Отсканированный QR-код позволяет пользователю перейти по ссылке и оказаться на сайте Государственного архива Хабаровского края, где размещены документы, рассказывающие о судьбе нашего земляка-дальневосточника.

Пополнение фондов архива и сохранение документов ветеранов является одной из приоритетных задач.

В 2016 г. фонды архива края пополнились уникальными документами периода 1940-х годов. Благодаря тесному сотрудничеству с Военным комиссариатом Хабаровского края Государственный архив Хабаровского края стал одним из первых в стране, кому были переданы на хранение документы военного ведомства: алфавитные книги призванных в годы Великой Отечественной войны, списки погибших (пропавших без вести), книги с извещениями, списки демобилизованных и другие материалы, связанные с участием жителей края в Великой Отечественной войне. 249 дел, хранившихся ранее в военкоматах края в условиях, которые не всегда могли обеспечить их сохранность и своевременную реставрацию, содержат в себе сотни имен наших земляков, принимавших участие в войне, и тех, кто отдал свои жизни за свободу и независимость Родины.

Силами работников ГАХК переданные документы были отреставрированы и описаны, а благодаря краевой программе «Развитие информационного общества Хабаровского края» и сотрудничеству с краевой некоммерческой организацией документы были оцифрованы. В настоящее время сканы документов доступны пользователям в электронном читальном зале госархива, а электронные копии документов переданы в краевой военный комиссариат и Управление Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества для дальнейшей их публикации в федеральных базах данных.

В последние десятилетия неизменно возрождается интерес жителей страны к историческим событиям времен войны, все четче прослеживается желание детей, внуков и правнуков увековечить имена своих родных – участников Второй мировой войны. Эти процессы связаны не только с успешно реализуемой государственной политикой в данном направлении, но и с появлением в жизни граждан возможности выйти на улицы городов и с гордостью пронести портрет своего героя, человека, подарившего своим потомкам мирную жизнь. Без сомнения, шествия «Бессмертного полка» всколыхнули чувство патриотизма у жителей нашего огромной страны, способствовали возрождению народной памяти.

В последние годы в адрес архива часто поступают запросы от родственников участников боевых действий с просьбой найти сведения о погибших. Кто-то находит сведения о родных, чтобы сохранить их в семейном архиве, рассказать о них своим детям, кто-то чтобы занести имена героев в Книгу памяти, на мемориалы погибших.

Пользователь архива Ольга Калмыкова, внучка участника Великой Отечественной войны Алексея Федотьевича Громового, обратилась в архив для того, чтобы подать запрос в Польский Красный Крест и занести имя деда на мемориал погибших. «Чтобы мой замечательный дед не лежал в Польше как неизвестный», – написала она в письме.

В 2017 г. при просмотре хранящихся в ГАХК документов ветеранов и участников войн возникла мысль о том, что складывается несправедливая ситуация. В то время как дети, внуки и правнуки ветеранов 9 мая гордо шествуют с портретами своих родных в рядах «Бессмертного полка», часть ветеранов, чьи документы хранятся в краевом архиве, не могут снова «встать» в строй победителей. Чьих-то родных не осталось в живых, кто-то из детей и внуков больше не живет на Дальневосточной земле, которую защищали их бабушки и деды, чьи-то родные не могут пройти с портретом в строю в силу возраста или состояния здоровья.

Госархив Хабаровского края взял на себя миссию исправить эту несправедливость и сделать так, чтобы ветераны войны, чьи документы хранятся в фондах нашего архива, снова встали в строй Победы и с гордостью прошли под знаменем победителей.

При поддержке Организационного комитета по проведению в Хабаровском крае акции «Бессмертный полк» на протяжении пяти лет, из которых 3 года очно, а 2 – в онлайн-формате, 9 мая работники архива несут портреты ветеранов по главной улице Хабаровска до мемориала на площади Славы. Значимым для архивистов стал тот факт, что родные ветеранов-дальневосточников, чьи документы хранятся в архиве, поддержали инициативу архивистов.

Благодаря широкому освещению подготовки и проведения шествия «Бессмертного полка» средствами массовой информации удалось найти родственников некоторых ветеранов, хотя при приеме документов в госархив о них не было известно.

Сохранение архивных документов, запечатлевших на своих страницах события не столь далекой от нас войны, является важным направлением деятельности архива. Однако без яркой социальной репрезентации, без демонстрации их людям сохраняемые документы так и останутся безмолвно лежащими на полках хранилищ, герои – забытыми, справедливость – не восстановленной, а общество не сможет сохранить историческую память и обеспечить преемственность поколений.

Духовно-нравственное воспитание граждан на исторических фактах, примерах, сохранение, преумножение и популяризация архивной информации о выдающихся людях, героях войн и славных страниц нашей истории остается приоритетной задачей Госархива Хабаровского края.

Сессия

«Интеграция проекта “Без срока давности” в образовательный процесс: опыт и перспективы»

Н. А. Ильина,
ректор Псковского государственного университета

Разработка и внедрение образовательного модуля по проекту «Без срока давности» в образовательные программы высшей школы

Аннотация

В работе участников секции рассмотены качественные характеристики образовательного модуля по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи на основе материалов проекта «Без срока давности». Структура модуля позволяет сформировать систему знаний о преступлениях нацистов и их пособников на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Изучение модуля закладывает нравственный фундамент целостной личности, готовой конструктивно работать для приумножения славы и богатства своей страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, высшая школа, образовательный модуль, «Без срока давности», историческая память, геноцид.

N. A. Ilyina,
Rector of Pskov State University

Development and implementation of the educational module on the project «No Statute of Limitations» into the educational programmes for higher education

Abstract

The qualitative characteristics of the educational module on patriotic civic and moral education of young people based on the materials of the project «No Statute of Limitations» are considered. The structure of the module makes it possible to form a system of knowledge about the crimes of the Nazis and their accomplices in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. The study of the module lays the moral foundation of a holistic personality who is ready to work constructively to increase the glory and wealth of his/her country.

Keywords: The Great Patriotic War, high school, educational module, «No Statute of Limitations», historical memory, genocide.

По поручению Президента Российской Федерации и в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ в целях гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи Псковским государственным университетом был разработан образовательный модуль на основе материалов проекта «Без срока давности», задачей которого является сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне.

Модуль состоит из пяти тематических разделов. Первый раздел посвящен анализу исследований по проблеме геноцида мирного населения на оккупированной территории РСФСР. Во втором разделе речь идет об исторических источниках, содержащих сведения о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения оккупированных территорий. В третьем разделе рассматриваются «Идеологические и институциональные основы нацистских преступлений против человечности на оккупированных территориях РСФСР». Содержание четвертого раздела составляют преступления гитлеровцев против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР. Неотвратимость наказания для нацистов и их пособников рассматривается в разделе «Геноцид как международное преступление».

Единая структура тематических разделов образовательного модуля, систематизация и способы представления информации делают понятным

содержание модуля и формируют систему знаний о преступлениях нацистов и их пособников на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

Учебно-методические материалы модуля включают подборку презентационных материалов, методические рекомендации, аннотированный список рекомендованных источников и литературы (в том числе электронные ресурсы), аннотированный комплект историко-документальных материалов, подборку аннотированных видеоресурсов, список примерных тем проектной и самостоятельной научно-исследовательской работы обучающихся, фонд оценочных средств.

Гражданско-патриотический потенциал модуля заключается в развитии представлений обучающихся об имеющихся научных ресурсах изучения проблемы для их использования/применения в практической деятельности различной направленности: поисковой, образовательной, просветительской и воспитательной; становление осознания планомерности и системности государственной политики Третьего рейха, направленной на уничтожение мирного населения оккупированных территорий; понимание необходимости и справедливости наказания нацистов и их пособников за преступления, совершенные на оккупированных территориях; формирование эмоционально-ценностного отношения к геноциду на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Для реализации духовно-нравственного потенциала модуля разработаны методические рекомендации по реализации модуля, соблюдение которых позволяет не только воздействовать на убеждения юношества и его мировоззрения в целом, но и обеспечивать реализацию усвоенных духовно-нравственных ценностей в практической деятельности с учетом общепризнанных норм морали.

Поскольку модуль имеет практико-ориентированный характер, процесс воспитания будет разворачиваться на конкретно-историческом (региональном) материале в рамках проектной или научно-исследовательской деятельности. Формируясь в деятельности, мировоззрение в форме убеждений, идеалов, коренных принципов будет пополнять уже сформировавшийся духовный мир личности молодых людей, определяя их жизненные стратегии поведения, интересы, средства их достижения, соотнесенные с государственными интересами.

В содержание всех разделов и учебных материалов модуля заложен не только информационно-исторический, но и эмоционально-ценностный компонент, способствующий формированию исторической эмпатии. В процессе обучения эмпатийный процесс, направленный на погружение в историческую эпоху, методически будет развернут через формы драматизации, импровизации, творческих упражнений, воображаемого интервью, сочинения от лица исторического персонажа, а также через приемы проекции и механизмы: дифференциации (детализации), идентификации, отчуждения.

Учебно-методические материалы модуля прошли апробацию в различных формах: выступления на научных и научно-практических конференциях, тематических круглых столах, уроков патриотического воспитания для молодежи и др.

Для образовательного модуля предусмотрены три варианта внедрения:

1) образовательный модуль как тематическая основа волонтерского или проектного модуля, факультатив или дополнительная образовательная программа для студенчества;

2) образовательный модуль как самостоятельная дисциплина вариативной части основной профессиональной образовательной программы по направлениям подготовки 40.00.00 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), 44.00.00 «Образование и педагогические науки» (уровень бакалавриата), 46.00.00 «История» (уровень бакалавриата);

3) интеграция образовательного модуля в дисциплины базовой (обязательной) части образовательной программы как тематического модуля.

Общим для указанных сценариев развертывания модуля являются: способность формировать универсальные компетенции, целевая аудитория, наличие регионального компонента, применение активных и интерактивных технологий обучения.

Ресурсное обеспечение внедрения образовательного модуля на настоящий момент включает в себя: 1) опубликованные учебные материалы модуля, которые прошли экспертизу ФУМО ВО «Образование и педагогические науки»; 2) программу повышения квалификации «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: “Без срока давности”» по работе с модулем гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания, обучение в соответствии с которой в декабре 2020 г. прошли 162 человека из РФ и Белоруссии; 3) публичные уроки патриотизма, прошедшие апробацию в образовательных организациях Псковской области; 4) электронный информационный ресурс, посвященный проблемам истории нацистской оккупации на территории СССР.

Апробационными площадками образовательного модуля определены Южный федеральный университет, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Хабаровский государственный университет экономики и права, Донской государственный технический университет, Московская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Университет прокуратуры Российской Федерации.

В мае 2021 г. ПГУ провел всероссийское совещание по вопросам внедрения образовательных модулей, посвященных Великой Отечественной войне для вузов РФ, где был представлен не только модуль, но и опыт учреждений и образовательных организаций по внедрению модуля в образовательный процесс.

В совещании приняли участие свыше 310 вузов страны, свыше 600 участников.

В июне 2021 г. было организовано дополнительное обучение по программе повышения квалификации «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: “Без срока давности”» для вузов-апробантов.

Учебные материалы образовательного модуля «Великая Отечественная война: “Без срока давности”» призваны заложить базовые ценностные категории, смысловые конструкции в оценке преступлений нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Изучение материала модуля необходимо для формирования здоровой основы для уважения к истории Родины, а следовательно, закладывает нравственный фундамент целостной личности, не страдающей комплексами национального стыда и готовой конструктивно работать для приумножения славы и богатства своей страны.

М. А. Пономарева, А. В. Аверьянов,
Южный федеральный университет

Формы и способы интеграции материалов проекта «Без срока давности» в образовательный процесс Южного федерального университета

Аннотация

Южный федеральный университет (ЮФУ) является ресурсным научно-образовательным центром Всероссийского проекта «Без срока давности», ведущей площадкой на Юге России по реализации и внедрению его результатов в научно-образовательное пространство. Спектр важнейших направлений ЮФУ в рамках проекта охватывает научно-исследовательскую, образовательную, экспертную, просветительскую деятельность. Отмечаются перспективы развития проекта на региональном, всероссийском и международном уровнях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «Без срока давности», Южный федеральный университет, ЮФУ, Ростовская область, Юг России, геноцид мирного населения.

M. A. Ponomareva, A. V. Averyanov,
Southern Federal University

Forms and methods of integration of project materials «No Statute of Limitations» in the educational process of Southern federal university

Abstract

Southern Federal University is the resource scientific and educational center of the All-Russian project «No Statute of Limitations», the leading platform in the South of Russia for the implementation and implementation of its results in the scientific and educational space. The range of the most important directions of SFU within the framework of the project covers research, educational, expert, educational activities. The prospects for the development of the project at the regional, national and international levels are noted.

Keywords: The Great Patriotic War, «No Statute of Limitations» Project, Southern Federal University, SFU, Rostov region, Southern Russia, genocide of civilians.

Всероссийский проект «Без срока давности» представляет новые возможности не только для научно-исследовательской деятельности в области изучения Великой Отечественной войны, но и для внедрения его результатов в образовательное пространство. Ростовская область наряду с другими субъектами РФ вошла в число пилотных регионов по реализации Всероссийского проекта «Без срока давности», который активно внедряется в научно-образовательную систему и общественную повестку.

Южный федеральный университет является ресурсным научно-образовательным центром проекта «Без срока давности», площадкой для апробации и распространения его опыта на тер-

ритории Южного и Северо-Кавказского федерального округов.

Университет ведёт свою историю с 1915 г., когда в Ростов-на-Дону переехал Императорский Варшавский университет. ЮФУ расположен в городах Ростове-на-Дону и Таганроге, что обусловлено масштабностью вуза и широким спектром решаемых задач: становлением университета как ведущего центра подготовки высококвалифицированных специалистов; развитием фундаментальных и прикладных исследований; включением в международные исследовательские и образовательные сети.

Партнерами ЮФУ по включению проекта «Без срока давности» в образовательный процесс являются Администрация Ростовской области, Комитет по молодежной политике Ростовской области, Южный научный центр Российской академии наук, Ростовский государственный экономический университет, Донской государственный технический университет, Комитет по архивному делу Ростовской области, Государственный архив Ростовской области, Центр документации новейшей истории Ростовской области, муниципальные архивы Ростовской области, Отделение Российского исторического общества в Ростовской области, Ростовское региональное отделение «Поискового движения России».

В ЮФУ успешно реализуются образовательные модули академической мобильности «Без срока давности» для бакалавров и магистрантов по всем направлениями подготовки. Данные модули имеют целью воспитание гражданской позиции, патриотизма, исследовательских и поисковых навыков студентов в рамках изучения истории Великой Отечественной войны в общероссийском и региональном измерении. В бакалавриате ЮФУ он представлен модулем «Без срока давности: история Великой Отечественной войны», рассчитанным на 4–6-й семестры, и включает в себя по 36 часов лекционных и практических занятий, а также 108 часов самостоятельной работы студентов[1]. В числе составных элементов образовательного модуля представлены основные события Великой Отечественной войны, история Ростовской области в годы войны, её репрезентация в исторической памяти, освещение практик мемориализации исторической памяти о войне, фронтовой повседневности, изучение основ поисковой деятельности и т.д.

На уровне магистратуры в ЮФУ реализуется модуль академической мобильности «Без срока давности: Ростовская область во время Великой Отечественной войны» (3-й семестр, 5 зачетных единиц, 36 часов лекционных, 36 часов практических занятий, 108 часов самостоятельной работы студентов) с упором на региональный компонент и включает несколько тематических блоков: Ростовская область в годы войны; в период оккупации; Великая Отечественная война в мемориальном пространстве региона; поисковая деятельность на Дону и др.[2]

Лекции читают ведущие специалисты университета, в том числе доктора исторических наук А. В. Венков, Е. Ф. Кринко, кандидаты исторических наук Л. В. Табунщикова, П. Г. Култышев.

Среди результатов обучения – формирование у студентов умения критически воспринимать исторические концепции и парадигмы, идеологически обусловленные определенными социокультурными обстоятельствами дискурсы; артикулировать собственные идеи и подходы к изучаемым вопросам, умение с научной точки зрения анализировать исторические события.

В рамках дисциплины проводятся круглые столы, реализуются проекты по практикам презентации исторической памяти. Это способствует вовлечению учащейся молодежи в изучение исторического контекста событий того времени, прежде всего политики геноцида нацистов в отношении мирного советского населения, а также стимулирует её общественную активность, в том числе в сфере коммеморативных практик.

В целях привлечения студентов в научно-исследовательскую работу в ЮФУ реализуется всероссийский проект «Архивный десант» при поддержке Поискового движения России. Студенты и аспиранты ЮФУ ведут активную работу в фондах архивных учреждений Ростова-на-Дону, Таганрога, Симферополя; участвуют в научных конференциях, общественных мероприятиях, в том числе с целью обмена опытом со своими коллегами по проекту, принимают участие в выставках, занимаются просветительской работой среди сверстников. В число задач проекта входит увековечение памяти мирных граждан, погибших от рук немецко-фашистских оккупантов и их пособников; выявление лиц, причастных к преступлениям против мирного населения; формирование навыков исследовательской работы; формирование активной гражданской позиции.

В рамках научно-образовательной и просветительской деятельности с целью популяризации проекта «Без срока давности» ЮФУ проводит открытые лекции, школы молодых исследований, студенческие конференции, круглые столы, работу с молодыми учителями и руководителями школьных музеев. Например, 13 февраля 2021 г. в стенах Института истории и международных отношений ЮФУ состоялась региональная научно-практическая конференция школьников и студентов «Великая Отечественная война в мемориальном пространстве Донского края».

Научная и экспертная деятельность ЮФУ в рамках проекта «Без срока давности» представлена комплексом исследовательских работ, в том числе участием в отборе документов и составлении сборника «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область»[3]. ЮФУ является организатором и соорганизатором научных конференций по тематике проекта. Так, 23–24 сентября 2021 г. в Ростове-на-Дону состоялась II Всероссийская научная конференция «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России:

события, участники, символы», в рамках которой совместно с «Поисковым движением России» прошел круглый стол «Без срока давности: нацистская оккупация и военные преступления на захваченной территории СССР в годы Великой Отечественной войны». Он включал две панели, посвященные изучению оккупационного режима на юге РСФСР и военных преступлений на оккупированной советской территории[4].

Экспертная деятельность ЮФУ в рамках проекта осуществляется путем работы в архивных учреждениях, в том числе с рассекреченными документами архива УФСБ по Ростовской области, выявления и отбора документов при проведении выставок, а также путем проведения поисковых работ по выявлению массовых захоронений жертв нацистского геноцида. Эксперты ЮФУ входят в комиссию Российского исторического общества по изучению преступлений нацистов на территории РСФСР в период Великой Отечественной войны. На региональном и межрегиональном уровне ЮФУ взаимодействует с органами государственной власти, в том числе принимает участие в работе экспертной комиссии при рабочей группе Администрации Ростовской области по изучению преступлений нацистов в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области.

Ведется активное взаимодействие со СМИ, в том числе на федеральном уровне. Ведущие участники проекта – сотрудники ЮФУ, в том числе и.о. директора Института истории и международных отношений доктор исторических наук М. А. Пономарева, доктор исторических наук Е. Ф. Кринко – в качестве экспертов приняли участие в создании документальных фильмов из цикла «Без срока давности».

Несмотря на масштабные результаты, полученные в ходе реализации проекта «Без срока давности», он по-прежнему обладает значительным потенциалом. В числе перспективных направлений работы – углубление межрегионального сотрудничества не только на уровне пилотных регионов, но и остальных участников проекта, в том числе в рамках разработки интегрированного онлайн-курса «Без срока давности: история оккупированных территорий РСФСР в период Великой Отечественной войны». В перспективе он может включить все участвующие в проекте регионы, а также представителей других государств (например, Белоруссии). Новый курс в формате проведения лекционных и практических занятий может быть внедрен в образовательный процесс высших учебных заведений в качестве модуля основного курса, отдельной дисциплины, курса по выбору.

В числе перспективных проектов следует выделить разработку самостоятельного образовательного модуля о жертвах военных преступлений против мирного населения в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях в рамках регионального компонента государственного стандарта общего образования.

В дальнейшем расширении нуждается проект «Архивный десант» с привлечением студентов исторических и неисторических специальностей, а также школьников. Важным представляется усиление взаимодействия с представителями из других регионов, проведение совместных научных мероприятий (конференций, круглых столов) и других проектов.

Примечания

[1] Модули академической мобильности // Южный федеральный университет: Офиц. сайт. URL: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/N12935/D (дата обращения: 01.12. 2021).

[2] Там же.

[3] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область: Сб. док. / под ред. М. А. Пономарева; отв. ред. О. А. Литвиненко; отв. сост. Л. В. Левендорская. М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле, 2020.

[4] Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат. II Всерос. науч. конф., приуроч. к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г. В 2 ч. Ростов-на-Дону, 2021.

Т. Г. Хришкевич,
Псковский государственный университет

Система повышения квалификации по программе «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи» в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности»

Аннотация
Статья посвящена опыту разработки и реализации программы дополнительного профессионального образования в рамках образовательного модуля «Без срока давности» на базе Псковского государственного университета. Программа ориентирована на специалистов, в чью компетенцию входит преподавание дисциплин, основанных на материалах образовательного модуля.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, повышение квалификации, проект «Без срока давности», гражданско-патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание.

T. G. Khrishkevich,
Pskov State University

System of advanced qualification for the program «Organization of civil-patriotic and spiritual-moral education of youth» in the framework of the educational module «Great Domestic War: No Statute of Limitations»

Abstract
The article is devoted to the experience of developing and implementing a program of additional professional education in the framework of the educational module «No Statute of Limitations» on the basis of the Pskov State University. The program is aimed at specialists whose competence includes teaching disciplines based on the materials of the educational module.
Keywords: The Great Domestic War, professional development, the project «No Statute of Limitations», civil and patriotic education, spiritual and moral education.

В 2020 г. в Российской Федерации началась реализация масштабного проекта «Без срока давности», целью которого является сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны, установление обстоятельств вновь выявленных преступлений против мирного населения. В проект включился коллектив преподавателей исторического факультета Псковского государственного университета, который стал площадкой для разработки образовательного модуля по проекту «Без срока давности». Одной из его задач стало создание системы повышения квалификации для работников высшего образования, в чью компетенцию вошло преподавание дисциплин, основанных на материалах образовательного модуля.

Повышение квалификации проводилось на основании дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках образовательного модуля “Великая Отечественная война: без срока давности”». Целью реализации программы стало совершенствование и/или получение новых компетенций, необходимых для профессиональной деятельности преподавателей высших учебных заведений Российской Федерации, а также повышения их профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации, необходимых для внедрения модуля.

Повышение профессионального уровня слушателей осуществлялось в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденного Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н. Целевой аудиторией

программы стали преподаватели образовательных организаций.

За время реализации программы на базе Псковского государственного университета было подготовлено более 200 специалистов из 30 высших учебных заведений Российской Федерации. Среди вузов-апробантов, на чьих площадках началось внедрение образовательного модуля, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Принципы программы заложены содержанием образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности»», а также необходимостью дать слушателям не столько материалы для работы, сколько конкретные методики. Отсюда три ключевых принципа – объективность, верифицируемость и интерактивность. Например, в каждой теме слушатели должны были выполнить те задания, которые они в дальнейшем могли использовать в работе со студентами.

В результате освоения программы обучающиеся должны знать: актуальные исследования, посвященные геноциду мирного населения на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны; принципы духовно-нравственного воспитания обучающихся и базовые национальные ценности; политические, идеологические и гуманитарные последствия геноцида мирного населения на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войны; уметь: управлять учебными группами с целью вовлечения обучающихся в процесс обучения и воспитания, мотивируя их учебно-познавательную деятельность к теме последствий геноцида мирного населения в годы Великой Отечественной войны; использовать знания в области истории Великой Отечественной войны в гражданско-патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодежи; объяснять последствия преступлений против человечности в отношении мирного населения; владеть: способностью к проектной деятельности в рамках гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания; способностью находить ценностный аспект учебного знания и информации, обеспечивать его понимание и переживание обучающимися; способностью применять знания о геноциде мирного населения на оккупированных территориях РСФСР в годы Великой Отечественной войне в историческом и историко-краеведческом образовании.

В соответствии с рабочей программой учебный план рассчитан на 24 лекционных часа и 24 часа самостоятельной работы. Он включает в себя пять тем, соответствующих содержанию образовательного модуля. Тема 1. Методические рекомендации по организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках темы «Исследования проблемы геноцида мирного населения на оккупированной территории РСФСР». Тема 2. Методические рекомендации по организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках темы «Источники о преступлениях против мирного населения в период нацистской оккупации». Тема 3. Методические рекомендации по организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках темы «Идеологические и институциональные основы нацистских преступлений против человечности». Тема 4. Методические рекомендации по организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках темы «Преступления против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР». Тема 5. Методические рекомендации по организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках темы «Геноцид как международное преступление». Модульное построение программы позволяет обучающимся рационально использовать время на обучение и приобрести за короткий срок требуемые компетенции.

Программа повышения квалификации базировалась на глубоком научном содержании. В рамках организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи важно делать ставку на работу с архивными документами, которые позволяют получить правдивое представление о событиях войны. Источниковой базой послужили документы, опубликованные в изданиях и на сайте федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Например, раздел «Анатомия зла», в котором размещены планы, директивы, приказы военно-политического руководства нацистской Германии по оккупации СССР[1].

Работа с историческими источниками на занятиях может быть проведена как с использованием традиционных приемов работы, так и разнообразных творческих методик. Современные методики обучения требуют от преподавателя высшей школы использования разнообразного контента, к выбору которого в организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания необходимо подходить крайне тщательно. Для каждой темы ведущими специалистами исторического факультета были подготовлены и записаны онлайн-лекции, размещенные в электронной среде университета на платформе LMS Moodle.

Особое место в контенте программы занимают историко-документальные фильмы, снятые в рамках проекта «Без срока давности» и размещенные на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Среди них «Нюрнберг. Свидетели», «Нюрнберг. Казнь», «Нюрнберг. Процесс, которого могло не быть», «Нюрнберг. Банальность зла» (автор А. Г. Звягинцев)[2].

Значительная часть программы построена на применении разнообразных логических методических приемов и активных методов обучения. Все они прошли апробацию в Псковском государственном

университете и доказали эффективность в преподавании такой сложной темы как проблема геноцида мирного населения, по преимуществу это интеллектуальные аналитические методики. Отдельные темы, например, изучение нацистских практик (организация концентрационных лагерей, массовое истребление мирного населения и др.) требуют глубокой проработки и продуманного отбора материала. Поэтому их использование возможно с применением разнообразных технологий критического мышления. Тема «Геноцид как международное преступление» может быть раскрыта с помощью технологий проблемного обучения, метод-проектов, кейс-стади, мобильного обучения. Каждый тематический раздел содержит методические рекомендации, которые позволят применять различные инновационные формы учебных занятий в рамках преподавания конкретного тематического модуля[3].

На основе материалов проекта «Без срока давности» для углубленного изучения темы в разделах программы представлена дополнительная информация – перечень презентационных материалов, комплект историко-документальных материалов, ссылки на информационные сайты, которые также можно использовать в рамках организации гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания. Например, сайты Министерства обороны Российской Федерации, Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы), Государственного центрального музея современной истории России, Интернет-архива Нюрнбергского трибунала и Нюрнбергского процесса и др.

Завершается программа итоговой аттестацией в форме представления проекта по одной из предложенных тем. Например, «Методика работы с фотодокументами по теме “Отражение последствий нацистских зверств”»; «Методика работы с кинодокументами по теме “Трагедия мирного населения на оккупированных территориях РСФСР”»; «Методика работы с периодической печатью по теме “Преступления против мирного населения”»; «Методика преподавания темы “Деятельность карательных отрядов на оккупированной территории РСФСР”»; «Разработка дидактического материала по теме “Деятельность пособников нацистских преступников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР”».

Таким образом, программа повышения квалификации нацелена на всестороннюю и углубленную подготовку научно-педагогических работников высшей школы в целях обеспечения реализации образовательного модуля «Великая Отечественная война: Без срока давности». Содержательный и методический контент позволит слушателям программы оперативно интегрировать материалы в учебный процесс в рамках преподаваемых дисциплин и модулей, что будет способствовать сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны.

Примечания

[1] «Анатомия зла»: Планы, директивы, приказы военно-политического руководства нацистской Германии по оккупации СССР // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сайт. URL: https://victims.rusarchives.ru/ index.php/anatomiya-zla-plany-direktivy-prikazy-voenno-politicheskogo-rukovodstva-nacistsko y-germanii-po.

[2] Историко-документальные фильмы // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: http://genproc.gov.ru/about/films/film-1195900/.

[3] *Филиппова Т. В.* Инновационные формы учебных занятий в вузе // Мат. межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Витебск, ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. С. 228–229; *Алиева Л. В.* Подготовка нового поколения кадров для туриндустрии в системе дополнительного профессионального образования Псковского государственного университета // Роль университетского образования и науки в современном обществе: Мат. межд. научной конф. Минск: БГУ, 2019. С. 426–431.

Тематическая площадка

«Историко-документальное наследие Хабаровского процесса»

Аннотация

В рамках площадки ведущие специалисты обсудят историческое значение Хабаровского процесса для современного мира и его историко-документальное наследие.

Ведущие историки поделятся результатами исследований о различных аспектах организации и проведения Хабаровского процесса, военных преступлениях Японии, в том числе о деятельности отрядов №№ 731 и 100 по разработке и испытаниям бактериологического оружия, о современной зарубежной историографии и фальсификациях истории войны на Дальнем Востоке.

Экспертное сообщество даст оценку источниковой базе и новым рассекреченным архивным документам, рассмотрит их значение в сохранении исторической правды о завершающем этапе Второй мировой войны.

А. Л. Анисимов,
доктор исторических наук, профессор Дальневосточного юридического института МВД России, Хабаровск

Фальсификация истории Советско-японской войны 1945 г.

Аннотация
В статье рассматриваются основные направления фальсификации истории Советско-японской войны 1945 г.: СССР совершил агрессию против Японии, вел несправедливую, захватническую войну, поэтому Россия должна покаяться перед Японией; концепция особой «советско-японской войны 1945 г.»; вероломство Сталина, к которому Япония обратилась с просьбой о посредничестве в 1945 г.; США и Великобритания могли сами разгромить Японию, но Сталин вынудил союзников согласиться на участие СССР в войне на Тихом океане.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Советско-японская война, 1945 г., фальсификация, Пакт о нейтралитете, агрессия, вероломство, покаяние, Советский Союз, Япония, США, Великобритания.

A. L. Anisimov,
Doctor of Historical Sciences, Professor Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk

Falsification of the history of the Soviet–Japanese war of 1945

Abstract
The article deals with the main directions of falsification of the history of the Soviet-Japanese war of 1945: the USSR committed aggression against Japan, waged an unjust, aggressive war, so Russia must repent to Japan; the concept of a special «Soviet-Japanese war of 1945»; Stalin's treachery, to which Japan requested mediation in 1945; The United States and Great Britain could have defeated Japan themselves, but Stalin forced the Allies to agree to the participation of the USSR in the war in the Pacific.
Keywords: World War II, Soviet-Japanese war, 1945, falsification, Neutrality Pact, aggression, perfidy, repentance, Soviet Union, Japan, USA, Great Britain.

Российский историк И. В. Мазуров в статье «Страницы дипломатической истории советско-японской войны 1945 г.» утверждает, что СССР совершил агрессию против Японии, вел несправедливую, захватническую войну. Он призывает Советский Союз и Россию покаяться перед Японией и всем человечеством[1](!).

Ведущий исследователь Московского Центра Карнеги Лилия Шевцова в эфире «Эхо Москвы» заявила о необходимости русским покаяться перед японцами. «Россия должна подумать о покаянии в отношении японцев. У нас с Японией своя «катыньская» трагедия», – заявила Лилия Шевцова. По ее словам, Советский Союз фактически вероломно напал на Японию, которая в 1941–1945 гг. от нападения на СССР воздержалась, и взял в плен около 600 тыс. японских военнопленных, большинство из которых, по версии Шевцовой, добровольно сложили оружие по приказу императора. Но этот тезис не выдерживает критики.

Следует напомнить, что тезис о советской «агрессии» и «продолжении священной войны в защиту нашей священной земли» был выдвинут еще 10 августа 1945 г. военным министром Японии Анами в его обращении к армии[2].

Согласно Пакту о нейтралитете (действовал до 13 апреля 1946 г.) стороны могли денонсировать его за год до истечения строка, что и сделала советская сторона 5 апреля 1945 г.

В соответствии с международным правом, денонсация кладет предел действиям двустороннего договора в срок, указанный в этом договоре. Формально, Советский Союз нарушил договор, объявив войну Японии 8 августа 1945 г., а не в апреле 1946 г., если рассматривать действия СССР в отрыве от всей Второй мировой войны, что было бы совершенно неверно. В данном случае принцип нерушимости международных договоров (Pacta Sunt servanda) входит в противоречие с другим принципом международного права, который пропагандировали и использовали в то время западные страны, да и сама Япония – учением о «неизменности обстоятельств» (Rebus sic stantibus). Согласно этому учению, договор, заключенный при определенном фактическом положении и в предположении, что оно не изменится,

может быть односторонне расторгнут, если положение все же изменилось. С момента подписания советско-японского Пакта о нейтралитете обстоятельства изменились коренным образом, и у Советского Союза было предостаточно поводов для отказа от данного договора. Конечно, произвольное толкование принципа «неизменности обстоятельств» чревато неправомерными отказами от международных договоров. Этим принципом часто пользовалась Германия перед Второй мировой войной (например, расторгла договор о ненападении с Польшей накануне Второй мировой войны, обосновывая это тем, что Польша заключила союзный договор с Англией). Но в случае со вступлением СССР в войну против Японии он был применен правильно. Решение Советского Союза приветствовалось большинством государств мира и в дальнейшем не подвергалось сомнению мировым сообществом.

Следуя этому принципу, Советский Союз мог отказаться от договора с Японией уже 22 июня 1941 г., когда он подвергся нападению Германии, у которой имелся союзный договор с Японией. Кроме того, 7 декабря 1941 г. Япония напала на США, которые являлись союзниками СССР. В мире развязалась мировая война, в которой противостояли друг другу «агрессивный» и «оборонительный» блоки. Под угрозой оказалась жизнь миллионов людей и, вполне возможно, вся человеческая цивилизация. Согласитесь, обстановка коренным образом отличалась от той, в которой подписывался советско-японский договор о нейтралитете.

Подписав Пакт, японское руководство поставило себя в двусмысленное положение, так как оно одновременно имело обязательства перед Германией и Италией по «антикоминтерновскому пакту» и пакту трех держав. Уже этого было достаточно, чтобы Советский Союз мог воспользоваться принципом «неизменности обстоятельств». Несмотря на это, Япония пошла в 1941 г. на продление антикоминтерновского пакта, имевшего антисоветскую направленность, еще на пять лет.

Более того, Токийский трибунал установил, что «Япония заключила Пакт о нейтралитете неискренне и в качестве средства, которое помогло бы ей осуществить свои агрессивные намерения против СССР». В приговоре Токийского трибунала отмечалось, что Япония в период Второй мировой войны делала все, чтобы помешать Советскому Союзу в его войне с Германией, ее действия нарушали обязательства Японии по Пакту о нейтралитете и носили характер «косвенной подготовки к войне, которую Япония намеревалась вести против СССР»[3].

Советский Союз имел право не только денонсировать Пакт, но и аннулировать его, т.е. отказаться от заключенного договора без соблюдения его условий в одностороннем порядке. Международное право признает правомерными такие действия при наличии веских оснований. Таких оснований у Москвы было более чем достаточно. Советское руководство пошло на денонсацию, как это было предусмотрено Пактом, выполнив при этом все необходимые условия и процедуры.

В ст. 2 Пакта о нейтралитете говорилось, что «в том случае, если одна из Договаривающихся Сторон станет объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав, другая Договаривающаяся Сторона должна сохранять нейтралитет в течение всего периода конфликта»[4].

Из этого следует, что одна из сторон – Япония или СССР должны были соблюдать нейтралитет только, если другая сторона подвергнется агрессии. Таким образом, согласно букве и духу Пакта, Япония обязана была соблюдать нейтралитет, когда Советский Союз подвергся агрессии гитлеровской Германии. Однако Япония это положение нарушала, действовала вопреки договору. Япония же агрессии не подвергалась. Наоборот, она сама осуществила агрессию против США и Великобритании, которые к тому же являлись союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. В этом случае Москва не имела обязательств соблюдать нейтралитет в войне, которую вела Япония, т.к. договор не предусматривал его сохранение, если одна из сторон совершит нападение на третью страну или страны. Япония, совершив агрессию против США и Великобритании, «освободила СССР от обязательств по пакту, она стала субъектом международного преступления и, таким образом, вышла за пределы нейтралитета на Дальнем Востоке, указанные в пакте…»[5].

О каком вероломстве Советского Союза и его руководства по отношению к Японии можно говорить, когда еще 5 апреля 1945 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов сделал японскому послу Сато заявление о намерении советского правительства денонсировать Пакт о нейтралитете, в полном соответствии со ст. 3 этого договора, за год до истечения срока[6]. С этого момента японское руководство в любой момент должно было ожидать осуществления этого намерения Советского Союза и начала войны с СССР. Таким образом, советское руководство за 4 месяца до начала войны предупредило японцев о вероятной войне. 8 августа Молотов вручил японскому послу Сато для передачи японскому правительству заявление Советского правительства об объявлении войны с 9 августа 1945 г., обвинив Японию в агрессии против своих союзников – США и Великобритании, что в силу ст. 3 договора освобождало СССР от каких-либо обязательств по Пакту о нейтралитете.

Мазуров и Шевцова утверждают, что СССР совершил агрессию против Японии, а значит, вел несправедливую, захватническую войну. Отсюда вытекает, что один из участников антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне вел несправедливую войну по отношению к Японии, которая мировым сообществом признана агрессором и осуждена Международным трибуналом. Нонсенс! Видимо, чтобы как-то выйти из этого неудобного положения, автору и понадобилась концепция особой «советско-японской войны 1945 г.», чтобы вывести ее за рамки Второй мировой.

Советский Союз на протяжении всей Второй мировой войны вел справедливую войну, хотя, конечно же, желал воспользоваться определенными плодами победы в ней, преследуя свои интересы. Такие

интересы были у всех участников антигитлеровской коалиции. Соединенные Штаты Америки, например, приобрели в качестве подмандатной территории острова Микронезии, часть которых в настоящее время «свободно ассоциированы» с США, не говоря уже о тех экономических и военно-стратегических преимуществах, полученных после войны.

Японскому руководству еще в 1941 г., еще до нападения на США или во время планирования войны против Советского Союза, должно было бы быть ясно, что в этом случае Японии придется воевать со всей антигитлеровской коалицией. Судьба Пакта с СССР была решена самой Японией 7 декабря 1941 г. Руководство Японской империи проявило непонимание обстановки, неумение оценивать и прогнозировать. С началом коренного перелома в войне в 1943 г. и укреплением антигитлеровской коалиции (после Тегерана) война всех держав против Японии являлась лишь делом времени, что и подтвердило дальнейшее развитие событий. Речь при этом шла о капитуляции Японии, а не о мире, тем более сепаратном, на что надеялись в Токио. Еще на II Вашингтонской и I Квебекской конференциях США и Англия поставили в качестве общей цели добиться «безоговорочной капитуляции Японии совместно с Россией, используя огромные ресурсы Объединенных наций»[7].

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. по предложению члена английской делегации генерала Исмея была поставлена цель войны коалиции с Японией — заставить ее капитулировать. Остальные участники поддержали эту идею[8].

До японского руководства было доведено, что от него ждут безоговорочной капитуляции. Судьба Германии показывала, что союзники будут воевать до полной победы, но японское руководство и здесь проявило непонимание ситуации, близорукость и пыталось найти нереальный выход в сепаратных переговорах. Сталин, к которому обратилась Япония с просьбой о посредничестве, не имел права идти на сепаратные переговоры с противником. 11 февраля 1945 г. руководителями трех держав – СССР, США и Великобритании было подписано Соглашение по Дальнему Востоку, в котором говорилось, что «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников…»[9]. Таким образом, союзники (США и Великобритания) полагали, что СССР аннулирует Пакт о нейтралитете с Японией, подталкивали к этому Советский Союз. Почему же Лилия Шевцова не призывает США и Великобританию как участников «преступления», по ее логике, к покаянию перед японцами за свою долю «вины»?

За что автор призывает Советский Союз и Россию покаяться перед Японией? За то, что ускорил падение милитаристского режима в Японии, принесшего неисчислимые страдания народам Азии, Австралии, Океании, Америки, Европы, России, уничтожившего около 40 млн человек в этой войне и обрекшего свой народ на ужасное поражение и страдания от последствий атомных бомбардировок? За то, что выполнил свои союзнические обязательства? За десятки потопленных японцами советских судов и тысячи погибших моряков и пограничников в период действия Пакта о нейтралитете, за постоянное ожидание удара в спину во время Великой Отечественной войны? За то, что, вступив в войну, ускорил ее окончание и спас сотни тысяч, если не миллионы жизней, в том числе и самих японцев?

Концепция особой «советско-японской войны 1945 г.» Мазурова.

Большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных (включая японских), даже не упоминают об особой, отдельной «советско-японской войне 1945 года», а используют термины «Тихоокеанский фронт», «Дальневосточный» или «Тихоокеанский театр Второй мировой войны», «Великая Восточно-Азиатская война», «Война на Тихом океане». Практически во всех изданиях говорится о вступлении Советскою Союза в войну с Японией в период Второй мировой войны на стороне союзников — США и Великобритании. Так, например, К. Типпельскирх, бывший генерал фашистской Германии и военный историк, далеко не симпатизировавший СССР, писал, что «верный союзническому долгу, Советский Союз согласился на предложения союзников выступить на их стороне против Японии и тем самым содействовать окончанию войны», т.е. Вторая мировая война уже шла, в нее и вступил Советский Союз, а не началась новая — «советско-японская»[10].

Не только в исторических исследованиях, но и в документах с 1941 г. (с 1-й Вашингтонской конференции) и до наших дней боевые действия Советского Союза против Японии в августе 1945 г. рассматривались не как Советско-японская война, а как эпизод Второй мировой войны или Тихоокеанской войны, которая являлась составной частью первой. Если боевые действия Японии, Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Словакии, Финляндии с каждой страной, с которой они воевали в 1930–1940-е годы, называть отдельными войнами (японо-голландской, японо-американской, германо-бельгийской, словако-советской и т.д.), то вся мировая война предстанет как вереница не связанных между собой десятков войн, а она сама раствориться в них. Уже давно в мировой исторической литературе устоялось мнение, что с 1 сентября 1939 г. по 2 сентября 1945 г. шла Вторая мировая война, которая охватывала Европу, Азию, Африку, Океанию.

Чтобы говорить о Советско-японской войне 1945 г. как об отдельной войне, не связанной со Второй мировой, необходима основательная аргументация. Такой аргументации у Мазурова нет.

Решение Советского Союза начать боевые действия против Японии не было единоличным решением руководства СССР во главе со Сталиным. Это было коллективное решение, инициированное западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Все решения по стратегическим операциям принимались коллегиально,

как, например, об открытии второго фронта и о вступлении в войну против Японии Советского Союза.

Вступление Советского Союза в войну против Японии в августе 1945 г. нельзя рассматривать в отрыве от ситуации, которая существовала тогда в мире, в отрыве от Второй мировой войны, от довоенной истории. Иначе нельзя дать объективную оценку этому событию.

В период Второй мировой войны (1939–1945 гг.) в борьбе принимали участие две глобальные коалиции, два военно-политических блока: агрессивный (Германия, Япония и Италия с союзниками) и оборонительный (Великобритания, США, СССР и их союзники). Именно державы «оси» Рим– Берлин–Токио развязывают агрессию, захватническую войну, ставят своей целью установление своего господства над миром, уничтожение государств и целых народов.

Хитрость, вероломство Сталина, к которому обратилась Япония с просьбой о посредничестве в 1945 г. Его стремление решить свои цели, обманывая и японцев, и союзников.

До японского руководства было доведено, что от него ждут безоговорочной капитуляции. Судьба Германии показывала, что союзники будут воевать до полной победы, но японское руководство и здесь проявило непонимание ситуации, близорукость и пыталось найти нереальный выход в сепаратных переговорах. Сталин, к которому обратилась Япония с просьбой о посредничестве, не имел права идти на сепаратные переговоры с противником. И в этом проявилась не хитрость Сталина, как это утверждает Мазуров, хотя его вероятная заинтересованность и имела место, а отрыв от действительности японского политического и военного руководства.

В связи с вышесказанным, обвинения автора статьи, что Москва старательно «тянула время», не идя на контакты с японским эмиссаром, обговаривая в это время условия вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, безосновательны.

В отличие от утверждения Мазурова, Сталин не скрывал от союзников, что японское правительство предлагало ему посредничество в заключении сепаратного мира с Японией. 15 сентября 1943 г. в заявлении советского правительства сообщалось о желании японского правительства послать в Москву высокопоставленное лицо, что расценивалось Москвой как попытка посредничества между СССР и воюющими странами в целях подготовки для перемирия или мира с ними. Советское правительство подчеркивало, что это совершенно исключено[11].

16 сентября 1943 г. А. Громыко заявил, что СССР решительно отвергает попытки Японии добиться мира между СССР и Германией, так как понимает, что Япония преследует цель расколоть антигитлеровскую коалицию, сосредоточить усилия держав «оси» на борьбе с Великобританией и США, после поражения которых настанет очередь СССР[12].

В Потсдаме, за три недели до атомной бомбардировки Японии, Сталин рассказал Черчиллю в частной беседе о предложении японского посла в Москве, в котором выражалось стремление Японии к миру. Черчилль сообщил об этом Трумэну. Затем и Сталин сообщил о японской инициативе Трумэну во время их личной встречи 18 июля, но это не имело никаких последствий. США и Великобритания добивались капитуляции Японии, ее разгрома[13]. Сталин об этом знал и не хотел вводить в заблуждение правительство Японии, хотя сам предложил Трумэну три варианта действий, в том числе и мир с Японией, понимая нереальность этого.

США и Великобритания могли сами разгромить Японию, но Сталин вынудил союзников согласиться на участие СССР в войне на Тихом океане.

В 1944–1945 гг. США и Великобритания могли отказаться от услуг СССР в борьбе с Японией, и Сталин неоднократно интересовался, останутся ли в силе договоренности в отношении Японии, но не настаивал на обязательном подтверждении. Но союзники хотели вступления СССР в войну, чтобы ускорить ее окончание и сократить свои потери.

Ответы на эти вопросы можно найти в заявлении Правительства Великобритании от 8 августа 1945 г.: «Мы всегда были уверены, что, как только Россия одержит победу на Западе, она выступит вместе со своими союзниками против врага на Восточном фронте… против последнего агрессора. Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советского Союза»[14].

Примечания

[1] *Мазуров И. В.* Страницы дипломатической истории советско-японской войны 1945 г. // Мат. 44-й науч. конф.: Общественные науки. Хабаровск, 1998. С. 42–56.

[2] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976. С. 589, 593.

[3] Советско-американские отношения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 1984; Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. М., 1984. Т. 2. С. 107–108.

[4] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958. Т. 2. С. 583.

[5] История войны на Тихом океане: в 5 т. / Под общ. ред. У. Сэйдзиро, Э. Бокуро, Т. Сигэки и др. М., 1958. Т. IV. С. 434.

[6] *Смирнов Л. П., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М., 1980. С. 277.

[7] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 372.

[8] *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 536.

[9] Советский Союз на международных конференциях… Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 273.

[10] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны: в 2 т. СПб., 1994. Т. 2; История войны на Тихом океане: в 5 т. / Под общ. ред. У. Сэйдзиро, Э. Бокуро, Т. Сигэки и др. М., 1958; *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976.

[11] Советский Союз на международных конференциях… Т. 2. С. 84, 106–108.

[12] *Говард М.* Указ. соч. С. 415, 428, 434, 436.

[13] Советский Союз на международных конференциях… Т. 1. С. 93, 256–267.

[14] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 434.

В. Н. Тимошенко,
доктор исторических наук, Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, директор Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Хабаровский процесс в отражении зарубежной историографии

Аннотация
Статья посвящена анализу зарубежной историографии о Хабаровском судебном процессе 1949 года над японскими военными преступниками, обвиненными в подготовке и применении бактериологического оружия. Хабаровский процесс долго оставался вне зоны внимания со стороны зарубежных ученых и историков. Ситуация стала меняться в начале XXI века в связи с появлением среди врачей движения биоэтика. Пытаясь оправдать действия американских властей за вывод из-под судебной ответственности основных японских военных преступников, Хабаровский процесс стал полем противостояния в информационных войнах.
Ключевые слова: Хабаровский трибунал, бактериологическое оружие, преступления против человечности, биоэтика, информационные войны.

V. N. Timoshenko,
Doctor of Historical Sciences, Pedagogical Institute of the Pacific State University, Director of the Center for the Study of International Relations in the Asia-Pacific Region

The Khabarovsk Trial in the reflection of foreign historiography

Abstract
The article is devoted to the analysis of foreign historiography about the Khabarovsk Trial of 1949 over Japanese war criminals accused of preparing and using bacteriological weapons. For a long time, the Khabarovsk Trial remained outside the area of attention on the part of foreign scientists and historians. The situation began to change at the beginning of the 21st century in connection with the emergence of the bioethics movement among doctors. Trying to justify the actions of the American authorities, for the withdrawal of the main Japanese war criminals from judicial responsibility, the Khabarovsk Trial became a field of confrontation in information wars.
Keywords: Khabarovsk Trial, bacteriological weapons, crimes against humanity, bioethics, information wars.

С 25 по 30 декабря 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс над руководителями японской бактериологической программы. С 1932 г. в марионеточном государстве Маньчжоу-го японские военные создали сеть научных учреждений, где с целью разработки бактериологического оружия проводились медицинские эксперименты на людях. Хабаровский судебный процесс был призван поднять вопросы, от которых ускользнул Токийский военный трибунал в 1946 г.

В начале работы Международного военного трибунала по Дальнему Востоку, созванного в Токио 29 апреля 1946 г., о японском биологическом оружии было мало что известно. Только в августе 1946 г. прокуратура США смогла предоставить суду информацию об исследованиях биологической войны и экспериментах на людях, проводимых японскими военными. Однако суд потребовал дополнительных доказательств. Первоначально американская прокуратура обратилась к Советскому Союзу с просьбой о сотрудничестве в уголовном расследовании зверств, совершенных японцами в войне, и СССР рассматривал возможность отправки группы военнопленных из советских лагерей в Японию в качестве свидетелей на процессах в Токио. Однако вскоре подход Америки изменился, и Соединенные Штаты отказались сотрудничать с Советским Союзом в привлечении к суду японских бактериологов. Это было связано с тем, что американские военные постепенно начали осознавать масштабы и ценность секретной информации, которой обладали японцы. Они намеревались получить эту информацию в обмен на юридический иммунитет для ключевых фигур японской программы бактериологической войны, которую они проводили, включая руководителя программы доктора Сиро Исии и его коллег, которым удалось бежать из основного исследовательского центра в Маньчжурии. В результате СССР решил организовать отдельный трибунал над японскими преступниками.

Начало холодной войны и растущая напряженность между Советским Союзом и Соединенными Штатами сильно повлияли на то, как проводился этот трибунал. Тем не менее судебный процесс в Хабаровске был единственным судом над японскими военнослужащими, которые в той или иной степени участвовали в разработке и испытании биологического оружия на людях, а также в других ужасающих медицинских исследованиях. К суду были привлечены двенадцать высокопоставленных японских военных, включая главнокомандующего японской Квантунской армией генерала Отодзо Ямада, начальника санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенанта Рюдзи Кадзицука, начальника производственного отдела отряда № 731 генерал-майора Киёси Кавасима. Все двенадцать обвиняемых в военных преступлениях были признаны виновными и приговорены к срокам от двух до двадцати пяти лет тюремного заключения.

Хабаровский процесс был организован и проведен Советским Союзом по внутреннему, национальному законодательству с соблюдением всех международных правовых норм. Советское правительство через Телеграфное агентство Советского Союза известило мировое сообщество о проведении такого процесса. Однако никаких иностранных представителей и журналистов на процессе не было. По словам главного переводчика на процессе Г. Г. Пермякова, несколько западных и японских газет, в том числе The New York Times и Asahi Shimbun, запрашивали разрешение на отправку репортеров в Хабаровск, но им было отказано. Да и в самом Советском Союзе Хабаровскому процессу не уделялось должного внимания. Хабаровский процесс начался 25 декабря 1949 г., в день, когда по всей стране продолжалось подготовка к грандиозному празднованию 70-летия И. В. Сталина. Заметка о начале суда над японскими преступниками появилась лишь на последней странице «Правды», заполненной здравицами, без каких-либо пояснений[1].

По окончании Хабаровского процесса послы СССР в Вашингтоне, Лондоне и Пекине от имени советского правительства передали Дипломатическую ноту о судебном процессе правительствам США, Великобритании и Китая. В 1950 г. в СССР были опубликованы официальные материалы процесса, в том числе на английском языке[2]. Книга называлась «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» и включала документы предварительного следствия, судебного процесса и итоговые документы. В документах, вошедших в сборник, были изложены основные факты, установленные в ходе судебного разбирательства. В связи с этим советское правительство предложило в ближайшем будущем судить императора Хирохито, генералов Исии, Китано Масаджи, Вакамацу Юдзиро и Касахара Юкио в специальном международном военном суде за совершение военных преступлений[3].

Однако это предложение было проигнорировано западными союзниками. Суд в Хабаровске был кратко упомянут в нескольких британских газетах, и только «Коммунист Дейли Уоркер» опубликовала обширную статью о процессе, в которой США подверглись критике за защиту тех, «кто признал самые ужасные военные преступления»[4].

В июле 1949 г. коммунист Генрих Кент, работавший врачом во время японо-китайской войны, опубликовал в газете компартии Австрии «Фольксштимме» свидетельства очевидца применения японцами бактериологических средств в Китае. После Хабаровского процесса в январе 1950 г. свидетельства Кента были опубликованы в газете «Дер Абенд».

Короткие сообщения о советском процессе транслировались во Франции, Испании, Дании, Западной и Восточной Германии. Еще меньшую реакцию Хабаровский процесс вызвал в американских СМИ. В редких изданиях, которые коснулись этой темы, Хабаровский процесс упоминался как «попытка отвлечь международное сообщество от судьбы японских военнопленных в Советском Союзе»[5].

Несмотря на все усилия СССР по распространению материалов Хабаровского процесса по дипломатическим каналам и каналам СМИ, факты о японской программе бактериологического оружия, представленные на суде, были отклонены западными СМИ как «коммунистическая пропаганда» и в значительной степени забыты. Это явилось прямым результатом нарастания конфликта времен «холодной войны» между Советским Союзом и США. Представитель штаба генерал Дуглас Макартур даже заявил, что после «полного расследования» они не смогли найти никаких доказательств применения Японией биологического оружия[6].

Изменения во внешней политике СССР в связи с приходом к власти Н. С. Хрущева и китайско-советская конфронтация 1950–1970-х годов привели к ситуации, когда Хабаровский процесс был в значительной степени забыт даже внутри Советского Союза. Такая ситуация продолжалась до конца «холодной войны», когда в российских средствах массовой информации и в научных журналах стали появляться материалы с анализом Хабаровского процесса.

В 2001 г. в газете «Джапен Таймс» была опубликована статья независимого журналиста Расселла Уоркина «Суд над отрядом 731». Вот что пишет Уоркин о Хабаровском процессе: «Пока советские официальные лица обсуждали, что с ними делать (японскими военнопленными, причастными к разработке бактериологического оружия), генерал США Дуглас Макартур тайно предоставил врачам подразделения 731 иммунитет в обмен на предоставление Америке своих исследований по биологическому оружию. Информацию о том, что жертвами этих чудовищных экспериментов были сбитые американские летчики, Макартур скрыл. Русские, знавшие о зверствах в Харбине, были возмущены. Иосиф Сталин в ответ приказал провести собственные расследование. 25 декабря 1949 года начался судебный процесс над врачами отделения 731, который должен был закончиться к концу года, до вступления в силу указа о восстановлении смертной казни в Советском Союзе. По словам Пермякова

(переводчик на Хабаровском процессе), Сталин явно опасался казни советских военнопленных в Японии, если врачи будут повешены в Хабаровске»[7].

В 2002 г. вышла книга американского историка, профессора калифорнийского университета Шелдона Харриса «Фабрики смерти. Японская биологическая война, 1932–1945 гг. и американское прикрытие», в которой подробно рассказывалось о деятельности отряда № 731 и о его руководителе докторе Исии[8]. В книге активно использовались материалы Хабаровского процесса, изданные в СССР в 1950 г. Говоря о Хабаровском процессе, Харрис писал, что доказательства, представленные в ходе слушаний, были «основаны на восемнадцати томах допросов и документальных материалах, собранных в ходе расследований за предыдущие четыре года. Некоторые из томов включали более четырехсот страниц показаний …В отличие от Московских показательных процессов 1930-х годов, признания японцев, сделанные на Хабаровском процессе, были основаны на фактах, а не на фантазиях их проводников»[9].

Эстафету анализа материалов Хабаровского процесса подхватили медики, которые были озабочены «моральной ответственностью» врачей за участие в незаконных разработках оружия массового уничтожения под предлогом «защиты национальных интересов».

В 2004 г. в Университете Пенсильвании (США) была проведена междисциплинарной конференция, спонсируемая Центром биоэтики и Центром исследований Восточной Азии. Конференция была посвящена как историческим, так и современным случаям «неэтичных исследований» в Японии, Германии и Соединенных Штатах. В изданной по результатам конференции книге две главы посвящены отряду № 731[10]. В этом же 2004 г. профессором медицинского факультета университета Отаго (США) Цзин Бао Ни в «Американском журнале биоэтики» была опубликована статья под названием «Сокрытие Соединенными Штатами японских зверств в медицине во время войны: соучастие в преступлении в угоду «национальных интересов» и два предложения относительно современных действий». В ней автор утверждал, что сразу после войны правительство Соединенных Штатов тайно предоставило участникам японской бактериологической программы иммунитет от судебного преследования за военные преступления. Оно игнорировало важную информацию в Международном военном трибунале по Дальнему Востоку, а также публично осудило неопровержимые доказательства из других источников, таких как процесс в Хабаровске в России[11]. Цзин Бао Ни констатировал, что, действуя в «национальных интересах» и в интересах безопасности, власти США попирали справедливость и мораль, занимаясь тем, что традиция английского общего права четко определяет как «соучастие постфактум», и предложил правительству США «принести официальные извинения и выплатить соответствующую компенсацию за сокрытие военных преступлений Японии в области медицины в течение шести десятилетий, чтобы исправить эту историческую несправедливость»[12].

Спустя два года Цзин Бао Ни опубликовал еще одну статью под названием «Отрицание Западом процесса в Хабаровске как «коммунистической пропаганды»: идеология, доказательства и международная биоэтика», в которой он подробно рассматривает процесс 1949 г. в Хабаровске, а отказ Запада признать его результаты «убедительно иллюстрирует некоторые извечные этические проблемы, такие как «двойные стандарты» и «приоритет идеологии»[13].

В ноябре 2015 г. поисковая сеть Google разместила материалы Хабаровского процесса для свободного доступа в Интернете. Теперь замалчивать японские преступления и укрытие американцами военных преступников стало затруднительным. На западе стали выходить различные работы по Хабаровскому процессу, которые не избежали отпечатка современных информационных войн. Следуя логике, что «лучшая оборона – это нападение», некоторые представители западных СМИ и научного сообщества обрушились с критикой на Хабаровский процесс.

В 2014 г. вышло двухтомное издание «Исторические истоки международного уголовного права». Большую статью в нем о Хабаровском процессе написала помощник редактора журнала «Шпигель» Валентина Полунина. Статья называлась «Советская политика в отношении военных преступлений на Дальнем Востоке: испытание бактериологической войны в Хабаровске, 1949 г.». В начале статьи она сразу же выдвинула обвинения советскому руководству, что «справедливость для потерпевших не входила в число основных целей Хабаровского процесса»[14]. Главными же целями, по ее мнению, были «геополитические соображения в формирующемся биполярном мире – установить хорошие отношения с недавно родившейся Китайской Народной Республикой», «стремление заполучить секреты бактериологического оружия», «продемонстрировать всему миру якобы преимущества советского правосудия» и, как вывод, «способствовать созданию имиджа Хабаровского процесса как упражнения в коммунистической пропаганде»[15].

А далее Полунина начинает противоречить собственным утверждениям. Так, например, ее вывод о том, что одной из причин «затягивания» процесса над японцами послужил тот факт, что преступления совершались не на территории СССР и не в отношении советских граждан, она сама же опровергает, приводя показания подсудимых о том, что жертвами экспериментов стали не менее сорока советских военнопленных. Свое утверждение о том, что «пропагандистские настроения и расплывчатая правовая база не способствовали всемирному признанию из-за несоответствия соблюдению стандартов справедливого судебного разбирательства», она сама же оспаривает, приводя широкий перечень прав подсудимых в «соответствии с правилами, действовавшими в Советском Союзе и не имевшими много общего с западной юридической практикой».

В заключении Полунина делает вывод о том, что «процесс в Хабаровске является наглядным примером не только советской политики судебных процессов над военными преступлениями в период ранней «холодной войны» с учетом ее геополитических интересов в Азии, но и запутанности политического контекста, пропаганды и двойственного отношения к судебному преследованию за военные преступления в Азии» и, что «военный трибунал в Хабаровске не достиг поставленных перед ним целей»[16].

К счастью, большинство западных исследователей не опускаются до подобных русофобских выводов при анализе Хабаровского процесса. В ведущих энциклопедических изданиях, таких как Британика, Энциклопедика и Википедия, не содержатся сомнительные выводы. Хабаровский трибунал, «несмотря на сильный идеологический тон и многие очевидные недостатки, такие как отсутствие международного участия, установил, что японская армия подготовила и применила бактериологическое оружие и что японские исследователи проводили жестокие эксперименты на живых людях», и что «судебный процесс вместе с доказательствами, представленными суду, и его основными выводами, которые оказались удивительно точными, были отклонены как коммунистическая пропаганда и полностью игнорировались на Западе до 1980-х годов»[17].

Примечания

[1] *Романова В.* Отряд 731 // Российская газета. 2015. 16 дек.
[2] *Ким С. П.* Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.). Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 207.
[3] See: *Peter Williams, David Wallace*, Unit 731: The Japanese Army's Secret of Secrets, Hodderand Stoughton, London, 1989.
[4] *Романова В. В., Шулатов Я. А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 306.
[5] *Valentyna Polunina*. Soviet War Crimes Policy in the Far East: The Bacteriological Warfare Trial at Khabarovsk, 1949 // Historical Origins of International Criminal Law: 2014 Vol. 2. URL: https://www.legal-tools.org/doc/47da2b /pdf/.
[6] Ibid.
[7] Russell Working. The Trial of Unit 731 // The Japan Times. Jun 5, 2001.
[8] *Sheldon H Harris*. Factories of death. Japanese biological warfare, 1932–1945, and the American cover-up. Routledge, New York, 2002.
[9] Ibid.
[10] Dark Medicine: Rationalizing Unethical Medical Research / edited by William R. La Fleur, Gernot Bohme, Susumu Shimazono. Indiana University Press, 2007. 280 p.
[11] *Jing-Bao Nie*. The United States Cover-up of Japanese Wartime Medical Atrocities: Complicity Committed in the National Interest and Two Proposals for Contemporary Action // American Journal of Bioethics 6 (3). 2006. URL: https:// pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16025597/).
[12] Ibid.
[13] Ibid.
[14] *Valentyna Polunina*. Soviet War Crimes Policy in the Far East: The Bacteriological Warfare Trial at Khabarovsk, 1949 // Historical Origins of International Criminal Law. 2014 Vol. 2; *Torkel Opsahl*. Academic EPublisher Brussels, 2014. URL: https://toaep.org/ps-pdf/21-bergsmo-cheah-yi.
[15] Ibid.
[16] Ibid.
[17] Khabarovsk War Crimes Trial. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Khabarovsk_War_Crime _Trials.

Р. Ш. Шхалиев оглы,
Генеральный директор Государственного архива Хабаровского края

Материалы Хабаровского процесса 1949 г. – предмет изучения историков и архивистов

Аннотация
Статья посвящена отечественной историографии по вопросам, связанным с подготовкой и проведением в 1949 г. Хабаровского процесса над японскими военными преступниками. Отдельное внимание уделено документам и материалам из фондов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), отражающим указанную проблематику и ряд смежных тем.
Ключевые слова: Вторая мировая война, японские военные преступники, бактериологическое оружие, Хабаровский процесс, японские военнопленные.

R. Sh. Shikhaliev ogly,
Director General of the Khabarovsk Territory State Archive

Materials of the Khabarovsk Trial 1949 – subject of study by historians and archivists

Abstract
The article is devoted to the coverage in Russian historiography of issues related to the preparation and conduct of the Khabarovsk Trial of Japanese war criminals in 1949. Special attention is paid to documents and materials from the funds of the State Archives of the Khabarovsk Territory, reflecting the specified problems and a number of related thems.
Keywords: World War II, Japanese war criminals, bacteriological weapons, Khabarovsk Trial, Japanese prisoners of war.

Трагические события Второй мировой войны принесли неисчислимые бедствия всем участвовавшим в ней сторонам. Победа СССР и его союзников над нацистской Германией и милитаристской Японией в этой войне имела огромное значение для всего дальнейшего развития человеческой цивилизации. Для ученых-исследователей, преподавателей и архивистов Хабаровского края и сегодня важное место в повседневной работе занимает сохранение исторической памяти о военном лихолетье, завершившемся Победой на Дальнем Востоке в сентябре 1945 г. В этой связи для отечественного научного сообщества серьезными задачами на современном этапе остаются недопущение всяческих спекуляций и эффективное противодействие фальсификации истории и итогов Второй мировой войны.

Одной из наиболее актуальных тем в обозначенном контексте на сегодняшний день является всестороннее изучение материалов Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками, а также вопросов, непосредственно связанных с данной проблематикой.

Военный трибунал по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиненных в подготовке и применении бактериологического оружия, состоялся в Хабаровске в декабре 1949 г. Необходимость в его проведении была связана с тем, что бывшие союзники по антигитлеровской коалиции на Токийском процессе (3 мая 1946 г. – 12 ноября 1948 г.) отказались рассматривать указанные вопросы. Перед судом предстали 12 военнослужащих японской армии, связанных с деятельностью отрядов №№ 731 и 100, занимавшихся разработкой бактериологического оружия и бесчеловечными опытами над людьми. В ходе работы трибунала вина обвиняемых была полностью доказана. Все они были приговорены к заключению в исправительно-трудовой лагерь на срок от 2 до 25 лет.

Проблемы, связанные с Хабаровским процессом, нашли достаточно подробное освещение в отечественной историографии. Первые исследования по данной теме за авторством М. Ю. Рогинского, С. Я. Розенблита и Л. Н. Смирнова были опубликованы практически сразу после завершения работы трибунала[1].

Большой вклад в научную разработку темы внесла работа М. Ю. Рогинского[2], в которой описываются военные преступления японской армии, приведшие Страну восходящего солнца к поражению во Второй мировой войне, рассказывается об участниках Токийского и Хабаровского процессов, подсудимых и их дальнейшей судьбе.

Современная отечественная историография вопроса включает в себя в основном статьи, опубликованные в периодических журналах и материалах научно-практических конференций.

В статье В. А. Барышева рассмотрены материалы о разработке, производстве и применении японцами бактериологического оружия на территории Китая в начале 1940-х гг., проведении опытов над людьми в рамках деятельности отрядов №№ 731 и 100, отказе союзников в сотрудничестве с СССР по вопросам привлечения к судебной ответственности представителей японской армии, связанных с планированием биологической войны[3].

Интерес представляют материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов», состоявшейся в 2009 г. в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Москве. В сборнике по итогам форума «Последняя точка Второй мировой» опубликованы в том числе статьи по теме Хабаровского процесса[4].

В. В. Романова в ряде публикаций проанализировала влияние международной обстановки на подготовку и проведение Хабаровского процесса, показав позицию союзников СССР по антигитлеровской коалиции по вопросу о японском бактериологическом оружии и привлечении к суду его разработчиков[5].

В приуроченной к 70-летию Хабаровского процесса статье А. В. Алепко с привлечением современных материалов уделил внимание судьбам администрации и сотрудников отряда № 731, а также лицам, избежавшим судебной ответственности за совершенные преступления. В качестве иллюстраций к данной статье приведены фотографии автора, сделанные им во время посещения музея-памятника жертвам «Отряда № 731» в пригороде Харбина[6].

Работа Н. Н. Билим посвящена анализу освещения Хабаровского процесса в средствах массовой информации, в первую очередь в газетах «Правда» и «Тихоокеанская звезда». Автор пришел к выводу, что судебный процесс в Хабаровске стал единственным трибуналом в мире, на котором в открытых заседаниях была неопровержимо доказана вина обвиняемых в подготовке бактериологической войны против СССР и его союзников[7].

Отдельным аспектам истории Хабаровского процесса посвящены статьи Е. Ю. Бондаренко[8], В. В. Богач, Л. И. Иванова, Н. А. Иванова[9], Т. В. Кувырченковой[10], А. В. Тупицына[11] и др.

Комплексное рассмотрение проблемы с точки зрения исторической науки представлено в работе Д. В. Кузнецова[12]. В исследовании впервые приведен подробный анализ источниковой базы и современной историографии вопроса, как отечественной, так и зарубежной. На основе системного подхода и с учетом международной обстановки в преддверии «холодной войны» автором рассмотрены различные аспекты подготовки и проведения трибунала в Хабаровске, а также его политические последствия.

Хабаровскому процессу посвящен один из разделов 3-й книги «Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг.» 3-го тома «Истории Дальнего Востока России» (автор – В. С. Христофоров), в котором Хабаровский судебный процесс проанализирован с привлечением архивных документов Центрального архива ФСБ России[13].

При подготовке научных материалов по рассматриваемой теме отечественными исследователями активно используются архивные документы различного характера. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) располагает значительным количеством уникальных материалов, касающихся не только самого Хабаровского процесса, но и иных тесно с ним связанных тем.

Одним из основных источников, хранящихся в ГАХК и освещающих подробности суда над японскими военными преступниками в Хабаровске, являются «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия»[14]. Данное издание, опубликованное в 1950 г., включает в себя официальные материалы процесса, в том числе:

– документы предварительного следствия: обвинительное заключение, отдельные документальные доказательства и протоколы допросов по основным моментам обвинения, взятые для публикации из судебного дела;

– материалы судебного разбирательства: показания и последние слова подсудимых, показания свидетелей на судебном следствии (в сокращенном виде), заключение экспертизы, речи государственного обвинителя и защиты, публикующиеся согласно официальной стенограмме процесса[15].

Фонды ГАХК хранят материалы периодической печати, освещающие трибунал над японскими военными преступниками. В подшивках газет «Тихоокеанская звезда», «Красное знамя», «Суворовский натиск» за декабрь 1949 – январь 1950 гг. содержится значительный массив сведений, раскрывающих особенности проведения суда. В прессе публиковалась подробная информация о каждом судебном заседании и достаточно эмоциональные «Заметки из зала суда» от собственных корреспондентов[16].

Проблематика Хабаровского процесса тесно связана с целым рядом тем, отражающих последствия разгрома войск милитаристской Японии в августе 1945 г. Одной из них является пребывание японских военнопленных на территории СССР в 1945–1956 гг. и их использование в качестве рабочей силы на предприятиях различных отраслей советской экономики, в том числе на территории дальневосточного региона. В фондах ГАХК хранится значительный объем документов, касающихся пребывания японских военнопленных на территории СССР.

Особый интерес представляют фотографические и изобразительные материалы, среди которых:

– фотоальбомы с портретными фотографиями (более 120 шт.) японских генералов и высших чиновников, взятых в плен в ходе разгрома частей японской армии и флота на территории Маньчжурии и о. Сахалин[17];

– фотоальбом японских военнопленных, снятых на территории исправительно-трудового лагеря № 19 УНКВД по Хабаровскому краю (г. Райчихинск Амурской области). Основное внимание в фотоальбоме уделено массовым мероприятиям идеологического характера и бытовым условиям, созданным на территории лагеря[18];

– альбом акварельных рисунков неизвестного автора с пояснительными текстами на японском языке, освещающими быт и трудовую деятельность японских военнопленных в одном из исправительно-трудовых лагерей НКВД, расположенном на территории Хабаровского края[19].

Большой комплекс документов посвящен положению японских военнопленных, размещенных с осени 1945 г. в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) на территории Хабаровского края (в актуальных на тот период административных границах). В архивных материалах находят отражение:

– решение организационных вопросов по размещению японских военнопленных в ИТЛ УНКВД по Хабаровскому краю осенью 1945 г.[20];

– проблемы обеспечения японских военнопленных квалифицированной медицинской помощью в условиях содержания в ИТЛ НКВД, борьба с болезнями различного характера, обустройство специальных госпиталей круглогодичного функционирования[21];

– организация работы заключенных на предприятиях Хабаровского края, в том числе в военно-строительном управлении Дальневосточного фронта[22], тресте «Райчихуголь»[23], Кивдинском рудоуправлении[24], тресте Хабаровсклес[25], Троицком[26], Хорском[27], Оборском[28] леспромхозах, Хабаровском речном порту[29], совхозах Амурской области[30];

– проблемы обеспечения эффективности использования труда японских военнопленных на хозяйственных объектах Хабаровского края: строительстве железнодорожной линии Известковая-Ургал, Известковая-Аякит[31]; предприятиях Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района[32]; приисках треста «Приморзолото»[33]; лагерном отделении комбината «Хабаровскуголь» (Бурейский район)[34]; лагерном отделении треста «Райчихуголь»[35]; строительстве комбината «Хинганолово» (Облученский район Еврейской автономной области)[36]; заводах г. Хабаровска[37]; нефтедобывающих предприятиях объединения «Дальнефть» (г. Оха Сахалинской области)[38]; Камчатском госрыбтресте[39] и др.;

– закрытие части лагерных отделений в связи с тяжелым климатом и, вследствие этого, тяжелыми жилищно-бытовыми условиями[40];

– проведение репатриации японских военнопленных[41].

Имеющаяся на сегодняшний день источниковая база по истории подготовки и проведения Хабаровского процесса и связанных с ним сюжетов позволяет объективно подойти к изучению поднятых проблем. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на достаточно обширную историографию, многие вопросы не получили должного освещения в исторической науке и еще ждут своего исследователя.

Примечания

[1] *Рогинский М. Ю., Розенблит С. Я., Смирнов Л. Н.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.: Изд-во АН СССР, 1950; *Рогинский М. Ю., Розенблит С. Я., Смирнов Л. Н.* Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии. Хабаровский процесс японских военных преступников. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

[2] *Рогинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юрид. литература, 1985.

[3] *Барышев В. А.* Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 60-летию события) // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 3. С. 3–9.

[4] *Звягинцев А. Г.* Нюрнбергский, Токийский и Хабаровский процессы выработали новые принципы международного правосудия // Последняя точка Второй мировой: Мат. Межд. науч.-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 188–191; *Давиденко А. З.* Историческое значение Токийского и Хабаровского процессов // Последняя точка Второй мировой… С. 279–289; *Рябов В. Н.* Хабаровский процесс: факты и уроки // Последняя точка Второй мировой… С. 212–220; *Семенов А. М.* Япония была готова к бактериологической войне // Последняя точка Второй мировой… С. 246–259 и др.

[5] *Романова В. В.* Хабаровский судебный процесс 1949 г.: как это было // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (48). С. 135–142; *Романова В. В.* От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 72–82; *Романова В. В., Шулатов Я. А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 301–316.

[6] *Алепко А. В.* Хабаровский процесс 1949 года и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока: научно-практический журнал. 2019. № 1 (26). С. 63–70.

[7] *Билим Н. Н.* Хабаровский процесс 1949 г. в средствах массовой информации // Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: Мат. Всерос. научно-практ. конф. «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск, 2020. С. 327–332.

[8] *Бондаренко Е. Ю.* Судьбы пленных. Токийский и Хабаровский международные процессы над японскими военными преступниками и их последствия // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 117–123.

[9] *Богач В. В., Иванов Л. И., Иванов Н. А.* Работа комиссии экспертов-медиков на судебном процессе по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия // Дальневосточный медицинский журнал. 2004. № 4. С. 106–110.

[10] *Кувырченкова Т. В.* Уроки Хабаровского процесса // Межд. очно-заочная научно-практ. конф. / Тверской государственный университет. Тверь, 2016. С. 118–120.

[11] *Тупицын А. В.* Хабаровский процесс 1949 года // Научный альманах. 2018. № 11–3 (49). С. 183–186.

[12] *Кузнецов Д. В.* Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск, 2019.

[13] Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. Владивосток: Дальнаука, 2020. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3). С. 687–695.

[14] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950.

[15] Там же. С. 4.

[16] *Билим Н. Н.* Указ. соч. С. 331–332.

[17] ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 5. Д. 42, 43.

[18] Там же. Д. 28.

[19] ГАХК. Ф. Ф-1. Оп. 5. Д. 40.

[20] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1841. Л. 62, 62об; Д. 1865. Л. 181–187;

[21] Там же. Д. 1865. Л. 173, 249–251; Д. 1871. Л. 103–105, 112, 114, 115; Оп. 3. Д. 236. Л. 35, 36, 40, 220, 221, 226, 227; Д. 237. Л. 45, 46.

[22] Там же. Д. 1846. Л. 151–153.

[23] Там же. Д. 1865. Л. 176, 237, 238.

[24] Там же. Д. 1865. Л. 176.

[25] Там же. Д. 1865. Л. 178, 178об., 180, 180об.

[26] Там же. Д. 1865. Л. 139, 236, 237.

[27] Там же. Д. 1865. Л. 253–256. В документы включены схемы зон для размещения военнопленных.

[28] Там же. Д. 1865. Л. 265–266об.

[29] Там же. Д. 1865. Л. 241, 241об.

[30] Там же. Д. 1865. Л. 261, 262.

[31] Там же. Д. 1860. Л. 82–85.

[32] Там же. Оп. 3. Д. 236. Л. 72–73об.

[33] Там же. Д. 236. Л. 42–49.

[34] Там же. Д. 236. Л. 59, 60.

[35] Там же. Д. 236. Л. 69.

[36] Там же. Д. 236. Л. 134–138.

[37] Там же. Д. 236. Л. 103.

[38] Там же. Оп. 1. Д. 1865. Л. 257.

[39] Там же. Оп. 3. Д. 236. Л. 122–124; Д. 237. Л. 41–43.

[40] Там же. Д. 236. Л. 177, 178; Д. 237. Л. 16–18, 66–68, 75, 76, 135–141.

[41] Там же. Д. 237. Л. 90–94.

В. П. Галицкий,
доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук

Участие оперативных органов безопасности в подготовке Хабаровского процесса: неизвестные страницы

Аннотация

В статье раскрывается содержание деятельности оперативных органов безопасности в подготовке Хабаровского процесса и разоблачении агрессивной политики милитаристской Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в 20–40-е гг. XX века, а также ее эволюция в АТР. Показываются особенности подготовки проведения Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками.

Ключевые слова: агрессия Японии на Дальнем Востоке, Меморандум Танака, планы «Оцу», «Кан-Току-Эн», Россия, Китай, судебный процесс в Хабаровске, химическое оружие, бактериологическое оружие, военные преступления, японские военнопленные, отечественные оперативные органы безопасности.

V. P. Galitsky,
Doctor of Law, Professor, full member of the Academy of Military Sciences

Participation of operational security agencies in the preparation of the Khabarovsk process: unknown pages

Abstract

The article reveals the content of the participation of domestic operational security agencies in the preparation of the Khabarovsk process and the exposure of the aggressive policy of militaristic Japan in the Asia-Pacific region (APR) in the 20–40s of the twentieth century, as well as its evolution in the Asia-Pacific region.

Keywords: Japan's aggression in the Far East, the Tanaka Memorandum, the plans of Otsu, Kan-Toku-En, Russia, China, the Trial in Khabarovsk, chemical weapons, bacteriological weapons, war crimes, Japanese prisoners of war, domestic operational security agencies.

В своей агрессивной политике Японии против Китая и СССР, которая стала реализовываться еще с начала XX века и активизировалась с изданием «Меморандума Танака» (1927), принятием в 1934 г. плана «Оцу» (в 1935 г. он утвержден императором), а затем и плана «Кан-Току-Эн» (июль 1941 г.).

После начала войны с Японией отделы ГУПВИ НКВД СССР по делам военнопленных при управлениях тыла трех фронтов (Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных) на территории Маньчжурии развернули 19 фронтовых лагерей для военнопленных. Основанием стало Постановление Государственного комитета обороны № 9898сс от 23 августа 1945 г. «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии». При каждом лагере для военнопленных имелся оперативный отдел, которыми руководило Оперативное управление ГУПВИ НКВД СССР (затем МВД). Основными задачами оперативных отделов были: розыск сотрудников спецслужб Японии и их агентуры; выявление лиц, непосредственно осуществлявших разведывательно-подрывную деятельность против СССР, совершавших зверства и злодеяния против советских и китайских граждан; установление лиц, участвовавших в разработке планов агрессивной войны против СССР, знающих о стратегических планах военного и политического руководства Японии в отношении Советского Союза; выявление всевозможных видов и форм подпольной работы японских военнопленных в лагерях и на производстве; борьба с побегами военнопленных; участие в идеолого-психологической обработке японских военнопленных; выявление предателей и изменников Родины и др.

На эффективность решения перечисленных задач влияло не только большое количество японских военнопленных, но и отсутствие необходимого числа как оперативных работников со знанием японского языка, так и переводчиков этого языка.

Анализ докладов руководства МВД советскому правительству о количестве японских военнопленных позволил прийти к выводу о том, что общее количество захваченных советскими войсками в плен солдат и офицеров в ряде случаев указывалось неточно. По окончательным подсчетам автора, было пленено

640 105 военнослужащих японской армии, из которых было репатриировано на родину 577 194 человек, умерло в плену по разным причинам 62 029 человек. В числе военнопленных японской армии оказалось: китайцев – 15 934, корейцев – 10 206, монголов – 3633, маньчжурцев – 486, русских – 58, малайцев – 11 человек, остальные были японской национальности[1].

Правовым основанием работы оперативных органов безопасности в лагерях для японских военнопленных были международное и национальное право, в частности: Женевские конвенции 1929 и 1949 гг., решение Межсоюзной конференции в Лондоне от 24 сентября 1941 г., Сент-Джемская декларация от 13 января 1942 г. «О наказании за преступления, совершенные во время войны», заявление Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников», Московская декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства»; решения Крымской конференции от 13 февраля 1945 г. и Потсдамской конференции трех держав (17 июля – 2 августа 1945 г.); Лондонское соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» от 8 августа 1945 г., закон № 10 Контрольного Совета в Германии от 20 декабря 1945 г. «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечества», Устав Международного Военного Трибунала от 8 августа 1945 г. и др. нормативные акты.

На основании международных и национальных нормативно-правовых актов, оперативные отделы ОУ ГУПВИ НКВД-МВД СССР приступили к выявлению среди японских военнопленных военных преступников с первого момента водворения их в лагеря. Эта задача оказалась весьма сложной. Во-первых, среди огромной массы японских военнопленных надо было установить лиц, непосредственно причастных к созданию и применению бактериологического оружия против СССР. Во-вторых, добиться от них свидетельскими и иными доказательствами признательных показаний публично, т.е. в судебном порядке. В-третьих, обеспечить надежную безопасность всех участников судебного процесса вообще и на судебном процессе особенно.

Обстоятельства выявления и разоблачения японских планов подготовки бактериологической войны против СССР были связаны с результатами оперативной работы, проделанной в начале 1946 г. с группой немецких военнопленных, крупных военно-медицинских работников, к которым, в частности, относился и генерал-майор медицинской службы профессор Вальтер Шрайбер[2]. Его показания о подготовке бактериологической войны фашистской Германии против СССР навели на мысль проверить в этом отношении милитаристскую Японию, которая ничем не уступала другим странам «оси» в плане вероломства и готовности нарушать международные законы и правила ведения войны.

Первоочередным мероприятием в этом направлении являлся розыск среди японских военнопленных таких лиц, которые могли быть в курсе планов японского правительства и военного командования по подготовке бактериологической войны против СССР или могли принимать в этом непосредственное участие. Результаты оперативного розыска таких лиц оказались положительными. В июне 1946 г. в лагере № 97 (Татарская АССР) был установлен и допрошен японский военнопленный полковник медицинской службы Огава. Он показал, что, работая с марта 1944 г. начальником санитарного отдела штаба Квантунской армии, ему было известно о существовании на территории Маньчжурии специальной воинской части – отряда Исии (по фамилии генерала Исии, руководившего этим отрядом), занимавшегося подготовкой бактериологической войны[3].

Первые показания Огава носили общий характер. Однако в ходе дальнейшего допроса Огава вынужден был признать, что командование Квантунской армии через отряд Исии, имевший № 731, а также его филиалы занимались размножением в большом количестве бактерий остроинфекционных болезней: чумы, тифа, паратифа. Кроме того, они изучали методы и способы их наиболее эффективного применения, имея в виду массовое истребление живой силы армии и населения Советского Союза. В числе руководящих работников этих изысканий Огава назвал генерал-майора медицинской службы Кавасима, который содержался в Хабаровском лагере военнопленных.

По ориентировкам ОУ ГУПВИ МВД СССР военнопленный генерал-майор Кавасима был тщательно допрошен в УМВД Хабаровского края[4]. Его показания подтвердили существование бактериологического отряда Исии № 731. Он показал также, что отряд был создан по указу японского императора Хирохито в 1936 г. и имел свою базу в Пинфане (Маньчжурия), где проводилась работа по подготовке бактериологического оружия против СССР.

В связи с получением этих данных ОУ ГУПВИ МВД СССР дало задание руководству всех лагерей, где содержались японские военнопленные, установить всех медицинских и санитарных работников Квантунской армии. В результате проделанной работы были выявлены: начальник санитарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант Кадзицука, начальник отделения производственного отдела отряда № 731 майор медицинской службы врач-бактериолог Карасава и ряд др. лиц[5], работа с которыми дала возможность внести ясность в вопрос о подготовке милитаристской Японией бактериологической войны против СССР.

Наиболее подробные показания на допросах в сентябре – декабре 1946 г. и в августе 1947 г. были получены от начальника отделения четвертого отдела (производ-

ственного) отряда № 731 майора медицинской службы Карасава. Карасава также назвал большую группу офицеров, врачей, лаборантов и солдат, принимавших участие в работе отряда, многие из которых были затем выявлены среди военнопленных в советских лагерях.

Было установлено, что при Квантунской армии под названием «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» действовало засекреченное формирование, имевшее шифрованное название «отряд № 731», предназначенное для изыскания способов и проведения подготовительных мероприятий к ведению бактериологической войны.

В 1947 г. активная оперативная разработка выявленных бывших сотрудников отряда № 731, а также лиц, имевших отношение к этому отряду, продолжилась. К августу 1948 г. было выявлено 152 бывших сотрудника отряда № 731[6]. К этому же времени были получены данные от японских военнопленных поручика Кубо и поручика Хиразакура о существовании другого подразделения по подготовке бактериологической войны, зашифрованного под названием «отряд № 100», который проводил работу в области эпизоотии и болезней кормовых культур и злаков.

К середине 1948 г. полученные ОУ ГУПВИ МВД СССР оперативные и следственные материалы о подготовке бактериологической войны против СССР, проводившейся в отряде № 731, были достаточно полно задокументированы, а преступная деятельность японских военнопленных, работавших в отряде, установлена. Исходя из этого, 19 июля 1948 г. МВД СССР обратилось в Советское правительство с предложением разрешить провести над японскими военными преступниками-бактериологами открытый судебный процесс. Предложение поддержку в инстанциях не получило[7]. В апреле 1949 г. МВД СССР вновь вышло с предложением, которое было дополнено новыми документальными данными о подготовке бактериологической войны против СССР, и вторично возбудило вопрос о предании суду на открытом судебном процессе японских военных преступников. Первоначально МВД СССР предлагало предать суду 7 руководящих работников отряда № 731 и санитарной службы Квантунской армии[8]. Из вышестоящих инстанций поступило указание привлечь к уголовной ответственности, помимо 7 указанных МВД лиц, также главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада, в подчинении которого находился отряд № 731, и 4 лиц из числа рядовых врачей, санитаров и солдат, выполнявших менее значимую работу по подготовке бактериологического оружия против СССР, чем главные обвиняемые.

В соответствии с указанием, кроме генерала Ямада, на основе имевшихся оперативных и следственных материалов ОУ ГУПВИ МВД СССР подобрало дополнительно еще 4 обвиняемых. В результате список обвиняемых в окончательном виде состоял из 12 человек, принимавших непосредственное участие в подготовке бактериологической войны против СССР. В него вошли генерал-полковник Ямада Отзоо, бывший главнокомандующий Квантунской армией; генерал-лейтенант Кадзицуки Рюдзи, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии; генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоси, бывший начальник производственного отдела отряда № 731; генерал-лейтенант Такахаси Токаацу, бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии; генерал-майор Сато Сюндзи, бывший начальник санитарной службы 5-й армии Квантунской армии; подполковник медицинской службы Ниси Тосихидэ, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731; майор медицинской службы Карасава Киоси, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731; майор медицинской службы Оноуэ Масао, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731; поручик ветеринарной службы Хиразакура Дзенсаку, бывший научный сотрудник отряда № 100 Квантунской армии; унтер-офицер Митомо Кадзуо, бывший сотрудник отряда № 100; ефрейтор Кикучи Норимицу, бывший санитар, лаборант филиала № 162 отряда № 731; солдат Курусима Юдзи, бывший санитар, лаборант филиала № 162 отряда № 731.

2 октября 1949 г. Совет министров СССР постановлением № 4284–1783 сс разрешил привлечь указанных лиц к уголовной ответственности и поручил руководителям МВД СССР (Круглову), Министерства юстиции СССР (Горшенину) и Прокуратуры СССР (Сафонову) провести подготовку к открытому судебному процессу. 12 октября 1949 г. состоялось заседание Правительственной комиссии по организации открытого судебного процесса над японскими военными преступниками. Комиссия одобрила разработанные ОУ ГУПВИ МВД СССР мероприятия по организации процесса и доложила о них в Совет министров СССР[9]. Постановлением № 5627–2146сс от 17 декабря 1949 г. Совет министров СССР утвердил предложенные мероприятия и обязал Министерство юстиции СССР, Генерального прокурора СССР и МВД СССР провести в Хабаровске открытый судебный процесс над японскими военными преступниками, начав его 25 декабря 1949 г. Совет министров СССР утвердил состав Военного трибунала: председатель – генерал-майор юстиции Чертков, члены: полковник юстиции Ильницкий и подполковник юстиции Воробьев; государственный обвинитель – государственный советник юстиции 3-го класса Смирнов.

Еще до решения Правительства по распоряжению руководства МВД СССР в октябре 1949 г. в Хабаровск была направлена оперативно-следственная группа для подготовки процесса и проведения предварительного следствия совместно с Управлением МВД по Хабаровскому краю. Одновременно в Хабаровск выехали представители Прокуратуры СССР.

Для следственной работы с обвиняемыми и свидетелями, а также для работы по документированию преступных действий японских военнослужащих было мобилизовано 120 человек из числа сотрудников УМВД и УМГБ по Хабаровскому краю[10]. Обвиняемые были закреплены за следователями, каждый следователь получил в свое распоряжение переводчика японского языка[11]. Учитывая психологи-

ческое состояние и настроение обвиняемых, которые знали о результатах открытых судебных процессов над немецкими военными преступниками, за всеми обвиняемыми, чтобы исключить самоубийства с их стороны, было установлено тщательное оперативное наблюдение. Кроме того, за камерами обвиняемых было установлено круглосуточное дежурство медицинских работников[12]. Руководство оперативно-следственной группы систематически проверяло камеры, посты охраны.

Останавливаясь на содержании следственной работы с обвиняемыми, необходимо отметить, что наибольшие трудности представлял допрос генералов Ямада, Кадзицука и Сато[13]. Решающую роль в разоблачении Ямада сыграл найденный у него дневник, содержавший его личные записи, которые неопровержимо устанавливали подчиненность ему отрядов № 731 и № 100. Эти вещественные доказательства заставили его признать свою ответственность за подготовку бактериологической войны против СССР.

Наиболее искренне на следствии вел себя японский военнопленный генерал-лейтенант Такахаси[14]. Благодаря его искренности была раскрыта общая картина приготовления Японии к бактериологической войне с СССР, в том числе разоблачены генералы Ямада и Кадзицука. Обвиняемый генерал-майор Кавасима дал наиболее полные показания по всем вопросам. Следствием было установлено и инкриминировано обвиняемым совершение тягчайших преступлений против мира и человечества. Обвинительное заключение было вручено обвиняемым 16 декабря 1949 г.

Наряду с допросами обвиняемых шла работа со свидетелями. Задача заключалась не только в том, чтобы получить возможно больше изобличающих документов для приобщения их к следственному делу, но и подобрать состав свидетелей для выступления на процессе. Всего было допрошено 90 свидетелей[15]. В их числе были лица, работавшие в отряде № 731 и знавшие обвиняемых по совместной работе (часть из них позже была привлечена к уголовной ответственности на закрытых судебных процессах). Из общего количества свидетелей для выступления на процессе было отобрано 12, из них 7 человек – из отрядов № 731 и № 100 и филиала № 643 отряда № 731.

Большую и кропотливую работу проделала оперативно-следственная группа по изысканию документальных доказательств виновности обвиняемых. Учитывая особую ценность документов японского происхождения, был организован просмотр трофейных японских архивов, захваченных советскими войсками в Маньчжурии и состоявших из более чем 2 тысяч томов, принадлежавших японской жандармерии и полиции[16].

В ходе следствия и документирования действий подследственных возникла необходимость привлечения высококвалифицированной экспертизы. Сама специфика бактериологического оружия, разрабатывавшегося и применявшегося обвиняемыми, создавала много трудностей не только для оперативно-следственной группы, но и для научной экспертизы.

Первоначально в качестве эксперта был привлечен армейский эпидемиолог из Хабаровска полковник медицинской службы В. Д. Краснов. После того как выяснилось значение судебного процесса, содержание и объем подготовки бактериологической войны против СССР, возникла необходимость значительного усиления экспертизы. Из Москвы в Хабаровск был командирован действительный член Академии медицинских наук профессор Н. Н. Жуков-Вережников, выдающийся специалист в области исследования чумы, а также по одному высококвалифицированному эпидемиологу, ветеринару и паразитологу. Эксперты лично присутствовали на важнейших допросах, касающихся специальных вопросов бактериологии, консультировали следователей, как и в каком порядке лучше ставить вопросы, и тем самым оказывали существенную помощь ведению следствия и повышению его качества.

Результаты проведенного оперативно-следственной группой предварительного следствия, подбор документальных материалов и свидетелей, а также результаты экспертизы были одобрены Правительственной комиссией. Проект обвинительного заключения был просмотрен В. М. Молотовым и после внесения им ряда существенных поправок также одобрен.

Открытый судебный процесс в Хабаровске начался в установленный срок – 25 декабря 1949 г. Заседания Военного трибунала Приморского военного округа проходили в Доме офицеров, в одном из самых вместительных залов г. Хабаровска. После оглашения обвинительного заключения все подсудимые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Газета «Правда» регулярно печатала статьи, разоблачающие отношение правительств США и Японии к Хабаровскому процессу. 2 января 1950 г. была опубликована передовая статья «Грозное предостережение поджигателям новой войны»; 6 января 1950 г. – статья «Японские и американские власти укрывают японского военного преступника Исии», в которой речь шла не только о замалчивании Хабаровского процесса, но и укрытии военного преступника.

Основываясь на разоблачениях, имевших место на процессе в Хабаровске, 1 февраля 1950 г. по поручению Советского правительства послы СССР в Вашингтоне, Лондоне и Пекине вручили правительствам США, Великобритании и КНР ноты о необходимости предания суду специального Международного военного трибунала японских военных преступников – императора Хирохито и 4 генералов: Исии, Китана, Вакамацу и Касахара. Копии нот были вручены правительствам Австралии, Бирмы, Голландии, Индии, Канады, Новой Зеландии, Пакистана, Франции, входящим в Дальневосточную комиссию. Американское и английское правительства не приняли это предложение.

Для информирования широких масс населения Советского Союза и других стран и разоблачения злодеяний и зверств японских военных преступников Госполитиздату было поручено выпустить большим тиражом материалы Хабаровского судебного процесса, которые и были опубликованы в 1950 г.[17]

В заключение необходимо отметить, что оперативные подразделения отечественных органов безопасности успешно выполнили поставленную перед ними задачу: выявили и доказали виновность японских военных преступников в подготовке бактериологической войны против СССР, совершенных ими зверствах и злодеяниях в отношении советских и китайских граждан в период Второй мировой войны. Работа оперативных подразделений позволила подготовить и успешно провести открытый судебный процесс над японскими военными преступниками с соблюдением всех требований международного и национального права.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы //Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–78.
[2] РГВА. Ф. 451п. Оп. 9. Д. 20. Л. 67.
[3] Там же. Л. 68.
[4] Там же. Л. 68–69.
[5] Там же. Д. 19. Л. 69.
[6] Там же. Л. 71.
[7] Там же.
[8] Там же. Л. 72.
[9] Там же. Л. 74.
[10] Там же.
[11] Там же. Л. 75.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же. Л. 76–77.
[15] Там же. Л. 83.
[16] Там же. Л. 84.
[17] См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. 538 с.

А. В. Самохин,
заместитель директора АНО ЦИМО АТР

Деятельность отряда 100 (по материалам Хабаровского судебного процесса)

Аннотация
На основании материалов Хабаровского судебного процесса, проходившего в декабре 1949 г., автор рассматривает деятельность отряда № 100 японской Квантунской армии. В отечественной историографии нет специальных публикаций, посвященных этой теме. Однако деятельность этого подразделения в подготовке бактериологической войны представляется не менее важной, чем деятельность отряда № 731.
Ключевые слова: Хабаровский процесс, японские военные преступники, бактериологическое оружие, отряд 100.

A. V. Samokhin,
Deputy Director of ANO CIMO ATR

Detachment 100 activities (based on the materials of the Khabarovsk Trial)

Abstract
In the article, based on the materials of the Trial that took place in December 1949, the author examines the activities of the Detachment 100 of the Kwantung Army. There are practically no publications on this topic in Russian historiography. Nevertheless, the activities of this division of the Kwantung Army in preparing for bacteriological warfare seem to be no less important than the activities of Detachment 731.
Keywords: Khabarovsk Trial, Japanese war criminals, bacteriological weapons, detachment 100.

В конце декабря 1949 г. в Хабаровске военный трибунал Приморского военного округа рассмотрел дело по обвинению японских военных в подготовке и применении бактериологического оружия. В отечественной исторической науке это судебное разбирательство получило наименование «Хабаровский процесс 1949 года».

В современной историографии, посвященной Хабаровскому процессу и подготовке Японией бактериологической войны, достаточно много написано о деятельности отряда № 731. В Китае, в частности, в Харбине, в настоящее время действуют Международный центр по изучению отряда 731 и Музей отряда

731. Первый функционирует в рамках Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и состоит из научных сотрудников, занимающихся изучением деятельности отряда[1]. В то же время о деятельности другого подразделения Квантунской армии – отряда № 100 отсутствуют специальные публикации, хотя его роль в подготовке бактериологической войны представляется не менее важной.

В соответствии с указами императора Хирохито в 1935–1936 гг. на территории оккупированной Маньчжурии были созданы секретные структуры, подчинявшиеся напрямую императору, Генштабу японской армии и, как исполнителю, командующему Квантунской армией. Одно из них получило название «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», а второе – «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии». В 1941 г. после нападения гитлеровской Германии на СССР эти учреждения были зашифрованы соответственно как отряд № 731 и отряд № 100. Во главе первого был поставлен генерал-лейтенант Исии Сиро, во главе второго – генерал-майор ветеринарной службы Вакамацу Юдзиро[2].

Отряд № 100 располагал обширными помещениями, специальным оборудованием и земельными участками в районе местечка Могатон в 10 км южнее г. Чанчунь[3]. У отряда имелось два филиала – в городах Дайрен и Рако. Кроме того, в июле 1941 г. при каждой армии были созданы армейские эпизоотические отряды, которые дислоцировались в городах Кокузан, Тоан, Кэйнэй и Тонэй, расположенных на основных стратегических направлениях на границе с Советским Союзом. Все эти отряды предназначались для использования их в качестве специальных подразделений для применения бактериологического оружия против СССР.

Начальниками филиалов отряда № 100 и армейских эпизоотических отрядов были врачи-бактериологи; в основной состав входили ветеринарные врачи, не имеющие подготовки в области бактериологии. Для подготовки новых бактериологов и переподготовки старых специалистов использовалась научная база отряда № 100[4].

Численный состав отряда достигал примерно 600–800 человек. Отряд состоял из штаба, общего и двух специальных отделов.

Общий отдел имел несколько отделений (плановое, исследований и др.) и опытное поле.

1-й отдел занимался главным образом исследованием крови у конского поголовья частей Квантунской армии и тех животных, которые были в распоряжении частей Квантунской армии на предмет определения таких болезней, как сап, пироплазмоз и инфекционная анемия.

2-й отдел до 1943 г. состоял из пяти отделений (позднее – из шести) и занимался главным образом исследовательской работой, изысканиями в области бактериологической войны. 1-е отделение – бактериологическое, 2-е – патологическое, 3-е – ведало подопытными животными, 4-е – органической химии, 5-е – ботаническое, занималось изысканием средств для отравления растений или их инфицирования при помощи бактерий, ведало вопросами патологии растений; 6-е (создано в декабре 1943 г.) – занималось исключительно вопросами подготовки бактериологической войны. Начальниками отделений были специалисты-бактериологи, специалисты-ботаники, специалисты по органической химии или специалисты-патологи, среди которых были как офицеры, так и вольнонаёмные научные сотрудники[5].

Таким образом, основная деятельность отряда № 100 состояла в производстве бактериологического оружия для бактериологической войны, объектом которой являлись сельскохозяйственные животные и растения, а также конский состав Красной армии и Армии Монгольской Народной Республики[6].

Отряд № 100 стал вплотную заниматься подобными работами с декабря 1943 г., хотя первые попытки организации массового производства возбудителей сапа, сибирской язвы и красной ржавчины были предприняты в сентябре 1941 г.[7] Уже к марту 1944 г. в отряде было налажено массовое производство бактерий чумы рогатого скота, овечьей оспы и мозаики – вместо красной ржавчины[8].

Первоначально планировалось, что отряд будет производить в год: бактерий сибирской язвы – 1000 кг, бактерий сапа – 500 кг, бактерий красной ржавчины – 100 кг. Но из-за недопоставок оборудования к концу марта 1944 г. было произведено бактерий сибирской язвы 200 кг, сапа – 100 кг, красной ржавчины – до 30 кг[9].

Бактериологи, химики, ветеринарные врачи, которыми был укомплектован отряд № 100, были заняты культивированием отдельных видов бактерий, изучением их свойств, изысканиями способов массового заражения животных, растений и людей[10].

В результате этих исследований, как отмечалось выше, произошла замена ржавчины растений на мозаичные болезни. Это было связано, во-первых, с тем, что культивирование и размножение возбудителей плохо удавалось[11], и, во-вторых, ржавчина растений – это грибковое заболевание, которое поражает прежде всего плодовые деревья, пшеницу и подсолнечник. В то же время мозаичные болезни растений вызываются несколькими сотнями широко распространенных вирусов и поражают многие сельскохозяйственные культуры (картофель, капусту, огурцы, помидоры, свёклу, сою, люцерну, баклажаны, кукурузу, тыкву, пшеницу и другие злаки, плодовые деревья и кустарники), а это создавало условия для более широкого применения их в качестве биологического оружия[12].

Отряд финансировался из двух источников: военное министерство Японии выделяло средства на содержание личного состава и на изготовление препаратов для профилактической работы в Квантунской армии. Так, с 1 апреля 1944 г. по 1 апреля 1945 г. отряду было отпущено 600 тыс. иен.

На изыскание и производство бактериологического оружия средства отпускались по линии секретных

фондов штаба Квантунской армии, через 2-й разведывательный отдел. В тот же период на эти цели был отпущен 1 млн иен. Однако эти суммы не были лимитированы, и при необходимости дополнительные средства отпускались по первому требованию[13].

В соответствии с планом «Кан-Току-Эн» (планом развёртывания японской Квантунской армии для нападения на СССР, принятым летом 1941 г.) отрядом была организована специальная подготовка кадров офицеров и унтер-офицеров по освоению и применению бактериологического оружия.

Один из обвиняемых на Хабаровском судебном процессе, бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант Такахаси Такаацу показал: «После выхода в свет оперативного плана «Кан-Току-Эн» при штабе каждой армии, находившейся в Маньчжурии, были созданы «эпизоотические» отряды. Задачами эпизоотических отрядов являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсии против Советского Союза…[14].

Помимо этого, на отряд № 100 «…возлагалась задача по проведению диверсионных мероприятий, т.е. заражению эпидемическими бактериями пастбищ скота и водоёмов. В этой части работы отряд был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии…»[15].

Как показал в ходе следствия генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаси Такаацу, задачей «эпизоотических отрядов» являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий[16]. С этой целью в июле – августе 1942 г. была организована экспедиция в район Трёхречья, называвшаяся «летними манёврами». Она имела целью исследовать возможности применения бактерий сибирской язвы и сапа в естественных условиях, приближенных к району вероятных военных действий – у границ Советского Союза. Во время экспедиции проводились опыты по заражению сапом р. Дербул, которая впадает в пограничную р. Аргунь, и других водоёмов, а также опыты по заражению сибирской язвой почвы и травяного покрова. Бактерии для этого вырабатывались в походной лаборатории и испытывались на лошадях, овцах и морских свинках.

В ходе экспедиции происходил также сбор сведений разведывательного характера, а именно выявление наличия и количества скота у населения в пограничных с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой районах, клиническое состояние скота, наличие летних и зимних пастбищ, участков сенокошения, состояние дорог и водоёмов. Эти сведения необходимы были японскому командованию, чтобы в случае войны с Советским Союзом произвести массовое заражение скота. Планировалось, что на основании полученных сведений авиацией будет производиться распыление бактерий сапа, сибирской язвы и вируса чумы рогатого скота для заражения скота в пограничных с Советским Союзом и Монголией районах.

В ходе экспедиции было закуплено у населения Северо-Хинганской провинции 500 овец, 100 голов рогатого скота и 90 лошадей на отпущенные для этой цели 80 тыс. иен. В случае войны с Советским Союзом этот скот предполагалось заразить сибирской язвой, сапом, чумой рогатого скота и овечьей оспой и с диверсионной целью оставить в тылу Советских войск, чтобы вызвать вспышку остроинфекционных заболеваний. Для этого в места нахождения закупленного скота планировалось доставить на самолётах необходимое количество бактерий, а сам скот должен был быть заражён созданными диверсионными группами[17].

Аналогичная экспедиция под названием «зимние манёвры» проводилась ранней весной 1945 г. в районе реки Южный Хангол. Её целью стала проверка действия вируса чумы рогатого скота и овечьей оспы в зимних условиях путём их распыления по снегу и по разбросанному по нему корму. Опыты эти проводились в условиях, в которых должны были осуществляться бактериологические диверсии против Монгольской Народной Республики, ибо известно, что скот в Монголии в зимнее время питается подножным кормом[18].

По результатам «экспедиций» руководство отряда приняло решение о замене распространения эпизоотии сапа, которое было связано с большими трудностями, сибирской язвой. Заражённый рогатый скот, овец и лошадей намечалось распустить в разные стороны, чтобы животные попали на территорию военных действий советских войск[19].

Эти факты были установлены показаниями обвиняемых на Хабаровском процессе Хиразакура Дзенсаку, Митомо Кадзуо, а также свидетелей[20].

В сентябре 1944 г. на полигоне отряда № 731 в районе ст. Аньда отрядом № 100 с участием представителей штаба Квантунской армии были проведены полевые испытания эффективности бактериологического оружия. Один из участников этих манёвров, свидетель Фукузуми Мицуёси, показал: «…Изыскания способов массового применения бактерий производились путём проведения экспериментов на специальных полигонах с применением специальных аппаратов и самолётов. Такие эксперименты в большом разрезе назывались «манёврами». Такие «манёвры» были проведены в сентябре 1944 года на ст. Аньда… Эксперименты были произведены над стадом в 300 голов рогатого скота и овец. Данный эксперимент показал хороший результат, так как все животные были поражены и пали. На эти манёвры на самолёте прилетали представители из штаба Квантунской армии»[21].

В марте 1945 г., на том же полигоне производился эксперимент по заражению животных острыми инфекционными болезнями. Из доклада начальника отряда № 100 Вакамацу Юдзиро известно, что результат этого опыта был также «удачным» – погибли все 10 подопытных коров[22].

Стоит обратить внимание на два важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, такие заболевания как сап, чума и сибирская язва могут передаваться от животных к человеку[23]. Во-вторых, эксперименты над

людьми, проводившиеся в отряде № 731, не всегда заканчивались летально для человека. Так, Кавасима Киоси на допросе 11 августа 1946 г. показал: «Смертность человеческих жертв, подвергавшихся искусственному заражению чумой, холерой, брюшным тифом, паратифом, дизентерией и кровоточащей лихорадкой, была различна, при экспериментах искусственного заражения человека без лечения смертность достигла: от сапа – 100%, от чумы – 70%, холеры – до 70%, брюшного тифа – до 60–70% и т.д. При лечении процент смертности понижался, а в отдельных случаях заражение излечивалось»[24]. Эксперименты над животными давали стопроцентный летальный исход, как и передача сапа от животных к человеку.

В отряде № 731 опыты проводились над живыми людьми. Аналогичные преступления совершались и в отряде № 100, где ими занималось 6-е отделение 2-го отдела.

На суде один из свидетелей лаборант отряда Хатаки Акира рассказал: «В отряде № 100 исследование действия бактерий производилось путём опытов над домашними животными и живыми людьми, для чего в отряде имелись лошади, коровы и др. животные, а также в изоляторе содержались и живые люди, о чём мне известно из того, что я видел сам лично»[25].

При этом отряд № 100 имел, так сказать, свое поле деятельности: там изучались способы отравления людей растительными ядами. Свидетель, Фукузуми Мицуёси, служивший в отряде № 100 ветеринарным врачом, показал: «Сотрудниками данного отряда и его филиалов велась научно-исследовательская работа… по изысканию способов массового применения бактерий и остро действующих ядов для массового уничтожения животных и людей. …Чтобы устанавливать эффективность действия этих ядов, производились эксперименты над животными и живыми людьми…»[26].

Опыты над живыми людьми производились в августе – сентябре 1944 г. В качестве подопытных использовались русские и китайские граждане в количестве 7–8 человек. Содержанием этих экспериментов было – незаметно от подопытных лиц давать им снотворные средства и яды, которые примешивались к пище. За две недели каждому подопытному такая пища с ядом давалась пять или шесть раз. На них проверялось действие ядовитых веществ, которыми отравлялась пища, выдаваемая этим арестованным. Над некоторыми из арестованных опыты проводились по 5–6 раз, проверялось действие корейского вьюнка, героина, бактала и зёрен касторника. Когда в результате проводимых опытов заключенные ослабевали и над ним больше нельзя было производить опытов, их уничтожали посредством укола цианистого калия или расстреливали, впоследствии обязательно производя вскрытие трупов[27].

Обвиняемый Митомо Кадзуо, служивший в отряде № 100, признал, что лично им был умерщвлён ряд заключённых после производства над ними бесчеловечных опытов[28]. Он показал: «…Был такой случай. Над одним русским в течение двух недель в августе месяце 1944 года проводились различные опыты. Организм его истощал, и Мацуи дал указание убить этого русского путём введения в организм цианистого калия… Под видом лечения ему был сделан укол… цианистого калия, и русский сразу же после укола умер. Укол сделал я в карцере… Двое русских при мне были расстреляны жандармом в начале сентября 1944 года на скотомогильнике и там зарыты в землю. Они были расстреляны по указанию поручика Накадзима. Расстреляли их потому, что над ними нельзя было больше проводить опыты ввиду их истощённости и непригодности для дальнейших опытов»[29].

В ходе «Хабаровского процесса» судебно-медицинской экспертизой было установлено, что производственная мощность отряда № 100 и характер его деятельности были рассчитаны на ведение активной бактериологической войны[30].

Заключение по бактериологическим и медицинским вопросам давала на суде экспертная комиссия в составе действительного члена Академии медицинских наук СССР Н. Н. Жукова-Вережникова, а также полковника медицинской службы В. Д. Краснова, заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессора Н. Н. Косарева, доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института Е. Г. Ливкиной, подполковника ветеринарной службы Н. А. Александрова, паразитолога О. Л. Козловской[31].

Таким образом, в ходе Хабаровского судебного процесса было доказано, что в случае войны отряду предстояло, во-первых, применить бактериологическое оружие в ходе наступательных военных действий японских частей и соединений против Красной армии с целью вывода из строя ее живой силы и создания в тылу эпизоотий и массового заражения растительности; во-вторых, при вынужденном отступлении отряд должен был организовать бактериологическое отравление оставляемой территории для распространения эпидемий и эпизоотий в войсках противника и среди местного населения. Для выполнения поставленных задач отряд был укомплектован специалистами-бактериологами, научными и техническими сотрудниками, имел новейшее оборудование. Для размещения производства, ведения научных разработок, проживания персонала были построены капитальные здания; для проведения начальных опытов по заражению животных – загоны для скота, растений – опытное поле, а для проведения экспериментов на людях – внутренняя тюрьма.

Примечания

[1] Китай и Вторая мировая война: сб. статей. М., 2017. С. 48–49.
[2] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 8.
[3] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 14. Л. 29.
[4] Материалы судебного процесса… С. 50–51.
[5] Там же. С. 311–312.
[6] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 18. Л. 382.
[7] Материалы судебного процесса… С. 327.
[8] Там же. С. 107.
[9] Там же. С. 328.

[10] Там же. С. 74.
[11] Там же. С. 326.
[12] Мозаичные болезни растений // Сельскохозяйственный энцикл. словарь. М., 1989. С. 316–317; *Корчагин В. Н.* Защита растений от вредителей и болезней на садово-огородном участке. М.: Агропромиздат, 1987. С. 139–140.
[13] Материалы судебного процесса… С. 53.
[14] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 11. Л. 53–54.
[15] Там же. Т. 18. Л. 171.
[16] Там же. Т. 11. Л. 54.
[17] Материалы судебного процесса … С. 74–77.
[18] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 17. Л. 116.
[19] Материалы судебного процесса … С. 108–109.
[20] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 12. Л. 94, 192; Т. 13. Л. 57–58.
[21] Там же. Т. 13. Л. 49.
[22] Материалы судебного процесса… С. 49.
[23] Там же. С. 333.
[24] ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 5. Л. 350.
[25] Там же. Т. 13. Л. 111.
[26] Там же. Л. 48.
[27] Материалы судебного процесса… С. 79, 321–323.
[28] ЦА ФСБ России. Д. № Н-20058. Т. 12. Л. 192.
[29] Там же. Л. 149.
[30] Там же. Т. 9. Л. 155.
[31] Китай и Вторая мировая война: сб. статей. М., 2017. С. 78.

А. П. Тарасов,
заведующий Центром китайской культуры Забайкальской краевой научной библиотеки им А. С. Пушкина

Бактериологическая война японской армии на Халхин-Голе: отражение боевого применения биологических средств в материалах Хабаровского процесса 1949 г. и трудах современных китайских историков

Аннотация
На Хабаровском судебном процессе 1949 г. было установлено, что Квантунская армия в сражении на реке Халхин-Гол в предыстории Второй мировой войны впервые осуществила боевое применение против советско-монгольских войск запрещённого бактериологического оружия. Материалы Хабаровского процесса стали одной из отправных точек для работы китайских исследователей. В результате были основательно раскрыты характер, масштабы деятельности, военные преступления, описаны конкретные действия японских подразделений бактериологической войны.
Ключевые слова: Хабаровский процесс, Халхин-Гол, Квантунская армия, бактериологическое оружие.

A. P. Tarasov,
Transbaikal Regional Scientific Library named after A. S. Pushkin, Head of the Center for Chinese Culture

Bacteriological war of the Japanese army on Khalkhin-Gol: reflection of the combat use of biological agents in the materials of the Khabarovsk Trial of 1949 and the works of modern chinese historians

Abstract
At the Khabarovsk Trial of 1949, it was established that the Kwantung Army in the battle on the Khalkhin-Gol River in the prehistory of World War II for the first time carried out combat use of prohibited bacteriological weapons against the Soviet-Mongolian troops. The materials of the Khabarovsk process became one of the starting points for the work of Chinese researchers. As a result, the nature, scale of activity, war crimes were thoroughly revealed, and the specific actions of Japanese bacteriological warfare units were described.
Keywords: Khabarovsk Trial, Khalkhin-Gol, Kwantung Army, bacteriological weapons.

В ноябре 1948 г. советское правительство приняло решение о проведении судебного разбирательства над группой бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвиняемых в создании и использовании бактериологического оружия в период Второй мировой войны[1], в нарушение

международного Женевского протокола 1925 года о запрещении применения на войне бактериологических средств, вступившего в силу с 9 февраля 1928 г.[2] Это было чрезвычайно дальновидное решение нашего государства как лидера гуманитарного процесса.

Суд над бывшими военнослужащими японской армии, занимавшимися разработкой, созданием и применением запрещённого бактериологического оружия, проходил в Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. В частности, на допросе в рамках Хабаровского судебного процесса начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 Тосихидэ Ниси показал, что «…во время вооружённого столкновения японских войск с советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе в 1939 г. была осуществлена диверсионная операция бактериологическими средствами против Красной армии. На место военных действий выезжал генерал [в период боёв на Халхин-Голе – полковник. – *Авт.*] Исии с экспедицией бактериологов»[3].

Вскрытый на Хабаровском судебном процессе халхин-гольский сюжет представляет важное историческое обстоятельство – переход японской армии от лабораторных медико-биологических исследований к практическому применению бактериологических средств на поле боя. Историческое значение Хабаровского процесса заключается, таким образом, и в том, что в ходе открытых судебных заседаний Военного трибунала Приморского военного округа на основании показаний обвиняемых, протоколов допросов и показаний свидетелей было установлено, что, планируя и готовя агрессию против СССР и других государств, Квантунская армия в сражении на реке Халхин-Гол в предыстории Второй мировой войны впервые осуществила боевое применение против советско-монгольских войск запрещённого бактериологического оружия.

В послевоенный период материалы Хабаровского процесса стали одной из отправных точек для работы китайских исследователей. Нельзя не отметить труды замечательного китайского историка Хань Сяо (韩晓). Большой вклад в изучение халхин-гольского эпизода бактериологической войны японской армии внёс также Цзинь Чэнминь (金成民) – нынешний руководитель Музея свидетельств преступлений отряда № 731 и директор Института истории бактериологической войны японских захватчиков в Китае Харбинской академии социальных наук.

Только в 2015 г. было реализовано два масштабных научных проекта.

По заказу Национального фонда социальных наук КНР были проведены сбор, систематизация и исследование хранящихся в Китае и Японии культурных реликвий и документов, касающихся бактериологической войны». Проект реализован исследовательской группой под руководством директора «Международного исследовательского центра по проблемам отряда 731» Харбинской академии социальных наук Ян Яньцзюня (杨彦君)[4].

Результатом 30-летних научных поисков стала «Специальная книжная серия «Хроники преступлений отряда 731 японских оккупантов»» в 60 томах, подготовленная под редакцией Цзинь Чэнминя по заказу Национального издательского фонда КНР в сотрудничестве с Харбинской академией социальных наук и Музеем свидетельств преступлений отряда 731 японских агрессоров[5].

Значительная часть многотомного книжного издания, в котором собраны свидетельства и документы, касающиеся в том числе событий на Халхин-Голе, находится в свободном доступе на сайте Мемориальной сети Антияпонской войны.

В результате были основательно раскрыты характер, масштабы деятельности, военные преступления, описаны конкретные действия японских подразделений бактериологической войны. Благодаря усилиям ученых в Китае и других странах свидетельства, представленные в ходе Хабаровского процесса 1949 г. получили дополнительное подтверждение[6].

Идея использования в военном деле бактериологических средств принадлежала японскому военному врачу Исии Сиро. В условиях японской оккупации Маньчжурии он воспользовался возможностью перенести свою деятельность в Северо-Восточный Китай, где японская армия в августе 1933 г. в условиях секретности создала «отряд Исии», который в разное время назывался по разному, но получил международную известность как отряд № 731.

Военное руководство Японии придавало большое значение тому, как средства бактериологической войны могут быть использованы на полях сражений.

26 марта 1939 г., непосредственно перед боями на Халхин-Голе, оперативный отдел японского Генерального штаба и подразделение по подготовке бактериологической войны, замаскированное под названием «Управление по водоснабжению и профилактике эпидемических заболеваний Квантунской армии», созвали в военной зоне Пинфан совещание для ознакомления со способами проведения бактериальных атак, разработанными центром под Харбином. На совещании присутствовал начальник оперативного отдела Генштаба полковник Масадзуми Инада. Думаю, данная дискуссия и побудила японский Генштаб приступить к планированию практического использования средств бактериологической войны[7].

В мае 1939 г., вскоре после начала боёв на Халхин-Голе, командующий Квантунской армией Кэнкити Уэда проинспектировал Управление по водоснабжению и профилактике эпидемических заболеваний[8]. Он отдал приказ Исии принять участие в боях на Халхин-Голе с использованием бактериологических средств.

В третьей декаде мая в районе конфликта на Халхин-Голе с обеих сторон сосредотачиваются значительные силы. В этот период времени, май–июнь, штаб Квантунской армии работал над планом операции «Второй этап номонганского инцидента». Предполагалось сильным соединением переправиться через Халхин-Гол на северном участке фронта у горы

Баин-Цаган, где нанести советско-монгольским войскам решительное поражение.

Складывается впечатление, что у генерал-майора Мититаро Комацубара, руководившего военной операцией Императорской армии Японии у реки Халхин-Гол, не было большого желания интегрировать в данный план бактериологические новации Исии, которые ранее в практике боевых действий никогда не применялись. Их использование было сопряжено с известным риском, и в случае успеха июльского наступления японцев было попросту не нужно.

В результате дискуссии полковника Исии Сиро с генерал-майором Мититаро Комацубара, были приняты к исполнению два уточненных варианта:

Первый: Бактериологические боеприпасы доставить в прифронтовую область и тщательно хранить в передовых частях, но осуществлять их боевое применение только в случае крайне неблагоприятного развития обстановки.

Второй: В случае отступления японских войск распространить бактерии в верхнем течении рек Халхин-Гол и Хайластын-Гол, чтобы заразить тяжелыми заболеваниями и вывести из строя советско-монгольские войска ниже по течению[9].

Исии сосредоточился на использовании возбудителей холеры, брюшного тифа и дизентерии. Отряд Исии с начала июня начал производить бактериальное оружие, а около 20 июня его начали перебрасывать на фронт.

Четвёртый производственный отдел отряда под командованием майора Хаякава, прапорщиков Кобаяши и Ватанабэ разделил 60 человек своего персонала для круглосуточной работы в две смены, чтобы изготовить необходимые бактерии за один производственный цикл[10].

Исии привлек к участию в Халхин-Гольском сражении половину из 400 человек, занимавшихся в его подразделении на тот период времени подготовкой бактериологической войны. Они вошли в состав фронтовых частей как «Группа по профилактике эпидемических заболеваний Квантунской армии». Подразделение в соответствии со своими боевыми задачами было разделено на две части.

Одна из них состояла из более 10 отрядов для снабжения японской армии питьевой водой и проведения противоэпидемических мероприятий, выполняя при этом функцию контрразведывательного прикрытия второй секретной части отряда Исии. Она в основном состояла из младших офицеров-санитаров третьего отдела подразделения Исии и кадетов. В каждом отряде было по 10 человек, руководил ими инструктор команды кадетов лейтенант Сасаки (佐佐木)[11].

Вторая секретная часть представляла диверсионный отряд «смертников» для боевого применения бактериологического оружия. В его составе преобладали военнослужащие второго отдела отряда Исии и несколько специально отобранных кадетов. Командовал ими начальник второго отдела майор Цунасиге Икари.

К концу июня штаб Квантунской армии завершил подготовку «Второго этапа номонганского инцидента». Реализацией этого плана стало Баин-Цаганское сражение в первых числах июля. Потери японцев за три дня боевых действий составили несколько тысяч убитыми. Они потеряли почти все танки и бóльшую часть артиллерии.

10 июля после Баин-Цаганского провала Исии получил приказ начать диверсионные операции с использованием бактериологического оружия для исправления положения на фронте, и группа «смертников» начала подготовку.

11 июля Исии, как можно предположить, в целях рекогносцировки побывал на передовой в расположении 72-го пехотного полка на северном берегу реки Хайластын-Гол – восточного притока Халхин-Гола[12].

12 июля группа майора Икари была доставлена на грузовиках к опушке соснового бора недалеко от реки Халхин-Гол за пределами видимости с западного берега. Японцы были одеты в обычную полевую форму без знаков различия медицинской службы и кокард на кепи, чтобы в случае обнаружения выглядеть как обычные военнослужащие[13].

Они выгрузили две надувные лодки, 10 больших металлических канистр и стеклянных бутылей с концентратами бактерий – возбудителей брюшного тифа и холеры, металлические фляги для воды, ковши-черпаки с длинными рукоятями, тросы и другой инвентарь.

Японцы, стараясь укрыться в высокой траве, накачали лодку, погрузили емкости с концентратами бактерий и спустили лодку на воду. Когда они достигли середины реки, одни солдаты в лодке по команде Икари стали грести, направляя лодку вверх по течению, а другие открыли емкости и приступили к выгрузке концентратов бактерий в воду Халхин-Гола.

Чтобы избежать заражения, японцы выгружали концентраты по течению, чтобы их сразу относило от лодки. Таким образом они прошли участок реки протяженностью 1 км, выгрузив в Халхин-Гол 22,5 кг сметанообразного концентрата опаснейших болезнетворных бактерий[14]. Этот эпизод был реконструирован в экспозиции Музея свидетельств преступлений отряда 731 в Харбине.

Опорожненные емкости из-под концентратов японцы затопили в реке, затем в том же порядке вернулись в расположение своей части в местность Цзянцзюньмяо.

13 июля в 1.30 пополудни Исии прибыл в расположение 71-го полка, занимавшего позиции на южном берегу реки Хайластын-Гол, и предупредил, что «вода в реке, возможно, отравлена». Всему личному составу Квантунской армии на передовой было указано употреблять для питья только воду, очищенную с помощью фильтров[15].

Однако попытки японской армии обеспечить бактериологическими средствами массовое поражение советско-монгольских войск не имели результата. Во время боев на Халхин-Голе питьевая вода имела для обеих сторон не меньшее значение, чем боеприпасы.

Отравление питьевой воды было единственным способом распространить эпидемию, поэтому советская сторона предпринимала строгие профилактические меры.

Поэтому уже при сосредоточении сил 19 мая 1939 г. 57-й Отдельный корпус в первую очередь направил из Ундурхана роту по очистке воды. В июле начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников обратился к Г. К. Жукову с указанием потребовать от войск соблюдать сугубую осторожность при пользовании питьевой водой. «Во всех случаях воду перед употреблением необходимо тщательно исследовать и установить охрану колодцев». 3 июля, например, 24-й мотострелковый полк И. И. Федюнинского провел на берегу р. Халхин-Гол практически целый день без воды из-за того, что машины со специальным оборудованием задержались в пути[16].

Несмотря на профилактику инфекционных заболеваний в подразделениях Квантунской армии, фронтовые японские и маньчжурские войска, которые зависели от местного водоснабжения, по ошибке пили зараженную речную воду, когда не могли получить воду из тыла. 1340 солдат и офицеров заразились брюшным тифом, дизентерией и холерой и были отправлены в госпиталь сухопутных войск в Хайларе на обследование и лечение.

В частности, в японских 71-м и 72-м пехотных полках, дислоцировавшихся соответственно на северной и южной сторонах Хайластын-Гола ниже по течению Халхин-Гола от расположения Хинганской бригады, японскими врачами был зафиксирован брюшной тиф[17].

Когда больные военнослужащие Квантунской армии во второй декаде августа переполнили хайларские госпитали, в Хайлар была направлена группа из 10 инспекторов во главе с капитаном Ямасита Кэндзи (山下健次). В результате обследования в общей сложности 8500 военнослужащих было установлено, что источником инфекции являются бактерии, распространяемые самой же Квантунской армией[18]. По китайской поговорке, японцы, поднявши камень против советско-монгольских войск, себе же отшибли ногу.

Развязанная японцами преступная бактериологическая война не смогла предотвратить их поражение на Халхин-Голе. В то же время опыт бактериологической войны на Халхин-Голе также способствовал росту инвестиций японской армии в исследования и разработку средств бактериологической войны. Японское руководство посчитало, что новый тип оружия позволит компенсировать отставание в вооружениях от СССР, и ему стало уделяться больше внимания. Опыт ведения бактериологической войны, приобретенный во время конфликта на Халхин-Голе, отряд Исии использовал уже в декабре 1940 г. в Китае в районе города Нинбо.

Государственный обвинитель, государственный советник юстиции 3-го класса Л. Н. Смирнов в своей речи на Хабаровском процессе подчеркнул: «Бактериологическая атака против советско-монгольских войск, совершённая так называемыми смертниками Икари, привыкшими безнаказанно умерщвлять беззащитных людей в лабораториях отряда, была только началом широкого применения бактериологического оружия в военной обстановке, к которому с 1940 года перешёл отряд Исии»[19].

Собранные учеными разных стран свидетельства подтверждают объективный характер материалов Хабаровского процесса, доказывают, что экспедиция японских бактериологов в места боёв выполнила преступные задачи по бактериологическому заражению рек Халхин-Гол и Хайластын-Гол, а также местности после отхода японских войск.

Хабаровский трибунал стал единственным в своём роде во всей истории человечества Нюрнбергом на Амуре: только благодаря беспристрастному разбирательству в Хабаровске впервые была вскрыта правда о масштабах японской военно-биологической программы, важной частью которой было первое в предыстории Второй мировой войны боевое применение японской армией бактериологического оружия в боях с советско-монгольскими войсками на Халхин-Голе.

Примечания

[1] *Алепко А. В.* Хабаровский процесс 1949 года и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 64 // Дальневосточная государственная научная библиотека: офиц. сайт. URL: https://fessl.ru/docs-downloads/bookpdf/DVGNB/KNDV/ 26/63–70.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

[2] Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 г. // Международный Комитет Красного Креста: офиц. сайт. Договоры и обычное право. URL: https://www.icrc. org/rus/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm (дата обращения: 31.08.2021).

[3] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. С. 62.

[4] В Харбине выпущено собрание приказов и официальных документов, касающихся японских подразделений бактериальной войны [哈尔滨公布一批日军细菌战部队往来 公文及命令文件] // Госсовет КНР: офиц. сайт. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015–07/06/content_2892821.htm (дата обращения: 31.08.2021).

[5] Опубл. серия «Хроники преступлений 731-й армии японских захватчиков» [侵华日军第七三一部队罪行实录》丛书出版] // ИА «Синьхуа»: офиц. сайт. URL: http:// www.xinhuanet.com/politics/2015–08/14/c_128127220.htm (дата обращения: 31.08. 2021).

[6] Опубликован приказ отряду 731 на участие в бактериологической войне на Халхин-Голе. Бактерии попали в реку на границе между Китаем и Монголией [731 部队参加诺门罕细菌战作战命令公布 细菌撒入中蒙边境河流] // «Жэньминь ванн»: офиц. сайт – интернет-платформа «Жэньминь жибао». URL: http://world.people.com.cn/n/ 2015/0710/c1002–27283 614.html (дата обращения: 31.08.2021).

[7] *Цзинь Чэнминь*. Жибэньцзюнь сицзюньчжань. 金成民.日本军细菌战. [Бактериоло-гическая война японской армии]. Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 2008. С. 366–367.

[8] *Хань Сяо, Синь Пэйлинь*. Криминальная история отряда 731 японской армии [韩晓; 辛培林. 日军 731 部队罪恶史] // Хэйлунцзян вэньши цзыляо [Литература и исторические материалы Хэйлунцзяна]. Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 1991. № 31. С. 248.

[9] *Цзинь Чэнминь*. Указ. соч. С. 368; *Хань Сяо, Синь Пэйлинь*. Указ. соч. С. 250; *Ли Чуньлэн*. Номэньхань чжаньчжэ. 厉春鹏. 诺门罕战争 [Война при Номонхане]. Чанчунь: «Литература и история» провинции Цзилинь, 2006. С. 288; *Чэнь Чжиюань*. Бактериологическая война при Номонхане отряда 731 в 1939 году [陈致远. 1939 年731 部队 “诺门罕细菌战] // Улин сюэкань [Академический журнал «Улин»]. Чанша: Департамент образования провинции Хунань, 2010. № 5. С. 50.

[10] *Хань Сяо, Синь Пэйлинь*. Указ соч. С. 252.
[11] *Чэнь Чжиюань*. Бактериологическая война при Номонхане отряда 731 в 1939 году [陈致远. 1939 年 731 部队“诺门罕细菌战]. // Улин сюэкань [Академический журнал «Улин»]. Чанша: Департамент образования провинции Хунань, 2010. № 5. С. 50.
[12] *Ли Чуньпэн, Сюй Чжаньцзян, Абидэ, Янь Вэйминь На Шэнь*. Номэньхань чжаньчжэн. 厉春鹏、徐占江、阿必德、阎为民、那申诺门罕战争 [Война при Номонхане]. Изд. литературы и истории провинции Цзилинь, 1988. С. 224.
[13] *Цзинь Чэнминь*. Жибэньцзюнь сицзюнь чжань тувэньцзи. 日本军细菌战图文集. 金成民主编. [Сб. док. о ведении японской армией бактериологической войны / Под ред. Цзинь Чэнминя]. Хулун-Буир: Культура Внутренней Монголии. 2010. С. 101.
[14] *Тарасов А. П.* Халхин-Гол: монгольское блюдо японской кухни дьявола. 2014 // ИА «Забинфо»: сайт. URL: http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=Sections& file=index&req=printpage&artid=946 (дата обращения: 31.08.2021).
[15] *Хань Сяо, Синь Пэйлинь*. Указ. соч. С. 251–252; *Ли Чуньпэн*. Номэньхань чжаньчжэ. 厉春鹏. 诺门罕战争 [Война при Номонхане]. Чанчунь: Литература и история провинции Цзилинь, 2006. С. 290–292.
[16] *Равдангийн Болд*. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол / Пер. с монг.; вступ. слово С. Г. Лузянина. М.: Весь Мир, 2019. С. 468.
[17] Там же.
[18] *Хань Сяо, Синь Пэйлинь*. Криминальная история отряда 731 японской армии [韩晓; 辛培林. 日军731部队罪恶史] // Хэйлунцзян вэньши цзыляо [Литература и исторические материалы Хэйлунцзяна. Харбин: Народное издательство провинции Хэйлунцзян, 1991. № 31. С. 254.
[19] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии… С. 436.

И. В. Крюков,
кандидат исторических наук, Генеральный директор Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, председатель отделения РИО в Хабаровском крае

Боевая подготовка войск Дальневосточного фронта к войне с милитаристской Японией в 1945 г.

Аннотация
В статье рассмотрена военная подготовка в регулярных частях Дальневосточного фронта накануне войны с Японией. Раскрывается содержание подготовительных мероприятий в среде командного и рядового составов войск, показаны главные направления, по которым они осуществлялись. Выделяются особенности осуществления военной подготовки в условиях Дальневосточного театра военных действий.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальневосточный фронт, боевые резервы, военная подготовка, наступательная операция, штабные учения, милитаристская Япония.

I. V. Kryukov,
Candidate of Historical Sciences, General Director of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov, Chairman of the RIO Branch in the Khabarovsk Territory

Combat training of the troops of the Far Eastern Front for the war with militaristic Japan in 1945

Abstract
The article deals with the process of military training in the regular parts of the Far Eastern battle-front on the eve of the war with Japan. The content of the preparatory activities fostered among the officers and ratings of troops, shows the main areas in which they are made; stands out features of the military training in the Far Eastern theater of military operations.
Keywords: The Great Patriotic War, Far Eastern battle-front, fighting reserves, military training, offensive operation, staff training, militarist Japan.

Весной 1945 г. в связи с приближением окончания войны с Германией и взятыми на себя союзническими обязательствами, СССР начинает готовить войска к предстоящим боевым действиям с Японией.

Так, чтобы установить состояние боевой подготовки войск, 15 апреля – 9 мая 1945 г. штабами объединений Дальневосточного фронта была проведена глубокая и всесторонняя проверка боевой готовности войск и намечены меры устранения недостатков. Особенно интенсивно стала проводиться военная подготовка командных кадров фронтов.

Так, в мае – июне 1945 г. были проведены сборы командующих и членов Военных советов армий, командиров, начальников политотделов, офицеров

штабов, соединений и частей. На них были прочитаны лекции и доклады о действиях стрелковых, бронетанковых, артиллерийских, авиационных частей, соединений подводных и надводных кораблей в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Чаще всего к выступлениям привлекались командиры, имевшие фронтовой опыт руководства войсками.

В соединениях и частях были проведены семинары командиров полков, батальонов, их заместителей, где особое внимание обращалось на изучение и практическое использование в бою опыта тех частей, которые участвовали в боях на советско-германском фронте. Участники сборов тщательно изучали военно-политическую обстановку на Тихоокеанском театре военных действий, знакомились с характеристикой оружия, боевой техники и тактикой их использования японской армией. В тылу были оборудованы учебно-штурмовые полосы, танкодромы и учебные поля для тренировок. При обучении войск и штабов уделялось внимание организации и ведению прорыва укреплённых районов, действий в условиях горно-пустынной, горно-таёжной и заболоченной местности, умению совершать длительные марши по бездорожью с прокладкой колонных путей.

В связи с этим Военный совет Дальневосточного фронта издал директиву по боевой подготовке, в которой указывалось: «При обучении войск наступательному бою добиться, чтобы войска умели вести наступательный бой с прорывом сильно укреплённых полос противника, вести манёвренный бой с обходом его оборонительных полос по бездорожью с выходом на коммуникации с целью окружения и уничтожения»[1].

План учений и сборов на летний период 1945 г., изложенный в директиве, предусматривал отработку войсками следующих задач: «Марш усиленного стрелкового батальона (полка) по бездорожью в горно-лесистой местности и встречный бой», «Наступление усиленного стрелкового полка в глубине обороны противника в лесисто-болотистом районе с последующим наступлением на противника, поспешно перешедшего к обороне», «Форсирование усиленным стрелковым батальоном (стрелковым полком) водной преграды с последующим наступлением и прорывом обороны противника», «Действия танковой бригады при прорыве обороны противника в лесисто-болотистой местности».

В обучении войск особое внимание отводилось отработке задач по форсированию водных преград, действию штурмовых групп и подвижных отрядов заграждения. С войсками, которым предстояло форсировать крупные водные преграды, участвовать в морских десантных операциях, проводились учения с практической погрузкой на переправочные средства, выгрузкой с них и последующими действиями по захвату плацдарма на берегу противника. Так, в войсках будущего 2-го Дальневосточного фронта (образован 5 августа 1945 г.) каждое подразделение в течение лета 1945 г. 6–7 раз участвовало в учениях по преодолению водных преград на различных средствах.

В соответствии с требованиями и указаниями военных советов в войсках развернулась работа по боевой подготовке личного состава и оперативно-тактической подготовке штабов к предстоящим наступательным операциям. Оперативно-тактическая подготовка осуществлялась методом проведения командно-штабных учений со средствами связи, на военных играх, на картах и при проведении учений в сложных условиях горно-пустынной и горно-лесистой местности.

Так, командующий 1-й Краснознамённой армии провёл учение со штабами всех корпусов и укрепленных районов на тему: «Прорыв усиленным стрелковым корпусом сильно укреплённой обороны противника в горно-лесистой местности», два учения со штабами стрелковых корпусов, укреплённых районов и штабами всех стрелковых дивизий и танковых бригад на тему: «Прорыв усиленным стрелковым корпусом позиционной обороны противника в горно-таёжной местности», учение с управлением тыла армии на тему: «Работа тыла в армейской наступательной операции». Всего при штабах армий Дальневосточного фронта в подготовительный период было проведено 46 командно-штабных игр и учений. Аналогичные командно-штабные игры и учения проводились командирами корпусов и дивизий с офицерским составом подчинённых штабов[2].

На картах местности детально отрабатывали порядок скрытого выдвижения войск, затем проводилась практическая отработка намеченных задач с личным составом. В течение 10–12 дней проведено по 5–6 комплексных учений (большинство из которых совершалось ночью) с привлечением всех сил и средств, задействованных в предстоящих боевых действиях. Учения проходили с мая по июнь, на них отрабатывались совместные действия рот, полков, дивизий и корпусов. Помимо этого были проведены сборы командующих и членов военных советов армий, начальников штабов армий[3].

На местности все учения, как правило, проводились двухсторонними с одновременной отработкой частями и соединениями поставленных задач. Так, 22-я стрелковая дивизия 1-й Краснознамённой армии ДВФ в мае 1945 г. в усиленном порядке готовилась к ведению войны в горно-таёжной местности. На учениях, проводимых 25-й армией, «Северные» форсировали водную преграду, прорывали оборону противника, осуществляли его преследование с преодолением минных заграждений и повторно преодолевали водную преграду; «Южные» силами стрелкового корпуса держали оборону на водном рубеже, отходили «под ударами превосходящего противника», нанося контрудары.

Боевая учеба войск в полевых условиях была доведена до предела. Например, в той же 1-й Краснознамённой армии в июле 1945 г. учения были проведены трижды в каждом стрелковом батальоне и роте, по четыре – с каждым взводом. Батальонные учения длились по 6–7 часов, ротные и взводные – 3–4 часа. В каждом учении командиры создавали такую обстановку, которая побуждала воинов действовать с полным напряжением моральных и физических сил, проявлять инициативу, мастерски применять оружие

и технику и во что бы то ни стало добиваться победы над «противником»[4].

Помимо этого, весной 1945 г. были проведены 3-дневные фронтовые манёвры, в ходе которых отрабатывалась огневая подготовка войск, в частности, «Ведение залпового огня», «Ведения огня из автоматического оружия». Были проведены многокилометровые марш-броски с «переходом в наступление» и «прорывом обороны противника». Так, 12-я стрелковая дивизия 2-й Краснознамённой армии совершила 200-км марш-бросок. Она действовала в районе с. Жариково – Тамбовка – Ново-Александровка, отрабатывая наступательные действия: воины учились оборудовать исходные позиции, быстро закрепляться на захваченном рубеже, самостоятельно производить разминирование, делать проходы в проволочных заграждениях, готовить колонные пути, восстанавливать разрушенные дороги, делать объезды. Результаты были оценены на «хорошо» руководителем манёвров генералом армии М. А. Пуркаевым. В июле этого же года части дивизии провели боевые стрельбы в районе с. Дубовое[5]. С 30 мая по 10 июня 1945 г. проходили аналогичные учения 231-й стрелковой дивизии 1-й Краснознамённой армии по теме «Прорыв позиционной обороны в горно-таёжной местности» в составе трёх стрелковых и артиллерийских полков, дивизиона САУ, учебного батальона и спецподразделений[6].

В своих воспоминаниях заместитель начальника штаба инженерных войск 1-го ДВФ по разведке Д. Крутских так вспоминал этот период службы: «Я отвечал за подготовку специальных штурмовых и воздушно-десантных отрядов, предназначенных для захвата железнодорожных тоннелей и высадки в глубокий тыл противника… С конца мая специально отобранные группы опытных саперов проходили особую ночную и дневную подготовку в горной и резко пересеченной местности, схожей с районами предполагаемых боевых действий. В июле они прошли и парашютную подготовку, а также специальный курс по захвату гидростанций, мостов, аэродромов»[7].

При штабах армий будущего 1-го Дальневосточного фронта (образован 5 августа 1945 г.) в подготовительный период было проведено 46 командно-штабных игр и учений. Командиры корпусов и дивизий проводили занятия с офицерским составом и подчиненными штабами. В результате выработались твёрдые навыки в организации взаимодействия внутри частей и подразделений, способах восстановления взаимодействия в ходе боя, организации управления своими подразделениями и частями. Офицерский состав изучил обязанности начальников и командиров переправ при форсировании водных преград, тактико-технические данные вооружения противника и многое другое[8].

Таким образом, подготовка войск к операции проводилась на местности, аналогичной району предстоящих действий. В обучении устранялись всякого рода условности, часть учений проводилась с боевой стрельбой и длительным отрывом от постоянных мест дислокации, в условиях, максимально приближенных к боевым.

О подготовке к военной кампании по разгрому милитаристской Японии можно судить и по тематике оперативно-тактических занятий командиров соединений 22-й окружной снайперской школы ДВФ. Так, за 1945 г. были проведены такие занятия, как: «Наступление усиленной стрелковой дивизии на позиционную оборону противника», «Ввод стрелкой дивизии из 2-го эшелона армии для развития прорыва с ударом во фланги противника», «Оборона стрелковой дивизии в ночных условиях», «Особенность организации и ведение манёвренной обороны стрелковой дивизии в горно-таёжной местности», «Особенности организации позиционной обороны стрелковой дивизии в равнинно-болотистой местности», «Наступление усиленной стрелковой дивизии с форсированием крупной речной преграды», «Манёвр стрелковой дивизии и управление частями при бое в оперативной глубине противника в горно-таёжной местности», «Оборонительный бой усиленной стрелковой дивизии на широком фронте в горно-таёжной местности». В среднем на каждое занятие отводилось по 3–4 часа[9].

Среди войск 1-й Краснознамённой, 25-й и 35-й армий Дальневосточного фронта была организована пропаганда военных знаний и боевого опыта, полученного в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Из офицеров 5-й армии, прибывшей за два месяца до начала Маньчжурской наступательной операции из Восточной Пруссии, по указанию Военного совета фронта было создано 3 бригады. В каждой бригаде было выделено по 12 офицеров, которые читали лекции личному составу 1-й Краснознамённой, 25-й и 35-й армий по специальным темам, основываясь на опыте войны. Так, были прочитаны следующие лекции: «Штурм укреплённого района по опыту взятия Кёнигсберга», «Форсирование рек по опыту Великой Отечественной войны», «Действия танков в горно-лесистой местности», «Преодоление заграждений противника», «Некоторые особенности организации и ведения наступления в лесисто-болотистой местности по опыту Великой Отечественной войны», «Чему учит опыт работы штабов в наступательном бою» и др.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в своих воспоминаниях отмечал, что во время военного обучения происходил обмен опытом между солдатами-фронтовиками и солдатами, проходившими службу в частях Дальневосточного фронта, фронтовики передавали дальневосточникам опыт боев, полученный на Западных фронтах, а фронтовиков знакомили с особенностями дальневосточной местности и климата. Всего для офицерского состава с мая по август 1945 г. было прочитано около 2 тыс. лекций и докладов на военные темы[10].

Особое внимание военными советами уделялось боевой выучке личного состава танковых и механизированных войск, которым предстояло сыграть важнейшую роль в разгроме ударной группировки японских войск в Маньчжурии. В решении этой задачи

все усилия были направлены на то, чтобы каждый танкист, артиллерист в совершенстве владел своей специальностью, заменяя друг друга в боевом расчете. Опытные механики-водители учили молодёжь, как вести наступательный бой, на каких скоростях атаковать и преследовать противника, отрабатывали навыки преодоления водных преград, правила вождения боевых машин по бездорожью, в пустынной и полупустынной местности.

Следует отметить, что природные условия предстоящего театра военных действий существенно ограничивали боевые возможности танковых и самоходно-артиллерийских соединений. Однако было найдено средство повышения проходимости танков и САУ, преодоления ими различного рода препятствий, в том числе минно-взрывных. Для движения танковых и механизированных войск по бездорожью, прокладки колонных путей широко применялись танки Т-34, КВ, на которых конструировались дополнительные баки для горючего и воды, крепились различные буксирные приспособления, траки, самовытаскиватели, заготовлялись фашины, специальные коврики.

Военный совет Дальневосточного фронта в директиве указывал: «При обучении войск наступательному бою добиться, чтобы войска умели вести наступательный бой с прорывом сильно укреплённых полос противника, вести манёвренный бой с обходом его оборонительных полос по бездорожью с выходом на коммуникации с целью окружения и уничтожения»[11]. Навыки использования механизированными частями и соединениями средств переправы отрабатывались в специально построенных городках, представляющих собой паромную пристань и площадку, равную парому.

Для авиационных соединений, постоянно дислоцирующихся на Дальнем Востоке, подготовительный период к предстоящим боевым действиям длился около трёх месяцев, а для прибывших из европейской части страны – от 15 до 30 дней. За это время воздушные армии пополнились не только новыми самолётами, но и техническим персоналом. Были также подготовлены запасные и скрытые аэродромы[12].

В подготовке к боевым действиям учитывалась особенность предстоящей военной операции – совместные действия СССР и Монгольской Народной Республики. Командиры двух союзных армий совместно готовили личный состав к проведению предстоящих операций, проводили совместные учения, на которых отрабатывалось взаимодействие различных родов войск т.д.[13] Большие и малые тактические учения, проводившиеся в суровых природных условиях Дальнего Востока, с отрывом подразделений от мест расквартирования закаляли войска, приучали их к выносливости, решительным наступательным действиям в горно-таёжной и болотистой местности[14].

Наряду с воинскими соединениями Дальневосточного фронта, осуществлялась интенсивная боевая подготовка на Тихоокеанском флоте и в Амурской военной флотилии под лозунгом «Опыт войны – в основу боевой подготовки». Переходы кораблей морем, учебные стрельбы, минные постановки и другие задачи осуществлялись в условиях ночи, тумана, штормов. Моряками отрабатывались навыки, необходимые для действия в сложной боевой обстановке сухопутного боя: метание гранаты, подрыв дотов и дзотов, стрельба из автоматов[15].

В частях и соединениях Тихоокеанского флота и Краснознамённой Амурской флотилии (КАФ) изучались опыт обороны Ханко, Одессы и Севастополя, высадки морских десантов в Феодосию и в район Керчи (декабрь 1941 г.), в Новороссийский порт (сентябрь 1943 г.) и других боевых операций. На кораблях КАФ были созданы папки «Боевого опыта Отечественной войны» по различным специальностям. Изучалось также взаимодействие с сухопутными войсками; большое внимание уделялось изучению новых образцов вооружения. Все учения кораблей, частей и соединений, а также совместные манёвры с сухопутными войсками проходили в обстановке, приближенной к боевой, в любую погоду, как этого требовал опыт войны.

В 1944 г. было проведено 286 совместных командно-штабных тренировок и специальных учений руководящего состава Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Отрабатывалось управление частями и подразделениями, создание заграждений и тактика ведения боя с силами противника во взаимодействии с подводными лодками и торпедными катерами с одновременной огневой поддержкой авиации и сухопутных сил[16].

В 1945 г. Военный совет Краснознаменной Амурской флотилии провел двустороннюю оперативную игру «Содействие наземным войскам в наступательной операции вдоль водного рубежа с форсированием укрепленного водного рубежа и уничтожением флотилии противника», что свидетельствовало о выбранном наступательном направлении в подготовке войск[17].

На Тихоокеанском флоте, в свою очередь, отряд легких сил во взаимодействии с подводными лодками, морской авиацией и торпедными катерами отрабатывал тактику ведения боя в открытом море. Соединения, корабли и части флота провели оперативную игру «Высадка оперативного десанта и огневое содействие флангу Приморской армии», где подразделения и части морской пехоты приобретали навыки десантирования[18].

Таким образом, в войсках Дальневосточного фронта за короткий срок была проведена исключительно большая работа по боевой подготовке войск к предстоящей наступательной операции. В основу обучения войск был положен боевой опыт, накопленный за период Великой Отечественной войны, предполагавший выработку умений вести наступательный бой с прорывом сильно укрепленных полос противника, вести маневренный бой с обходом его оборонительных полос по бездорожью с выходом на коммуникации с целью окружения и уничтожения. В результате напряженной учебы личный состав войск фронтов получил хорошую подготовку по ведению наступательных действий

в исключительно трудных и своеобразных условиях местности Дальневосточного региона.

Примечания

[1] *Внотченко Л. Н.* Победа на Дальнем Востоке. М., 1971. С. 138.
[2] Там же. С. 140.
[3] *Гареев М. А.* Общевойсковые учения. М., 1983. С. 125–126.
[4] ЦАМО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 2. Кор. 10944. Л. 32 об.
[5] Там же. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 3. Кор. 10556. Л. 50; Д. 1. Кор. 10556. Л. 45.
[6] *Омельчак В. П.* Особенности подготовки Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 года // Дальневосточники во Второй мировой войне. Благовещенск, 2011. С. 8.
[7] Я дрался с самураями. От Халкин-Гола до Порт-Артура. М., 2005. С. 290.
[8] *Внотченко Л. Н.* Указ. соч. С. 141.
[9] ЦАМО. Ф. 60809. Оп. 36147. Д. 3. Кор. 7520. Л. 4–4 об.
[10] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1984. С. 409; История Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 557; *Шикин И. В., Сапожников Б. Г.* Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975. С. 85–87.
[11] ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1583. Д. 34. Л. 112–113; *Фомина Н. В.* К вопросу о подготовке СССР на Дальнем Востоке к войне с Японией 1945 года // Сб. статей адъюнктов и соискателей ХПИ ФСБ России. Хабаровск, 2007. С. 22.
[12] Там же. С. 22.
[13] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1983. С. 510–511.
[14] *Внотченко Л. Н.* Указ. соч. С. 76.
[15] *Багров В. Н.* Краснознаменная Амурская флотилия. М., 1976. С. 122–123; Красно-знаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. С. 139.
[16] *Ткачёва Г. А.* Стратегическое развертывание Вооружённых Сил СССР на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг. // Уроки Второй мировой войны и современность: Мат. Межд. науч.-практ. конфер. М., 2011. С. 61.
[17] *Багров В. Н.* Указ. соч. С. 127.
[18] *Внотченко Л. Н.* Указ. соч. С. 143.

Г. А. Ткачева,
доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

Война на Востоке: Дальневосточные рубежи в обеспечении обороноспособности СССР

Аннотация

В статье на основе архивных материалов проанализированы основные направления обеспечения безопасности Дальневосточного региона СССР. Выявлено, что в связи с агрессивными планами Японии только в 1939–1945 г. Дальнему Востоку СССР нанесен ущерб (без учета затрат военных и специальных структур) почти в 5 млрд руб. в неизменных ценах 1926/27 г. Токийский и Хабаровский военные трибуналы установили, что главные японские преступники нарушили международное право, договоры и соглашения, развязали агрессивные войны против других стран и совершили тягчайшее преступление против человечества. Выполняя важнейшие общегосударственные задачи, Дальневосточный регион изменил геополитические параметры безопасности СССР в Азии.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, Советско-японская война 1945 г., оборонный потенциал, безопасность.

G. A. Tkacheva,
Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoplesof the Far East FEB RAS, Vladivostok

War in the East: Far Eastern borders in providing defense of the USSR

Abstract

The article on the basis of archival materials analyzed the main areas of ensuring the security of the Far Eastern region of the USSR. It was revealed that in connection with Japan's aggressive plans, only in 1939–1945 the Far East of the USSR suffered damage (excluding the costs of military and special structures) of almost 5 billion rubles. in constant prices 1926/27. The Tokyo and Khabarovsk military tribunals found that the main Japanese criminals violated international law, treaties and agreements, launched aggressive wars against other countries and committed the gravest crime against humanity. Fulfilling the most important national tasks, the Far Eastern region changed the geopolitical parameters of the security of the USSR in Asia.

Keywords: Far East of the USSR, Soviet-Japanese war of 1945, defense potential, security, local air defense.

В годы Второй мировой войны Япония последовательно претворяла радикальную националистическую идею создания «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания». Секретные стенограммы заседаний японского правительства и императорской ставки свидетельствовали, что Япония не собирались следовать положениям пакта 1941 г. о нейтралитете с СССР. В 1941–1945 гг. было зафиксировано 923 случая нарушения сухопутной границы, 206 – вторжения в территориальные воды СССР, 433 – нарушения воздушного пространства, 116 – обстрелов территории, советских пограничников, судов и отдельных граждан. Японские военно-морские силы задержали 189 советских торговых судов и потопили достоверно 5 судов[1]. Оккупация Маньчжурии, создание государства Маньчжоу-го и вторжение в Китай рассматривались как необходимый элемент подготовки к войне с Советским Союзом.

Дальневосточный регион являлся весьма уязвимой территорией. Его безопасность поддерживалась в соответствии с основными положениями советской военной доктрины активной обороны, предполагавшей не только отражение агрессии противника, но и разгром его воинских формирований в случае военных действий. Созданная система пограничного контроля противостояла провокациям на советско-маньчжурской границе и Тихоокеанском побережье СССР.

Решение Советского Союза о вступлении в войну с Японией изменило военно-стратегическую ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сложившаяся на Дальнем Востоке ситуация приближалась к военным условиям. Началась мобилизация военнообязанных всех возрастных категорий. Особенно она затронула призывников 17–20 лет, затем 21–25 лет и лиц в возрасте 41–50 лет. В части ВМФ были мобилизованы практически все состоявшие на данном виде учёта по военкоматам региона. Если в начале 1945 г. отсрочку от мобилизации на Дальнем Востоке имели 114,4 тыс. военнообязанных, то на 1 июня 1945 г. – 75,4 тыс.[2]

Для усиления дальневосточной военной группировки с европейской территории СССР прибыло свыше 403 тыс. военнослужащих, около 275 тыс. единиц стрелкового оружия, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и самоходных артиллерийских установок, около 17,4 тыс. грузовых автомашин и 1,5 тыс. тракторов и тягачей, свыше 36 тыс. лошадей. Численность личного состава группировки войск увеличилась с 1185 тыс. до 1747 тыс. чел.[3]

Дислокация на Дальнем Востоке дополнительного воинского контингента являлась, с одной стороны, стимулом для развития жизнеобеспечивающих отраслей, а с другой – дополнительным бременем для ограниченных региональных ресурсов. В январе 1945 г. Центральный комитет ВКП(б), заслушав доклады первых секретарей Хабаровского и Приморского краевых комитетов партии Г. А. Боркова и Н. М. Пегова, принимает решения об оказании материально-технической помощи основным оборонным предприятиям Дальнего Востока, прежде всего угольно-энергетической, нефтедобывающей и перерабатывающей, судоремонтной и металлообрабатывающей промышленности, а также линиям коммуникационного сообщения.

Задачи функционирования военно-оборонных предприятий и стратегического развёртывания Дальневосточной группировки войск решались путём взаимодействия всех звеньев транспортной системы общесоюзного и регионального назначения. Силами местного населения и военнослужащих осуществлялось строительство по временной схеме (с превышением допустимых технических нормативов) линий военного назначения, технологических линий ведомственного подчинения для обеспечения сквозного движения по стратегическим и оперативным направлениям.

В связи с предстоящими военными действиями особое внимание уделялось функционированию системы лечебно-профилактических учреждений. С особой тщательностью контролировалась санитарно-эпидемиологическая ситуация на Дальнем Востоке и на сопредельных территориях, стремясь не допустить в регионе эпидемии и эпизоотии. Так, в конце февраля 1945 г. в приграничных поселках Маньчжурии напротив Хасанского района зафиксированы случаи заболевания местного населения брюшным тифом. Заболевших выявили и во Владивостоке, Уссурийске, Сучане, Артеме, Калининском, Тернейском, Тетюхинском, Молотовском районах Приморского края[4].

Состояние местной противовоздушной обороны неоднократно проверялось комиссиями НКВД, ведомственными наркоматами, партийными и советскими структурами, увеличивалась численность личного состава. Особые отделения готовились к ликвидации неразорвавшихся бомб и разминированию объектов. Принимались меры по усилению охраны военных объектов, промышленных предприятий и транспортных коммуникаций, урожая колхозов и совхозов.

В связи с началом военных действий с ноля часов 9 августа 1945 г. на территории Дальнего Востока СССР вводилось военное положение: устанавливался особый порядок управления и судопроизводства, ограничивалось передвижение гражданских и военных лиц, а признанных социально опасными – выселяли из населенных пунктов. По приказу военного командования в регионе вводился режим светомаскировки, на всех дорогах осуществлялась проверка документов военных и гражданских лиц, на предприятиях и учреждениях установлено круглосуточное дежурство руководящих работников, организовано дежурство в жилом секторе.

С целью уменьшения видимости особо важных сооружений осуществлялась частичная окраска их в темные цвета. Так, на объектах Дальневосточной железной дороги было окрашено 203 здания, аналогичная работа была проведена на заводах Хабаровска. Составленные ранее проекты сложных работ по технической маскировке промышленных предприятий и возведению ложных объектов не выполнялись в силу быстротечного характера военных действий[5].

Введение военного положения не вызвало у дальневосточников паники и растерянности. На многочисленных митингах и собраниях поддерживалось решение советского правительства об объявлении войны Японии. «…Не может быть мирной и спокойной жизни у нашего народа, когда соседом является такой злобный и коварный враг как фашистская Япония», «…Мы ничего не забыли, помним все каверзные проделки японцев здесь у нас на Дальнем Востоке. Настал час расплаты», «…Японский агрессор будет полностью разгромлен объединенными усилиями СССР, Англии, Америки и Китая. Народы Востока будут спасены от ига японских империалистов и недалек тот день, когда восторжествует мир во всем мире», – отмечалось в резолюциях[6].

О призыве в ряды Красной армии и немедленной отправке на фронт поступило, по неполным сведениям, 3 тыс. заявлений от добровольцев Приморья, 800 – Приамурья[7]. В основном это была молодежь (среди них много девушек), имеющая военные специальности и стремящаяся «…быстрее разбить подлого врага и продолжить нашу спокойную, красивую жизнь, которой мы жили до войны»[8].

Для охраны общественного порядка и безопасности в Хабаровске привлекли 8295 чел., в Комсомольске-на-Амуре – 1242[9]. Во Владивостоке охраняли наиболее важные объекты и порядок на улицах не менее 2,5 тыс. коммунистов и комсомольцев, 40 военных патрулей по три человека контролировали соблюдение военного положения в городе. Проверялись все чердаки, полуподвальные и подвальные помещения на наличие посторонних лиц[10].

С помощью специальных розыскных мероприятий удалось выявить военно-стратегические планы Японии, нейтрализовать деятельность иностранных разведок и обеспечить защиту основных оборонных объектов на Дальнем Востоке СССР. Расчеты противопожарных, медико-санитарных, аварийно-восстановительных подразделений и подразделений управления местной противовоздушной обороны привели в состояние повышенной готовности. К августу 1945 г. в Хабаровском крае возвели более трех десятков командных пунктов, 449 убежищ и 4446 укрытий полевого типа вместимостью 195 478 чел. В дни войны с Японией дополнительно оборудовали 2611 м щелей и приспособили под укрытия более 800 сооружений вместимостью 91 443 чел., оборудовали 278 водоемов на 14 642 куб. м воды. Только в Хабаровске создали 113 групп самозащиты и 52 поста МПВО, 546 санитарных постов и 12 санитарных дружин, 407 противопожарных постов и 15 дружин[11].

На 1 января 1945 г. во Владивостоке было выстроено 2303 убежища на 60,9 тыс. чел., в том числе 39 убежищ первой и второй категории на 4,2 тыс. чел., 2231 м щелей на 53,3 тыс., 23 землянки на 3,2 тыс. чел. В процессе строительства находилось ещё 33 объекта, включая командный пункт-бомбоубежище для 8 тыс. руководящих работников Приморского края[12].

Из Владивостока в пригород эвакуировали 32–35 тыс. чел. (16 тыс. детей), которых разместили в пионерских лагерях, детских садах и незначительную часть – в частном секторе. Для их снабжения на склады завезли 39,5 тыс. т продуктов (жиры, консервы, сахар, крупа, кондитерские изделия), ежедневно выпекалось 13 т хлеба в пекарнях. В целом эвакуация населения проводилась организованно, хотя имелись случаи, когда детей и матерей с грудными младенцами отправляли, не проинформировав о месте размещения, в первой попавшейся машине без сопровождения, запаса воды и продуктов[13].

В боевых условиях подразделения управления местной противовоздушной обороны не были задействованы, лишь аварийно-восстановительные службы привлекались для выполнения заданий военного командования. В частности, восстанавливали разрушенные артобстрелом линии связи на ст. Иман Приморской железной дороги, в Благовещенске оборудовали переправы через Амур, проводили ремонт причала, обвалившегося во время переправы танков, участвовали в эвакуации раненых и обслуживали госпитали[14].

Поддержанию социально-политической стабильности в регионе уделялось повышенное внимание. В агитационно-массовой работе использовались факты провокаций японцев на дальневосточных границах, пропагандировался ратный подвиг участников событий на Хасане и Халхин-Голе, советского народа в годы Великой Отечественной войны. Проводились лекции на темы «Япония – злейший враг советского народа», «Маньчжурский плацдарм для нападения на СССР», «Японский новый порядок в Восточной Азии», «Зверства японской военщины». Только во Владивостоке было издано 34 тыс. лозунгов и 600 больших плакатов, в Хабаровске провели 1,6 тыс. бесед и разослали 183 тыс. экземпляров агитационных материалов, разъясняющих цели войны СССР с Японией, правила поведения в условиях военного времени[15].

Официальная информация сопровождалась слухами – японские войска наступают, перерезали дальневосточную магистраль, самолеты разбомбили Спасск, Гродеково, Иман, дважды бомбили Владивосток, фиксировались высказывания пессимистического характера о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции[16].

Население, высоко оценивая мощь советской группировки войск, сосредоточенной на восточных рубежах СССР, опасалось начала военных действий на территории Дальнего Востока. В связи с невозможностью работы в ночное время из-за введения светомаскировки рабочий день на дальневосточных предприятиях продолжался только в световое время (с 6 до 18 час.) и многие встали на стахановские вахты. «…Будем достойными героических подвигов бойцов и командиров действующей Красной армии!», «Хлеб – оружие победы!», «И колос, как штык, врага колет!» – такие призывы звучали в трудовых коллективах.

Железнодорожники восточных магистралей осуществляли воинские перевозки не только по дорогам Дальнего Востока, но и Маньчжурии. Так, бригада паровоза во главе с Михаилом Романюком из депо Ворошилов-Уссурийский передвигала бронепоезд, бригада машиниста Ружинского депо Еремеева под огнем противника прикрепила локомотив к составу и благополучно доставила поезд к месту назначения.

С первого дня боевых действий речники Амура помогали Амурской Краснознаменной флотилии в перебазировании войск. Несмотря на трудности светомаскировки, скопление многих судов на небольших участках, высадка на правый берег Амура прошла без единой аварии. Пароход «Ереван» под руководством Д. Т. Сошникова за время боев, отражая вражеские налеты, доставил до полутора десятков караванов. Коллективы пароходов «Омск», «Батуми», «Донбасс» участвовали в высадке десантов на южную часть Сахалина. По постановлению ГКО 90 промысловых судов Приморья, краболовы, 18 сейнеров с баржами, 58 кавасаки рыбокомбинатов, буксирные катера и транспортные суда вместе с экипажами выполняли распоряжения Военных советов фронтов. Рыбаки сахалинских комбинатов под огнем противника доставляли оружие и боеприпасы[17].

В десантных операциях в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах участвовало более 35 судов Дальневосточного пароходства, проявляя мужество и мастерство. В районе нефтебазы г. Владивосток 18 августа 1945 г. экипаж танкера «Таганрог» сбил японский самолет. Доставляя десантников в район боевых действий порта Расин и Сейсин, пароходы «Сучан», «Ногин» подорвались на минах, «Невастрой» был атакован авиацией противника, и только выдержка экипажей позволили выполнить поставленную задачу. За образцовое выполнение заданий и проявленные при этом доблесть и мужество 282 работника Дальневосточного пароходства были награждены орденами и медалями[18].

В дни войны с Японией окрепла связь дальневосточников с воинами. Свыше 1100 сандружинниц и 58 медицинских сестер Амурской области работали в госпиталях и санитарном поезде г. Куйбышевка–Восточная, Свободный, в Тамбовке, дежурили в палатах, ухаживали за ранеными, писали для них письма, читали газеты. Молодежь Еврейской автономной области для воинских частей за пять дней выстирали 35 тыс. пар белья, собрали для раненых бойцов 12 т овощей, 1 тыс. яиц, 120 кг меда. От тружеников Сахалинской области раненым бойцам и командирам было вручено 280 ящиков с подарками весом 40 т[19].

Приморцы передали госпиталям, расположенным близ Владивостока, 3 т картофеля, 2,2 тыс. кг капусты, 1,35 т овощей, 480 л молокопродуктов, 1030 шт. яиц, 27 кг мёда, 50 кг мяса, 95 пачек сигарет, 150 шт. карандашей и 20 шт. тетрадей, 30 шт. графинов, 57 шт. стаканов, 98 шт. тарелок, 300 коробок спичек, 10 флаконов одеколона, 2,5 тыс. руб. Для обустройства собрали 175 комнатных цветов и поставили свежие букеты[20].

В одном из писем, подписанном 17 ранеными бойцами и офицерами, сообщалось: «…Ваши подарки, дорогие шефы, показывают единство фронта и тыла, которое является источником силы Красной армии. Мы, воины 2-го Дальневосточного фронта, с честью выполнили долг перед Родиной … Ваше внимание и забота имеют большое значение в нашем выздоровлении и возвращении в строй»[21].

Большого размаха получило донорское движение. Только жители Владивостока сдали 854 л крови. В полном составе явились на станцию переливания крови члены первичной организации Красного Креста завода «Металлист» и судоверфи, донорами стали 148 комсомолок Дальзавода. В Партизанске был организован 51 санитарный пост, создан донорский пункт, где в списках желающих сдать свою кровь раненым бойцам значилось более 800 чел.[22]

Принимая обоснованное в правовом отношении решение, советское правительство преследовало гуманные цели: приблизить окончание Второй мировой войны, оказать помощь населению Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе, восстановить исторические права на отторгнутые территории и обезопасить восточные рубежи страны. Ратный подвиг воинов-дальневосточников был высоко оценен. Более 308 тыс. воинов наградили орденами и медалями СССР, 87 – присвоено звание Героя Советского Союза, 6 – получили вторую медаль «Золотая звезда». За проявленный массовый героизм свыше 300 соединений, частей и кораблей были удостоены орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Невского, Отечественной войны и Красной Звезды, 220 получили почетные наименования Хинганских, Амурских, Уссурийских, Харбинских, Мукденских, Порт-Артурских, Сахалинских, Курильских. Медалью «За победу над Японией» наградили всех участников Советско-японской войны[23].

Дискурс дальневосточного социума определялся атмосферой военного времени, пониманием происходящих событий. В 1946 г. Госплану СССР были предоставлены сведения в натуральном и ценностном выражении о материальном ущербе и вынужденных расходах, связанных с агрессией Японии и военными действиями на Дальнем Востоке СССР в 1918–1945 гг. Только за 1939–1945 гг. (без учета затрат военных и специальных структур) ущерб определяется почти в 5 млрд руб. в неизменных ценах 1926/27 г. в рамках утраченных социально-экономических возможностей в связи с агрессивными планами Японии[24].

Токийский и Хабаровский военные трибуналы установили, что главные японские преступники нарушили международное право, договоры и соглашения, развязали агрессивные войны против других стран и совершили тягчайшее преступление против человечества. Выполняя важнейшие общегосударственные задачи, Дальневосточный регион изменил

геополитические параметры безопасности СССР в Азии. Стратегическое развёртывание сухопутных формирований и соединений военно-морского флота, их количественный и качественный состав явились определяющим фактором для формирования геополитической ситуации в послевоенное время.

Примечания

[1] Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Т. 18 (7–1). М., 1997. С. 24–25.
[2] ЦАМО. Ф. 238. Оп. 1585. Д. 271. Л. 107, 178, 241, 251; Д. 326. Л. 108, 119 (подсчит авт.).
[3] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 593.
[4] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 11. Л. 30.
[5] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 208. Л. 64;.Д. 210. Л. 35об.
[6] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 9; Оп. 35. Д. 20. Л. 252.
[7] Там же. Оп. 35. Д. 20. Л. 249; Д. 12. Л. 43; Тихоокеанская звезда. 1945. 14 авг.
[8] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 12. Л. 42.
[9] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 36об.
[10] ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1030. Л. 24–26, 45, 57.
[11] ГАХК. Ф. П-30. Оп. 2. Д. 229. Л. 3, 10; Оп. 3. Д. 210. Л. 34, 36, 36об, 77об; Ф. 1501. Оп. 2. Д. 10. Л. 105, 106; Д. 11. Л. 21.
[12] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 56. Л. 58, 59; Д. 63. Л. 170.
[13] Там же. Оп. 35. Д. 12. Л. 39.
[14] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 210. Л. 37, 78.
[15] Там же. Д. 208. Л. 61.
[16] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 426. Л. 13.
[17] Там же. Д. 210. Л. 48; Оп. 34. Д. 86. Л. 92.
[18] Там же. Оп. 35. Д. 20. Л. 254–257.
[19] ГАХК. Ф. 617. Оп. 1. Д. 227а. Л. 43об; Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 71–73.
[20] ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 195. Л. 10, 11.
[21] ГАХК. Ф. 546. Оп. 3. Д. 16. Л. 72.
[22] ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 2. Д. 834. Л. 30, 33, 34, 36.
[23] Победа на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 430–456, 511.
[24] ГАХК. Ф. 353. Оп. 5. Д. 1. Л. 13, 17; ГАПК. Ф. 510. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 (подсчит. авт.).

Б. Б. Кондратенко,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток

Провокационные нарушения государственной границы СССР на Дальнем Востоке в период действия Пакта о нейтралитете с Японией (1941–1945 гг.)

Аннотация

В статье на основании источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются провокационные действия Квантунской группировки войск на Дальневосточной границе СССР в период действия советско-японского Пакта о нейтралитете. Эти действия являлись грубейшим нарушением договора, что и стало основанием для его денонсации в 1945 г. Автором приводятся сведения о дипломатических нарушениях Пакта и ведении политики двойных стандартов в отношении Германии.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Пакт о нейтралитете, советско-японские отношения, Дальний Восток, граница, пограничные войска.

B. B. Kondratenko,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

Armed violations of Soviet–Japanese neutrality 1941–1945

Abstract

The article examines the provocative actions of the Kwantung group of troops on the Far Eastern border of the USSR during the period of the Soviet-Japanese Neutrality Pact on the basis of the sources first introduced into scientific circulation. It was determined that these provocations were a gross violation of the treaty of neutrality. It provides information about diplomatic violations of the pact and the conduct of a policy of double standards towards Germany by Japan. These violations became the basis for the denunciation of the Neutrality Pact in 1945.

Keywords: World War II, the Neutrality Pact, Soviet-Japanese relations, Far East, border, border troops.

В отечественной историографии события, происходившие на Дальнем Востоке в 1941–1945 гг., недостаточно изучены. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией исследовался главным образом в рамках дипломатической истории. В коллективном труде «История дипломатии» рассматриваются аспекты

его заключения, особенности действия[1]. В. П. Зимонин рассматривал Пакт о нейтралитете с точки зрения оценочных суждений и фальсификации истории, исследовал причины расторжения договора и сравнивал его действия с аналогичными договорами, которые Советский Союз заключал с другими странами[2]. А. А. Кошкин раскрыл геополитические аспекты заключения Пакта[3], отдельные страницы посвящены его дипломатическим нарушениям. Военные нарушения Пакта о нейтралитете и их влияние на безопасность Дальнего Востока в литературе практически не освещались.

В 1930-е гг. на дальневосточных рубежах было развернуто крупномасштабное военно-стратегическое строительство плацдарма для наступательных действий на советскую территорию. После захвата территории Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-го Япония неоднократно принимала и дорабатывала агрессивные планы начала военных действий. Регулярно их изменяла в соответствии с оперативной и геополитической обстановкой. В результате изменения военных доктрин отрабатывались тактические удары по Советскому Союзу. В итоге к концу 1930-х гг. на дальневосточных рубежах сформировалась ярко выраженная угроза безопасности СССР. Параллельно сформировалась и угрозы на Западных рубежах. В условиях нарастающих угроз Внешняя политика СССР была направлена на сохранение мира. В результате была сделана ставка на заключение договоров о ненападении с фашисткой Германией и нейтралитете с милитаристской Японией.

13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был заключен Пакт о нейтралитете. Стороны обязывались поддерживать мирные деловые отношения и уважать территориальную целостность и неприкосновенность границ. В Пакте указывалось что «в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта». Пакт был заключен сроком на пять лет. Он мог быть разорван в одностороннем порядке не менее чем за год до окончания срока действия договора. К Пакту прилагалась секретное соглашение, согласно которому СССР признавал Маньчжоу-го и обязывался уважать его территориальную целостность и неприкосновенность, а Япония признавала Монгольскую Народную Республику и принимала аналогичные обязательства. Япония соглашалась ликвидировать концессии на Северном Сахалине[4]. За 1941 г. было зафиксировано 765 случаев нарушения границы, 19 случаев обстрела советской территории и мирного населения, проживающего в непосредственной близости к государственной границе, 15 случаев обстрела пограничных нарядов, 3 случая вооруженного захвата и удержания территории с применением вооруженных диверсионно-разведывательных групп, 8 случаев нарушения правил плавания и обстрела пограничных катеров, 16 случаев авиаобстрела территории. Было выявлено 246 разведчиков, перешедших границу СССР. Действия Японии носили характер проверки охраны дальневосточных рубежей[5].

В 1942 г. на участке границы Хабаровского округа увеличилось количество лиц, перешедших границу. В приграничной полосе было выявлено 95 разведчиков. Они подключались к пограничным линиям связи, выявляли стратегическую информацию, отслеживали дислокацию пограничных отрядов, производили топографическую съемку местности, составляли плансхемы расположения транспортных коммуникаций[6].

Зафиксировано 39 случаев авиационных налетов с целью проведения разведывательных мероприятий, самолеты удалялись до 60 км в глубь советской территории и производили фотосъемку, 5 случаев обстрела территории, 1 случай захвата в плен мирного населения, 2 случая нарушения границы военнослужащими сопредельной стороны. Было задержано 573 нарушителя государственной границы, из них 128 переходили границу в составе организованных вооруженных диверсионно-разведывательных групп[7].

Аналогичным образом с провокационными целями нарушалась граница и в Приморском округе. Наибольшая активность наблюдалась на участке 58-го Гродековского пограничного отряда, где находился контрольно-пропускной пункт на станции Гродеково на КВЖД. Приоритетным направлением для прово-

Нарушения государственной границы СССР в Приморском пограничном округе НКВД СССР в 1942 г.

№ отряда и название	Обстрел нашей территории	Обстрел пограничных нарядов	Переброска литературы	Повреждение пограничных знаков	Нарушение воздушной границы	Нарушение военными судами	Диверсии на ж/д транспорте	Нарушение рыболовецкими судами
57 Иманский	2	н/св	4/9	н/св	н/св	2	н/св	н/св
69 Ханкайский	1	н/св	н/св	2	н/св	6	1/2	н/св
58 Гродековский	4	4	5/7	3	1	22	н/св	4
59 (Посьетский) Хасанский	н/св	н/св	19/99	1	н/св	7	н/св	н/св
60 Магаданский (морской)	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	2/3	н/св
62 Владивостокский (морской)	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	2	н/св
Итого	7	4	28/115	6	1	39	3/5	4

Источник: ЦПА ФСБ России. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 130.

каций являлся и участок границы, входивший в сферу ответственности 69-го Ханкайского погранотряда. Этот участок Приханкайской низменности и о. Ханка хорошо просматривался, что позволяло спланировать провокационные действия (см. табл. 1).

В 1943 г. на сухопутном участке границы Приморского округа было зафиксировано 3 боевых столкновения. На участке пограничной заставы «Хунчун» 59-го Хасанского отряда 6 июля 1943 г. пограничный наряд нарвался на вооруженную группу военнослужащих сопредельной стороны, пограничники отступили до прибытия подкрепления. Для ликвидации возникшей угрозы прибыла тревожная группа, в ходе боевого столкновения противник был выбит с пределов советской территории. 26 июня 1943 г. пограничным нарядом на участке пограничной заставы «Грушевая» 69-го Ханкайского пограничного отряда была обнаружена диверсионная группа, занявшая советскую территорию. На участке пограничной заставы «Полковница» 58-го погранотряда было зафиксировано боевое столкновение. Для ликвидации военной угрозы были задействованы силы войскового прикрытия Красной армии[8].

На водном участке границы также происходили регулярные нарушения с вооруженным сопротивлением и захватом отдельных островов. В 1939 г. на о. Кутузова р. Амур произошло боевое столкновение с вооруженной группой катеров сопредельной стороны, стремившихся вести оперативное наблюдение за советскими пограничными подразделениями, захватить остров и осуществлять контроль на акватории реки. На острове расположился боевой расчет, который оказывал сопротивление советским пограничным нарядам в течение 5 часов[9].

В 1943 г. в акватории Японского моря было зафиксировано 5 случаев торпедирования, 4 – захвата и конвоирования в акваторию портов, подконтрольных Японии, советских судов, 4 судна были необоснованно задержаны и досмотрены. Всего было зафиксировано 42 случая нарушения морской границы с применением оружия. Из них военными судами 4 случая, рыболовными – 28. Подобные действия были направлены на срыв поставок стратегических грузов для СССР[10].

В 1944 г. на территории Хабаровского округа был зафиксирован 1 случай захвата острова на р. Уссури, обстрел территории с сопредельной стороны; на морском пространстве – 4 случая обстрела пограничных катеров, 64 – захода боевых кораблей в советские территориальные воды. На концессионных предприятиях выявили подготовку резервистов для проведения диверсий на территории СССР, 3 случая разведки со стороны работников концессионных предприятий. В первой половине 1945 г. был зафиксирован случай обстрела пограничного наряда на участке 78-го погранотряда пограничной заставы «Бурея»[11].

Боевые столкновения в 1939–1945 гг. носили характер организованного вооруженного нападения. В случае, когда пограничные войска не имели возможности самостоятельно отразить агрессию, привлекались войска прикрытия границы Красной армии. На каждое вооруженное нарушение границы составлялся рапорт, который подавался в Главное управление пограничных войск и Народный комиссариат иностранных дел. В рапорте отражалось обстановка на границе, давалась оценка ситуации, причины возникновения угрозы, излагались решения, принятые начальствующим составом округа, отряда или заставы в зависимости от масштаба агрессивных действий. Составлялись план-схема участка, где произошло боевое столкновение, и основание для привлечения к отражению агрессивных действий других подразделений пограничных войск или группы войскового прикрытия границы Красной армии[12].

Боевые столкновения с участием вооруженных сил являлись по факту пограничными конфликтами и поводом для разрыва Пакта о нейтралитете 1941 г., но, чтобы сохранить действие договора, статус конфликта им не присваивался.

В период действия Пакта о нейтралитете Япония оказывала военную и политическую помощь Германии. 18 января 1942 г. между Германией, Италией и Японией было заключено военное соглашение, в котором были разграничены территории для ведения войны, Японии отводилась территория Сибири и Дальнего Востока СССР. В январе 1943 г. Япония, Италия и Германия заключили секретное экономическое соглашение, в результате которого Япония поставляла Германии каучук и цветной металл. В сентябре 1943 г., после капитуляции Италии, Япония и Германия подписали протокол о действии условий тройственного Пакта. Этим протоколом Япония нарушала Пакт о нейтралитете, официально вела переговоры и выражала потенциальную агрессивную настроенность по отношению к СССР[13].

К 1945 г. соблюдение Пакта о нейтралитете потеряло актуальность. Япония являлась союзником Германии, которая развязала против СССР военные действия. Милитаристская Япония вела войну с США и Великобританией, которые являлись союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Таким образом, каждая из участвующих сторон оказалась втянута в военные действия, против союзников Японии и СССР. Действующий Пакт регулярно нарушался Японией. Учитывая все нарушения и изменившеюся геополитическую обстановку, советское правительство имело все основания рассматривать Японию и Маньчжоу-го как враждебное государство. В результате 5 апреля 1945 г. В. Молотов сообщил послу Японии в Москве Н. Сато, что в соответствии с действующим соглашением о нейтралитете одна из сторон может разорвать Пакт в одностороннем порядке. 13 апреля 1945 г. Пакт о нейтралитете официально был денонсирован и утратил свою юридическую силу. Советский Союз стал открыто готовиться к ведению боевых действий.

Примечания

[1] История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1975. С. 146.

[2] *Зимонин В. П.* Пакт о нейтралитете с Японией. Дипломатическая история // Военно-академический журнал. 2014. № 1. С. 145.

[3] *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина: От Цусимы до Хиросимы. М.: Вече, 2012.
[4] Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией // Документы внешней политики Т. XXIII. Ч. 2. М., 1998. С. 565, 566.
[5] Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ России). Ф. 220. Оп. 1. Д. 671. Л. 154, 156, 200; Д. 176. Л. 67; Д. 177. Л. 13.
[6] Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.
[7] Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 22, 86, 87, 89.
[8] Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 242.
[9] Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 165. Л. 129.
[10] Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 170.
[11] Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 128. Л. 10, 12; Д. 178. Л. 78.
[12] Там же. Д. 673. Л. 11.
[13] История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1975. С. 397–399.

Е. Л. Катасонова,
доктор исторических наук Центр японских исследований Института востоковедения РАН

О репатриации на родину японских военнопленных: завершающий этап

Аннотация
Гуманитарные вопросы, связанные с пребыванием японских военнопленных в советском плену после окончания Второй мировой войны, являются составной частью проблемы послевоенного урегулирования отношений между Россией и Японией. Впервые к их решению на межгосударственном уровне обратились в 1955–1956 гг. на советско-японских переговорах, результатом которых стала амнистия всех заключенных в СССР японских военнопленных и их отправка на родину. В состав группы последних японских репатриантов входили и основные фигуранты Хабаровского процесса 1949 г., осужденные за разработку бактериологического оружия.
Ключевые слова: японские военнопленные, репатриация, советско-японская декларация 1956 г., Токийский трибунал, Хабаровский процесс, бактериологическое оружие, отряд № 731.

E. L. Katasonova,
Doctor of Historical Sciences The Center for Japanese Studies of the Institute of Oriental Studies of RAS

Repatriation of the Japanese prisoners of war to the homeland: the final stage

Abstract
The humanitarian issues, related to the stay of Japanese prisoners of War in the Soviet captivity after the end of World War, are an integral part of the problem of post-war settlement between Russia and Japan. For the first time our two countries turned to their solution in 1955–1956 at the Soviet-Japanese negotiations, the result of which was the amnesty for all Japanese prisoners of War, imprisoned in the USSR, and sending them to their homeland. The group of the last repatriates included the main defendants in the Khabarovsk Trial, convicted of developing bacteriological weapons.
Keywords: Japanese prisoners of war, repatriation, the Soviet-Japanese declaration of 1956, Tokyo tribunal, Khabarovsk process, bacteriological weapons.

Проблемы, связанные с пленением советскими войсками военнослужащих Квантунской армии на территории Маньчжурии в августе 1945 г. и их дальнейшей отправкой в трудовые лагеря на территорию СССР, а также растянувшейся на целое десятилетие репатриацией на родину, относятся к наиболее сложным и болезненным вопросам в советско-японских и российско-японских отношениях. Их практическое изучение началось лишь в конце 1980-х гг., когда был открыт доступ к архивным документам, долгие годы хранившимся под грифом «совершенно секретно». Именно тогда развернулось широкое обсуждение этой темы в прессе, после чего она стала объектом научных исследований отечественных и зарубежных историков, а затем была внесена в повестку политических переговоров на уровне глав двух государств.

Впервые это состоялось во время официального визита в Японию первого Президента СССР М. С. Горбачева в апреле 1991 г. Тогда японской стороне были переданы списки на 27 800 японцев, умерших и захороненных на территории СССР, а их родственникам было дано разрешение на посещение захоронений. Но, пожалуй, одним из главных итогов визита стало подписание межгосударственного Соглашения о лицах, находящихся в лагерях для военнопленных, на основе которого началось двустороннее сотрудничество в этой гуманитарной области. В том же году в общем потоке развернувшейся в нашей стране реабилитации жертв политических репрессий начался процесс пересмотра судебных решений в отношении граждан Японии, незаконно осужденных во время нахождения в советском плену. Все эти гуманитарные акции были в дальнейшем продолжены и развиты Российской Федерацией как правопреемницей СССР.

Как отреагировали на эти гуманитарные начинания в Японии? Общественные и демократические круги – с большим одобрением и благодарностью, представители государственных структур – молчаливым игнорированием либо очередными обвинениями в адрес нашей страны. В Японии так называемый «сибирский плен» до сих пор не перестает считаться настоящей национальной трагедией, затронувшей в послевоенные годы почти каждую шестую японскую семью. И эта весьма болезненная для японцев тема все послевоенные годы эффективно использовалась правящими кругами страны для нагнетания антисоветских настроений в обществе.

Одновременно с этим судьбы японцев, оказавшихся в советских лагерях, не раз становились предметом крупных политических столкновений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции – СССР и США. Достаточно напомнить о многочисленных словесных баталиях в Союзном Совете для Японии и напряженных дискуссиях в ООН и его Специальной комиссии по военнопленным и т.д., организованных нашими бывшими союзниками-американцами. Суть их сводилась к обвинению советской стороны в сознательном затягивании сроков репатриации на родину японских военнопленных, негуманном обращении с ними в советских лагерях, плохих условиях их труда и быта, высокой смертности, неправомерном судебном преследовании и т.д. И хотя трудно отрицать, что некоторые из этих заявлений имели под собой реальные основания, значительная часть этих акций носила характер политических демаршей в условиях уже начавшейся в те годы холодной войны двух систем.

Репатриация японских военнопленных и гражданских лиц была начата в конце 1946 г. на основании постановления Совета министров СССР от 4 октября 1946 г., выполнение которого было возложено на уполномоченного по делам репатриации генерал-полковника Ф. Голикова. К практической реализации этой задачи вскоре подключился Штаб оккупационных войск, возглавляемый генералом Макартуром. По его инициативе 19 декабря 1946 г. между СССР и США было заключено специальное Соглашение о репатриации японских граждан из Советского Союза и контролируемых им районов, а также о репатриации корейских граждан из Японии на территорию Кореи, расположенную севернее 38-й параллели. В нем, согласно достигнутым двусторонним договоренностям, устанавливалась так называемая репатриационная квота из расчета 50 тыс. человек в месяц. При этом советские представители отвечали за доставку репатриируемых в порты отправления и посадку их на суда. С этого момента Штаб Макартура брал на себя ответственность за доставку репатриантов на родину.

Первое судно с 2555 японцами прибыло в японский порт Майдзуру в конце декабря 1946 г. Однако первый же опыт совместной работы вызвал серьезные нарекания с американской стороны, крайне обеспокоенной неопределенностью численного состава репатриантов, что не позволяло определить временные границы завершения этого процесса. Однако по простым арифметическим подсчетам репатриация японцев из СССР должна была занять немногим больше 1 года, по крайней мере, не более 2 лет с учетом сложных климатических условий.

В реальности этот процесс официально завершился лишь в 1950 г., о чем свидетельствует соответствующее решение правительства от 17 марта 1950 г. и сообщение ТАСС от 22 апреля. В последнем констатировалось, что со времени капитуляции Японии было репатриировано из Советского Союза в Японию 510 409 японских военнопленных, помимо 70 880 человек военнопленных, освобожденных в 1945 г. непосредственно в районе боевых действий. При этом особо отмечалось, что на территории СССР остаются 1487 военнопленных, осужденных и находящихся под следствием за совершенные ими военные преступления, 9 военнопленных, подлежащих репатриации после окончания лечения, и 971 – совершившие тяжкие преступления против китайского народа, которые передаются в распоряжение Центрального народного правительства КНР[1]. В числе последних находилось немалое число сотрудников отряда № 731, производивших страшные опыты над гражданами этой страны с целью разработки бактериологического оружия.

Спустя три года, 10 сентября 1953 г. МВД СССР направило в МИД СССР записку о ходе репатриации, в которой говорилось, что в заключении все еще находится 2378 чел., из них военнопленных 1446 чел.: генералов – 29 чел., офицерского состава – 302 чел., рядового состава – 1055 чел. и гражданских лиц – 932 чел.[2] По мере отбывания наказания их предстояло отправить на родину. Эта работа, начиная с 1953 г., т.е. после завершения оккупационного периода в Японии, перешла в компетенцию национальных комитетов Красного Креста СССР и Японии.

В Японии ожидали, что завершающий этап репатриации из СССР произойдет в конце 1954 – начале 1955 г. Однако процесс растянулся на 1955–1956 гг. Японский Красный Крест с помощью активной поддержки населения страны и парламентариев про-

должал форсировать всеми возможными путями скорейшее освобождение и возвращение на родину своих соотечественников. Теперь по просьбе японской стороны их отправляли в Японию небольшими группами сразу же по мере освобождения из заключения (по окончании срока наказания или досрочно, по состоянию здоровья и т.д.). Таким образом, на конец июля 1956 г. в СССР оставалось немногим более 1 тыс. японцев, которым, судя по вынесенным приговорам, еще предстояло находиться в заключении не менее 10 лет. Речь идет о: 27 японских генералах, 322 офицерах, 695 представителях рядового состава и 473 гражданских лицах[3]. Решение о их досрочном освобождении и возвращении на родину было отложено до общего урегулирования межгосударственных отношений СССР и Японии и окончания двусторонних переговоров. Переговоры продолжались в течение 1955–1956 гг. и завершились подписанием совместной советско-японской Декларации 19 октября 1956 г.[4]

В 5-й статье документа было зафиксировано обязательство советских властей освободить и репатриировать на родину последнюю партию японских военнопленных, осужденных в СССР. Указ Верховного Совета СССР об амнистии японских подданных, осужденных в Советском Союзе, был опубликован сразу же после вступления в силу Декларации 13 декабря 1956 г., и 23 декабря 1956 г. 1040 подданных Японии были отправлены на родину.

Среди последней группы репатриантов были и основные фигуранты Хабаровского процесса, осужденные в 1949 г. советским правосудием за разработку бактериологического оружия, зверства и опыты над гражданским населением, за исключением Ямада Отодзо, освобожденного годом ранее. Активный поиск военных преступников и в особенности лиц, причастных к разработкам бактериологического оружия, развернулся в советских лагерях летом 1946 г. и был связан с Токийским процессом, на котором 4 июня 1946 г. началась фаза обвинения. К тому времени в распоряжении как американских, так и советских военных уже имелись факты, свидетельствовавшие о наличии у Японии бактериологического оружия. Правда, серьезных доказательств было недостаточно. Возможно, этим отчасти и объясняется отсутствие в повестке трибунала соответствующего пункта обвинения.

Но главную причину создавшейся ситуации можно объяснить начавшейся холодной войной между СССР и США. Каждая из сторон была заинтересована в том, чтобы как можно скорее в одностороннем порядке получить доступ к секретным японским материалам. Вот почему американцы держали в глубокой тайне от своих советских коллег информацию о том, что уже в январе 1946 г. в их руках находились руководители отряда № 731 и среди них главный организатор страшных зверств над людьми генерал-лейтенант медицинской службы Исии Сиро. Незадолго до занятия Маньчжурии Советской армией большой группе сотрудников этого отряда удалось бежать в Корею, уничтожив основные следы своих преступлений и прихватив с собой большую часть архивов. Из Кореи они быстро перебрались на родину, где их и обнаружили американцы. Однако признания в содеянном от Исии и его команды тогда получить не удалось.

Забегая вперед, следует сказать, что в дальнейшем все архивы были переданы американцам, которые за это не только оградили Исии и других преступников от каких-либо судебных преследований, но и активно сотрудничали с ними, организовав в США совместное изучение произведенных под Харбином преступных опытов над людьми. Но это было потом. Тогда же в рамках Токийского трибунала американская сторона обвинения по-прежнему стремилась получить максимум информации из СССР, где находилось в плену более 600 тыс. бывших военнослужащих Квантунской армии. По запросу американцев первым из высокопоставленных японцев в августе 1946 г. был допрошен бывший начальник санитарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи. Но никаких новых данных по разработке бактериологического оружия от него получить не удалось.

Куда более важная и достоверная информация содержалась в протоколах допросов генерал-майора Кавасима Киёси, бывшего начальника производственного отдела отряда № 731, работавшего там с 1941 г. по март 1943 г., а также Карасава Томио, майора медицинской службы, бывшего начальника отделения 4-го отдела отряда № 731. В них содержалась информация о численности, структуре, основных направлениях и преступных методах деятельности отряда № 731, подробно рассказывалось о роли Исии Сиро в разработке биологического оружия, страшных опытах над людьми и т.д. Эти показания в дальнейшем легли в основу доклада на Токийском процессе помощника американского обвинителя Дэвида Н. Саттона. Суд счел все изложенные им факты заслуживающими дальнейшей проработки и обратился к американскому обвинению с рекомендацией продолжить сбор сведений о преступной деятельности отряда № 731. В этой связи штаб Макартура в феврале 1947 г. обратился к советскому представителю в Союзном Совете для Японии с просьбой обеспечить явку Кавасима и Карасава в Трибунал для дачи свидетельских показаний, на что Москва ответила согласием.

Однако вскоре американская сторона кардинальным образом поменяла свою позицию, сославшись на недостаточность свидетельских показаний и отсутствие других необходимых доказательств по этому делу для предъявления обвинения в суде. В ответ на этот маневр СССР, проведя серьезную работу по выявлению в лагерях лиц, причастных к деятельности отряда № 731, и собрав огромный объем свидетельских показаний, принял решение подготовить самостоятельное обвинение на Токийском трибунале. Далее последовало обращение в Штаб Макартура с просьбой выдать советской стороне как военного преступника, совершившего преступления против СССР, Исии Сиро. Отрицательный ответ был вполне

предсказуем. Так вопрос об отряде № 731 не попал в повестку заседаний Токийского трибунала.

Это побудило советское руководство организовать в декабре 1949 г. в Хабаровске свой судебный процесс над группой японских военнопленных – бывших военнослужащих Квантунской армии, принимавших участие в разработке и применении бактериологического оружия. Так сложились обстоятельства, что из почти 3-тысячного контингента сотрудников отряда № 731 реальные наказания понесли только 12 человек, оказавшиеся в плену в СССР. Они получили от 2 до 25 лет лишения свободы. При этом в их числе оказались не только четыре генерала, включая Ямада Отодзо, приговоренных к 25 годам заключения в советских ИТЛ, но и два санитара, получивших минимальные сроки – 2 и 3 года и потому отсидевших их полностью. Остальные пробыли в заключении около 7 лет, причем в весьма комфортабельных условиях. Они были отправлены в исправительно-трудовой лагерь № 48 Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, который находился примерно в 300 км от Москвы в селе Чернцы Лежневского района Ивановской области.

Лагерь размещался на обширной территории бывшей дворянской усадьбы Воротынских, которую сразу же после революции переоборудовали под санаторий для железнодорожников. С 1943 г. бывшее барское имение стал арендовать НКВД для размещения военнопленных высшего командного состава сначала немецкой, а затем и японской армий. Это был первый генеральский лагерь на территории СССР, в котором за все время его существования отбыли разные сроки заключения более 400 высокопоставленных офицеров армий противника – немецкий военачальник Фридрих Паулюс, сын бывшего премьер-министра Японии Коноэ Фумитака и др. Как свидетельствовали очевидцы, японцы и немцы практически не контактировали между собой.

На сегодняшний день сохранились только разрушенные стены корпуса для немецких военнопленных и остатки фундамента такого же двухэтажного соседнего флигеля, где проживали японцы. В обветшалое состояние пришли и расположившиеся неподалеку помывочное помещение и некоторые другие административные постройки. Но главное – до сих пор можно полюбоваться величественной липовой аллеей, где военнопленным разрешено было гулять, впрочем, как и по всей большой территории бывшей усадьбы, огражденной высоким забором, наблюдательными постами и КПП. Обитателям лагеря была предоставлена возможность заниматься садоводством, огородничеством, хозяйственными делами, разрешалось отправление религиозных обрядов и т.д. Часы досуга можно было проводить в комнате отдыха со старинным белым роялем на втором этаже столовой, тогда как на первом готовили и подавали еду. С заключенными регулярно проводились лекции, уроки русского языка, просмотры советских кинофильмов, осуществлялся медицинский контроль, для чего был задействован большой административный состав, состоявший не только из охранников, но и переводчиков, врача, медсестры и т.д. Советское руководство отнеслось к японским военным преступникам в высшей степени гуманно.

И тем не менее это было заключение. Из 5 военнопленных японцев, умерших в Чернцах, среди которых числится и Коноэ Фумитака, к Хабаровскому процессу имел прямое отношение лишь один – Такахаси Такааци, бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии, приговоренный к 25 годам лишения свободы. Японцев хоронили вместе с немцами на отдельно выделенном участке сельского кладбища на окраине поселения. Сегодня это место приведено в надлежащий порядок по инициативе правительства Германии: на могилы немцев положены именные плиты, в центре погоста возведена площадка для поминальных мероприятий.

От захоронений японцев не осталось никаких следов: их останки уже в наши дни были эксгумированы и увезены на родину.

Заключительный этап репатриации был проведен с присущим советской системе размахом и помпой. Всем высокопоставленным репатриантам лагеря № 48, которых на то время насчитывалось 50 человек, была выдана дорогостоящая цивильная одежда, в которой 8 декабря они были отправлены в Москву. Там для них был организован обед и экскурсии по городу с посещением Красной площади, Кремля, МГУ, метрополитена. Далее японцы последовали в Хабаровск, где вместе с другими соотечественниками, отбывавшими наказания в местном в лагере № 16, им были предложены экскурсия по городу, культпоход в кинотеатр, театр музыкальной комедии, посещение японских захоронений на городском кладбище и, наконец, торжественный прощальный обед в хабаровском Дворце офицеров с участием представителей КГБ и МВД СССР. Как и намечалось, 23 декабря 1956 г. они покинули порт Находка. Так закончилась долгая дорогая домой японских военнопленных, ставших последними пленниками Второй мировой войны.

Примечания

[1] Известия. 1950. 22 апр.
[2] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 54. П. 336. Д. 6. Л. 8–9.
[3] ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 482. Л. 9–12.
[4] Известия. 1956. 20 окт.

Е. В. Суверов,
доктор исторических наук, профессор Барнаульского юридического института МВД России

Нарушение правил изоляции японскими военнопленными в СССР (1945–1950 гг.)

Аннотация
Вступление в войну Советского Союза в августе 1945 г. привело к разгрому Маньчжурской армии и ускорило капитуляцию Японии. Ее бывшие военнослужащие были размещены в специальных лагерях для военнопленных. В их среде велась тщательная идеологическая работа, формировался коммунистический актив. Напротив, реакционная часть японских офицеров и примыкающих к ним солдат отрицательно относилась к советскому строю, игнорируя и саботируя распоряжения лагерной администрации. Нарушение режима изоляции заключалось в совершении различных уголовных преступлений, побегов, неподчинении охране, хранении запрещенных предметов. Отчасти это было вызвано тяжелыми санитарно-бытовыми условиями проживания пленных. Пресечение противоправных деяний возлагалось на сотрудников НКВД-МВД СССР, а также военнопленных, сотрудничавших с администрацией.
Ключевые слова: японские военнопленные, нарушение режима содержания, лагеря, побеги.

E. V. Suverov,
Doctor of Law, Professor Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Violation of the rules of isolation by Japanese prisoners of war in the USSR (1945–1950)

Abstract
The entry of the Soviet Union into the war in August 1945 led to the defeat of the Manchurian Army and accelerated the surrender of Japan. Its former servicemen were placed in special camps for prisoners of war. In their environment, a thorough ideological processing was carried out, a communist asset was formed. On the contrary, the reactionary part of the Japanese officers and soldiers attached to them had a negative attitude towards the Soviet system, ignoring and sabotaging the orders of the camp administration. The violation of the isolation regime consisted of committing various criminal offenses, escapes, disobeying the guards, and storing prohibited items. This was partly caused by the difficult sanitary conditions among the prisoners. The suppression of illegal acts was entrusted to the employees of the NKVD-the Ministry of Internal Affairs of the USSR, as well as prisoners of war who actively cooperated with the administration.
Keywords: Japanese prisoners of war, violation, detention regime, camps, escapes.

После капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны в сентябре 1945 г. началось массовая переброска более чем 500 тысяч японских военнопленных в специальные лагеря, расположенные в разных регионах Советского Союза.

Советское правительство не ратифицировало Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными», вследствие чего правовой статус японских военнопленных определялся «Положением о военнопленных», утвержденным Постановлением СНК СССР 1 июля 1941 г. № 1798–800с6. На основании данного нормативного акта военнопленные обязаны были подчиняться администрации и выполнять правила внутреннего распорядка. Неисполнение приказаний, сопротивление или оскорбление при исполнении служебных обязанностей приравнивалось к воинским преступлениям. За малозначительные проступки, военнопленные могли подвергаться и дисциплинарным взысканиям[1].

Молниеносный разгром Японии не дал возможность руководству НКВД, заблаговременно подготовиться к приему большого количества пленных. Чтобы решить проблему, для прибывающих японцев стали срочно создаваться лагеря, многие из которых имели короткую историю. Так, в Иркутской области уже в марте 1946 г. из-за тяжелых условий проживания был расформирован лагерь № 8, а военнопленные переведены в лагерь № 31, который дислоцировался также в город Черемхово. Однако через год был ликвидирован и этот лагерь[2].

Лагеря для военнопленных подчинялись Главному управлению по делам военнопленных и интерни-

рованных НКВД СССР. Первоначально их штатный состав пополнялся, главным образом, за счет офицерского состава Красной армии, не знавшего специфики новой службы.

При обращении с пленными не хватало квалифицированных переводчиков. Так, при заполнении учётных карточек в лагере № 16 (Хабаровский край) из-за незнания японского языка допускались искажения фамилий, имён и других установочных данных военнопленных[3]. Соблюдение правил изоляции, профилактическая работа среди военнопленных возлагались на лагерную администрацию, сотрудников оперативного отдела, отделения по антифашисткой работе и отдела охраны и режима[4].

Порядок в лагере поддерживался с помощью японских офицеров, которые продолжали руководить своими подчиненными и имели ряд привилегий. Первоначально строгой охраны военнопленных не было. Бараки были огорожены проволочным или деревянным забором, как правило, без вышек, освещения и сигнализации. Отсутствовали даже предупредительные таблицы на японском и русском языках. Военнопленные выводились на объекты работ без конвоя или же выдавались под расписку вольнонаемному техперсоналу[5]. Из-за дефицита личного состава конвойных войск некоторым военнопленным разрешалось передвигаться без сопровождения[6].

Большое значение придавалось идеологической пропаганде. В лагерях военнопленных существовали «школы коммунизма», где для японцев 2–3 раза в неделю проводились занятия с освобождением от тяжелых работ, издавалась специальная газета на японском языке. Активисты получали разнообразные льготы, облегчавшие им тяжелое существование в неволе.

Однако немалая часть пленных, несмотря на внешние признаки покорности, негативно относились к советской системе. Так, японец Накомура, знающий русский язык, в приватной беседе отметил, что фашистская Германия вероломно напала на СССР, а Советский Союз внезапно начал военные действия против Японии. В другой беседе майор японской армии Сатоо заявил: «Япония не побеждена, и она обладает сильным воинским духом. Я верен императору и его режиму»[7].

Пленные отказывались выходить на работу, объявляли голодовки, саботировали производственные задания, осуществляли членовредительство и самоубийства[8].

Серьезное влияние на поведение японцев оказали и тяжелые санитарно-бытовые условия в лагерях. Им приходилось выживать в тяжелейших условиях, когда «стирались» все представления о приличии и долге, следствием чего была моральная деградация японских военнослужащих, когда воровство хлеба у товарищей стало обыденным делом, а кто-то даже ожидал смерти соседа в надежде получить его пайку[9].

Серьезным нарушением правил изоляции японских военнопленных, были побеги. Определенную роль в снижении бдительности при охране пленных играли труднодоступные места, где располагались лагеря, и их географическая отдаленность от японских островов, поэтому бежать было проблематично и опасно для жизни. Например, пользуясь бесконтрольностью охраны 22-го лагпункта, располагавшегося в Иркутской области, 17 августа 1948 г. военнопленный Мори Набору без пропуска свободно вышел из зоны через вахту и совершил побег, при этом вахтер Семешко не препятствовал его передвижению[10].

Из лагеря № 511 в Алтайском крае 27 октября 1945 г. сбежало четверо военнопленных (Хосы-Каво, Мозгуг, Токадо, Косучи), которые были задержаны в 35 км от города Рубцовска. 7 декабря 1945 г. из-под конвоя сбежал военнопленный Като Косуим, который был задержан в 11 км от города Рубцовска, а 10 ноября 1945 г. в лагерном отделении № 1 была сорвана попытка бегства 5 военнопленных (Оно, Сано, Исикавоз, Сузуки, Эндо). Благодаря бдительности часового они были задержаны, а один из них (Оно) убит. 11 декабря 1945 г. в лагерном отделении № 5 военнопленный Судзуки Хироси, пытавшийся скрыться, был застрелен часовым[11].

Некоторые беглецы представляли собой реальную опасность для местного населения, будучи крайне агрессивными.

В районе села Нарва Манского района Красноярского края 25 августа 1946 г. в 22 часа бежавшие из лагеря № 34 двое пленных японцев напали на 15-летнего Григория Унагаева, перевозившего зерно. Они нанесли ему топором несколько ударов по голове, забрав с бесчувственного тела всю одежду. Подросток притворился мертвым, а когда опасность миновала и преступники скрылись, с трудом дошел до сенокоса, где и сообщил о случившемся местным жителям. Вскоре поселковый комендант лейтенант Гусев начал преследование японцев, которые оказали при задержании яростное сопротивление, набрасывались на офицера с топором и палкой. Сотрудник НКВД был вынужден применить оружие, в итоге один нападавший был убит, другой ранен. Во время конвоирования, несмотря на полученное ранение, военнопленный прыгнул в воду и пытался скрыться. Когда его повторно задерживали, он кидался камнями, бросался на милиционера и местных жителей, после чего был ликвидирован[12].

Частые побеги привели к ужесточению условий изоляции: 1. Ограждение зон приводилось в соответствие с существующими требованиями. Улучшалось освещение территории в ночное время. Устанавливался строгий пропускной режим, исключающий возможность прохода или проезда посторонних лиц. 2. Планировались оперативные действия на случай совершения побегов, создавались вооруженные оперативно-розыскные группы. 3. Происходило регулярное обучение личного состава лагерей, укреплялась служебная дисциплина сотрудников. Было организовано регулярное изучение приказов, инструкций и положений по режиму и охране военнопленных. 4. Проводилась профилактическая работа с военнопленными по пресечению побегов. Повышалась требовательность

к командирам подразделений – военнопленным японским офицерам[13].

Ряд военнопленных совершали кражи, отчасти это также было вызвано тяжелыми условиями проживания. В 9-м лагерном отделении лагеря № 34 УМВД Красноярского края 22 февраля 1946 г. неизвестными лицами со склада было похищено 3 кг хлеба. Обвинение пало на японцев, которые охраняли склад[14].

На основании сообщений секретных осведомителей удавалось выявлять лиц, подстрекающих к нарушению режима изоляции, а также склонных к побегу[15]. Сотрудниками НКВД в одном из лагерей Алтайского края в 1945 г. были завербованы агенты из числа военнопленных, получившие псевдонимы: «Нобе», «Харбин», «Кихаро», «Ямаста», «Иосида», «Артур»[16].

Во время обысков изымались запрещенные предметы, срывались намеченные планы побега. Так, в лагере № 5 (Ургальское месторождение) у военнопленного Сиедзавы Фукудзи был изъят блокнот с картой Хабаровского края, на которой была отмечена дислокация лагерей военнопленных с указанием количества японцев в каждом из них. В том же лагере у военнопленного Окамото Тузо был изъят бикфордов шнур. У пленников неоднократно находили напильники, ножи для резки проволоки, мотки электропроводов, проволоки и т.д.[17]

С осени 1946 г. по весну 1950 г. началась массовая репатриация японских военнопленных, после чего большинство лагерных подразделений были ликвидированы.

Невыполнение правил изоляции японскими военнопленными было вызвано тяжелыми условиями содержания, нехваткой продовольствия и одежды, тяжелым физическим трудом, приводившими к человеческой деградации, а также кадровыми проблемами в системе НКВД, поспешностью в организации лагерей и их нестабильным функционированием. Провоцировала различные правонарушения и подрывная деятельность реакционных японских офицеров. Нарушение режима изоляции выражалось в игнорировании правил внутреннего распорядка, совершении уголовных преступлений и административных проступков. Часть бежавших японцев вела себя агрессивно по отношению к местному населению, сотрудникам правоохранительных органов. Для поддержания порядка в лагерных подразделениях привлекались лояльные советской власти военнослужащие японской армии, личный состав НКВД-МВД, агентурный аппарат, велась активная идеологическая и профилактическая работа среди военнопленных, принимались технические меры по ужесточению изоляции.

Примечания

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 297–299.

[2] *Шпак А. В.* Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945–1949 гг.) // Иркутский ист.-эконом. ежег. Иркутск, 2011. С. 225–237.

[3] *Плискина В. Н.* Некоторые страницы из истории лагеря № 16 УМВД по Хабаровскому краю для японских военнопленных // Культура и наука Дальнего Востока. 2020. № 1 (28). С. 72.

[4] Архив Информационного центра Главного управления МВД России по Иркутской области (ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области) Ф. 50 «Л». Оп. 1. Д. 57. Л. 12–17.

[5] *Шпак А. В.* Указ соч. С. 235.

[6] *Ким С. П.* Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 71–72.

[7] Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 38, 40.

[8] *Кузнецов С. И.* Проявление протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.) // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск, 2017. Вып. 8 (20). С. 436–453.

[9] *Такэси Томито*. Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск, 2017. Вып. 8 (20). С. 461.

[10] Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области. Ф. 41 «Л». Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

[11] Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

[12] Архив ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 148.

[13] *Жадан А. В.* Деятельность органов НКВД Хабаровского края по борьбе с побегами японских военнопленных (сентябрь – декабрь 1945 г.) // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти: Мат. XLVII Межд. науч. конф. / Под ред. С. Н. Полтарака. СПб., 2020. С. 276–281.

[14] Архив ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 94.

[15] *Малкова Ю. А.* Деятельность советских пенитенциарных учреждений и их роль в государственной репрессивной политике в Алтайском крае: 1937–1953 гг.: Дис. …к.и.н. Барнаул, 2013. С. 182.

[16] Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

[17] *Бондаренко Е. Ю.* Политика советского государства по идеологическому перевоспитанию японских военнопленных на Дальнем Востоке России в послевоенные годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 44.

В. В. Синиченко,
Академия управления МВД России

Правовой статус различных категорий военнопленных японской армии в СССР

Аннотация

В статье рассматривается правовой статус различных категорий военнопленных японской армии в СССР в 1945–1956 гг. На основе анализа современной историографии делается вывод, что вопрос о правовом статусе военнопленных является дискуссионным. Значительная часть японских и англоязычных историков указывает, что Советский Союз насильственно удерживал в послевоенный период часть военнопленных Квантунской армии, и их можно считать интернированными лицами. В то же время анализ документов показывает, что руководство СССР рассматривало часть бывших японских солдат Квантунской армии и армии государства Маньчжоу-го как преступников, поэтому действовало в отношении этих лиц на основании международного уголовного права.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японские военнопленные, международный трибунал, японская армия, военные преступники, принудительный труд.

V. V. Sinichenko,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Legal status of various categories of prisoners of war of the Japanese army in the USSR

Abstract

The article highlights the issue of the legal status of various categories of prisoners of war of the Japanese army in the USSR in 1945–1956. Based on the analysis of modern historiography, it is concluded that the issue of the legal status of prisoners of war is debatable for the scientific community. A significant part of Japanese and English-speaking historians indicate that the Soviet Union forcibly detained some of the prisoners of war of the Kwantung Army in the post-war period and they can be considered interned persons. At the same time, the analysis of the documents shows that the USSR leadership considered some of the former Japanese soldiers of the Kwantung Army and the army of the Manchukuo State as criminals, therefore acted against these persons on the basis of international criminal law.

Keywords: World War II, Law, Japanese prisoners of war, International Tribunal, Japanese army, forced labor.

Проблема правового статуса японских военнопленных в советском плену определяется не только тем, что СССР долгое время (до 1954 г.) не числился среди государств, подписавших международные правовые документы – Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г. и Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Дело в том, что пребывание японских военнопленных на территории СССР по-разному оценивается зарубежными и отечественными историками.

Дискуссионный характер статуса японских военнопленных вызывает тот факт, что разоружение японских войск было осуществлено уже после завершения Великой Отечественной войны. Поэтому японские общественные организации, которые представляли интересы бывших военнопленных японцев, неоднократно требовали от руководства Российской Федерации признать их не военнопленными, а «незаконно интернированными» и соответственно возместить моральный ущерб, связанный с их пребыванием на территории СССР.

Японские исследователи и общественные деятели полагают, что перемещение японцев в лагеря НКВД (постановление ГКО от 23 августа 1945 г.) противоречило Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. Согласно ее 9-му пункту после принятия Японией условий Потсдамской декларации всем сдавшим оружие и прекратившим сопротивление японским военнослужащим разрешалось вернуться на родину.

Пребывание японских солдат и офицеров в трудовых лагерях НКВД с 1945 по 1956 гг. закрепилось в японской историографии как «сибирское интернирование». Это прежде всего работы Ясуо Вакацуки «Лагеря военнопленных в Сибири», Гундзи Абэ «Факты насильственного интернирования в Сибири», «Японские военнопленные и принудительный труд в СССР после Второй мировой войны»[1].

Помимо японских историков, «сибирское интернирование» изучалось и американскими исследова-

телями. Примером таких работ является изданная в 1988 г. небольшая по объему монография Уильяма Ниммо «За железным занавесом безмолвия: японцы, подвергшиеся тюремному заключению в СССР, 1945–1956»[2] и работа Эндрю Баршэя «Боги первыми оставили нас: плен и репатриация японских военнопленных в Северо-Восточной Азии, 1945–1956»[3].

Работа Баршэя является наиболее монументальной среди всех работ с оценкой правового статуса бывших военнослужащих японской армии как «незаконно интернированных лиц»[4]. Однако российский ученый В. П. Галицкий отмечает, что Советский Союз имел право не осуществлять их репатриацию вплоть до подписания мирного договора[5].

Спор идет и о причинах достаточно длительной депортации бывших военнослужащих японской императорской армии обратно в Японию. Этот процесс растянулся с осени 1946 г. до 1956 г.

Массовая репатриация пленных японцев началась в октябре 1946 г. 4 октября 1946 г. Совет министров СССР издал постановление о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 8 марта 1947 г. отправке в Японию с апреля по ноябрь 1947 г. подлежали еще 160 тыс. военнопленных, в добавление к ранее репатриированным 50 тыс. Затем по постановлению Совета министров СССР от 28 августа 1947 г. были репатриированы еще 12,5 тыс. младших офицеров и гражданских чиновников.

Второй этап массовой репатриации начался с постановления Совета министров СССР от 5 апреля 1948 г., согласно которому с мая по ноябрь 1948 г. освобождению подлежали 175 тыс. японцев. Перед второй волной репатриации было решено, что в число репатриируемых не входят «осуждённые».

Согласно приказу Министра внутренних дел СССР от 12 апреля 1948 г. «О репатриации военнопленных японцев в 1948 г.» репатриации не подлежали: а) работники штабных, разведывательных, контрразведывательных и карательных органов Японии; б) командно-преподавательский состав и курсанты шпионско-диверсионных школ; в) сотрудники «противоэпидемического отряда № 731» и его филиалов; г) организаторы военных конфликтов на озере Хасан, Халхин-Гол и подготовки вторжения в СССР; д) руководящий состав фашистского общества «Кио-Ва-Кай» и иных реакционных организаций и групп; ж) военнопленные, осуждённые за преступления, совершённые в плену; з) нетранспортабельные больные до полного выздоровления.

Последняя большая группа пленных была репатриирована по постановлению Совета министров СССР от 10 июня 1949 г. № 2326–905с, согласно которому репатриации подлежали 91 449 японцев.

Постановлением Совета министров от 28 декабря 1949 г. № 5867–2192сс были репатриированы ещё 1664 японца, с которых были сняты обвинения в преступлениях. Кроме них репатриации подлежали 4012 чел. из-за болезни, не отправленные на родину в предыдущем году.

В чем же причина столь долгого процесса репатриации?

Некоторые историки считают, что советские власти с 1945 г. по 1956 г. умышленно задерживали репатриацию японцев, чтобы дольше использовать их труд в экономике СССР[6]. Однако не все согласны, что экономический фактор использования японского труда доминировал.

В докторской диссертации С. В. Карасева[7] и кандидатской диссертации И. В. Безбородовой[8] были исследованы методы и процесс политико-идеологической пропаганды коммунистических идей среди бывших японских военнослужащих в лагерях МВД СССР. Проанализировав источники, исследователи сделали вывод о том, что в лагерях МВД СССР осуществлялась подготовка военнопленных в качестве «пятой колонны» для дальнейшей внешнеполитической экспансии СССР.

Одним из новейших работ по проблемам организации военного плена в СССР является диссертационное исследование А. Л. Кузьминых «Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.)»[9]. Кузьминых делает вывод о том, что часть иностранных военнослужащих, содержавшихся в СССР, являлась преступным элементом, с точки зрения советских властей, и поэтому эта часть военнопленных была осуждена на основании советского уголовного законодательства.

Для исследования вопроса политики советского руководства в отношении различных категорий военнопленных и осуществления в отношении них пенитенциарных практик наиболее важными являются документы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ МВД СССР или ГУПВИ).

Одним из основных направлений работы ГУПВИ в послевоенный период стала репатриации военнопленных и интернированных. Данные мероприятия начались фактически сразу после окончания войны. Перед ГУПВИ были поставлены задачи по выявлению из числа репатриируемых военных преступников, профашистски настроенных и антисоветских элементов, а также других лиц представлявших оперативный интерес для органов безопасности СССР. При непосредственном участии оперативного управления ГУПВИ был инициирован и подготовлен ряд открытых судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками, на которых были осуждены 84 чел., из них 18 генералов.

Сотрудники ГУПВИ принимали участие в выявлении и проверке архивных документов, уточнении списков обвиняемых, поиске свидетелей для Международного трибунала в Токио над японскими военными преступниками (1946), а также других судебных процессов.

Постановлением Совета министров от 17 марта 1950 г. № 1109 было предписано освободить в марте-апреле 1950 г. 3109 японских военнопленных и интернированных. В их число входили 80 генералов, 527

интернированных бывших сотрудников жандармерии, полиции, различных чинов японской администрации в Маньчжурии, а также членов японских фашистских организаций, задержанных в связи с расследованием их преступной деятельности, на которых не было достаточных материалов для привлечения их к судебной ответственности. Кроме этого было репатриировано 819 военнопленных и 198 интернированных, осуждённых за нарушения лагерного режима, хищения, кражи и иные бытовые преступления.

22 апреля 1950 г. газета «Правда» опубликовала сообщение ТАСС о завершении репатриации японских военнопленных. Об окончании репатриации немецких военнопленных было объявлено в сообщении ТАСС практически в то же время – 5 мая 1950 г.

После завершения репатриации японских военнослужащих в Советском Союзе остались только осужденные и находящиеся под следствием за военные преступления, а также незначительное число репатриантов, которые были задержаны по болезни и иным причинам.

Всего с 1946 по 1950 г. было репатриировано в Японию 510 409 чел.

Приказом МВД СССР от 20 июня 1951 г. ГУПВИ вновь было преобразовано в управление (УПВИ). В его ведении остались только осужденные за преступления военнопленные и интернированные, которые, по мнению МВД, рассматривались как уголовные и военные преступники.

На 29 ноября 1953 г. в СССР оставались осужденные за преступления японские военнопленные в количестве 1047 чел.

В 1953–1956 гг. репатриация продолжалась, но медленно: возвращались те, кто отбыл срок наказания. После вступления в силу Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г., 13 декабря 1956 г. был издан указ Президиума Верховного совета СССР об амнистии осужденных в Советском Союзе японских граждан, согласно которому 23 декабря на родину была отправлена последняя группа японских пленных – 1025 чел.

Таким образом, наиболее дискуссионными в историографии пребывания японских военнопленных на территории СССР являются вопросы о характере политики, которую проводило руководство Советского Союза в отношении военнопленных японцев. Среди историков существуют различные точки зрения, порой диаметрально противоположенные друг другу.

Анализ документов показывает, что руководство СССР рассматривало часть солдат Квантунской армии и армии государства Маньчжоу-го как военнопленных, подлежащих репатриации на родину после соответствующей идеологической обработки. Другая часть бывших японских военнослужащих рассматривалась как преступники, которые должны были, с одной стороны, понести наказание за преступления «милитаристской Японии», а с другой стороны, также пройти курс политического перевоспитания в системе советского ГУЛАГа. Вследствие этого в зависимости от «тяжести совершенных преступлений» японских военнопленных разделили на категории, которые подлежали поэтапному освобождению. Первыми, еще осенью 1946 г., освободили простых солдат, а членов японских фашистских организаций, офицеров и генералов, работников военных миссий, органов полиции, жандармерии, тюрем, лагерей, особых отделов, «исследовательских бюро» и «институтов» содержали в лагерях до 1950 г.

Военнослужащих, совершивших очевидные военные и уголовные преступления, держали в пенитенциарной советской системе до 1956 г.

Примечания

[1] *См.: Кириченко А. А.* Военнопленные или интернированные? История вопроса // Бюллетень общества «Россия-Япония». 2001. № 40. URL: http://ru-jp.org/intern.htm (дата обращения: 15.06.2015).
[2] *William F. Nimmo*. Behind a curtain of silence: Japanese in Soviet Custody, 1945–1956. New York: Greenwood Press, 1988. 149 p.
[3] *Barshay A*. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956. Berkley: University of California Press, 2013. 272 p.
[4] Там же. P. 42.
[5] *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–78.
[6] *Кириченко А. А.* Следы оборвались в Тайшете: Японские военнопленные в ГУЛАГЕ // Шпион. 1993. № 1. С. 53–64.
[7] *Карасев С. В.* История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956): автореф. дис. … док. ист. наук. Иркутск, 2007.
[8] *Безбородова И. В.* Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1997.
[9] *Кузьминых А. Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. … док. ист. наук. Архангельск, 2014. С. 58.

М. Г. Степанов,
кандидат исторических наук, доцент Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

К истории пребывания японских военнопленных на территории Хакасии (1945–1947 гг.)

Аннотация
В статье исследуется история пребывания японских военнопленных на территории Хакасской автономной области в 1945–1947 гг. В качестве основного источника в работе использовались архивные документы делопроизводственного характера Национального архива Республики Хакасия, впервые вводимые в научный оборот. Они позволили исследовать процесс размещения, трудового использования, характер смертности и географию проживания прибывших в Хакасию японцев.
Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Сибирь, Хакасия, Национальный архив Республики Хакасия, японские военнопленные, специальный лагерь № 33 г. Черногорска, места захоронения, художник Кадзуки Ясуо.

M. G. Stepanov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Institute of history and law, Katanov-Khakass state university

On the history of the stay of Japanese prisoners of war in the territory of Khakassia (1945–1947)

Abstract
The article examines the process of stay of Japanese prisoners of war in the territory of the Khakass autonomous region in 1945–1947. As a basic historical source, mainly archival materials of the clerical orientation of the National Archive of the Republic of Khakassia were introduced into scientific circulation for the first time. The sources used allowed us to trace the process of placement, labor use, mortality, and geography of the Japanese who arrived in Khakassia.
Keywords: World War II, USSR, Siberia, Khakassia, National Archive of the Republic of Khakassia, Japanese prisoners of war, special camp № 33 of the city of Chernogorsk, burial sites, painter Kazuki Yasuo.

Тема Второй мировой войны и ее наиважнейшего этапа – Великой Отечественной войны еще долгие годы будет представлять значительный исследовательский интерес независимо от очередных юбилейных дат. Данная трагедия охватила судьбы многочисленных народов, которые оказались по разным причинам в нее вовлечены. Одним из важных аспектов исследования проблематики последней мировой войны является комплексный анализ пребывания военнопленных на территории Советского Союза. В послевоенной массе военнопленных бывшие японские военнослужащие императорской армии представляли особый контингент, который, начиная с 1945 г., стал прибывать в специальные лагеря, организованные исключительно для военнопленных. Актуальность данной темы проявляется в том, что в условиях отсутствия мирного договора с Японией, так и не заключенного после окончания Второй мировой войны, такого рода исследования будут отчасти способствовать углублению доверия между двумя государствами.

Заметным пробелом в изучении истории пребывания японских военнопленных в Сибири является такой регион как Хакасия. В связи с этим настоящее исследование является первой комплексной исторической работой, посвященной различным аспектам пребывания бывших японских военнослужащих на территории автономной области.

Основным источником работы стали документы, хранящиеся в «Национальном архиве» Республики Хакасия (ГКУ РХ НА), которые позволили исследовать процесс движения, расселения, трудового использования военнопленных и составить представление о местах их захоронения на территории Хакасской автономной области.

Использованные автором материалы представляют собой делопроизводственную документацию, среди которой имеются отчеты лагерных администраций, «строевые записки» о количестве военнопленных, содержащихся в лагерях, их перемещении, заболеваниях, смертности; справки и докладные записки о трудовом использовании военнопленных (видах

выполняемых ими работ, количестве отработанных часов, производительности труда, выработке норм); документы медико-санитарных служб, содержащие сведения о медицинском обслуживании военнопленных, обеспечении медикаментами, количестве заболевших и умерших, а также укомплектованности медперсоналом.

Японские военнопленные начали прибывать в Хакасскую автономную область железнодорожными эшелонами и автотранспортом в октябре 1945 г. Для их приема был организован специальный лагерь № 33, который функционировал с октября 1945 г. по март 1947 г. Изначально управление лагеря находилось в Абакане на улице Набережной, недалеко от речного причала. Позже управление лагеря было переведено в г. Черногорск. Общее количество японских военнопленных в Хакасии составило 8700 человек[1].

Лагерь № 33 имел 7 лагерных отделений: № 1 и № 2 – находились в Черногорске; № 3 – на станции Сон (Боградский район); № 4 – в поселке Усть-Бюрь (Усть-Абаканский район); № 5 – на приисках Ивановский и Карасук (Саралинский район); № 6 – на руднике Коммунар в селе Малая Сыя (Ширинский район); № 7 – в селе Райково (Усть-Абаканский район)[2]

Анализ сведений о контингенте прибывших японских военнопленных позволяет установить их возрастной состав: самой ранней датой рождения является 1901 г., самой поздней – 1926 г. Средний возраст военнопленных составил 26,5 года[3].

Среди прибывших были представители следующих префектур Японии: Айти (г. Итиномия, уезд Тита), Акита (уезд Хирака, уезд Минимиакита), Аомори (уезд Хигасицугару), Гифу (уезд Ёсики), Ибараги (г. Мицукайдо, уезд Сасима, уезд Юки), Исикава (г. Канадзава), Кагава (г. Такамацу), Кагосима (уезд Каванабэ, уезд Айра, г. Канояси, уезд Сацума), Канагава (г. Хирацука, г. Камакура), Киото (г. Майдзуру), Кумамото (уезд Камимасики, уезд Тамана, уезд Амакуса, г. Минамата), Миэ (уезд Судзука), Мияги (г. Сэндай), Миядзаки (уезд Хигасимороката), Окинава (уезд Симадзири, уезд Мияко), Осака (г. Моригути, округ Нанива), Сайтама (г. Кавагути, уезд Китаадати, уезд Ирума), Сидзуока (уезд Хамана), Симанэ (уезд Хикава, уезд Яцука, г. Масуда), Тиба (уезд Тиба, уезд Хигасикацусика, г. Итикава), Токио (округ Накано, г. Чофу), Токусима (г. Токусима), Тотиги (г. Фунабаси), Тоттори (уезд Ивами), Тояма (г. Тонами), Фукуока (г. Модзи, уезд Савара, уезд Тагава, уезд Асакура), Фукусима (уезд Датэ, уезд Минамиайдзу, уезд Синобу), Хёго (г. Нисиваки), Хиросима (г. Отакэси, уезд Нумакума, уезд Саэки, уезд Аки), Хоккайдо (г. Асахикава, г. Саппоро, г. Отару, г. Курэ), Ямагата (г. Саката, уезд Ниситагава), Ямагути (г. Убэ, уезд Абу, уезд Саба, уезд Онодаси), Яманаси (уезд Накакома)[4].

В условиях лагерного содержания военнопленных на первое место вышел вопрос использования их в качестве трудовых ресурсов. В рамках функционирования спецлагеря № 33 они были заняты: в Черногорске на угольных шахтах; в Коммунаре, Приисковом и Ивановском приисках – в шахтах по добыче золота; в Райково – на строительстве Уйбатского оросительного канала; в Малой Сые, станции Сон и на Карасуке – на лесоразработках, на ремонте и очистке дорог и др.[5]

На основании материалов, хранящихся в «Национальном архиве», можно изучить условия содержания японских военнопленных. По воспоминаниям очевидцев, у пленных японцев был 8-часовой рабочий день, в выходные дни и праздники не работали. Работали в основном вручную, без техники. Было установлено двухразовое питание утром и вечером, а днем во время работы выдавали сухой паек. Очевидцы сообщают, что военнопленные питались не хуже советских солдат. Обмундирование (преимущественно летнее и демисезонное) японских военнослужащих было хорошим, сохранились знаки отличия на форме. Работали в основном простые солдаты, офицеры работали по желанию. Взаимоотношения с местным населением были нормальные, относились дружелюбно. Большинство военнопленных не говорили по-русски, но при общении с местными жителями понимали друг друга[6].

По верифицированным данным, в Хакасии было захоронено 707 японцев на 7 кладбищах[7].

Показатели смертности в лагерных отделениях с октябрь 1945 г. по июль 1947 г. были следующие: № 1 (Черногорск) – 249 человек; № 2 (Черногорск) – 36 человек; № 3 (станция Сон, Боградский район) – 51 человек; № 4 (поселок Усть-Бюрь, Усть-Абаканский район) – 35 человек; № 5 (прииск Ивановский, прииск Карасук, Саралинский район) – 164 человека; № 6 (рудник Коммунар, село Малая Сыя, Ширинский район) – 25 человек; № 7 (село Райково, Усть-Абаканский район) – 121 человек[8].

Анализ списков умерших военнопленных позволяет заключить, что большинство их были солдатами – 96% и имели воинские звания рядового, ефрейтора, младшего сержанта, сержанта, старшины; встречаются также звания младшего лейтенанта и лейтенанта[9].

В качестве причин смерти указываются следующие: 1) туберкулез легких; 2) туберкулез пищеварительной системы; 3) воспаление легких (пневмония); 4) отравление крови мочой (уремия); 5) прободение язвы желудка и как следствие перитонит; 6) воспаление почек (пиелонефрит); 7) воспаление слизистой оболочки тонкого кишечника (энтерит); 8) декомпенсированный порок сердца; 9) сердечная астма; 10) воспаление оболочек головного мозга (после сильного ушиба); 11) контузия головного мозга (после сильного ушиба); 12) миокардиодистрофия; 13) илеус; 14) дистрофия; 15) упадок сердечной деятельности; 16) брюшной тиф; 17) ожог; 18) бронхит; 19) гангрена ноги; 20) бери-бери[10].

В мае – июне 1993 г. созданная при Совете министров Республики Хакасия комиссия обследовала места захоронения японских военнопленных. Было установлено, что на территории Хакасии имеются 8 массовых захоронений от 7 лагерных отделений: 1 – в Черногорске; 2 – в Усть-Абаканском районе;

1 – в Боградском районе; 2 – в Ширинском районе; 2 – в Орджоникидзевском районе[11]. В процессе обследования были составлены акты состояния мест захоронения японских военнопленных.

1. Массовое захоронение в г. Черногорске находится в центре городского кладбища, площадь захоронения составляет 2436 кв. м. (42х58 м). Оно огорожено невысокой декоративной изгородью из чугунных решеток, на месте захоронений установлены бетонные прямоугольные коробки (109 штук), в центре установлен металлический памятник, по бокам его – 2 братские могилы в виде небольших холмов. Номерных знаков и имен нет. По сведениям Управления по исправительным делам УВД Красноярского края, здесь захоронено 285 человек из лаготделений № 1 и 2.

2. Захоронение в Боградском районе находится в труднодоступном месте (местами дорога проходит по болоту), от станции Сон 18–20 км западнее, в 1 км от бывшего поселка «311-й км», где располагался лагерь. Частично сохранилась ограда, размер захоронения 21х27 м. Заметны надмогильные холмы, расположенные в 5 рядов, примерно около 70 шт. Кладбище зарастает кустарниками, березняком. По свидетельству очевидцев, имелось также несколько захоронений военнопленных на кладбищах тогда существовавших поселков «308-й км» и «309-й км».

3. На 29-м км по трассе Абакан-Аскиз, в двух километрах от села Райково, рядом с главным Уйбатским каналом находится захоронение японских военнопленных, расположенное между двумя курганами Тагарской культуры, рядом с бывшим расположением их лагеря. Площадь ограды составляет 53х23 м. Могильные холмы расположены в 6 рядов, по которым насчитывается более 120 могил, номерных знаков или табличек нет.

4. В 18 км от станции Усть-Бюрь в местечке урочища Катык находится захоронение японских военнопленных 4-го лаготделения. Место захоронения обнаруживается с трудом, т.к. здесь прошел пожар. Площадь захоронения 675 кв. м (25х27 м). Количество похороненных установить невозможно, надмогильные холмы не сохранились. Обнаружено 8 могильных столбиков, находящихся в вертикальном положении. Место захоронения заросло мелколесьем. Выше 1 км находился лагерь заключенных.

5. В Ширинском районе на территории поселка Коммунар располагался основной лагерь отделения № 6, один из участков которого находился на Малой Сые (10 км от рудника Коммунар). На руднике Коммунар военнопленных хоронили на окраине поселкового кладбища. На момент обследования, 27 мая 1993 г., внешних признаков захоронений не сохранилось. По сведениям местных жителей размеры места захоронения составляли приблизительно 60 х 60 м, место отгорожено изгородью от общего местного кладбища.

6. Второе захоронение было обследовано в 6 км от села Малая Сыя, вверх по реке Малая Сыя, на правом берегу, на склоне горы. Место труднодоступное, особенно в дождливое время. Размеры кладбища – 15х30 м, частично сохранилась изгородь. С трудом определяются надмогильные холмики, могилы расположены в 6–7 рядов по 5 могил в каждом. Сохранился один надмогильный столбик. Участок кладбища порос березняком. Недалеко находился лагерь заключенных-военнопленных.

7. В Орджоникидзевском (б. Саралинском) районе имелось 2 захоронения военнопленных. Первое расположено в 6 км от поселка Карасук (Гидро) в труднодоступном месте. На правом берегу реки Карасук находился лагерь, а в 400 м от него – захоронение. На этом кладбище хоронили советских заключенных и японских военнопленных. Сохранились едва заметные следы ограждения кладбища, могильных холмов не видно.

8. Второе захоронение расположено у подножья Тасхыла, выше 2 км от рудничного поселка Приисковый в местечке Трансваль. Нет возможности установить площадь захоронения, поскольку селевые потоки и горные ручьи почти полностью уничтожили его следы. Участок зарос мелким кустарником. По сведениям Управления по исправительным делам и социальной реабилитации УВД Красноярского края, здесь захоронено 164 человека[12].

Рассматривая вопросы пребывания японских военнопленных на территории Хакасии, стоит обратиться к судьбе довольно знаменитой личности в послевоенном изобразительном искусстве Японии – художника Кадзуки Ясуо (1911–1974). Он окончил Токийскую школу искусств, после окончания которой работал учителем рисования в старшей школе на Хоккайдо, потом в г. Симоносеки. 30 декабря 1942 г. он получил мобилизационную повестку, а в апреле 1943 г. был направлен в Маньчжурию, где и встретил окончание войны[13].

Кадзуки провел на фронте и в плену 4,5 года. После возвращения из Сибири в 1947 г. он продолжил писать и быстро получил национальное признание. Картины Кадзуки хранятся в крупных музеях современного искусства Японии, а в его родном городе открыт музей творчества Ясуо Кадзуки[14].

В Национальном архиве сохранились свидетельства пребывания художника в Хакасии. По воспоминаниям местных жителей, его видели в Малой Сые и Черногорске. Так, «…житель Малой Сыи А. Г. Кириллов часто бывал в лагере у охраны, где менял табак (махорку) на вещи. Кириллов был хорошо знаком с возчиком продуктов – японцем и неоднократно видел художника Кадзуки, который рисовал офицеров охраны, видел рисунок повара-финки Аллы. Кроме того, Кириллов обменял у Кадзуки кожаную сумку на табак (сумка у Кириллова сохранилась до сих пор). В Черногорске Кадзуки видел В. И. Бузыков, который пояснил, что встречал его часто у кузницы. Кадзуки улыбался детям, практически постоянно что-то рисовал. По воспоминаниям бывшего начальника лагерного отделения № 1 С. К. Лопухина, художник очень красиво боролся (видимо, владел элементами

традиционных японских единоборств. – *М.С.*), рост художника примерно составлял 170 см». Также помнит о художнике В. Я. Тимофеев: «Кадзуки жил в первом бараке, в отдельной коморке, где, видимо, была его мастерская»[15].

Подводя итоги изучения пребывания японских военнопленных в Хакасии, можно выделить следующее.

Во-первых, окончание Второй мировой войны привело к появлению нового контингента заключенных – японских военнопленных, который был интегрирован в систему Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР.

Во-вторых, в Хакасской автономной области японские военнопленные были размещены в спецлагере № 33, который имел 7 отделений, расположенных около крупных промышленных объектов.

В-третьих, японские военнопленные использовались как трудовые ресурсы и были интенсивно задействованы на угольных шахтах, заготовках древесины и добыче золота.

В-четвертых, тяжелые условия труда стали причиной высокой смертности среди военнопленных.

В-пятых, среди оказавшихся в Хакасии японских военнопленных было значительное количество непрофессиональных военных, имевших до мобилизации сугубо мирные (гражданские) профессии.

Проблема изучения истории военнопленных в условиях современной цивилизации будет оставаться актуальной еще долгие годы, т.к. сопряжена с многочисленными локальными боевыми действиями и, как следствие, – с возникновением контингента военнопленных враждующих сторон.

Примечания

[1] ГКУРХ «Национальный архив» (ГКУРХ НА). Ф. Р-909/889. Оп. 1. Д. 36. Л. 24.
[2] Там же.
[3] ГКУРХ НА. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 114. Л. 18–19.
[4] Там же. Л. 18–21об.
[5] ГКУРХ НА. Ф. Р-909/889. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.
[6] ГКУРХ НА. Ф. Р-911. Оп. 1ф. Д. 71.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 35.
[8] Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 21, 22, 23, 29, 30, 32.
[11] ГКУРХ НА. Ф. Р-909/889. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.
[12] Там же. Л. 9, 10, 11.
[13] *Ёродзуя Кэндзи*. Кадзуки Ясуо – художник, выживший в сибирском плену // Современный взгляд на Японию: сайт. URL: https://www.nippon.com/ru/features/c03303/ (дата обращения: 23.08.2021)
[14] *Гучинова Э.-Б.* Черное солнце и огороженный простор: образы неволи в творчестве Сергея Параджанова и Кадзуки Ясуо // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 78–99.
[15] ГКУРХ НА. Ф. Р-909/889. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

Тематическая площадка

«История российско-японских отношений и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе»

Аннотация

В рамках работы площадки экспертное сообщество рассматривало различные аспекты истории российско-японских отношений в довоенный и послевоенный периоды.

Ряд докладов был посвящен основным очагам противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне и в годы Второй мировой войны, проблемам исторической памяти в странах Азиатского региона и ее влиянии на возникновение международных конфликтов.

Участники обсудили также современные фальсификации истории Второй мировой войны и их влияние на формирование у молодого поколения искаженного представления о событиях военного времени на Дальнем Востоке.

А. Ю. Плотников,
доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, член Ассоциации историков Второй мировой войны

Хабаровский процесс в контексте российско–японских отношений первой половины XX века

Аннотация
Анализируя российско-японские отношения первой половины XX века, автор доказывает, что Хабаровский трибунал явился типичным отражением и следствием тех процессов, которые были связаны с развитием российско-японских отношений.
Ключевые слова: российско-японские отношения, меморандум генерала Гиити Танака, Пакт о нейтралитете, Хабаровский процесс.

A. Y. Plotnikov,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Moscow State Linguistic University, member of the Association of Historians of the Second World War

The Khabarovsk process in the context of Russian–Japanese relations in the first half of the XX century

Abstract
Analyzing Russian-Japanese relations in the first half of the XX century, the author proves that the Khabarovsk Tribunal was a typical reflection and consequence of those processes that were associated with the development of Russian-Japanese relations.
Keywords: Russian-Japanese relations, memorandum of General Giichi Tanaka, Neutrality Pact, Khabarovsk Tribunal.

Хабаровский процесс 1949 г.

Хабаровский процесс, так же как и Токийский, стал закономерным и естественным итогом политики Японии или, как она называлась в то время, Великой Японии (Дай-Нихон), первой половины XX века, которая была направлена на то, чтобы так или иначе началась война. Это был курс экспансионистского, агрессивного и завоевательного характера, направленный на подчинение соседних государств и прежде всего на создание так называемой сферы Великого сопроцветания Восточной Азии. Впервые наиболее четко он сформулирован в доктрине или меморандуме генерала Гиити Танака в 1927 г. Этот документ долгое время оспаривался японцами, они не хотели его признавать, но документ был представлен, насколько я знаю, на Токийском судебном процессе. Это последовательный план того, как нужно покорять соседние страны с упором на то, что Япония должна стать безусловным лидером, гегемоном Восточной Азии. И главный удар в этом плане был направлен на порабощение Китая. В Китае это хорошо помнят и до сих пор занимают по отношению к истории довоенного периода и к Великой Японии крайне жесткую позицию. Только по официальной версии за время двух японских войн против Китая (1931 г., когда было создано Маньчжоу-го, и вторая война в 1937 г.) погибло 35 млн человек.

Это хороший вопрос для переосмыслении понятия Второй мировой войны и, может быть, для введения ее новой периодизации. Китайские исследователи, наверное, справедливо обвиняют нас в евроцентризме и спрашивают: почему война началась 1 сентября 1939 г.? Она началась как минимум в июле 1937 г. нападением Японии на Китай, потому что к тому времени погибло уже 10 млн человек.

Экспансионистский агрессивный завоевательный курс Японии в полной мере относится и к характеру российско- и советско-японских отношений первой половины XX века. Мы должны констатировать, что Япония на протяжении неполных 50 лет постоянно находилась в режиме военного противостояния с Россией. И постоянно эта угроза шла не от нас, а от Японии. Начиная с Русско-японской войны, которую вполне справедливо нам надо уже называть Японо-русской войной, потому что не мы напали на Японию, а Япония напала на нас в Порт-Артуре без объявления войны – типичный метод. Эта чудовищная по своим последствиям и еще до конца неосознанная, а может быть, и немного забытая японская интервенция как часть интервенции на Дальнем Востоке 1918–1925 гг.

Интервенции на Дальнем Востоке 1918–1925 гг.

Официальные даты интервенции на Дальнем Востоке – 1918–1922 гг. Япония же, воспользовавшись так называемым «николаевским инцидентом» в 1920 г., оккупировала принадлежащий Советской России северный Сахалин и удерживала его вплоть до 1925 г. Только благодаря настойчивости советской дипломатии, когда удалось в 1925 г. заключить Пекинский договор, Япония оттуда ушла. Это была чрезвычайно жестокая интервенция, связанная не только с тем, что японцы грабили все, что можно было грабить (именно во время этой интервенции пропала часть «колчаковского золота»), но и с крайне жестоким отношением к местному населению. Более того, остались интересные воспоминания командующего американским оккупационным контингентом генерала Уильяма Гревса, который был антияпонски настроен и писал, как японцы относились к своим собственным союзникам, которыми они считали наших белых на Дальнем Востоке, и как они при любой возможности готовы были унизить тех же самых американцев. То есть японцы рассматривали этот поход как часть реализации тогда еще не сформулированной окончательно доктрины Гиити Танака. Частью японского проекта было не только установление Великой сферы сопроцветания Восточной Азии, но и приобретение дальневосточных территорий России: Камчатки, Приморского края, они считали, что все территории до Забайкалья должны отойти к ним. Японцы с чудовищной беспощадностью грабили этот регион. Доходило вплоть до того, что они вырезали целые куски железной дороги и увозили их к себе, но это факт, который требует отдельного осмысления.

В 1925 г. СССР с трудом установил отношения с Японией. И только подписание договора 1925 г. позволило освободить от японцев северный Сахалин. Но японцы не были бы японцами, если бы они не застолбили себе право: мы уходим с северного Сахалина только в том случае, если вы нам в качестве концессий предоставите возможность добывать уголь и нефть на этом северном Сахалине. Это отдельная, тоже весьма интересная история. 1930-е годы – это прежде всего агрессия против Китая, но одновременно японцы дважды провокационно нападали на нас. События у озера Хасан 1938 г. и события на реке Халхин-Гол (1939), где впервые зафиксирован факт применения бактериологического оружия.

Такова была парадигма отношений между Россией и Японией в первой половине XX века. Я ни в коем случае не хотел бы сказать, что мы обречены постоянно находиться в такой конфликтной ситуации. Я поддерживаю тех, кто здесь говорил о том, что мы должны налаживать сотрудничество с Японией, но забывать эти факты просто невозможно.

Пакт о нейтралитете, апрель 1941 г.

Со стороны Японии он был заключен крайне безответственно, потому что они не планировали этот пакт соблюдать. Министр иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока, который подписал этот договор, несколько раз заявлял (все это зафиксировано), что для Японии безусловным приоритетом остаются их обязательства по Антикоминтерновскому пакту 1936 г. Та самая агрессивная ось «Берлин–Токио». Они подписали этот договор только для того, чтобы у них была свобода рук, но если Договор о нейтралитете и их обязательства по Тройственному пакту придут в противоречие, они, безусловно, будут выполнять Тройственный пакт. Сначала Антикоминтерновский, потом Тройственный пакт. Лишняя характеристика того, как японцы относились к выполнению своих обязательств.

И самое главное. Договор о нейтралитете не только по духу, но и де-факто японцами нарушался неоднократно. Существует огромное количество данных о том, что Япония помогала разведывательными донесениями Германии, с которой мы воевали. Кроме того, Япония устраивала бесконечного рода провокации и диверсии на нашей территории, засылала диверсионные отряды, задерживала и топила наши суда, то есть вела себя абсолютно не так, как должно вести государство, которое имеет с другим государствам Договор о нейтралитете.

Я бы предложил новый подход: считать, что одним из самых главных нарушений Пакта о нейтралитете было фактически доказанное применение Японией бактериологического оружия. Применение бактериологического оружия перевешивает многочисленные нарушения Пакта о нейтралитете, о которых я говорил. Именно такое поведение Японии, которой мы не могли в той ситуации доверять, было тем основополагающим фактором, который наряду с обязательствами Советского Союза перед союзными державами стал решающим для принятия решения о вступлении Советского Союза в войну с Японией, политически подтвержденном в известной Ялтинской декларации в феврале 1945 г.

Разгром японской Квантунской армейской группировки.

Применяемая терминология «Квантунская армия» абсолютно не отражает реальности. Армия – это что-то достаточно немногочисленное. На самом деле это была огромная миллионная (1 200 000) группировка, включавшая три фронта, огромное количество других вспомогательных войск, укрепрайоны и т.д. Разгром Квантунской группировки японских войск в ходе блестяще проведенной советскими войсками Маньчжурской наступательной операции стал решающим для прекращения сопротивления Японии и подписания ею 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции (именно безоговорочной капитуляции), который, собственно, и закончил Вторую мировую войну.

Е. Е. Аурилене,
доктор исторических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС

Российская эмиграция в Маньчжоу-диго и «новый порядок в Восточной Азии»

Аннотация
В статье рассматривается положение русских эмигрантов в Маньчжоу-диго в 1941–1945 гг. На основании документальных источников показаны попытки Японской военной миссии превратить белоэмигрантов в лояльных подданных марионеточной империи и союзников в борьбе за «новый порядок в Восточной Азии».
Ключевые слова: российская эмиграция в Маньчжоу-диго, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, Тихоокеанская война, «новый порядок в Восточной Азии», «оборонцы» и «пораженцы».

E. E. Aurilene,
Doctor of Historical Sciences, Professor Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA

Russian emigration in Manchukuo and «the new order in the East Asia»

Abstract
The article considers the position of white Russian emigration in Manchukuo in 1941–1945. On the base of archival documents, the author represents the Japanese Military Mission attempts to turn white emigrants into loyal subjects of the puppet state and allies in the struggle for "the new order in the East Asia".
Keywords: Russian emigration in Manchukuo, The Bureau of Russian Emigrants Affairs in Manchurian Empire, Pacific War, «the new order in the East Asia», «oborontsy» and «porazhentsy».

В начале 1940-х гг. на территории Маньчжоу-диго проживало чуть более 60 тыс. российских эмигрантов, в 1945 г. – около 70 тыс.[1] Большинство из них давно потеряли интерес к политике, предпочитая мирную жизнь антисоветской возне фашистов и прочих активистов, надеявшихся освободить Родину от большевиков. Но в условиях марионеточного государства русские эмигранты снова оказались заложниками большой политики.

Несмотря на формальное присутствие всех атрибутов государственности, фактическим хозяином Маньчжоу-диго была Японская военная миссия (ЯВМ). Авторы геополитической доктрины «Императорского пути» считали завоевание Маньчжурии жизненно необходимым этапом на пути к созданию «нового порядка» или «сферы процветания Великой Восточной Азии». Японские паназиатисты создали своеобразную иерархическую систему этнических ценностей по квазисемейному принципу, согласно которой во главе семьи азиатских народов стояла японская нация, вооруженная идеалами «расы Ямато» и призванная повелевать отставшими в своем развитии аморфными народами других стран Азии»[2]. Белая раса объявлялась чуждой азиатскому миру и должна была уступить японцам свои завоевания в Азии. Одним из препятствий на пути реализации имперских амбиций Японии являлся Советский Союз. После неудачной пробы сил в Приморье (1938 г.) и на территории МНР (1939 г.) японские стратеги отложили войну с СССР до удобного момента и повернули вектор имперской агрессии на Тихий океан. Удобный момент во многом зависел от успеха гитлеровской Германии на Восточном фронте.

ЯВМ рассчитывала использовать «белую» эмиграцию в борьбе за «новый порядок в Восточной Азии», частью которой являлся захват советских территорий в Сибири и на Дальнем Востоке. Для контроля над эмигрантами и превращения их в лояльных подданных Маньчжоу-диго было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), во главе которого, сменяя друг друга (в зависимости от обстоятельств), стояли бывшие «белые» генералы: В. В. Рычков (1934–1935 гг.), А. П. Бакшеев (1935–1938 гг.), В. А. Кислицин (1938–1943 гг.), Л. Ф. Власьевский (1943–1945 гг.). Деятельностью Бюро руководили советники из ЯВМ. Кроме административного управления и культурно-воспитательной работы, Бюро занималось контрразведывательной и разведывательной работой против Генконсульства СССР, иностранных консульств и советских граждан.

В годы войны на Тихом океане эмигранты, как и все население Маньчжоу-диго, были включены в систему обеспечения ресурсов для японской армии. Началась жесткая экономия продовольствия, все ресурсы страны были мобилизованы на помощь фронту. Повсюду прошли массовые общественные мероприятия, разъясняющие пафос великого момента. 12 декабря 1941 г. эмигрантская газета «Заря» поместила информацию с места событий о «всенародном» собрании у храма Харбин Дзиндзя, посвященном началу войны на Тихом океане. Подробно перечислялись элементы церемонии: флаги и гимны Японии и Маньчжоу-диго, поклонение в сторону резиденций обоих императоров, «молитвенная минута молчания для осознания грандиозности одерживаемых побед…» и т.д.[3]

Хозяева марионеточной «империи» планировали использовать белоэмигрантов в будущей войне с СССР, а после победоносного ее завершения – для управления освобожденными от коммунистов территориями. С этой целью создавались специальные воинские подразделения, готовившие контингент для боевых действий на территории СССР, диверсантов, разведчиков. В 1943 г. в составе Армии Маньчжоу-диго числилось три русских воинских отряда: на станциях Сунгари-2 и Ханьдаохэцзы, в районе г. Хайлар. В каждом отряде насчитывалось от 200 до 300 чел. Служба была обязательной для всех мужчин призывного возраста, а после ее окончания они переходили в разряд резервистов. Специалисты для подрывной работы против СССР готовились также в подразделениях ЯВМ и на курсах при Российском фашистском союзе.

ЯВМ поставила на поток «добровольные» пожертвования населения на оборону государства и подарки воинам. Уклониться от этой благотворительной мисси было практически невозможно. О «потоках» добровольных пожертвований на «оборону государства» пресса сообщала ежедневно. Несмотря на бесперебойную идеологическую обработку населения, уверенности в его лояльности у властей по-прежнему не было. Иначе трудно объяснить появление так называемого «Закона о сохранении общественного спокойствия», направленного против «идеологических злоумышленников», сулившего таковым смертную казнь или пожизненное заключение[4]. Не все «злоумышленники» проходили официальные процедуры, предписанные режимом. Случалось, они бесследно исчезали, особенно те, за которыми не стояли родственники или связи. После войны выяснилось, что они становились материалом для испытаний бактериологического оружия в отряде № 731.

В целях обеспечения политической лояльности эмигрантов бесперебойно работала мощная пропагандистская машина. Русскоязычные средства массовой информации ежедневно сообщали об успехах германских войск, взявших на себя миссию борьбы с Коминтерном. О реальном положении дел на советско-германском фронте эмигранты узнавали от советских граждан или иными, тайными путями. Ход войны на Тихом океане также освещался исключительно в победоносном духе. Даже в 1944–1945 гг., когда поражение Японии было очевидным, в средствах массовой информации и официальных публичных речах превозносилась жертвенность летчиков-камикадзе, которая должна была вселить в общественное сознание чувство гордости за воинов нации Ямато. «Воспитанная на принципах *Бусидо*, ниппонская армия проникнута духом непревзойденного героизма, – писал «Луч Азии», – и каждый ее представитель с готовностью отдает жизнь во имя победы над врагом. …Эта жертвенность и героизм впитались в кровь и плоть ниппонского воина и неуклонно ведут его по пути славы…»[5]. Во время ожесточенных боев за остров Иводзиму в марте 1945 г. «Луч Азии» опубликовал статью оптимистического содержания под заголовком: «Экономически и духовно Америка не выдержит войны». Этот же номер сообщал о *росте производственного потенциала молодой империи Маньчжоу-диго*, которая «является сырьевой базой сферы взаимного процветания». Существенную часть этого потенциала составляли русские эмигранты, успешно трудившиеся в производственной сфере[6].

Однако, несмотря на тотальный контроль, массированную антисоветскую пропаганду и насаждение ценностей «нового порядка», подавляющая часть эмигрантов заняла позицию «оборонцев», т.е. поддерживала борьбу СССР против гитлеровской Германии и осуждала имперскую политику Японии. В ЯВМ, жандармерию, БРЭМ поступали донесения агентов о росте оборонческих настроений среди эмигрантов. Те, кто поддерживал официальную позицию властей, назывались «пораженцами». Чаще всего это были члены фашистской партии или сторонники атамана Г. М. Семенова, назначенного японцами главой русской эмиграции в Маньчжурской империи.

Культурно-воспитательный отдел Бюро получил указание усилить работу по противодействию советской пропаганде, но попытки навязать русскому населению ценности «нового порядка» успеха не имели. В Генеральном консульстве СССР в Харбине отмечался поток заявлений от эмигрантов о переходе в советское гражданство. Многие содержали просьбу отправить их на советско-германский фронт, чтобы вместе с советским народом защищать Родину от фашистов.

Об этом, в частности, свидетельствует донесение одного из агентов БРЭМ о закрытом заседании общественности по борьбе с оборончеством, датированное 1942 г. Докладчиком на собрании был начальник культурно-воспитательного отдела, вождь русских фашистов К. В. Родзаевский. Он заявил, что оборончество – дело рук советской агентуры, и эмигранты должны противостоять красной пропаганде. Из текста донесения видно, что единодушия по поводу текущего момента у собравшихся не было. Так, например, один из выступавших, некто В. Д. Маракулин, сетовал, что «здесь правды сказать нельзя, так как это было бы лебединой песней для оратора…». Он же высказал надежду на то, что, победив Германию,

русский народ справится и с большевиками. Агент, написавший донесение, оставил по этому поводу комментарий: «…Вся речь Маракулина – пропаганда оборончества». Заметим, что упомянутый Маракулин в 1925–1932 гг. имел советский паспорт и служил на КВЖД, а в 1932 г. он перешел в эмигрантское состояние, так как «не разделял… идеологии СССР»[7].

Маньчжурские власти приняли срочные меры по предотвращению роста «оборончества». Лиц, возбудивших ходатайство о переходе в советское гражданство, лишали продовольственных и хлебных карточек. Советских граждан увольняли с работы, детей исключали из школ, отдельных лиц депортировали в СССР. Официально причина депортации объяснялась «вредной деятельностью» против Маньчжоу-диго и сокрытием факта обращения в советское консульство по поводу гражданства.

Рост числа «оборонцев» создавал базу для усиления агентурной сети советской разведки среди служащих ЯВМ, БРЭМ, прочих официальных и частных учреждений и организаций. Генеральное консульство СССР активно способствовало расширению лагеря «оборонцев» через свои каналы. По свидетельству Г. Г. Пермякова, работавшего в те годы переводчиком в Генконсульстве, его коллеги, специалисты по белой эмиграции, делили своих информаторов из числа эмигрантов на ряд видов и подвидов: «болтуны», которые выдают важные тайны; обиженные знатоки; пассивные или инициативные слухачи; случайные осведомители; платные информаторы, которые знают важные вещи, но дают их только за деньги; штучные уведомители; ревнивые и злобные или обиженные доносчики; шпионы-любители; идейные разведчики – наиболее ценные помощники; информаторы-патриоты; агенты-двойники – «и вашим, и нашим»; опытные внедрённые разведчики; бесценные спаи-самородки»[8].

В 1942–1945 гг. прочные позиции в Маньчжоу-диго имели дальневосточные чекисты. Только Хабаровское управление направило в марионеточную империю 32 агента-вербовщика, которые создали там агентурную сеть из 20 человек и 30 агентов-связников. В 1943 г. хабаровская разведка имела агентов, которых можно было использовать в изучении и разработке сотрудников ЯВМ, полиции и отдельных представителей белой эмиграции. В советскую агентурную сеть были вовлечены бывшие офицеры «белых» армий и лица гражданских сословий, монархисты и фашисты, поменявшие свои убеждения из патриотических чувств или под давлением обстоятельств.

На советскую резидентуру в 1940-е гг. работали представители эмигрантской политической и военной элиты Маньчжоу-диго, среди которых полковник Я. Я. Смирнов – служащий ЯВМ, позднее командир Русского воинского отряда на Сунгари-2; Гурген Наголен (Ассерьянц) – подполковник Главного штаба армии Маньчжоу-диго; начальник 3-го отдела и фактический глава контрразведки БРЭМ М. А. Матковский и др. Во многом, благодаря их усилиям, накануне Советско-японской войны 1945 г. руководство Красной армии было осведомлено о численности и дислокации частей Квантунской армии, настроениях местного населения.

В те дни, когда под ударами советских войск рушилось марионеточное государство Маньчжоу-диго, спасение мирного населения требовало от БРЭМ большого напряжения усилий. Под руководством Генконсульства СССР и Общества советских граждан работал Штаб обороны Харбина, в который вошло немало эмигрантов, в том числе и служащих Бюро. Штаб охранял город от мародеров всех мастей, не допустил уничтожения объектов жизнеобеспечения города, разрушения мостов и дорог.

Примечания

[1] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.
[2] *Сила-Новицкая Т. Г.* Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М., 1990.
[3] Заря. 1941. 12 дек.
[4] Там же. 21 дек.
[5] Луч Азии. 1945. № 12. С. 11.
[6] Там же. 1945. № 6. С. 5, 16.
[7] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 29296. Л. 1–20.
[8] *Пермяков Г.* Отряд 731 // Рубеж. 2004. № 5. С. 246–297.

В. П. Зимонин,
доктор исторических наук, профессор Военного университета и Московского государственного лингвистического университета, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Военные преступления Японии на Востоке России и в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона в первой половине XX века не должны подлежать забвению

Аннотация
Первая половина XX века отмечена масштабными военными преступлениями Японии, совершенными ею в ряде войн и военных конфликтов на просторах Востока России и в зоне АТР, которые, как правило, начинались без или до объявления войны и велись варварскими методами.
Ключевые слова: Япония, вероломство, военные преступления, японо-русская война, интервенция, Дальний Восток, Сибирь, 1931 год, Маньчжурия, Вторая мировая война, бактериологическое оружие.

V. P. Zimonin,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Military University and Moscow State Linguistic University, Corresponding Member of the Russian Academy of the Rocket and Artillery Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation

Japan's war crimes in the East of Russia and in the Asia-Pacific region in the first half of the twentieth century should not be forgotten

Abstract
Japan's war crimes in the East of Russia and in the Asia-Pacific region in the first half of the twentieth century should not be forgotten Abstract: The first half of the twentieth century was marked by large-scale war crimes committed by Japan during a number of wars and military conflicts in the vast expanses of the East of Russia and in the Asia-Pacific region, which, as a rule, began without or before the declaration of war and were conducted by barbaric methods.
Keywords: Japan, treachery, war crimes, the Japanese-Russian War, intervention, the Far East, Siberia, 1931, Manchuria, World War II, bacteriological weapons.

Военные действия в Японо-русской войне 1904–1905 гг. были начаты Японией внезапно, до формального объявления войны России. Толчком к обострению противоречий между Японией и Россией послужила Японо-китайская война 1894–1895 гг. Одержав победу в ней, Япония отторгла от цинского Китая о. Тайвань и Ляодунский п-ов. Для России стали очевидными планы Токио по овладению Кореей и Маньчжурией, а это означало бы выход японской армии непосредственно к границам России. Именно для ликвидации способности России не допустить развития японской экспансии на материк Япония развернула масштабные военные действия, направленные на уничтожение российских вооруженных сил, и ее влияния на Дальнем Востоке.

В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. японский флот под командованием вице-адмирала Того внезапно атаковал русскую эскадру, стоявшую в полном соответствии с соглашением с китайским правительством на порт-артурском рейде. Потери русских моряков оказались весьма чувствительными: были выведены из строя два броненосца и крейсер. Одновременно японцы попытались захватить русские военные корабли, зашедшие в корейский порт Чемульпо. Крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» приняли неравный бой, но затем были вынужденно затоплены своими командами. Так буквально за два дня еще не объявленной войны баланс военно-морских сил изменился в пользу Японии.

Лишь 10 февраля Япония официально объявила войну России. 29 апреля японцы нанесли первое поражение сухопутным силам России (Тюренченский бой), перешли пограничную реку Ялу и стали углубляться в Маньчжурию. Началась осада Порт-Артура. Эта хорошо защищенная с моря крепость на Ляодунском полуострове со стороны суши практически не

была укреплена. Но и в этих неблагоприятных условиях гарнизон Порт-Артура несколько месяцев успешно отражал атаки японцев. Под стенами морской крепости японская армия потеряла свыше 110 тыс. солдат и офицеров. Менее успешно действовали российские военные корабли, фактически запертые в бухте Порт-Артура. Попытка выйти в море и дать бой японскому флоту провалилась. Броненосец «Петропавловск», вышедший 13 апреля 1904 г. из бухты под флагом командующего Тихоокеанским флотом адмирала С. О. Макарова, напоролся на расставленные японцами мины и пошел ко дну. 2 января 1905 г. комендант Порт-Артура генерал Стессель предательски сдал крепость японцам. Неблагоприятно складывалась для русских войск и ситуация на территории Маньчжурии. Последним аккордом в этой трагической для россиян череде событий стало Цусимское сражение. Ослабленная дальним переходом с Балтики, русская эскадра не смогла оказать должного сопротивления заранее развернутому в боевые порядки японскому флоту и 15 мая была разгромлена. В результате агрессивной, осуществлявшейся жестокими методами войны Япония отторгла от России Южный Сахалин, утвердилась на Курильских о-вах, закрыв для России выход в Тихий океан[1]. Дипломат Ё. Судзуки, служивший на Сахалине, сообщал своему правительству в секретном отчете: «Во время оккупации Сахалина немало русских было казнено из-за неблагонадежных действий». В результате все русское население было либо истреблено, либо изгнано (всего население острова сократилось приблизительно на 10 тыс. человек). Архиепископ Токийский и Японский Николай (Иван Касаткин) свидетельствовал: «…Японцы показали себя в своем натуральном виде: массы мирных жителей избивали без всяких причин, женщин насиловали, других женщин и детей рубили и расстреливали так же, как мужчин».

Победа над Россией открыла для Японии новую страницу ее истории. Страна восходящего солнца стала крупной колониальной империей, способной на равных разговаривать с крупными державами и диктовать свою волю слабым. Овладев Южным Сахалином, Квантунской областью, утвердившись в Южной Маньчжурии и на Тайване, а в 1910 г. и установив жесткий колониальный контроль над Кореей, Япония приобрела гигантские возможности наживаться на контрибуциях от Китая и грабеже экономик обоих государств и стала готовиться к захвату новых территорий.

В начальный период Первой мировой войны, в августе – октябре 1914 г., японская пресса развернула внутри страны кампанию, которая была призвана показать, что, хотя события войны происходят на Западе, они серьезно угрожают стабильности в Азии и в связи с этим непосредственно затрагивают интересы Японии. В стратегических планах Японии предусматривался захват приморских районов Китая, а также обеспечение контроля над северной частью Тихого океана, поэтому конкретным объектом японских нападок стала Германия, обладавшая опорными позициями в приморском районе Шаньдуна и владевшая группой тихоокеанских островов – Маршалловыми, Марианскими и Каролинскими. Чтобы поднять «ярость масс» против Германии, японское правительство сделало официальное заявление, в котором утверждалась историческая враждебность Германии к Японии. Этот надуманный аргумент антигерманской пропаганды был предложен японской военщиной[2].

В связи с быстрым экономическим развитием Японии и усилением зависимости от эксплуатации внешних ресурсов правящие круги все чаще стали заявлять о своих притязаниях на «специальные права» в Китае[3] и, замышляя еще более широкие планы агрессии на Дальнем Востоке, вновь усилили пропаганду мнимых «освободительных целей» Японии, якобы направленных против «белого империализма». В стране и за ее пределами распространялись лозунги паназиатизма[4].

Официальное вступление Японии 23 августа 1914 г. в Первую мировую войну на стороне Антанты повлекло образование Азиатско-Тихоокеанского (Дальневосточного) театра войны, создавшего угрозу интересам и безопасности ряда стран, в том числе Китаю и России. «Япония… – отмечал в 1920 г. В. И. Ленин, уделявший большое внимание анализу места и роли этой страны в мировой политике, – выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая азиатский материк»[5].

Япония еще 8 августа, не объявляя войны имевшей крупные владения в Китае Германии, ввела свой флот в территориальные воды Китая[6]. Воспользовавшись концентрацией основных усилий Германии в Первой мировой войне на Европейском театре, она смогла в сентябре – ноябре 1914 г. отобрать у Германии, при некотором содействии Англии, владения с военно-морской базой Циндао на Шаньдунском полуострове Китая, а также Каролинские, Маршалловы и Марианские острова[7], что укрепило позиции Японии в АТР.

Следует отметить, что Шаньдун была большой китайской провинцией с населением 30 млн человек, богатой полезными ископаемыми, с портами, имевшими важное коммерческое и стратегическое значение. Обладание Шаньдуном уже давало возможность держать под угрозой Пекин и Тяньцзинь[8]. Но японские империалисты этим не ограничились. 18 января 1915 г. японский посол предъявил китайскому правительству унизительную ноту, состоявшую из «21 требования». Необычной была сама обстановка вручения этого документа. В нарушение установившихся обычаев он был вручен, минуя Министерство иностранных дел, лично президенту Юань Шикаю, к которому японский посол явился ночью. Первое, что увидел, развернув ноту, китайский президент, были дредноуты и пулеметы, изображенные водяными знаками на бумаге, в которой излагались японские требования. Это был жесткий ультиматум, отвергнуть который Китай не смог, и Япония фактически захватила господствующие позиции в этой стране.

Относительно легкий захват германских владений в Китае и на Тихом океане и ряда других китайских территорий, значительный рост экспорта японских товаров на рынки Азии и открытый грабеж местных ресурсов позволили империалистической Японии значительно укрепить свое положение в этом регионе.

Воспользовавшись революционными событиями и гражданской войной в России, Япония 5 апреля 1918 г. высадила во Владивостоке военный десант и приняла активное участие, а затем возглавила вооруженную интервенцию западных держав на Дальнем Востоке и в Сибири Советского государства. Был даже период, когда штаб интервенционистских войск Японии располагался в городе Омске. К началу октября 1918 г. численность японских войск в Приморье России достигла 70 тыс. человек, а всего на российской территории действовало 175 тыс. японских военнослужащих[9].

Во время оккупации русского Дальнего Востока японцы проводили планомерное физическое уничтожение русского населения[10]. Только за несколько месяцев 1920 г. в одном Владивостоке японцы убили 7 тыс. русских. Население Хабаровска за годы оккупации сократилось с 52 до 30 тыс. человек, а население Забайкалья – на 30,8%.

Символом зверств японских оккупантов стало село Ивантеевка, уничтоженное карателями 12-й бригады японской оккупационной армии в Приамурье 22 марта 1919 г. Накануне генерал-майор С. Ямада издал приказ об уничтожении всех тех сел и деревень, жители которых поддерживают связь с партизанами. В качестве первой жертвы было выбрано село Ивантеевка. Сначала японская артиллерия обрушила на село шквальный огонь, в результате чего в ряде домов начались пожары, а затем туда ворвались японские солдаты. Сначала каратели выискивали мужчин и там же на улицах расстреливали их или закалывали штыками. Оставшиеся живыми были заперты в нескольких амбарах и сараях и сожжены заживо. Как показало проведенное впоследствии расследование, после этой резни было опознано и захоронено 216 жителей села, но большое число обуглившихся в огне пожаров трупов так и осталось неопознанным.

В деревнях Мажаново и Сохатино карательный отряд по приказу командира, капитана Маэды, расстрелял «за связь с большевиками» всех жителей, включая женщин и детей, а сами деревни были сожжены дотла.

В марте 1919 г. были подвергнуты «чистке» еще не менее десяти деревень Рождественской волости. Так, деревня Круглая была в 1919 г. «зачищена» 2 раза: 17 февраля было сожжено 23 двора, 25 октября – еще 67 дворов, имущество разграблено. В деревне японцами было расстреляно 25 человек, «после которых осталось 25 душ семейств».

Сожженный в паровозной топке заместитель председателя Военного совета Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы Сергей Георгиевич Лазо и вырванное из разрезанной груди сердце партизана и одного из руководителей владивостокского подполья Виталия Борисовича Бонивура – до таких зверств дошла японская военщина.

В апреле 1920 г. под предлогом «платы за кровь» японских солдат, погибших в ходе интервенции, японские войска были введены на Северный Сахалин. Все русские географические названия были немедленно заменены японскими.

Но удержаться в России дошедшим до Сибири и Забайкалья японским войскам не удалось. Оккупированная зона Сибири и Дальнего Востока под нажимом героически действовавших революционных войск стала неуклонно сокращаться. В октябре 1920 г. японцы оставили Хабаровск. Япония была вынуждена пойти на мирные переговоры с правительством Дальневосточной Республики. 25 октября 1922 г. японское командование объявило о выводе своих войск из Приморья. Но еще 5 лет японцы продолжали грабить Северный Сахалин, пока не были принуждены покинуть его в 1925 г.

Когда речь идет о причинах, ходе и исходе Первой мировой войны, то, как правило (и это вполне естественно для европейцев), главный акцент делается на событиях в Европе и нередко забывается об огромном Азиатско-Тихоокеанском регионе, где, несмотря на отсутствие крупномасштабных военных действий, также были сторонники передела мира. Япония, воспользовавшись весьма благоприятными для себя итогами Первой мировой войны, спустя чуть более 10 лет, 18 сентября 1931 г., вновь вторглась в китайскую Маньчжурию, колонизировала ее жесточайшими методами, что явилось первым очагом Второй мировой войны. Именно Япония развернула и вела непрерывно в течение 14 лет войну геноцида в Китае, совершила в 1938 г. мощную агрессивную вылазку против СССР в районе оз. Хасан, а затем, в мае – сентябре 1939 г., еще более масштабную, с применением химического оружия, агрессию на территорию Монголии у реки Халха. Эта халхин-голская авантюра в приговоре Токийского трибунала названа агрессивной войной Японии против Монголии и Советского Союза[11]. Лишь твердый отпор японскому агрессору со стороны Красной армии предопределил отказ милитаристской Японии от реализации имевшихся в то время планов полномасштабной войны против СССР. Тогда Япония пошла на развертывание в декабре 1941 г. войны против США и ряда других стран на огромных просторах Тихого и Индийского океанов.

Спровоцированный крайними националистами так называемый маньчжурский инцидент 1931 г. привел к захвату размещенной в Маньчжурии Квантунской армией Мукдена и ряда других объектов. Это фактически поставило Маньчжурию в положение военной колонии Японии, где акты жестокости и насилия со стороны японских солдат приняли массовый характер. В 1932 г. на ее территории было образовано марионеточное государство Маньчжоу-го. Лига Наций потребовала от Токио прекратить военные действия в Китае и вывести оттуда войска. Однако в марте

1933 г. Япония заявила о своем выходе из Лиги Наций. Вскоре Квантунская армия заняла весь Северный Китай, превратившись в Квантунскую стратегическую группировку войск.

Эти масштабные агрессивные акции не были случайными «инцидентами», как пытается представить их современная японская историография. Они полностью вписывались в представленный премьер-министром, министром иностранных дел и колоний генералом Г. Танакой императору Хирохито меморандум, в котором была изложена «дорожная карта» участия Японии в переделе мира. Не вдаваясь в подробности «меморандума Танаки» (военные историки современной Японии подробно цитируют его в восьмом томе 100-томной «Официальной истории войны в великой Восточной Азии»), следует отметить, что японцы планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Танака считал необходимым и «сокрушение Соединенных Штатов Америки»[12].

Именно Япония, развернув – и это следует особо отметить – еще до прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером – серию военных агрессивных акций в Китае, стала инициатором гигантского вселенского пожара, который почему-то абсолютно необоснованно только с 1 сентября 1939 г. (нападение Германии на Польшу) стал называться Второй мировой войной. В результате этого пожара, полыхавшего неподалеку от границ СССР и по всему миру (Китай, Ливия, Эфиопия, Испания, Албания, Монголия…), жертвами фашистско-милитаристских агрессоров к началу Второй мировой войны уже стали до полутора десятков миллионов человек, в т.ч. в Китае – до 10 млн человек[13].

Что касается Японии, то она, по-прежнему осуществляя политику оккупации и колонизации ряда стран АТР, использовала там осужденные Токийским и Хабаровским военными трибуналами методы геноцида, грабежей и насилия, приведшие только в Китае к гибели около 35 млн человек.

Кратко назову некоторые из вопиющих преступлений японской военщины, которые подпали под рассмотрение и осуждение Хабаровским трибуналом, прежде всего связанные с разработкой и применением бактериологического оружия, о чем подробно изложено в публикации японоведа А. А. Кошкина[14].

Опубликованные ранее исследования и новые документы, раскрытые ФСБ РФ, свидетельствуют о том, что японское правительство сознательно шло на нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Идеолог бактериологической войны генерал Сиро Исии, цитирует А. А. Кошкин, заявлял: «Лица, пораженные стрелковым или артиллерийским оружием или подвергшиеся авиационной бомбардировке, после соответствующего лечения могут вернуться в строй. Что касается бактериологического оружия, то оно передает заразу от человека к человеку, проникает с пищей и водой в организм человека, дает значительно больший эффект, чем стрелковое, артиллерийское или авиационное оружие, выводит из строя массу людей, не поддается лечению и гарантирует, что объект нападения больше в строй не вернется».

Центры разработки бактериологического и химического оружия располагались в приближенных к границам Советского Союза районах. Главнокомандующий Квантунской группировкой войск четырехзвездный генерал Ямада признавался на Хабаровском процессе: «…Отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая».

Первоначально секретные лаборатории были замаскированы под названиями «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии», а впоследствии получили шифрованные наименования отряд № 731 и отряд № 100.

В лабораториях отрядов в огромных количествах выращивались возбудители чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа и других смертельных болезней. В отряде № 731 и его четырех филиалах в массовых масштабах выращивались блохи для последующего заражения их бактериями. Генерал Ямада признавал, что только один отряд № 731 «мог бы обеспечить своим оружием [всю] японскую армию для ведения бактериологической войны». В этом отряде систематически проводились чудовищные по своей жестокости эксперименты над живыми людьми, которых называли «бревнами». С конца 1937 г. и до лета 1945 г. в отряде № 731 были умерщвлены более 4 тысяч человек, в том числе десятки советских людей. В отрядах № 731 и № 100 людей целенаправленно заражали болезнетворными микробами и изучали, как распространяются в организмах инфекции (в том числе и вырезая у живых людей внутренние органы). Помимо этого, в отрядах ставились и иные эксперименты: реакция организма на холод, обезвоживание, кипяток, электроток, проведение хирургических операций без обезболивания, искусственно вызывали инсульты, инфаркты…

В 1939–1940 гг. на стратегических направлениях, выводящих к границе СССР, велась подготовка к широкому применению бактериологического оружия. Оно было, в частности, применено против СССР и МНР во время необъявленной войны на Халхин-Голе путём заражения этой реки бактериями брюшного тифа, паратифа, дизентерии.

С мая 1940 г. Квантунская группировка приступила к применению такого оружия против войск и мирного населения Китая. Существуют данные о том, что в 1941–1942 гг. в результате бактериологических атак в Китае неоднократно возникали эпидемии чумы. Их жертвами стали многие сотни людей.

Токийским судебным процессом было установлено, что в 1942 г. отрядами № 731 и № 100 активно

велась специальная разведка пограничных районов Советского Союза с целью подготовки к нанесению ударов бактериологическим оружием. В годы войны в диверсионных целях заражались пограничные водоёмы в районе Трёхречья.

На протяжении 14 лет (1931–1945) в плену у японцев оказались тысячи советских людей, в их числе военнослужащие, пропавшие без вести в 1938 и 1939 гг. (бои на оз. Хасан и на Халхин-Голе), а также выкраденные на территории СССР. Многих размещали в концлагере «Хогоин» («Приют») в районе Харбина. Руководители этого «приюта» свидетельствовали: «Не покорившиеся японским интересам советские военнослужащие… физически истреблялись, причем…над обреченными к гибели советскими людьми предварительно проводились различные опыты в целях испытания новых химических отравляющих веществ и бактериологических средств».

Генерал Ямада подтвердил на Хабаровском судебном процессе: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской армии в глубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран».

Учитывая уроки полувековой истории японской политики войн и агрессий, мировому сообществу следует обратить внимание на ускоряющийся рост милитаризации современной Японии, имеющей ныне военный бюджет, превышающий 50 млрд долл., что больше, чем тратят ядерные Великобритания и Франция, и занимающей вопреки послевоенным международным решениям и 9-й статье собственной Конституции, по различным оценкам, 4–5-е место в мире по совокупной военной мощи. Современная численность только регулярных войск Японии составляет 250 тысяч человек, что превышает численность армии, с которой она совершила в 1931 г. свою первую агрессию в Маньчжурии в инициированной ею мировой войне, а содержащийся на территории Японии (на 70% за свой счет) ударный кулак США составляет еще 50 тысяч. При этом США заявляют о том, что было бы неплохо, если бы Япония, а заодно и Южная Корея, где также дислоцируются американские войска, получили ядерное оружие, о котором мечтают и некоторые японские политические деятели.

Своеобразную роль в «поощрении» милитаристского курса сегодняшней Японии играет и Россия, стыдясь отмечать установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. и никем не отмененный «День Победы над Японией» – 3 сентября и введя безликий «День окончания мировой войны». А ведь советские войска во главе с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским (установление которому уже готового памятника в Москве заблокировано депутатами-яблочниками района Хамовники) не только принудили Японию к капитуляции, но и фактически спасли 10 млн жизней тех японцев, которых американцы планировали «пустить в расчет» в случае, если бы им пришлось завершать войну с Японией без СССР. Красная армия, быстро принудив японские войска к капитуляции, спасла сотни тысяч, если не миллионы людей и от гибели под воздействием накопленных запасов бактериологического оружия, которое японское командование не успело применить.

Преступления японской военщины не должны подлежать забвению.

Примечания

[1] См.: *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. М.: Библиотека Николая Старикова, 2019. С. 12.

[2] См.: Японский милитаризм: военно-историческое исследование / Под ред. и с вступ. статьей академика Е. М. Жукова. М., 1972. С. 71.

[3] См.: *Исии К.* Дипломатические комментарии / Ред. и пред. А. А. Трояновского. М., 1942. С. 100.

[4] См.: Японский милитаризм. С. 69.

[5] *Ленин В. И.* II Конгресс Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 52. М., 1963. С. 218.

[6] См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 1: Первая мировая война. Ист. очерк. М., 2005. С. 345; *Сладковский М. И.* Китай и Япония. М., 1971. С. 107.

[7] *Сладковский М. И.* Китай и Япония. Р. 123; *Строков А. А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг.). М., 1967. С. 348, 350.

[8] *Исаков И. С.* Избр. труды. Океанология, география и военная история. М., 1984. С. 82, 83, 87; *Исаков И. С.* Операция японцев против Циндао в 1914 г. М., 1936. С. 82–84; Японский милитаризм. С. 490.

[9] См.: *Савин А. С., Носков А. М., Зимонин В. П.* и др. Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1983. С. 24.

[10] См. подробнее: *Луганский В.* Путь Бусидо. URL: https:// denis81volkov.Livejournal.com/ 47366.html. 2018. 24 окт.

[11] Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 157.

[12] Дайтоа сэнсо кокан сэн си: Официальная история войны в великой Восточной Азии: в 110 т. Токио, 1960–1980. Т. 8. С. 138–139.

[13] *Зимонин В.* «Канун» войны с жертвами в более чем 10 миллионов человек! Когда же началась Вторая мировая война? // ИА REGNUM. 2019. 30 дек. URL: https:// regnum.ru /news/polit/2821415.html (дата обращения: 10.02.2020).

[14] *Кошкин А.* План войны против СССР «Кантокуэн» и японское бактериологическое оружие. Центры разработки бактериологического оружия располагались в приближённых к советским границам районах // ИА REGNUM. 2021. 17 авг. URL: https://www. fondsk. ru/ news/2021/08/17/plan-vojny-protiv-sssr-kantokuen-i-japonskoe-bakteriologicheskoe-oruzhie-54258.html.

На Чон Чжу,
магистр биотехнологий, сопредседатель Корейско-Российского совета экономического развития (Республика Корея)

Японская оккупация Кореи (1910–1945 гг.)

Аннотация
В период оккупации Кореи в 1910–1945 гг. Япония проводила политику грабежа природных, в том числе продовольственных ресурсов страны, установила военно-фашистский режим, который выполнял задачу уничтожения корейского народа, корейского языка, корейской культуры, чтобы стереть корейцев с карты мира. Эта политика не может быть названа иначе, чем геноцид корейского народа. Советская армия вынудила Японию капитулировать и вступила в Корею как армия освобождения.
Ключевые слова: Корея, японская оккупация, военно-фашистский режим, политика геноцида, грабеж ресурсов.

Na Jeong Joo,
Master of Biotechnology, Co-Chairman of the Korean-Russian Economic Development Council

Japanese Occupation of Korea (1910–1945)

Abstract
During the occupation of Korea 1910–1945 Japan pursued a policy of plundering the natural, including food resources of Korea, established a brutal military fascist regime that carried out the task of exterminating the Korean people, destroying the Korean language, Korean culture in order to erase the concept of Koreans from the world map. This policy cannot be called anything other than genocide of the Korean people. The Soviet Army forced Japan to capitulate and entered Korea as the Liberation Army.
Keywords: Korea, Japanese occupation, fascist military regime, policy of genocide, plunder of resources.

Японский военно-фашистский режим порабощения и угнетения.

Время японской оккупации было особым периодом в долгой истории корейской нации, нанесшим самую большую и сильную рану. Нельзя правильно понять историю Кореи этого периода без понимания особенностей колониальной политики Японии, которая отличалась от колониальной политики западных стран. Особенностями колониальной политики Японии в Корее стали геноцид корейской нации и колониальная экспроприация.

Велико отрицательное влиянии японской оккупации на историю Кореи. Японские империалисты не только затормозили начавшуюся в Корее самостоятельную модернизацию, но и законсервировали социальное развитие. Япония проводила массовые убийства и экспроприацию, а результатом оккупации стал раскол нации на Север и Юг. Страдания, которые несет корейская нация из-за раскола, если посмотреть на глубинные причины, также возникли из-за оккупации страны японским империализмом.

29 августа 1910 г. японский империализм полностью отнял суверенитет Корейской империи и, совершив колониальную оккупацию, создал для ее управления Корейское генерал-губернаторство во главе с назначенным генерал-губернатором, облеченным чрезвычайными диктаторскими полномочиями. Генерал-губернатор имел не только административную, но и законодательную, судебную и военную власть, являясь командующим так называемой Корейской армией. Генерал-губернатором назначался только японец в чине генерала армии сухопутных войск или соответствующего ранга военно-морского флота. Тем самым Корея была отдана под контроль японской армии, и, соответственно, управление страной осуществлялось военными методами. Необходимые для колониального управления «законы» также издавались указами генерал-губернатора, и поэтому они, имевшие силу законов, назывались имперскими указами. Таких властных полномочий у лиц, управлявших колониями, не было ни на Западе, ни на Востоке ни прежде, ни теперь.

Японские власти наделили генерал-губернатора правом решать по своему усмотрению все вопросы жизни и смерти корейцев и право подавления освободительного движения. Поэтому нельзя отрицать, что законы, охранявшие достоинство страны, применялись выборочно. Корея не была страной, где законодательство определялось Конституцией. Это означало, что не по указам императора, а имперскими

указами генерал-губернатора деспотично, фашистски управлялась захваченная территория.

Аппарат управления генерал-губернатора состоял из 6 департаментов, каждый из которых, в свою очередь, имел 6 управлений, а каждое управление – 6 отделов. Численность чиновников администрации составляла 15 115 человек. Подавляюще большинство чиновников были японцами. По правилам найма сотрудников в администрацию генерал-губернатора на сколько-нибудь ответственные должности было запрещено нанимать корейцев. Ни один начальник, будь то руководитель группы, старший бухгалтер или старший кассир, не должен был быть корейцем. Из 15 с лишним тысяч чиновников очень малая часть была корейцами, и то на рядовых должностях.

10 сентября 1910 г. был создан еще один самостоятельный орган – Уголовная полиция. Система уголовной полиции предусматривала отношение к корейцам как к потенциальным или реальным уголовникам. И обычная полиция в сотрудничестве с уголовной полицией занималась слежкой за обычными корейцами по военным правилам. В соответствии с функциями уголовной полиции его командующий становился начальником Центрального управления всей полиции в Корее, соответственно, в каждой провинции начальник уголовной полиции был директором всего полицейского управления провинции. Разумеется, это не означало, что при такой системе исчезла обычная полиция. Просто вся полицейская система стала управляться военными методами, и она занималась прежде всего обслуживанием интересов уголовной полиции.

В 1911 г. уголовная полиция имела 935 участковых отделений общей численностью в 7749 чел. Обычные полицейские силы имели 667 участковых отделений численностью 6222 чел. Таким образом, Уголовная полиция в Корее в 1911 г. имела в своем составе и управляла 1602 отделениями численностью 13 971 чел.

Только на начальном этапе японской оккупации силовые структуры Японии в Корее составляли: 1) полиция под общем командованием уголовной полиции – 13 971 чел., 2) регулярные японские войска численностью 23 тыс. чел., 3) административный персонал генерал-губернаторства в 15 115 чел. Общая численность силового аппарата составила 52 086 чел. Таким образом, вместе с административными органами в Корее была создана паучья сеть силовой системы подавления населения, грабежа природных ресурсов и внедрения колониальной политики.

Превращение Кореи в сырьевой придаток японской промышленности и рынок сбыта японской продукции.

29 декабря 1910 г. генерал-губернатор издал Указ о бизнесе, который содержал следующие положения: 1) учреждение фирмы без разрешения властей карается тюремным заключением; 2) власти имеют право любую созданную с разрешения властей фирму в любое время распустить, если ее действия противоречат интересам Японии, японского бизнеса. В соответствии с ним Япония запретила корейским фирмам заниматься добычей, переработкой, торговлей, в том числе внешней, минеральных ресурсов. Эти направления деятельности становилось исключительной монополией японских фирм. Фактически указ был направлен на блокировку развития корейского бизнеса.

Кроме того, японские власти переселили в Корею большое число японских рыбаков, создавая целые японские рыбацкие деревни. Японские рыбаки получили монопольное право вести промысел в наиболее богатых рыбой участках прибрежных вод. До 1945 г. для корейских рыбаков действовал запрет строить или покупать металлические суда, можно было использовать только деревянные, которые были малотоннажными и могли вести промысел только в прибрежных районах. Металлические суда могли вести промысел на большом отдалении от суши, а также в дальних морях. Улов японских рыбаков в морях Кореи вывозился в Японию. В таких условиях добываемые корейскими рыбаками морепродукты не могли удовлетворить спрос корейского населения на рыбу.

Японские власти экспроприировали земельные, зерновые и минеральные ресурсы корейцев. Так, генерал-губернатор Кореи своими указами отнял у крестьян 50% всей пашни и передал их за низкую плату японцам, причем необязательно крестьянам. В Корее в период японской оккупации появилась новая социальная группа, которой не было в прежней истории Кореи, – арендаторы земли. Уже в 1930 г. в Корее было 1,7 млн арендаторов земли, которые арендовали пахотные земли у японцев. Арендная плата составляла от 50 до 70% урожая.

Ужесточение политики геноцида корейцев.

После интервенции в Маньчжурию 8 сентября 1931 г. Япония увеличила число расквартированных в Корее японских дивизий с 2 до 5 и стала активно проводить политику геноцида корейской нации. Такая политика началась с уничтожения корейского языка и служила базой для уничтожения корейцев. Началось активное искоренение корейского языка из деловой сферы, а затем и обихода. В 1930 г. было введено правило, согласно которому все прошения и жалобы крестьян (а подавляющее большинство из них были неграмотными) принимались только на японском языке. С 1935 г. крестьян заставляли учить японский язык, навязывали его использование в быту. В 1937 г. появился Указ генерал-губернатора «Об исправлении фамилий», которым было предписано изменить все корейские фамилии и имена на японские. В 1939 г. было издано «Гражданское уложение», которое требовало к 1940 г. полностью выполнить «Указ об исправлении фамилий» и прекратить использование корейских фамилий и имен в документах, литературе, в печати, на радио.

Усиление экономической экспроприации в Корее.

Для поддержания расширяющейся на материке японской интервенции после 1931 г. Япония превратила Корею в тыловую базу своих войск в Маньчжурии. На части территории Северной Кореи она

создала военные заводы и усилила грабеж и эксплуатацию природных ресурсов и продовольствия Кореи, включая урожаи зерновых. Так, из собранных в 1933 г. 1 млн 819 тыс. сок риса (1 сок равен 80 кг риса) 943 тыс. сок, т.е. 51,8% было вывезено в Японию. С 1933 г. в соответствии с имперскими указами генерал-губернатора Кореи «О контроле за рисом» и «Об управлении рисовыми делами» рис вывозился в Японию, а из занятой Японией Маньчжурии в Корею импортировали ячмень, просо, пшеницу и таким образом изменили пищевой рацион корейцев, заставляя употреблять менее ценные сорта зерновых.

В период японской оккупации национальный бизнес корейцев ограничивался или разрушался, корейцам не позволялось развивать промышленность, усилилась эксплуатация корейских трудящихся, которые за одинаковую с японцами работу получали от четверти до трети заработка японца.

В условиях военной колониальной системы, подвергаясь жестоким репрессиям, корейская нация с несгибаемой волей боролась за независимость, создавая тайные организации.

Первомартовское движение (Движение 1 Марта).

Как результат Первой мировой войны в России в ноябре 1917 г. победила рабоче-крестьянская революция. Представлявшее трудящихся Правительство первым издало Декрет «О мире». В нем захват территории государства без решения народа объявлялся незаконным и содержалось требование независимости всем народам колоний. Через неделю после образования рабоче-крестьянского правительства России, 14 ноября 1917 г. за подписями премьер-министра (тогда Председателя Совнаркома) Владимира Ленина и министра (тогда народного комиссара) по делам национальностей Иосифа Сталина был опубликован Декрет «О правах народов России». В нем говорилось, что национальная политика нового правительства России основывается на следующих принципах: 1) равенство и суверенитет всех народов России; 2) право всех наций на самоопределение и создание независимых государств; 3) отмена всех ограничений по национальным, сословным и религиозным признакам; 4) свободное развитие всех национальных меньшинств и рас, проживающих в России.

Известия о том, что в России крестьяне бесплатно получили землю, что провозглашено право наций на самоопределение и требование ликвидации всех форм колониализма, передавались в Корею проживавшими в соседних государствах корейцами. Под влиянием этих известий корейские рабочие и крестьяне также составляли декларации независимости, создавали организации и общественные движения за независимость. Самым ярким из них стало Первомартовское движение 1919 г. В 2 часа дня 1 марта 1919 г. в столичном сеульском парке «Пагода» местные и зарубежные патриоты провозгласили Декларацию независимости и вместе с учащимися провели демонстрацию с требованием независимости Кореи. За ними последовали другие, начались выступления по всей стране, и возникло движение «Мансе», которое из акции небольшой организации превратилось в общенациональное движение. В зарубежных странах, где проживали корейцы, также провозглашались Декларации независимости и прошли демонстрации и митинги за независимость Кореи.

Историческое значение Движения 1 Марта состоит в том, что оно оказало влияние на другие страны и приобрело международный характер. Под влиянием революции в России и Первомартовского движения в Корее в Китае возникло «Движение 4 мая» против империализма. В Индии под руководством Индийского национального конгресса развернулось движение за национальную независимость от британского колониализма. Первомартовское движение оказало влияние на индокитайский полуостров, Филиппины, Египет, где летом 1919 г. прошли крупные демонстрации за независимость.

Значение Движения 1 Марта велико в национальной и мировой истории. Возникшее на волне Первомартовского движения Временное Правительство Республики Корея, избрав своим президентом Ким Гу, предвидя поражение Японии, готовило создание корейского государства и в ноябре 1941 г. опубликовало «Программу основания Республики Корея». В ней были заявлены основные принципы государства, которое будет создано после того, как корейская Армия независимости, выработав оперативный план вступления в Корею совместно с Союзными войсками, освободит Родину. Когда в декабре 1941 г. Япония начала Тихоокеанскую войну, на следующий день, 9 декабря 1941 г., Временное Правительство объявило войну Японии, следом также объявив войну Германии. Корейская нация, таким образом, проявив несгибаемую волю к достижению цели, получила 15 августа 1945 г. независимость.

Большую роль в достижении независимости Кореи сыграло национально-освободительное движение корейского народа. Но очень важна также роль Союзных войск и советской Красной армии. 8 августа 1945 г. (по московскому времени) советские войска начали войну с японской Квантунской армией численностью 1,7 млн чел. и за две недели боев разгромили ее, захватив в плен 600 тыс. японских солдат и офицеров. Японская армия за время Тихоокеанской войны с декабря 1941 г. по начало августа 1945 г. потеряла пленными 41 тыс. чел. В такой ситуации у японского правительства не было другого выхода, кроме как капитулировать. Еще в начале 1945 г. командование американских войск считало, что война с Японией продлится до конца 1946 г. Если бы Советская армия по просьбе Союзных держав не начала войну с Японией, освобождение Кореи могло бы состояться в конце 1946 г., и за это время могло бы погибнуть много корейцев. Поэтому в августе 2021 г. Председатель «Общества независимости Кореи» Ким Вон Ун заявил, что Советская армия вступила в Корею как освободительная армия, а американские войска как оккупационные.

나 정주공동의장
생명기술석사

한국의 일제 강점기 (1910–1945)

한국의 일제강점기는 유구한 역사속에서 한국의 민족이 가장 크고 아픈 상처를 입은 한국사의 특수한 시기입니다. 이 시기의 한국역사를 조금이라도 알기 위해서는 무엇보다도 먼저 한국을 강점한 일본제국주의의 한국에 대한 식민지정책의 기본적 특징을 알지 않으면 안된다. 일본제국주의는 한국을 식민지로 강점한 다음 서구 열광의 식민지정책과는 다른 그들의 독특한 식민지 정책을 한국에 실시하였다. 일본 제국주의의 한국에 대한 식민지정책의 특징은 ①한민족말살정책과 ②식민지수탈정책 융합으로 요약할 수 있다.

일본의 한국에 대한 식민지정책은 이른바 동화정책이라는 이름밑에 한국민족 말살정책을 강행한데 있었다. 즉, 일본제국주의는 한국을 강점하여 사회·경제적 수탈의 극대화와 함께 한국민족을 지구위에서 소멸시키기로 한 것이었다.

일제 강점이 한국 역사에 끼친 해독은 참으로 심대한 것이었다. 일본제국주의는 한말까지 꾸준히 전개되었던 한국의 자주 근대화를 저지하였을 뿐만 아니라, 강점기간 동안에 한국사회를 정체시키고 온갖 학살과 약탈을 자행하였으며, 결국은 일제 강점의 소산으로 남북 분단까지 초래하게 되었다. 오늘날 한국민족이 타의에 의하여 남북으로 분단되어 고통을 받고 있는 것도 따지고 보면 일제제국주의의 한국강점으로 말미암아 생긴 결과이다.

일본제국주의는 1910 년 8 월 29 일 대한제국의 주권을 완전히 강탈하여 식민지로 강점하자 한국에 대한 식민지 통치기구로서 조선총독부를 설치하고, 그 지휘자로 총독을 두어 식민통치를 담당하게 하였다. 조선 총독은 행정뿐만 아니라 입법·사법 및 군대(이른바: 조선군) 통수권까지 가진 막강한 권한을 행사하였다. 일제는 조선 총독을 반드시 일본의 육군·해군 대장으로 임명하도록 함으로써 실질적으로 한국을 일본군부의 지배하에 두고, 군사 방식에 의한 무단통치를 자행하도록 하였다. 또한 한국에 대한 식민통치에 있어서 '법률'이 필요한 부분도 총독의 명령으로 행하였으며, 이것은 동서고금에도 없는 특별권한이므로 총독의 법률 효과를 가진 명령에 특별히 '제령'이라는 이름을 붙였다.

일제는 조선총독에게 한국인의 모든 생사여탈을 자의로 결정할 수 있는 특별한 권한은 주어 한국인의 독립운동 등 저항을 신속하고 철저하게 탄압하도록 하였다. 그러므로 일제강점기의 한국은 설령 면목상의 법률이 부분적으로 있었다고 할지라도 실질적으로 법률에 의하여 통치된 법치지역이 아니었다.

그것은 군왕보다도 전제적인 조선총독의 명령(제령)에 의하여 전제·파쇼적으로 지배되고, 자의적으로 탄압된 특수지역이었다.

일제는 조선총독부의 부서로서 처음에는 6 부를 두고, 그 밑에 6 국 6 과를 두었다가 이를 대폭증설하고, 지방행정조직을 개편하였다.1911년 3월 조선총독부의 인원은 1 만 5115 명이었다.

이 관리 중 한국인은 극소수로 대부분 일본인이었으며, 특히 고급 관리는 그러하였다. 그것은 일제가 「조선총복부관제 조선인관계규칙」에서 한국인의 관리 임용을 극도로 제한한 정책과 관련된 것이다. 즉, 일제는 한국인에 대하여 생사여탈권을 쥔 조선총독 밑에 1 만 5000 여명의 일본인 관리들을 거미줄같이 늘어 놓아 식민지 통치의 행정조직을 편성하는 것이었다. 또한 '무단통치'라 하여 1910 년 9 월 10 일 헌병경찰제도를 창설하였다. 헌병경찰제도는 세계에서 유래가 없는 제도로서 헌병으로 하여금 일반 국민에 대해 경찰 행정을 담당하게 하는 제도였다. 이 제도에 의하여 일본 헌병은 한국의 민간인에 대한 경찰을 담당하게 되었다. 또한 일반 경찰도 헌병제도와 결합하여 한국의 민간인을 군사적 방식으로 사찰하게 되었다. 이 헌병경찰제도에 일본 헌병사령관이

중앙의 경무총감이 되고 각 도의 헌병 대장이 해당 도의 경무부장이 되었으며, 사병이 순사의 지위와 역할을 수행하였다. 물론 일제의 헌병경찰제도에 의하여 종래의 경찰제도가 없어진건 아니고, 경찰제도는 그대로 남아서 군사적으로 지휘관리되는 위에 다시 일제의 헌병대가 경찰직무를 수행하도록 개편된 것이다.

1911 년 일제의 헌병기관수는 935 개소에 7,749 명 이었다. 한편, 1911 년 일반 경찰관서도 667 개소였으며, 일반 경찰관수는 6,222 명이었다. 즉 일제강점후인 1911 년 헌병경찰관서 수는 모두 1,602 개였으며 헌병경찰 총수는 1만 3971 명에 달하였다. 일제는 이러한 헌병경찰관서와 헌병경찰을 전국 각지에 조선총독부 행정조직과 함께 거미줄 같이 늘어놓아 한국인을 탄압하는 무력조직을 편성한 것이다. 일제 강점 초기의 식민통치의 무력은 1911 년으로 보아도 ①헌병경찰1만 3,971 명 ②조선주둔일본정규군 약 2만 3000 여명 ③조선총독부행정요원

1 만 5,115 명으로 합계 5 만 2,086 명에 달하였다.

일제는 이러한 5 만여명의 무력 조직을 전국에 거미줄같이 배치하여 한국에 대한 식민지 무단폭압통치 체제를 만들었다.

일제는 한국을 일본공업발전을 위한 원료공급지와 독점상품

시장으로 착취하기 위하여 1910 년 12 월 29 일 이른바 「회사령」을 제정, 공포하였다.

그 내용은 ①허가없이 회사를 설립한 경우는 투옥하며, ②허가를 받고 설립한 회사일지라도 일제에 거슬리면 언제라도 회사를 정지 폐쇄, 해산시킬 권리를 가진다는 것이다. 일제의 탄압으로 한국의 민족사업은 발전할 수가 없었다. 일제는 이러한 방식으로 광산자원을 약탈하여 일본으로 실어갔다. 심지어 어업부분에서도 일본 어민들을 이주시켜서 회사를 조직하게 하여 한국의 황금어장을 독점하였다. 그리고 한국인 수산업자들이 사용하는 선박은 조선산 목재로만 만드는 것을 허가했다. 목제 선박은 연근해에서만 어업할 수 있으며, 먼 바다에서는 일본 어업자들이 철재로 제작해 어선을 이용해서 사업하는 것과 달리 한인들은 사업을 할수 없게 되었기 때문에 일반국민들이 먹기에는 생선이 부족할 수 밖에 없는 것이다. 그리고 식민지 정책은 지배하는 나라의 모든 광물이나 공물이나 모든 자원을 탈취하는 행동이었다. 일본도 마찬가지

로 행동했다. 조선총독체제가 한국 경작지 50% 를 농민들에게

서 빼았아 일본 사람들께 나누어 주었다. 한국에서 일제 강점때 임차인들이 생겼다. 1930 년에는 한국인에는 토지가 없어서 약 1 백만 7 천 임차인들이 나타났고 또 임차료를 수확의 절반 또는 70% 까지 일본 지주에게 받쳐야 하는 제도였다.

<민족말살정책의 강화>

일제는 1931 년9월8일 만주침략이후부터 조선주둔 일본군을 2개 사단에서 5 개 사단으로 증가시켜 탄압무력을 강화한 다음 한국민족말살정책을 적극적으로 강화하였다.

일제는 한국어를 말살시키는 것이 한국민족말살의 모체라고 판단하고, 한국어의 말살에 광분하였다. 일제는 1930 년대에 들어오자 관청에서는 한국농민의 민원도 일본어를 사용한 경우에만 접수하도록 하여 한국어 사용을 엄금하였다. 또한 1935 년부터는 농민들에게도 일본어를 배우게 하고 일본어 사용을 강요하였다. 또한 한국인의 성명을 말살하고 일본식 이름으로 짓도록 하는 이른바 「창씨개명」을 1937 년부터 본격적으로 강행하였다. 1939년에는 「조선민사령」을 개정하여 전 한국민에게 강요하는 파쇼적방법으로, 일제는 1940 년까지 한국인의 성명 말살과 「창씨개명」을 강행하였다.

<경제 수탈의 강화>

일제는 1931 년 만주침략 이후부터는 그들의 대륙침략정책에 발 맞추어 한국을 병참기지로 한다면서 일본의 독점 자본을 동원하여 북한 일대에 군수공장을 설치하고 대대적인 광산자원 약탈을 강행하였다. 1933 년의 미곡 생산량은 1819 만석 이었는데 일본으로 약탈해간 미곡은 943 만석으로 그 비율은 51.8% 에 달했으며, 1933 년부터 「미곡통제법」과 「미곡자치관리법」 등을 실시하여 미곡은 일본을 실어가고,

만주로부터 잡곡을 한국에 수입하여 한국인은 잡곡을 먹도록 하는 정책에 따라 나타난 것이다.

일제의 강점기에 한국인의 민족사업은 탄압당하고 파괴되어 산업진흥은 이룰 수 없었을 뿐더러 심하게 약탈당하고 착취당

하였다. 일제가 식민지 무단통치체제를 만들어 살인적이고 야수적인 탄압을 가해도 한국 민족은 불굴의 투지로 암흑천지 속에서도 줄기차게 비밀결사를 조직 독립운동을 전개하였다.

<3.1 독립운동>

잔학한(무자비한) 체제(이른바 군도의 체제라고 평가할 수 있다.) 그런데 1차 세계대전 결과로 러시아에서 1917 년 11 월에 노동자 농민을 비롯한 혁명이 이루어지면서 근로자들을 대표하는 정부가 첫 법으로 평화에 관한 법령을 발표했다. 본 법령에 민족의 결정없이 국가의 땅을 침략한것을 불법행동이라

고 하면서 모든 식민지에 해당한 민족들의 독립을 요구했다. 그리고 신 노동자-농민정부가 조직된 1주일 후에 즉 1917 년 11 월 14 일 " 러시아민족들의 권리" 란 법령이 정부 총리 (당시 정부 위원장) 블라디미르 레니과 민족문제장관 이오시프 스탈린 서명으로 발표됐다. 본 법령에서 신 러시아 정부의 민족 정책은 다음 원칙으로 실행된다고 설명했다.

첫째, 러시아 민족들의 평등과 자주권.

둘째, 모든 민족들의 분리와 독립국가를 설립하는 것까지 자유의 자결권. 셋째, 모든 민족 및 민적-민족-종교 제한을 폐지,

넷째, 러시아에 거주하는 모든 소수민족과 인종 자유의 발전.

러시아의 농민들이 무료로 경작지를 받고 또 민족의 자결권을 발표했다는 소식을 이웃나라에서 거주하는 교포들이 모국에 소식을 보냈기에 그 영향으로 한국 노동자들과 농민들도 한국의 독립을 요구하는 유명한 1919 년 3.1 운동이 이루어졌습

니다.

3 월1 일 오후 2 시 서울 파고다공원에서 국내외 애국지사들과 한민족이 독립선언식을 거행하고 학생들과 시위를 전개한 것과 때를 같이하여 거의 동시에 전국 각지에서 만세 시위가 일어남으로써 3.1 운동은 초기조직단계에서 민중운동단계로 비약하게 되었다. 해외 각지에서도 한국인이 사는 곳에서는 어디서나 독립선언과 시위운동이 전개되었다.

3.1 운동의 역사적 의의는 민족사에 끝나지 않고 세계사적 의의가 컸다. 러시아 혁명결과 3.1 운동에 고취되고 그 영향으로 중국에서도 5.4 운동이 일어났다. 3.1 운동의 파급과 영향으로 인도에서도 국민회의파의 독립운동이 본격적으로 고양되었다.

3.1 운동의 영향은 인도차이나반도 제 민족과 필리핀과 이집트의 독립운동에도 상당한 영향을 끼쳤는데 그들은 1919 년 여름에 3.1운동을 거론하면서 대대적 독립시위운동을 벌였다. 3.1 운동의 의의는 민족사와 세계사에서 다같이 매우 큰 것이었다. 김구를 주석으로 한 임시정부는 일본 패망을 전망하고 건국을 준비하여 1941 년 11 월 「대한민국건국강령」을 발표하였다. 이것은 광복군이 국내진압작전을 감행하여 연합군

과 함께 조국을 광복한 뒤 신국가를 수립하는 기본 원칙을 공표한 것이었다. 1941 년 12 월 8 일 일제가 태평양 전쟁을 도발하자 임시정부는 12 월9일 대일선전포고를 하고 뒤이어 대독선전포고를 발표하였다. 한국 민족은 이와같이 1940 년대

에도 불굴의 투지로 민족의 광복과 독립을 위한 투쟁과 더불어 준비를 전개하면서 1945 년 8 월 15 일 광복을 맞은 것이다. 항일투쟁 역할이 크지만 연합군과 특히 소련 붉은 군대 역할도 매우 중요하다고 인정한다. 1945 년 8 월 8 일(모스크바시간) 소련군이 일본의 관동군과 전쟁을 시작하고 2 주만에 1백 70 만명 일본군을 격멸하고 60 만명 포로로 했다. 일본군이 태평양 전쟁 1941 년 12 월부터 1945 년 8 월초까지 포로로 4 만 1 천명을 잃었다. 이런 상태에서 일본 정부는 항복할 수 밖에 선택의 여지가 없었다. 원래 1945 년 초에 미국사령부에서도 일본과 싸우는 것은 1946 년말까지라고 판단했다. 만일 소련군이 연합군의 부탁으로 일본 하고 전쟁을 시작하지 않았다면 한국 해방이 1946 년 말에나 이루어 질 것이고 또 많은 한국인들이 사망했을

것입니다. 이것은 우리가 인정합니다. 그렇기 때문에 금년 8 월에 광복회의 회장 김원웅이 소련군은 한국으로 해방군으로 들어왔고 미군은 점령군이라고 설명했습 니다.

오늘 이 뜻깊은 포럼에 참석 해 주신 내외 귀빈 여러분에게 깊은 감사드리며 특히 행사를 위해 수고하신 포럼 주최자 여러분에게 감사의 인사를 드립니다.

감사합니다.

Ким Вон Ил,
кандидат политических наук, преподаватель РУДН (Республика Корея)

Политика японизации корейского населения в конце колониального периода (конец 1930-х – начало 1940-х гг.)

Аннотация
В статье анализируется политика японского генерал-губернаторства в Корее в конце колониального периода. С началом Японо-китайской войны в 1937 г. колониальные власти приступили к политике ассимиляции корейского населения. В основе ассимиляционной политики лежала идея об этническом родстве японцев и корейцев. С целью скорейшей ассимиляции корейцев японское правительство осуществило ряд мер, которые были направлены на искоренение корейской идентичности.
Ключевые слова: Японо-китайская война, ассимиляция, японизация, Корея, японский колониализм, корейцы.

Kim Won Il,
Candidate of Political Sciences, lecturer, RUDN University

Policy of japanization of the korean population at the end of the colonial period (late 1930 – early 1940s)

Abstract
The article analyzes the policy of the Japanese governor-general in Korea at the end of the colonial period. With the outbreak of the Sino-Japanese War in 1937, the colonial authorities embarked on a policy of assimilating the Korean population. The assimilation policy was based on the idea of the ethnic kinship of the Japanese and Koreans. To assimilate Koreans as quickly as possible, the Japanese government implemented a series of measures aimed at eradicating Korean identity.
Keywords: assimilation, japanization, Korea, Japanese colonialism, Koreans.

Введение.

В древности Корея была более развитой страной, чем Япония, и создала собственную государственность и национальную культуру раньше, чем Япония. И это была страна, которая привнесла передовую культуру своему соседу Японии. В Новое время Корея столкнулась с японским империализмом, и из-за неумелой политики корейского правительства и отсутствия социальных реформ попала в колониальную зависимость от Японии в 1910 г.

В конце XIX – начале XX в., в отличие от западных империалистических государств, находящихся на стадии монополистического капитализма, японская экономика переживала этап промышленного капитализма. При активной поддержке западных капиталистических стран Япония удалось колонизировать своего соседа Корею, руководствуясь военными и политическими задачами и мобилизовав военную силу. При этом между японской и корейской культурами было достаточно много сходств. Другими словами, особенностью развития японской государственности того времени было то, что процесс становления империалистического государства совпал с промышленной модернизацией и внешней колонизацией. Готовясь к аннексии Кореи, Японии пришлось вести две тяжелые войны: Русско-японскую (1904–1905)

и Китайско-японскую (1894–1895). А после аннексии последовали оккупация Маньчжурии, масштабная война с Китаем и война на Тихом океане. Таким образом, история Японии Нового времени – это история агрессии и войн, продолжавшихся до ее капитуляции в 1945 г.

После насильственной аннексии Кореи в 1910 г. Япония, как и другие империалистические страны, проводила политику социально-экономической эксплуатации своей колонии, а также политику ассимиляции корейского населения. В конце колониального периода (конец 1930 – начало 1940-х гг.) данная политика приобрела крайние формы японизации корейского народа. Это беспрецедентная в мировой истории политика ассимиляции населения колониальной Кореи проводилась с целью искоренения этнической идентичности корейского народа, превращения его в низшую группу японской нации для вечного управления.

Политика японизации корейского населения.

После Маньчжурского инцидента в 1931 г. и вторжения на материковый Китай в 1937 г. политика Японской империи по ассимиляции корейского населения стала активнее претворяться в жизнь. По мере эскалации агрессивной войны японцы оказались в отчаянном положении, и им пришлось мобилизовать население колониальной Кореи для военных действий. Японское правительство предоставило минимальные политические права корейцам и с тем, чтобы сделать их лояльными в качестве солдат и подданных императора, проводило политику японизации под лозунгом «Корея и Япония – одно тело». Это означает, что политика ассимиляции японского империализма была обусловлена военной необходимостью.

Японский империализм, проводя политику ассимиляции[1], стремился уничтожить основные компоненты корейского этноса. По замечанию южнокорейского историка Син Ён Ха, «нация – это человеческое сообщество, тесно связанное общностью языка, региона проживания, кровных уз, политики, культуры, экономической жизни как объективных его компонентов, и еще более упрочнено формируемыми на их основе субъективными элементами национального самосознания»[2]. Таким образом, насильственное искоренение данных элементов нации имело своей целью уничтожить корейский народ, сделав его представителей подданными Японской империи.

Искоренение корейского языка.

В 1938 г. генерал-губернатор Кореи издал 3-й Указ об образовании. Этот указ был принят в соответствии с политикой, направленной на превращение учеников начальной и средней школы Кореи в подданных японского императора. Указ предусматривал следующие меры:

а) Корейский язык как предмет стал факультативом в начальной и средней школах, и в то же время значительно сократились его часы. Более того, директор школы мог самостоятельно решить, что делать с факультативами – продолжать их или нет. В то время директора школ, большинство из которых были японцами, не выбирали корейский язык в качестве факультатива, ибо они были хорошо осведомлены об общей политике правительства по его искоренению. Фактически уроки корейского языка были убраны из школьной программы после принятия 3-го Указа об образовании[3].

б) История и география Кореи были исключены из начального и среднего образования.

в) Уроки по истории Японии и географии Японии стали преподаваться в старших классах начальной и средней школы под названиями соответственно «Национальная история (история Японии)» и «География».

г) Предметы «Мораль» и «Общество» фокусировались на обучении японской морали и японской культуре.

В 1941 г. японское правительство обнародовало «Положение о начальной школе» (31 марта 1941 г.), чтобы полностью убрать «корейский язык, который лишь формально сохранился, из учебной программы начального образования. А в марте 1943 г., когда был обнародован 4-й Указ об образовании Кореи, «корейский язык, который сохранился до тех пор в средних школах и педагогических училищах, был полностью отменен.

В то же время все газеты и журналы, издаваемые на корейском языке, были принудительно закрыты в 1940–1941 гг.

Обязательное использование японского языка.

Политика обязательного использования японского языка проводилась не только в школах, но и в обществе в целом. Когда Япония спровоцировала Китайско-японскую войну, она была вынуждена распространить образование на японском языке среди молодых корейцев в рамках подготовки к агрессивной войне, заставив корейскую молодежь участвовать в войне в качестве добровольцев и призывников. В то время молодые корейцы, не получившие школьного образования, не знали японского языка. 31 июля 1939 г. генерал-губернаторство Кореи разослало директиву во все части Кореи, которая предписывала открывать курсы японского языка на заводах, в магазинах, используя производственные помещения. Директива предписывала проверять успеваемость в изучении японского языка, выставлять оценки, которые учитывались при оценивании труда работника, отличившимся вручали награды[4].

В частности, после того как Япония спровоцировала войну на Тихом океане в декабре 1941 г., 1 ноября 1942 г., намереваясь в будущем призывать молодых корейцев в армию, японское правительство открыло по всей Корее образовательные центры. Период обучения составлял около одного года, из 600 часов преподавания 400 часов приходилось на изучение главным образом японского языка и культуры, а 200 часов – на обучение военному делу. По итогам обучения выпускники таких центров должны были владеть японским на уровне 3–4-го класса начальной школы.

С августа 1944 г. всю Корею охватило движение за использование японского языка в общественной

жизни. Это политика вынуждала корейцев использовать только японский язык в повседневных практиках. Согласно этой политике не только в государственных учреждениях, но и в магазинах, театрах разрешалось использовать только японский язык. Почтовое отделение отказывалось принимать почту от человека, который не говорил по-японски. На железной дороге, в местах связи нельзя было купить билет или заказать звонок, если не говорили по-японски.

Искажение и забвение корейской истории.

В качестве фундаментальной задачи искоренения корейской идентичности японское правительство неуклонно готовилось к искажению и забвению корейской истории с первых дней аннексии. С этой целью в 1916 г. при генерал-губернаторстве был создан Комитет по изданию истории Кореи, который должен был подготовить к публикации «Историю Корейского полуострова» на основе взглядов японских колонизаторов. В 1922 г. название проекта было изменено с «Истории Корейского полуострова» на «Историю Кореи», также был расширен редакторский комитет и изменен план работы с целью публикации 37 томов. Так, в 1925 г. Комитет по изданию истории Кореи изменил свое название на Комитет по составлению и исправлению истории Кореи, а в его состав вошли японские ученые и корейские историки, имевшие прояпонские взгляды. Комитет приступил к изданию «Истории Кореи» в 1932 г. и завершил издание всех 37 томов к 1938 г. Эта книга – крупномасштабный проект, с особой тщательностью осуществленный японским генерал-губернаторством. Цель этой книги – описать историю Кореи так, чтобы корейцы осознали аннексию Кореи как «благодеяние». Эта книга искажает корейскую историю, изображая японскую колониальную политику как позитивное явление и игнорируя все негативные факты[5]. В то же время японское правительство продолжало публиковать исторические книги, написанные в рамках колониальной теории, такие как «Путеводитель по истории Чосон», «Полное собрание материалов по истории Кореи», «Лекции по истории Чосон».

Искажение корейской истории, опубликованной в колониальный период, сводится к следующим основным положениям:

Во-первых, японские колониальные историки отрицали историчность Древнего Чосона и Тангуна, утверждали, что Чосон и Тангуна – это всего лишь миф[6].

Во-вторых, утверждалось, что история Кореи началась с эпохи Кичжа или Виман Чосона, когда во главе государства оказался выходец из Китая.

В-третьих, утверждалось, что в древности Япония завоевала южную часть Корейского полуострова, создав на его территории свое владение Имна, управлявшееся непосредственно японцами.

В-четвертых, они утверждали, что история Кореи была историей зависимости, в которой державы Севера (Китай) и Юга (Япония) соперничали друг с другом за влияние на Корейском полуострове. И даже утверждалось, что это было неизбежно в силу географических причин, потому что Корея расположена на полуострове. Нет сомнений в том, что это была уловка японцев, призванная внушить корейскому народу чувство поражения[7].

В-пятых, в описании корейской истории подчеркивалось «преклонение перед старшим (сильнейшим)». Таким образом, корейская история преподносилась как история подчинения и зависимости от соседних держав.

В-шестых, корейская культура преподносилась как имитация китайской, лишая ее оригинальности. Как следствие, особой характеристикой корейской истории считалось подражание.

Помимо прочего, японские историки утверждали, что история Кореи не имеет эволюционного развития, пребывает в состоянии вечного застоя и характеризуется «фракционизмом», который ведет к внутренней борьбе[8]. Они утверждали, что эти характеристики корейской истории глубоко укоренились в повседневной жизни, поведении и мышлении корейцев и что корейский народ имеет второстепенные национальные характеристики, такие как «преклонение перед старшим (сильнейшим)», подражание и фракционизм[9].

Японское правительство намеренно искажало корейскую историю с тем, чтобы побудить корейский народ отказаться от национального самосознания и активно поддерживать колониальную политику по японизации населения.

Смена имен и искоренение корейских фамилий.

Одним из направлений политики японизации корейского населения была смена корейских фамилий на японские. 10 ноября 1939 г. губернатор-губернатор Кореи издал Указ № 19 «Поправка к гражданскому праву Кореи» и Указ № 20 «О корейских фамилиях», в соответствии с которыми корейцам было приказано изменить фамилию.

Переименование корейцев предполагало, что прежняя фамилия и *пон* (место происхождения того или иного семейного клана) останутся только в записях семейного регистра, при этом необходимо было создать новое имя и фамилию на японский манер и произносить их по-японски[10]. Политика «смены фамилий» была направлена на уничтожение национального самосознания корейцев посредством искоренения корейских имен и фамилий, являвшихся ядром национальной культуры. Таким образом, японское правительство намеревалось заставить корейцев отождествить себя с японцами.

В корейской национальной культуре фамилия имеет большое значение как единица кровных сообществ. Смена фамилии считалась очень унизительным делом, которое корейцам было тяжело принять. Некоторые протестовали против политики принудительного изменения имени и фамилии, покончив с собой[11].

Другие аспекты политики японизации.

С целью внедрения рабской идеологии поклонения японскому императору с октября 1937 г. по распоряжению генерал-губернатор Кореи все корей-

цы должны были выучить наизусть так называемую «Клятву японского поданного» и произносить ее каждый раз на собраниях в школе, организации, на рабочем месте. Содержание клятвы императору состояло из трех частей и включало такие слова, как «Я подданный императора. Давайте воздадим императору верностью».

Японцы также заставляли корейцев посещать синтоистские храмы, в которых поклоняются различным японским божествам. Начиная примерно с оккупации Маньчжурии в 1931 г., генерал-губернаторство стало принуждать корейских учащихся посещать японские святилища. Наконец, в августе 1936 г. было решено начать повсеместное строительство синтоистских храмов – по одному в каждом уездном городе, волости, всего 2236. С 1937 г. колониальные власти заставляли поклоняться японским святыням не только школьников, но также работников компаний, предприятий и пр. Даже христиан, считавших поклонение богам других религий идолопоклонничеством, принуждали посещать японские святилища[12]. Объявив шестое число каждого месяца «Патриотическим днем», японское правительство сделало обязательным для всех корейцев групповое посещение синтоистских храмов[13].

Заключение.

Японская колониальная политика в Корее в 1910–1940-е гг., как и в других колониальных империях, была направлена на максимальное усиление социально-экономической эксплуатации и экспроприации корейского народа. В дополнении к этому японское правительство проводило жесткую политику японизации корейского населения с целью уничтожения корейского этноса и превращения его представителей в вечных «подданных японского императора».

На протяжении тысячелетий шло формирование корейского этноса как единой этнической группы, имевшей отличное кровное происхождение и язык. При этом корейский народ всегда относился к Японии с национальным и культурным превосходством. Таким образом, ему трудно было пережить свое порабощение Японией. Поэтому корейцы активно сопротивлялись японскому империализму. Антияпонское национальное самосознание корейского народа было серьезным препятствием для колониальных властей.

Как следствие, на протяжении всего колониального периода Япония упорно проводила политику, направленную на уничтожение национального самосознания корейского народа и превращение его в подданных императора. Как видим, политика полной ассимиляции корейского населения была очень разнообразной, включала искоренение корейского языка, искажение корейской истории, переименование имен и создание новых фамилий. Для оправдания проводимой политики и ее беспрепятственной реализации японское правительство разработало специальные теории, такие как «Корея и Япония – один корень» и «Корея и Япония – одно тело». Другими словами, это была попытка внушить корейцам абсурдную идеологию о том, что «Япония и Корея – одна семья с единым предком, а Япония и Корея – одно тело». Подобная идеология никогда не могла быть принята корейским народом и только причинила огромную боль, из-за которой пострадала национальная самооценка. В итоге политика превращения корейцев в подданных японского императора не увенчалась успехом и привела лишь к дальнейшему укреплению антияпонского национального самосознания корейского народа.

Примечания

[1] Исконное наименование данной политики – хванминхва, что дословно можно перевести с корейского как «превращение [становление] в подданных императора».

[2] *Син Ён Ха.* Формирование корейской нации и этносоциология. Сеул: Изд-во Чисик санопса, 2001. С. 315. (кор. яз.).

[3] *Чон Чхэ Чоль.* История образовательной политики Японской империи в колониальной Корее. Сеул: Изд-во Ильчжиса, 1985. С. 422–423. (кор. яз.).

[4] *Ли Мён Хва.* Политика ассимиляции генерал-губернаторства Кореи в области языка: движение за использование японского языка в конце колониального периода // Исследования по истории национально-освободительного движения. Т. 9. 1995. (кор. яз.)

[5] *Ким Ён Соп.* Япония: описание корейской истории // Вестник истории. 1966. Т. 31. (кор. яз.).

[6] *Син Ён Ха.* Становление национальной историографии и критика колониальной исторической школы по вопросам Новой и новейшей истории Кореи // Корейское общество и культура. 1994. Т. 22. (кор. яз).

[7] *Ли Ги Бэк.* Критика теории «полуостровного характера» // Публичные лекции по истории Кореи. Сеул: Изд-во Ильчжога, 1987. Т. 1. (кор. яз.).

[8] *Ли Тхэ Чин.* Критика теории фракционизма // Публичные лекции по истории Кореи. Сеул: Изд-во Ильчжога, 1987. Т. 1. (кор. яз.).

[9] *Ли Ман Ёль.* Понимание новейшей истории Кореи. Сеул: Изд-во Мунхак-ква чисонса, 1981. С. 263–264. (кор. яз.).

[10] *Ким Ён Даль.* Система переименования и создания новых фамилий // Политика переименования и создания новых фамилий / Под ред. Чон Ун Хён. Сеул: Изд-во Хакминса, 1994. С. 41–70. (кор. яз.).

[11] *Ким Тон Ук.* Переименование и создание новых фамилий в период японского империализма // Политика переименования и создания новых фамилий. Под ред. Чон Ун Хён. Сеул: Изд-во Хакминса, 1994. С. 210–211. (кор. яз.)

[12] *Сангу Кониль.* Политика поклонения японским богам генерал-губернаторства Кореи // Сборник статей Общества исследования корейской истории. 1998. Т. 36. (кор. яз)

[13] *Пак Кён Сик.* Управление Кореей Японской империей. Сеул: Изд-во Чхонъа чхульпханса, 1986. С. 374–409. (кор. яз.)

김원일
(정치학박사, 루데엔 대학교)

일제말기 황국신민화정책

서론.

한국은 말할 것도 없이 고대로부터 일본보다 선진국이었고 일본보다 일찍 국가체제가 들어서 독자적인 민족문화를 창조하고 발전시켜왔다. 그리고 이웃인 일본을 위해 많은 선진문물을 전해주었던 국가였다. 그랬던 한국이 근대 이후 제국주의 시대를 맞이하여 지도층의 잘못된 정책과 사회개혁의 부족으로 일제의 식민지로 전락하고 말았다.

한국을 식민지화하던 시기에 일본제국주의는 서구제국주의국가들과는 다르게 독점자본주의 수준이 아닌 산업자본주의 단계를 거치는 과정에 있었다[1]. 그런 일본이 서구자본주의국가들의 적극적인 지원을 등에 업고 사회경제, 문화적 차이가 그리 크다고 하기 어려운 이웃인 한국을 정치, 군사적 필요를 앞세워 무력을 동원해 침략하고 식민지화 하였다. 즉 일본은 자신의 근대화 과정과 외부에 대한 식민지화 과정을 거의 동시에 진행하면서 제국주의국가로 발전해 갔다는 특징을 가진다. 일본은 조선을 식민지화하는 과정에서 청일, 러일전쟁 이렇게 두 차례나 힘겨운 전쟁을 치러야 했다. 이후 만주사변, 중일전쟁, 태평양전쟁이 이어진다. 이렇듯 일본의 근대 이후 역사는 1945 년 파멸을 맞을 때까지 계속된 침략과 전쟁의 역사이다.

일본은 1910 년 한국을 식민지로 강제적으로 편입시킨 후 여느 제국주의국가들과 마찬가지로 한국에 대한 사회경제적 수탈정책을 진행한다. 이와 더불어 일본은 이른바 "동화정책"이라는 것을 시행한다. 특히 일제 말기에는 동화정책의 극단적 형태인 "황민화정책" 이란 것을 식민지 조선에 강요한다. 이것은 한국민족의 고유한 민족성을 없애고 한국민족을 일본의 하위 민족화하여 한민족을 영원히 지배하려는 의도로 진행된 세계역사상 유례를 찾아볼 수 없는 정책이다.

일제의 황민화정책

일제의황민화정책은 1931 년 만주사변, 1937 년 일제의 중국 대륙 침략과 함께 본격적으로 실천에 옮겨지게 되었다. 일제의 침략전쟁의 확대로 일제는 식민지 조선인들을 전쟁터로 동원해야 했던 절박한 상황에 놓이게 된다. 일제는 조선에 최소한의 정치적 권리를 부여하고 "내선일체" 를 내세워 조선인들을 일본천황에 충성하는 군인과 신민으로 만들기 위한 황민화정책을 본격적으로 추진하게 된다. 이것은 일제의 황민화정책이 군사적인 필요와 밀접하게 결합되어 있다는 것을 의미한다.

일제는 "황국신민화"정책을 폭력적으로 진행하면서 이를 위해 한국민족의 민족 구성요소들을 강제적으로 소멸하는 정책을 시행한다..'민족이란 '언어 지역 혈연 문화 정치 경제생활 역사의 공동을 객관적 요소로 하여 공고히 결합되고 그 기초 위에서 민족의식의 주관적 요소를 형성 결합시켜 더욱 공고하게 결합된 역사적 범주의 인간공동체[2], 이므로, 일제는 이러한 민족 구성요소들을 강제로 소멸시킴으로써 한국민족을 말살하고 일제의 황국신민으로 만들려고 한 것이다.

1) 한국어 말살정책

일제는 1931 년 만주 사변 이후 특히 1937 년 중일전쟁 발발과 함께 한국어, 한글 말살과 일본어의 사용을 강제적으로 추진하였다[3].

조선 총독은 1938 년 제 3차 조선교육령을 발표하였다. 이 교육령은 조선의 초 중등학생을 황국신민으로 만들기 위한 정책으로 다음과 같은 내용을 가지고 있다.

가)한국어 과목을 초 중등학교에서 선택과목으로 전락시키고 동시에 수업시간을 대폭 감축하였다. 선택과목은 교장이 재량으로 수업진행 여부를 결정할 수 있었다. 당시 일제의 기본 정책 방향이 한국어수업 폐지였기 때문에 학교의 대부분을 차지했던 일본인 교장들은 한국어를 선택하지 않았다., 사실상 한국어 수업은 제 3차 조선교육령 때부터 폐지된 것과 다름 없다[4].

나)한국역사와 한국지리 수업은 초, 중등교육에서 배제한다.

다)일본역사와 일본지리 수업은 '국사(일본사)'와 '지리' 과목으로 초등학교 고학년과 중등학교에서 교육시킨다.

라) '수신'과목과 "공민과' 교과목에서 일본도덕과 일본문화를 집중해 가르친다.

일제는 1941 년 <초등학교 규정(1941.3.31)>을 공포하여 형식상 이름만 남아 있던 '조선어' 를 초등교육 교과목에서 완전히 폐지 시킨다. 그리고 1943 년 3 월 '제 4차 조선교육령'을 공포하면서 중등학과와 사범학교에 형식상 명칭이 남아 있던 '조선어'과목을 이름마저 완전히 폐지시켰다.

이와 함께 1940-1941 년에 거쳐서 한국어로 발행되던 각종 신문과 잡지들도 모두 강제로 폐간하였다.

2) 일본어 상용의 강제

일제의 일본어 상용 강제정책은 학교뿐만 아니라 일반사회에서도 강행되었다. 일제는 중일전쟁을 도발하자 침략전쟁에 한국청년을 지원병, 징병으로 참전시킨 준비로서 한국청년들에게 일본어 교육 보급을 강행했다. 당시 학교교육을 받지 못한 청년들은 일본어를 알지 못하는 상황이었다. 총독부는 1939 년 7 월 31일 전국 각도에 보낸 지시서에서 공장 상점 등 직장 단위로 직장시설을 이용하여 일본어 강습소를 설치하고 학습 진도를 검사하여 성적에 따라 근무평가에 반영하며 성적우수자에게 상을 주도록 했다[5].

특히 일제는1941 년 12 월 태평양전쟁을 도발한 뒤에는 한국청년의 일본군 징병을 전제로 1942 년 11 월 1 일 <조선청년특별연성소령>을 공포하여, 전국 각 지역 읍면에 훈련단계에 따라 각종 훈련연성소를 설치하였다. 연성기간은 약 1 년으로 총 교육시간 600 시간 가운데 400 시간이 학과, 200 시간이 교련수업이었는데, 학과시간의 중점은 일

본문화와 함께 초등학교3.4 학년 정도의 일본어 습득을 목표로 삼았다[6].

마침내 일본은 1944 년 8월부터는 전국에 일본어 상용전해 운동을 강제했다. 이것은 한국민이 일상생활에서도 일본어를 사용하도록 강제하는 정책이다.

이 정책에 따라 관공서는 물론이고 상점 극장 등 에서도 오직 일본어만 사용하고 방송하도록 하였다. 우체국에서 일본어를 사용하지 않는 우편물은 접수를 거절하였다. 철도 운수 교통 통신에서도 일본어를 사용하지 않으면 매표와 통화를 금지시켰다.

3) 한국역사의 왜곡과 말살

일제는 한국민족 말살의 근본적 작업으로 식민지 시기 초기부터 한국역사의 왜곡과 말살을 꾸준히 준비했고 한국강점기 내내 그 강도를 강화하였다. 이를 위해 1916 년 총독부 안에 조선사편찬위원회를 설치하고 일제의 식민주의 사관에 근거한 '조선반도사'를 편찬하려 시도했다. 이후1922 년 ' 조선반도사'를 '조선사'로 제목을 바꾸어 37 책의 방대한 식민주의사관의 역사서를 편찬하기로 계획을 확대 개편하였다. 조선사편찬위원회는 1925 년에 조선사편수회로 이름을 바꾸고 일본학자들과 한국의 친일역사학자들로 집필자들을 꾸렸다. 일제의 조선사편수회는 1932 년부터 '조선사' (37 책)을 간행하기 시작해서 1938 년 완간했다. 이 책은 방대한 규모로 총독부가 심혈을 기울여 진행한 사업이다. 이 책은 한국인들이 일제의 한국병합을 '은혜' 로 알게 하도록 한국역사를 서술하는데 목적이 있었다. 이 책은 일본의 식민지정책에 유리한 것만 선택하고 불리한 것은 모두 빼어 한국역사를 일제의 식민통치에 적합하도록 왜곡한 것이다[7]. 일제는 이와 함께 '조선사의 길잡이', '조선사료총간', '조선사강좌', 등 식민사관에 입각한 역사서들을 꾸준히 발간했다.

일제가 자신들이 발행한 역사서에서 한국사에 대해 왜곡을 저지른 내용들은 대략 다음과 같다.

첫째로 일제 식민사학자들은 고조선과 단군의 역사성을 부정하고 단군조선에 대해서 지어낸 이야기로 신화에 불과하다고 주장하였다[8].

둘째로 한국의 역사가 기자조선 혹은 위만조선 등 중국의 식민지에서 시작되었다고 주장하였다.

셋째로 일본이 고대에 한반도 남부지방을 정복해 임나일본부를 설치에 한반도 남부를 지배했다고 주장하였다.

넷째로 한국의 역사가 북방세력(중국)과 남방세력(일본)에 의해 좌지우지 되는 타율성의 역사였다고 주장하며 이것은 한국이 반도에 위치해 있기 때문에 어쩔 수 없는 운명이라고 주장하기까지 하였다. 이것은 한국민들에게 패배의식을 심어주려한 일본의 간계임에는 의심할 여지가 없다[9].

다섯째로 한국역사의 타율성에서 한국역사의 '사대성'을 매우 강조하였다. 한국역사는 주변 강대국에 복종하고 의존해서 존재해 온 역사라고 강변했다.

여섯째로 한국의 역사에서 독창성이 없고 종주국을 모방한 것에 불과하고 한국역사는 '모방성'이 특징이라고까지 비하했다.

이외에도 일제 식민사학자들은 한국의 역사는 발전이 없고 "정체성"을 늘 가지고 있고, 내부적인 투쟁을 일삼는 '당파성"이 특징이라고 주장하기도 하였다[10].

이에 더해 일제는 한국역사의 이러한 특징들은 한국인의 일상생활과 행동과 사고에 깊이 파고 들어 민족적 성격으로 고착되어서, 한국민족은 사대성 당파성 모방성 등 열악한 민족성을 갖게 되었다고 왜곡하여 주장하였다[11].

일제가 이러한 역사왜곡을 저지른 것은 한국인이 민족의식을 버리고 일제의 식민정책에 감사하면서 일본의 황민화정책에 적극 호응하도록 하기 위함이었다.

4) 한국성명 말살과 창씨개명

일제는 황민화정책의 하나로 1939 년 말부터 본격적인 일본식 '창씨개명'정책을 강제로 시행하였다, 조선총독은 '창씨개명'을 시행하기 위해 1939 년 11월 10 일 제령 제 19 호 '조선민사령 중 개정 건' 과 제령 제20 호 '조선인 씨 명에 관한 건'을 공포하여 한국인의 '창씨개명'을 명령하였다.

'창씨개명'이란 종래의 한국식 '본관'과 '성'은 호적 란 구석에 기록으로만 남겨놓고 새로이 일본식 "씨'를 만들어 일본어로 풀어 발음하고 이름도 일본식으로 고치거나 일본식으로 풀어 발음하도록 바꾸는 것이었다[12],

일본이 '창씨개명' 정책을 강행한 것은 한국식 성명을 없앰으로써 일본인과 구별되는 한국인의 민족의식을 말살하고, 민족문화의 핵심이라고 할 수 있는 성명문화를 말살하고, 한국민이 자신을 일본인과 동일시하게 하려는 세뇌하려는 목적이었다.

한국의 민족문화는 성을 혈연공동체의 큰 단위로 매우 중시한다. 예를 들면 '하지 않겠다는 서약'을 할 때 만일에 약속을 어긴다면 '성을 갈겠다 (바꾸겠다)' 라고 한다든가 하는 표현이 있을 정도이다. 이와 같이 자신의 성을 중요시하는 한국민의 정서로는 일본의 창씨개명은 매우 견디기 어려운 모욕이었다. 이러한 일제의 강제적 창씨개명정책에 반대해 자살하는 것으로 항거하는 사람들도 있었다[13].

5) 그 외 황민화정책들

총독부는 1937 년 10 월부터는 노예적 황민의식 세뇌를 위해서 한국민에게 이른바 '황국신민의 서사'라는 것을 모든 학교, 단체, 직장, 각종 모임 행사 때마다 외우도록 강제했다. 황국신민의 서사의 내용은 "나는 황국신민이다. 충성으로써 천황에게 보답하자'라는 식으로 3개 조항으로 구성되었다.

일제는 또한 "신사참배" 를 한국민에게 강제하였다. '신사' 라는 것은 일본 민족종교인 신도 가 숭배하는 신을 모셔 제사 지내는 건물이다. 총독부는 1931 년 민주침략 무렵부터 각급 학교에서 한국인 학생에게 신사참배를 강요하기 시작했다. 마침내 1936 년 8월에는 한국내 1 읍면 1신사주의를 선언하고 한국 2,236 개 모든 읍면에 일본 신사를 1 개씩 설치할 것을 결정하였다. 일제는 1937 년부터는 학교 학생들뿐 아니라 회사, 기업, 각종 단체 등에서 집단적으로 신사참배를 강제했다. 심지어 다른 종교의 신을 우상숭배라고 생각하는 기독교인들에게도 신사참배를 강제했다[14].

일제는 매달 6 일을 '애국일'이라고 하여 반드시 전 한국인이 의무적으로 집단적 신사참배를 하

도록 강제했으며, 그 밖에도 각종 단체행사 때마다 신사참배를 강제했다[15].

결론

1910-1945 년의 한국민족에 대한 일제의 식민지정책은 다른 제국주의자들과 마찬가지로 사회경제적 착취와 수탈의 극대화를 추구한 것이었다. 이것에 더해서 일제는 한국민족을 말살하여 영원토록 이른바 "황국신민" 으로 만들기 위한 악질적인 민족말살정책까지 강제했다.

원래 한민족은 수 천년 동안 독자적인 혈통과 언어를 가진 단일민족으로 발전해 왔다. 한민족은 항상 일본에 대해서 민족적, 문화적 우월성을 가지고 대해 왔다. 따라서 한민족에게 일제 식민지로의 전락은 참으로 견디기가 어려운 상황이었다. 한민족이 일제에 대한 광범위하고 적극적인 저항을 계속한 것은 당연한 일이었다. 이러한 한민족의 민족의식과 항일의식은 일제에겐 식민지 통치의 큰 장애요소였다.

따라서 일본은 한민족의 민족의식을 말살하고 황국신민화 하기 위한 논리와 정책을 식민지기간동안 다방면적이고 집요하게 추진하였다. 한국어말살, 한국사 왜곡, 창씨개명, 일본어 상용화 등 일본의 황민화정책은 매우 다양했다. 심지어 일제는 자신들의 식민지지배를 정당화하고 황민화정책을 원활하게 수행하기 위해서 "일선동조론", "내선일체론"과 같은 지배이념과 논리까지 개발해 내야만 했다. 즉 '일본과 한국은 하나의 조상을 가진 한 가족이고 일본과 한국은 한 몸이다.' 라는 황당한 이데올로기를 한국인들에게 주입하려 시도한 것이다. 이러한 일제의 허무맹랑한 이데올로기는 한국민들에게는 절대 받아들여 질 수 없었고 민족적 자존감이 상처받는 큰 고통만을 안겨주었을 뿐이었다. 이렇듯 황민화정책은 성공하지 못했고 한국민의 민족의식과 항일의식만 더욱 강화하는 결과를 낳았다.

---

[1] 레닌은 제국주의를 독점자본주의국가들의 세계분할로 파악했다.
[2] 신용하, 1984: 한국민족의 형성과 민족사회학, 지식산업사, 2001. P. 315.
[3] 허재영, 일제 강점기 일본어 보급정책연구, <한말연구>, 제14집, 2004.
[4] 정채철, 일제의 대한국식민지교육정책사, 일지사, 1985. P. 422-423.
[5] 이명화, <조선총독부의 언어동화정책 – 황민화시기 일본어상용운동을 중심으로->, 한국독립운동사연구, 제9집, 1995.
[6] 일본자료) <일본인의 해외활동에 관한 역사적 조사> 조선편, 제3분책. P. 46-47.
[7] 김용섭, <일본. 한국에 있어서의 한국사서술>, '역사학보', 제31집, 1966.
[8] 신용하, <한국근현대사에 있어서 민족주의사관의 전개와 식민주의사관의 비판>, '한국의 사회와 문화' 제 22집, 1994.
[9] 이기백, <반도적 성격론 비판>, '한국사 시민강좌', 일조가, 제1집, 1987.
[10] 이태진, <당파성론 비판>, '한국사시민강좌', 제1집.
[11] 이만열, <한국근대역사학의 이해>,'문학과지성사', 1981. P. 263-64,
[12] 김영달, <창씨개명의 제도>, 정운현 편역'창씨개명', 학민사, 1994. P. 41-70.
[13] 김동욱, <일제하의 창시개명>, '창씨개명'. P. 210-211.
[14] 일본자료) 산구공일, <전시 조선총독부의 신사정책>, '조선사연구회 논문집', 제36 편, 1998.
[15] 박경식, <일본제국주의의 조선지배>, 청아출판사, 1986. P. 374-409.

Б. Б. Пак,
Институт востоковедения РАН

«Женщины для утешения» для японской императорской армии: военное преступление и грубое нарушение международного права в области прав человека

Аннотация

В Республике Корея одной из наиболее болезненных тем, связанных со Второй мировой войной, с 1990-х гг. является тема насильственного принуждения корейских женщин к сексуальному рабству в военных борделях (так называемых «станциях утешения»). Термин «вианбу» означает в переводе с корейского «женщины для утешения» и служит для обозначения приблизительно 200 тысяч кореянок, жертв сексуального насилия в японской армии. Правительство Японии отказывается признавать факт насильственной вербовки, подчеркивая сугубо добровольный характер проституции.

Ключевые слова: Корея, вианбу, «женщины для утешения», «станции утешения», сексуальное насилие, сексуальное рабство, японская армия.

B. B. Pak,
Institute of Oriental Studies of RAS

«Comfort women» for the Japanese imperial army: a war crime and major violation of international human rights law

Abstract
In the Republic of Korea, one of the most painful topics associated with World War II since the 1990-s is the theme of forcibly coercing Korean women into sexual slavery in military brothels (so-called comfort stations). The term Wianbu means «comfort women» in Korean and refers to the approximately 200 000 Korean female victims of massive sexual assault in the Japanese army. The Japanese government refuses to acknowledge forced recruitment, emphasizing the purely voluntary nature of prostitution.
Keywords: Korea, wianbu, «comfort women», «comfort stations», sexual assault, sexual slavery, the Japanese army.

В Республике Корея одной из наиболее болезненных тем, связанных со Второй мировой войной, с 1990-х гг. является тема привлечения корейских женщин для работы в военных борделях (так называемых «станциях утешения»). Первая «станция утешения» была открыта в 1932 г. в Шанхае, куда были направлены женщины из Японии. Инициатором создания «станций утешения» для японской армии был Ясудзи Окамура, в то время заместитель начальника штаба Шанхайского экспедиционного корпуса. После многочисленных изнасилований японскими солдатами местных женщин он обратился к командованию с предложением о создании «станций утешения». Он обосновал свое предложение тем, что «станции создаются для уменьшения антияпонских настроений на оккупированных территориях, а также ради необходимости не допустить снижения боеспособности солдат из-за появления у них венерических и других заболеваний»[1]. Однако по мере расширения японской военной экспансии спрос на услуги таких станций вырос, добровольцев из Японии не хватало. Тогда военные стали превращать в сексуальных рабынь женщин оккупированных стран, Кореи и Китая. Тысячи женщин, похищенные, завербованные обманным путем обещаниями работы в качестве медсестёр на аванпостах или японских военных базах, на фабриках или в ресторанах, были отправлены военным транспортом в другие части Азии, где насильственно удерживались и принуждались к сексуальному рабству на «станциях утешения» в прифронтовых областях[2].

Вианбу или ианфу (慰安婦) означает в переводе с японского языка «женщины для утешения и успокоения». Термин служит для обозначения приблизительно 200 тысяч кореянок в возрасте примерно от 11 лет (по другим оценкам, их было в 2 раза больше[3]), насильственно принуждавшихся к сексуальному рабству в солдатских борделях («станциях утешения»)[4]. Предпочтение отдавалось девочкам, часто не достигшим половой зрелости. Считалось, что, поскольку Корея – конфуцианская страна, где добрачный секс объявлялся неприемлемым и постыдным, и поскольку корейские девочки-подростки, взятые в «корпус женщин для утех», всегда были девственницами, – это лучший способ ограничить распространение венерических заболеваний, которые в противном случае выводили из строя военных[5].

В среднем сексуальная рабыня должна была «обслуживать» по 30–50 солдат в день[6,7]. «Женщин для утешения» насиловали каждый день, избивали, пытали, стерилизовали, вводя беременным и заразившимся токсичный сальварсан, известный как препарат 606 на основе мышьяка, и др. абортивные препараты. Все это вместе с разрывами гениталий и повреждениями внутренних органов, вызванными изнасилованиями, было причиной необычайно высокого уровня бесплодия и серьезных увечий среди них[8]. По признанию врача японской армии Асо Тецуо, «женщины для утех» рассматривались как «женское снаряжение» и как «общественные туалеты», буквально как вещи, насилие, пытки и убийства в отношении которых не воспринимались как преступление[9]. Неудивительно, что смертность среди секс-рабынь на «станциях утешения» была чрезвычайно высокой. Многие из невольниц кончали жизнь самоубийством. До конца войны дожила лишь четвёртая часть из них.

Согласно признанным ООН данным, большинство женщин, использовавшихся на «станциях утешения» для сексуальных утех японских солдат, были из оккупированных стран, включая Корею, Китай, Филиппины. Сексуальной эксплуатации в японских военных борделях подвергались также молодые женщины из Бирмы, Тайваня, Вьетнама, Малайзии и других восточноазиатских стран, оккупированных Японией, а также голландки, захваченные в Индонезии. По меньшей мере 80% из них составляли кореянки.

Несмотря на то, что правительство Японии в 1998 г. согласилось выплатить компенсацию корейским «женщинам для утешения» (вианбу) (28 апреля 1998 г. суд Японии постановил, что правительство должно выплатить компенсацию женщинам в размере 2300 долларов США каждой[10]), оно отказалось

признавать факт насильственной вербовки, подчеркивая сугубо добровольный характер проституции[11].

Республика Корея требует от Японии официальных извинений за жестокое обращение с «женщинами для утешения», а также материальной компенсации нескольким десяткам таких женщин, оставшихся в живых.

Япония настаивает на том, что проблема *ианфу* была решена в 1965 г. при подписании договора о нормализации отношений между Японией и Южной Кореей. Более того, премьер-министр С. Абэ в одном из своих публичных выступлений отрицал наличие доказательств существования практики насильственного рекрутирования корейских женщин в прифронтовые «станции утешения»[12].

Вследствие того, что факты принуждения к сексуальному рабству для обслуживания японских военных не были включены Токийским трибуналом в перечень военных преступлений и не рассматривались на процессе и ни одна из бывших секс-рабынь не рассказала о пережитом, до 1990-х гг. они не оглашались. До принятия 4-й Женевской конвенции 1949 г. сексуальное насилие не подпадало под военные преступления. Японское правительство отрицало ответственность японских армейских властей за созданную ими систему сексуального рабства, утверждая, что вербовкой женщин для прифронтовых борделей занимались частные лица[13].

Первое научное исследование по этой теме провел профессор истории из университета «Тюо» Ёсими Ёсиаки[14]. 16 января 1992 г. он опубликовал обнаруженные им в Национальном институте оборонных исследований шесть документов 1930-х гг. с личными печатями высокопоставленных офицеров императорской армии, раскрывающих прямую причастность японских военных властей к созданию и управлению системой сексуального рабства. Он наткнулся на них во время поиска в библиотеке Министерства обороны материалов, связанных с использованием Японией во время войны отравляющего газа.

По словам Ёсими Ёсиаки, эти документы сохранились только потому, что были перемещены на 25 миль к западу от центра Токио еще до конца войны. Послевоенные американские оккупационные силы конфисковали документы и вернули их в 1950-х гг. В течение двух недель между капитуляцией Японии 15 августа 1945 г. и прибытием американских оккупационных войск японские лидеры военного времени, опасаясь послевоенных судебных процессов, по словам Ёсими Ёсиаки и др. ученых, сожгли так много потенциально компрометирующих документов, что небо над Токио было черным от дыма. Несмотря на попытки японского правительства скрыть негативные факты, Ёсими Ёсиаки удалось раскрыть схему сексуального рабства Японии во время войны.

Система военных борделей возникла в 1932 г. после вторжения Японии в Маньчжурию. Затем она разрослась в связи с полномасштабной войной против Китая в 1937 г. и в 1940-е годы распространилась на большую часть Азии. Из документов, которые обнаружил Ёсими Ёсиаки, одним из самых чудовищных было уведомление от 4 марта 1938 г. адъютанта начальника штабов Северо-Китайской армии и Центрально-Китайского экспедиционного корпуса «Относительно набора женщин для работы в военных пунктах». В нем говорилось, что «действующие армии будут контролировать набор женщин» и что «эта задача будет выполняться в тесном сотрудничестве с военной или местной полицией».

Среди найденных документов донесение начальника штаба армии Северо-Китайского региона Наосабуро Окабе, датированное июлем 1938 г., где отмечалось, что изнасилования местных женщин японскими солдатами усилили антияпонские настроения и что создание «условий для сексуального комфорта как можно скорее имеет большое значение». В другом отчете, опубликованном в апреле 1939 г. штабом 21-й армии в Гуанчжоу в Китае, указывалось, что 21-я армия непосредственно контролировала 850 женщин[15]. Ёсими Ёсиаки скопировал документы, но не стал сразу оглашать свои выводы, поскольку в тот период ни одна из бывших секс-рабынь еще не рассказывала публично о своем прошлом и о сексуальных преступлениях во время войны практически не было известно.

Но в конце 1991 г. бывшие секс-рабыни из Южной Кореи нарушили молчание. Ким Хак-Сон стала первой, кто публично выступил под своим реальным именем, потребовав, чтобы Япония взяла на себя ответственность за совершенное преступление[16]. Когда японское правительство ответило отрицанием, Ёсими Ёсиаки дал интервью национальной ежедневной газете «Асахи симбун».

В США также были обнародованы документы, в которых зафиксировано сексуальное насилие и принуждение женщин к сексуальному рабству, совершенное с санкции японских армейских властей.

Столкнувшись с этими неопровержимыми доказательствами, японское правительство вынуждено было отказаться от давнего заявления о том, что борделями управляли частные предприниматели. Год спустя, в 1993 г., оно признало, что ответственность за это несет само японское государство. Правительственное расследование показало, что японская императорская армия вынуждала женщин, известных как «женщины для утех», работать в борделях, управляемых военными, во время Второй мировой войны. В заявлении, опубликованном главным секретарем Кабинета министров Ёхэем Коно 4 августа 1993 г., японское правительство признало, что женщины подвергались принуждению[17].

В 1995 г. японское правительство создало частный «Фонд азиатских женщин» (AWF) для распределения дополнительной компенсации в Республике Корея, Филиппинах, Тайване, Нидерландах и Индонезии. Однако многие организации жертв сексуального рабства отказались от сотрудничества с частным фондом – заявив, что компенсация не от правительства, а за счет частных пожертвований, не может рассматриваться как «официальная»[18].

Однако, консерваторы в Японии по-прежнему отрицали, что японские военные похищали или принимали непосредственное участие в принуждении кореянок к сексуальному рабству. Так, бывший премьер-министр Синдзо Абэ во время своего первого срока на посту премьер-министра в 2007 г. заявил, что не существует доказательств и официальных документов, подтверждающих, что японская армия принуждала женщин работать в военных публичных домах, тем самым игнорируя другие доказательства, включая показания бывших секс-рабынь. Его комментарии вызвали возмущение в странах Азии и США, где Палата представителей 30 июля 2007 г. приняла обязательную резолюцию, призывающую Японию недвусмысленно признать свои действия и принести извинения[19].

13 декабря 2007 г. Европейский парламент принял резолюцию «Справедливость для «женщин для утешения» (секс-рабынь в Азии до и во время Второй мировой войны)», призывая японское правительство принести извинения и взять на себя юридическую ответственность за принуждение женщин к сексуальному рабству до и во время Второй мировой войны[20].

Акцент на отсутствие официальных документов, по словам профессора Ёсими Ёсиаки и др. историков, долгое время был частью стратегии японского правительства по контролю за освещением истории военного времени. До публикации статьи Ёсими Ёсиаки правительство утверждало, что не существует официальных документов, подтверждающих роль военных в создании публичных домов. Даже сегодня Япония отказывается публиковать документы, которые, по мнению историков, сохранились и пролили бы свет на военную историю Японии[21].

В декабре 2015 г. при президенте Пак Кын Хе Республика Корея и Япония подписали соглашение по урегулированию вопроса о вианбу. Абэ принес свои извинения всем «женщинам для утешения» и заявил, что Япония по-прежнему придерживается позиции, согласно которой вопросы, касающиеся собственности и претензий между Японией и РК, включая вопрос «женщин для утех», были полностью и окончательно урегулированы Соглашением об урегулировании претензий между Японией и Республикой Корея и об экономическом сотрудничестве 1965 г. и что с соглашением 2015 г. проблема «женщин для утех» решена «окончательно и бесповоротно»[22]. Япония согласилась внести 1 млрд иен (8,3 млн долларов США) в фонд поддержки уцелевших жертв сексуального рабства, в то время как Южная Корея соглашалась воздерживаться от критики Японии по этому вопросу и убрать памятник жертвам перед посольством Японии в Сеуле[23].

В Токио посчитали, что проблема полностью улажена. Однако в Корее соглашение вызвало негодование общественности. Гражданские группы, в т.ч. бывшие «женщины для утешения», выступили за признание этого соглашения недействительным. Они были возмущены тем, что соглашение было заключено за закрытыми дверями, без учёта мнения выживших вианбу, с отсутствием в нем ссылок на насильственный характер вербовки их в солдатские бордели, словно они добровольно избрали проституцию для заработка в годы войны.

Гнев корейцев вызвало также то, что правительства двух стран назвали такое соглашение «окончательным и необратимым решением», несмотря на то что в нем отсутствовало признание юридической ответственности за совершенные Японией преступления в военное время[24].

Неосновательными сочли и утверждения Токио, что все вопросы юридической ответственности за колонизацию Кореи Японией были урегулированы Договором об основных отношениях 1965 г., учитывая что вопрос о «женщинах для утех» и участии японской армии в принуждении корейских женщин не обсуждался до начала 1990-х гг.

Протестуя против соглашения с Японией 2015 г. как нарушающего конституционное право жертв «требовать возмещения ущерба от Японии как граждан, чье человеческое достоинство и ценности были нарушены незаконными действиями, совершенными Японией»[25], и воспринимая его как попытку Японии уйти от ответственности, вианбу и гражданские активисты продолжают требовать официального признания совершенных Японией военных преступлений в годы Второй мировой войны, в частности, принуждения к сексуальному рабству сотен тысяч кореянок.

Борьбу за действительное разрешение проблемы вианбу поддерживает нынешний президент Республики Корея Мун Дже Ин. 11 мая 2017 г. он объявил, что соглашение 2015 г. не будет принято на нынешнем этапе, что переговоры о соглашении между Японией и Южной Кореей по спору о «женщинах для утешения» необходимо начать заново, так как оно «не принимается корейским народом»[26]. «Япония должна принять правду, искренне извиниться, принять как урок и работать с международным сообществом таким образом, чтобы [такие вещи] не могли повториться», – сказал Мун на пресс-конференции в январе 2018 г.[27] 21 ноября 2018 г. Южная Корея официально отменила соглашение 2015 г. и закрыла финансируемый Японией фонд «женщин для утешения», открытый в июле 2016 г. для финансирования урегулирования соглашения с выжившими вианбу[28].

Символом протеста гражданского общества и выживших вианбу против отказа Японии взять на себя ответственность за совершенные военные преступления, движения за принесение должных официальных извинений и полного признания вины за искалеченные жизни 200 тысяч женщин является бронзовая статуя девушки, установленная в 2011 г. перед японскими посольством в Республике Корея.

Еще одна статуя была установлена 30 декабря 2016 г. перед консульством Японии в Пусане (Корея). Она изображает девушку, сидящую на стуле со сжатыми кулаками на коленях. Это памятник жертвам сексуального рабства японской армии до и во время

Второй мировой войны. Устанавливая такие памятники, корейцы хотят, чтобы правда о жестоком обращении японских военных с «женщинами для утех» не была забыта будущими поколениями.

Примечания

[1] URL: https://www.awf.or.jp/e1/facts-01.html; Okamura Yasuji taisho shiryo I: senjo kaisohen, Tokyo, 1970. P. 302–303.
[2] *Yoshimi, Yoshiaki* (2000), Comfort Women. Sexual Slavery in the Japanese Military During World War II, Asia Perspectives, translation Suzanne O'Brien, New York: Columbia University Press. P. 101–105, 113, 116–117; *Hicks, George* (1997), The Comfort Women: Japan's Brutal Regime of Enforced Prostitution in the Second World War, New York: WW Norton & Co. P. 8–9, 14; *Clancey, Patrick*, ed. (November 1, 1948), International Military Tribunal for the Far East (Chapter 8) – Judgment, Hyperwar, a hypertext history of the Second World War. P. 1021; *Soh, C. Sarah* (2009). The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan. University of Chicago Press. P. 34.
[3] *Huang, Hua-Lun* (2012). The Missing Girls and Women of China, Hong Kong and Taiwan: A Sociological Study of Infanticide, Forced Prostitution, Political Imprisonment, «Ghost Brides», Runaways and Thrownaways, 1900–2000s: McFarland, 2012. P. 206.
[4] *Horn, Dottie* (January 1997), Comfort Women, Endeavors Magazine, archived from the original on June 25, 2008, retrieved October 5, 2008.
[5] *Watanabe, Kazuko* (1999). Trafficking in Women's Bodies, Then and Now: The Issue of Military «Comfort Women». Women's Studies Quarterly. 27 (1/2): 21.
[6] *Hicks, George* (1996), «The Comfort Women», in *Duus, Peter; Myers, Ramon Hawley; Peattie, Mark R.* (eds.), The Japanese Wartime Empire, 1931–1945, Princeton University Press. P. 305–323; *Hicks, George* (1997), The Comfort Women: Japan's Brutal Regime of Enforced Prostitution in the Second World War, New York: WW Norton & Co.
[7] *Watanabe, Kazuko* (1999). Trafficking in Women's Bodies, Then and Now: The Issue of Military «Comfort Women». Women's Studies Quarterly. 27 (1/2): 19–31.
[8] *Hicks, George* (1996), The «Comfort Women», in *Duus, Peter; Myers, Ramon Hawley; Peattie, Mark R.* (eds.), The Japanese Wartime Empire, 1931–1945, Princeton University Press. P. 319.
[9] *Watanabe, Kazuko* (1999). Trafficking in Women's Bodies, Then and Now: The Issue of Military «Comfort Women». Women's Studies Quarterly. 27 (1/2): 20.
[10] Japan Court Backs 3 Brothel Victims. The New York Times. April 28, 1998.
[11] *Fujioka, Nobukatsu*. 婉曲&dq=慰安婦　婉曲污辱の近現代史: いま、克服のとき:[]. Tokuma Shoten, 1996. P. 39. «慰安婦は戦地で外征軍を相手とする娼婦を指す用語(婉曲 用語)だった。
[12] Abe questions sex slave «coercion» // BBC News, March 2, 2007.
[13] *De Brouwer, Anne-Marie* (2005) [2005], Supranational Criminal Prosecution of Sexual Violence, Intersentia. P. 8.
[14] *Yoshimi, Yoshiaki* (2000), Comfort Women. Sexual Slavery in the Japanese Military During World War II, Asia Perspectives, translation: *Suzanne O'Brien*, New York: Columbia University Press.
[15] URL: https://www.nytimes.com/2007/03/31/world/asia/31yoshimi.html
[16] URL: https://www.awf.or.jp/e2/survey.html
[17] URL: https://www.awf.or.jp/e6/statement-02.html
[18] Details of Exchanges Between Japan and the Republic of Korea (ROK). Regarding the Comfort Women Issue. Ministry of Foreign Affairs. P. 29. URL: https://www.mofago.jp/ files/000042171.pdf
[19] *Cowan R.* House seeks Japan's apology on «comfort women». Reuters (31 July 2007). URL: https://www.reuters.com/article/us-japan-usa-sexslaves/house-seeks-japans-apology-on-comfort-women-idUSN3041972020070730
[20] European Parliament resolution of 13 December 2007 on Justice for the «Comfort Women» (sex slaves in Asia before and during World War II).
[21] URL: https://www.nytimes.com/2007/03/31/world/asia/31yoshimi.html
[22] «Объявление министров иностранных дел Японии и Республики Корея на совместном мероприятии для прессы» / Министерство иностранных дел Японии. 28 декабря 2015 г.
[23] Japan and South Korea agree WW2 «comfort women» deal // *BBC News. BBC. December 28, 2015; Adelstein, Jake; Kubo, Angela* (December 28, 2015). South Korea and Japan 'finally and irreversibly' reconcile on World War II sex slaves // Los Angeles Times.
[24] URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/723940.html; http://english.hani. co.kr/arti/english_edition/e_international/724114.html
[25] Court dismisses comfort women's suit against government for signing 2015 agreement with Japan // Hank Yoreh. June 17, 2018.
[26] *James Griffiths* (May 11, 2017). South Korea's new president questions Japan «comfort women» deal // CNN.
[27] New apology from Japan needed over «comfort women»: S. Korea's Moon // *Kyodo News*.
[28] *Kim Tong-Hyung*, Associated Press (November 21, 2018). South Korea Shuts Japanese-Funded «Comfort Women» Foundation // Time.

А. В. Алепко,
Хабаровский государственный институт культуры

Филиппины в годы японской оккупации (1942–1945 гг.)

Аннотация

В статье изучаются вопросы, связанные с социально-экономической и социокультурной деятельностью японской администрации на Филиппинах. Раскрываются планы Японии по культурной ассимиляции населения филиппинских островов, затрагивается вопрос о деятельности японского бактериологического отряда «Ока» на территории Филиппин. Автором выявлено отношение различных слоев филиппинского общества к политике оккупационных властей Японии, определена роль партизанского движения в освобождении от оккупации, показаны социально-экономические результаты деятельности японской военной администрации на Филиппинах.

Ключевые слова: Вторая мировая война, оккупация Филиппин, японская администрация на Филиппинах, бактериологический отряд «Ока», паназиатизм, партизанское движение на Филиппинах.

A. V. Alepko,
Khabarovsk State Institute of Culture

Philippines during the japanese occupation (1942–1945)

Abstract
The article examines issues related to the socio-economic and socio-cultural activities of the Japanese administration in the Philippines. Disclosed Japan's plans for cultural assimilation of the population of the Philippine islands. The question of the activities of the Japanese bacteriological detachment "Oka" in the Philippines was touched upon. The article reveals the attitude of various strata of the Philippine society to the policy of the Japanese occupation authorities. The role of the partisan movement in the liberation from the Japanese occupation is determined. The socio-economic results of the activities of the Japanese military administration in the Philippines are shown.

Keywords: World War II, occupation of the Philippines, Japanese administration in the Philippines, bacteriological detachment "Oka", pan-Asiatism, guerrilla movement in the Philippines.

В отечественной историографии история Филиппин в изучаемый период исследована недостаточно, а в зарубежной, главным образом американской, преобладают тенденциозные оценки боевых действий США на Филиппинах, а также «выдающейся» роли США в освобождении Филиппин от японской оккупации[1].

В оценках филиппинских историков также преобладает мнение о важной роли США в освобождении Филиппин в годы войны[2]. Тем не менее филиппинские ученые проявляют определенный интерес к воссозданию реальных исторических событий этого периода. Ряд историков, в частности, С. Маттиссен, стараются понять идеологию, цели и задачи японского правительства в период оккупации Филиппин[3].

В отечественной историографии известной работой на эту тему является монография Ю. О. Левтоновой, изданная Институтом востоковедения АН СССР в 1979 г.[4] При всем уважении к автору и высокопрофессиональному коллективу академического института, следует заметить, что в оценке событий изучаемого периода преобладают мнения, подчеркивающие исключительную роль филиппинских коммунистов в партизанском движении и освобождении Филиппин от японских милитаристов, что обусловлено господствовавшей в советской исторической науке марксистско-ленинской идеологией, вследствие чего альтернативных оценок быть не могло.

Для сохранения исторической памяти о бесчеловечности режима японских милитаристов по отношению к народам завоеванных стран сегодня очевидна необходимость изучения заявленной проблемы.

Филиппины играли важную роль в экспансионистских планах японского паназиатизма, они должны были войти в так называемую «Великую восточноазиатскую сферу совместного процветания», в которую планировалось включить громадные территории Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании. Заметим, что в 1930-е гг. в паназиатском сообществе Японии сформировались две основные фракции: «экзотерическая» (традиционалисты или культурологи) и «эзотерическая» (рационалисты или реалисты)[5].

Восприятие ими Юго-Восточной Азии и оценка шансов на интеграцию этого региона в рамки так называемой «Большой Азии» заметно различались, особенно для Филиппин — архипелага, который был специфичным в культурном отношении. Это была единственная в Азии страна с преимущественно католическим населением, а последствия испанского и американского социокультурного влияния на островах были чрезвычайно существенными.

При этом «экзотерическая» паназиатская фракция была убеждена, что филиппинцы автоматически оценят концепцию о «Великой восточноазиатской сфере совместного процветания», поскольку ожидают освобождения от американского колониализма. В то же время «эзотерическая» фракция подчеркивала существенные культурные различия между Филиппинами и Японией. Представители её идеологического центра «Сёва Кенкюкай» выступали против интеграции Филиппин под эгидой Японии, считая, что условий для неё еще не существует. В целом ко времени японского вторжения на Филиппины среди паназиатского сообщества Японии не было консенсуса по вопросу о членстве Филиппин в составе «Великой Японии»[6].

В то же время паназиатский трактат, разработанный для военно-морского флота Японии, не отражал «экзотерический» подход к общему культурному наследию и расовой близости японцев и филиппинцев. Он скорее был сформирован на основе «эзотерического» канона. Особое внимание в нём уделялось доминирующей роли Японии и ограниченной степени независимости Филиппин в паназиатском проекте.

Первоочередной задачей Сухопутных сил Японии было привлечение на свою сторону как населения, так и правительства Филиппин. Японский генштаб даже разделял надежду на то, что президента Содружества Филиппин Мануэля Кесона (1878–1944) можно убедить перейти на сторону Японии и сотрудничать с ним в деле интеграции.

Однако с началом японской оккупации Филиппин, когда стало очевидным, что «экзотерические»

планы не могут быть реализованы, правительство Японии направило в страну исследовательскую комиссию во главе с влиятельным членом «Сёва Кенкюкай» Роямой Масамичи[7]. Надо заметить, что большая часть персонала пропагандистского корпуса милитаристской Японии не имела глубоких знаний о Филиппинах и полагалась на опыт лишь нескольких прояпонских филиппинцев. Результатом работы комиссии Роямы Масамичи стало принятие правительством Японии её предложений по осуществлению реформы католической церкви и сферы образования на Филиппинах[8].

Несмотря на некий идеологический либерализм, на практике японские милитаристы повсеместно применяли против населения Филиппин репрессивные меры. Так, после сдачи в апреле 1942 г. командующим вооруженными силами о. Лусона генерал-майором Э. Кингом 78 тыс. американо-филиппинской группировки войск, по приказу японского командования всех пленных отправили в 97 км путь по бездорожью[9]. «Батаанский марш смерти» сопровождался немотивированным применением силы и убийствами. Упавших и неспособных к передвижению пленных японские конвоиры добивали. Они обезглавливали упавших, перерезали им горло, пристреливали, закалывали штыками, насиловали, вспарывали животы. По упавшим проезжали японские танки. Остальных избивали прикладами, не позволяли им пить или есть. Мотоциклисты выставляли винтовочные штыки на уровне шеи и проезжали вдоль колонн военнопленных, нанося им смертельные порезы[10].

Точное количество погибших военнопленных и гражданских лиц в «Батаанском марше смерти» не определено. Историки оценивают минимальное число погибших в 5–6 тыс. чел. В то же время документы указывают, что только 54 тыс. из 72 тыс. пленных достигли пункта назначения[11].

С 1942 г. на оккупированной территории Филиппин осуществляло свою деятельность подразделение бактериологического отряда 9420 («Ока»), действовавшего в составе Южной экспедиционной группы армий Японии. Отряд «Ока» подчинялся Департаменту специальных исследовательских отрядов императорской армии Японии, созданному по ходатайству известного японского военного преступника доктора медицины Сиро Исии[12].

Первоначально начальником бактериологического отряда 9420 был назначен Ёсио Хареяма, в конце 1942 г. его сменил подполковник медицинской службы Наито Рёити, один из самых доверенных лиц Иссии[13]. До 1945 г. под руководством Рёити работало около 150 врачей и ученых[14], которые ежегодно производили огромное количество патогенов, работая с бактериями тифа и чума, а также с пестицидами.

Главная экспериментальная база отряда находилась в г. Сингапуре. Отряд № 9420 состоял из двух отделений: «Умеока», специализировавшееся на выведении чумных бактерий, и «Коно», занимавшееся выведением бактерий малярии. В подчинении отряда находились специальные подразделения с филиалами в других странах Юго-Восточной Азии[15]. Они специализировались на исследовании и культивации штаммов неизвестных эпидемических заболеваний, выявленных у специально отловленных крыс.

Региональное руководство деятельностью отряда осуществлялось начальником медицинской службы Южной экспедиционной группы армий Японии генерал-майором Китагава Масатака, штаб-квартира которого располагалась на юге Малайзии, в госпитале Пермай в 3 км от г. Джохор-Бару[16].

Следует заметить, что после оккупации архипелага японские милитаристы нашли поддержку в верхах филиппинского общества. Это были откровенные коллаборационисты, предавшие интересы родины. Среди них были лица, известные своими прояпонскими взглядами, заблуждавшиеся относительно возможности получения независимости из рук Японии (А. Рикарте, Б. Рамос)[17]. Среди элиты филиппинского общества были и патриоты, которые рассчитывали использовать победу Японии в интересах освобождения Филиппин от американского колониализма и достижения национальной независимости (Кларо Ректо и Хосе Лаурель)[18].

Единственной разрешенной политической партией в стране была прояпонская KALIBAPI (Ассоциация служения Новым Филиппинам), «правая рука» японской администрации. Она была создана с целью «умственного воспитания, морального возрождения, физического оздоровления и экономического восстановления Филиппин под руководством японской военной администрации». Перед партией стояла задача наладить тесное сотрудничество с японцами, которое будет способствовать подъему «великой восточной расы»[19].

6 мая 1943 г. во время визита на Филиппины премьер-министр Японии Хидеки Тодзё пообещал учредить Республику Филиппины. Обещание Тодзё побудило лидеров КАЛИБАПИ созвать съезд, который состоялся 19 июня 1943 г. Двадцать делегатов съезда были избраны в состав Подготовительной комиссии для разработки Конституции Филиппинской Республики. Её председателем был избран Хосе Лаурель (1891–1959)[20].

4 сентября 1943 г. Комиссия представила проект Конституции, а через три дня Генеральная ассамблея КАЛИБАПИ его ратифицировала. 20 сентября 1943 г. отделения КАЛИБАПИ в провинциях и городах страны избрали из своего состава 54 члена Национального собрания Филиппин в составе 54 губернаторов и мэров городов. Через три дня первым спикером Национального собрания был избран Бениньо Акино-старший, а президентом Филиппинской Республики — Хосе Лаурель.

После провозглашения Филиппинской Республики 14 октября 1943 г. был подписан пакт о союзе между новой республикой и правительством Японии, который через два дня был ратифицирован Национальным собранием. Вновь созданная, по сути, марионеточная Филиппинская Республика была немедленно признана Японией, а вскоре и Германией,

Таиландом, Маньчжоу-го, Бирмой, Хорватией и Италией. Нейтральная Испания направила свои «приветствия»[21].

Первым актом, принятым Национальным собранием и администрацией Лауреля, стало создание 3 декабря 1943 г. Продовольственного управления, которое объединило все существовавшие агентства по контролю за пищевыми продуктами. При распределении основных продуктов питания новая администрация едва справлялась с нехваткой продовольствия в стране, отдавая предпочтение направлению продуктов в пользу японских оккупационных войск. Так, в 1943–1944 гг. большая часть филиппинского риса была конфискована японскими солдатами[22].

Японская администрация ограничила экономическую свободу Филиппин, контролируя цены на товары и услуги, а также частные активы. Японское правительство поставило под строгий контроль Национальный банк Филиппин. Предприятия, имевшие подрядные договоры с японской администрацией, приобретали ключевые позиции в отраслях экономики Филиппин[23].

Очевидно, что экономическая политика Японии была направлена на присвоение национальных богатств Филиппин, установление неограниченного контроля японских монополий над производством минерального и сельскохозяйственного сырья. Японцы сокращали площади плантаций сахарного тростника и табака, планируя выращивание хлопчатника и расширение производства абаки. Сахарорафинадные заводы перестраивались для выработки спирта. В целом замысел японцев реализован не был. Производство сахара и табака было сокращено в десятки раз, а вот задача создания более чем 1 млн акров плантаций для хлопчатника осталась невыполненной[24].

В условиях оккупации обогащались лишь спекулянты и верхушка посреднической буржуазии, которая обслуживала японские монополии. В стране наблюдалось резкое снижение уровня жизни. Не хватало продовольствия, так как посевные площади под рисом уменьшились почти на 1 млн га. Повсеместно наблюдался дефицит продуктов питания, одежды, масла и других товаров. Огромных размеров достигла инфляция, росли цены на предметы первой необходимости. На промышленных предприятиях широко практиковались различные формы принудительного труда (создание рабочих батальонов и т.п.). Рабочие были поставлены под полицейский контроль так называемого «Центрального рабочего союза», учрежденного оккупантами[25].

Одновременно японцы намеревались ослабить влияние католической церкви на филиппинское общество. Однако они встретили жесткое сопротивление населения, арестовав 500 христианских миссионеров. Они отстраняли духовенство от преподавания в частных школах, продолжили секуляризацию епископата филиппинской католической церкви, начавшуюся ещё при американском правлении. Антикатолическая политика была их долгосрочной целью, поскольку японским властям было очевидно, что устранить католицизм в одночасье невозможно[26].

Филиппинские газеты и другие средства массовой информации подвергались жесткой цензуре. Японцы пытались преобразовать школы, культивируя в них японский язык. Были открыты «новые» прояпонские школы, в которых к 1944 г. обучалось до 300 тыс. учеников[27].

В годы оккупации в стране сохранялось сильное японское военное присутствие, осуществлялся военный контроль за транспортом и коммуникациями.

Сложное экономическое положение способствовало повсеместной активизации антияпонских настроений среди населения страны. Многие жители становились участниками вооруженного сопротивления японским захватчикам. На территории архипелага действовали многочисленные разрозненные подпольные группы и партизанские отряды.

В антияпонском движении Сопротивления состояло до 1 млн человек. Значительным числом антияпонских организаций руководили представители патриотической буржуазной интеллигенции. В Маниле активно действовали организации «Свободные Филиппины», «Синий орел», «Лига национального освобождения». В Южном Лусоне действовало несколько партизанских отрядов, в том числе крупное подразделение под командованием американского офицера Андерсона. Партизанские отряды также были на островах Панае, Негросе, Себу, Лейте и Самаре[28].

На о. Минданао партизанские отряды, как правило, создавались американскими и филиппинскими военными, отказавшимися выполнить приказ о капитуляции (24 тыс. филиппинских и 200 американских солдат). В горах и джунглях Минданао находилось 38 тыс. партизан, объединенных под командованием американского полковника Венделла Фертига. К 1945 г. на Филиппинах действовало около 277 отдельных партизанских отрядов, состоящих из 260 715 чел., оказывавших сопротивление японской оккупации[29].

Среди мусульманского населения Юго-Западного Минданао и Сулу также возникло антияпонское движение, которое возглавили проамерикански настроенные дато. В то же время было немало случаев, когда отряды мусульман-моро обращали оружие не против японских захватчиков, а против партизан-филиппинцев.

Особая роль в партизанской борьбе против японских захватчиков принадлежала филиппинским коммунистам. В 1942 г. японскими оккупантами были арестованы и заключены в тюрьму хорошо известные на Филиппинах лидеры КПФ Крисанто Эванхелиста и Педро Сантос[30]. 25 февраля 1942 г. (по другим данным, 2 июня 1943 г.) Эванхелиста был казнён за организацию антияпонского сопротивления[31]. Сантос до 1944 г. находился в заключении, впоследствии был выпущен на свободу по причине плохого здоровья, в январе 1945 г. умер[32].

У руководства КПФ оказались коммунистические лидеры второго эшелона, такие как братья Висенте, Хосе (Пепинг) и Хесус (Иисус) Лава, а также братья Луис и Перигрино Таруки[33]. Новое руководство КПФ во главе с избранным генеральным секретарем Висенте Лавой (1894–1947) пыталось свести борьбу против японских оккупантов к курсу так называемого «оборонительного отступления»[34], превращая партизанские отряды в диверсионные команды, состоявшие из 3–5 чел. и уклоняясь от крупных вооруженных столкновений с врагом. Этот курс был провозглашен после того, как японцы напали на главную базу партизан у подножия вулкана Арайят в Центральном Лусоне[35].

Тем не менее 29 марта 1942 г. по инициативе большинства членов ЦК КПФ из разрозненных партизанских отрядов была сформирована Народная антияпонская армия (НАА) – «Хукбалахап»[36]. Главкомом армии был назначен соратник Сантоса — Луис Тарук (1913–2005)[37], его заместителем — член ЦК КПФ Кастро Алехандрино (1911–2005). Одновременно Тарук был избран председателем Военного комитета КПФ, а Алехандрино — его заместителем[38].

По некоторым данным, Тарук имел связи с Компартией Китая (КПК), от которой, в частности, получал финансовую помощь[39]. Подразделения «Хукбалахап» комплектовались главным образом из филиппинских крестьян, у которых имели широкую поддержку. Среди бойцов армии нашли сочувствие антиимпериалистические лозунги и призыв к борьбе с оккупационными силами Японии.

К декабрю 1942 г. «красные партизаны» освободили значительную часть центральных и южных провинций Лусона — самого крупного острова Филиппинского архипелага – и заняли посты в местных органах власти[40]. Численность НАА к этому времени составляла около 10 тыс. чел. регулярных бойцов и до 30 тыс. чел. партизанского резерва[41]. Руководству КПФ благодаря хорошо налаженной политической работе удалось добиться высокой дисциплины среди личного состава и боеспособности армии. Состоявшаяся в сентябре 1944 г. партийная конференция объявила «оборонительное отступление» политически ошибочным, а Лава был снят с поста генерального секретаря КПФ[42].

За период боевых действий против японских захватчиков силами «Хукбалахап» было уничтожено около 25 тыс. японских солдат и офицеров[43]. Жертвами партизан стали не только военнослужащие японской армии, но и 20 тыс. филиппинских полицейских, коллаборационистов, помещиков и предпринимателей, представителей враждебных коммунистам политических группировок[44].

Действия «Хукбалахап» в тылу японских оккупантов облегчили высадку в январе 1945 г. десанта американских войск на остров Лусон и сыграли свою роль в разгроме японской армии на Филиппинах. Однако большая популярность «Хукбалахап» вызвала беспокойство американского военного командования. После высадки войск на остров Лусон оно произвело аресты среди руководства НАА, ликвидировало её органы в ряде мест и издало приказ о разоружении филиппинских партизан[45].

Оставшийся в составе политбюро ЦК КПФ бывший социалистический лидер Лава проводил проамериканский политический курс и приветствовал американские оккупационные власти. Лава осуществлял поиск открытого и легального участия объединенной партии левых сил в полуколониальной и полуфеодальной политической структуре Филиппин, проводил мысль о ликвидации НАА и преобразовании её в организацию ветеранов.

К весне 1945 г. Япония контролировала всего 12 из 48 провинций. Боевые действия в филиппинских джунглях продолжались вплоть до официальной капитуляции Японии в сентябре 1945 г.

В результате японской оккупации Филиппины понесли большие человеческие потери и разрушения. В 1942–1945 гг. погибло более 1 млн чел. Потери США составили 10 380 чел. убитыми, Япония потеряла 255 795 чел.[46] Без крова остались 2 млн филиппинцев. Только прямые убытки страны от военных действий составили 1 млрд 250 млн долл. Огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству, почти полностью были уничтожены основные отрасли промышленности, выведены из строя шахты, рудники, железные дороги, электростанции.

Чудовищным разрушениям подверглась столица Филиппин – Манила. Покидая Манилу, японцы уничтожили до 2 тыс. жителей, в том числе женщин и детей. Большинство старинных испанских зданий было уничтожено в ходе интенсивных бомбардировок во время боев между силами Японии и США. Была разрушена самая популярная достопримечательность Филиппин крепость Интрамурос – старейший район города. Взрывы сровняли с землей большую часть Интрамуроса, оставив только 5% городских построек; стены были уничтожены на 40%[47]. Сегодня в числе восстановленных объектов церковь святого Августина, внесенная в 1993 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО[48]. Многие уникальные сооружения Интрамуроса не восстановлены до сих пор.

Примечания

[1] *Francia L. A.* History of the Philippines. From Indios Bravos to Filipinos. N.Y.: The Overlook Press, 2010. 352 p.
[2] *Abinales P., Amoroso D.* State and Society in the Philippines. Second edition. Queson City: Ateneo de Manila University Press, 2017. 413 p.
[3] *Matthiessen S.* Japanese Pan-Asianism and the Philippines from the Late Nineteenth Century to the End of World War II. Brill's Japanese Studies Library. Vol. 53. 2015. P. 223–224.
[4] *Левонтова Ю. О.* История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
[5] *Matthiessen S.* Japanese Pan-Asianism and the Philippines from the Late Nineteenth Century to the End of World War II. Brill's Japanese Studies Library. Vol. 53. 2015. P. 223.
[6] Ibid. P. 224.
[7] Shōwa Kenkyūkai. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Showa_Kenkyukai (дата обращения: 16.08.2021).
[8] *Matthiessen S.* Japanese Pan-Asianism and the Philippines from the Late Nineteenth Century to the End of World War II. Brill's Japanese Studies Library. Vol. 53. 2015. P. 224.
[9] Bataan Death March. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Bataan_Death_March (дата обращения: 12.07.2021).
[10] Там же.

[11] Там. же.
[12] Unit 9420. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Unit_9420 (дата обращения: 28.08. 2021).
[13] Там же.
[14] По данным китайского государственного агентства Синьхуа, опубликованным 9 января 2021 г., в составе японского отряда 9420 «Ока» насчитывалось 468 чел. Сведения получены сотрудниками китайского музея из филиала Национального архива Японии в префектуре Ибараки (См.: В Китае раскрыты имена и информация о членах японского подразделения бактериологического оружия времен Второй мировой войны // СИНЬХУА Новости / RUSSIAN. NEWS.CN. URL: http://russian.news.cn/2020–09/04/c _139342555. htm).
[15] Unit 9420. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Unit_9420 (дата обращения: 28.08. 2021).
[16] Там же.
[17] *Левонтова Ю. О.* Указ. соч. С. 168.
[18] Jose P. Laurel. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jose_P._Laurel (дата обращения: 09.07. 2021); Second Philippine Republic. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Philippine _Republic (дата обращения: 15.08.2021).
[19] Philippine Executive Commission. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Philippine_Executive_ Commission (дата обращения: 04.07.2021).
[20] Jose P. Laurel. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jose_P._Laurel (дата обращения: 09.07. 2021); Philippine Executive Commission. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Philippine_ Executive_Commission (дата обращения: 04.07.2021); Second Philippine Republic. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Philippine_Republic (дата обращения: 15.08.2021).
[21] Second Philippine Republic. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Second_Philippine_Republic (дата обращения: 15.08.2021).
[22] Philippine Executive Commission. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Philippine_Executive_ Commission (дата обращения: 04.07.2021).
[23] Там же.
[24] *Левонтова Ю. О.* Указ. соч. С. 169.
[25] Там же.
[26] Home front during World War II. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Home_front_during _World_War_II#The_Philippines (дата обращения: 21.07.2021); *Matthiessen S.* Japanese Pan-Asianism and the Philippines from the Late Nineteenth Century to the End of World War II. Brill's Japanese Studies Library. Vol. 53. 2015. P. 234.
[27] Crisanto Evangelista. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Crisanto_ Evangelista (дата обращения: 18.07.2021); Second Philippine Republic. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Second_Philippine_Republic (дата обращения: 15.08.2021).
[28] *Левонтова Ю. О.* Указ. соч. С. 171.
[29] Филиппины во время японской оккупации // 3D Academy (MTM JY), Philippines. URL: https://3d-universal.com/ru/blogs/2017/08/24/ japanese-occupation-in-the-philippines/ (дата обращения: 25.08.2021).
[30] Communist Party of the Philippines. URL: https://en.wikipedia. org/wiki/Communist_ Party_of_the_Philippines (дата обращения: 08.06.2021); Crisanto Evangelista. URL: https:// en.wikipedia.org/wiki/ Crisanto_Evangelista (дата обращения: 18.07.2021).
[31] Эванхелиста Крисанто. URL: https://ru.wikipedia.org/Эванхелиста, Крисанто (дата обращения: 08.06.2021); Crisanto Evangelista. URL: https:// en.wikipedia.org/wiki/Crisanto_ Evangelista (дата обращения: 18.07.2021).
[32] Абад Сантос Педро // Сов. энцикл. словарь. 4-е изд. М., 1988. С. 7; Абад Сантос, Педро. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абад_ Сантос_Педро (дата обращения: 17.06.2021).
[33] Luis Taruc. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Luis_Taruc (дата обращения: 03.09.2021).
[34] Jose Lava. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jose_Lava (дата обращения: 14.07.2021).
[35] *Ливанаг А.* История Коммунистической партии Филиппин: краткий курс (1988 г.) // Маоизм.ру: сайт. URL: http://maoism.ru/2623 (дата обращения: 24.07.2021).
[36] Hukbalahap Rebellion. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Hukbalahap_Rebellion (дата обращения: 09.08.2021).
[37] Luis Taruc. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Luis_Taruc (дата обращения: 03.09.2021).
[38] Casto Alejandrino. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Casto_ Alejandrino (дата обращения: 02.08.2021).
[39] *Баранова М.* Страна победившего маоизма. На Филиппинах подходит к концу 40-летняя война проамериканских властей и маоистов. 28.08.2016. URL: https://www.gazeta. ru/politics/2016/ 08/28_a_10164557.shtm (дата обращения: 27.05.2021).
[40] *Левонтова Ю. О.* Указ. соч. С. 216.
[41] Home front during World War II. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Home_front_during_ World_War_II#The_Philippines (дата обращения: 21.07.2021).
[42] *Ливанаг А.* История Коммунистической партии Филиппин: краткий курс (1988 г.) // Маоизм.ру: сайт. URL: http://maoism.ru/2623 (дата обращения: 24.07.2021).
[43] Hukbalahap Rebellion. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/ Hukbalahap_Rebellion (дата обращения: 09.08.2021)
[44] *Баранова М.* Страна победившего маоизма. На Филиппинах подходит к концу 40-летняя война проамериканских властей и маоистов. 28.08.2016. URL: https://www.gazeta.ru/ politics/2016/ 08/28_a_10164557.shtm (дата обращения: 27.05.2021).
[45] *Левонтова Ю. О.* Указ. соч. С. 219–220.
[46] Филиппины во время японской оккупации // 3D Academy (MTM JY), Philippines. URL: https://3d-universal.com/ru/blogs/2017/08/24/ japanese-occupation-in-the-philippines/ (дата обращения: 25.08.2021).
[47] Intramuros. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Intramuros (дата обращения: 18.07.2019).
[48] Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО на Филиппинах. URL: https:// ru.wikipedia.org/wiki/Список_объектов_всемирного_наследия_ЮНЕСКО_на_Филиппинах (дата обращения: 08.06.2021).

Е. М. Астафьева,
Институт востоковедения РАН

Японская оккупация Сингапура в период Второй мировой войны

Аннотация

Доклад посвящен одному из самых трагических событий сингапурской истории – японской оккупации в период Второй мировой войны. Автор кратко излагает хронологию захвата японскими войсками территории Британской Малайи, в состав которой входил Сингапур, и события, происходившие на острове в период японской агрессии и последовавшей за ней оккупации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, война на Тихом океане, японская оккупация, Британская Малайя, Сингапур.

E. M. Astafieva,
Institute of Oriental Studies of RAS

Japanese occupation of Singapore during the Second World War

Abstract
The report is devoted to one of the most tragic events in Singaporean history – the Japanese occupation during the Second World War. The author briefly outlines the chronology of the capture of the territory of British Malaya, which included Singapore, by Japanese troops, and the events that took place on the island during the period of Japanese aggression and the subsequent occupation.
Keywords: World War II, War in the Pacific, Japanese occupation, British Malaya, Singapore.

К началу Второй мировой войны Сингапур являлся колониальным владением британской короны, именно там находилась резиденция английского генерал-губернатора всех владений Британской Малайи, которая представляла собой весьма сложный организм, функционирующий в рамках трех типов колониальных владений и семи систем управления: Стрейтс-Сеттельментс, Федерации малайских государств (ФМГ) и пяти Нефедерированных малайских государств (НМГ).

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. молниеносно повлияло на Британскую Малайю. В стране начался новый экономический бум, вызванный повышением спроса на стратегические материалы – олово и каучук. Повысился уровень занятости населения.

С середины 1940 г. все более явной становилась угроза британским владениям в Юго-Восточной Азии со стороны Японии, тщательно готовившейся к нападению. Японцы проводили у берегов Малайи учения и морские маневры, страну наводнили японские шпионы[1]. В сентябре 1940 г. Япония начала оккупацию Северного Вьетнама, создав, таким образом, плацдарм для удара в южном направлении. Именно тогда между Германией, Италией и Японией был заключен тройственный пакт, который поощрял японскую агрессию в странах Южных морей.

Однако британцы довольно вяло реагировали на эти провокационные действия. Оплотом безопасности своих владений в регионе, «Бастионом британского могущества» Британия считала сингапурскую военно-морскую базу, которую начали сооружать еще в 1923 г. Официально ее открытие состоялось 14 февраля 1938 г., однако окончательно строительство было завершено только к 1941 г.[2] Для ее обслуживания был построен отдельный водопровод из Джохора[3]. База была рассчитана на обслуживание большого флота и оборудована по самым высоким техническим стандартам того времени, Она могла бы быть совершенной, если бы не два обстоятельства. Во-первых, располагалась она на северной оконечности острова и не была защищена от удара вражеских сил со стороны Малайи, что снижало ее значение в случае высадки японцев в районе перешейка Кра, однако британские военные не допускали, за редким исключением, такого развития событий. Во-вторых, оккупация Франции гитлеровской Германией, вынудила Англию сосредоточить все силы в Европе и Северной Африке.

В ноябре 1940 г. в Сингапур прибыл новый командующий британскими силами на Дальнем Востоке Генри Роберт Мур Брук-Попэм, а в мае 1941 г. командующим войсками в Малайе был назначен генерал-лейтенант Артур Персивал. При этом оба командующих были ограничены в своих действиях, поскольку флот, гражданская оборона и вся сфера гражданского управления оказались вне их компетенции.

Шла война, но Сингапур жил своей жизнью, следствием экономического бума стала нехватка рабочих рук. Губернатор Сингапура Шентон Томас отказал предоставить рабочих для строительства оборонительных сооружений, сославшись на приоритет «развития мирной экономики»[4]. Британские власти весьма оптимистично оценивали свое положение, рассчитывая, что Япония в первую очередь нападет на СССР, а никак не на Малайю. В своем стремлении не раздражать Японию власти продолжали преследовать коммунистов, несмотря на то, что еще в сентябре 1940 г. Коммунистическая партия Малайи отказалась от своих антибританских действий и предложила сотрудничество властям в рамках Антияпонского мобилизационного комитета заморских китайцев[5].

В октябре 1941 г. Брук-Попэм громогласно заявил, что Британия не нуждается в американской военно-морской поддержке. Восторг и вера в незыблемость британского владычества достигли своего пика 2 декабря 1941 г., когда жители Сингапура стали свидетелями, как им казалось, мощи Британской империи: на Сингапурскую базу прибыли линкор «Принц Уэльский» и тяжелый крейсер «Рипалз».

Уже 8 декабря на Сингапур были сброшены первые японские бомбы. При этом еще 6-го числа британское командование получило сведения о движении японской армады к Полуострову, однако Брук-Попэм, вместо того чтобы ввести в действие план «Матадор», лишь объявил «готовность первой степени».

Уничтожив американский флот в Перл-Харбор, японские войска высадились на восточном побере-

жье Малаккского полуострова и начали свое стремительное продвижение. Британцы теряли свои позиции одну за другой.

10 декабря японская авиация покончила с британскими военно-морскими силами на Тихом океане – были потоплены «Рипалз» и «Принц Уэльский». Большая часть моряков погибла, включая командующего британским флотом на Дальнем Востоке адмирала Тома Филипса.

Против Британской Малайи была брошена 25-я японская армия под командованием генерал-лейтенанта Ямасита Томоюки, которая молниеносно – в течение 70 дней захватила всю территорию Малайи и Сингапур.

Победа 60-тысячной японской армии, которой пытались противостоять 130 тыс. британских, индийских и австралийских войск, ознаменовала собой начало конца британского колониального владычества. Как писал в своих мемуарах первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, лично переживший в Сингапуре японскую оккупацию, «британцы так убедительно создали миф о присущем им превосходстве, что большинство азиатов считали безнадежным бросить им вызов. Но теперь одна азиатская раса осмелилась бросить им вызов и разбить этот миф»[6].

По сути, кампания в Малайе был проиграна англичанами в первые два дня: контроль в воздухе был утрачен, Сингапурская база опустела, военное командование и гражданские власти растерялись, а слабо подготовленные части в смятении отступали под натиском японцев.

К концу января 1942 г. оставшиеся британские части были оттеснены на южный край полуострова и были вынуждены эвакуироваться на остров Сингапур. 31 января 30 тыс. человек перешли по дамбе из Джохора в Сингапур и соединились с его гарнизоном. Всего на острове находилось свыше 100 тысяч английских, австралийских и индийских солдат, кроме того, японцам противостояли две малайские бригады и добровольческие подразделения китайцев. Ямасита располагал всего 30 тысячами солдат, но это была победоносная армия, в то время как боевой дух британских войск был подорван.

Город подвергался ежедневным воздушным налетам, трупы не успевали убирать с улиц. Больницы и отели были переполнены ранеными. Власти окончательно растерялись. Губернатор Сингапура не вводил военное положение. Военно-морская база опустела.

Пытаясь организовать оборону Сингапура с севера, Персивал расположил войска по всей длине береговой линии, но при этом не угадал направление главного удара японцев с северо-западной стороны. С утра 8 февраля английские позиции стали подвергаться мощным артиллерийским обстрелам, вечером того же дня две японские дивизии на бронированных десантных судах форсировали Джохорский пролив.

10 и 11 февраля японцы захватили аэропорты, 13 февраля под их контролем оказались водные резервуары, снабжавшие весь город пресной водой. Положение англичан стало окончательно безнадежным. 14 февраля из гавани Сингапура отплыли оставшиеся суда, увозя европейских женщин и детей, но из 44 судов только 4 смогли уйти от японской бомбежки и большинство их трех тысяч человек, пытавшихся спастись, погибли.

Утром 15 февраля Персивал собрал последний военный совет, на котором было принято решение о сдаче. В тот же день он отправился в штаб-квартиру Ямасита и принял требование о безоговорочной капитуляции. Ямасита согласился ввести войска в Сингапур на следующий день. Бомбардировки и обстрел города прекратились.

16 февраля в Сингапуре появились подразделения *кэмпэйтай*, а на следующий день всё европейское население (за исключением немцев и граждан нейтральных держав) было согнано на площадь и затем отправлено в лагеря, куда попали и военнопленные. Некоторые евразийцы, особенно те, кто «выглядел европейцами», также были заключены в тюрьму. Индийцам было предложено вступить в войну против Великобритании, участвуя в Движении за независимость Индии и в Национальной армии. Малайцы, воспринимавшиеся как коренные жители Сингапура, были обеспечены должностями в гражданской службе и пара-воинскими званиями, которых они раньше не имели, а малайские националистические движения на Яве и в Малайе получили значительную поддержку. Многие индийцы были охвачены энтузиазмом освобождения Индии от британского колониализма. Под руководством националиста Субхас Чандра Боса и при содействии японцев, была создана Индийская национальная армия для борьбы за свободу Индии. Однако четкой политики по отношению к этническим общинам в условиях войны у японской военной администрации не было.

Британская армия сдалась. Местная полиция самораспутилась. На несколько дней в Сингапуре воцарилось беззаконие. Японцы быстро восстановили порядок, расстреляв на месте и обезглавив нескольких мародеров. Подавив беспорядки, японцы начали «зачистки» среди китайского населения Сингапура. Только с 18 по 22 февраля 1942 г. было убито 6 тыс. молодых китайцев. После войны комитет Китайской торговой палаты эксгумировал множество массовых захоронений в Сиглапе, Пунголе и Чанги. По оценкам, число убитых составило от 50 до 100 тыс. человек[7].

Китайское население Сингапура подвергалось особенно жестоким репрессиям. Однако, создавая видимость покорности, представители средних слоев и даже значительная часть богатых слоев китайской этнической группы оказывали противодействие японским оккупантам. Несколько тысяч человек, подозреваемых в помощи британцам или оказании финансовой помощи Китаю, просто исчезли. Операции «зачистки» возымели свое действие на остальное население, вынужденное принять японский контроль и поддерживать пассивный нейтралитет к новой колониальной администрации. Для одних этот нейтралитет означал «молчаливое несогласие», для других – согласие с «новым порядком». Было много людей, которые сотрудничали с японцами, стараясь как-то выжить. Не-

которые из них становились доносчиками в *кэмпэйтай* или были набраны военнослужащими *хейхо*.

Из-за голода и нищеты, поразивших население Сингапура, к 1943 г. остров покинуло несколько тысяч человек, кто-то уехал сам, в то время как евразийцев и китайцев-христиан японская администрация переселяла насильно.

К началу 1945 г. стало очевидно, что падение «Зоны процветания Большой Восточной Азии», которую хотели создать японцы, – это вопрос времени. Когда известия об американской ядерной бомбардировке Японии и последующей капитуляции распространились по всему острову, из-за наличия значительного японского контингента в Сингапуре воцарилось некое «дипломатическое молчание»[8]. Император Японии объявил о капитуляции 15 августа 1945 г., но новость об этом не появлялась на страницах газеты «*Syonan Shimbun*» до 20 августа. В этот день был опубликован весь «Императорский рескрипт». Война закончилась для Сингапура без дальнейших боев.

Англичане не возвращались на остров еще в течение трех недель. Положение было неестественным. Японские войска не были побеждены и деморализованы в бою, но в их рядах распространялось уныние и смятение. Многие японские офицеры совершили ритуальное самоубийство – харакири. Надо отдать должное японским военным, подчиняясь приказу императора и соблюдая военную дисциплину, они не терроризировали больше мирное население Сингапура.

В начале сентября 1945 г. британские войска вернулись в Сингапур и состоялась официальная капитуляция японских войск лорду Луис Маунтбэттену.

В 1966 г., уже после обретения Сингапуром независимости, японское правительство выплатило компенсацию, так называемый «долг крови», в размере 50 млн долларов: половину – в виде кредитов, половину – в виде безвозмездной помощи. Но извинения за преступления, совершенные в Сингапуре, так и не были принесены, японской стороной было выражено только «искреннее сожаление о происшедшем»[9].

Сингапурцы бережно хранят память о тяжелых годах японской оккупации. В районе Чанги расположен музей, посвященный истории Сингапура во время Второй мировой войны, в котором представлена коллекция картин, фотографий и личных вещей, переданных бывшими военнопленными и членами их семей. В музее воссоздана точная копия часовни Чанги, построенной австралийскими и британскими военнопленными в 1944 г. Оригинальная часовня Чанги была разобрана и отправлена в Австралийский королевский военный колледж Дантрун в Канберре[10]. В 2015 и 2016 гг. Музей Чанги входил в «25 лучших музеев Азии» и значился как «Музей № 1 в Сингапуре»[11].

В заключение необходимо отметить, что японская оккупация Юго-Восточной Азии сыграла огромную роль в развитии национально-освободительного движения в этом регионе, поскольку авторитет колониальных держав как оплота силы и величия в метрополиях был окончательно и бесповоротно подорван.

Примечания

[1] *Тюрин В. А., Цыганов В. А.* История Малайзии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 152.
[2] *Miller E.* Strategy at Singapore. N.Y., 1942. P. 123.
[3] *Chaphecar S. G.* A Brief Study of the Malayan Campain 1941–42. Poona, 1960. P. 23–24.
[4] *Swinson A.* Defeat in Malaya: the Fall of Singapore. L., 1970. P. 33.
[5] *Тюрин В. А., Цыганов В. А.*, История Малайзии XX век… С. 155.
[6] *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore Press Holdings, Times Editions, 1998. P. 50.
[7] Ibid. P. 54.
[8] *Morrison, James H.* Japanese Occupation of Singapore // Canadian Oral History Association Journal. 1994. Vol. 14. P. 91.
[9] *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира – в первый». М: МГИМО-Университет МИД России, 2005. С. 477.
[10] Музей Чанги // JOY OF MUSEUMS VIRTUAL TOURS: сайт. URL: https://joyof museums.com/museums/asia-museums/singapore-museums/changi-museum/
[11] Changi Chapel & Museum to undergo major revamp from Apr 2. URL: https://www.today online.com/singapore/changi-chapel-museum-undergo-major-revamp-apr-2.

П. В. Кульнева,
Институт востоковедения РАН

Расхождение траекторий исторической памяти в Китае и Японии как фактор возникновения международных конфликтов*

Аннотация

В первые послевоенные десятилетия лейтмотивом взаимодействия Китая и Японии было дружеское сотрудничество. Конфликты, связанные с исторической памятью, начали возникать по прошествии нескольких десятилетий, в 1980–1990-е гг., и своей кульминации достигли в начале 2000-х гг. Усилению напряжённости способствовали противоположные процессы, происходившие в двух странах, которые привели к постепенному стиранию памяти о войне в Японии и к усилению антияпонских настроений в Китае.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японская агрессия, китайско-японские отношения, историческая память, международные конфликты.

P. V. Kulneva,
Institute of Oriental Studies of RAS

Divergense of historical memory in China and Japan as a factor of internationsl conflicts

Abstract
In the first post-war decades, and especially after normalization of Sino-Japanese relations, cooperation between the two countries developed in a positive manner. Conflicts around historical memory began to emerge only in the 1980s and 1990s, and reached their climax in the early 2000s. Among other factors, this was caused by gradual erasing of memory about war atrocities in Japan and reinforcement of historical memory through the national patriotic education campaign in China.
Keywords: World War II, Japanese aggression, China-Japan relations, historical memory, international conflicts.

Конфликты, связанные с военным прошлым, возникли в японо-китайских отношениях не сразу после войны, а лишь по прошествии нескольких десятилетий. Так, посещение премьер-министром Японии храма Ясукуни, где наряду с другими японскими военнослужащими отдаётся дань памяти осуждённым военными трибуналами преступникам классов A, B и C, впервые вызвало протест стран Азии в 1985 г. Примерно в то же время стали возникать дипломатические конфликты в связи с отражением военных событий в учебниках истории. Эскалация напряжённости в последующие годы сопровождалась неоднократными обвинениями Японии в недостаточном осознании своей вины за агрессию и включением в международную повестку проблем «женщины для утешения», деятельности отряда 731 и других эпизодов жестокого обращения японской армии с военнопленными и мирным населением. Своей кульминации проблема исторической памяти в японо-китайских отношениях достигла в 2000-е годы, когда в Китае прошли массовые антияпонские демонстрации, спровоцированные национализацией правительством Японии спорных островов Сэнкаку/Даоюйдао. При этом на протяжении 1980-х, 1990-х и 2000-х годов стремительно ухудшалось взаимное восприятие народов двух стран. В 2013 г. доля китайских респондентов, плохо относящихся к Японии, достигла максимального значения – 92,8%, а японцев, испытывающих неприязнь к КНР – 90,1%[1].

Несмотря на последующие конфликты, в первые послевоенные десятилетия японо-китайские отношения развивались в позитивном ключе, и информационное поле в обеих странах было в целом благоприятным. Мао Цзэдун отказался от японских репараций и даже подчёркивал положительную роль японской армии в победе над Гоминьданом[2]. Критика в адрес Японии считалась в тот период «нетактичной», а ответственность за военные события было принято возлагать на группу милитаристов, я не на японский народ[3]. В китайском обществе рос интерес к послевоенным успехам Японии и складывалось благоприятное впечатление о японской экономике и культуре. Отношение японцев к жителям КНР также достигало впечатляющих показателей: по данным соцопросов, в 1980-е годы до 80% жителей Японии испытывали дружеские чувства к своему соседу[4].

Представляется, что усиление напряжённости в японо-китайских отношениях в значительной степени связано с расхождением траекторий исторической памяти в двух странах. И в Японии, и в Китае память о войне подверглась определённой трансформации, результатом которой стали различия во взглядах на ключевые события военного периода, расхождения в их оценке и интерпретации. Если в Японии можно было наблюдать процесс постепенного стирания памяти, то процессы, происходившие в КНР, были диаметрально противоположными: принятый политический курс на укрепление национального единства способствовал усилению акцентов в восприятии событий, связанных с войной.

Постепенное стирание памяти об ужасах войны в Японии было обусловлено как естественным ходом событий – стремительным повышением уровня жизни населения благодаря беспрецедентным успехам в экономическом развитии страны, так и целенаправленным курсом сначала американской администрации, а затем – правительства Японии на обеспечение социальной стабильности и смягчение послевоенной травмы в японском обществе. Меры по смягчению послевоенной травмы нашли отражение в содержании учебников истории, утверждаемых комиссиями Министерства образования Японии, а также в массовой культуре послевоенного периода. При изображении военных событий на первый план выводились линии пацифизма и гуманизма, война же, как правило, представлялась беспорядочной и несправедливой. Такой ракурс вместе с сознательным умалчиванием о наиболее болезненных эпизодах войны способствовал формированию нейтрального, не отягощённого чувством вины отношения японского народа к военному прошлому. Всё это дополнялось искусственно поддерживаемым комплексом виктимности – восприятием родины

не столько как агрессора, сколько как стороны, пострадавшей в войне, в том числе в атомных бомбардировках[5].

Показательны результаты опроса японских учащихся разных ступеней обучения о ключевых событиях войны, который был проведён в начале 1990-х годов по случаю 50-летия её окончания специальной японо-китайской комиссией по исследованию учебников истории. Исследование позволило сделать интересные выводы об отношении молодых японцев к войне и ракурсе, с которого они оценивают участие в ней Японии. В частности, оказалось, что респонденты больше знали о действиях США в Тихоокеанском театре военных действий, чем о событиях, связанных с наступлением в Китае. Помимо этого, их осведомлённость о датах и событиях, связанных с переходом Японии в статус жертвы и с её поражением в войне, оказалась выше, чем о событиях, связанных непосредственно с агрессией. Так, например, значительно больше учащихся смогли назвать точную дату капитуляции Японии, дату бомбардировки Хиросимы и дату атаки на Пёрл-Харбор, чем даты японо-китайской войны и Мукденского инцидента, послужившего началом захвата Маньчжурии. Наконец, в вопросах, отражающих оценку военных событий (что послужило причиной войны и на ком лежит ответственность за войну), у респондентов наблюдалась значительная доля сомнения. Учащиеся не могли с уверенностью судить о том, лежала ли ответственность на императоре Японии, ее правительстве и войсках, японском народе, или на правительстве Китая, китайском народе, других народах Азии, или же на западных державах. По большинству предложенных вариантов порядка половины учащихся выбрали неопределённые ответы («ничего не могу сказать» или «не знаю») или же вовсе проигнорировали предложенный вариант ответа[6].

Учитывая, что исследование проводилось около 25 лет назад, его участники входят в настоящее время в тот костяк японского общества, который формирует общественное мнение по ключевым политическим проблемам. Это делает понятной наблюдаемую в Японии болезненную реакцию на критику и обвинения, связанные с войной. По данным социологических опросов, именно критика и обвинения, связанные с войной, являются одной из главных причин, определяющих негативное отношение японского общества к КНР: в последние годы на эту причину указывали более трети респондентов[7].

Говоря о трансформации исторической памяти в КНР, необходимо вернуться к тому, что в первые послевоенные десятилетия политический и социальный фон в этой стране был сравнительно благоприятным для развития японо-китайских связей, и отношение к Японии было скорее дружественным, чем враждебным. Во внешней политике страны преобладали мотивы сближения с Токио, которое было необходимо коммунистам для выхода из дипломатической изоляции и получения признания стран Запада.

Однако накопившиеся в стране внутренние проблемы потребовали смены политического курса. Для успешной реализации политики «реформ и открытости» (конец 1970-х – начало 80-х гг.) была необходима новая идеологическая база, которая способствовала бы сплочению китайского народа и укреплению позиций КПК. Удобным средством для этого стала отсылка к войне сопротивления японским захватчикам, тем более что тяжёлые воспоминания о военных событиях всё ещё оставались у значительной части китайского населения. Естественной в этих условиях стала смена риторики, связанной с войной, и вопросы исторической памяти стали всё чаще подниматься на государственном уровне.

Эти тенденции усилились после событий на площади Тяньаньмэнь (1989), когда антиправительственные демонстрации были жестоко подавлены Народно-освободительной армией Китая.

В начале 1990-х годов Цзян Цзэминь развернул масштабную кампанию патриотического образования, многие элементы которой сохраняются в КНР по сей день. Общепринятой позицией в отношении Японии стало представление её как государства, которое унижало Китай на протяжении более ста лет (так называемые «сто лет национального позора», берущие начало со времён опиумных войн середины XIX в.) и до сих пор не принесло должных извинений за свою агрессию. Считается, что, пока Япония не признает свою вину, сохраняется угроза возрождения японского милитаризма и риск для безопасности в регионе. При этом КПК позиционирует себя как сила, возродившая былое величие китайской нации, и как гарант стабильности государства.

Неслучайно, именно в 1980-е и 1990-е гг. в разных городах КНР появляются памятники и музеи, связанные с войной. Это и разного рода скульптурные композиции (например, памятник павшим в антияпонской войне солдатам сычуаньской армии, открытый в 1989 г. в г. Чэнду, или сад скульптур антияпонской войны, заложенный в 1995 г. в Пекине), и крупные мемориальные комплексы.

15 августа 1985 г. на месте массового захоронения в г. Нанкин у ворот Цзяндун был открыт «Мемориальный комплекс жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков». В 1995 г. его экспозиция была расширена и обновлена. Согласно информации на официальном сайте мемориала, он был создан и открыт под личным патронажем Дэн Сяопина, чтобы почтить память более 300 тыс. китайцев, пострадавших в Нанкине. В настоящее время в музее представлены три основных экспозиции: экспозиция, посвящённая историческим фактам о Нанкинской резне, тематическая экспозиция, связанная с концепцией «трёх решительных побед» (кит. *саньгэ бишэн* 三个必胜)[8], и экспозиция, посвящённая эксплуатации сексуальных рабынь, организованной японской армией системе «женщин для утешения» и сопутствующих преступлениях[9].

Траур по жертвам Нанкинской резни был выведен на государственный уровень сравнительно недавно –

в 2014 г., когда на Седьмой сессии ПК ВНСП 12-го созыва было принято решение об утверждении 13 декабря в качестве Национального дня памяти жертв Нанкинской резни. С тех пор по всей стране ежегодно проводятся траурные мероприятия.

В 1987 г. в Пекине рядом с мостом Лугоу был открыт «Музей сопротивления китайского народа японским захватчикам», который считается единственным в стране мемориальным комплексом, полностью отражающим историю антияпонской войны. После масштабной реконструкции в 2005 г. территория музея представляет собой огромную площадь с массивной скульптурой льва, символизирующего пробуждение китайской нации. С каждой стороны площади разбито по 7 лужаек, что является отсылкой к Инциденту на мосту Лугоу (так называемому «инциденту 7 июля») и к войне сопротивления, продолжительность которой оценивается в 14 лет[10].

На сегодняшний день в Китае насчитывается 80 военных памятников и исторических мест государственного уровня, связанных с Войной сопротивления японским захватчикам. Их список был обнародован Госсоветом КНР в сентябре 2020 г. по случаю 75-летия окончания войны[11].

Сеть мемориально-исторических учреждений вместе с риторикой руководства страны, публикациями СМИ и работой системы образования определённым образом формирует историческую память и отношение к Японии в китайском обществе, и это тоже не может не влиять на напряжённость в международных отношениях, которую мы наблюдаем в настоящее время.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19–18–00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России») / This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant № . 19–18–00017 «Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia»).

[1] Дай 16-кай ниттю: кё: до: ёрон тё: СА: (16-е совм. исследование общественного мнения в Японии и Китае). The Genron NPO. 2020. URL: https://www.genron-npo.net/world/ archives/9354–2.html (дата обращения: 08.12.2020).

[2] *Ван Цзюньянь*. Да вайцзяоцзя Чжоу Эньлай (Великий дипломат Чжоу Эньлай). Пекин: Далу цзинцзи жибао чубаньшэ, 1998. С. 210.

[3] *Стрельцов Д. В.* Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Япония: Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2016. С. 337–352.

[4] Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансуру ёрон тё: са но гайё:. Тю: гоку ни тайсуру синкинкан (Краткое изложение опроса общественного мнения по дипломатическим проблемам за 2017 г. Дружеские чувства по отношению к Китаю) // Найкакуфу (Кабинет министров Японии). 25.12.2017. URL: https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

[5] *Стрельцов Д. В.* Указ. соч. С. 337.

[6] Нихон но сэйто, гакусэй но дзю: гонэн сэнсо: кан то кё: касё. Ниттю: но рэкиси ни кансуру исики тё: са [Учебники и восприятие 15-летней войны японскими учениками и студентами. Обследование отношения к истории японо-китайских отношений]. Никкё: гуми «Сэнго 50 нэн то нихон но кё: ику» пуродзекуто. Ниттю: кё: касё кэнкю: токубэцу иинкай [Проект Японского союза учителей «50 лет после войны и японское образование». Спец. японо-китайская комиссия по исследованию учебников]. Токио: Адобантэ: дзи са: ба:, 1996.

[7] Дай 16-кай ниттю: кё: до: ёрон тё: са: (16-е совм. исследование общественного мнения в Японии и Китае) // The Genron NPO. 2020. URL: https://www.genron-npo.net/world/archives /9354–2.html (дата обращения: 08.12.2020).

[8] Слова, произнесённые Си Цзиньпином в 2015 г. на 70-летие окончания Войны сопротивления японским захватчикам и означающие «решительную победу справедливости, решительную победу мира и решительную победу народа» (正义必胜 和平必胜 人民必胜).

[9] Мемориальный комплекс жертв Нанкинской резни, пострадавших от японских захватчиков: офиц. сайт. URL: http://www.19371213.com.cn.

[10] Музей сопротивления китайского народа японским захватчикам: офиц. сайт. URL: http://www.1937china.org.cn.

[11] China announces list of anti-Japanese war memorials, historicalsites // Xinhuanet. 04.09.2020. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020–09/04/c_139340861.htm (дата обращения: 28. 12.2020).

И. В. Олейников,
Иркутский государственный университет,
Байкальский государственный университет

Реалии прибрежной торговли: участие предприятий Иркутской области во внешней торговле СССР с Японией в 1980–е гг. (по материалам Государственного архива Иркутской области)

Аннотация

В статье рассмотрено участие предприятий Иркутской области в прибрежной торговле СССР с Японией в 80-е гг. XX века, показаны их роль и значение деятельности для развития взаимного сотрудничества, формирования представлений об особенностях ведения бизнеса за рубежом, взаимодействия с иностранными партнерами в постсоветское время.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, приграничная торговля, Восточная Азия, Иркутская область, Япония.

I. V. Oleynikov,
Irkutsk State University,
Baikal State University

The realities of coastal trade: the participation of the Irkutsk region companies in the USSR foreign trade with Japan in the 1980th (review of IRSA materials)

Abstract

The article describes the features of the participation of the Irkutsk region in the coastal USSR trade with Japan in the second half of the 80th XX century. Based on the archival material analysis, the author comes to the conclusion, that the participation of the Irkutsk region companies in the external economic contacts has contributed to mutually beneficial cooperation, the formation of ideas about the peculiarities of doing business abroad and laid the foundation for cooperation with foreign partners in the post-Soviet era.

Keywords: foreign trade, cross border trade, East Asia, Irkutsk region, Japan.

Исследование истории экономического сотрудничества Иркутской области с государствами Восточной Азии необходимо начинать с анализа документов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), проливающих свет на развитие хозяйственных связей, экспорт и импорт товаров в рамках прибрежной торговли с капиталистическими странами, в частности с Японией.

В 1980-е гг. наблюдалась интенсификация внешнеэкономической деятельности регионов Дальнего Востока и Сибири РСФСР со странами Восточной Азии. Тому были свои причины – шло активное строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение минерально-сырьевой базы дальневосточных окраин СССР, строительство новых производственных предприятий. Государству требовалась валюта, необходимая прежде всего для закупки техники, необходимой для выполнения принятых планов.

19 августа 1986 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 991 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями»[1], согласно которому право осуществления экспортно-импортных операций в торговом взаимодействии с капиталистическими государствами получил ряд союзных республик, министерств и ведомств, предприятий.

После подписания в 1963 г. СССР и Японией особого соглашения в прибрежную торговлю с Японией были вовлечены многие регионы РСФСР: Алтайский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская, Новосибирская, Сахалинская и Читинская области, Бурятская и Якутская АССР. Внешнеэкономические контакты не оказывали системного влияния на экономику административно-территориальных единиц, поскольку предприятия на местах могли совершать внешнеторговые операции лишь при помощи особых структур отраслевых министерств и Министерства внешней торговли Советского Союза.

Прибрежная торговля с Японией осуществлялась хозяйственными объединениями Иркутской области посредством внешнеэкономического объединения «Дальинторг», а также филиала «Росвнешторг» ВО «Дальинторг», расположенного в г. Иркутске. Областные предприятия поставляли товары через отделы Иркутского облисполкома, в дальнейшем заключали контракты с иностранными поставщиками при обязательном согласовании с «Дальинторгом». Полученная из Японии товарная продукция распределялась облисполкомом между областными предприятиями, поставлявшими сырье на экспорт.

Доля прибрежной торговли в общем товарном обмене двух стран была незначительной и составляла от 4 до 5%. Однако ее результаты и сам факт наличия такого рода связей указывали на повышение уровня доверия в непростых реалиях советско-японских отношений, интенсификацию контактов, приведших к взаимовыгодному обмену сырьем и продукцией первого передела со стороны СССР и продукцией промышленного назначения, качественными товарами народного потребления с японской стороны. Японская продукция – строительная техника известных брендов «Хитачи», «Коматсу», «Исудзу» использовалась областной лесной промышленностью, строительными предприятиями, японские товары народного потребления (бытовая электроника, одежда, обувь) способствовали решению проблемы дефицита в отдаленных городах и поселках Сибири и Дальнего Востока, возникающего в условиях плановой экономики.

В экспорте Иркутской области были представлены местные ресурсы – продукция, производимая предприятиями сверх плана, и сэкономленное сырье. Для прибрежной торговли исполком Иркутской области выделял в основном лесные фонды.

В сборнике «Япония» подчеркивается, что успешно действующее советско-японское предприятие «Игирма-Тайрику» было создано с участием японской фирмы «Тайрику», занимавшейся импортом лесоматериалов из СССР, «на базе большого обоюдного опыта практической работы»[2]. В процессе

создания первого советско-японского совместного предприятия (СП) были выявлены особенности ведения бизнеса с японской стороны. Так, японцы проявляли внимание не только «к вопросам чисто производственного характера, но также и к вопросам взаимоотношений будущего совместного предприятия с советскими предприятиями и учреждениями, инфраструктуры, согласования уставных документов и производственной программы предприятия»[3]. Отмечалось, что японская сторона в ходе контактов с советскими партнерами будет затрагивать вопросы поставки сырьевых материалов, транспортного обеспечения и бухгалтерского сопровождения СП, кадровой и социальной политики, способов взаимодействия руководящих сотрудников СП между собой[4].

25 января 1988 г. исполнительным комитетом Иркутского областного совета народных депутатов было принято решение: в целях дальнейшего совершенствования внешнеэкономической деятельности, повышения роли предприятий, организаций, горрайисполкомов и во исполнение постановления Совета министров РСФСР от 22 октября 1987 г. № 410 «О Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1988 год» обязать объединения, управления, предприятия, организации, участвующие в экспортно-импортных операциях, а также горрайисполкомы (Братский, Нижнеудинский, Чунский, Зиминский, Усть-Илимский, Тулунский, Тайшетский, Куйтунский, Усть-Кутский, Нижнеилимский, Заларинский, Казачинско-Ленский, Черемховский) обеспечить поставку в 1988 г. товаров для экспорта через внешнеторговое объединение «Дальинторг», довести в кратчайший срок до предприятий-поставщиков задания по экспорту, проводить систематическую работу по увеличению производства продукции для поставки на экспорт, поиску новых направлений и форм экономического сотрудничества, включая развитие производственной кооперации, заключение компенсационных соглашений, обеспечить окончание отгрузки товаров, предусмотренных в плане экспорта товаров на 1988 г.: до 15 ноября – в КНР, до 20 декабря – в Японию, выделяя для отгрузки необходимое количество вагонов[5].

Облпотребсоюз предоставлял исполкомам районных и городских Советов народных депутатов поквартальную информацию о поставке импортных товаров кооперативам, расположенным на территории района, города, для последующей продажи товаров предприятиям – участникам прибрежной торговли. Управление снабжения и сбыта выделяло лимиты на железнодорожные вагоны и лесопродукцию для последующей отгрузки на экспорт, управления ВСЖД и БАМ обеспечивали подачу железнодорожных вагонов и контейнеров предприятиям-поставщикам для перевозки внешнеторговых грузов.

Иркутский облисполком на регулярной основе запрашивал «Дальинторг» о необходимости отчисления валютных средств на нужды области в размере не менее 2% от всех валютных поступлений за реализованные товары по линии экспорта. Часть валютной выручки от прибрежной торговли направлялась на закупку товаров работникам железной дороги для ускорения продвижения экспортной продукции.

Анализируя содержание плана поставки товаров на экспорт в Японию на 1988 г., можно выделить составляющие: деловая древесина – 66 600 куб. м., силуминовые шлаки – 1550 т, соленый папоротник – 50 т, кедровые орехи – 20 т, отработанные аноды[6].

Предприятия региона, поставлявшие вышеуказанную продукцию на японский рынок: «Иркутсклес», «Управление Братскгэсстроя», «Облпотребсоюз», «БрАЗ» и «ИркАЗ», охотничье-промысловое хозяйство.

На основании документов Иркутского облисполкома можно сделать вывод, что в конце 1980-х гг. СССР продолжал контролировать внешнеэкономическую деятельность, но был заинтересован и в параллельной активизации деятельности предприятий регионов в торговом сотрудничестве с зарубежными партнерами. В товарном экспорте региона в рамках прибрежной и приграничной торговли преобладала сырьевая составляющая, преимущественно древесина и продукция первого передела[7].

Таким образом, значение участия предприятий Иркутской области в прибрежной и приграничной торговле с Японией в 1980-е гг. заключается не только в сотрудничестве, но и в конструировании у представителей сторон представлений об особенностях ведения бизнеса за рубежом, деловой этике. Прибрежная торговля с Японией способствовала появлению первых совместных предприятий и стала фундаментом внешнеэкономических связей Иркутской области в постсоветское время. Сырьевая направленность структуры современного российского экспорта в Японию берет начало с общих экспортных тенденций прибрежной торговли предприятий СССР с японской стороной.

Примечания

[1] Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 августа 1986 г. № 991 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями». URL: http://www. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=20788; dst=100001#txuC0jSF1y89pqOX (дата обращения: 17.08.2021).

[2] Япония / Отв. ред. Г. К. Войтоловский и С. А. Дийков. М.: Межд. отношения, 1990. 160 с. (См. также: URL: http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st038.shtml).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См.: Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 4162. Л. 27.

[6] Там же.

[7] Там же. Д. 4162, 4436.

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в системе национального и международного права»

Аннотация

Хабаровский процесс оказал значительное влияние на развитие международного гуманитарного права, содействуя запрету и ликвидации бактериологического оружия. Он стал символом наказания за бесчеловечность и безжалостные эксперименты над людьми.

Как не допустить повторения подобных преступлений? Какие правовые механизмы защищают сегодня человека от пыток, скрытых экспериментов над человеческим здоровьем? Какие вызовы стоят перед человечеством и как право может сохранить цивилизованный мир? Эти вопросы обсуждали эксперты и участники форума.

Ю. П. Хохлов,
начальник Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Хабаровск: уникальный суд над создателями бактериологического оружия, аспекты обвинительной деятельности

Аннотация
В статье раскрывается значение Хабаровского судебного процесса 1949 г. над японскими военными преступниками, создавшими и применившими бактериологическое оружие в ходе Второй мировой войны, в том числе при проведении опытов над живыми людьми. Особое внимание уделено отдельным аспектам обвинительной деятельности. При этом подчеркивается актуальность материалов процесса в наши дни для борьбы против применения биологического оружия, а также противодействия информационным атакам на историческую память о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, бактериологическое (биологическое) оружие, японские военные преступники, обвинение.

Yu. P. Khokhlov,
Head of the Department of Supervision over Execution of Laws on Federal Security, Interethnic Relations, Counteraction to Extremism and Terrorism of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Khabarovsk: the unique trial against creators of bacteriological weapons, prosecutorial activity aspects

Abstract
Article is devoted to the immense significance of the Khabarovsk trial of 1949 against the Japanese war criminals, which created and used bacteriological weapons during the Second World War, including in the course of experiments on the living human beings. Special attention is paid to prosecutorial activity aspects. At the same time the Article stresses out the topicality of the trial materials for the modern fight against the use of biological weapons, and counteraction to information attacks against the historic memory of the Great Patriotic War and the Second World War.
Keywords: World War II, Khabarovsk Trial, bacteriological (biological) weapons, Japanese war criminals, accusations.

72 года назад состоялся Хабаровский процесс, единственный в мире трибунал над военными преступниками, создавшими бактериологическое оружие.

С формальной, юридической, стороны Хабаровский процесс 1949 года не носил международного характера, тем не менее этот исторический суд, рассматривавший ход подготовки и применения японскими военными преступниками бактериологического оружия, по своему политико-правовому значению может и должен быть поставлен в один ряд с Международными военными трибуналами в Нюрнберге и Токио.

Проделанная работа по приданию известности фактов вынашивания планов по разработке новых способов массового уничтожения людей получила широкое международное признание. Этот процесс стал основой для заявлений и публикаций, в том числе в самой Японии, о безоговорочном осуждении преступлений, связанных с подготовкой и ведением бактериологической войны.

Надо признать, что наряду с Японией разработкой средств и способов бактериологической войны в нарушение норм международного гуманитарного права совместно занимались секретные лаборатории и других стран – участниц гитлеровской коалиции. По итогам Нюрнбергского, Токийского международных военных трибуналов и Хабаровского судебного процесса результаты их деятельности были признаны преступлениями против человечества. Но именно Хабаровский процесс 1949 года, и никакой другой, выявил факты медицинских экспериментов над людьми, сопоставимых по жестокости с действиями немецких врачей-нацистов во время Второй мировой войны. И в том, что мировое сообщество уже при первых проблесках разрядки «холодной войны» решительно отказалось от бактерио-

логического оружия, была несомненная заслуга и безусловное историческое значение судебного процесса, проходившего в Хабаровске в декабре 1949 г.

Кого и за что судили на процессе?

По уголовному делу № Н-20058 в 26 томах проходило 12 японских военнослужащих, которые в нарушение Женевского протокола 1925 г. занимались разработкой, созданием и применением бактериологического оружия в годы Второй мировой войны. Следствие проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю в период с 22 октября по 13 декабря 1949 г.

В уголовном деле имеются собственноручные показания и дневниковые записи обвиняемых (на японском языке и в переводе на русский), показания свидетелей, акты судебно-медицинских экспертиз, протоколы допросов и другие многочисленные материалы. Судебный процесс был открытым и широко освещался средствами массовой информации в СССР.

Процесс открыл неизвестные ранее факты совершения японскими военными в период с 1938 по 1945 г. преступлений, связанных с широкомасштабной подготовкой бактериологической войны, а также ее эпизодическим ведением на территории Китая.

Обвинение, выдвинутое на Хабаровском процессе, включало четыре пункта: организация специальных формирований для подготовки и ведения биологической войны; преступные опыты над живыми людьми; применение бактериологического оружия в войне против Китая и активизация бактериологической войны против СССР. Четверо подсудимых обвинялись в непосредственном личном участии в опытах над живыми людьми, еще трое в том, что они «сознательно допускали производство преступных и бесчеловечных опытов над живыми людьми».

Состав подсудимых был весьма неоднородным: от генерала, командующего армией, до ефрейтора и санитара-лаборанта. Это объясняется тем, что личный состав отряда № 731, где велось создание бактериологического оружия, почти в полном составе был эвакуирован в Японию, и советские войска пленили лишь некоторых японских военных, имевших непосредственное отношение к подготовке и ведению бактериологической войны.

Дело рассматривалось в открытом судебном заседании Военным трибуналом Приморского военного округа.

Государственное обвинение поддерживал государственный советник юстиции 3-го класса Лев Николаевич Смирнов. На Нюрнбергском процессе он был помощником главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко. В 1946 г. он выступал в качестве заместителя обвинителя от СССР на Токийском международном судебном процессе по обвинению главных японских военных преступников.

Всем подсудимым было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Пункт 1 Указа гласил: «Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение».

Изначально будущим обвиняемым Хабаровского процесса было предъявлено обвинение по печально знаменитой ст. 58–4 УК РСФСР, которое звучало как государственное преступление, характеризующееся как контрреволюционное осуществление враждебной против Союза ССР деятельности.

Однако в конечном итоге решено было переквалифицировать статью всем обвиняемым и судить их по упомянутому Указу, обосновав это следующим: «… хотя в этом Указе японские военные и не упомянуты, однако их преступная деятельность аналогична преступлениям немецко-фашистской армии…».

Обратимся к материалам обвинительного заключения:

«Как установлено расследованием, японским Генеральным штабом и Военным министерством вскоре после захвата Маньчжурии на её территории была организована и включена в состав японской Квантунской армии бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медицинской службы Исии Сиро, в которой производились изыскания в области использования бактерий острых инфекционных заболеваний для ведения наступательной бактериологической войны.

Согласно показаниям обвиняемого бывшего генерал-майора медицинской службы японской армии Кавасима Киоси, Генеральным штабом и Военным министерством Японии в соответствии секретными указаниями императора Хирохито в 1935–1936 гг. на территории Маньчжурии были уже развернуты два совершенно секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны».

В 1941 г. эти подразделения были оформлены в отряд № 731 и отряд № 100, которые имели широкую филиальную сеть вдоль границы с СССР. Задачей филиалов была подготовка к практическому применению бактериологического оружия во время наступательных операций на территории СССР. Отряды подчинялись непосредственно командующему Квантунской группировкой японской армии.

Во время Хабаровского процесса было безусловно доказано, что отряды № 731 и 100 японской армии вышли за рамки лабораторных и полигонных испытаний бактериологического оружия и встали на путь практического применения созданного ими оружия в боевых условиях.

Одним из пунктов обвинения, предъявленного подсудимым на процессе, было проведение преступных, бесчеловечных опытов над живыми людьми, с помощью которых проверялось действие производимых

бактериологических средств. С этой целью органы японской жандармерии направляли в отряды № 731 и 100 заключенных из числа китайцев, маньчжур и русских. Это русские, которые проживали на территории Маньчжурии и в частности в городе Харбине, вблизи которого и находились эти лаборатории. Подопытных людей, используемых для различных преступных медицинских экспериментов, презрительно называли «бревнами».

То, что творили над живыми людьми японские изверги в своих «научных изысканиях», чудовищно по своей сути и масштабам. Так, Хабаровский процесс, основываясь на показаниях подсудимого Кавасимы, зарегистрирует в своих документах, что за период с 1940 по 1945 год «отрядом 731» было «потреблено» не менее трех тысяч человек. «В действительности это число было ещё больше», – единодушно свидетельствовали бывшие сотрудники отряда».

Деятельность этого «научного подразделения» закончилась в августе 1945 г., когда Красная армия меньше чем за месяц освободила Маньчжурию от японских войск. Тогда-то и вскрылись масштабы развернутой японцами деятельности.

Почему же суд состоялся только в декабре 1949 г. в Хабаровске, а не стал составной частью Токийского процесса? Сейчас это уже общеизвестно: виной тому политика наших, в кавычках, «союзников», при которой все попытки советской стороны обвинения поднять на Токийском процессе тему о подготовке Японией бактериологической войны наталкивались на противодействие американцев.

В итоге СССР организовал в Хабаровске свой судебный процесс над японскими военными преступниками, который в итоге оказался единственным в истории, где советскими обвинителями были предъявлены и неопровержимо доказаны факты подготовки и ведения бактериологической войны японской армией.

Заканчивая свою речь, государственный обвинитель на Хабаровском процессе Л. Н. Смирнов произнес: «Значение этого процесса состоит в том, что он с необычайной ясностью показал звериное лицо разбойничьего японского империализма, в глубокой тайне подготовлявшего бактериологическую войну – одно из самых бесчеловечных орудий агрессии. Час, когда против человечества должны были быть брошены страшные силы неисчислимых миллиардов болезнетворных микробов, был совсем близок, и только стремительный парализующий противника, сокрушительный удар вооруженных сил Советского Союза спас мир от ужасов бактериологической войны. С гордостью за свою могучую Родину, спасшую человеческую цивилизацию от гибели, мы вспоминаем сегодня о великом подвиге советского народа в Отечественной войне. Ваш приговор должен не только сурово и справедливо покарать преданных суду преступников и заклеймить злодеяния японских агрессоров. Этот приговор должен прозвучать как грозное предостережение для поджигателей новой мировой войны, таких же безжалостных и жестоких человеконенавистников, как и те, преступления которых будут осуждены вами. Пусть помнят все замышляющие новые злодеяния против человечества и готовящие новые средства массового человекоистребления, что мир не забыл уроков Второй мировой войны».

Эти слова, актуальные и сегодня, были итогом огромной общей работы, позволившей представить суду сотни неопровержимых доказательств вины всех без исключения подсудимых.

В этом и заключается главный урок правосудия на Хабаровском процессе – в напоминании нынешним поколениям о страшной трагедии, грозившей всему миру. Мир и сейчас не должен забывать уроки Второй мировой войны.

Такие явления как биологический терроризм, биодиверсии и потенциальные возможности использования биологического оружия в качестве средства массового поражения, угрожающего национальной безопасности и устойчивому развитию государств, являются предметом все возрастающей обеспокоенности мирового сообщества. С одной стороны, это связано с развитием новых средств и методов ведения войн и ростом террористической активности в системе глобальных угроз, а с другой – с бурным прогрессом в биологии, расширяющим список так называемых пограничо-опасных технологий, которые потенциально могут быть использованы террористами.

Специалисты отмечают, что в ситуации, сложившейся сегодня на внешнеполитической арене, наибольшую опасность представляет именно террористическое применение биологических средств. Меняется список потенциальных биологических агентов, которые могут быть применены злоумышленниками. В их число включаются малопатогенные возбудители, которые террористы могут получить без особых затруднений, например, бактерии, вызывающие сальмонеллез и другие кишечные инфекции.

Анализ наиболее актуальных угроз XXI века позволяет выделить как стратегическую угрозу возможность применения биологического (бактериологического) оружия. Масштабы поражений при использовании такого оружия могут превосходить последствия ядерного взрыва. Их действие может носить скрытый пролонгированный характер или вызывать в течение короткого периода времени массовые жертвы (например, до 5 млн человек за одну неделю в случае распыления спор сибирской язвы и вирусов оспы, чумы и т.п.). Учеными отмечается, что средства, используемые для выращивания биологического оружия, начиная от небольших предприятий до лабораторных стендов, почти невозможно выявить или отследить. Кроме того, генетический монтаж делает теоретически возможным создание супервирусов, не существующих в природе.

Благодаря своей дешевизне и технологической доступности биологическое оружие может все шире использоваться террористическими группами и реакционными режимами в борьбе за передел природных ресурсов и геополитическое доминирование в мире.

Именно поэтому наш сегодняшний форум – это еще один повод для всех людей и народов во всех странах задуматься о сохранении хрупкого мира на

Земле, а также продолжить диалог о полном запрете и уничтожении бактериологического оружия.

Как видим, материалы и решения Хабаровского процесса не утратили и поныне своего актуального значения. Тем более в условиях, когда все чаще и настойчивее отдельные политические силы стремятся пересмотреть результаты Второй мировой войны, подвергают вольной интерпретации имеющиеся исторические факты, а нередко откровенно фальсифицируют события с целью преуменьшить заслуги Советского Союза в разгроме фашистской Германии и ее союзников, в том числе милитаристской Японии. Полученные в ходе Хабаровского следствия признания японских военнопленных выходят далеко за рамки одного события и имеют в настоящее время беспрецедентное значение для противодействия информационным атакам на историческую память о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

Знание об этом беспрецедентном судебном решении должно стать суровым предупреждением для тех, кто хотел бы властвовать над другими народами и странами, не задумываясь о той цене, которую неминуемо приходится платить за подобные заблуждения.

А. В. Федоров,
заместитель Председателя Следственного комитета РФ, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Хабаровский процесс: история и современность[1]

Аннотация

Статья посвящена итогам Хабаровского процесса над японскими военными преступниками. Автор указывает, что хотя судебных процесс не носил международного характера, его результаты имели существенное значение для развития национальных законодательств государств мира, а также международного права и продолжают быть значимыми для адекватного ответа современным вызовам. Обращается внимание на причины, в силу которых Хабаровский процесс долгое время оставался в тени Нюрнбергского и Токийского процессов. Констатируется, что не все относящиеся к процессу материалы введены в научный оборот, в связи с чем требуется современное издание как материалов непосредственно самого Хабаровского процесса, так и других документов о преступлениях, получивших правовую оценку на этом процессе. Рассмотрены отдельные правовые аспекты Хабаровского процесса.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, отряд № 731, военные преступления, преступления против человечества.

A. V. Fedorov,
Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Professor, Lawyer of the Russian Federation

Khabarovsk Trial: history and modernity

Abstract

The article is devoted to the results of the Khabarovsk Trial over Japanese war criminals. It is indicated that this trial was not of an international nature, but its results were of significant importance for the development of national legislations of the states of the world, as well as international law, and continue to be significant for an adequate response to modern challenges. Attention is drawn to the reasons why the Khabarovsk Trial for a long time remained in the shadow of the Nuremberg and Tokyo Trials. It is stated that not all materials related to the process have been introduced into scientific circulation, in connection with which a modern publication of both the materials of the Khabarovsk Trial itself and other documents on crimes that have received a legal assessment in this process is required. Some legal aspects of the Khabarovsk process are considered.

Keywords: Khabarovsk Trial, detachment 731, war crimes, crimes against humanity.

Вторая мировая война, несомненно, одно из важнейших событий прошлого века, оказавшее существенное влияние на формирование и развитие современного миропорядка. С момента её окончания прошло уже более 75 лет, но по-прежнему сохраняется актуальность правовой оценки событий этой

войны, данной в ходе Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов.

На последнем из них, проходившем с 25 по 30 декабря 1949 г., перед судом предстали причастные к деятельности отрядов № 731 и № 100 японской Квантунской армии по изысканию способов ведения бактериологической войны, производству, испытанию на людях и применению бактериологического оружия. В частности, как установлено приговором военного трибунала, сотрудниками этих отрядов готовилось бактериологическое оружие для массового истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения смертоносной эпидемии чумы, холеры, сибирской язвы и других болезней. Велось специальная разведка на границах Советского Союза в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР, производилось отравление водоемов в пограничных с Советским Союзом районах.

Хабаровский процесс был открытым, по его окончанию опубликованы приговор и ряд других материалов процесса на русском, английском, французском, немецком, китайском, корейском и японском языках. Тем не менее в силу ряда причин он долгое время оставался в тени Нюрнбергского и Токийского. Сложившаяся ситуация объясняется рядом факторов, рассмотрим основные из них.

Во-первых, Нюрнбергский и Токийский процессы проведены международными трибуналами, тогда как Хабаровский процесс был проведен советским судом – Военным трибуналом Приморского военного округа на основе советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Во-вторых, имел место отказ США дать оценку в рамках Токийского процесса преступлениям, совершенным сотрудниками отрядов № 731 и № 100, связанным с подготовкой к бактериологической войне, созданием бактериологической бомбы и проведением изуверских опытов над живыми людьми – испытаниями на них бактериологического и химического оружия. Советский Союз фактически был вынужден провести такой процесс самостоятельно, основываясь на национальном праве и только в отношении тех лиц, которые были взяты в плен советскими войсками при разгроме Квантунской армии.

В-третьих, перед судом на Хабаровском процессе предстали всего 12 человек, тогда как большинство совершивших указанные преступления сотрудников бактериологических отрядов № 731 и № 100 японской Квантунской армии, а таковых насчитывалось свыше четырех тысяч, включая руководство, получили защиту США от преследования.

Так, руководителю отряда № 731 Исии Сиро американская администрация выделила в Токио специальное помещение, где он занимался приведением в порядок вывезенных материалов отряда № 731. При этом на требование советской стороны о выдаче Исии Сиро американской администрацией был дан ответ, что его местопребывание неизвестно.

Результаты разработок отрядов № 731 и № 100 были положены в основу американской биологической программы, не рассекреченной до сих пор. С учетом японских наработок в 1952 г. американские войска применили фарфоровые бомбы с биологической начинкой в ходе войны на Корейском полуострове[2], положив начало использования американскими войсками оружия массового поражения: масштабного применения химического оружия во Вьетнаме, применения боеприпасов с обедненным ураном (в составе сил НАТО) в Сербии и т.д.

В-четвертых, по окончании Хабаровского процесса правительству США были направлены ноты Советского Правительства (от 1 февраля, 30 мая и 15 декабря 1950 г.), в которых сообщалось об установленных в ходе процесса фактах подготовки японскими милитаристами войны с применением бактериологического оружия и совершении преступлений, связанных с его разработкой и использованием. В нотах Советского Правительства указывалось, что Женевским протоколом от 17 июня 1925 г. запрещено применение бактериологического оружия, и предлагалось создать специальный Международный военный суд для проведения процесса над преступниками, участвовавшими в подготовке бактериологической войны, часть из которых была установлена в ходе Хабаровского процесса. Эти ноты остались без ответа. Правительство США отказалось выполнить взятые на себя обязательства о предании суду военных преступников, совершивших тягчайшие преступления, являющиеся грубым нарушением законов и обычаев войны, общепризнанных норм международного права.

В-пятых, возникал вопрос, если проводившиеся японскими военнослужащими испытания бактериологического и химического оружия на живых людях на международном уровне признать преступлением, то какой должна быть правовая оценка испытания американскими военнослужащими атомного оружия на гражданском населении японских городов Хиросима и Нагасаки?

В-шестых, японскими властями до настоящего времени официальная публичная оценка существованию бактериологических отрядов, совершенным сотрудниками этих отрядов преступлениям и факту подготовки Японией бактериологической войны не дана. Более того, в столице Японии, на центральном кладбище города Токио, установлен памятник сотрудникам отряда № 731, погибшим при работе с опасными микроорганизмами.

При таких обстоятельствах привлекать внимание к Хабаровскому процессу и получившим на нем судебную оценку преступлениям было политически невыгодно многим за рубежом.

В Советском Союзе тема Хабаровского процесса в течение определенного периода не педалировалась с учетом внешнеполитического курса на нормализацию и развитие отношений с Японией.

Осужденные на Хабаровском процессе преступники, за исключением двух (один из которых скончался в период отбытия наказания, другой – покончил жизнь самоубийством), в течение 6 лет после окончания процесса были переданы представителям японских властей: двое по отбытии срока наказания в 1951

и 1952 годах, один – в мае 1956 г. в связи с досрочным освобождением, остальные – в декабре 1956 г. К последним применен принятый в соответствии со ст. 5 совместной советско-японской Декларации о восстановлении дипломатических и консульских отношений Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. № 528 «Об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе».

Такой гуманный акт в отношении, по образному выражению А. Г. Звягинцева, «палачей ада»[3] в определенной степени контрастировал с общественным мнением населения страны, испытавшего на себе все ужасы Второй мировой войны.

Видимо, этим частично объясняется, что после обнародования по окончании Хабаровского процесса приговора суда и издания в 1950 г. материалов процесса следующая крупная публикация об этом процессе появилась в Советском Союзе лишь спустя 35 лет – в 1985 г.[4], если не считать двух переводных произведений японских авторов[5].

В дальнейшем периодически стали появляться работы о Хабаровском процессе, обычно статьи, приуроченные к круглым и полукруглым датам (особенно к 60-летию, 65-летию, 70-летию) с момента его проведения. Среди других работ российских авторов можно отметить материалы конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов»[6], монографию Д. В. Кузнецова «Оружие дьявола»[7].

В Китае на месте, где располагался отряд № 731, создан музей, в котором представлены материалы о совершенных там преступлениях.

Тем не менее, как справедливо отмечается рядом специалистов, история деятельности отряда № 731 и других подобного рода подразделений японской армии в годы Второй мировой войны, связанная с проведением исследований в области химического и бактериологического оружия, требует более обстоятельного изучения. В частности, не все материалы введены в научный оборот. Примером тому служит получившее широкое освещение в российской прессе за август – сентябрь 2021 г. рассекречивание ФСБ России ряда документов, относящихся к Хабаровскому процессу и свидетельствующих о планах Японии применить бактериологические бомбы в войне против Советского Союза. Рассекреченные документы содержат сведения об испытаниях бактериологического оружия на гражданах СССР, данные о советских военнопленных, ставших его жертвами.

На наш взгляд, требуется современное издание как материалов непосредственно самого Хабаровского процесса, так и других документов о преступлениях, получивших правовую оценку на этом процессе. Необходимо назвать поименно не только жертв, но и палачей, ведь на Хабаровском процессе только 12 человек из нескольких тысяч изуверов были осуждены за совершенные ими преступления в составе отрядов 731 и 100 японской Квантунской армии.

Установленные Хабаровским процессом преступления не имеют сроков давности как в соответствии с Конвенцией ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, так и в соответствии с российским законодательством. Все, кто причастен к убийствам военнопленных и проведению бесчеловечных опытов на них, должны быть установлены, их имена и преступления должны быть преданы огласке.

Такая работа ведется Следственным комитетом Российской Федерации в отношении преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками. Имеются все правовые и нравственные основания провести аналогичную работу в отношении японских преступников, которые не понесли заслуженного наказания.

Отдельно следует остановиться на некоторых правовых аспектах Хабаровского процесса.

На предварительном следствии первоначально деяния участвовавших в преступлениях отрядов № 731 и № 100 японской Квантунской армии квалифицировались по ст. 58–4 УК РСФСР как осуществление враждебной деятельности против Советского Союза.

Однако в последующем квалификация их деяний была изменена, и все представшие перед судом были осуждены по пункту 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников».

Пункт 1-й Указа № 39 устанавливал, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.

Японские злодеи в нем не указаны. Таким образом, Указ № 39 к японским военным преступникам был применен по аналогии. С позиции сегодняшнего дня применение уголовного закона по аналогии недопустимо, однако в рассматриваемый период это было предусмотрено действующим законодательством и правоприменительной практикой в случаях, когда деяние, квалифицируемое по аналогии, содержало общие признаки преступления, предусмотренные ст. 6 УК РСФСР. На это указано, например, в учебнике по уголовному праве 1952 г., где отмечается применение Указа № 39 к японским военным преступникам, подготавливавшим беспримерную по своей жестокости и массовости бактериологическую войну.

Данную в приговоре Военного трибунала правовую оценку совершенных деяний могла бы существенно усилить ссылка на Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. В частности, Женевская конвенция об обращении с военнопленными обязывала страны-участницы ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших такие преступления, как преднамеренное убийство, пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью военнопленного.

О причинах отсутствия такой ссылки можно только предполагать. Возможно, это объясняется определенной спешкой при подготовке процесса или тем фактом, что на момент процесса эта конвенция еще не была ратифицирована Советским Союзом.

Предметом рассмотрения на судебном процессе стали преступления, совершенные на территории Китая. Действующее на момент судебного процесса советское уголовное законодательство не содержало норм относительно ответственности находящихся в СССР иностранцев, совершивших преступления за границей. Согласно признанной на тот период времени уголовно-правовой доктрине привлечение таких лиц к уголовной ответственности было возможно лишь в случае совершения ими преступления, предусмотренного международной конвенцией, в которой участвует СССР, или если оно относится к преступлениям против мира. На основании указанной доктрины «японские изверги, виновные в этих страшных преступлениях, понесли заслуженную кару»[8].

К японским военным преступникам был применен Указ № 39, официальная публикация которого отсутствовала. Приказом Наркома обороны СССР И. В. Сталина от 19 апреля 1943 г. № 0283 с грифом «Без опубликования в печати» Указ № 39 был объявлен войскам с предписанием создать военно-полевые суды для его применения не позднее 10 мая 1943 г.

Следует отметить, что в условиях военного времени допускалось подобное применение уголовного закона без его опубликования при условии, что текст уголовного закона официально получен соответствующим органом власти – правоприменителем. Допускалось даже применение уголовного закона переданного по радио или телеграфу при условии подтверждения его принятия местным органом власти официальной радиограммой или телеграммой.

Важно обратить внимание на еще один правовой аспект Хабаровского процесса – судебную оценку исполнения японскими военнослужащими приказов о разработке и применении бактериологического оружия, испытании его на людях, а также по проведению других чудовищных медицинских экспериментов.

Линия защиты обвиняемых строилась на том, что они, разрабатывая и применяя бактериологическое оружие для массового истребления войск и мирного населения накануне и в годы Второй мировой войны, действовали во исполнение обязательного для них приказа.

Так, например, бывший начальник отделения отряда № 731 Карасава Томио на допросе показал, что, производя бактерии в массовом количестве, он как врач-бактериолог знал, что они предназначаются для уничтожения людей. Однако считал, что это оправдывается понятиями долга офицера японской армии, и потому делал всё от него зависящее для успешного выполнения возложенных на него обязанностей, определённых приказами вышестоящих начальников.

Бывший сотрудник отряда № 731 Кикучи Норимицу также заявил, что преступления, которые он совершил, он делал не по своей воле, а «являлся исполнителем приказов японского военного командования».

Защитники подсудимых на Хабаровском процессе также подчеркивали, что их подзащитные были воспитаны в духе слепого повиновения приказам, и, руководствуясь единственным законом японской армии – военным уставом, перестали отличать хорошее от плохого, допустимое от недопустимого, забыли законы человеческой морали. Приказы заглушили голос их разума, голос совести.

При оценке этих доводов суд исходил из правовых позиций Нюрнбергского и Токийского трибуналов по вопросу о значении обязательного для исполнения приказа при определении оснований уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против человечества. В приговорах указанных военных трибуналов сформулирована правовая позиция, согласно которой то обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если моральный выбор был фактически для него возможен. При этом делалась оговорка, что обязательность исполнения приказа может быть учтена трибуналом при определении наказания, если трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия[9].

Исходя из этой правовой позиции, в ходе Хабаровского процесса Государственный обвинитель Л. Н. Смирнов констатировал: «никакая ссылка на приказ вышестоящего начальника или на положение военнослужащего не может служить оправданием тех тягчайших преступлений, которые были совершены ими и полностью доказаны перед судом»[10].

Суд согласился с указанной позицией и вынес обвинительный приговор. Вина подсудимых была доказана свидетельскими показаниями, заключением экспертов, вещественными доказательствами, включая японские документы, свидетельствующие о преступной деятельности сотрудников бактериологических отрядов № 731 и № 100, показаниями подсудимых.

Попытки оспорить результаты Хабаровского процесса не имели успеха. В частности, в 1993–1994 гг. Главная военная прокуратура Российской Федерации в связи с обращением «Японской ассоциации бывших военнопленных» вынесла постановление о том, что все лица, проходящие по нему, осуждены обоснованно и реабилитации не подлежат. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 1994 г. приговор военного трибунала Приморского военного округа оставлен в силе.

Хотя Хабаровский процесс, как уже было отмечено, не носил международного характера, его результаты имели существенное значение для развития национальных законодательств государств мира, а также международного права, и продолжают быть значимыми для адекватного ответа современным вызовам. В частности, это касается установления национальными законами уголовной ответственности за преступления, связанные с созданием и использованием бактериологического оружия. В настоящее время национальные законы подавляющего большинства стран содержат нормы об уголовной ответственности

за разработку, производство, накопление, приобретение и сбыт бактериологического и иных видов оружия массового поражения, за применение запрещенных средств и методов ведения войны.

Специалистами отмечается значимость Хабаровского процесса и в создании условий для принятия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 16 декабря 1971 г.

О судьбе японских преступников, разрабатывавших и испытывавших бактериологическое оружие, следует помнить тем, кто, возможно, продолжает работу над новыми методами и средствами ведения биологической войны или вынашивает такие намерения.

Так, озабоченность мирового сообщества вызывает «бесконтрольное и ничем не ограниченное расширение зарубежной биологической инфраструктуры военного ведомства США» в сопредельных и в расположенных вблизи границ Российской Федерации государствах.

Что касается самих японских преступников из числа причастных к злодеяниям отрядов № 731 и № 100 и не привлеченных к ответственности, то Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны предусматривают обязанность стран-участниц разыскивать и наказывать лиц, совершивших или приказавших совершить предусмотренные этими конвенциями преступные деяния. Такие лица предаются суду страны, на территории которой они совершили преступления, или суду любой страны – участницы конвенций, если она имеет доказательства их виновности.

Япония ратифицировала в 1953 г. Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и взяла на себя соответствующие международные обязательства. Совершенные во время агрессии Японии против Китая военные преступления требуют, как минимум, публичного осуждения и предания огласке имеющихся материалов об этих преступлениях.

Итоги Хабаровского процесса свидетельствуют, что преступления против мира и человечества не остаются без справедливого возмездия.

Примечания

[1] Публикация подготовлена на основе доклада автора на пленарном заседании Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» 6–7 сентября 2021 г. (г. Хабаровск).

[2] Об этом см.: *Рудаков Д. П., Степанова Е. А.* Японская военно-биологическая программа в 1932–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2015 № 10. С. 52; *Супотницкий М. В.* Забытая биологическая война на Корейском полуострове – технические детали // Вестник войск РХБ защиты. 2020. Т. 4. № 4. С. 441–461; *Романова В. В., Шулатов Я. А.* Эхо Хабаровского процесса: СССР и кампания по обвинению США в применении бактериологического оружия во время Корейской войны (1950–1953 гг.) // История медицины. 2018. Т. 5. № 4. С. 328–343.

[3] См.: *Звягинцев А. Г.* Палачи ада. М., 2021.

[4] *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.

[5] *Акияма Х.* Особый отряд 731 / Пер. с яп. М., 1958; *Моримура С.* Кухня дьявола: правда об «отряде 731» японской армии» / пер. с яп. М. 1983.

[6] Последняя точка Второй мировой: мат. межд. научно-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009.

[7] *Кузнецов Д. В.* Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск, 2019.

[8] См.: Советское уголовное право. Часть общая / отв. ред. *В. М. Чхиквадзе*. М., 1952. С. 125, 132–133.

[9] *Михайлов В. И.* Доктринальные идеи Устава Нюрнбергского трибунала: значение для развития теории современного российского уголовного права об уголовной ответственности за совместную преступную деятельность нескольких лиц и об исполнении приказа // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности: мат. Межд. научно-практ. конф. (Москва, 24 ноября 2016 г.) / под общ. ред. *А. И. Бастрыкина*. М., 2016. С. 130–132.

[10] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 446.

И. И. Бутрим,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные аспекты правового наследия судебного процесса в Хабаровске (1949) над японскими военными, обвиняемыми в совершении преступлений против законов и обычаев войны с использованием преступных средств массового истребления людей.

Раскрыта роль Хабаровского процесса в развитии послевоенного международного гуманитарного права, в том числе ограничения и запрещения ряда видов оружия массового уничтожения и, в частности, биологических средств ведения войны. Рассматриваются преимущества и перспективы развития существующих правовых механизмов запрещения разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и их уничтожения.

Ключевые слова: бактериологическое (биологическое) оружие, оружие массового уничтожения, преступления против законов и обычаев войны, международное гуманитарное право, правовое наследие, правовой механизм.

I. I. Butrim,
Candidate of Legal Sciences, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The legal legacy of the Khabarovsk process in international humanitarian law

Abstract

The article examines some aspects of the legal legacy of the trial held in Khabarovsk more than seventy years ago, over the Japanese military, accused of committing crimes against the laws and customs of war using criminal means of mass extermination of people, in the brutal, inhuman treatment of prisoners of war and civilians of the occupied territories with the use of bacteriological weapons, as well as related to the large-scale preparation of bacteriological war, and its occasional conduct on the territory of China and in the border areas of the USSR and the Mongolian People's Republic, other states in the period from 1938 to 1945.

Based on the analysis, the role of the Khabarovsk process in the development of post-war international humanitarian law, including restrictions and prohibitions of a number of weapons of mass destruction, and biological means of warfare, in particular, is revealed. The advantages and prospects for the development of existing legal mechanisms for the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological) and toxin weapons and their destruction are considered.

Keywords: bacteriological (biological) weapons, weapons of mass destruction, crimes against the laws and customs of war, international humanitarian law, legal heritage, legal mechanism.

Нюрнбергский и последующие судебные процессы над военными преступниками по итогам Второй мировой войны, по сути, положили начало современному международному праву. В первую очередь такой системы международных норм, которые действительно имеют универсальный, общеобязательный характер. Такие военные трибуналы стали знаковыми в реализации на практике основного принципа современного международного гуманитарного права, запрещающего агрессивную войну и применение силы в целом.

«Нюрнбергский трибунал представляет собой уникальный феномен. Непреходящим и неизменным было и будет его историческое, гуманитарное, социальное, культурное, политическое, юридическое и вообще общечеловеческое значение»[1].

Фашистская Германия была разгромлена и преступления нацизма преданы международному суду, но справедливость требовала правовой оценки агрессии и военных преступлений милитаристской Японии. Для этого был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс) над главными японскими военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны, который проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г.

«Трибунал признал доказанным факт ведения Японией агрессивной войны против Китая, военных действий против СССР и Монголии и развязывания тихоокеанской войны против США, Британского содружества наций, Голландии, Франции и других стран.

Все обвиняемые, за исключением Мацуи, были признаны виновными в преступлениях против мира. Военные преступления были определены Токийской хартией как «нарушения законов или обычаев войны», которые включают преступления против вражеских комбатантов и некомбатантов противника»[2].

Вместе с тем Токийский трибунал, осудив преступления против мира, совершенные милитаристской Японией, в отличие от Нюрнбергского трибунала скрыл ряд преступлений японских военных против человечества, дав тем самым возможность укрыться целому ряду разработчиков бактериологического оружия во главе с начальником отряда № 731 генерал-лейтенантом Сиро Исии.

Более того, на этом процессе вопрос о применении бактериологического оружия не рассматривался вовсе, несмотря на то, что советское обвинение в этом трибунале передало главному обвинителю от США Джозефу Б. Кинану письменные показания японских военных Кавасима и Карасава о преступлениях по производству опытов над живыми людьми при испытании бактериологического оружия, эти документы по вине американского обвинителя так и не были озвучены.

«И действительно, ни в то время, ни позже американское обвинение не представило Трибуналу дополнительных доказательств подготовки японскими империалистами бактериологической войны и применения ими бактериологического оружия против китайцев, хотя возможность представить такие доказательства была у американских обвинителей»[3].

В связи с указанными обстоятельствами была начата подготовка к проведению на территории СССР самостоятельного суда над выявленными в советских лагерях японскими военнопленными, причастными к разработке бактериологического оружия. Проведение такого судебного процесса не противоречило действовавшим на тот момент положениям между-

народного права. При этом собранная значительная доказательная база не вызывала сомнений в преступном характере такого рода деятельности.

С 25 по 30 декабря 1949 г. в г. Хабаровске военный трибунал Приморского военного округа рассмотрел дело 12 бывших военнослужащих японской армии, которым было предъявлено обвинение в разработке и применении бактериологического оружия в годы Второй мировой войны.

Хабаровский процесс не только стал логическим продолжением торжества правосудия над военными угрозами миру и человечеству, но и открыл неизвестные ранее факты совершения японскими военными в период с 1938 по 1945 г. преступлений, связанных с широкомасштабной подготовкой бактериологической войны, а также ее эпизодическим ведением на территории Китая и приграничных районах СССР и МНР. Подсудимым было предъявлено также обвинение в проведении бесчеловечных опытов над людьми, в ходе которых «подопытные» неминуемо погибали.

Отмечая важность правового наследия Хабаровского процесса 1949 года для последующего развития международного гуманитарного права, следует подчеркнуть, что последним, наряду с международным процессом по обвинению главных японских военных преступников в Токио, не только достоверно и объективно установлены события, связанные с японской агрессией, но и впервые после Нюрнберга в международном праве дано правовое определение преступлений против законов и обычаев войны с использованием преступных средств массового истребления людей, выразившееся в зверском, бесчеловечном обращении с военнопленными и мирным населением оккупированных территорий с применением бактериологического оружия.

Во-первых, сам факт осуждения на Хабаровском процессе бесчеловечного отношения к военнопленным и мирному населению, проявленного японскими военными, имел огромное политическое значение для международного сообщества и послужил одним из поводов для совершенствования международных норм по предотвращению преступлений против законов и обычаев войны.

Так, согласно показаниям обвиняемого Кавасима Киоси, «в 731-й отряд ежегодно доставлялось от 500 до 600 заключенных. Я видел, как сотрудники 1-го отдела отряда принимали их от жандармерии целыми партиями» (т. 3, л.д. 59). «…На основании известных мне сведений, которыми я располагал по роду своей службы в отряде, я могу сказать, что в 731-м отряде ежегодно умирало от производства опытов примерно не менее 600 человек» (т. 3, л.д. 146)»[4].

Всего Хабаровским трибуналом доказано, что только в отряде 731 с 1940 г. по день капитуляции японской армии было лишено жизни не менее 3 тысяч человек, из числа граждан СССР, Китая, Монголии и других стран[5]. В качестве подопытных в числе прочих там использовались советские военнопленные из числа узников концлагеря «Хогоин» в районе Харбина, который относился к японским разведслужбам и находился недалеко от места расположения 731-го отряда[6].

Такие свидетельства бесчеловечного обращения японской армии с военнопленными и преступлений против мирного населения в том числе были использованы при формировании послевоенных норм международного гуманитарного права в Женевских конвенциях 1949 года об обращении с военнопленными и о защите гражданского населения во время войны.

В частности, в ст. 13 первого документа закреплены положения, согласно которым любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения международного права. Кроме того, « …ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами»[7].

В ст. 3 Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны закреплено: «…запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц: а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания…»[8].

Во-вторых, Хабаровский процесс не только предал гласности факты проведения бактериологических опытов над людьми и фактически подготовки японцами крупномасштабной бактериологической войны, но и дал развернутую правовую характеристику таким военным преступлениям. В частности, согласно показаниям обвиняемых, генеральным штабом и военным министерством Японии в соответствии с секретными указами императора уже в 1935–1936 гг. на территории Маньчжурии были развернуты два совершенно секретных воинских формирования для подготовки и ведения бактериологической войны.

Из показаний обвиняемого – бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией генерала Ямада Отозоо: «…отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая» (т. 18, л.д. 382)… подготовка бактериологической войны велась Японией и против других государств (т. 18, л.д. 383)»[9].

В-третьих, правовые акты и итоги Хабаровского процесса послужили фундаментом для формирования новых принципов международного правосудия, которые легли в основу нового миропорядка, а также основополагающих документов Организации Объединенных Наций, в частности последующих международных соглашений по бактериологическому оружию.

Во время Первой мировой войны оба противоборствующих блока широко применяли удушливые

ядовитые газы, что значительно увеличило число погибших и получивших инвалидность в результате тяжелых отравлений. Не случайно после ее завершения первым межгосударственным соглашением в этой области международного гуманитарного права стал Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июля 1925 г. (также известный как Женевский протокол)[10].

Договаривающиеся Стороны обязались признать запрещение химических средств и согласились распространить его на бактериологические средства ведения войны. Протокол был подписан 17 июня 1925 г. в Женеве (Швейцария) представителями 37 государств и вступил в силу 8 февраля 1928 г. В довоенный период к Протоколу присоединились 43 государства, в том числе и СССР (милитаристская Япония в протоколе умышленно не участвовала; а послевоенный Токио присоединился к этой договоренности лишь в 1970 г.).

Однако результаты Хабаровского процесса показали очевидные пробелы в этой области международного гуманитарного права в общем и в Женевском протоколе в частности, связанных с использованием бактериологических средств поражения. Так, в Женевском протоколе никоим образом не разъяснялось, что, собственно, относится к бактериологическим средствам ведения войны, то есть что на самом деле является предметом запрета.

Именно Хабаровский процесс впервые в международном праве дал описание подобного оружия. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы: «Работа отрядов №№ 731, 100 и 1644 строилась на основе использования в агрессивных военных целях болезнетворных бактерий к быстрому размножению и распространению среди людей, животных и растений.

Все эти огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и др., предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей» (т. 2, л.д. 263)»[11].

Именно военный трибунал в Хабаровске впервые квалифицировал как военные преступления действия японской армии, связанные с разработкой и применением бактериологического оружия. Из показаний обвиняемого – бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией генерала Ямада Отозоо: «…были утверждены и приняты на вооружение 3 основных метода применения бактериологического оружия, т.е. распыление бактерий с самолёта, сбрасывание бактериологических бомб и, наконец, метод диверсий…» (т. 18, л.д. 131)»[12].

Как установлено в ходе судебного разбирательства, японские военные создали специальные воинские формирования для подготовки и ведения бактериологической войны, которые вопреки законам и обычаям войны разводили и применяли в качестве средства ведения боевых действий бактерии чумы, сыпного тифа, сибирской язвы, холеры, брюшного тифа, дизентерии и другие. Их испытывали на военнопленных и мирном населении оккупированных территорий, инфицируя указанными заболеваниями. При подходе советских войск японцы уничтожили всех подопытных заключенных и сожгли все помещения, оборудование и документы указанных отрядов.

На Хабаровском процессе обнародованы неоспоримые доказательства применения японскими специальными воинскими формированиями бактериологического оружия непосредственно в ходе боевых действий. В том числе три эпизода применения бактериологического оружия в военных действиях против Китая. Летом 1940 г. специальной экспедицией под командованием Исии Сиро в районе Нинбо с самолета было произведено заражение территории, в результате чего вспыхнула эпидемия чумы. Вторая экспедиция во главе с начальником одного из отделов отряда 731 подполковником Оота, применив зараженных чумой блох, распыленных с самолетов, вызвала эпидемию в районе города Чандэ в 1941 г. Третья экспедиция под командованием Исии была организована в 1942 г. также в Центральный Китай, где японская армия в тот период отступала[13].

Как подтвердил Хабаровский процесс, содержание Женевского протокола позволяло игнорировать изложенные в нем запреты, когда фактически военные действия и применение бактериологического оружия воинскими формированиями осуществлялись без формального объявления войны, чем в том числе с позиции формального права прикрывалась милитаристская Япония.

В судебном процессе военного трибунала неопровержимо доказаны такие факты использования японскими военными бактериологического оружия на границах с СССР и МНР. В частности, были заражены в 1939 г. участки прибрежных районов реки Халхин-Гол, в июле–августе 1942 г. водоемы на советской границе в районе Трехречья (Северо-Хинганская провинция). Как показал на процессе обвиняемый Кавасима Киоси: «Способ применения бактериологического оружия в этом случае являлся наземным, и заражение территории производилось по принципу диверсионных действий»[14].

Хабаровский процесс с неоспоримой очевидностью показал не охваченную запретами Женевского протокола реальную угрозу и для населения страны, где разрабатывалось такое оружие и его биологические компоненты, в том числе связанную с его накоплением и испытаниями.

Из материалов уголовного дела: «В отрядах и их филиалах систематически производились изыскания в области бактериологии с целью установления наиболее эффективных видов бактерий, …а также изыскания способов их массового производства и техники их использования для истребления больших масс людей и нанесения экономического ущерба путём заражения скота и посевов. …Планы японских империалистов предусматривали распространение среди войск и мирного населения эпидемий чумы, холеры и др., которые, по их замыслам, должны

были повлечь за собой страшный мор, мучительную смерть миллионов людей. Они готовы были применить это бесчеловечное оружие, представляющее собой громадную угрозу не только для населения воюющих стран, но и для нейтральных государств (т. 2, л.д. 263)»[15].

Необходимость ликвидации этих и других пробелов в этой области международного гуманитарного права по итогам Хабаровского процесса не только стала явной и необходимой, но и, по сути, явилась отправной точкой формирования последнего на будущие десятилетия.

Уникальность Хабаровского процесса заключается в том, что он был первым, в котором признаны виновными и осуждены лица, готовившие войну с использованием оружия массового поражения. Он, хотя и не имел статуса Международного военного трибунала, но сыграл исключительно важную роль в разоблачении агрессивной политики и чудовищных преступлений японского милитаризма. В связи с этим именно Хабаровский процесс над японскими военными, готовившими бактериологическую войну, имел огромное значение для создания международной правовой базы, не только запрещающей биологическое оружие, но и для всего гуманитарного права в целом. По сути, он сделал то, что не сумел сделать Токийский международный военный трибунал.

Хабаровский процесс оказался единственным в истории, где были обнародованы и неопровержимо доказаны факты подготовки и ведения бактериологической войны японской армией. Проделанная трибуналом работа получила заслуженное международное признание.

Как отмечал член Международного военного трибунала для Дальнего Востока доктор Мей Жу-ао: «Предложение Советского Союза о предании суду Хирохито и других преступников вполне оправданно и законно. Всякий, кто отвергает это абсолютно справедливое предложение под каким-либо предлогом, этим самым показывает, что он является пособником подготовки преступной бактериологической войны»[16].

Как свидетельствуют зарубежные, в том числе японские источники, процесс стал основой для появления в этой стране публикаций, где были безоговорочно осуждены преступления, связанные с подготовкой и ведением в нарушение норм международного гуманитарного права бактериологической войны. И в том, что мировое сообщество уже при первых проблесках разрядки холодной войны решительно отказалось от бактериологического оружия, несомненная заслуга судебного процесса в Хабаровске.

Как следствие именно на основе правовых выводов Хабаровского процесса к 1972 г. была подготовлена и открыта к подписанию Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Конвенция), которая вступила в силу в 1975 г.

В последней закреплены ключевые параметры международно-правового режима по запрету бактериологического (биологического) оружия, основа которых была заложена еще в Хабаровске в 1949 г.:

– не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять биооружие и средства его доставки (ст. 1);

– обязательство по уничтожению произведенного и накопленного биооружия (ст. 2);

– запрет на передачу биооружия и любое содействие по его разработке и приобретению (ст. 3).

В современном миропорядке различных, порой противоположных подходов в обеспечении как собственной, так и глобальной безопасности, недоверия к существующим механизмам контроля, развития и доступности новых научных технологий все более реальной становится угроза использования бактериологических (биологических) агентов в качестве оружия.

Важно понимать, что в борьбе с угрозой появления и распространения биооружия не будет победителей и проигравших, поскольку в силу своей неподконтрольности и неизбирательности биоагенты вряд ли принесут конфликтующим сторонам какие-либо значимые военно-стратегические преимущества. И пробовать даже приоткрыть такой ящик Пандоры слишком опасно и непредсказуемо.

Для мирового сообщества в целом альтернативы продолжению поиска компромисса и взаимоприемлемых решений в области международного гуманитарного права по противодействию рискам использования биологического оружия попросту нет, а значит, необходимо продолжать такую работу. Вот почему правовое наследие Хабаровского процесса, несмотря на прошедшие десятилетия, в современных реалиях по-прежнему актуально для совершенствования международного режима разоружения и контроля в области оружия массового уничтожения.

Примечания

[1] *Савенков А. Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 20–21.

[2] Там же. С. 404.

[3] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Л. Н. Смирнов. М., 1950. С. 101–102.

[4] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 15.

[5] Там же. С. 19.

[6] ФСБ России: Япония в 1945 году готовилась к бактериологической войне против СССР. URL: https://ria.ru/20210820/yaponiya-1746491216.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

[7] Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными // ООН: офиц. сайт. 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_ prisoners_3. shtml.

[8] Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // ООН: офиц. сайт. 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ conventions/geneva_civilian_1. shtml.

[9] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии …С. 273.

[10] Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств // Министерство обороны Российской Федерации: офиц. сайт. 2021. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911634@egN.
[11] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии … С. 399.
[12] Там же. С. 274.
[13] Там же. С. 21–24.
[14] Там же. С. 23.
[15] Там же. С. 401.
[16] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии. С. 75.

В. Н. Додонов,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

Международно-правовой запрет бактериологического оружия: современные проблемы и вызовы

Аннотация
В статье рассматривается значение решений Хабаровского военного трибунала и его уроки для современного мира. Автор анализирует современные международно-правовые документы, связанные с запретом бактериологического оружия, и проблемы их исполнения.
Ключевые слова: Хабаровский судебный процесс, бактериологическое оружие, Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия.

V. N. Dodonov,
Candidate of Law, Senior Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

International legal prohibition of bacteriological weapons: modern problems and challenges

Abstract
The article examines the significance of the decisions of the Khabarovsk Military Tribunal and its lessons for the modern world. The author analyzes modern international legal documents related to the prohibition of bacteriological weapons and the problems of their implementation.
Keywords: Khabarovsk Trial, bacteriological weapons, bacteriological safety, Convention on the Prohibition of Biological and Toxin Weapons.

Внеся решающий вклад в разгром милитаристской Японии, Советский Союз не только освободил народы Восточной Азии от военной экспансии, истребления, грабежа и порабощения, но также избавил человечество от страшной угрозы бактериологической войны, планы которой вынашивались в Токио.

Тут следует напомнить, что Япония в своё время неслучайно отказалась подписать Женевский Протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств и присоединилась к нему лишь в 1970 г.

В декабре 1949 г. перед трибуналом в Хабаровске предстали 12 бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия.

Как справедливо отмечают исследователи, именно Хабаровский судебный процесс 1949 г., и никакой другой, раскрыл преступные деяния японской армии по разработке и испытанию бактериологического оружия, выявил факты чудовищных экспериментов над живыми людьми, проводившихся в печально известном «отряде 731», которые по жестокости сопоставимы с действиями немецких врачей-нацистов в лагерях смерти. И в этом безусловное историческое значение решений Хабаровского трибунала.

Однако сегодня с сожалением приходится констатировать, что эти исторические уроки оказались выученными не всеми, а мир продолжает сталкиваться с серьёзнейшими вызовами в сфере бактериологической безопасности.

Ещё в 1972 г. была принята Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО), в которой ныне участвуют 178 государств, что позволяет говорить об универсальной международно-

правовой значимости данного документа для поддержания международной безопасности.

КБТО запретила разработку, производство и накопление бактериологического оружия, но не его применение, поскольку последнее уже было запрещено Женевским протоколом 1925 г.

Тем не менее, несмотря на конвенционный запрет и всеобщее публичное осуждение, в ряде стран нелегально или полулегально продолжаются работы по созданию биологического оружия.

Причиной тому является отсутствие юридически обязывающего механизма верификации исполнения указанной выше Конвенции, т.е. возможности проведения инспекции микробиологических объектов со стороны заинтересованных государств.

Создания такого механизма на протяжении последних 20 лет добиваются Российская Федерация, КНР и многие другие стран. Однако все такие усилия последовательно торпедируются со стороны Запада, прежде всего Вашингтона и Лондона.

США ратифицировали Конвенцию в 1972 г., но отказались в 2001 г. принимать протокол к ней, предусматривающий механизмы взаимного контроля, в результате чего проверить исполнение Вашингтоном КБТО с помощью международно-правовых средств не представляется возможным.

Специалисты с тревогой отмечают бесконтрольное и ничем не ограниченное расширение зарубежной биологической инфраструктуры военного ведомства США. По данным СМИ, у Соединенных Штатов в настоящее время имеется более 400 бактериологических лабораторий по всему миру, в том числе не менее 15 на Украине.

Эта деятельность прямо подпадает под ст. 355 УК РФ, устанавливающую ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации. Поскольку данное деяние относится к числу преступлений против мира и безопасности человечества (т.е. международных преступлений), в отношении него действует *принцип универсальной юрисдикции*. Следственные органы Российской Федерации вправе возбуждать дела по каждому выявленному факту деятельности таких бактериологических лабораторий.

В ходе работы над докладом я пришёл к пониманию, в чем состояла уникальность Хабаровского процесса. Это был первый и, кажется, пока единственный в отечественной практике случай успешного применения принципа универсальной юрисдикции в суде. Ведь и место совершения, и виновные, и жертвы были иностранными. СССР выступал от лица и в интересах всего человечества. Нормальной правовой базы тогда не было, пришлось применять по аналогии даже не закон, а чрезвычайный указ 1943 г. (о мерах наказания немецко-фашистских злодеев), но была политическая воля наказать зло мирового масштаба. Это ещё один важный урок того исторического процесса.

СССР пришлось принять эту миссию на себя и выступить в одиночку, потому что США полностью игнорировали тему японских бактериологических преступлений. Для них захваченные руководители программы были гораздо интереснее в роли источника информации, а не подсудимых. В итоге главные преступники избежали наказания.

В современную эпоху США последовательно выступают против дополнения КБТО прямым запретом на применение бактериологического оружия, из чего можно сделать вывод, что американское правительство по-прежнему допускает ответное применение такого вида оружия, а также его использование против неприсоединившихся к протоколу государств.

Нельзя не сказать, что особую актуальность проблема бактериологической безопасности человечества приобрела в связи с пандемией COVID-19, поскольку существует, по крайней мере теоретически, вероятность искусственного происхождения вируса. Неслучайно специалисты говорят о «микробиологии двойного назначения», которая может оказаться в руках биотеррористов.

В этой связи следует вновь вернуться к вопросу об установлении жесткого международного контроля над любыми научными экспериментами с биологическими агентами в мирных целях как несущими колоссальную потенциальную опасность для населения Земли.

В. Н. Неко,
генерал-майор юстиции, Главная военная прокуратура

Роль военных прокуроров в уголовном преследовании военнослужащих японской Квантунской армии. Рассмотрение обращений о пересмотре итогов Хабаровского процесса

Аннотация
В статье сообщается о правовых основаниях и порядке расследования военных преступлений, совершенных военнослужащими японской армии в годы Второй мировой войны. Раскрыта роль военных прокуроров и следователей в уголовном преследовании указанных лиц, обращено внимание на подготовку к обвинению бывших военнослужащих японской Квантунской армии в создании и применении бактериологического оружия на Хабаровском процессе в декабре 1949 г.
Ключевые слова: Вторая мировая война, органы военной прокуратуры, военные прокуроры, Хабаровский процесс, бактериологическое оружие.

V. N. Neko,
Major General of Justice, Main Military Prosecutor's Office

The role of military prosecutors in the criminal prosecution of servicemen of the Japanese Kwantung army. Revision of post-trial appeals to the results of the Khabarovsk Process

Abstract
The speech reports on the legal grounds and procedure for investigating war crimes committed by Japanese army soldiers during World War II. The speaker reveals the role of military prosecutors and investigators in the criminal prosecution of these individuals, paying special attention to the preparation for the prosecution of former soldiers of the Japanese Kwantung army for the charges of creation and employment of biological weapons during Khabarovsk Trial in December 1949.
Keywords: World War II, military prosecutor's office, military prosecutor, Khabarovsk Trial, biological weapon.

Правовая база для уголовного преследования военнослужащих японской Квантунской армии была сформирована в годы Великой Отечественной войны, когда важнейшей задачей правоохранительных органов стала борьба с гитлеровскими военными преступниками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Задачами Комиссии являлись сбор и проверка документальных данных, подготовка материалов о злодеяниях нацистов. Именно собранные Комиссией материалы в последующем явились доказательственной базой для Международного военного трибунала в Нюрнберге, а также военных трибуналов и судов общей юрисдикции Союза ССР.

Первые результаты и выводы Комиссии послужили правовой основой для принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

В Указе № 39 впервые сделана попытка определения правовых основ ответственности и уголовного преследования представителей германских вооруженных сил и оккупационной администрации как в годы войны, так и после ее окончания. Он предусматривал ответственность за уничтожение ни в чем не повинных женщин, детей, стариков, пленных красноармейцев путем повешения, расстрела, сожжения заживо, иного насилия, шпионаж и измену родине, а также устанавливал меру наказания за такие деяния – смертная казнь через повешение. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содей-

ствия в совершении расправ и насилия, подлежали ссылке на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Порядок расследования военных преступлений определялся приказом Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. и Положением «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников», утвержденным Прокурором СССР 26 июня 1943 г. Для проведения расследования устанавливался достаточно короткий срок – 5 суток, который не всегда удавалось соблюсти из-за необходимости выполнения большого объема следственных действий.

Постановлением СНК СССР от 17 июня 1943 г. № 667 была одобрена Инструкция о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, согласно которой расследование уголовных дел о военных преступлениях возлагалось на органы военной контрразведки, госбезопасности и внутренних дел, а также органы прокуратуры (военной и территориальной). В компетенцию органов военной прокуратуры входило расследование уголовных дел «в районах военных действий, где еще не восстановлена работа местных органов государственной власти».

Основная нагрузка по расследованию дел о военных преступлениях легла на военные прокуратуры дивизий, бригад и корпусов. К расследованию дел о военных преступлениях, получивших большой политический резонанс, привлекались офицеры военных прокуратур армий и фронтов или следователи Главной военной прокуратуры Красной армии, имевшие необходимую квалификацию и, как правило, изучившие специальную тему: «О методике и технике расследования дел о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников».

Уголовные дела в отношении военных преступников, задержанных в ходе расследования, направлялись для судебного рассмотрения в военно-полевые суды, которые являлись особой формой советского правосудия и создавались при дивизиях действующей армии. Участие военного прокурора в заседаниях военно-полевого суда было обязательным. Приговоры судов утверждались командиром дивизии (корпуса) и приводились в исполнение незамедлительно.

С 1943 по 1952 г. по Указу № 39 к ответственности было привлечено почти 82 тысячи человек, в том числе около 25 тысяч иностранцев из числа военнослужащих армий противника.

Исходя из содержания Указа № 39, он распространялся только на немецких, итальянских, румынских, венгерских, финских фашистов, гитлеровских агентов, командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров, военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей. Однако впоследствии, без внесения в Указ изменений или дополнений, его действие было распространено на граждан других государств, в том числе на военнослужащих Квантунской армии. Именно на основании этого Указа были осуждены японские граждане по итогам Хабаровского процесса.

По предложению Генерального прокурора СССР Сафонова, министра внутренних дел СССР Круглова и министра юстиции СССР Горшенина действия фигурантов процесса были переквалифицированы со ст. 58-4 УК РСФСР «Оказание помощи международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР» на пункт 1 Указа № 39. По мнению названных руководителей, преступная деятельность японских военных была «аналогична преступлениям немецко-фашистской армии».

Такое решение было принято незадолго до начала процесса, о чем свидетельствует целый ряд документов, в том числе телефонограмма военного прокурора Приморского военного округа Березовского Главному военному прокурору Афанасьеву от 28 октября 1949 г., в которой он докладывает: «Вопрос квалификации мне не ясен, жду указаний». Из этой же телефонограммы виден объем проделанной следователями работы – в качестве свидетелей были допрошены более 100 лиц, а материалы дела составляли 15 томов.

К участию в Хабаровском процессе руководство советской прокуратуры отнеслось самым тщательным образом. В первую очередь об этом свидетельствует масштаб личности государственного обвинителя, который имел непосредственное отношение к органам военной прокуратуры.

Лев Николаевич Смирнов (1911–1986) в июне 1941 г. был призван в армию из Ленинградской городской прокуратуры, проходил службу в должности следователя в военных прокуратурах на Ленинградском фронте. После окончания войны участвовал в работе Нюрнбергского трибунала (1945–1946) в качестве помощника главного обвинителя от СССР Руденко и Токийского международного судебного процесса (1946) в качестве заместителя обвинителя от СССР Голунского. Через много лет после окончания Хабаровского процесса Смирнов стал председателем Верховного Суда СССР, который возглавлял в течение 12 лет (1972–1984).

Согласно обвинительному заключению, проект которого после согласования в «высших эшелонах власти» готовился в военной прокуратуре Приморского военного округа, четверо военнослужащих из числа командного состава японской армии (генерал Отозоо Ямада, генерал-лейтенант медицинской службы Рюдзи Кадзицука, генерал-лейтенант ветеринарной службы Такаацу Такахаси и генерал-майор медицинской службы Сюндзи Сато) обвинялись в руководстве деятельностью биологических отрядов № 731 и № 100, направлении ее на производство и подготовку бактериологической войны против СССР, Китая и Монголии. Ямада, Кадзицуха и Такахаси, помимо этого, обвинялись в том, что сознательно допускали производство преступных опытов над живыми людьми, повлекшие их гибель.

Другие восемь военнослужащих, являвшиеся сотрудниками бактериологических подразделений

японской армии, обвинялись в непосредственном участии в изысканиях и производстве средств бактериологического оружия для массового истребления людей, преступных опытах над живыми людьми и бактериологических диверсиях против СССР, Китая и Монголии.

Решение о включении в число участников двух рядовых санитаров Курусимы и Кикучи было принято в самый последний момент – в проекте обвинительного заключения по состоянию на октябрь 1947 г. они не фигурировали.

В ходе судебного следствия обвиняемые признали свою вину в полном объеме. По его результатам военным трибуналом Приморского военного округа под председательством генерал-майора юстиции Черткова был вынесен обвинительный приговор, в соответствии с которым все обвиняемые были приговорены к разным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Можно сказать, что осужденным «повезло»: за два года до процесса в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в Советском Союзе была заменена на заключение в лагерь сроком на 25 лет. Это обстоятельство спасло от повешения как минимум четырех японцев, приговоренных к максимальным срокам заключения.

Однако семеро осужденных посчитали приговор слишком суровым и обжаловали его. В частности, генерал Ямада в своей кассационной жалобе просил смягчить назначенную ему меру наказания, поскольку командующим Квантунской армией он был только год и на суде чистосердечно признал свою вину. Определением Военной коллегии Верховного Суда от 13 февраля 1950 г., вынесенным с учетом заключения Главного военного прокурора Афанасьева, все кассационные жалобы были отклонены.

Безуспешные попытки пересмотреть приговор военного трибунала предпринимались и позднее.

В сентябре 1954 г. бывший начальник филиала № 643 отряда № 731 майор медицинской службы Масао Оноуэ, приговоренный к двенадцати годам лагерей, обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании и репатриации, мотивировав ее тяжелым положением оставшихся в Японии родственников. В своем заявлении Оноуэ сообщает о гуманном отношении к нему со стороны администрации лагеря МВД № 48, спасении его жизни советскими врачами (перенес воспаление грудной плевры), а также подчеркивает, что препятствием для дружбы Японии и СССР является агрессивная политика Соединенных Штатов Америки, которая стремится сделать Японию «американским оружием на Дальнем Востоке».

В 1990 – начале 2000-х гг. в рамках исполнения Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» органы прокуратуры, в том числе военной, пересмотрели уголовные дела в отношении лиц, осужденных по обвинениям в государственных и военных преступлениях. В августе 1993 г., когда эта работа находилась в самом разгаре, в Главную военную прокуратуру поступило обращение президента Японской ассоциации бывших военнопленных Сайто Рокуро о проверке обоснованности осуждения генерала Ямады и других проходивших по его делу военнослужащих.

Для рассмотрения обращения уголовное дело было истребовано из Центрального архива Министерства безопасности Российской Федерации и повторно изучено. По результатам сделан вывод об обоснованности осуждения и отсутствии оснований для реабилитации, о чем подготовлено мотивированное заключение за подписью Главного военного прокурора Паничева. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, изучив материалы уголовного дела, согласилась с заключением прокурора и 15 декабря 1994 г. вынесла определение о признании осужденных не подлежащими реабилитации.

Значимость Хабаровского процесса трудно переоценить. Приговор военного трибунала Приморского военного округа стал важным прецедентом осуждения за разработку бактериологического оружия. Немало для его постановления в свое время сделали работники органов военной прокуратуры.

Однако и сегодня военные прокуроры не остаются в стороне от решения проблемы неотвратимости наказания за совершение преступлений с использованием биологического оружия.

В частности, в 2021 г. Генеральной прокуратурой РФ при непосредственном участии Главной военной прокуратуры проработаны изменения в ст. 281 Уголовного кодекса РФ, в соответствии с которыми в диспозицию особо квалифицированного состава диверсии (ч. 3) предлагается наряду с прочим включить использование ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ либо патогенных биологических агентов против населения и компонентов природной среды.

Опыт криминализации таких деяний в нашей стране имелся. В ст. 68 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. с достаточной степенью полноты и универсальности была установлена ответственность за диверсию, совершенную посредством массовых отравлений или распространения эпидемий и эпизоотий. Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ эта статья исключена. В дальнейшей уголовно-правовой практике уголовная ответственность за диверсию с использованием патогенных биологических агентов не применялась и в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации не предусмотрена.

П. В. Агапов, К. В. Шевелева,
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

Неусвоенные уроки Хабаровского процесса: уголовно-правовые средства противодействия оправданию человеконенавистнической идеологии

Аннотация

Статья посвящена проблемам ответственности за незаконный оборот оружия массового поражения в РФ, включая биологическое, а также возможным направлениям совершенствования норм, предусматривающих ответственность за данные общественно опасные деяния. Авторами на примере исторического опыта применения в преступных целях в 1930–1940-е гг. японскими военными бактериологического оружия рассматриваются актуальные вопросы, возникающие при квалификации данного преступления. Проведен анализ международного правового регулирования оборота биологического оружия массового поражения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, бактериологическое оружие, биологическое оружие, уголовно-правовые средства противодействия, Хабаровский процесс.

P. V. Agapov, K. V. Sheveleva,
Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The undeveloped lessons of the Khabarovsk Trial: criminal-legal means of countering the justification of misanthropic ideology

Abstract

The article is devoted to the problems of responsibility for the illegal circulation of weapons of mass destruction in the Russian Federation, including biological weapons, as well as possible directions for improving the norms providing for responsibility for these socially dangerous acts. By the authors, on the example of the historical experience of application in 1930–40. the Japanese military of bacteriological weapons for criminal purposes considers topical issues that arise during the qualification of this crime. The analysis of the international legal regulation of the turnover of biological weapons of mass destruction is also carried out.

Keywords: World War II, bacteriological weapons, biological weapons, criminal-legal means of counteraction, Khabarovsk Trial.

В 2021 г. одним из главных приоритетов Российской Федерации становится недопущение повторения преступных деяний, совершенных в первой половине и середине XX века фашисткой Германией и ее союзниками. Их преступления против человечества поражают не только своими масштабами, но и чудовищностью их совершения.

К одному из таких преступлений, бесспорно, причисляется изготовление и применение бактериологического (биологического) оружия японскими войсками до начала Второй мировой войны. Так, биологическим оружием является «вид оружия массового поражения, в котором применяются патогенные микроорганизмы или их токсины, вирусы. Целью его применения является массовое уничтожение живой силы противника»[1].

Стремление Японии к территориальной экспансии, силовому превосходству над соседними странами сподвигло ее правящие круги продвигать идею необходимости подготовки и применения нового вида оружия, способного нанести массовый вред противнику бесконтактным способом. Данное стремление предполагало геноцид, так как было направлено на уничтожение представителей другой национальности. Вдохновившись опытом американских колонизаторов, в 1763 г. преднамеренно распространивших вирус оспы среди индейских племен, японскими исследователями и военными была проделана масштабная работа по изготовлению и испытанию биологического оружия, которое впоследствии было применено против Китая и планировалось к применению в 1941 г. против Советского Союза.

Еще в 1935 г. японским командованием были сформированы специальные отряды № 100 и № 731 в целях проведения медицинских экспериментов на людях для выявления наиболее эффективного бактериологического оружия. Зачастую в качестве подопытных использовались китайские, а впоследствии

и советские военнопленные из числа узников концлагеря «Хогоин». Еще одним историческим фактом, подтверждающим намерение Японии использовать биологическое оружие в качестве оружия массового поражения, является отказ ее руководства подписать Женевский протокол 1925 г. о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

По воспоминаниям сотрудников отряда № 731, в результате испытаний в стенах лабораторий отряда погибло около трех тысяч человек, однако по историческим оценкам число жертв достигло десяти тысяч. Остановить преступление и неизбежную эпидемиологическую катастрофу удалось лишь в 1945 г. благодаря разгрому Красной армией оперативно-стратегического объединения войск императорской армии Японии, проводившей эксперименты на людях. «Стремительное продвижение Советской армии в глубь Маньчжурии лишило нас возможности применять бактериологическое оружие против СССР и других стран», – писал главнокомандующий Квантунской армией Ямада Отозо[2].

Токийский трибунал над военными преступниками, проходивший с 1946 по 1948 г., осудил преступления против мира, но, в отличие от Нюрнбергского трибунала (1945–1946 гг.), скрыл преступления японских военных против человечества, что позволило целому ряду разработчиков и испытателей бактериологического оружия избежать наказания. В их числе оказался и начальник отряда № 731 генерал-лейтенант Сиро Исии.

В целях восстановления социальной справедливости и соблюдения принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление в 1949 г. руководством Советского Союза был организован судебный процесс в Хабаровске над группой из двенадцати бывших военнослужащих Квантунской армии, непосредственно участвовавших в разработке, испытаниях и применении бактериологического оружия. Впервые в истории были преданы гласности факты производства и применения бактериологического оружия против живых людей в качестве оружия массового поражения.

Сказанное позволяет подчеркнуть значимость принятия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г. Основной концепцией международного правового акта выступает обязанность государств ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять:

1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей;

2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах[3].

На сегодняшний день документально подтверждено минимум одиннадцать случаев планирования или совершения террористических атак с использованием биологического оружия, что позволяет говорить о том, что уроки Хабаровского процесса остались неусвоенными. Наиболее известным примером применения бактериологического оружия в террористических целях является рассылка писем в адреса государственных учреждений и политических деятелей США со спорами сибирской язвы, произошедшая в США в 2001 г., жертвами которой стали пять человек[4]. Впоследствии такие рассылки происходили и на территории других государств.

Новую актуальность проблема бактериологической безопасности человечества приобрела в связи с распространением короновирусной инфекции COVID-19. Неслучайно в мировых СМИ озвучены предположения о лабораторных манипуляциях с геномом вируса, изменяющим свойства вируса в сторону усиления его вирулентности и патогенности.

В этой связи на повестке дня стоит вопрос об установлении жесткого контроля над любыми научными экспериментами с биологическими агентами как несущими колоссальную потенциальную опасность для всех стран. Предполагается, что по совокупности параметров биологическое оружие может быть выбрано и использовано террористами как наиболее вероятное средство для достижения стоящих перед ними целей.

В Российской Федерации действующее уголовное законодательство устанавливает запрет на оборот биологического оружия, а также ответственность за преступления, сопряженные с его применением. Включение в Уголовный кодекс 1996 г. подобных деяний не является новеллой[5]. Уже в УК РСФСР 1960 г. устанавливалась ответственность за применение биологического оружия и его оборот (разработку, производство, приобретение и пр.) (ст. 67^{1}, 67^{2}). В примечании к ст. 67.2 УК РСФСР содержалось следующее детальное толкование понятия «биологическое оружие»: «Под биологическим оружием в ст. 67.1 и 67.2 понимается любой живой организм, в том числе микроорганизм, вирус или другой биологический агент, а также любое вещество, произведенное живым организмом или полученное методом генной инженерии, или любое его производное, а равно средства их доставки, созданные с целью вызвать гибель, заболевание или иное неполноценное функционирование человеческого или другого живого организма, заражение окружающей природной среды, продовольствия, воды или иных материальных объектов»[6].

В ныне действующем Уголовном кодексе ст. 355 «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения» предусматривает ответственность за одноименные деяния, включая в перечень оружий массового поражения и биологическое. Далее, ст. 226^{1} УК РФ предусматривает ответственность за контрабанду оружия массового поражения, в том числе и биологического. Поскольку случаи «биологического терроризма» и «биодиверсии» на отдельных территориях происходят все чаще, пред-

лагаем совершенствовать уголовное законодательство не только посредством ужесточения наказаний за вышеназванные деяния, но и путем дополнения ст. 281 УК РФ «Диверсия» частью четвертой, устанавливающей повышенное наказание за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей указанной статьи, если они сопряжены с использованием радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Важным механизмом противодействия разработки, производства и накопления бактериологического оружия явилась бы закрепленная возможность проведения инспекций микробиологических объектов со стороны заинтересованных государств. В связи с этим хотелось бы поддержать попытки Российской Федерации, КНР и ряда других стран по созданию такого механизма в рамках международного права.

Таким образом, Хабаровский процесс 1949 года раскрыл преступления японских военных и стал катализатором принятия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1971). Он оказал воздействие на современное уголовное законодательство, включающее в себя ряд запретов использования бактериологического оружия в преступных целях, поскольку такого рода действиям не может быть оправданий при любых условиях и обстоятельствах.

Примечания

[1] *Иванов Н. А.* Оружие вне закона. Кто готовит бактериологическую войну? Хабаровск: Книжное изд-во, 1989. С. 16.

[2] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. С. 219–220.

[3] Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении: одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 58–61.

[4] *Черкасов Д. О., Абрамкина С. С.* Об определении актов биологического терроризма // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7. № 6. С. 1095.

[5] УК РФ от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 3 апреля 2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 254.

[6] УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г., в ред. от 30 июля 1996 г.). URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 16.09. 2021).

А. Н. Мондохонов,
начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу

Патриотическое воспитание молодежи в условиях информационного противостояния

Аннотация

Автор рассматривает приоритетные направления работы по воспитанию патриотизма у молодого поколения в условиях информационного общества и современных фальсификаций истории Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, патриотизм, информационное противостояние, историческая память.

A. N. Mondokhonov,
Head of the Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for the Far Eastern Federal District

Patriotic education of youth in the conditions of information confrontation

Abstract

The author examines the priority areas of work on the education of patriotism among the younger generation in the conditions of the information society and modern falsifications of the history of the Second World War.

Keywords: World War II, patriotism, information confrontation, historical memory.

Патриотизм – одно из наиболее глубоких человеческих чувств, закрепленных веками и тысячелетиями. Под ним понимается преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу, гордость за их прошлое и настоящее, готовность к их защите. Он является важнейшим духовным достоянием лич-

ности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активной самореализации на благо Отечества.

Истинный патриотизм по своей сущности гуманистичен, включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным обычаям и традициям и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений.

Вместе с тем, рассуждая о патриотизме, необходимо упомянуть некоторые отличительные особенности современной эпохи. Ни для кого не секрет, что интенсивно развивающиеся интернет-платформы нередко становятся источником распространения среди детей и подростков призывов к массовым беспорядкам, информации, направленной на их склонение или иное вовлечение в совершение противоправных действий, в том числе представляющих угрозу для жизни и здоровья как самих несовершеннолетних, так и иных лиц.

Активно применяются технологии приоритезации и навязывания пользователям недостоверного контента, нацеленного на порождение недоверия к государственной системе, органам государственной власти и отдельным должностным лицам, а также на раскол общества, разжигание нетерпимости к несогласным с протестными настроениями.

Все это влияет на эмоциональное состояние людей, ведет к порождению сомнений в стабильности государства и общества, неуверенности в завтрашнем дне.

В настоящее время для значительной части молодежи характерна неопределенность и размытость мировоззренческих и нравственных ориентиров, отсутствие устойчивой системы ценностей. Становится все более очевидным, что именно высокая патриотическая идея, идея государственности и есть тот каркас, то основание, на котором только и может выстраиваться духовность нашего общества, наращиваться потенциал его возрождения и устойчивого развития.

Сегодня тема патриотизма приобрела другое звучание и смысл. Выступления высших лиц государства, доклады общественных деятелей, статьи историков поднимают проблему патриотического воспитания, которая в соответствии со Стратегией национальной безопасности и Госпрограммой по патриотическому воспитанию занимает важную роль в обеспечении как национальной безопасности России, так и безопасности конкретного человека.

Ведь патриотизм – это составная и неотъемлемая часть национальной идеи, неотъемлемый компонент отечественных культуры и науки.

Современный опыт воспитания патриотизма у молодежи строится на следующих основных направлениях:

– в большинстве субъектов Российской Федерации образованы и работают региональные координационные советы и центры патриотического воспитания;

– приняты и реализуются долгосрочные ведомственные и региональные программы патриотического воспитания, нормативные правовые акты в области патриотического воспитания, а также созданы условия для организационного, информационного, научного и методического обеспечения патриотического воспитания;

– совершенствуется организация патриотического воспитания. Возросли уровень и эффективность проведения фестивалей художественного творчества, конкурсов, выставок и состязаний;

– проводятся военно-спортивные игры и другие мероприятия, направленные на патриотическое воспитание молодежи;

– организованы подготовка и переподготовка организаторов и специалистов патриотического воспитания.

Кроме этого развиваются другие виды патриотической воспитательной деятельности:

– пропаганда спорта и здорового образа жизни;

– профилактика подростковой преступности, наркомании, алкоголизма и курения;

– формирование патриотических чувств у подрастающего поколения и воспитание чувства гордости за свою страну, их включение в активную созидательную деятельность:

– противодействие религиозному и политическому экстремизму в молодежной среде, воспитание толерантности.

Одной из особенностей патриотического воспитания является связь человека с местом, где он родился, с его малой родиной. Молодежь всё чаще проявляет живой интерес к истории своих учебных заведений, района, города, края. Открытие новых музеев и выставок, организация и расширение всех видов краеведческой деятельности, поисковые работы, туристско-краеведческие программы, героико-патриотические акции – всё это незаметные на первый взгляд, но значимые формы патриотического воспитания.

Для воспитания будущих патриотов в лице современной молодежи требуются сотрудничество и тонкая настройка взаимосвязи учебных заведений, семьи, педагогов и самих детей.

Однако следует признать, что для достижения указанных целей недостаточно традиционных встреч и бесед с ветеранами, посещения музеев, необходимо активно расширять круг молодежи, использовать современные ресурсы, применять инновационные формы воспитания, в том числе бурно развивающиеся информационно-телекоммуникационные технологии.

Развитие современных информационных технологий и их доступность требуют осуществления воспитательного процесса на более высоком уровне, используя глобальную сеть Интернет. Последние исследования зарубежных ученых показали, что использование Интернета положительно сказывается на интеллектуальных способностях молодых людей. Авторы исследования считают, что Интернет предоставляет такие же возможности для социализации молодых людей, как и улица, школа и т.д. В то же время при наличии инновационных образовательных

технологий (включая использование сети Интернет) их роль в патриотическом воспитании школьников и студентов недооценивается.

Внедрение и активная комплексная работа на обозначенных направлениях и современные подходы к изучению исторического прошлого позволят молодому поколению по-новому взглянуть на нашу страну, почувствовать личную сопричастность к ее истории и культуре и осознать свою роль в развитии Отечества.

Показательным примером этого является организация настоящего Форума, который направлен на сохранение исторической памяти о подвиге советского народа в годы Второй мировой войны и донесение до широких кругов граждан малоизвестных страниц истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Д. В. Садовников,
Ассоциация юристов России,
Главный эксперт-юрист ФГУП «Главный радиочастотный центр»

Ответственность за военные преступления, совершаемые с использованием непрямых средств: от бактериологического оружия до автономных систем вооружения, основанных на искусственном интеллекте

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с ответственностью за военные преступления, связанные с применением бактериологического оружия и современных систем вооружения, основанных на искусственном интеллекте.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, запрет бактериологического и биологического оружия, международное гуманитарное право, военные преступления, Международный Комитет Красного Креста (МККК).

D. V. Sadovnikov,
Association of Lawyers of Russia, Chief Legal Expert of the General Radio Frequency Centre of Roskomnadzor (Russian supervising authority in the field of Telecommunication, Networks and Data Protection)

Liability for war crimes committed with indirect means: from bacteriological weapons to autonomous AI-based weapon systems

Abstract

The article deals with the problems related to the responsibility for war crimes related to the use of bacteriological weapons and modern weapons systems based on artificial intelligence.

Keywords: Khabarovsk Trial, prohibition of bacteriological and biological weapons, international humanitarian law, war crimes, International Committee of the Red Cross (ICRC).

В отличие от Нюрнбергского процесса, Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийский процесс) и даже советских открытых судебных процессов над нацистскими преступниками, Хабаровский процесс не так известен в мире. Даже экспертное сообщество в области международного гуманитарного права (МГП) в основном не знакомо с фактами и преступлениями, рассмотренными Хабаровским процессом, его позициями и правовыми принципами. Хабаровский процесс даже не упоминается ни в монументальном четырехтомном исследовании Международного Комитета Красного Креста (МККК) «Правовая защита во время войны»[1], ни в другом ведущем исследовании «Обычное международное гуманитарное право»[2].

Эта ситуация является парадоксом, поскольку Хабаровский процесс внес большой вклад в общий запрет разработки и применения бактериологического оружия. Вопрос о бактериологическом оружии не

рассматривался ни Нюрнбергским трибуналом, ни Дальневосточным трибуналом. Но, несмотря на это, оружие такого типа, как бактериологическое и биологическое, в настоящее время общепризнано неприемлемым и запрещенным. МККК признает этот запрет в качестве обычного правила МГП (норма 73)[3]. Хабаровский процесс был практически неизвестен за рубежом в течение многих лет и сам по себе не мог повлиять на становление opinio juris этой нормы, однако четко выразил общую правовую тенденцию в этой области.

В зарубежной юридической литературе общий запрет бактериологического и биологического оружия обычно выводится из Протокола о запрещении применения удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств ведения войны[4]. Следует однако уточнить, что Женевский протокол зафиксировал, что «применение на войне удушливых, ядовитых или других газов, а также всех аналогичных жидкостей, материалов или устройств справедливо осуждено общим мнением цивилизованного мира; и что запрет на такое применение объявлен в договорах, участниками которых является большинство держав мира». Это означает, что государства совершенно ясно признали, что такие средства войны уже были незаконными к 1925 г. И намерение сторон протокола состояло в том, «чтобы этот запрет был общепризнан как часть международного права, обязательная как для совести, так и для практики народов».

С течением времени развиваются технологии, а вместе с ними и оружие. Средства ведения войны радикально менялись на протяжении последних столетий. Но суть и общий смысл законов и обычаев войны остается прежним. Он отражает наиболее разумный и быстрый подход к достижению победы и доведению конфликта до конца. И его лучшее и наиболее четкое определение содержится в тексте Декларации об отказе от применения во время войны взрывчатых снарядов весом менее 400 граммов (Санкт-Петербургская декларация 1868 г.)[5]: «единственная законная цель, которую государства должны стремиться достичь во время войны, – ослабить военные силы противника; для этого достаточно вывести из строя как можно большее число людей; эта цель будет превышена применением оружия, которое бесполезно усугубляет страдания инвалидов или делает их смерть неизбежной; применение такого оружия, следовательно, противоречит законам гуманности». Сегодня это действительно фундаментальный и краеугольный принцип МГП наряду с «оговоркой Мартенса». И оба этих принципа являются не просто моральными или политическими декларациями, а правовыми нормами прямого действия[6]. Эти принципы перспективно адресованы всем новым видам оружия, которые были изобретены с момента установления этих принципов и будут изобретены в будущем. Все виды средств ведения войны, выходящие за пределы законных целей военных действий, являются незаконными.

Представляется разумным согласиться с Робертом Спэрроу (Robert Sparrow), что «это должны иметь в виду и те, кто устанавливает правовые нормы, и те, кто ими руководствуется. Оговорка Мартенса, включенная в несколько важнейших договоров международного гуманитарного права (МГП), может быть в этом отношении очень полезной. Сегодня многие обеспокоены тем, что в условиях быстрого развития новых военных технологий, в том числе роботизированных и автономных систем вооружений, МГП может оказаться неспособно эффективно их регулировать. В связи с этим сегодня было бы очень полезно обсудить оговорку Мартенса и соотношение морали и права в целом»[7].

Хабаровский процесс стал первым в мире процессом, рассматривавшим военные преступления, совершенные с применением бактериологического оружия. И суд не мог опираться на какую-либо предыдущую практику и конкретные законы. В этот момент закон не успевал за новыми технологиями. Но суд справился с этим вызовом, и военные преступники были признаны виновными и наказаны. Это стало возможным благодаря технологической независимости и прямой применимости основных законов и обычаев войны. Главным вкладом Хабаровского процесса в МГП стало то, что суд впервые столкнулся с неизвестной ранее технологией нового незаконного оружия и сумел признать ее незаконность.

Незаконность бактериологического оружия обусловлена следующими причинами: 1) Это оружие по своей природе является причиняющим излишние ранения или ненужные страдания (норма 70 по МККК)[8]; 2) Это оружие по своей природе является неизбирательным (норма 71 по МККК)[9].

МККК объясняет, что «оружие, которое по своей природе является неизбирательным, – это оружие, которое не может быть направлено на военную цель или воздействие которого не может быть ограничено, как того требует международное гуманитарное право. Запрет такого оружия также подкрепляется общим запретом неизбирательных нападений» (см. нормы 11–12)[10].

Международный суд ООН в своем консультативном заключении по делу о ядерном оружии подтвердил, что этот запрет является одним из «кардинальных принципов» международного гуманитарного права[11].

МККК также отметил, что «в ряде военных руководств и официальных заявлений упоминается оружие, которое «имеет неизбирательное действие», «поражает военные цели и гражданское население без разбора» или «не может отличить военные цели от гражданского населения»[12]. Представляется, что все виды оружия, которые не находятся под непосредственным контролем человека и где человек не принимает конкретного решения атаковать какую-либо конкретную цель, «не могут различать военные цели и гражданских лиц».

Очевидно, что бактериологическое оружие является оружием такого рода, и Генеральная Ассамблея

ООН в преамбуле к резолюции, принятой в 1969 году, заявила, что биологическое и химическое оружие «по своей сути предосудительно, поскольку его последствия часто неконтролируемы и непредсказуемы»[13]. В этих случаях человек делегирует принятие решения о конкретной цели для атаки какому-то химическому, или физическому, или другому типу процесса или «алгоритму» и теряет способность контролировать этот процесс и его последствия. Поскольку процесс или «алгоритм» не может нести ответственность за военные преступления, военные преступления совершают люди, которые его запустили и создали первое звено в цепи причинно-следственных связей.

Хабаровский процесс является ярким примером того, что преступность оружия чрезмерного и неизбирательного характера должна устанавливаться на основании общих и технологически нейтральных принципов МГП, а не конкретных запретов международных договоров. Общий запрет оружия чрезмерного и неизбирательного характера должен пониматься и толковаться широко, а сфера применения легальных средств ведения войны, напротив, узко. Такая интерпретация крайне важна для создания прочной, четкой, доступной и предсказуемой правовой базы и предотвращения разрушительного воздействия новых видов оружия.

Петер Маурер, президент МККК, недавно отметил: «Развитие цифровых технологий влияет и на то, как ведутся войны. Новые оружейные технологии порождают серьезные гуманитарные, правовые и этические дилеммы»[14].

Особым вызовом для МГП в настоящее время является разработка и распространение так называемых «автономных систем оружия, основанных на искусственном интеллекте».

МККК понимает этот термин «автономные системы вооружений, как «оружие, которое выбирает цель и применяет против нее силу без участия человека. Они делают это на основе обобщенного «профиля цели» и показаний датчиков. От другого оружия они отличаются тем, что после того как их активирует человек, они наносят удар, получив стимул из окружающей среды, а не от оператора. Это значит, что оператор не выбирает конкретную цель»[15].

Как и в случае с химическим, биологическим и бактериологическим оружием, человек делегирует принятие решений о конкретной цели для атаки «алгоритму» или «искусственному интеллекту» (ИИ).

Маурер подчеркнул: «Существует явная опасность того, что контроль и учет мнения человека при принятии решений, от которых зависит жизнь и смерть людей, могут быть постепенно ослаблены до неприемлемого уровня»[16]. И можно добавить, что эта ситуация в некоторых моментах выглядит так же, как и рассмотренная ситуация в области бактериологического оружия.

Следует ли рассматривать автономные системы оружия на основе ИИ в рамках существующей правовой базы МГП? Следует ли запретить разработку и использование полностью автономных систем оружия? Как должна быть установлена ответственность за военные преступления, совершенные с помощью автономных систем оружия на базе ИИ? Как следует доказывать вину и причинно-следственную связь?

Прежде всего, что такое ИИ?

Существует множество различных подходов к определению ИИ. Некоторые из них основаны на конкретных применимых технологиях. Но такой подход представляется слишком узким и, как и все технологически зависимые определения, склонным к устареванию в будущем. Поэтому технологически-нейтральный подход представляется более обоснованным.

Согласно технологически нейтральному определению, «ИИ относится к системам, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя окружающую среду и предпринимая действия – с определенной степенью автономности – для достижения конкретных целей.

Системы на основе ИИ могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программы анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц), или ИИ может быть встроен в аппаратные устройства (например, усовершенствованные роботы, автономные автомобили, беспилотники или приложения Интернета вещей).

Мы используем ИИ ежедневно, например, для перевода языков, создания субтитров в видео или блокировки спама в электронной почте»[17].

В настоящее время, когда мы говорим об ИИ, в подавляющем большинстве случаев мы имеем в виду машинное обучение, в частности глубокое обучение. По мнению Европейской комиссии, «глубокое обучение стало переломным моментом в развитии ИИ и позволило значительно повысить производительность при решении конкретных задач, таких как распознавание изображений, речи или машинный перевод.

Обучение алгоритма глубокого обучения классификации объектов происходит путем воздействия на него большим количеством маркированных примеров (например, фотографий), которые правильно размечены и классифицированы (например, фотографии самолетов).

После обучения алгоритмы могут правильно классифицировать объекты, которые они никогда не видели, в некоторых случаях с точностью, превышающей человеческую.

Значительный прогресс в этих технологиях был достигнут благодаря использованию больших массивов данных и беспрецедентной вычислительной мощности»[18].

МККК определяет системы искусственного интеллекта (ИИ) как «компьютерные программы, выполняющие задачи, часто ассоциируемые с человеческим интеллектом, которые требуют познания, планирования, рассуждений или обучения». Он также определяет системы машинного обучения

как «системы ИИ, которые «обучаются» на данных и «учатся» на них, что в конечном итоге определяет способ их функционирования». Примером может служить система ML компании IBM, которая анализирует факторы миграции и использует данные для прогнозирования трансграничных перемещений и потоков беженцев[19].

Как подчеркнула Европейская комиссия, «ИИ обладает потенциалом изменить наш мир к лучшему: он может улучшить здравоохранение, сократить потребление энергии, сделать автомобили более безопасными и позволить фермерам более эффективно использовать воду и природные ресурсы. Искусственный интеллект может быть использован для прогнозирования изменений окружающей среды и климата, улучшения управления финансовыми рисками и предоставления инструментов для производства, с меньшим количеством отходов, продукции, адаптированной к нашим потребностям. ИИ также может помочь в обнаружении мошенничества и угроз кибербезопасности и позволяет правоохранительным органам более эффективно бороться с преступностью.

Искусственный интеллект может принести пользу всему обществу и экономике. Это стратегическая технология, которая сейчас разрабатывается и используется быстрыми темпами во всем мире. Тем не менее ИИ также несет с собой новые проблемы для будущего работы и поднимает юридические и этические вопросы»[20].

С другой стороны, Маурер отмечает: «Рассмотрим, например, ситуации, когда в зоне военных действий оказывается большое число гражданских лиц. В случае применения автономного оружия: как защитить гражданских лиц, если оператор автономной системы вооружений точно не знает, где, когда и что он уничтожит?

Или представьте себе, что датчик автономной системы вооружений среагирует на гражданские автобусы, похожие на транспорт для перевозки военнослужащих, и она начнет наносить удары по всем автобусам на обширной территории, а оператор при этом не сможет вмешаться и деактивировать ее?

Кроме того, автономные системы вооружений повышают опасность эскалации конфликтов, например, когда нет времени или средств отключить автономную систему вооружений, пока не поздно.

МККК обеспокоен возможными гуманитарными последствиями их применения. Применение автономных систем вооружений значительно усложняет соблюдение международного гуманитарного права, нормы которого требуют от комбатантов принимать решения, исходя из сложившихся условий. Например, как щадить раненых солдат, если некому определить, что они выбыли из строя?

Кроме того, применение автономных систем вооружений поднимает вопросы, вызывающие серьезную озабоченность этического характера в том, что касается гуманности, фактически предоставляя датчикам, программам и машинам принимать вместо человека решения, от которых зависит жизнь и смерть людей»[21].

Кажется очевидным, что, как и любая технология, ИИ может быть использован законно и незаконно, но решающим моментом является человеческий контроль и надзор. Без такого контроля ИИ становится похожим на бактериологическое оружие, и никто не может сказать, против кого будет направлен алгоритм.

Именно поэтому Группа экспертов высокого уровня по ИИ Европейского Союза представила Руководство по этике для заслуживающего доверия искусственного интеллекта, где человеческое управление и надзор были признаны первым ключевым требованием. Человеческое управление и надзор означают, что «системы ИИ должны расширять возможности человека, позволяя ему принимать обоснованные решения и поощряя его основные права. В то же время необходимо обеспечить надлежащие механизмы надзора»[22].

Европейская Комиссия в ее Стратегии для ИИ, Коммюнике, программных документах и проекте Регламента о европейском подходе для ИИ (Regulation on a European Approach for Artificial Intelligence (Artificial Intelligent Act))[23] следует этим рекомендациям.

Аналогичным образом МККК предлагает установить «требование обязательного взаимодействия между человеком и машиной, прежде всего чтобы обеспечить действенный надзор со стороны человека, возможность его своевременного вмешательства и деактивации системы»[24].

С нашей точки зрения, разработка и использование военных систем искусственного интеллекта, если такие системы могут быть охарактеризованы как непредсказуемые, полностью автономные и/или способные выйти из-под контроля, должны рассматриваться как военные преступления, аналогичные производству и применению биологического оружия. И то, и другое подпадает под одни и те же критерии незаконного оружия, запрещенного МГП. Соответственно, ответственность за такие преступления должна быть установлена аналогичным образом.

Второй важный вывод заключается в следующем.

В настоящее время технологическое развитие происходит очень быстро, и в ближайшем будущем будет происходить еще быстрее. Праву становится все труднее угнаться за технологиями. Чтобы догнать технологии, право не должно использовать устаревшие подходы юридической техники, такие как казуистические описания конкретных ситуаций, ссылки на конкретные технологии и любые перечни конкретных видов оружия. Это особенно подчеркивает важность технологической нейтральности правовых норм, а также необходимость широко сформулированных положений, охватывающих все возможные ситуации и не зависящих от технологических изменений. Крайне важно избегать слишком узких и зависящих от технологий диспозиций правовых норм. Кроме

того, прямое действие и применение общих принципов МГП в настоящее время становится важным, как никогда ранее.

Примечания

[1] Marco Sassoli and Antoine A. Bouvier in cooperation with Susan Carr, Lindsey Cameron and Thomas de Saint Maurice. HOW DOES LAW PROTECT IN WAR? Cases, Documents and Teaching Materials on Contemporary Practice in International Humanitarian Law, International Committee of the Red Cross. Geneva, Switzerland. 2 edition, 2006; 3 edition, 2011; URL: https://www.icrc.org/en/ document/how-does-law-protect-war-0.

[2] *Henckaerts Jean-Marie and Doswald-Beck Louise* with contributions by Carolin Alvermann, Knut Dormann and Baptiste Rolle. CUSTOMARY INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW. VOLUME I RULES, International Committee of the Red Cross. Cambridge University Press, 2005. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/customary-international-huma nitarian-law-iicrc-eng.pdf.

[3] *Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L.* and others, Ibid. P. 256–258.

[4] Protocol for the Prohibition of the Use of Asphyxiating, Poisonous or Other Gases, and of Bacteriological Methods of Warfare. Geneva, 17 June 1925. URL: https://www.un.org/ disarmament/wmd/bio/1925-geneva-protocol/.

[5] Declaration Renouncing the Use, in Time of War, of Explosive Projectiles Under 400 Grammes Weight. Saint Petersburg, 29 November / 11 December 1868. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ ihl/full/declaration1868.

[6] См., например, *Роберт Спэрроу* (Robert Sparrow). Мораль как источник права: оговорка Мартенса и автономные системы вооружений. URL: https://www.icrc.org/ru/document/ moral-kak-istochnik-prava-ogovorka-martensa-i-avtonomnye-sistemy-vooruzheniy.

[7] Там же.

[8] *Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L.* and others. Ibid. P. 237–244.

[9] Ibid. P. 244–250.

[10] Ibid. P. 244.

[11] ICJ, Nuclear Weapons case, Advisory Opinion (§ 389), according to: Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. and others. Ibid. P. 246.

[12] *Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L.* and others. Ibid. P. 247.

[13] UN General Assembly, Res. 2603 A (XXIV). Although three States voted against this resolution and 36 abstained, the disagreement was primarily in relation to herbicides and not the general principles, according to: Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. and others. Ibid. P. 248.

[14] Речь Петера Маурера, президента Международного Комитета Красного Креста, во время виртуального брифинга по позиции МККК в отношении автономных систем вооружений. 12 мая 2021 г. Женева. URL: https://www.icrc.org/ru/document/peter-maurer-my-dolzhny-reshit-kakuyu-rol-my-otvedem-cheloveku-v-prinyatii-resheniy-ot.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Artificial Intelligence for Europe, Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. Brussels, 25.4.2018 COM (2018) 237. P. 2.

[18] Ibid. P. 11.

[19] URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2021/08/19/artificial-intelligence-anticipatoryhuma nitarian/?utm_campaign=DP_ORE%20blog%3A%20The%20future%20is%20now%3A%20artificial%20intelligence%20and%20anticipatory%20humanitarian%20action&utm_medium=email&_hsmi=150846744&_hsenc=p2ANqtz-_XB-qUxAwm8bGnH8aVxqS5gs28tmeGriSQUl6x06ubJSh1KKNh2pCKTBkHnLq-EoDd1vBT0VE50pfUPXToQEawkoLhhRD9SzBVkvi Gl47SeM3PPRw&utm_content=150846744&utm_source=hs_email.

[20] Building Trust in Human-Centric Artificial Intelligence, Communication from the Commis sion to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions. Brussels, 08.04.2019 COM (2019) 168. P. 2.

[21] Речь Петера Маурера, Президента Международного Комитета Красного Креста, во время виртуального брифинга по позиции МККК в отношении автономных систем вооружений. 12 мая 2021 г. Женева. URL: https://www.icrc.org/ru/document/peter-maurer-my-dolzhny-reshit-kakuyu-rol-my-otvedem-cheloveku-v-prinyatii-resheniy-ot.

[22] https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai.

[23] https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri= CELEX% 3A52021PC0206.

[24] Речь Петера Маурера… 12 мая 2021 г. Женева. URL: https://www.icrc.org/ru/document /peter-maurer-my-dolzhny-reshit-kakuyu-rol-my-otvedem-cheloveku-v-prinyatii-resheniy-ot.

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в образовательном процессе высшей школы»

Аннотация

Участниками тематической площадки определены целевые ориентиры и методические основы разработки регионального компонента образовательного модуля по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи на основании материалов проекта «Без срока давности», направленного на противодействие фальсификации истории, формирование чувства уважения к прошлому страны, памяти о подвигах защитников Отечества.

Экспертным сообществом проведено обсуждение состава, содержания, методических материалов, а также механизмов внедрения регионального компонента по теме «Дальний Восток во Второй мировой войне» образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности».

По итогам Форума разработана Концепция регионального компонента, посвященного теме «Дальний Восток во Второй мировой войне», отражающая консолидированную общественную позицию по ключевым точкам Хабаровского процесса и использованию его документального наследия в образовательной и воспитательной деятельности.

Н. В. Шелковникова,
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре

Программа «Дальний Восток во Второй мировой войне» образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности»

Аннотация
В статье дана характеристика образовательной программы изучения истории Дальнего Востока в период Второй мировой войны. Внедрение данного курса в образовательный и воспитательный процессы будут способствовать формированию у студентов системных знаний о Великой Отечественной войне и роли Дальневосточного региона в обеспечении победы советского народа во Второй мировой войне. Программа может стать основой для формирования аналогичных региональных курсов.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Дальний Восток, «Без срока давности», образовательная программа.

N. V. Shelkovnikova,
Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur

The program «The Far East in World War II» of the educational module «The Great Patriotic War: No Statute of Limitations»

Abstract
An educational program for studying the history of the Far East during the Second World War is presented in the article. The introduction of the presented course into the educational processes will contribute to the formation of students' systemic knowledge about the Great Patriotic War and the role of the Far Eastern region in ensuring the victory of the Soviet people in World War II. The program can become the basis for the similar regional courses formation.
Keywords: World War II, Great Patriotic War, Far East, «No Statute of Limitations», educational program.

Время стирает из памяти множество событий, некоторые из них теряют свою остроту и значимость, а некоторые изменяют свое содержание. Стремительно мелькают в водовороте исторических событий реформы и революции, рушатся государства и политические режимы и возникают новые, социальные процессы становятся очень насыщенными. Все это нередко отодвигает на второй план события, которые являются ключевыми в становлении современной российской идентичности, заложившие основу существования современной не только российской, но и мировой цивилизации. К таковым относятся Вторая мировая и ее неотъемлемая часть – Великая Отечественная, в которых подвиг и жертвенность народов нашей страны невозможно переоценить и забыть. Кроме того, эта война характеризовалась чудовищными военными преступлениями по отношению к мирному населению, тяжесть которых вынесли советские граждане. Именно поэтому название проекта «Без срока давности» несет самый широкий смысл и распространяется на всю память о войне.

Нельзя не видеть набирающие обороты процессы дезориентации современного общества в фактах и оценках событий практически 80-летней давности. Особенно ускоряется этот процесс, когда уходят из жизни очевидцы событий – участники Великой Отечественной войны. Почти не осталось в живых ветеранов, уходят из жизни труженики тыла, дети войны уже в преклонном возрасте. Одновременно появляются интерпретаторы исторических процессов, которые очень часто склоняются к фальсификации событий. Расширяющаяся информационность и цифровизация позволяют им очень быстро набирать обороты в охвате аудитории, прежде всего молодой. Именно поэтому возрастает роль учебных курсов и учебных занятий, а также внеучебной работы со школьниками, студентами, курсантами.

В учебно-образовательном процессе чрезвычайно важен региональный компонент и в частности роль Дальневосточного региона в обеспечении победы советского народа в войне. Особенность состоит в том, что Дальний Восток не был оккупирован. Его удалён-

ность от фронтов позволила сохранить инфраструктуру, поэтому тяжесть восстановительных процессов здесь была заметно ниже, чем в западных регионах страны. Тем не менее трудовой и ратный подвиг дальневосточников явился значительным и неоценимым вкладом в нашу Великую Победу. Именно это ключевое положение мы отразили в содержании программы «Дальний Восток во Второй мировой войне» образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности», также отдельно выделив жестокость и бесчеловечность преступного японского режима по отношению к мирным жителям.

Программа служит общим целям и задачам подготовки бакалавров и специалистов, установленным стандартами высшего образования. Она способствует формированию у студентов системных знаний о Великой Отечественной войне и роли Дальневосточного региона в обеспечении победы советского народа во Второй мировой войне.

Формирование и закрепление «регионального содержания» в системе социально-гуманитарного образования, в том числе исторического, способствует формированию гражданской позиции, патриотизма, любви и уважения к истории своей страны, региона, малой Родины. Регионализация в образовательном процессе важнейших исторических событий становится основой адаптации, социализации и инкультурации личности в условиях социокультурной среды своего региона. Она также выражает цель региональной политики государства, основой которой является стабильное развитие региона, служащего залогом процветания нации, России.

Внедрение программы в образовательный процесс представляется несколькими вариантами. Первый – ее включение в дисциплины базовой (обязательной) части образовательной программы по истории как тематического модуля, в том числе отдельные ее разделы или темы могут быть рассмотрены в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности».

Второй вариант – использование материалов программы при построении курсов (модулей) вариативной части образовательной программы. В этом случае они могут стать основой содержания самостоятельной дисциплины или составной частью таких курсов как «История Дальнего Востока», «История переселенческой политики на Дальнем Востоке», «Регионоведение», «Историческое краеведение» и др. Особенно важно это в рамках реализации в Дальневосточном регионе программ подготовки бакалавров по направлению 44.00.00. Повышение уровня подготовленности будущих учителей к реализации регионального компонента может стать одним из его главных направлений. Это позволит, во-первых, отразить многообразие и уникальность истории Дальнего Востока, во-вторых, по-новому подойти к пониманию того, что такое Дальневосточный регион и его роли в контексте всероссийской истории.

Третий вариант внедрения программы – ее использование во внеучебной работе со студентами, роль которой высоко оценивается на государственном уровне.

Программа также может стать основой для организации и подготовки музейных экспозиций, посвященных истории Дальнего Востока, Великой Отечественной войны, военных конфликтов.

В содержание программы легла общая логика изучения исторического процесса в целом, отечественной истории и Великой Отечественной войны. Программа состоит из шести разделов, каждый из которых сопровождается списком наиболее важных персоналий и дат.

Первый раздел посвящен анализу организации жизни и управления обществом на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны. В нем рассматривается численность и состав населения, трудовые ресурсы промышленности, транспорта, дальневосточной деревни, показано, как перестраивалась жизнь людей и экономика на военное положение. В разделе находят отражение процессы максимальной унификации политической, хозяйственной и духовной жизни общества. Все жители Дальнего Востока вне зависимости от социального происхождения, возраста, занятости, национальной, конфессиональной и иной принадлежности решали одну задачу – спасение Отечества. Дальневосточники активно участвовали в движении по оказанию материальной помощи государству, постройке и передаче боевой техники и других формах помощи фронту.

В качестве ключевых событий и основных дат в раздел включены: образование Хабаровского и Приморского краев; Приказ НКВД СССР № 00363 об образовании административно-гражданского отдела Дальстроя; мобилизация скрытым порядком Дальневосточного фронта; создание Фонда обороны и вооружения и др. В перечень персоналий вошли руководители-дальневосточники, герои-дальневосточники, члены ГКО и ставки Главного Командования.

Во второй раздел включены темы, дающие представление о работе экономики региона в условиях максимальной мобилизации. Для обеспечения выпуска оборонной продукции потребовалась существенная технологическая реорганизация производства, которая была осуществлена благодаря решениям инженеров-дальневосточников, а также внедрению оригинальных идей специалистов и рабочих. Большую помощь в преодолении дефицита оборудования и необходимых материалов оказали поставки союзников по ленд-лизу. В военный период регион нарастил энергетическую базу за счет интенсивного развития угольной и нефтяной промышленности. Это позволило Дальнему Востоку выполнить функцию поставщика стратегически важных сырьевых ресурсов для развития промышленного производства в других регионах страны, поддерживать боеспособность воинских формирований на восточных рубежах СССР. Изучение этого раздела позволит увидеть, какое разрушительное действие война оказала на производительные силы сельского хозяйства. В разделе представлено как неотъемлемый элемент

военно-мобилизационной экономики лагерное производство на Дальнем Востоке. Требуемые результаты достигались ценой чрезвычайного напряжения. «Правовая несвобода, жесткий режим содержания, интенсивная эксплуатация, условия существования, лагерные бесчинства были и дополнительным фактором человеческих жертв в советском тылу»[1].

В качестве основных дат в раздел включены: издание Приказа наркомата внутренних дел № 00911 «О списке ударных сверхлимитных строек НКВД»; утверждение «Инструкции о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время» и др. В перечень персоналий вошли дальневосточники герои труда, капитаны судов, руководители предприятий.

Третий раздел характеризует социально-культурное развитие региона в годы Великой Отечественной войны. Медицинское обслуживание, жилищно-бытовые условия жизни дальневосточников претерпели существенные изменения. Снабжение медицинских организаций шло только самыми необходимыми материалами, чаще всего не покрывая минимальные потребности. Тем не менее врачи и фельдшеры оказывали всю необходимую помощь населения. Существенно ослабило государство внимание к жилищно-бытовым условиям жизни дальневосточников. Система учреждений образования, науки, культуры работала в рамках, установленных мобилизационными условиями войны. Сократилось количество учащихся, а за ними и количество учебных учреждений. Пересматривались программы обучения в общеобразовательных школах и учреждениях профессионально-технического образования. Существенно увеличилось количество часов, связанное с военной подготовкой. В центре воспитательной работы с детьми стояли вопросы военно-патриотического характера. В разделе представлена особенность организации деятельности научных учреждений, которые направили свои усилия на исследования в области профилактики и лечения инфекционных болезней, создания новых лекарственных препаратов, а также решение продовольственной проблемы. Учреждения сферы досуга преобразовывались в центры агитационно-массовой и культурно-просветительной работы среди населения Дальнего Востока. Творчество дальневосточных писателей, поэтов, художников было ориентировано в первую очередь на поддержание боевого духа воинов и тружеников тыла, прославление подвига советского народа.

В качестве ключевых точек и основных дат в раздел включены: издание приказа Наркомпроса РСФСР об обязательных для выполнения школьниками видах работ, в том числе и во время прохождения сельскохозяйственной практики; открытие при Хабаровском педагогическом институте Северного отделения по подготовке учителей русского языка и литературы для школ коренных малочисленных народов Дальнего Востока; решение Приморского крайисполкома «О подготовке весенней путины и увеличении добычи рыбы в 1945 г. и направлении городских школьников на рыбную путину»; издание книги Н. Задорнова «Амур-батюшка». В перечень персоналий вошли ученые-дальневосточники, писатели и поэты Дальнего Востока, художники и скульпторы.

Подвигу коренных малочисленных народов Севера посвящен четвертый раздел. Представители коренных малочисленных народов Севера принимали активное участие в строительстве объектов оборонного назначения. Именно их силами построены взлетно-посадочные полосы со всеми необходимыми службами в Анадыре, Маркове и Уэлькале. Коренные малочисленные народы Севера стали активными участниками защиты Отечества. В качестве добровольцев ушли на защиту родины представители всех этнических общностей, населявших Дальний Восток. На фронтах Великой Отечественной войны они представляли широкий круг воинских специальностей.

В качестве ключевых событий и дат в раздел включены: Постановление ЦК ВКП(б) и Правительства СССР от «О развитии рыбных промыслов в бассейне рек Сибири и на Дальнем Востоке» и другие. В перечень персоналий вошли герои-дальневосточники – представители коренных малочисленных народов Севера.

Непосредственно Дальневосточному театру военных действий Второй мировой войны посвящены разделы пятый и шестой. В августе – сентябре 1945 г. Дальневосточная группировка сухопутных войск при участии Тихоокеанского флота и Амурской флотилии провела Маньчжурскую стратегическую, Южно-Сахалинскую наступательную, Сейсинскую и Курильскую десантные операции. Победа Красной армии на Дальнем Востоке досталась ценой жизней многих советских военнослужащих.

Токийский и Хабаровский процессы предлагается изучить как доказательства преступлений японских должностных лиц против мира и человечества. В перечень подлежащих изучению вопросов входят: подготовка и применение бактериологического оружия против советских, монгольских и китайских войск и мирного населения, проведение преступных опытов над людьми, испытание бактериологических средств в «экспедициях», план «Кантокуэн». Хабаровский процесс должен стать обязательной темой в современном образовательном и воспитательном процессах.

В качестве основных событий и дат в раздел включены: создание Отдельной дальневосточной партии Экспедиции подводных работ особого назначения; издание Приказа Народного комиссара ВМФ № 0100 «О введение в действие положения о Гидрографическом отделе флота»; создание Северной Тихоокеанской флотилии; издание Приказа Наркомата обороны № 0029сс «Об образовании Дальневосточного фронта»; создание специального органа высшего управления – Главного Командования советских войск на Дальнем Востоке; начало войны с Японией; Токийский процесс; Хабаровский процесс. В перечень персоналий вошли военные инженеры, офицеры-гидрографы, руководители военно-лоцманской

службы, капитаны и лоцманы, командующие Дальневосточным фронтом, командующий Приморской группой войск, главнокомандующий штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, обвинители и члены трибунала на Токийском и Хабаровском процессах.

Программа «Дальний Восток во Второй мировой войне» образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» оснащена перечнем основной и дополнительной литературы. В качестве основного источника стал фундаментальный труд дальневосточных историков «История Дальнего Востока России» (в 3 томах) и непосредственно том 3, посвященный Дальнему Востоку СССР в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, программа, разработанная в Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете, может стать универсальным средством образования и воспитания студентов и формирования у них универсальных компетенций.

Примечания

[1] Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / Под общ. ред. чл.-корр. РАН Н. Н. Крадина; Отв. ред. Г. А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. С. 251.

Д. Ю. Асташкин,
старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Новгородского государственного университета

Образ японских военных преступников: региональный компонент

Аннотация

В статье рассмотрены сложности в использовании регионального компонента при работе с темой Хабаровского процесса 1949 года. Статья содержит обзор методов по использованию регионального компонента для вывода темы на глобальный уровень, понятный всем регионам России.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японские военные преступники, Хабаровский судебный процесс, образовательная программа, высшая школа.

D. Yu. Astashkin,
Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Image of Japanese War Criminals: Regional Element

Abstract

In the article, the author examines the difficulties in using the regional component to work with the theme of the Khabarovsk process of 1949. The article contains an overview of methods for using the regional component to bring the topic to the global level, understandable to all regions of Russia.

Keywords: World War II, Japanese war criminals, Khabarovsk Trial, educational program, high school.

«Причем тут Хабаровск?» – спросил меня хабаровский школьник после презентации фильма о Новгородском процессе 1947 г. над нацистскими преступниками. Думаю, вопрос «Причем тут Новгород?» могут задать и школьники Новгорода, если им показать фильм «Хабаровский процесс» о суде над японскими военными преступниками в 1949 г. Локальная историческая идентичность очень сильна, а у школьников она ощущается еще сильнее, поскольку многие школьные ритуалы памяти строятся вокруг ближайших мемориалов, вокруг местных героев. К тому же школьники редко путешествуют и тем самым не расширяют личное познание страны и ее истории. Даже для взрослого жителя европейской части России Хабаровск кажется чужим. В этом контексте и Хабаровский процесс кажется далекой экзотикой.

Россия огромна, но нас делает одной страной и нацией наш государственный язык, наша культура, наша история. История – это ресурс национальной идентичности. И важнейшую часть в этой истории занимает тема Второй мировой войны. В этой теме можно найти немало региональных пересечений. Призывники из Хабаровска сражались и гибли (в том

числе и в лагерях военнопленных) на фронтах Европы. На границе у Хабаровска стояли призывники из европейской части страны. В войне с Японией участвовали уроженцы всей страны. У разных частей страны были общие враги. Тем не менее образ иностранных военных преступников в СССР и России сложился крайне неравномерно. Японские военные преступники как бы выпадают из культурной памяти. Почему? На этот вопрос может ответить наука имагология. В частности, Елена Сенявская[1], Максим Фоменко[2], Юлия Михайлова[3] и другие ученые изучили образ Японии в Российской империи и СССР.

Важно отметить, что в СССР не было системного официального нарратива о японских военных преступлениях, в том числе и оттого, что большая часть материалов Хабаровского процесса была засекречена (помимо изданной брошюры и газетных репортажей). Возможно, это и привело к забвению. Заполнить лакуну может грамотное использование регионального компонента.

Вот ряд общих проблем во внедрении регионального компонента: профанация, чрезмерность, политизация и ксенофобия, догматизм, официальное – вместо человеческого. Преподавателю нужно вести диалог с учащимся без ложного пафоса и общих фраз про патриотическое воспитание, тут нужны логические ответы. Кроме того, можно привлечь местные источники. Так, все региональные газеты СССР писали о Токийском и Хабаровском процессе. Во всех регионах СССР проводились лекции агитаторов о войне с Японией 1945 года, о международном положении СССР. Эти источники можно изучать в рамках проектного обучения в университетах. Более того, при сотрудничестве университетов могут быть созданы смешанные онлайн-команды из разных регионов, которые аккумулируют общую базу источников для дальнейшего изучения. Для погружения в тему были бы идеальны поездки для наиболее отличившихся студентов – личное посещение музея в Хабаровске и мемориала о преступлениях отряда 731 в Харбине (КНР). Такие личные впечатления не заменят онлайн-ресурсы. Конечно, подобные поездки крайне сложны из-за высоких цен, бюрократических препятствий и карантинных ограничений.

Региональный компонент должен учитывать то, что в действиях нацистов в Европе и японских военных преступников на Дальнем Востоке можно найти параллели. Например, медицинские эксперименты и отношение к биоэтике. Так, подсудимый Смоленского процесса 1945 года лекарский помощник Модиш в своих медицинских преступлениях схож с подсудимым Хабаровского процесса 1949 года – унтер-офицером лаборантом Митомо. Оттого образ японского военного преступника можно изучать в сравнении с образом немецкого военного преступника. В ноябре 2012 г. Киотский университет провел по этой теме симпозиум «War and Medical Ethics – comparison of the history of the investigation in Germany and Japan» (戦争と医の倫理 – ドイツと日本の検証史の比較)[4].

Какие еще возможности есть у темы Хабаровского процесса для вывода ее на глобальный уровень, понятный всем регионам?

Антимилитаризм. На материалах Хабаровского процесса наглядно видно, к каким ужасам ведут война и гонка вооружений, как бесчеловечно биологическое оружие.

Гуманизм. Приговор Хабаровского процесса и сроки каторги воспринимаются порой как несоразмерный тяжести преступлений подсудимых, а амнистия 1955 года как некое упущение государства. Но это же наказание можно интерпретировать и как пример гуманности СССР по отношению к недавнему врагу. На подобном примере можно и нужно говорить о важности отмены смертной казни (как в 1947 г., так и сейчас), объяснять целесообразность амнистии как явления.

Международное сотрудничество. В изучении темы Хабаровского процесса заложена возможность международной научной и педагогической кооперации с Китаем, с Кореей, с США (эти страны сражались вместе с общим врагом). Есть тут возможность и кооперации с бывшими странами СССР – их земляки тоже воевали с этим же врагом и они тоже судили японских военных преступников. Это часть и их национальной истории. Возможна тут и кооперация с Японией.

Если бездумно подходить к региональному компоненту, то Хабаровский процесс 1949 года так и останется для большей части России белым пятном или экзотикой. Нужно использовать различные методы передачи знания с учетом региональной специфики.

Примечания

[1] См. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. Гл. 3. Образ врага в локальных и мировых войнах. Япония как противник России в войнах XX века.

[2] *Фоменко М. В.* Эволюции образа врага. Российско-японское военное противостояние и взаимное восприятие в первой половине XX века // Государственное управление. Электр. вестник. 2017. № 61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsii-obraza-vraga-rossiysko-yaponskoe-voennoe-protivostoyanie-i-vzaimnoe-vospriyatie-v-pervoy-polovine-hh-veka (дата обращения: 05.12.2021).

[3] *Mikhailova Yu.* (1993) The image of Japan in Russo-Soviet Japanese Studies, Japanese Studies, 13:2, 59–74, DOI: 10.1080/10371399308521862.

[4] См.: Japanese Scientist (『日本の科学者』) 2013. Vol. 48. № . 8. P. 5–23.

В. В. Митин,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета

Попытки привлечения к ответственности императора Хирохито после Второй мировой войны

Аннотация
Статья посвящена одной из проблем, связанных с итогами Второй мировой войны. В 1949 г. в Хабаровске прошел судебный процесс, на котором к ответственности за подготовку к бактериологической войне и бесчеловечные опыты над людьми были привлечены японские военнослужащие. На процессе был поднят вопрос об участии в этих преступлениях императора Японии Хирохито. В статье рассматривается вопрос об ответственности японского императора в подготовке бактериологической войны.
Ключевые слова: Вторая мировая война, бактериологическое оружие, Хабаровский процесс, Хирохито, Токийский процесс.

V. V. Mitin,
Senior Lecturer, Department of Universal history and regional studies of the Pskov State University

Attempts to bring Emperor Hirohito to justice after World War II

Abstract
The article is devoted to one of the problems related to the results of the Second World War. During the war, Japan was preparing for the use of bacteriological weapons. In 1949, a trial was held in Khabarovsk, where Japanese servicemen were brought to responsibility for preparing for a bacteriological war and inhumane experiments on people. At the trial, the question of the participation of Emperor Hirohito of Japan in these crimes was raised. The article deals with the issue of the responsibility of the Japanese emperor in preparation for the bacteriological war.
Keywords: World War II, bacteriological weapons, Hirohito, International Military Tribunal for the Far East, Khabarovsk War Crime Trials.

В годы Второй мировой войны японские военные совершали преступления в отношении гражданского населения, которые были квалифицированы как преступления против человечности. Осуждение этих преступлений было осуществлено на послевоенных судебных процессах, как международных, так и производимых отдельными странами. В отличие от Германии, где значительное число привлеченных к ответственности были политиками, в Японии на скамье подсудимых сидели преимущественно представители высших военных кругов. И если в Германии главного преступника Гитлера привлечь к земной ответственности уже не было возможности, то в Японии формальный глава государства и нации был вполне доступен для следствия. Однако он не был привлечен к ответственности за преступления японской армии и благополучно занимал императорский пост до конца жизни в 1989 г.

Сразу нужно сказать об особой, двойственной роли императорской власти, которая, собственно, и породила проблему привлечения Хирохито к ответственности.

С одной стороны, император являлся средоточием верховной власти в стране, закрепленной в Конституции 1889 г. Император вне критики и оценки. Такой подход к императорской власти был в Японии практически во все эпохи ее истории. Основным способом достичь этого было фактическое неучастие императоров в осуществлении реальной власти.

Ст. 55 Конституции 1889 г. гласит, что «соответствующие государственные министры представляют императору свои советы и рекомендации и несут за них всю полноту ответственности»[1].

Однако в этот сложный период японской истории положение императора было весьма двойственным. Страна стояла перед выбором: пойти по пути демократизации, зачатки которой начали оформляться в 1920-е гг., или милитаризированной диктатуры. Как ни странно, ни тот, ни другой путь не противоречил весьма обтекаемой и гибкой Конституции Японии, каковой она и была задумана. Для превращения страны в демократическую или авторитарную не требовалось введения ни единой поправки.

По этой причине император мог вмешаться и повлиять на политическую ситуацию, а мог этого и не делать. Причем для последнего не требовалось никаких усилий, поскольку государственный механизм действовал без всякого участия монарха, в то время как его непосредственное вмешательство не только требовало усилий, но и грозило дестабилизацией политической системы, поскольку она бы раскололась на сторонников императора и противников его прямого вмешательства.

Это не значит, что победители в войне не пытались его к этой ответственности привлечь. Сам характер подобных трибуналов свидетельствовал о стремлении персонифицировать зло, совершенное в годы войны. Этого желали и народы стран победителей. Однако в отношении Хирохито сложилась ситуация парадоксальная, поскольку оформились две радикально противоположные позиции: 1. Он является главным лицом, которое ответственно за преступления Японии в годы войны; 2. Он является полностью невиновным в этих преступлениях.

В течение 5 лет после окончания войны было предпринято несколько попыток привлечь Хирохито к ответственности, которые, однако, ни к чему не привели.

В начале июня 1945 г. служба Гэллапа провела опрос американцев по поводу ответственности императора Японии за начало войны. 70% американцев высказались за суровое наказание. Это проявление общественного мнения американскому руководству было трудно игнорировать[2]. 18 сентября 1945 г. была представлена резолюция 94, которая объявляла, что Хирохито должен быть осужден как военный преступник.

Такой подход был характерен и для союзников США. Премьер Новой Зеландии указывал США, что Хирохито должен ответить перед судом за военные преступления. Аналогично требовал наказания императора и представитель Великобритании. Они, как и представители Советского Союза, настаивали на том факте, что все основные решения в годы войны принимались на императорской конференции с участием императора. Советская делегация требовала самого сурового осуждения не только Хирохито, но и всех членов императорской фамилии с применением к ним наказания вплоть до расстрела[3].

Что касается первоначальной советской позиции в этом вопросе, то она была отражена в утвержденной еще 20 марта 1946 г. секретной директиве МИД СССР «Советским представителям в Международном военном трибунале в г. Токио для суда над японскими главными военными преступниками». В ней, в частности, указывалось: «Вопрос о включении в число обвиняемых императора Хирохито не ставить, но если представители других стран выдвинут это предложение, то поддержать его»[4].

Однако, опасаясь японского сопротивления, а также надеясь найти в японских кругах опору оккупационного режима, американская военная администрация еще до окончания военных действий взяла курс на снятие ответственности с императора и возложение его на военные круги Японии. В отличие от Германии, где нацистская государственная машина подлежала полному демонтажу, в Японии существовавшую государственную систему предполагалось не только сохранить, но и использовать под руководством оккупационного режима. А это было невозможно без сохранения императора на своем посту.

В результате император из виновника постепенно превращался в жертву обмана военными кругами. Это поддерживалось и японскими правительственными кругами. Премьер-министр Японии после капитуляции страны принц Хигасикуни подчеркивал, что именно император прекратил войну, стремясь к миру и сохранению жизней подданных[5]. Основные события войны представлены как происходившие вне ведения императора, от которого скрывались военные преступления.

Эти тонкости были малопонятны американскому руководству в Вашингтоне, которое требовало от Макартура определиться по вопросу о виновности Хирохито. Последний направил телеграмму, в которой убеждал свое правительство в абсолютной невиновности императора в развязывании войны, как человека, лишенного реальной власти. Кроме того, глава оккупационного режима убедительно доказывал, что привлечение императора к суду приведет Японию в состояние политического хаоса и придется там держать миллионные силы для поддержания порядка. В конце концов, сохранение императора позволило бы плавно повести Японию по пути трансформации и предотвратило бы неуправляемый революционный процесс. А с императора будет достаточно, что, сохранив свой пост, он превратится в лишенного даже видимости власти символического конституционного монарха[6].

Тем не менее вопрос о виновности императора не мог быть совсем обойден при подготовке международного трибунала по Дальнему Востоку. Конечно, проблема личной ответственности за военные преступления была достаточно субъективна. Двойственная природа императорской власти в Японии позволяла доказать как полную виновность императора, так и полную его невиновность. Если бы американская сторона поставила задачу обвинить императора, то это не составило бы труда, опираясь хотя бы на документы, где стояла его подпись. Но поставлена была обратная задача – доказать его невиновность.

В результате на Токийском процессе Хирохито не был представлен не только как обвиняемый, но даже как свидетель. Вся вина была возложена на генералитет.

Большую роль сыграли во всем этом сами обвиняемые. Если немецкие подсудимые стремились переложить основную вину на Гитлера, то японские генералы, даже под явной угрозой смертного приговора отводили всякие обвинения от императора и его семьи. По одному из главных преступлений – нанкинской резне 1937 г. главным обвиняемым должен был бы быть принц Асака, но всю вину взяли на себя генерал Мацуи и бывший премьер Хирота Коки – оба повешены. А принц Асака дожил до 93 лет, ведя жизнь аристократа.

Американцы, конечно, обладали сведениями о деятельности отрядов № 731 и № 100. Но оккупационная администрация не позволила на Токийском процессе поднять эту тему. Это в меньшей степени было связано с именем императора, а вытекало прежде всего из сотрудничества японских ученых-бактериологов с американцами по данной теме.

Особенность Хабаровского процесса состояла в том, что он происходил в условиях уже начавшейся холодной войны, когда ожидать какого-либо взаимодействия между бывшими союзниками было трудно. И это прекрасно понимали и организаторы процесса, которые предъявили США требование представить на процессе группу обвиняемых в подготовке биологической войны, сознавая, что эти требования выполнены не будут. И если требование выдать Исии Сиро как одного из главных руководителей отряда 731 формально было обоснованным, то с императором все было не так просто даже с формальной точки зрения.

Именно на Хабаровском процессе впервые была предпринята реальная попытка привлечение императора Хирохито к ответственности за преступления японских военных, в частности в подготовке бактериологической войны и связанных с ней опытах на людях.

С самого начало было ясно, что американцы не выдадут Хирохито – император уже был признан на троне согласно Конституции 1947 г. Но были и другие сложности.

В ходе подготовки Хабаровского процесса советская сторона тщательно искала свидетельства причастности японского императора к организации работ по разработке бактериологического оружия. Такие свидетельства были представлены показаниями обвиняемых.

Так, генерал Кавасима указал на наличие секретных указов императора по созданию в 1935–1936 гг. специальных учреждений для подготовки бактериологической войны – Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии под руководством Исии Сиро и Иппоэпизоотического управления Квантунской армии под руководством генерал-майора Вакамацу. В 1941 г. эти структуры были переименованы соответственно в отряд 731 и отряд 100. Сам Кавасима видел указ, но внешний вид не помнит. По его словам, в 1940 г. был издан еще один указ Хирохито о перемещении отряда № 731 из Харбина на станцию Пинфан в 30 км от Харбина. Этот же указ увеличивал штат отряда 731 до 3 тыс. человек[7].

Кадзицука Рюдзи – генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии. Согласно его показаниям, данным в октябре 1949 г., отряд 731 был создан по указу императора от 1936 г. Этот указ был разослан во все части японской армии для ознакомления офицерского состава, причем под роспись. В это же время одним или двумя указами создаются 4 его филиала[8].

Странно, что подобные секретные решения, имеющие узкоспециальное значение, были оформлены именно указами императора, отличались подробной детализацией по всем изменениям и разосланы по всем подразделениям и зачем-то под роспись.

Обвинение на процессе указывает, что Хирохито, убедившись в силе и могуществе СССР, нанесшем поражение японским войскам, издает свои секретные указы о создании отрядов 731 и 100 в 1936 г. Однако в 1936 г. Хирохито не мог в этом убедиться, поскольку поражения последовали в 1938 и 1939 гг.

Также можно указать, что приказы генерала Умэдзу Ёсидзиро, начальника Генерального штаба Японии, о формировании филиалов отряда 731, тексты которых приложены к делу, не содержат никаких ссылок на указы императора, хотя должны, именно на них основывается решение об их создании.

Таким образом, в распоряжении следствия имелись лишь показания военнопленных генералов Кадзицука Рюдзи и Кавасима Киоси, заявлявших, что они были ознакомлены с соответствующими указами Хирохито. Несмотря на прилагавшиеся усилия, МВД СССР так и не удалось найти тексты указов японского императора. Известно, что по своим каналам МИД также давало «соответствующие указания в Токио достать эти указы», но все усилия оказались напрасными.

Министерство иностранных дел СССР во главе с А. Я. Вышинским подготовило и направило ноту, где подводились итоги Хабаровского процесса и содержалось требование о предании суду ряда лиц, избежавших судебного преследования, но ответственных за подготовку бактериологического оружия и применения его на людях. Среди них назывались бывший начальник отряда 731 Исии Сиро и император Хирохито. Однако если с ролью генерала Исии в деятельности отряда 731 все было ясно, то в отношении императора необходимо было представить ясные и прямые доказательства его участия в создании отрядов по подготовке бактериологического оружия, которых, как было сказано выше, обнаружено не было.

На советскую ноту ответило лишь правительство образованной в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики. Со стороны Соединенных Штатов ответа не последовало.

Государственный департамент США выпустил заявление для печати, в котором не говорилось о судебном процессе в Хабаровске. В нем сообщалось лишь о том, что содержание врученной Государственному секретарю 1 февраля 1950 г. советской ноты сводится к предложению созвать в ближайшее время Международный военный суд, чтобы привлечь императора Японии и ряд бывших японских генералов по обвинению в преступлениях против человечества. В заявлении также указывалось, что предложение СССР носит политический характер и преследует цель отвлечь внимание мировой общественности от судьбы японских военнопленных.

По поводу судьбы Хирохито Госдепартамент указывал, что глава оккупационной администрации в Японии генерал Д. Макартур «не может принять никаких мер против японского императора без нового решения

Дальневосточной Комиссии. Эти факты известны Советскому правительству, которое могло бы в соответствии с нормальной процедурой внести в Дальневосточной Комиссии предложение с рекомендациями, содержащимися в его ноте. Тот факт, что Советское правительство не поступило так, но выдвинуло эти запоздалые обвинения сенсационным образом, вызывает естественные сомнения относительно настоящей цели, скрывающейся за советской нотой»[9].

Однако СССР не стал инициировать вопрос об организации международного суда в ДВК, как того требовала процедура, а продолжил направлять ноты. Конечно, можно увидеть в этом определенную политическую игру.

Действительно активизация этого вопроса в период обострения холодной войны, начавшейся Корейской войны и в период подготовки мирного договора с Японией, где позиции СССР и США категорически не совпадали, носила во многом политический характер. Кроме того, юридически доказать причастность Хирохито в личном участии в подготовке к биологической войне было затруднительно, как показывали и советские специалисты. Хотя все это, конечно, не изменяет того факта, что Хабаровский процесс впервые осветил преступления Японии в процессе не только по подготовке к такой войне (подобная подготовка проводилась многими странами), но и в страшных экспериментах над людьми, приведших к мучениям и смерти более чем 3 тыс. человек.

Все это вовсе не делает Хирохито полностью невиновным. Его вина состоит прежде всего в том, что он предпочитал не вмешиваться в политику Японии в войне, хотя мог это сделать, опираясь на свои полномочия. Если традиционное невмешательство императоров в политику в обычное время и в обычных войнах просто снимало с них ответственность за ошибки или символически прославляло при успехах, то в условиях Второй мировой войны невмешательство было преступным и косвенно возлагало на императора ответственность за преступления его страны.

Сам Хирохито не каялся в содеянном его страной. Весьма показательно обращение Хирохито от 15 августа 1945 г., где он призывает нацию к прекращению военных действий: «Мы объявили войну Америке и Британии, искренне желая обеспечить самосохранение Японии и стабильность в Восточной Азии, и мы не помышляли о том, чтобы нарушить суверенитет других наций или о территориальной экспансии».

Роль императора Хирохито в годы Второй мировой войны пока еще нельзя назвать полностью раскрытой. Хотя можно говорить о косвенной причастности императора к деяниям японских военных, трудно определить его прямую ответственность. Во всяком случае, японская сторона в ближайшее время вряд ли будет в этом заинтересована.

Примечания

[1] Конституция Японии 1889 г. // Японцы о Японии. СПБ., 1906. С. 533.
[2] *Носов М. Г.* США–Япония: оккупация, первый этап (1945–1947) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 12. С. 61.
[3] *Сигрейв П. и С.* Династия Ямато. М., 2005. С. 345.
[4] *Романова В. В. Шулатов Я. А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 305.
[5] *Сигрейв П. и С.* Указ. соч. С. 315.
[6] Там же. С. 339.
[7] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 110.
[8] Там же. С. 104.
[9] *Романова В. В. Шулатов Я. А.* Указ. соч. С. 309.

М. И. Романова,
кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета

Использование художественного кинематографа в изучении событий Второй мировой войны (на примере Войны на Тихом океане): проблемы формирования исторической памяти и восприятия образа войны у студентов-историков

Аннотация
Статья посвящена проблемам восприятия Второй мировой войны современными студентами, которые во многом определяются тем, что у молодого поколения потеряна коммуникация с данным событием в силу его отдаленности во времени. Вторая мировая война воспринимается как мифологизированный образ исторической памяти. Важную роль в формировании этого образа играет кинематограф. На примере фильмов, посвященных Войне на Тихом океане, предпринята попытка исследовать, как формируется восприятие образа войны у студентов.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Война на Тихом океане, кинематограф, образ войны, историческая память, мифологизация.

M. I. Romanova,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Pacific National University

The use of artistic cinematography in the study of the events of the Second World War (on the example of the Pacific War): problems of the formation of historical memory and perception of the image of the war among history students

Abstract
The article is devoted to the problems of perception of the Second World War by modern students. These problems are largely determined by the fact that the younger generation has lost communication with this event due to its remoteness in time. It is perceived as a mythologized image of historical memory. Cinema plays an important role in shaping this image. Using the example of films dedicated to the war in the Pacific Ocean, an attempt is made to investigate how students' perception of the image of war is formed.
Keywords: World War II, The War in the Pacific, cinematography, the image of war, historical memory, mythologization.

Вторая мировая война занимает особое место в исторической памяти нашего народа. Однако ее восприятие изменяется по мере его отдаленности во времени. Современное молодое поколение уже не осознает эти события как историческую реальность, затрагивающую непосредственно их жизнь, а воспринимает их как мифологизированный образ исторической памяти. Этот процесс закономерен, но степень соотношения мифа и правды в этом образе зависит от многих факторов, в том числе и от формирования критического мышления у молодого поколения и прежде всего у будущих профессионалов-историков.

Значительную роль в формировании мифологизированного образа войны играет художественный кинематограф. Как указывал Ю. М. Лотман: «Искусство помогает нам видеть привычные вещи в непривычном свете. Незнание языка, быта, стереотипов мышления чужой культуры превращает просмотр фильма в открытие нового мира»[1]. Именно поэтому представляется важным познакомить студентов с подходами и степенью мифологизации исторических событий в отечественных и зарубежных кинотекстах.

Для реализации этой задачи автором статьи был создан спецкурс «Историческая действительность в массмедиа», где, наряду с кинематографом, изучалась мифологизация истории в новостных, публицистических и просветительских передачах. В рамках авторского спецкурса была разработана методика

анализа степени, характера и тенденций мифологизации. События Второй мировой войны достаточно широко отражены в отечественном и мировом кинематографе. Однако их анализ связан с определенными трудностями, которые вытекают их следующих факторов: идеологизированная подача материала (в зависимости от эпохи), большая популярность у студентов зарубежного кинематографа (в силу высокого технического качества), неравномерность освещения важных событий Второй мировой войны в кино.

Последнее обстоятельство особенно ярко проявилось в изучении того, как показана в кинематографе Война на Тихом океане. Она получила яркое и неоднозначное отражение в японском кино. Данным событиям посвящены американские, китайские и небольшое количество корейских фильмов. И только отечественный кинематограф, к сожалению, практически не обращался к данной теме[2].

Результат не заставил себя ждать. Война на Тихом океане не воспринимается большинством студентов как часть Второй мировой войны с участием СССР. Зарубежный кинематограф формирует представление о ней как о событии, которое не имеет к нашей стране почти никакого отношения.

Самый большой интерес к этой теме проявил японский кинематограф. Первый фильм о Войне на Тихом океане «Крейсер, который вышел на сушу» появился еще в 1942 г., а последний «Персона нон Грата» – в 2015 г. Японцы показывают эти события как исключительно японо-американский конфликт, в котором они подчеркивают мужество и героизм японцев, а также трагедию атомной бомбардировки и бедствия японского народа. Но при этом американцы представлены в большинстве фильмов как достойные уважения противники. Эта темы особенно ярко освещены в таких талантливых фильмах как: «Хиросима» (1953), «Самый длинный день Японии» (1967), «Тора! Тора! Тора!» (1970), «Счастливого рождества, мистер Лоуренс» (1983), «Могила светлячков» (2005), «Атака на Перл-Харбор» (2011).

Для китайских кинематографистов Война на Тихом океане превращается в локальный японо-китайский конфликт 1937–1945 гг., в котором японцы показаны извергами и главными злодеями, а китайцы – жертвами их зверств и героическими борцами с японскими оккупантами. Иногда в этой борьбе китайцам помогают отдельные представители русских или американцев. Но в целом победа над Японией в первую очередь результат героических усилий самих китайцев. Именно такой посыл содержат китайские фильмы: «Любовные скорби Хуанхе» (1999), «Смерть и слава в Чандэ» (2010), «Вспоминая 1942 год» (2012), «Смертельная миссия» (2016), «Бомбардировка» (2018) и др.

Американский кинематограф рассматривает Войну на Тихом океане как столкновение европейской и азиатской систем ценностей в рамках американо-японского конфликта и безусловную победу европейской системы, несмотря на временные поражения и самурайскую стойкость японцев. Вместе с тем в американских фильмах прослеживаются две взаимоисключающие тенденции: прославление США как единственных и безусловных победителей в Войне на Тихом океане и одновременно осуждение не только милитаризма японцев, но и вмешательства американцев в военные конфликты. Фильмы различны по художественным достоинствам, но одинаково зрелищны. От психологически насыщенных драм: «Империя солнца» (1987), дилогии «Письма с Иводзимы» и «Флаги наших отцов» (2006), «По соображениям совести» (2016) – до антиисторического зрелищного фильма-аттракциона «Перл-Харбор» (2001).

Наконец, корейские кинематографисты так же, как и наши отечественные, не уделяют большого внимания Войне на Тихом океане. Для них важнее конфликт, разделивший Северную и Южную Корею. В немногочисленных фильмах о событиях войны противниками выступают японцы, а союзником у северных корейцев – СССР, правда, опять в лице отдельных солдат. Так, советско-северокорейский фильм «Утомленное солнце» (1988) посвящен подвигу советской радистки Марии Цукановой. Южнокорейское кино сосредотачивается, как и китайское, на бедствиях, причиняемых японцами (например, фильм «Кунхам: пограничный остров», 2017).

Такие подходы, особенно в отсутствие практически интереса к этой тематике со стороны отечественного кинематографа значительно усиливают процесс мифологизации Войны на Тихом океане, идеологизируя и искажая его в интересах каждой из сторон. Если трансформация представлений об основных событиях Великой Отечественной войны хоть как-то уравновешена наличием отечественных и зарубежных фильмов на сходную тематику (например, о Сталинграде) с показом разных точек зрения, на основе которых можно развивать критическое мышление и находить баланс между мифом и историей в массовом сознании, которое в определенной степени формируется этими фильмами, то с Войной на Тихом океане дело обстоит гораздо хуже. Подобный анализ применительно к этой войне связан с проблемами отсутствия серьезного интереса к ней не только со стороны кинематографа, но и со стороны исследователей и даже авторов учебников. По сути, картина американо-японского противостояния, трагического и благородного, представленная американским и японским кинематографом, стала определяющей для исторической памяти об этом событии даже в восприятии студентов-историков. А СССР, наряду с Китаем и Кореей, рассматриваются как статисты на этом поле битвы.

Примечания

[1] *Лотман Ю. М., Цивьян Ю.* Диалог с экраном. Таллинн, 1994. С. 144

[2] Есть только одна дилогия 1981–1982 гг. (реж. Ю. Иванчук и В. Исаков), где упомянуты и хоть как-то показаны события, связанные с войной на Тихом океане: «Приказ: огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу».

А. М. Филонов,
Председатель Приамурского географического общества

О применении Японией оружия массового поражения в войне против СССР

Аннотация
Рассматриваемая тема является «белым пятном» в истории Советского Союза и не раскрыта даже в военных энциклопедиях.
Япония с средины 1930-х годов и до конца Второй мировой войны совершала диверсии против СССР с применением отравляющих веществ и бактериологического оружия на советско-маньчжурской границе.
Преступные деяния японцев из секретных бактериологических отрядов были рассмотрены и юридически оценены на судебных процессах в Токио (1948) и Хабаровске (1949).
Ключевые слова: Вторая мировая война, Япония, Маньчжурия, Хабаровский процесс, бактериологическая война, биологическое оружие.

A. M. Filonov,
Chairman of the public organization Amur Geographical Society

On Japan's use of weapons of mass destruction in the war against the USSR

Abstract
The subject jf this article even up to now is a white spot in USSR history and not mentioned in the military encyclopedias.
Japanese troops in the period from mid-1930 to the end of World War II committed sabotage against the USSR with the use of bacteriological weapons and toxic substances on the Soviet-Manchurian border.
The criminal acts of the Japanese from secret bacteriological detachments were reviewed and legally evaluated at the Trials in Tokyo (1948) and Khabarovsk (1949).
Keywords: World War II, Japan, Manchuria, Khabarovsk Trial, bacteriological warfare, biological weapons.

Введение.

Перед Второй мировой войной фашистская Германия и империалистическая Япония тайно готовились применить биологическое оружие, что было вскрыто на Нюрнбергском (1946) и Хабаровском (1949) судебных процессах над военными преступниками. Особенно интенсивную подготовку вела Япония. Уже в 1935–1936 гг. на территории оккупированной Маньчжурии были созданы специальные лаборатории, а позднее в составе Квантунской армии – научно-исследовательские отряды, имевшие производственную базу, полигон и проводившие испытания биологических (бактериальных) средств на военнопленных и мирных жителях Китая.

В приговоре Хабаровского судебного процесса по делу двенадцати военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, были установлены и доказаны их преступления против советских войск, начиная с лета 1939 г. во время военного конфликта на р. Халхин-Гол и в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 г. С учетом виновности каждого подсудимые были привлечены к уголовной ответственности[1].

На основе архивных документов в статье показано неоднократное применение Японией бактериологического оружия против населения приграничных территорий СССР.

О фактах применения Японией отравляющих веществ и бактериологического оружия.

Бактериологическое (биологическое) оружие, наряду с ядерным и химическим, относят к оружию массового поражения. В Советской военной энциклопедии отмечено: «С 1939 года Япония в ряде случаев применяла биологическое оружие против китайской и монгольской армий. Планировалось также его применение и против СССР» (подчеркнуто мною. – *А.Ф.*)[2]

Однако достоверно известно о нескольких случаях применения биологического оружия против советской стороны. Японская военщина, ведя на советско-маньчжурской границе подрывную работу против Советского Союза, прибегала к самым варварским и изощренным приемам, вплоть до применения отравляющих веществ и биологического оружия

против советских войск и населения. География их применения обширна. В Дальневосточном крае это о. Даманский и восточная часть Амурской области; в Монголии – река Халхин-Гол; в Маньчжурии – реки Дербул и Аргунь и г. Ванъемяо.

Приморский край.

17 января 1935 г. колхозник пос. Нижне-Михайловка (участок Уссурийского погранотряда Хабаровского погранокруга) обнаружил против о. Даманский, в 10 м от советского берега на льду р. Уссури два следа, проложенные с маньчжурского берега к трем прорубям, находящимся в пользовании местного колхоза. Дно прорубей и лед вокруг них оказались посыпанными каким-то неизвестным химическим веществом, имеющим сероватый цвет.

Компетентными специалистами было установлено, что химическим составом до 15 кг поражена вся толща льда до воды. Лед, посыпанный этим порошком, имеет желтоватый оттенок.

В процессе проработки следов обнаружены еще две проруби, вырубленные неизвестными лицами и заваленные битым льдом и снегом. Цвет льда над выдолбленными прорубями имеет темный цвет и носит признаки применения какого-то химического вещества. Следы от прорубей идут по фарватеру, где сливаются с дорогой. Образцы химического вещества были направлены в Хабаровск на лабораторное исследование.

В результате исследования неизвестного вещества в нем были найдены углекислый кальций (CaCO3) и гидрат кальция (CaOH)[3].

Амурская область.

16 января 1937 г. в районе юго-восточной части села Константиновка Амурской области отравляющими веществами малой концентрации была поражена приграничная полоса протяженностью до 3 км. По показаниям пограничников, японский самолет, не нарушая границы по р. Амур, оставлял в воздухе след небольшого облака дыма[4]. Проверкой было установлено, что отравляющим веществом являлся хлор.

Кроме 7 человек пограничников и военнослужащих Красной армии, легкому отравлению подверглось до 50 местных жителей. Пострадавшим была оказана медицинская помощь.

Район р. Халхин-Гол (Монголия).

В книге «Особый отряд 731» автор Акияма Хироси – очевидец и соучастник чудовищных преступлений японской военщины описывает деятельность японского бактериологического отряда в Маньчжурии. Его книга подтверждает и дополняет факты, вскрытые на судебном процессе в Хабаровске в декабре 1949 г.

Акияма Хироси рассказывает, как в 1939 г. во время событий на Халхин-Голе под давлением мотомехчастей Красной армии японские войска были вынуждены отступать. При этом они стремились во что бы то ни стало удержать водоемы – источники водоснабжения. С целью вынудить противника к отступлению Управлению водоснабжения Квантунской армии было приказано заразить воду в верховьях реки Халхин-Гол, которая являлась главным источником для всего прилегающего к ней района, бактериями тифа, холеры и чумы. Это было смертельно опасное задание, при выполнении которого погибло более тридцати армейских и вольнонаемных врачей.

За успешное удержание водоемов Управление по водоснабжению и профилактике впервые в истории санитарных частей получило благодарность от командующего армией. Однако об обстоятельствах гибели военных врачей подробно не сообщалось. Было лишь объявлено, что погибло несколько человек[5].

После событий на Халхин-Голе, где Квантунской армии пришлось вести самые тяжелые в ее истории бои, командование стало придавать бактериологической войне очень серьезное значение.

Акияма Хироси рассказал также о действиях диверсионной группы в одной из маньчжурских деревень, которая условно была принята за расположение главных сил противника.

Переодетые диверсанты под покровом ночной темноты с корзинами, похожими на те, в которых обычно переносят голубей, проникают в деревню, находящуюся в «глубоком тылу противника». В корзинах зараженные чумой крысы с паразитирующими на них блохами. Укрываясь в тени построек и деревьев, диверсанты быстро открывают крышки корзин. Из корзины выпрыгивает одна крыса, за ней вторая, третья…

Через два-три дня в деревне появились первые больные чумой.

Применялись и другие способы заражения населения. Чумные бациллы помещали в пробирки, которые затем бросали в колодцы и водоемы. На обочинах дорог «теряли» автоматические ручки, в колпачки которых были помещены возбудители чумы. Переодевшись в платье китайских крестьян, члены диверсионных групп ходили по деревням и раздавали детям сладкие пирожки с «начинкой», то есть зараженные чумой. Особенно страшным является заражение колодцев. В Маньчжурии колодцы являются основным источником снабжения водой. В некоторых ее районах лишить население колодцев – все равно что вынести ему смертный приговор[6].

На Хабаровском процессе подсудимый Ниси Тосихидэ показал, что, когда его перевели из филиала на должность начальника отдела отряда № 731, он обнаружил в сейфе своего предшественника документы о применении бактериологического оружия на Халхин-Голе. Среди документов были негативы фотографий и список смертников, трупы которых были предназначены для заражения бактериями реки Халхин-Гол. Он лично видел секретный фильм, который был заснят на месте деятельности отряда Исии Сиро, присутствовавшего на просмотре этого фильма. Исии запретил демонстрацию последней части фильма, которая зафиксировала момент заражения местности. Именно за эту преступную операцию командующий 6-й армией генерал-лейтенант Огису Тэтэхэй 2 декабря 1939 г. объявил отряду благодар-

ность, которая 23 мая 1940 г. была опубликована в японских газетах (так маскировалась преступная диверсия. – *А.Ф.*)[7].

Бывший сотрудник отряда № 100 подсудимый Хирадзакура Дзенмаку подробно рассказал на суде, как по заданиям генерала Вакамацу направлялись специальные разведывательно-диверсионные группы в районы Трехречья и Хайлара для выполнения бактериологических диверсий против СССР и Монгольской Народной Республики[8].

Отрядом № 100 на протяжении ряда лет на границу СССР направлялись бактериологические группы, в состав которых входили подсудимые Хиразакура и Митомо. Эти группы проводили бактериологические диверсии против Советского Союза путём заражения пограничных водоёмов, в частности в районе Трёхречья.

Предварительным и судебным следствием было установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и этим ввергнуть человечество в пучину новых бедствий[9].

Диверсионные операции по массовому истреблению скота.

Летом 1942 г. по берегу реки Дэрбул, протекающей неподалеку от советско-маньчжурской границы, через заросли травы пробирались человек тридцать. Это были сотрудники Иппоэпизоотического управления Квантунской армии, то есть «Маньчжурского отряда 100»: офицеры, научно-исследовательские работники, технический персонал во главе с майором Мурамото.

Группа была сравнительно немногочисленной, однако имела довольно значительную поклажу: две большие надувные резиновые лодки, более десяти металлических сосудов с высокими стенками, большие саквояжи, стеклянные сосуды, бадьи и длинные черпаки. Сверху все это было укрыто брезентом.

Когда обе лодки удалились на такое расстояние, что канат, который связывал их с берегом, натянулся, сидевшие в них научные сотрудники стали погружать сосуды в воду, предварительно сняв крышки. В сосудах содержалось большое количество бактерий сапа.

Бывший служащий отряда 100 свидетельствует: «Официально эта операция носила название “Летние маневры 6-го отделения отряда 100”. Сотрудники отряда взяли тогда с собой 12 килограммов бактерий сапа. Судя по тому, что группа по возвращении доложила: эксперимент проведен, все 12 килограммов были посеяны в реку». О том, что вследствие этого произошло в нижнем течении реки, рядовым служащим отряда известно не было.

Подобного рода эксперименты – и более крупные, и более мелкие по масштабу – проводились отрядом 100 постоянно[10]. На Хабаровском судебном процессе в декабре 1949 г. главнокомандующий Квантунской армией Ямада Отодзо подтвердил, что изучались предложения о необходимости заражения в случае надобности водоёмов не только в районе Трехречья, но и в районе юго-восточнее озера Далай-Нур[11].

На этом же судебном процессе подсудимый Хиразакура рассказал: «Река Дэрбул была заражена на протяжении около 1 километра с интервалом приблизительно 100 метров; река и озёра заражались сапом, а земля – сибирской язвой»[12].

Подсудимые Хиразакура и Митомо также подтвердили, что в 1944 г. экспедицией отряда № 100 в районе Трехречья было вновь произведено заражение водоёмов на границе Советского Союза[13].

Маньчжурия, 1945 г.

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции (август – сентябрь 1945) на Забайкальском фронте важнейшей проблемой было обеспечение войск водой. В пустыне Гоби на направлении наступления главной группировки конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева водоисточники отравляли стрихнином и другими ядами не только отступающие японцы, но и их агентура. Одного японца удалось схватить, когда он травил хинином воду речки Хибин-Гол.

Несколько раз возле отравленных колодцев находили коробочки из-под яда и письма, составленные в высокопарном стиле, содержавшие угрозу, рассчитанную на запугивание монгольских воинов: «Через Гоби вам не пройти. Боги превратят колодцы пустыни в огненную смерть. Это говорю вам я, хубилган, потомок Дудэ – стремянного Джучи, сына Тимучина. Я – Тимур-Дудэ». В различных пунктах разведчики подобрали еще около десятка таких записок.

Только после задержания в месте диверсии одной из шаек хунхузов нашелся человек, которого разыскивали разведчики. И оказался он вовсе не тем, за кого себя выдавал. Никакой это не потомок Джучи и даже не монгол, а самый настоящий русский. Сын ротмистра Темирханова, служившего в личной охране царя. После разгрома Колчака он укрылся в Маньчжурии. Здесь его и завербовала японская разведка[14].

Бактериологическая атака в г. Ванемяо в сентябре 1945 г.

Несколько десятилетий были засекречены сведения об одной из первых серьезных попыток Японии использовать свой арсенал бактериологического оружия против советских войск в городе Ванемяо на северо-западе Маньчжурии.

Сентябрьской ночью 1945 г. командующий Забайкальским фронтом маршал Р. Я. Малиновский, успешно завершивший Хингано-Мукденскую операцию, доложил из своей чанчуньской ставки в Кремль: «Товарищ Сталин, в городе Ванемяо, определенном нами как основной отправной пункт возвращения войск на Родину, чума. Помимо сорока тысяч местных жителей здесь по решению ГКО в лагерях сконцентрировано для отправки около четырехсот тысяч военнопленных, сотни эшелонов с трофеями. Чума заброшена из тайника 731-го японского объекта бактериологического оружия».

Верховный главнокомандующий распорядился локализовать и обуздать эпидемию, а всю информацию о вспышке засекретить.

В первую же ночь, как вспоминали члены пикетов, из города на них пошли вереницы китайцев. У многих уже были явные признаки болезни. Люди умоляли пропустить их, но отозваться на мольбы – значило выпустить эпидемию из-под контроля. Не помогали призывы местных медиков, звучавшие через рупоры, вернуться домой и заверения о том, что именно там их спасение: люди буквально лезли на автоматы, пытаясь прорвать живое кольцо и дополнительные пикеты… И над их головами понеслись пули…

Но вернувшихся в город (точнее – возвращенных автоматными очередями) уже на рассвете встретили на улицах советские врачи. Облаченные в защитные костюмы, они начали всеобщую вакцинацию населения и пленных, смело шли в зараженные кварталы, даже в семьи, в которых уже видели на телах язвы бубонной чумы.

Еще через два дня Ванемяо был засыпан хлорной известью, а на каждом углу и перекрестке стояли автоматчики в противоипритных костюмах: они уничтожали бродячих животных, контролировали людей, пытавшихся перебегать от фанзы к фанзе. Угроза применения оружия заставила несчастных покориться, хотя никто не верил в спасение. А медики и военные продолжали гасить очаг эпидемии.

Спустя три недели блокада была снята. Чума унесла жизни меньше ста человек. Среди советских воинов никто не заболел. Все медики были удостоены боевых наград[15].

Заключение.

Советский Союз и его вооруженные силы сорвали преступные замыслы правящей клики империалистической Японии по развязыванию бактериологической войны.

Вступив на территорию Маньчжурии, советские войска нанесли стремительный парализующий противника удар, в кратчайшие сроки разгромили главную военную силу Японии – Квантунскую армию и принудили империалистическую Японию к безоговорочной капитуляции.

Примечания

[1] См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. С. 525, 534–536.

[2] Советская военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 1. С. 471.

[3] См.: Сообщение Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД в НКИД о нарушении государственной границы в районе о. Даманский и провокационных действиях нарушителей. 28 января 1935 г. // Пограничные войска СССР. 1929–1938: Сб. док. М.: Наука, 1972. С. 445.

[4] См.: Сообщение Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД в инстанции о рассеивании японским самолетом хлора и легком отравлении красноармейцев и местных жителей. 19 января 1937 г. // Пограничные войска СССР. 1929–1938: Сб. док. М.: Наука. 1972. С. 539.

[5] См.: *Акияма Х.* Особый отряд 731. М., 1958. С. 23–24, 46 (URL: amyatishkin@mail. ru militera.lib.ru.).

[6] См.: *Акияма Х.* Особый отряд 731. М., 1958. С. 23–24, 46.

[7] См.: *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юрид. лит., 1985. С. 165.

[8] Там же. С. 162.

[9] См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии… С. 530–531.

[10] См.: *Моримура С.* Кухня дьявола. М.: Прогресс, 1983. С. 108–110 (URL: http://www.x-libri.ru/).

[11] См.: *Звягинцев А. Г.* Апокалипсис по-японски. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 65.

[12] Там же. С. 71–72, 104.

[13] Там же. С. 104.

[14] См.: *Плиев И. А.* Конец Квантунской армии. Записки командующего Конно-механизированной группой советско-монгольских войск. 2-е изд. Орджоникидзе, 1969. С. 57, 72, 86, 92, 149.

[15] См.: *Клева А.* Тайна отряда № 731 // 100 великих тайн Второй мировой. М.: Вече, 2008. С. 401–406.

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в учебно-воспитательном пространстве педагогического вуза, колледжа, школы»

Аннотация

Помимо преступлений нацистской Германии не менее важным является изучение истории преступлений против человечности и преступных планов военных и должностных лиц милитаристской Японии в годы Второй мировой войны. Японские военные преступники были приверженцами теории превосходства своей расы не меньше, чем гитлеровцы. Чудовищные эксперименты над людьми проводились в течение нескольких лет во время Второй мировой войны, погибли десятки тысяч граждан Советского Союза, Китая, Кореи. Поэтому Хабаровский процесс 1949 года по праву занимает в истории место, сопоставимое с Нюрнбергским процессом. Однако эта страница истории часто несправедливо забывается.

Специальная тематическая площадка посвящена анализу вектора методической, воспитательной и просветительской деятельности педагогического сообщества, направленной на формирование у обучающихся концептуальных представлений о Хабаровском процессе, преступных планах и военных преступлениях японских милитаристов, а также на включение истории Хабаровского процесса в проект «Без срока давности».

В ходе дискуссии были рассмотрены формы и методы патриотического воспитания молодого поколения в условиях информационного противостояния и попыток пересмотра итогов Второй мировой войны.

Участниками площадки стали преподаватели и научные сотрудники педагогических вузов Российской Федерации, учителя, представители родительского сообщества, студенты педагогических вузов и педагогических колледжей, обучающиеся общеобразовательных организаций.

С. С. Кравцов,
Министр просвещения Российской Федерации

Приветствие участникам Форума – членам Ассоциации развития педагогических университетов и институтов

S. S. Kravtsov,
Minister of Education of the Russian Federation

Greetings to the Forum participants – members of the Association for the Development of Pedagogical Universities and Institutes

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать всех участников выездного заседания Ассоциации развития педагогических университетов и институтов, которое проходит в рамках Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы»! Форум посвящен одной из относительно малоизвестных страниц Второй мировой войны – Хабаровскому процессу 1949 года, который поставил в ней точку, а также приурочен к 75-летию международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийского трибунала), проходившего в 1946–1948 гг.

Сегодня на этой площадке собрались не только представители вузовского и экспертного сообществ, но также те, кто вносит колоссальный вклад в развитие отечественной системы образования – уважаемые педагоги и родители. Только так, в формате прямого диалога, мы можем обсудить наиболее актуальные вопросы системы образования, совместно принимать решения для того, чтобы вывести российскую педагогику на совершенно новый уровень.

Наш приоритет – создание единого образовательного пространства, целостной системы, которая предоставит каждому педагогу возможность профессиональной подготовки и развития, а обучающимся по всей стране – шанс найти свое призвание, самореализоваться и раскрыть потенциал. При этом во главе этой системы был и остается Учитель.

Ключевую роль в реализации этой миссии вправе занять сеть федеральных педагогических университетов, т.к. каждый институт не только включен в общефедеральную глобальную программу поддержки педагогической школы, но также имеет собственную программу развития, сильную и динамичную.

Важной составляющей работы педагога является патриотическое воспитание подрастающего поколения, формирование гражданской идентичности, чувства сопричастности с судьбой Родины, сохранение памяти об исторических событиях Отечества.

И именно в этих вопросах огромная благодарность Ассоциации развития педагогических университетов и институтов, эксперты которой более 20 лет вносят существенный вклад в формирование единых подходов гуманитарного образования и профессиональной подготовки.

Мы не должны допустить, чтобы в угоду каким-то тенденциям, политическим настроениям менялись история, историческая память, факты, которые свидетельствуют, как проходила война. К сожалению, такие попытки есть, и мы никогда не допустим, чтобы эти попытки реализовались. Крайне важно, чтобы в системе образования, учебниках и программах сохранялась правда о подвиге народа. В этом ключе одним из самых ярких проектов, который вовлекает все больше и больше ребят в изучение истории своей страны, сохранение памяти о трагедии Великой Отечественной войны, является проект «Без срока давности». И Хабаровский процесс, который сегодня обсуждается здесь на этих площадках, – одна из частичек истории, которую нельзя забыть.

Именно в ходе Хабаровского процесса стало известно о зловещих планах милитаристской Японии как союзника Германии по ведению войны против СССР. На нем впервые мир узнал о готовящейся бактериологической войне, которую предотвратило стремительное наступление Красной армии в Маньчжурии. Таким образом, через обращение к теме Хабаровского процесса возможно создать объективный и логичный инструментарий понимания роли СССР в Победе во Второй мировой войне и спасении мира от новой смертельной угрозы.

Благодарю вас за тот вклад, ту системообразующую роль, которую играет Ассоциация в развитии и реализации проекта по сохранению исторической памяти, позволяя молодежи прикоснуться не просто к формальным данным, но и к содержательной части российской истории. Это возможно благодаря организации различных мероприятий, обсуждения хода истории на конференциях, круглых столах, вебинарах. Особую значимость проект имеет для педагогической

деятельности, для будущих учителей, которым предстоит донести истинное знание до тысяч школьников страны и мира.

Уверен, что итоги совместного диалога помогут найти правильные решения для укрепления будущего российской педагогической школы.

Н. Ю. Склярова,
кандидат педагогических наук, проректор Московского педагогического государственного университета, советник министра Министерства просвещения РФ, Ассоциация развития педагогических университетов и институтов

Роль Ассоциации развития педагогических университетов и институтов в реализации проекта «Без срока давности»

Аннотация
Автор статьи показывает роль и значение Ассоциации развития педагогических университетов и институтов (АРПУИ) в реализации Всероссийского проекта «Без срока давности». Проект нацелен на формирование у современной молодежи патриотизма, чувства гордости за подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне. Постоянными участниками и организаторами форумов, конференций, круглых столов, выставок и других мероприятий в рамках проекта являются вузы – члены АРПУИ.
Ключевые слова: Ассоциация развития педагогических университетов и институтов, Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», патриотическое воспитание, историческая память.

N. Y. Sklyarova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Adviser to the Minister of Ministry of Education of the Russian Federation, Association for the Development of Pedagogical Sciences universities and Institutes

The role of ARPUI in the implementation of the Project «No Statute of Limitations»

Abstract
The author of the article describes the significance of the Association for the Development of Pedagogical Universities and Institutes (ARPUI) in the implementation of the All-Russian «No Statute of Limitations» Project, of the Ministry of Education of Russia. The project is aimed at the formation of patriotism among modern youth, a sense of pride in the feat of our people in the Great Patriotic War. Universities, members of ARPUI, are permanent participants, organizers of forums, conferences, round tables, exhibitions and other events within the framework of the project.
Keywords: Association for the Development of Pedagogical Universities and Institutes, the Great Patriotic War, «No Statute of Limitations» Project, patriotic education, historical memory.

Всероссийский проект «Без срока давности: трагедия мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны» – это мощное общероссийское движение, действенное средство патриотического воспитания граждан Российской Федерации[1]. Сохранение исторической памяти – важнейшая задача, стоящая перед научным и педагогическим сообществом России. Ассоциация развития педагогических университетов и институтов играет системообразующую роль в развитии проекта, рассматривая его как эффективный инструмент формирования у школьников и молодежи, будущих педагогов, патриотизма и гордости за великий подвиг нашего народа.

АРПУИ была создана в 2000 г. для объединения усилий педагогических вузов в развитии непрерывного педагогического образования в стране[2]. Приоритетным направлением деятельности Ассоциации является формирование единого образовательного пространства, соединяющего все уровни образования (общее, среднее профессиональное, высшее) и дополнительное образование, достижение целевых показателей национального проекта «Образо-

вание». На сегодняшний день АРПУИ объединяет 67 университетов и институтов, как педагогических, так и классических.

Основными задачами Ассоциации являются развитие механизма преемственности всех уровней педагогического образования, объединение фундаментальной, теоретической подготовки с практикой, повышение степени вовлеченности студентов в школьное образование, поддержка вновь зарождающейся системы наставничества.

Работа педагога напрямую связана с воспитанием, просвещением подрастающего поколения, формированием гражданской идентичности и сохранением памяти об исторических событиях Отечества. Именно эксперты Ассоциации развития педагогических университетов и институтов более 20 лет вносят существенный вклад в формирование единых подходов гуманитарного образования и профессиональной подготовки.

С 2019 г. Ассоциация активно включилась в реализацию проекта «Без срока давности». Используя платформу Ассоциации, мы смогли не просто поддержать проект, а продемонстрировать стремление педагогического сообщества в лице преподавателей и студентов педагогических вузов сохранить историческую справедливость в оценках подвига и трагедии советского народа в годы Великой Отечественной войны.

В 2020 г. в рамках проекта «Без срока давности» АРПУИ и МПГУ совместно с Администрацией Президента Российской Федерации, Россотрудничеством, Общероссийским народным фронтом, Поисковым движением России, Российским историческим обществом провели 7 круглых столов в Москве и регионах РФ: Республика Крым, Ростов-на-Дону, Калининград, Тула, Томск, Анапа.

Членами АРПУИ проводится серьезная исследовательская работа, что позволило вузам включиться в работу международного научно-практического форума «Уроки Нюрнберга», который прошел в ноябре 2020 г. в Музее Победы и был приурочен к 75-летию вынесения приговора нацистским преступникам Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

На площадке форума, организованной и проведенной МПГУ, выступил министр просвещения России С. С. Кравцов. Он раскрыл основные тенденции и перспективы развития системы воспитания в связи с изменениями, внесенными в закон «Об образовании в Российской Федерации»[3]. Министр отметил, что в принятых изменениях большое внимание уделяется вопросу развития системы воспитания подрастающего поколения, формированию позиции гражданина и патриота своей страны, основанных на знании истории своей Родины, ее прошлого и настоящего, воспитании уважения к историческому наследию, к памяти защитников Отечества.

Вузы АРПУИ являются постоянными участниками, а также организаторами проведения форумов, конференций, круглых столов, семинаров и других мероприятий системы воспитания подрастающего поколения России. На этих встречах участники делятся своим опытом и новациями по реализации в том числе и Всероссийского проекта «Без срока давности», использованию его потенциала в сфере патриотического воспитания школьников и молодежи.

Перечислим лишь некоторые значимые мероприятия дорожной карты Министерства просвещения Российской Федерации по реализации Всероссийского проекта «Без срока давности».

В декабре 2020 г. прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории и методики обучения истории и обществознанию: без срока давности», организаторами которой стали Псковский государственный университет, Музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Белорусский государственный университет.

27 января 2021 г., в День воинской славы России – День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, – в рамках международного медиапроекта «Свидание с Россией» в дистанционном формате прошел «Урок мужества. Подвиг блокадного Ленинграда», в ходе которого зафиксировано более 31 млн точек подключения к данному мероприятию не только в России, но и во всем мире.

В рамках реализации проекта «Без срока давности» МПГУ и вузами-членами Ассоциации были проведены следующие мероприятия:

– создание и экспонирование в режиме онлайн-выставки «Всероссийский проект «Без срока давности» и патриотическое воспитание студенчества»;

– трансляция выставочного библиотечного онлайн-проекта «Нюрнбергский набат. Без срока давности»;

– итоговая конференция просветительского проекта «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. глазами наших студентов»;

– молодежный форум «Без срока давности: трагедия мирных жителей в годы Великой Отечественной войны»;

– стратегическая сессия «Всероссийский проект «Без срока давности. Историческая память о геноциде мирного населения в годы Великой Отечественной войны в образовательном пространстве России»;

– урок истории «Нюрнбергский процесс» в общеобразовательных организациях;

– круглый стол «Геноцид народов: трагедия эпохи Второй мировой войны»;

– историко-художественные выставки «Человек и война. Нерассказанная история» и «Нюрнбергский набат. Без срока давности».

АРПУИ оказывает поддержку акции Министерства просвещения РФ «Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»[4]. Конкурс объединил участников разных регионов России и стран мира. В 2021 г. в нем приняли участие все без исключения регионы РФ, количество участников увеличилось в разы по сравнению с 2020 г.

С 7 по 9 мая 2021 г. прошли торжественные мероприятия, в том числе церемония награждения победи-

телей и финалистов конкурса, педагогов-наставников, победителей проекта онлайн-школы «Медиаволонтеры проекта «Без срока давности» в Музее Победы на Поклонной горе. Прошел Экспертный форум педагогического сообщества, на котором учителя обсудили проблемы и перспективы развития Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности», выразили готовность к его продолжению как важнейшей части сохранения исторической памяти о трагедии мирного населения СССР.

Сегодня АРПУИ в числе организаторов и участников Международного научно-практического форума «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы», посвящённого сохранению исторической правды о Дальневосточной Победе Красной армии во Второй мировой войне. Задача Форума выработать консолидированную позицию по ключевым историческим ценностям современного российского общества; проанализировать и сформировать вектор научной, методической, воспитательной и просветительской деятельности педагогического сообщества, направленной на формирование у обучающихся концептуальных представлений о Хабаровском процессе, военных преступлениях и преступных планах японских милитаристов, включение истории Хабаровского процесса в проект «Без срока давности».

Министерством просвещения РФ совместно с Ассоциацией организована работа тематической площадки «Хабаровский процесс в учебно-воспитательном пространстве педагогического вуза, колледжа, школы».

Работа площадки ориентирована на установление тесной связи педагогического сообщества с участниками проекта «Без срока давности», научными, образовательными, просветительскими учреждениями, общественными организациями патриотической направленности, родительским и учительским сообществами. Министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов подчеркнул, что нельзя допустить фальсификации истории, искажения исторических фактов о Великой Отечественной войне в угоду политическим настроениям; важно, чтобы в системе образования, учебниках и программах сохранялась правда о подвиге народа.

Работа тематической площадки была организована в разнообразных формах, что способствовало выявлению специфики реализации проекта «Без срока давности» и его неотъемлемой составляющей – истории Хабаровского процесса в учебно-воспитательном пространстве педагогического вуза, колледжа, школы.

Сессия «Учебно-методические, воспитательные и просветительские аспекты изучения Хабаровского процесса в образовательной организации» была посвящена обсуждению вопросов формирования единых подходов к гуманитарному образованию школьников и студентов педагогических направлений подготовки на примере изучения истории Хабаровского процесса 1949 г.

В ходе работы сессии «Роль исторического наследия Хабаровского процесса в реализации проекта «Без срока давности» в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе» состоялась дискуссия, которая позволила представить промежуточные результаты реализации Всероссийского проекта «Без срока давности» в регионах страны, продемонстрировала связь событий Великой Отечественной войны на восточных и западных рубежах СССР.

На площадке АРПУИ работал методический коллоквиум и педагогическая лаборатория «Хабаровский процесс в зеркале мировой истории и современности». Участники получили практические материалы для использования их в образовательном процессе, обменялись опытом проектной деятельности и проведения исследований.

Названные мероприятия демонстрируют активное противодействие профессионального педагогического сообщества попыткам пересмотра и умышленного искажения истории, стремление последовательно добиваться неизменности объективного и научно обоснованного подхода к содержанию школьного курса истории. В нем значимое место должен занимать анализ преступлений нацистов и их пособников против народов мира, в том числе, против советского народа, преступлений, не имеющих срока давности.

Смена поколений и уход последних свидетелей и участников войны ставит перед педагогическим сообществом, перед АРПУИ новую задачу выработки комплексных адаптированных подходов к преподаванию для школьников и студентов базовых аспектов сохранения исторической памяти о войне. Вузы и школы, академическое, краеведческое и поисковое сообщество имеют уникальный опыт сохранения памяти о войне, который с использованием наработок проекта «Без срока давности» может привнести заметные дополнения в образовательную систему страны.

Таким образом, важной задачей, стоящей перед АРПУИ, является внедрение, распространение и организационно-методическое сопровождение проектов патриотического воспитания молодежи, направленных на формирование российской гражданской идентичности и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации.

Примечания

[1] Федеральный проект «Без срока давности»: портал. URL: Безсрокадавности.рф.

[2] Ассоциация развития педагогических университетов и институтов (АРПУИ): офиц. сайт. URL: arpui.su/.

[3] ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. 6 февр. 2020 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo. gov.ru. 30 декабря 2012 г.

[4] Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности»: Метод. реком. по оценке конкурсных работ обучающихся. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/32cfa5429effc4cba 1cd77e53a86cdf4/.

Т. В. Филиппова,
Псковский государственный университет

Анализ содержания учебников по теме «Разгром Квантунской армии Японии. Хабаровский процесс» как ориентир подготовки будущих учителей истории

Аннотация

Цель исследования заключалась в проведении сравнительного анализа содержания учебников по данной теме, используемых для подготовки бакалавров в образовательном процессе Псковского государственного университета. Не ограничиваясь анализом учебников по истории России и всеобщей истории, автор предлагает методические рекомендации для подготовки будущих учителей истории по заявленной теме.

Ключевые слова: Хабаровский процесс, Квантунская армия, Нюрнбергский трибунал, Токийский процесс, учебник, учитель истории.

T. V. Filippova,
Pskov State University

Analysis of the content of the textbooks on the topic «The death of the Japanese Kwantun army. Khabarovsky process» as a reference point for the training of future history teachers

Abstract

The purpose of the study was to conduct a comparative analysis of the characteristics of the defeat of the Kwantung army of Japan. Khabarovsk process, presented in textbooks on the history of Russia and universal history, used for the preparation of bachelors in the educational process of Pskov State University. The author do not limit to the analysis of textbooks, offers methodological recommendations for the training of future history teachers on the stated topic.

Keywords: Khabarovsk Trial, Kwantung army, Nuremberg tribunal, Tokyo Trial, textbook, teacher of history.

Одним из итогов Второй мировой войны стали крупные международные военные трибуналы, осудившие немецких и японских военных преступников. По своему политико-правовому значению заслуживает внимания и Хабаровский судебный процесс.

В ходе Хабаровского процесса были получены доказательства преступлений военнослужащих японской Квантунской армии против мира и человечества, осуждены японские военнослужащие за участие в разработке и применении бактериологического оружия.

Мы поставили своей целью провести сравнительный анализ информации по теме «Разгром Квантунской армии Японии. Хабаровский процесс», представленной в новейших вузовских учебниках по истории России и по всеобщей истории, и выработать методические рекомендации для подготовки будущего учителя истории.

Пленков О. Ю. Новейшая история стран Европы и Америки: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015. 398 с.

Дата вступления СССР в войну против Японии Разгром Квантунской армии Японии Дата капитуляция Японии	2 сентября 1945 г. на борту американского крейсера «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии. Советский Союз претендовал на остров Хоккайдо в качестве собственной зоны оккупации, но ему отказали.
Нюрнбергский трибунал	Войну окончательно завершил Нюрнбергский трибунал, проходивший с 20 ноября 1945 г. до 1 октября 1946 г., над главными нацистскими преступниками. Во время Нюрнбергского трибунала советская сторона наложила вето на обсуждение следующих вопросов: 1) отношение СССР к Версальскому договору; 2) визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г.; 3) советский пакт о ненападении с Германией;

	4) общественно-политический строй в СССР; 5) прибалтийские республики; 6) обмен немецкого населения Латвии, Литвы, Эстонии; 7) проливы; 8) Балканы; 9) Польша.
Токийский процесс	—
Хабаровский процесс	После основного процесса в Нюрнберге прошло еще несколько процессов, но они, строго говоря, не были международными.

Фортунатов В. В. История: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. СПб.: Питер, 2017. 464 с.

Дата вступления СССР в войну против Японии. Разгром Квантунской армии Японии. Дата капитуляция Японии	9 августа 1945 г. Советский Союз, верный своим обязательствам, вступил в войну с Японией. В течении трех недель были проведены Маньчжурская стратегическая, Сахалинская тактическая и Курильская десантная операция. Советская армия разгромила крупные японские силы. В Северо-Восточном Китае, в Маньчжурии в плен попала почти вся Квантунская армия. Советские войска освободили от японцев Южный Сахалин и Курильские острова. 2 сентября 1945 г. японцы подписали безоговорочную капитуляцию. Вторая мировая война закончилась.
Нюрнбергский трибунал	В ходе Нюрнбергского судебного процесса (1945–1946 гг.) над главными нацистскими военными преступниками, были разоблачены сущность германского фашизма, его планы уничтожения целых государств и народов, впервые в истории агрессия была признана тягчайшим преступлением против человечества.
Токийский процесс	Результатом Токийского судебного процесса над главными японскими военными преступниками (1946–1948 гг.) стало разоблачение экспансионистских замыслов и агрессивных устремлений японских милитаристов.
Хабаровский процесс	—

Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время: учебник для вузов. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009. 512 с.

Дата вступления СССР в войну против Японии. Разгром Квантунской армии Японии. Дата капитуляция Японии	Советский Союз в марте 1945 г. денонсировал договор с Японией о ненападении и выполняя свои обязательства перед союзниками принятые на Крымской встрече, после переброски войск на восток 9 августа 1945 г. начал боевые действия против Квантунской армии. Она была разгромлена в короткие сроки, и уже 14 августа император был вынужден объявить о безоговорочной капитуляции Японии. Акт о капитуляции был подписан 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури».
Нюрнбергский трибунал	—
Токийский процесс	—
Хабаровский процесс	—

Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. В 2 кн. Кн. 2: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям 020700 «История» и 032600 «История» / под ред. Э. М. Щагина. 2-е изд., испр. и доп. М.: ВЛАДОС, 2008. 560 с.

Дата вступления СССР в войну против Японии Разгром Квантунской армии Японии Дата капитуляция Японии	Выполняя союзнические обязательства, взятые перед США и Великобританией, а также в целях обеспечения безопасности своих дальневосточных границ, СССР в ночь на 9 августа 1945 г. вступил в войну против Японии, что явилось логическим продолжением Великой Отечественной войны. Несмотря на поражения от союзных англо-американских войск, Япония продолжала оставаться достаточно мощной военной силой. Императорская армия насчитывала в общей сложности до 6 млн человек, 10 тыс. самолетов и 500 боевых кораблей. Важнейшим звеном японской обороны являлись укрепрайоны Квантунской армии, дислоцированной на территории оккупированной Маньчжурии (Северо-Восточный Китай). План боевых действий против Красной армии под кодовым названием «Кантокуэн» (особые маневры Квантунской армии) в 1941–1943 гг. постоянно уточнялся с изменением ситуации на советско-германском фронте. Япония так и не решилась напасть на СССР после начала Великой Отечественной войны. Однако она многократно совершала провокации на границах, задерживала или топила советские суда в открытом море. Тем самым затруднялись поставки Советскому Союзу военной техники и снаряжения из США по ленд-лизу. СССР не мог остаться безучастным к ситуации у своих дальневосточных границ, тем более что Япония была союзницей нацистской Германии во Второй мировой войне. Целью Маньчжурской стратегической операции являлся разгром японской Квантунской армии, освобождение Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Северной Кореи и завершение совместно с союзниками Второй мировой войны. Операция проводилась на огромном фронте до 2700 км и на 800 км в глубину в условиях пустынно-степной, горной или таежноболотной местности с многочисленными реками и другими естественными преградами. Японское командование выстроило многополосную оборону и рассчитывало оказать упорное сопротивление советским войскам. Вдоль границ с СССР имелось 17 укрепрайонов. Для проведения операции советское командование перебросило с запада на Дальний Восток более 400 тыс. войск, 2 тыс. танков, 7 тыс. орудий и минометов и другую технику. Для этого было задействовано 136 тыс. железнодорожных составов.

	Вместе с находившимися на Дальнем Востоке войсками они составили три фронта: Забайкальский (маршал Р. Малиновский), 1-й Дальневосточный (маршал К. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М. Пуркаев). К проведению операции привлекались также силы Тихоокеанского флота (командующий адмирал И. Юмашев) и Амурской военной флотилии. Общее руководство группировкой войск осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (маршал А. Василевский). Монгольскими войсками, участвовавшими в операции, руководил маршал МНР Х. Чойбалсан. Действия сил ВМФ и ВВС координировали адмирал Н. Кузнецов и главный маршал авиации А. Новиков. Войска насчитывали 1,6 млн человек, 9,6 тыс. орудий и минометов, около 5,3 тыс. танков и САУ, 5,2 тыс. самолетов и 93 корабля. Японская армия в Маньчжурии (командующий генерал О. Ямада) имела в своем составе около 1 млн человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов и представляла собой в обороне серьезную силу. А. Василевский главную ставку делал на скрытность подготовки и внезапность удара. 9 августа ударные группировки фронтов одновременно перешли в наступление с территории МНР и Забайкалья на хингано-мукденском направлении, из Приамурья – на сунгарийском и из Приморья – на харбино-гиринском направлении. Продвижение войск осуществлялось высокими темпами. Особенно стремительно наступали войска Забайкальского фронта. Уже 12 августа соединения 6-й гвардейской армии преодолели Большой Хинган и устремились к ключевым центрам Маньчжурии – Чанчуню и Мукдену. Навстречу Забайкальскому фронту наступали ударные части 1-го Дальневосточного фронта. Среднесуточный темп продвижения советских сил составлял от 30 до 82 км. В ходе наступления сухопутные войска тесно взаимодействовали с кораблями Тихоокеанского флота. С их помощью был успешно осуществлен ряд десантных операций в портах Северной Кореи – Юкки, Расин, Сейсин и других. Особенно ожесточенные и кровопролитные схватки развернулись за порт Сейсин – укрепленную с моря и оборудованную в инженерном отношении военно-морскую базу японского флота. Первая волна советских десантников (около 200 человек) смогла захватить лишь небольшой плацдарм на побережье. Японцы провели мощную контратаку, которая едва не достигла успеха. Лишь мужество советских морских пехотинцев спасло положение. Бои продолжались здесь еще несколько дней. Но в конечном итоге Сейсин был освобожден. Японскому командованию так и не удалось эвакуировать на территорию метрополии сколько-нибудь значительные контингенты войск. В свою очередь американские экспедиционные силы начали высадку в Южной Корее. 18 августа было принято решение о разграничении зоны ответственности Вооруженных Сил СССР и США в Корее по 38-й параллели. Высокие темпы продвижения советских и монгольских войск в центральной части Маньчжурии поставили японское командование в безвыходное положение. Сопротивление Квантунской армии было сломлено. Многие ее части попали в окружение и утратили боеспособность. В этой критической ситуации японское правительство 14 августа приняло решение о капитуляции на условиях Потсдамской декларации и уведомило об этом правительства США, СССР и Англии. Однако, как показали дальнейшие события, практические действия командования Квантунской армии противоречили заявлению японского политического руководства. Императорская армия, прекратив сопротивление против англо-американских войск, продолжала сражаться против соединений Красной армии. В связи с этим Генштаб вынужден был выступить со специальным разъяснением, в котором подчеркивалось, что советские войска будут продолжать наступление, пока противостоящие им японские силы не сложат оружия. Наступление Красной армии стремительно развивалось, и к 20 августа разгром Квантунской армии был практически завершен. Началась массовая капитуляция японских войск. Стоит отметить, что большое значение в быстрейшем захвате важнейших стратегических пунктов на территории Китая имели воздушные десанты советских войск в таких экономических центрах, как Харбин, Чанчунь, Мукден, а также в морских портах на побережье Тихого океана – Дайрене и Порт-Артуре. В связи с успехом в Маньчжурии 2-й Дальневосточный фронт частью сил перешел в наступление на Сахалине. Южно-Сахалинскую операцию осуществили соединения 56-го корпуса 16-й армии во взаимодействии с Тихоокеанским флотом. Особенно сильные бои развернулись во время прорыва укрепленного рубежа в районе Контон, где оборонялись части японской 88-й пехотной дивизии. Советским бойцам пришлось брать штурмом многочисленные железобетонные сооружения противника. Тяжелый бой длился трое суток. После прорыва контонского рубежа части 56-го корпуса двинулись далее на юг. К полудню 25 августа японские вооруженные силы на Южном Сахалине прекратили организованное сопротивление и капитулировали. Заключительным этапом войны против Японии явилась Курильская десантная операция, проведенная частью сил 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота. Она началась в ночь с 16 на 17 августа с высадки советского морского десанта на острове Шумшу – самом северном в Курильской гряде. Здесь японцы обладали мощной системой береговой обороны. Все участки возможной высадки были пристреляны огнем артиллерии. Сражение за Шумшу продолжалось несколько дней и было кровопролитным. Первая волна советских десантников оказалась под перекрестным обстрелом и не смогла продвинуться вперед. Потребовались дополнительные подкрепления и организованный огонь по японским позициям. В том бою мужество и героизм проявили как пехотинцы, так и военные моряки. Некоторые корабли Тихоокеанского флота, несмотря на пробоины, продолжали поддерживать огнем своих орудий советских десантников. Многие раненые моряки оставались на своем посту. Японцы не выдержали натиска и отступили. Вскоре гарнизон острова Шумшу капитулировал. Таким образом, был утрачен ключевой узел обороны Курильской гряды, за которым последовала капитуляция гарнизонов остальных островов. В период с 18 августа по 4 сентября все они были очищены от противника; в плен сдались до 50 тыс. японских солдат и офицеров. Действия советских войск в Маньчжурской операции отличались боевой дерзостью и смелостью. Так, десант из 200 человек во главе с генералом В. Ивановым неожиданно высадился на аэродроме Чанчунь, где расположился 25-тысячный японский гарнизон, который после трудных переговоров капитулировал. Не все в Маньчжурской операции проходило успешно. Имел место случай бомбардировки нашей авиацией своих войск (в районе Мукдена), непродуманной загрузки транспортных судов и другие просчеты. В целом Маньчжурская операция (по американской терминологии («Августовский шторм») относится к числу самых выдающихся операций Второй мировой войны. За две недели была полностью разгромлена миллионная Квантунская армия. Ее потери убитыми составили 83,7 тыс. человек, было взято в плен около 650 тыс. человек. Безвозвратные потери советских войск, участвовавших в операции – 12 тыс. человек. Те, кто в последнее время много пишут о том, как наша армия «завалила противника трупами своих солдат», не любят вспоминать об этой операции. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Правительство СССР объявило 3 сентября днем победы над милитаристской Японией. Советские войска согласно договоренности с правительством Китая вскоре начали покидать освобожденные ими территории.

Нюрнбергский трибунал	Главных немецких и японских военных преступников настигло справедливое возмездие. На международных судебных процессах в Нюрнберге (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) и Токио (3 мая 1946 г. – 12 ноября 1948 г.) были раскрыты чудовищные масштабы содеянных ими злодеяний и определены меры наказания каждому преступнику. По приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге смертной казни были подвергнуты 10 бывших руководителей третьего рейха: министр иностранных дел И. Риббентроп, начальник верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал В. Кейтель, начальник главного управления имперской безопасности (РСХА) Э. Кальтенбруннер, имперский министр оккупированных восточных областей А. Розенберг, генерал-губернатор оккупированной польской территории Г. Франк, имперский протектор Богемии и Моравии в 1943–1945 гг. В. Фрик, издатель антисемитской газеты «Дер Штюрмер» Ю. Штрейхер, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель, начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник А. Йодль, имперский наместник в оккупированной Голландии А. Зейсс-Инкварт. Бывший главнокомандующий германских ВВС рейхсмаршал Г. Геринг, приговоренный в Нюрнберге к смертной казни, покончил с собой в тюрьме, приняв цианистый калий. Глава войск СС и министр внутренних дел Г. Гиммлер в мае 1945 г. пытался скрыться, но был арестован и покончил жизнь самоубийством. Бывший начальник канцелярии нацистской партии и секретарь Гитлера М. Борман погиб в мае 1945 г. при попытке к бегству. Не имея об этом точной информации, трибунал приговорил его к смертной казни заочно. Трибунал приговорил заместителя Гитлера по нацистской партии в 1933–1941 гг. Р. Гесса, министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике Р. Функа, а также главнокомандующего ВМС в 1935–1943 гг. гросс-адмирала Э. Редера к пожизненному тюремному заключению, гауляйтера и имперского наместника Вены Б. Шираха, министра вооружения и военной промышленности А. Шпеера – к 20-ти годам, министра иностранных дел в 1932–1938 гг., имперского протектора Богемии и Моравии в 1939–1941 гг. К. Нейрата – к 15-ти годам, главнокомандующего германских ВМС в 1943–1945 гг. гросс-адмирала К. Деница – к 10-ти годам лишения свободы.
Токийский процесс	По приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока 7 японских главных военных преступников, в том числе бывшие премьер-министры Х. Тодзио и Х. Хирота и военный министр С. Итагаки, были казнены; 16 человек, в том числе бывшие премьер-министры К. Хиранума и К. Койсо, военный министр и командующий Квантунской армией Е. Умедзу, были приговорены к пожизненному заключению; бывший министр иностранных дел С. Того – к 20-ти годам; бывший министр иностранных дел М. Сэгемицу – к 7-ми годам лишения свободы. Различным наказаниям по суду подверглись и многие другие военные преступники. Нюрнбергский и Токийский судебные процессы имели большое историческое значение.
Хабаровский процесс	В 1949 г. проходил Хабаровский процесс, были осуждены 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии.

На основе выполненного анализа приходим к следующему выводу.

С юридической точки зрения Хабаровский процесс привлекает наименьшее внимание, вероятно, в силу того, что на Нюрнбергском и Токийском процессе действовал Устав международного военного трибунала, то есть международно-правовой документ, а при проведении Хабаровского трибунала руководствовались Указом Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», т.е. японских военных преступников судили по внутреннему национальному законодательству. Как правило, Нюрнбергский и Токийский трибуналы упоминаются в учебниках как исторический факт, без анализа итогов и значения этих судебных процессов.

Блок информации, посвященный разгрому Квантунской армии, чаще всего носит отрывочный характер с перечислением основных фактов и событий, и лишь в отдельных учебниках содержится информация об участниках военных действиях, описание и итоги военных операций.

В Концепции нового учебно-методического комплекса по всемирной истории в разделе «Вторая мировая война» обозначены следующие смысловые блоки «Наступление союзников против Японии. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Вступление СССР в войну против Японии и разгром Квантунской армии. Капитуляция Японии. Нюрнбергский трибунал и Токийский процесс над военными преступниками Германии и Японии. Потсдамская конференция. Образование ООН. Итоги войны»[1]. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории в разделе «Великая Отечественная война» предусматривает изучение блока «Разгром Квантунской армии Японии и завершение Второй мировой войны»[2].

Учитывая нормативно-правовые требования, образовательный и воспитательный потенциал темы, при подготовке будущих учителей истории мы предложили бы следующие методические рекомендации:

1) при отборе материала к лекционным и практическим занятиям необходимо опираться на достижения исторической науки и на опубликованные исторические источники. Лекционные и практические занятия должны сопровождаться использованием иллюстративного материала, информации проверенных учебных и информационных ресурсов. Обязательно использование карты;

2) воспитание патриотизма и гражданственности через обращение к ярким примерам трудовых и воинских подвигов советских граждан. Использование исторических источников (мемуаров, писем и т.д.), биографических справок, художественных фильмов, кино- и фотохроники позволяет сформировать у обучающихся историческую эмпатию. В ходе изучения Хабаровского процесса поднимаются в том числе вопросы морали, научной этики, что также формирует общечеловеческие ценности молодого поколения;

3) использование современных технологий и форм обучения (судебное заседание, кейс-технология, коучинг, перевернутый класс и др.), основанных на материалах Хабаровского процесса. Преподава-

ние истории разработки и испытаний бактериологического оружия требует деликатности и осознания характера темы. Педагогу следует тщательно подбирать письменные и наглядные материалы, соответствующие познавательным способностям студентов, правдиво передавая содержание изучаемого явления;

4) разработка для будущего учителя истории специальных занятий, предусматривающих обращение к локальной истории, истории своей семьи для формирования умения руководить проектной и учебно-исследовательской деятельностью школьников, в том числе по теме «Разгром Квантунской армии Японии. Хабаровский процесс»;

5) для обеспечения более широкой системы информирования рекомендуется привлекать студентов для подготовки информационных уголков, стендов, ленты новостей в образовательных организациях и т.д.

Примечания

[1] Проект Концепции нового учебно-методического комплекса по всемирной истории. URL: http://www.tsput.ru/his_seminar/progect.pdf (дата обращения: 18.08.2021).

[2] Историко-культурный стандарт по отечественной истории. URL: https://historyrussia.org/ proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/ istoriko-kulturnyj-standart.html (дата обращения: 18.08.2021).

В. В. Иванов,
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре

Вопросы изучения истории Хабаровского процесса в педагогических вузах: использование вооруженными силами США бактериологического оружия в период войны в Корее в 1950–1953 гг.

Аннотация

Одним из малоизученных и спорных аспектов истории войны стала проблема использования вооруженными силами США бактериологического оружия. В марте 1951 г. правительства Северной Кореи и Китая впервые обвинили США в применении это вида массового поражения и предоставили многочисленные факты, подтверждающие их обвинения. Вашингтон, со своей стороны, ответил категорическим отказом.

Ключевые слова: бактериологическое оружие, война в Корее, США, КНР, Корейская Народно-Демократическая Республика, СССР.

V. V. Ivanov,
Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amour

Questions of studying the history of the Khabarovsk process in pedagogical universities: the using of bacteriological weapons by the armed forces of U.S. during Korean war 1950–1953

Abstract

One of the little-studied and controversial aspects of war is the problem of using of bacteriological weapons by the armed forces of U. S. In Mach 1951 governments of China and North Korea charged with USA in use of this kind of weapon of mass destruction. The Beijing and Pyongyang provided numerous facts to support the owl's accusation. The Washington, for its part, responded with a categorical refusal.

Keywords: bacteriological weapons, Korean war, USA, PRC, Democratic People's Republic of Korea, USSR.

Летом 1950 г. на начальном этапе войны в Корее вооруженные силы КНДР овладели стратегической инициативой. 25 июня северокорейские войска (КНА, Корейская Народная Армия) вторглись в Республику Корея. В короткие сроки они нанесли ряд серьезных поражений противнику, овладели Сеулом и значительной частью территории сопредельного государства.

В связи с резким ухудшением положения режима Ли Сын Мана администрация президента США Тру-

мэна приняла решение отправить в Корею воинский контингент. Первые части армии США прибыли на полуостров уже в начале июля. Однако их прибытие не изменило положения. В 20-х числах в сражении за г. Тэчжон потерпела поражение 24-я американская пехотная дивизия[1].

7 июля 1950 г. по инициативе США Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла решение присвоить войсковой группировке в Корее статус «войск ООН». В середине сентября 1950 г. силы ООН в районе Пусана нанесли ряд контрударов по КНА. В порту Инчхон высадился американский десант. В результате интервенты образовали крупный плацдарм. Войска США развернули наступление направлением к 38-й параллели. 23 сентября после жестоких уличных боев пал Сеул. Северокорейская армия отступала. 1-я и 2-я армейские группировки КНА потерпели поражение[2].

В этой связи правительство КНР приняло решение о вводе своих войск в КНДР. Командующий группировкой ООН генерал армии Д. Макартур, получив сообщения о вступлении в корейский конфликт войск НОАК, обратился к ООН со специальным заявлением. Макартур оценил китайское вмешательство как «одно из самых мощных воинствующих актов международного беззакония в истории»[3].

В течение ноября две группировки китайских народных добровольцев (КНД) нанесли ряд поражений войскам ООН и южнокорейской армии. В особенно тяжелом положении оказались части 1-й дивизии морской пехоты США и 7-й пехотной дивизии, попавшие в окружение. Американцы понесли большие потери. В течение 10–15 декабря ВМС США эвакуировали серьезно измотанные в боях войска на юг полуострова.

Таким образом, в ходе контрнаступления на Хамхынском и Пхеньянском направлениях силы КНД нанесли поражения противнику. 2-й южнокорейский корпус, турецкая пехотная бригада, 1-я дивизия МП США потеряли от 40 до 70% личного состава[4]. Только в начале апреля 1951 г. положение на фронте стабилизировалось. В Корее началась позиционная война, которая могла затянуться на неопределенное время.

В марте 1951 г. в СМИ КНР появились первые сообщения о планах Соединенных Штатов использовать в Корее бактериологическое оружие[5].

Насколько справедлива эта информация. Подобный шаг Пентагона было нетрудно просчитать. Во-первых, штаб Д. Макартура убедился в высокой боеспособности армий КНД. В первую очередь это относилось не только к умению вести наступательные и оборонительные действия в сложных климатических условиях, но и при остром недостатке боеприпасов и бронетехники. Во-вторых, США не были заинтересованы в затягивании войны в Корее. В-третьих, масштабные воздушные удары по КНДР не привели к желаемым результатам. Части ВВС СССР, находившиеся в КНР, нанесли большой урон ВВС США. Следовательно, необходимы были иные методы ведения войны.

В феврале 1952 г. КНДР впервые выступила с обвинением США в применении биологического оружия. США ответили отказом[6].

В апреле 1952 г. агентство Ассошиэйтед Пресс передало сообщение из Вашингтона о заявлении, сделанном подкомитетом комиссии Палаты представителей по ассигнованиям. Подкомитет провел секретное заседание и обсудил на нем бюджетные расходы на бактериологическое оружие. Присутствовавший на заседании член Палаты представителей Роберт Сайкс (демократ, штат Флорида), выступая по поводу заявления Бэллена, остановился на этом вопросе:

«Фактически бактериологическая война, проводимая в качестве репрессалий, не требует никакого сложного сверхоружия. Способы распространения просты, и здесь необходимо лишь такое оборудование, которое имеется уже в достаточном количестве, как, например, контейнеры, используемые в настоящее время для сбрасывания пропагандистских листовок»[7].

В это же время СМИ КНР обвинили США в привлечении к созданию этого вида оружия массового поражения японских бактериологов[8]. Среди них были известные в этой области специалисты – генерал-лейтенант С. Исии, М. Китано, Д. Вакамацу. Все они были объявлены военными преступниками на Хабаровском судебном процессе 1949 г. Требования СССР об их выдаче были отклонены США.

Примечательно, что сообщения советских и китайских СМИ вызвали определенный резонанс даже в Японии. В мае 1952 г. японские парламентарии от Компартии (КПЯ) предприняли шаги по анализу деятельности Исии, Китано и Вакамацу. Специальное бюро расследований предоставило в нижнюю палату парламента доклад о деятельности военных преступников. Из документа следовало, что Исии занимался разработкой методов производства трубок для культивирования бактерий. Китано руководил научно-исследовательским институтом, производившим бактериологические препараты. Вакамацу возглавил специальную фабрику, на которой изготавливались вакцины сыпного тифа, холеры и других опасных заболеваний[9]. Япония, переживавшая тяжелые экономические проблемы, едва ли могла выделять крупные суммы на данные разработки. С другой стороны, США, заинтересованные в быстром и масштабном производстве возбудителей опасных заболеваний, могли серьезно инвестировать в эти исследования. Следовательно, обвинения китайской стороны были небезосновательны.

В мае-июле 1952 г. впервые в СМИ КНР и СССР стали публиковаться свидетельства об использовании США биологического оружия. На этот раз показания дал летчик американских ВВС К. Инок[10]. Его самолет был сбит во время сброса контейнеров с бактериями. Такие же показания дал пилот ВВС США Дж. Куннин[11]. В ноябре в советских и китайских газетах были напечатаны показания пилота Ф.Х. О'Нила, также участвовавшего в биологических атаках в Северной Корее[12].

Американцы официально заявляли, что еще до отправки в Корею они проходили специальный теоретический курс по биологическому оружию на базах ВВС «Луке» (Феникс, штат Флорида), Крейг (Сельма, штат Алабама). Пилотов знакомили с различными ви-

дами бактериологических боеприпасов, тактическими приемами их применения. По прибытии на корейский фронт в течение месяца они прослушали еще один лекционный курс по новому виду оружия массового поражения. После этого они принимали участие в специальных операциях по сбросу бактериологических бомб и распылению биологических аэрозолей над территорией КНДР.

Впоследствии с аналогичными заявлениями выступили старшие офицеры ВВС США: полковник Ф. Х. Швэбл, майор Х. Рой[13]. Следует отметить, что после окончания войны и репатриации все американские военнослужащие отказались от своих свидетельских показаний. Он заявили, что пошли на это исключительно после применения северокорейскими и китайскими спецслужбами изощренных пыток и психологического воздействия.

В этой связи возникает вопрос: «Был ли смысл китайским спецслужбам заставлять американских летчиков давать лживые показания под пытками?» Несомненно, что США обвинили бы КНР и КНДР в жестоком обращении с военнопленными. Доказать обратное, если бы действительно при допросах летчиков использовались методы физического и психологического воздействия, было невозможно.

Летом 1952 г. ученые КНР представили убедительные доказательства, разоблачавшие утверждения американских исследователей, отрицавших факты применение бактериологического оружия в Корее. Заявление подписали 29 китайских бактериологов. Среди них такие известные ученые, как директор Национального института вакцины и сыворотки Тан Фэй-фань, профессор Китайского объединенного медицинского колледжа Самуэль Цзи, профессор отделения бактериологии медицинского факультета Пекинского университета Ли Сикань, научный сотрудник Национального института здравоохранения Фан Кан и технический эксперт Национального института вакцины и сыворотки Ма Ю-чэн[14].

В советских и китайских СМИ с весны 1952 г. часто стали публиковаться сообщения об использовании ВВС США бактериологического оружия. Следует отметить, что подобные акции не носили таких масштабов, как бомбардировки американской авиацией северокорейской территории обычными боеприпасами и напалмом. Вероятно, подобная тенденция объяснялась тем обстоятельством, что указанные акции носили экспериментальный характер[15].

Сообщения о бактериологической войне в Корее вызвали широкий международный резонанс. С одной стороны, КНДР и Китай представлялись западными СМИ фальсификаторами, стремившимися посредством необоснованных обвинений переложить вину за массовые разрушения и многочисленные человеческие жертвы на США. С другой стороны, росло число ученых, общественных и даже религиозных деятелей, имевших желание получить ответ на вопрос: «Имели, место факты применения биологического оружия в Корее?»

В июле 1952 г. в Китае побывал настоятель Кентерберийского собора Хьюлет Джонсон. Он ознакомился не только с документами, подтверждающими факты применения США биологического оружия. Джонсон получил возможность общения с пленным летчиком Дж. Куннином. Впоследствии газета «Дейли уоркер» опубликовала интервью с настоятелем. Интервью подано в виде статьи, озаглавленной «Англия может остановить бактериологическую войну»[16].

Летом 1952 г. после сессии Бюро Всемирного Совета Мира в Осло по предложению Президента Китайской академии наук и председателя Китайского народного комитета защиты мира и борьбы против американской агрессии Го Мо-Жо была создана специальная Международная комиссия по расследованию фактов применения вооруженными силами США бактериологического оружия в Корее и Северо-Восточном Китае. В нее были включены известные ученые из Западной Европы, Латинской Америки. На их персоналиях стоит остановиться отдельно.

Доктор Андреа Андреен (Швеция), директор центральной клинической лаборатории управления больницами города Стокгольма.

Г-н Жан Мальтер (Франция), специалист в области сельского хозяйства; руководитель лаборатории по изучению физиологии животных при национальном сельскохозяйственном институте в Гриньоне; бывший эксперт по животноводству в ЮНРА; член-корреспондент итальянского и испанского обществ развития животноводства.

Доктор Джозеф Нидхэм (Соединенное Королевство), член королевского общества; лектор школы биохимии имени сэра Уильяма Данна при Кембриджском университете; бывший советник (по научным вопросам) в посольстве Великобритании в Чунцине и позднее руководитель сектора естественных наук в ЮНЕСКО. Примечательно, что Пекин настаивал на участии Нидхэма в работе комиссии. Английский ученый был известен как опытный специалист, хорошо знавший не только условия Китая, но и осведомленный в вопросах применения японцами бактериологического оружия в этой стране в 1930–1940-е гг.

Доктор Оливьеро Оливо (Италия), профессор анатомии медицинского факультета университета Болоньи; бывший лектор по общей биологии в Туринском университете.

Доктор Самуэл Пессоа (Бразилия), профессор паразитологии в университете в Сан-Пауло, бывший директор управления здравоохранения в Штате Сан-Пауло, почетный профессор факультета медицины в университетах в Ресифе и Параиба.

В составе комиссии также работал доктор Н. Н. Жуков-Вережников (СССР), профессор бактериологии, вице-президент Академии медицинских наук СССР. В 1949 г. он выступал в качестве главного медицинского эксперта на Хабаровском процессе бывших военнослужащих Квантунской армии, повинных в участии в бактериологической войне. Следовательно, он был отлично знаком с изучаемой проблемой[17].

Таким образом, у США и правительств западноевропейских стран не было причин обвинить ученых –

членов комиссии ни в их уровне компетентности, ни в предвзятом подходе к рассматриваемой проблеме. Следует учесть, что двое ученых представляли Англию и Францию – государства, правительства которых направили свои воинские контингенты в Корею. Власти КНР предоставили им полную свободу действий, возможность лично опросить жителей северо-восточных провинций Китая, подвергшихся бомбардировкам. Если все представленные материалы и свидетели были бы частью большой пропагандистской кампании, направленной против США, ученые неизбежно это обнаружили бы. Члены Комиссии неоднократно выезжали на места применения биологического оружия в провинции Фуцзянь и Хэйлунцзян (КНР). Им были представлены материальные свидетельства бактериологических атак, фрагменты боеприпасов. Они тщательно изучили материалы биологических бомбардировок в Анчжу, Баль Нам Ли и других населенных пунктах КНДР.

В течение июля–августа Международная комиссия работала в КНР. Ученые также выезжали на неделю в Северную Корею для сбора доказательств использования биологического оружия[18]. Они беседовали с американскими летчиками. По свидетельству ученых, осмотр пилотов и собеседования позволили утверждать, что военнослужащие США не подвергались физическому воздействию[19]. Состояние американских летчиков был хорошим.

Выводы, к которым пришла Международная комиссия, следующие. ВВС США использовали биологическое оружие в КНДР и КНР. Кампании по вакцинации местного населения и комплекс противоэпидемиологических мероприятий, проведенных властями КНР, позволили избежать вспышки опасных заболеваний в этих районах.

Профессор Дж. Нидхэм заявил: «Нам не посчастливилось, если можно так выразиться, самим видеть что-нибудь падающее на землю. Однако мы собрали достаточно доказательств, произвели расследования на местах, опросив свидетелей, научно исследовав вещественные доказательства, проверив образцы в лабораториях и сделав статистические выкладки. Мы встретились с рядом ученых и беседовали со многими очевидцами, которые непосредственно сами видели, как американские самолеты сбрасывали бактериологические бомбы. Мы прониклись глубочайшим уважением к этим ученым за их научную честность и профессиональные знания. Далее, очень многие сельские жители приходили к нам и рассказывали, что они видели и обнаружили, и здесь мы в равной степени опирались на прочную основу. Они никогда не пытались рассказать то, что они сами не знают. Если они не знали, как ответить на заданный вопрос, он не придумывали что-либо, что позже не подтверждалось бы фактами, установленными из других источников. Мы также расследовали прежние факты, которые составили основу документов, опубликованных Всемирным советом мира в Праге. Кроме того, Комиссия произвела тщательное и подробное расследование и подтвердила факты бактериологической войны, которую вели Соединенные Штаты. Этот материал вы найдете в нашем докладе»[20].

Впоследствии членам Комиссии будут выдвигаться обвинения, что свои заключения они сделали либо вследствие симпатий к КНР и СССР, либо под давлением китайской и советской сторон. Например, Дж. Нидхэм был объявлен членом Компартии Великобритании, хотя английский ученый состоял в Лейбористской партии. Ни первое, ни второе не выдерживает никакой критики. У всех членов Международной комиссии уже была известность, хорошее материальное положение, блестящие перспективы.

Таким образом, не подлежат сомнению факты использования бактериологического оружия ВВС США в Корее и на территории ряда провинций Северо-Восточного Китая в 1951–1952 гг. При разработке этого оружия массового поражения Пентагон широко использовал опыт японских военных бактериологов, проводивших бесчеловечные медицинские эксперименты над гражданским населением и военнопленными в 1937–1945 гг.

Тема бактериологической войны в Корее не утратила актуальности до настоящего времени. Ряд американских и западных исследователей по-прежнему утверждают, что США не использовали это варварское оружие. Анализ исторического материала говорит об обратном и позволяет утверждать, что забвение преступлений Второй мировой войны создает благоприятную почву для совершения новых злодеяний, не менее циничных и масштабных.

Примечания

[1] *Hastings M.* The Korean War. N.Y.: Simon @ Schuster Paperbacks, 1987. P. 79–81.

[2] Война в Корее, 1950–1953. СПб.: Полигон, 2003. С. 140–143.

[3] *Hastings M.* The Korean War. P. 132.

[4] Война в Корее … С. 140–143.

[5] Агентство Синьхуа о планах Макартура применить в Корее бактериологическое оружие // Тихоокеанская звезда. 1951. 24 марта. С. 4.

[6] Заявление министра иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики в связи с применением американскими интервентами бактериологического оружия в Корее // Тихоокеанская звезда. 1952. 25 февр. С. 4.

[7] Сообщение агентства Синьхуа о выставке, экспонирующей доказательства ведения США бактериологической войны против Кореи // Правда. 1952. 30 сент. С. 4.

[8] Японские преступники бактериологической войны – на службе американских агрессоров // Сталинский Комсомольск. 1952. 7 марта. С. 4.

[9] Деятельность японских преступников бактериологической войны // Сталинский Комсомольск. 1952. 12 мая. С. 4.

[10] Показания американского летчика Дж. Кунина о применении американскими военными бактериологического оружия в Корее // Правда. 1952. 5 мая. С. 4.

[11] Доказательства ведения американцами бактериологической войны неопровержимы. Интервью Хьюлетта Джонсона // Тихоокеанская звезда. 1952. 17 июля. С. 4.

[12] Показания пленного американского летчика Флойд Б. О'Нила о применении американскими ВВС бактериологического оружия в Корее // Тихоокеанская звезда. 1952. 10 нояб. 1952. С. 4.

[13] США ведут бактериологическую войну в Корее. Показания пленного американского полковника Фрэнка Х. Швэбла // Тихоокеанская звезда. 1953. 26 февраля. С. 4.; США ведут бактериологическую войну в Корее. Показания американского полковника Ф. Х. Швэбла // Тихоокеанская звезда. 1953. 27 февр. С. 4.

[14] Заявление китайских бактериологов по фактам применения американскими военными бактериологического оружия в Корее и Северо-Восточном Китае. // Правда. 1952. 14 июня. С. 4.
[15]Американская армия ведет бактериологическую войну в Корее и Китае // Тихоокеанская звезда. 1952. 4 нояб. С. 4.
[16] Доказательства ведения американцами бактериологической войны неопровержимы. Интервью Хьюлетта Джонсона // Тихоокеанская звезда. 1952. 17 июля. С. 4.
[17] Пресс-конференция Международной комиссии ученых по расследованию фактов ведения бактериологической войны в Корее и Китае // Тихоокеанская звезда. 1952. 17 сент. С. 3.
[18] Там же. С. 3–4; Окончание работы Международной комиссии ученых по установлению фактов ведения американцами бактериологической войны // Там же. С. 3–4.
[19] Пресс-конференция Международной комиссии ученых … С. 3–4.
[20] Там же.

Н. В. Беломестнова,
журналист, писатель, член Союза писателей России

Секретное «сверхоружие» японских милитаристов, или Все тайное становится явным

Аннотация
В статье рассматривается роль штурма Хайларской подземной крепости японцев (9–18 августа 1945 г.) в свете рассекреченных протоколов допросов японских военачальников. На основе документов и свидетельств фронтовиков, бойцов Забайкальского фронта, рассказывается о штурме и падении подземной крепости, которую японские военные считали неприступной; названа истинная причина сдачи в плен ее «сидельцев» – 80-й пехотной бригады Квантунской армии и отряда воинов-камикадзе. Анализируются причины срыва планов японской военщины по прорыву обороны Красной армии на узком участке фронта и предотвращения развязывания бактериологической войны Японии против СССР.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Квантунская армия, Хайларская подземная крепость, военные преступники, бактериологическая война, протоколы допросов.

N. V. Belomestnova,
journalist, writer, member of the Union of Writers of Russia

Secret weapon of Japan's war criminals

Abstract
At the beginning of the 20-th century protocols of Japan war criminals (generals of the Kvantunskaya army) become known the general publick. Putting into scientific operation (circulation) these documents and evidences of participants of the Khailar war operation allow to see the role the role of storm of the Khailar fortress in proper perspective. Because fall of the stronghold Khailar fortress allowed to prevent unbinding of Japan bacteriological warfare against the USSR. Author of this article calls things by their right, and calls real causes of captivating of Japan generals and soldiers who hided and sitted out in the Khailar underground fortress. And analyses causes of failure of Japan war criminals' plan – break the Krasny army front at the weak point.
Keywords: World War II, Kvantunskaya army, Hailar Underground Fortress, make publick, war criminals, bacteorogical warfare, protocol of examination.

Штурму Хайларской крепости, подземному военному бастиону Квантунской японской армии, в сводках ТАСС было уделено несколько строчек: штурм продолжался десять дней (9.08.1945 г. – 18.08.1945 г.). После падения крепости японцев наши войска продолжали наступление на Мукден.

Но свидетельства фронтовиков, участников штурма крепости, и рассекреченные на рубеже XX–XXI веков протоколы допросов генералов Квантунской японской армии заставляют пристальнее вглядеться в события тех дней. Падение крепости, по сути, сорвало планы японской военщины о прорыве обороны советской Красной армии на узком участке фронта, предотвратило развязывание бактериологической войны против СССР.

Не будем голословными.

В 2004 г. наша российская делегация фронтовиков, впервые после войны СССР с Японией, побывала в провинции Хулун-Буир, Маньчжурия. На места боев с японской Квантунской армией приехали забайкальцы – участники штурма японской подземной Хайларской крепости – и журналисты. Автор этой статьи была в их числе.

В подземной крепости (мы отважились спуститься в ее нутро) как в склепе. Воздух сырой и затхлый. Сверху давит двухсотметровая толща гранита. Скальные породы сжимают со всех сторон. А стены сочатся влагой… словно оплакивают погибших здесь, при штурме секретной военной цитадели японцев, наших бойцов. Тут полегло 1238 человек. Почти все они были из Забайкалья. Многим красноармейцам исполнилось тогда от силы девятнадцать лет. Пожить не успели.

Разговоры смолкают. Некоторые из стариков украдкой принимают нитроглицирин. И, словно извиняясь за слабость, шепчут: «Будто в другорядь своих боевых дружков теряем. Легко ли?»

Поднявшись на поверхность горы, просят меня сфотографировать их у памятника нашим минометчикам. 18 августа сорок пятого года они, участники штурма Хайларской подземной крепости японцев, собрали гранитные осколки оставшиеся после артобстрела «катюшами» сопки Аботу, это под ней, как кроты, зарылись самураи. Из скальных обломков сложили холм – получился свой «Обо» (ритуальный объект).

Лица у моих попутчиков светлеют:

– Мы, пехота, своими штыками не в силах были пропороть пяти-, а то и семиметровые природные скальные стены сопки, за которыми укрылись японские воины-смертники. И артиллеристы тратили снаряды впустую – они лишь рикошетили от горы. Казалось, все тут ляжем… Наши братки-минометчики на десятый день штурма подоспели на подмогу, раздолбили «каменный орешек» японцев. Самураи мигом свои норы в горе покинули, «пардону» запросили – не хотелось на себе своё сверхоружие, чумные микробы, испробовать.

Слышу об этом впервые. Прошу объяснить.

– Японские военные бактериологи, вишь ли, нашу армию болезнями уморить мечтали. Специальные фабрики смерти вокруг этой крепости разместили, на них чумные бактерии производили. Мол, потравят ими красноармейцев. А после самураи победным маршем по трупам противника до Читы и Омска доберутся. Но… накося – выкуси! Обломилось, не вышло по-ихнему. А чуму в сорок пятом году мы обуздали, не дали ей хода к нам, в Россию-матушку[1].

Справка. Головной отряд японских военных вирусологов – 731 (фабрика смерти) был расположен в 20 км от Харбина, ближайший укрепрайон – Хайларский; отряд 543 находился непосредственно в Хайларе, отряд 100 – в 10 км южнее Чанчуня, но при этом имел густую сеть филиалов вдоль границы с СССР; задача этих филиалов состояла в подготовке к практическому применению в войне бактериологического оружия, вырабатываемого отрядами.

Перелистаем календарь в обратную сторону…

В 1942 г. основные военные силы Японии были задействованы на Южном фронте. Маньчжурии в то время не придавалось особого стратегического значения. Но генералитет Квантунской армии, господствующей в Маньчжурии, был недоволен сложившейся ситуацией и решил подчеркнуть мощь своей армии, показать ее скрытый потенциал. Своё «сверхоружие». По запросу Квантунской армии в Харбин 11 августа прибыла группа японских журналистов. Генералы с их помощью намеревались показать, что Маньчжурия является важнейшим опорным пунктом для ведения боевых действий на севере.

Это отрывок из беседы журналистов в августе 1942 г. с полковником Асаоки, заместителем начальника спецслужбы в Харбине: «Квантунская армия имеет реальную гарантию того, что война против СССР закончится успешно. Мы давно занимаемся разработкой нового оружия с целью применения его в военных действиях против СССР, и вот в последнее время наконец производство его налажено и в количественном отношении <…>. Теперь остается только совершенствовать качество, но это вопрос времени»[2].

В доказательство своих слов полковник Асаоки продемонстрировал журналистам документальную кинопленку с кадрами применения нового оружия в Центральном Китае. На кинопленке было запечатлено, как чумные блохи распылялись в воздухе с самолета над жилыми строениями.

Демонстрация возможностей военных бактериологов, похоже, произвела должный эффект на представителей Ставки.

Японские милитаристские круги в 1945 году спешно форсировали работы по производству своего собственного «сверхоружия», способного в считаные дни и даже часы выкосить если не всю, то половину бойцов армии противника. Ставка делалась на бубонную чуму. Главнокомандующий японской Квантунской армией генерал Ямада и свидетель Морито в своих показаниях на Токийском и Хабаровском судебных процессах показали, что производство смертоносных бактерий к августу сорок пятого года было запущено на полную мощность. Только в отряде № 543, расположенном в Хайларе, одновременно содержалось около 13 тысяч крыс, предназначенных для разведения чумных блох… Все было готово к применению – ждали только сигнала[3].

Приведу выдержку из протокола допроса Усироку Дзюна, военнопленного полного генерала, командующего 3-м фронтом Квантунской армии, взятого в плен частями Красной армии 20 августа 1945 г. в городе Мукден. Он рассказал о плане завоевания Сибири, вынашиваемом японскими милитаристами.

«Вопрос*: Расскажите оперативный план обороны Квантунской армией Маньчжурии.*

Ответ: *Исходя из того, что оборонять Маньчжурию на ее границах сил было недостаточно, было решено главные силы Квантунской армии сосредоточить в центральной и южной Маньчжурии на линии Мукден, Чанчунь, Харбин, Муданьцзян, корейско-советская граница. Незначительной части сил, оставленных в приграничных районах, была поставлена задача вести оборонительные бои, методом подвижной обороны изматывать живую силу и уничтожать технику противника. При подходе противника к главной оборонительной полосе предполагалось дать оборонительное сражение, а затем перейти в общее наступление с целью добиться победы* <…>.

4-я отдельная армия должна была преследовать противника и до наступления холодов занять город Благовещенск и станцию Куйбышевка-Восточная. 30-я армия и 44-я армия (должны были) преследовать противника вдоль Биньманской железной дороги, и до наступления холодов овладеть станцией Карымская (Читинская область – авт.). Части сил 44-й армии преследовать противника вдоль железной дороги, и до наступления холодов занять Тамцак-Булаг и город Чойбалсан, Монголия. На этих рубежах предполагалось зазимовать»[4].

На чем основывалась уверенность японских генералов в победе? Да как раз на сверхоружии, на смертельных инфекциях.

Основной форпост на оборонительной полосе японцев – Хайларская подземная крепость, находящаяся на стыке шоссейных дорог и железнодорожного пути, ведущего к границе Советского Союза. Судя по всему, именно здесь, на этом участке, японские милитаристы рассчитывали осуществить прорыв. Предварительно ослабив и обескровив советскую Красную армию – с помощью невидимых глазу микробов и смертельных болезней.

Сторонники прорыва обороны на узком участке фронта рассчитывали, надо полагать, что 80-я бригада Квантунской армии, засевшая в Хайларской крепости, и многочисленный отряд отборных воинов-смертников в придачу отобьются без больших потерь от советских пехотинцев, штурмующих высоту (гору Обату. – *Авт.*). Мало того! Отсидятся в безопасности за природными гранитными стенами крепости – пока за горой бушуют инфекционные болезни, и после сами перейдут в наступление.

И… если бы в тылу советской Красной армии среди бойцов вспыхнули эпидемии чумы и холеры и начался мор скота, этот план мог бы сработать.

Выдержка из протокола допроса командира 80-й отдельной смешанной бригады, коменданта Хайларского укрепленного района генерал-майора Номура Такие:

«Я считаю, что Хайларский укрепрайон был одним из лучших укрепленных районов в Маньчжурии. Он строился с 1934 года и по последнему слову техники. Средств израсходовано на его строительство много. Хайларский УР состоит из ряда узлов сопротивления, железобетонных сооружений, деревоземляных сооружений, огневых точек, зенитно-артиллерийских точек, нарыто много ходов сообщения, много противотанковых рвов, много наблюдательных пунктов. Оборона построена круговая, рассчитанная на длительное сопротивление, с учетом рельефа местности (сопки) …»[5].

Создатели подземного военного бастиона настолько были уверены в его неприступности, что плана отступления у сидельцев подземной крепости не было.

Снова обратимся к показаниям коменданта Хайларского укрепрайона генерал-майора Номура Такие:

«Вопрос: *С какого времени Вы вступили в командование 80-й отдельной смешанной бригадой?*

Ответ: *С марта месяца 1945 года. <…> 80-я отдельная смешанная бригада должна была оборонять Хайларский укрепрайон до последнего солдата, и в приказе даже не указывалось, куда бригада должна отходить в случае невозможности удержать позиции.<…>*

Вопрос: Вы догадывались, почему 119 пд уходит из Хайлара, и могли из этого сделать вывод о планах и намерениях японского командования?

Ответ: Нет. Видимо, так нужно было.

Вопрос: Почему же так, что Вы собирались оборонять такой важный район, как Хайларский УР, а плана обороны не имели?

Ответ: <…> Я не знал истинного намерения вышестоящего командования. Знал только одно: я со своей бригадой должен был удержать хайларские позиции.<…>

Вопрос: На какой срок сопротивления было рассчитано боеприпасов, горючего, продовольствия Хайларского укрепрайона?

Ответ: Продовольствие – на месяц, боеприпасов было много, но сколько – не знаю»[6].

Возможно, представители Ставки и не ставили в известность о своих истинных намерениях исполнителей своих планов. Но кому-кому, а японским офицерам (высоким чинам) было известно, что в Хайларе находится специальный отряд с промышленными установками по выработке штаммов опасных бактерий бубонной чумы; заведены питомники для разведения и выращивания блох, чтобы те разносили по округе эту смертельную болезнь… А носителями чумных блох были крысы – их заготавливали (отлавливали) сами сотрудники лабораторий, в помощь им были выделены специальные команды из линейных частей Квантунской армии…Чумой японские военные собирались уморить советских красноармейцев. Но, похоже, наступили на собственные грабли… Крысы наводнили японскую военную крепость.

Хайларская крепость после десятидневного штурма пала. Снаряды минометных орудий «Катюша» раздолбили макушку горы, крышу крепости, забили отверстия труб, по которым в подземелье поступал воздух. А запах свежей человеческой крови привлек в подземелье полчища грызунов… Впрочем, японским военным, отсиживающимся под сопкой Аботу, можно было бы по подземным переходам, связывающих их с соседними сопками (Восточной, Западной и Северной), выбраться наружу и попытаться скрыться. Но страх смерти от чумы пересилил – в советском плену была возможность получить скорую медицинскую помощь. А «сидельцы» из крепости в высоких чинах были осведомлены, что военным бактериологам из отряда 731 удалось вывести штамм чумы, убивающий человека за сутки.

Генерал Номуро, комендант крепости, вывел на поверхность своих уцелевших при минометном обстреле подчиненных.

В этот день войскам группы генерала Фоменко сдались в плен 2200 человек, в их числе 80 японских офицеров.

Секрет сопки Аботу.

О том, что в районе Хайлара скопилось большое количество японских войск, командованию Забайкальского фронта было известно из аэроразведки. Но вот наличие крепости противника, надежно упрятанной во внутренности одной из сопок, прикрывавших полукольцом Хайлар, явилось для наших войск полной неожиданностью.

Местное население (жители Хайлара) про военную крепость японцев в утробе горы, само собой, знало. Ещё в 1934 г. на склоне сопки Аботу был возведен высокий забор, за ним виднелись крыши бараков.

«Понятно было, что за тем забором не овощи выращивают, – рассказал читинец Вадим Васильевич Перминов (в 1939–1945 гг. он вместе с родителями жил в Хайларе). – Подъезжали машины, груженные бетоном, возводились доты. Этого не утаишь. Но близко японцы никого не подпускали… Потом землекопов, что скальный грунт из горы вынимали, расстреляли. Я хоть мальчишкой ещё был, у меня овраг, где их всех в расход пустили, в глазах стоит. Тятя по дороге на охоту однажды завез меня в распадок, что был километрах в пяти от сопок, окольцевавших Хайлар. Место песчаное. Там трупы тех бедолаг-землекопов кучей свалены, землей присыпаны. Но ветром песок сдуло… Мне запомнились черепа. Множество черепов. Словно арбузы на бахче»[7].

Но наши разведчики за сбором информации к русским эмигрантам не обращались, заведомо считали их людьми, предавшими Родину.

Впрочем, по другим каналам сигнал поступил. Ветеран ФСБ Георгий Прокопьевич Юсупов, сотрудник отдела военной разведки 36-й армии Забайкальского фронта, сообщил, что его помощник-разведчик, по национальности китаец, в 1942 г. был направлен в город Хайлар. Ему удалось узнать, что японцы расстреляли несколько тысяч рабочих-китайцев. К подобной практике японские военные прибегали при создании особо секретных объектов. Уже одно это должно было насторожить командование Забайкальского фронта и Генштаб при планировании наступательной операции в направлении Хайлара. Но от этого сообщения китайца-разведчика отмахнулись[8].

Отсутствие достоверных разведданных осложнило ситуацию.

Для того чтобы восстановить ход сражения, по сути, ставшего решающим в срыве планов японской военщины осуществить прорыв на узком участке обороны и пустить в ход смертельные бактерии в тылу наших войск, обратимся к свидетельствам фронтовиков, непосредственных участников событий.

Полковник в отставке Алексей Бариленко (во время боевых действий был комсоргом батальона 205-й танковой бригады) сообщил: «Наша бригада (была) сосредоточена близ села Старый Цурухайтуй. Нам была поставлена задача на рассвете 9 августа переправиться через Аргунь и в составе передового отряда 36-й армии вести наступление в направлении Хайлара.

9 августа ранним утром танки один за другим двинулись к Аргуни и по подготовленной саперами понтонной переправе перешли на правый берег реки, устремились к Хайлару. На пути к китайскому городу наш передовой отряд сопротивления японцев не встречал, не считая стычки разведчиков с японской охраной у моста через речку Хайлархе. В этот же день ближе к вечеру на подступах к Хайлару подразделения бригады развернулись в боевой порядок, устремились вперед. Но при атаке на город встретили плотный огонь японских батарей.

Огнем из пулеметов японцы вынудили наших бойцов приостановить атаку и залечь. Советские мотострелки сражались храбро, но японцы, занимая более выгодные и хорошо оборудованные огневые позиции (размещенные в дотах и дзотах орудия и пулеметы японцев были заранее пристреляны по ориентирам), не давали возможности подняться бойцам, они несли большие потери. Последовала команда комбрига, и батальоны направились в обход артиллерийских позиций японцев»[9].

А вот как вспоминает об этом сражении ветеран-фронтовик, танкист Георгий Иосифович Кряжев: «Наши танки двигались по низине, а японцы укрепились на сопках. Точнее, как кроты, ушли под землю. Лишь небольшие окошечки в горе изнутри прорубили: замаскированные дзоты. Но тогда, 9-го августа сорок пятого года, мы об этом не знали. Наша танковая колонна двигалась по дороге к Хайлару без помех – кругом безлюдная степь, впереди в мареве заходящего солнца сопки, полукругом окружающие китайский город. На них – ни души. И вдруг… засада! Японец, помню, подпустил наши танки где-то на четыреста метров, и на тебе: ловушка! Нам ни вперед, ни назад не двинуться. Оказалось, японцы или их рабы-китайцы под дулами автоматов вырыли под горой Аботу траншеи, глубиной где-то в полтора метра, наполнили их водой – протоки провели от близлежащей речушки. Да так хитро сделали: танк пройдет, а за ним ров разверзается. И перед машиной – глубокая канава. У японцев, как уже десять суток спустя – после падения Хайларской крепости – выяснилось, в подземном убежище для остановки наших бронемашин специальная автоматическая линия была оборудована… Тут мы и застопорились, а японцы бьют нас прямой наводкой, заранее, гады, пристрелялись. Пришлось спешно организовать дымовую завесу. Но дым быстро ветром развеяло, нашу танковую колонну противник хорошо просматривал. Как на ладони… Командир отдал нам приказ выйти из зоны обстрела, двигаться в обход на станцию Хайлар»[10].

Бои за Хайларскую крепость возглавил генерал Замахаев.

Японцы в первые дни штурма подземной крепости – без особых потерь со своей стороны – отбивали атаки красноармейцев. Своими неожиданными вылазками из лазов в горе, не прекращавшимися и в ночное время, они изматывали наших бойцов, не давали им времени даже для краткосрочного сна.

«Долина смерти» – так между собой фронтовики называли поле боя между рекой Хайлархе и грядой холмов и сопок, полукольцом прикрывающих город Хайлар. Равнина невелика, от силы – один километр в длину. Но почти каждый ее метр был покрыт телами погибших бойцов. Перед бойцами советской Красной армии стояла задача во что бы то ни стало заставить замолчать пулеметы и артиллерию врага. Красноармейцы, чтобы выполнить этот приказ, осознанно шли на смерть.

Надежда Алексеевна Миронова, дочь младшего сержанта Алексея Никандровича Ерофеева, участника штурма каменной крепости японцев (он погиб 17 августа 1945 г.), показала последнее письмо своего отца: «Утром мы опять поднялись в атаку. Прорвались на десять метров, а дальше – никак продвинуться не можем. Нас шквальным огнем пулеметов со стороны сопки Аботу накрыло. Похоже, тут все и смерть примем – японцы из двух дотов прицельно строчат. Наш парень, забайкальский, узнал после его фамилию – Баторов, сумел как-то проскочить через два противотанковых рва и забросал гранатами амбразуры дотов. Но вражеский пулемет не умолкает… И тогда боец своим телом закрыл амбразуру. Останусь в живых, разыщу его мать, поклонюсь в пояс – погиб, но спас сослуживцев, мы смогли отползти из-под прицельного огня противника»[11].

Он был не один такой. Другие герои-смертники остались безымянными. Красноармейцы грудью падали на амбразуры огневых точек противника. Давали минутную передышку своим товарищам. И… огонь противника снова возобновлялся. Подходы к огневым точкам японцев были буквально устланы трупами наших бойцов. Они лежали на поле, как деревья, поваленные в лесу сильной бурей.

12 августа к штурму крепости подключили саперов. Они разминировали подходы к вражеским дотам, а пехотинцам был отдан приказ взрывать вражеские огневые точки – гранатами, динамитом.

С 12 по 14 августа воины 94-й и 210-й стрелковых дивизий вели упорные бои за овладение основными узлами сопротивления Хайларского укрепленного района. Им удалось уничтожить десятки долговременных оборонительных сооружений японцев. Но вражеская крепость, как монстр из страшного сна, за ночь заращивала раны – взорванные накануне доты оживали.

Красноармейцы, сумевшие в ходе атак прорваться на склоны гор, временами слышали подземный гул. Словно под землей мотор работает!

Дугаржап Жапхандаев, бурят из Агинского аймака в Читинской области, в сорок пятом году – пехотинец, старший лейтенант, в своей документальной повести «От Алханая до Ямото», изданной небольшим тиражом в 2002 г., рассказал о том, как впервые был обнаружен ход под сопку: «ДОТ мы взяли. Говорят, что пришли саперы и будут взрывать. Присев в неглубоких окопах, ждем. Ухнуло! Показалось, что земля разверзлась под ногами. Слышно, как падают камни и куски бетона. <…> Мы побежали и вдруг остановились, как вкопанные, набегая друг на друга. Траншея вдруг оборвалась, перед нами громоздилась и дымилась груда искореженного бетона, железных прутьев. Кажется, в гору есть отсюда ход… Видна железная дверь. <…> Мы видели только один вход. А сколько их всего? Может быть, под горой целый город?»[12]

Таких «открытий» день ото дня становилось всё больше. Житель Читы Анатолий Болтенко помнит рассказ своего отца, артиллериста лейтенанта Евгения Васильевича Болтенко: «Это под Хайларом было. Помню его рассказ: красноармейцы вражеский дот не могли долго захватить. Подогнали танк на прямую наводку. Несколько раз выбивали бронеплиту на амбразуре. Но через какое-то время там вновь появлялся пулемётчик, как черт из табакерки, и убивал наших бойцов. Сапёры обнаружили водопровод, идущий к злополучному доту. Обрезали. Вот после этого – через пару дней – японцы сдались. Под дотом красноармейцы обнаружили глубокую пещеру в несколько этажей – с провиантом, боеприпасами»[13].

Иван Григорьевич Петрученко, житель забайкальского села Нижний Цасучей, прибыл к сопке Аботу на пятый день от начала штурма. Он вспоминает: «Наши командиры пожалели нас. Они на Западе обстрелянные были, понимали: идти приступом на каменную крепость в горе – это же верная смерть. А я к разведроте был прикреплен, и мы тем временем к японцам с тыла зашли, обогнули сопку. Наше задание: уничтожать японских пулеметчиков-камикадзе. Они с пулеметами на горе под запаянными металлическими колпаками сидели, пулей такую оболочку не пробьешь. Так мы изловчились со спины к ним подбираться и под колпак тлеющую телогрейку подсовывали, они там вскорости от удушья погибали. Никак мы поначалу не могли понять, как эти самые камикадзе под железный колпак попали – никаких подходов не видно. Сковырнули покрышки, глянули… а там тайные лазы из глубины горы.

После мы ходы внутри сопок обнаружили, тут и выяснилось, почему доты после взрывов наутро оживают. Уже после китайцы вход в подземные катакомбы указали – далеко за городом. У японцев под землей целый укрепленный бастион был вырыт, на два десятка километров – не меньше! – простирался. Внутрь горы рельсы были проложены, и бронированный поезд все десять дней штурма под землю снаряды бесперебойно поставлял – у японцев нехватки с боекомплектами не было.

Когда до нутра горы добрались, глаза на лоб полезли… Крепость японцев была буквально нашпигована пулеметами и дальнобойными орудиями, автоматическими линиями для подачи боеприпасов, узлами связи, пунктами наблюдения за противником»[14].

Но мы забежали несколько вперед. Вернемся к штурму крепости. Открытие ходов внутрь горы заставило командование Забайкальского фронта снова поменять тактику военной операции. Потребовалось подкрепление и создание специальных штурмовых групп, усиленных тяжелой артиллерией.

14 августа командующий армией генерал-лейтенант А. А. Лучинский создал оперативную группу в составе 94-й и 293-й стрелковых дивизий и двух отдельных артиллерийско-пулеметных бригад, усиленных тяжелой артиллерией. Группе было приказано уничтожить противника в узлах сопротивления и овладеть Хайларской крепостью. Бои продолжались вплоть до 18 августа. Вступление в военную операцию минометных орудий («катюш») сыграло решающую роль в падении японского каменного бастиона.

Мощные минометные орудия вспороли вершину горы Аботу. Отверстия для воздуха в подземной крепости японцев оказались забитыми осколками и каменной пылью: в казармах, лазарете и штабе стало нечем дышать. А главное, сотни, тысячи крыс наводнили рукотворные пещеры в сопках. Грызунов привлек запах крови японских солдат, раненых при минометном обстреле и обвале скальных пород. Крысы обгладывали трупы убитых, нападали на пациентов лазарета и, вконец обнаглев, накидывались на забывшихся во сне обитателей каменного бастиона, сумевших было на время потеснить их, законных хозяев. Но сейчас крысы брали реванш – скрыться от хвостатых вампиров было невозможно. На место застреленных или растоптанных тварей из щелей и нор тотчас выкатывались новые несметные стаи грызунов.

Сдаться в плен японским военным казалось менее унизительным, чем быть заживо обглоданными крысами. Или, того хуже, погибнуть от чумы. Крысы, возможно с чумными блохами, наводнили японскую военную крепость. Генерал Номуро, комендант крепости, вывел на поверхность своих уцелевших при минометном обстреле подчиненных, признал полное поражение.

Доказательством того, что свои надежды на реванш милитаристские круги Японии связывали с их главным оплотом в тылу советской Красной армии – Хайларским укрепрайоном, служат данные разведывательной сводки, полученной командованием 1-го Дальневосточного фронта: «…противник 16 августа 1945 г. продолжал оказывать упорное сопротивление и усиливать военную группировку. Отступая, противник смещался на запад-северо-запад», то есть в сторону Хайларского операционного направления.

Взятие советскими войсками Хайларской подземной крепости спутало планы наиболее агрессивных кругов японской военщины о реванше, лишило их возможности развязать контрнаступление и крупномасштабную бактериологическую войну против СССР.

Оперативная сводка за 19 августа, опубликованная в газете «Правда» 20 августа 1945 г., тому подтверждение: «В Маньчжурии войска японской Квантунской армии на большей части фронта прекратили сопротивление и продолжают сдаваться в плен <…>».

Тени отряда 731.

Крепость пала. Но угроза распространения чумы по-прежнему оставалась вполне реальной. Послушаем фронтовика Ивана Петрученко: «В катакомбах Хайларской подземной крепости трупы японских солдат начали гнить, расплодились крысы в немыслимых количествах. Крысиные стаи из подземного убежища японцев набеги к реке Хайлархе и на город Хайлар начали делать. А китайцы эпидемии чумы уж очень опасались – в соседнем городке жители от чумных блох повымерли… Обратились к нашему командованию за помощью. Пришлось нам срочно расчищать завалы в крепости, трупы японских вояк наружу вытаскивать, все помещения в подземном бастионе хлоркой и дезраствором заливать. Наши солдаты всем этим занимались. Только так с нашествием крыс справились»[15].

Но бактериологические диверсии продолжались.

Лейтенант в отставке Михаил Николаевич Соловьев, чья воинская часть в сентябре сорок пятого года базировалась в Чаньчуне, вспоминал: «В Китае много японских вояк переодетых осталось – их от китайцев с непривычки трудно было отличить по виду. Травить нас, красноармейцев, пытались. Вроде войне конец. А люди гибли… Нам постоянно зачитывали имена погибших: то голову нашему бойцу отрубят, то отравят в закусочной… И это опосля капитуляции Японии! Нас призывали бдительность соблюдать. В публичные дома чтобы не бегали, заразы там разной много. Японцы специально женщин в публичных домах заражали: стремились с помощью венерических заболеваний нашу армию обессилить… нас об этом русские эмигранты предупреждали»[16].

А это свидетельство Веры Васильевны Лопахиной (записано со слов ее дочери. – *Авт.*). Она из семьи высланных с Кубани в Забайкалье кулаков, то есть с клеймом неблагонадежной. Окончила при рабфаке курсы медсестер, служила в заградотряде, где уголовники, взятые из тюрем и лагерей, собирали на поле боя наших бойцов, пораженных инфекционными болезнями. Но выхаживали их врачи и медсестрички.

В августе сорок пятого года их отряд под началом Малиновского был переброшен в Китай. Медсанбат базировался под Харбином. Лопахина вспоминала: «Собирали раненых бойцов на поле боя и заболевших красноармейцев в воинских подразделениях. Было много инфекционных болезней. Таких пациентов, то есть заразных, помещали отдельно – в карантинных палатках. Питье, лекарства им заносили «зэки», или, вернее, заградотрядовцы. Они же опорожняли параши и судна. Инъекции и прочие медицинские процедуры выполняли мы, медработники. Были больные с гангреной, им ампутировали конечности. Валом шли бойцы, больные венерическими болезнями… Несколько палаток было отведено под больных брюшным тифом и холерой»[17].

Чума? И с чумой пришлось столкнуться.

Об этом свидетельствует житель Читы, фронтовик, лейтенант в отставке Донат Георгиевич Дмитриев (он окончил краткосрочные курсы японского языка, в 1945 г. был направлен в распоряжение контрразведки 17-й армии Забайкальского фронта):

«21 августа 1945 года к нам в отдел «Смерш» 17-й армии Забайкальского фронта китайцы привели пленного японского солдата. Кажется, его Мори Токано звали. Я был переводчиком. Оказа-

лось, Токано – один из головорезов из «летучего отряда» Сибато. Диверсантов, по словам пленника, более трёхсот человек, ядро составляют воины-камикадзе.

Японские воины-смертники были заброшены к нам в тыл не случайно: их цель – диверсии на территории северного Китая и дальше – в Монголии и Сибири. Как правило, командирами таких отрядов назначались офицеры в звании не ниже генеральского. Так что Сибато – волк матерый.

Выяснилось, что Сибато заявил своим солдатам: «Капитуляция Квантунской армии на самом деле – обман, словеса для отвода глаз советских красноармейцев». Им же, сибатовцам, надо пробиваться к морю: там ждут японские корабли. Но пропуском на родину, предупредил Сибато, будут пустые керамические бомбы, до этого начиненные смертоносными смесями (субстратами холеры) и чумными блохами. Их предстоит опустошить в реках и водоемах в тылу советских войск. Или под колесами советских автомашин и гусеницами танков. Начнется мор рабочего скота (лошадей), эпидемии инфекционных болезней среди солдат… И еще вопрос: кто кого подломит? И чей верх окажется? Они подпалят фитиль, а рванет в Хайларском укрепрайоне»[18].

Все морские порты уже были нашими, а Хайларская крепость пала. Но сибатовцы-то этого не знали и готовы были, как говорится, землю носом рыть, чтобы попасть на борт корабля, отбывающего в Ниппон. А бомбы, или сосуды, начиненные смертоносными бактериями чумы, сапа и сибирской язвы, в тайниках на территории Маньчжурии – как раз по ходу войск советской Красной армии – были заложены заранее сотрудниками отрядов 731 и 100, входивших в состав Квантунской японской армии. Эти отряды сами же японцы называли «фабриками смерти».

Но продолжим рассказ Д. Г. Дмитриева: «Двое суток мы преследовали Сибато и его отряд по барханам пустыни, враг уходил всё дальше… У нас не было запасов воды. Капитан Рыжов приказал прекратить преследование. <…>. Лишь авиаразведка отыскала «летучий отряд» – уже глубоко в пустыне Гоби, сибатовцы успели пересечь границу Монголии… Их уничтожили, японские воины-смертники в плен не сдались»[19].

Цена сделки.

Советский Союз потребовал привлечения к ответственности и наказания руководства отряда 731 во главе с начальником отряда Сиро Исии на Международном военном трибунале для Дальнего Востока.

Но Исии попросил убежища у американских оккупационных войск, где был подвергнут лишь формальному допросу. Советской стороне было передано заключение, что местопребывание руководства отряда 731, в том числе Сиро Исии, неизвестно. Мало того! Обвинять отряд и самого генерала, начальника отряда 731, в военных злодеяниях нет оснований.

Годы спустя американский журналист Джон В. Пауэлл после рассекречивания ряда документов в конце шестидесятых годов двадцатого века на основании «Закона о свободе информации» пролил свет на закулисную сторону сделки американских войск с командованием отряда 731. Восемь тысяч слайдов с ходом экспериментов над живыми людьми были переданы американской стороне за ничтожную сумму – $700 (по курсу того времени). Основной причиной сокрытия японских военных преступников явилось то, что «советской стороне было мало известно о научно-технической стороне исследований и экспериментов отряда 731, а судебный процесс мог открыть завесу тайны»[20].

Приведем выдержки из статьи Пауэлла: «Научные сотрудники Форт-Детрика – базы бактериологического и химического оружия армии США – доктора наук Эдвин Хилл и Джозеф Виктор заявляют: «Материалы «отряда Исии» стоят миллионы долларов и являются результатом долголетней научно-исследовательской работы. Такие материалы не могли быть получены в наших лабораториях по моральным соображениям, не позволяющим нам проводить эксперименты на живых людях. Нам эти данные достались за ничтожную сумму в 250 тысяч иен (700 долларов по курсу того времени)». <…> В настоящее время группа Исии, тесно сотрудничая с США, готовит большое количество материалов для нас и дала согласие предоставить в наше распоряжение 8 тысяч слайдов, на которых запечатлены животные и люди, подвергшиеся бактериологическим экспериментам. <…> ценность этого значительно выше того, чего мы достигли бы, возбудив судебное расследование военных преступлений»[21].

А что сталось с самими «селекционерами»? Часть ученых-микробиологов из отряда 731 продолжили легальную медицинскую деятельность в Японии, прожили остаток жизни в довольстве и покое. Другие после Второй мировой войны переехали в США, где вместе с американскими коллегами трудились над созданием более совершенного бактериологического оружия.

О Сиро Исии достоверных сведений нет – упрятан был хорошо. В 1959 г. его дочь заявила, что отец скончался в кругу семьи в Токио в возрасте 67 лет.

Нина Коледнева, военный корреспондент.

За журналистские расследования неизвестных событий Советско-японской войны награждена медалью Константина Симонова (советского военкора, работавшего в 1941–1945 г.г. на передовой).

P. S. Нина Коледнева – литературный псевдоним Н. В. Беломестновой.

Примечания

[1] Личный архив автора. Л. 1.
[2] *Моримура С.* Кухня дьявола: Правда об «отряде 731» японской армии: пер. с яп. М.: Прогресс, 1983. С. 94.
[3] *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 178.
[4] Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. 222. Л. 109–110.
[5] Там же. Л. 88.
[6] Там же. Л. 87–88.

[7] Личный архив автора. Л. 2.
[8] *Коледнева Н. В.* Молниеносный бросок. Война с Японией 9.08–2.09.1945 г. Чита, 2012. С. 72.
[9] Там же. С. 67–68.
[10] Там же. С. 79–80.
[11] Личный архив автора. Л. 2.
[12] *Жапхандаев Д.* Между Алханаем и Ямато / пер. с бур. яз. В. Балдоржиева. Чита, 2002. С. 60–61.
[13] Личный архив автора. Л. 3.
[14] *Коледнева Н. В.* Указ. соч. С. 81.
[15] Там же. С. 81–82.
[16] Там же. С. 86.
[17] Личный архив автора. Л. 4.
[18] *Коледнева Н. В.* Молниеносный бросок: война с Японией 09.08–02.09.1945 г. Чита, 2015. С. 135–137.
[19] Там же. С. 137.
[20] *Коледнева Н. В.* Молниеносный бросок… Чита, 2012. С. 124–125.
[21] *Коледнева Н. В.* Молниеносный бросок… Чита, 2015. С. 146.

Т. В. Ярославцева,
учитель русского языка и литературы основной общеобразовательной школы с. Отрадное Вяземского муниципального района Хабаровского края

Сохранение памяти о геноциде советского народа на основе семейных ценностей, традиций и реликвий

Аннотация
Доклад посвящен теме бережного отношения к семейным традициям, реликвиям и ценностям как олицетворению памяти о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны и формированию исторического мышления обучающихся на примере событий, связанных с войной. Автор подчеркивает взаимосвязь семейных традиций и событий военного времени, что позволяет развивать интерес школьников к изучению истории своей семьи, который сопровождается работой с историческими источниками.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», геноцид советского народа, семейные ценности, традиции, история семьи.

T. V. Yaroslavtseva,
teacher of Russian language and literature of the main secondary school of the village of Otradnoye Vyazemsky municipal district Khabarovsk Territory

Preserving the memory of the genocide of the Soviet people on the basis of family values, traditions and relics

Abstract
The report is devoted to the topic of respect for family traditions, relics and values as the personification of the memory of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War and the formation of historical thinking of students on the example of events related to the war. The author emphasizes the relationship between family traditions and wartime events, which allows students to develop interest in studying the history of their family, which is accompanied by work with historical sources.
Keywords: The Great Patriotic War, Project «No Statute of Limitations», the genocide of the Soviet people, family values, traditions, family history.

Я далеко не восторгаюсь всем,
что вижу вокруг себя, но клянусь честью,
что ни за что на свете я не хотел бы
переменить Отечество или иметь другую историю,
кроме истории наших предков,
такой, какой нам бог её дал.

А. С. Пушкин

В современной России важной проблемой, на которую стоит обратить особое внимание, является сохранение исторической памяти населения о Великой Отечественной войне, потому как это событие – событие эпохи не только для народов нашей страны, но и всего мира. Каким бы тяжелым оно ни было, это достояние нашего народа, заслуга наших предков, которые отдали свои жизни в сражениях, блокаде и выживании в это страшное время.

Сохранение этого времени в памяти народа – важнейшая политическая, моральная и культурная задачи. Дабы не угасала историческая память и не прерывалась взаимосвязь поколений, патриотизм должен формироваться с детских лет на протяже-

нии жизни, это должно стать мировидением. Наше поколение должно беречь и передавать бесстрашие и героизм наших прародителей для сохранения мира на земле. Наш долг – пронести память об эпохальных подвигах наших национальных предков.

Формированию патриотизма у школьников в современном образовании уделяется особое внимание. В мае 2020 г. Президент России Владимир Путин предложил расширить понятие воспитания учащихся так, чтобы оно было направлено на формирование «чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа, к природе и окружающей среде».

Формирование патриотизма невозможно без сохранения исторической памяти. Широко известный проект «Без срока давности» как раз таки и имеет своей целью «сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны, установление обстоятельств вновь выявленных преступлений против мирного населения». «Правда об истории и об ужасной трагедии, которая постигла человечество во время Второй мировой войны, – вот об этом мы никогда не должны забывать. Не должны предавать… своих предков, своих отцов, дедов» (В. В. Путин).

Великая Отечественная война затронула каждую семью, поэтому семейные традиции, реликвии, ценности являются олицетворением памяти о геноциде советского народа. Таким образом, очень важной представляется взаимосвязь семейных традиций и страшных событий в жизни Родины, что, безусловно, позволяет развить интерес у школьников к изучению истории своей семьи, которое сопровождается работой с архивными материалами и историческими источниками.

Сегодня семья рассматривается как ценность № 1. В связи с этим необходимо все усилия направлять на восстановление семейных систем, культивирования взаимопонимания в семьях, на повышение педагогической культуры родителей, совершенствование воспитательного потенциала семьи.

Участие в проекте «Без срока давности» позволяет школьникам обратиться к истории семьи.

В прошедшем учебном году ученица 7-го класса МБОУ ООШ села Отрадное Истомина Дарья стала победителем муниципального и регионального этапов Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» и, таким образом, вышла в состав финалистов конкурса. Ученицей была проделана достаточно большая и кропотливая работа. Её сочинение, написанное в форме сказки-были, посвящено близкому родственнику, дяде дедушки, Кузнецову Константину Матвеевичу.

Для того чтобы воссоздать правдивую и точную картину жизни своего знаменитого родственника, Дарье пришлось изучить семейные письма, пожелтевшие от времени и тщательно хранимые её бабушкой. Старые, почти ветхие листы бумаги превратились в семейную реликвию. «Эти письма в нашей семье достают редко, но это не потому, что мы не вспоминаем страшные события войны, а потому, что боимся испортить, принести вред старым листочкам», – говорит Дарья.

Кузнецов Константин Матвеевич погиб, не дожив до своего двадцатипятилетия. О его смерти родным погибшего сообщил некто Суслов, боевой товарищ Константина: «…*пулемётчик, рядовой боец, который в решающую трудную минуту закрыл своим телом (от взрыва немецкой гранаты) своего командира взвода, то есть меня, и спас мне жизнь. Я был тяжело ранен, а Константин Матвеевич был убит*». Таким образом, юноша заслонил собою товарища, а сам погиб в страшном бою 30 января 1945 г. Прошагав всю войну, он немного не дожил до великой Победы…

Своему родственнику-герою Дарья Истомина посвятила своё сочинение, приняв участие во Всероссийском конкурсе «Без срока давности».

Уважение к своим погибшим родственникам, сохранение памяти об историческом прошлом прежде всего формируется в семье. Именно там дети узнают о героях своей родословной, именно там соприкасаются с тайнами домашнего музея (старыми письмами, вырезками из далеких газет, вещами и предметами, служащими напоминанием о невозвратном прошлом.

Тематическая площадка

«Хабаровский процесс в музейном пространстве. Военные преступления против человечности в экспозициях отечественных и зарубежных музеев»

Аннотация

Площадка посвящена обсуждению места Дальневосточного региона и Хабаровского процесса как ключевой точки в мемориализации истории Второй мировой войны. Участники обсуждали актуальность и проблемы репрезентации Хабаровского процесса и военных преступлений против человечности в музеях Дальнего Востока, представленность темы в фондовом собрании музеев, возможности их дальнейшего комплектования материалами по теме и пути решения имеющихся проблем.

Участники обменялись опытом музеефикации темы геноцида мирного населения СССР в период Великой Отечественной войны в федеральных и региональных музеях России и за рубежом.

И. В. Крюков,
кандидат исторических наук, Генеральный директор Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, председатель отделения РИО в Хабаровском крае

Хабаровский процесс в преломлении музейной практики: из истории коллекции В. В. Павчинского

Аннотация
В статье рассмотрена история формирования коллекции карикатур японских военных преступников из собрания Гродековского музея. Автор карикатур – художник и писатель В. В. Павчинский. Место создания карикатур – Дом офицеров в Хабаровске, где проходили заседания Приморского военного трибунала 25–30 декабря 1949 г.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, милитаристская Япония, Гродековский музей.

I. V. Kryukov,
Candidate of Historical Sciences, General Director of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov, Chairman of the RIO Branch in the Khabarovsk Territory

Khabarovsk process in the refraction of museum practice: from the history of the collection of V. V. Pavchinsky

Abstract
The article deals with the history of the formation of a collection of cartoons of Japanese war criminals from the collection of the Grodekov Museum. The author of the cartoons is the artist and writer V. V. Pavchinsky. The place where the cartoons were created is the meeting of the Khabarovsk War Crime Trial 1949.
Keywords: World War II, Khabarovsk War Crime Trial, militaristic Japan, Grodekov Museum.

История Хабаровского процесса – суда над группой из 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия в годы Второй мировой войны, – не относится к числу топовых тем в общественном дискурсе Хабаровского края и Дальнего Востока России. Несмотря на то, что информация о процессе никогда не была запретной, суд в Хабаровске пребывал как бы в тени Нюрнбергского и Токийского процессов.

Процесс проходил в Хабаровске (здание современного ОДОРА) с 25 по 30 декабря 1949 г. На суде были заслушаны свидетельства 16 японских военнопленных, заключение судебно-медицинской экспертизы под руководством действительного члена Академии медицинских наук СССР Н. Н. Жукова-Вережникова. Трибунал изучил многочисленные трофейные документы, их фотокопии с переводом вошли в книгу о процессе, изданную в 1950 г. тиражом в 50 тысяч экз.

Вина всех обвиняемых была доказана в ходе процесса, и всем им с учётом степени виновности были назначены наказания в виде различных сроков лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. По приговору суда Ямада, Кадзицука, Такахаси и Кавасима получили высшую меру (25 лет лагерей), Карасава и Сато – 20 лет, Ниси – 18 лет, Оноуэ – 12 лет, Митомо – 15 лет, Хирадзакура – 10 лет, Курусима – 3 года, Кикучи – 2 года.

К смертной казни не был приговорён никто, поскольку 26 мая 1947 г. смертная казнь в СССР была отменена указом Президиума Верховного Совета. Хабаровский процесс стал последним из послевоенных советских открытых судебных процессов над иностранными военными преступникам.

К 1956 г. все осужденные (кроме умершего в тюремной больнице осуждённого Такахаси) были репатриированы в Японию.

Материалы Хабаровского процесса изданы. 28 января 1950 г. Государственное издательство политической литературы получило указание от Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке к изданию материалов Хабаровского судебного процесса отдельной брошюрой, а Государственному издательству иностранной литературы было поручено издать брошюру с аналогичным содержанием на китайском, корейском, английском, французском и немецком языках, обеспечив высокое качество перевода.

18 октября 1950 г. В. Г. Григорьян, председатель внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), сообщил, что «Международной книгой» за рубеж отправлено 8,9 тыс. экз. на немецком, 3 тыс. экз. на французс-

ском, 12 тыс. экз. на английском, 72 тыс. экз. на корейском, 74 тыс. экз. на японском языках.

По итогам Хабаровского процесса советское правительство в официальной ноте просило Великобританию, США и Китай организовать международный процесс (со ссылкой на Женевский протокол от 25 июня 1925 г.) над императором Японии и 4 генералами, в числе которых был Сиро Исии. 3 февраля 1950 г. нота была опубликована в газете «Правда». В ней сообщалось о Хабаровском процессе и указывалось на необходимость наказать «других главных организаторов и вдохновителей этих чудовищных преступлений», которые были названы поименно. На ноту СССР согласием ответила только Китайская Народная Республика.

Не отличаясь масштабностью, юридически и морально Хабаровский процесс поставил точку в осуждении японского милитаризма как одной из военно-политических сил, развязавших Вторую мировую войну в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Советская сторона подошла к подготовке процесса безукоризненно. В отличие от Нюрнбергского и Токийского процессов, Хабаровский процесс никогда не вызывал юридических нареканий у сторонников реабилитации японских военных преступников.

В собрании Гродековского музея представлены материалы, связанные с Хабаровским процессом: записные книжки журналиста и писателя Николая Рогаля, фотографии с процесса и изюминка коллекции – карикатуры на японских военных преступников, написанные с натуры хабаровским журналистом и художником Вадимом Павчинским.

Вадим Вадимович Павчинский – художник-карикатурист, писатель, член Союза советских художников и член Союза советских писателей. Приехав в Хабаровск из Владивостока, он был зачислен в штат редакции газеты «Тихоокеанская звезда» как художник и литературный работник. В годы Великой Отечественной войны для газеты «Тихоокеанская звезда» он сделал свыше 190 карикатур, 17 плакатов. Кроме того, он автор 60 плакатов «Окна» «Удар по врагу»; 8 плакатов Павчинского было издано Дальневосточным государственным издательством.

Работая корреспондентом на Хабаровском процессе, Павчинский точными, острыми штрихами набрасывал на бумагу лица военных преступников, готовивших миру бактериологическую катастрофу. Работа продолжалась и после приговора, растянулась на долгие месяцы. Художник менял композицию, бился над цветовой гаммой, для иных портретов делал по три десятка вариантов.

Наконец, в мае 1952 г. газета «Известия» опубликовала заметку: «В Хабаровске в кинотеатре «Совкино» открыта выставка работ талантливого карикатуриста-графика В. Павчинского на тему «Преступники бактериологической войны». Выставку карикатур посетили тысячи зрителей. В ближайшее время она будет демонстрироваться в других городах Дальнего Востока».

В том же 1952 г. портретная галерея оказалась среди экспонатов Всесоюзной выставки советской сатиры и была приобретена Хабаровским краеведческим музеем у автора.

Ю. А. Филипенко,
ММК «Победа», г. Южно-Сахалинск

Репрезентация трагедии мирного населения на Сахалине в Музейно-мемориальном комплексе «Победа»

Аннотация

Хабаровский процесс 1949 г. раскрыл преступления японской армии по разработке бактериологического оружия, его испытаниях на живых людях и подготовке к бактериологической войне против СССР.

Сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР в годы Второй мировой войны – жертвах военных преступлений является основополагающей в музейной деятельности ММК «Победа». Однако музейная репрезентация военных преступлений Японии на Сахалине и Курильских островах ограничена узостью источниковой базы и отсутствием широкого доступа к историческим источникам.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Хабаровский процесс, освобождение Сахалина и Курильских островов, исторические архивы.

Yu. A. Filipenko,
MMK «Pobeda», Yuzhno-Sakhalinsk

Representation of the tragedy of the civilian population on Sakhalin in the Museum and Memorial complex «Victory»

Abstract

The Khabarovsk Trials of 1949 revealed the crimes of the Japanese army in developing bacteriological weapons, testing them on living people and preparing for a bacteriological war against the USSR.

Preserving the historical memory of the tragedy of the civilian population of the USSR during the Second World War – the victims of war crimes is fundamental in the museum activities of MMK «Pobeda». However, the representation of Japanese war crimes on Sakhalin and the Kuril Islands is limited by the narrowness of the source base and the lack of wide access to historical sources.

Keywords: World War II, The Khabarovsk Trials, Sakhalin and the Kuril Islands, historical archives.

Открытие части архивов ФСБ России, касающихся военных преступлений японских милитаристов на территории Маньчжурии, Китая, Кореи, – это своевременное и значимое для нас, музейщиков, событие. Особенно это важно для представителей Сахалинской области, поскольку Южный Сахалин находился под японской оккупацией в течение 40 лет. Курильские острова также окончательно вошли в состав СССР лишь в 1945 году.

Сегодня широко обсуждается тема японской военщины, связанная с военными преступлениями японцев, совершенных ими на оккупированных территориях. В связи с этим хотелось бы поднять несколько вопросов, относящихся непосредственно к Сахалинской области, которые крайне важны для осуществления деятельности нашего Музейно-мемориального комплекса «Победа» в Южно-Сахалинске, ведь его экспозиции посвящены военным событиям, связанным с островным регионом. А Сахалинская область является территорией, на которой происходили события четырех войн: Крымской 1853–1856 гг., Русско-японской 1904–1905 гг., Гражданской и Второй мировой.

Музей «Победа» во многом уникален, поскольку он единственный в стране, где один из экспозиционных залов полностью посвящен событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Сразу три зала, два из которых – трехмерные панорамы, посвящены освобождению Южного Сахалина и Курильких островов от японских милитаристов. Экспозиции охватывают не только события августа-сентября 1945 г., но и предшествующие 40 лет жизни острова Сахалина, разделенного пополам с японцами по 50-й параллели.

Помимо вопросов военного строительства, экономики, боевых действий на Сахалине и Курильских островах, часть экспозиции зала «Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны» освещает тему послевоенного устройства – деятельность Гражданского управления на Сахалине, заселение освобожденного юга советскими гражданами, репатриация японского населения и корейских вопрос.

После окончания войны Япония отказалась от решения вопроса корейского населения, которое было привезено на остров, в том числе насильно. Вопрос репатриации корейцев, а также определения их гражданства или подданства остро стоял еще несколько послевоенных десятилетий. Однако некоторые важные темы не смогли найти отображения в экспозиции из-за отсутствия визуальных материалов и документальных свидетельств.

Так, большой интерес вызывает уголовное дело в отношении бывшего командира 88-й пехотной дивизии Японии генерал-лейтенанта Тоитиро Минэки, который был осужден в Хабаровске в 1950 г. Среди инкриминированных ему преступлений доподлинно известно о расстреле корейского населения, обвиненного японцами в шпионаже в пользу СССР (речь идет о преступлении, совершенном после объявления Советским Союзом войны Японии). Тогда, без суда и следственных мероприятий, было расстреляно 18 человек корейского населения г. Сикука (ныне Поронайск), которых вывезли в район современного с. Леонидово (тогда Камисикука) и расстреляли. Другой известный случай произошел в д. Мидзухо (ныне с. Пожарское Холмского района). 22 августа 1945 г. японская часть жителей деревни устроила расправу над односельчанами корейского происхождения, в результате которой были убиты 27 человек. Суд над учинившими расправу японцами состоялся в Хабаровске в 1946 г., семеро из представших перед судом были бывшими солдатами японской армии. В 1996 г. в память об этой трагедии был установлен памятник. Об этом событии написано в книге «Трагедия деревни Мидзухо» сахалинского писателя-краеведа Константина Ерофеевича Гапоненко.

Помимо описанных событий, в Государственном историческом архиве Сахалинской области хранится «Доклад об убийствах корейцев в Эсуторском районе» (Ф. 171. Оп.1. Д. 6. Л. 20).

На сегодняшний день имеющихся в нашем распоряжении материалов недостаточно для документального и визуального подтверждения всех преступлений японской армии на территории бывшего губернаторства Карафуто. До сих пор остается открытым вопрос об исторических источниках сахалинских событий, о доступе к материалам уголовных дел: протоколам допросов, документам следственных мероприятий и экспериментов, фотоматериалам. Возможно, имеются доказательства других преступлений японцев, которые могли быть совершены на территории Карафуто.

Последний губернатор Карафуто – Оцу Тосио был арестован 30 декабря 1945 г. и осужден в Хабаровске. В 1950 г. он был освобожден. Однако до сих пор остаются неизвестными причины ареста, за какие преступления он был осужден. Неизвестно, где хранится дело этого японского подданного? Возможна ли выдача документов для работы?

С начала 1950-х гг. вокруг темы японского управления Южным Сахалином и Курильскими островами среди сахалинского населения ходит большое количество неомифологем, касающихся размещения подразделений отряда № 731 на Курильских островах, секретных взлетных полос с оставшимися на них японскими самолетами и многие др. Бóльшая их часть давно опровергнута. Однако информацию о размещении на Сахалине лагеря американских военнопленных (чаще всего указывается район оз. Тунайча) подтвердить или опровергнуть не удается. В очередной раз эта тема была поднята в начале 2000-х гг., после приезда на Сахалин американского гражданина, который искал место расположения лагеря, где когда-то находился в плену у японцев его отец. Имеются ли документы (например, донесения разведки) о наличии или отсутствии лагерей военнопленных на территории Южного Сахалина? Имеется ли информация, которая могла бы подтвердить или опровергнуть существующую уже не один десяток лет историю о содержании американцев-военнопленных на Сахалине?

Все эти вопросы остаются открытыми. С их решением напрямую связана полноценность музейной репрезентации темы военных преступлений и геноцида мирного населения в годы Второй мировой войны.

Ю. И. Дин,
Сахалинский областной краеведческий музей

Проблемы источниковой базы по истории уничтожения мирного населения Сахалина на завершающем этапе Второй мировой войны

Аннотация
В статье рассмотрены имеющиеся в распоряжении исследователей источники по изучению массовых убийств корейцев на Сахалине в августе 1945 г. Документы государственных органов, проводивших расследование убийств в 1946 г., до сих пор засекречены. Вследствие ограниченности доступа к архивам в качестве источников используются цитаты из документов в художественных произведениях.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Сахалин, корейцы, японцы Мидзухо, Камисиска, убийства.

Yu. I. Din,
Sakhalin Regional Museum

Problems of the source base of the history of the destruction of the civilian population of Sakhalin during the final stage of the Second World War

Abstract
The article examines the sources available to researchers on the study of the mass killings of Koreans on Sakhalin in August 1945. The documents of the state bodies that investigated the murders in 1946 are still classified. Due to the limited access to archives, quotations from documents in works of art are used as sources.
Keywords: World War II, Sakhalin, Koreans, Japanese Mizuho, Kamisisuka, murders.

Для корейской диаспоры Сахалина огромное значение имеют события, связанные с японским периодом истории острова. К этому периоду относятся факты принудительной мобилизации корейцев для работы на шахтах и в промышленности Южного Сахалина, разделения семей, невозможности вернуться домой и т.д. К августу 1945 г., когда Южный Сахалин и Курильские острова брала под контроль Красная армия, относятся и трагедии массовых убийств корейцев японцами.

Изучение событий на Сахалине в 1945 году серьезно затруднено недостаточным доступом к источникам. Рассекреченные документы лишь несколькими штрихами рассказывают о ситуации, сложившейся на Южном Сахалине в конце войны. Например, в справке[1] начальника гражданского управления г. Эсуто-ру[2] А. Колесникова об обстановке на вверенной ему территории говорится, что катастрофическое падение численности населения объясняется в том числе и «убийствами корейского населения японской военщиной»[3]. Количество корейцев в г. Эсутору в тот период сократилось почти в два раза – с 10 229 чел. до 5332 чел.

В справке о работе УМВД по Сахалинской области по борьбе с вражескими и уголовно-преступными элементами за 1946 г. сообщается, что в ноябре 1946 г. была арестована группа из 10 чел. во главе с полицейским Кикучи, которая в конце 1945 г. расстреляла трех корейцев в пос. Тирикоро[4].

В Государственном историческом архиве Сахалинской области (ГИАСО) хранится еще одно косвенное свидетельство об убийствах корейцев. Это фотография, сделанная одним из военных корреспондентов в августе 1945 г. На фотографии не изображено ничего экстраординарного, но название, данное автором, весьма примечательно. Однако ничего об этом случае – даже точное место событий – неизвестно.

Большие изменения, связанные с расширением источниковой базы, произошли в конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. На общей волне начавшейся архивной революции стали доступны некоторые документы, касающиеся убийств корейцев японцами. Самым громким открытием стало уголовное дело, которое органы сахалинской госбезопасности расследовали в 1946 г. Оно касалось убийства 27 корейских жителей деревни Мидзухо[7] (включая женщину с шестью детьми). Этот факт частично был обнародован в книге известного сахалинского краеведа и писателя Константина Ерофеевича Гапоненко (1933–2019) «Трагедия деревни Мидзухо», которая вышла в 1993 г.[8] (переиздана в 2012[9], в 2015 г. издана на корейском языке[10]). Несомненная заслуга автора в том, что «об-

молвки» советских документов и ходившие среди сахалинской корейской диаспоры страшные слухи обрели реальный образ, воплощенный в художественной повести. В 2015 г. Константин Ерофеевич сообщил автору в личной беседе, что он узнал об этом событии во время приезда на Сахалин кореянки Ким Гёнсун.

Согласно воспоминаниям Ким Гёнсун, которой в 1945 г. было 16 лет, они с семьей проживали в Камисиска[11]. 17 августа 1945 г. ее отца (54 года) и брата (19 лет) арестовали японские жандармы под предлогом того, что они «шпионы». Она же вместе с матерью была вынуждена эвакуироваться через г. Корсаков в Японию. Долгие 46 лет Ким Гёнсун искала возможность вернуться на Сахалин и найти потерянных родственников[12].

По словам Гапоненко, он заинтересовался бедой Ким Гёнсун и сделал запрос в органы УФСБ по Сахалинской области. Ему прислали копии документов уголовного дела об убийствах в Мидзухо, на основании которых он и написал свою книгу. Однако позже копии затребовали назад, мотивируя тем, что документы все еще засекречены.

Однако Константин Ерофеевич что-то напутал в данной истории. Ким Гёнсун приезжала на Сахалин в 1991 г., а его первая статья в газете «Коммунист» датируется 1989 г.[13] Тем не менее ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что свою книгу он написал на подлинных документах. Несомненна также его значительная роль в обнародовании реальных фактов массовых убийств корейцев, привлечении внимания российского и корейского общества к данной проблеме. Частично именно на книге Гапоненко написано монографическое исследование «Сахалинское Мидзухо: действительная картина зверской резни», вышедшее в 2008 г. на корейском языке[14].

Однако, несмотря на всю ценность и уникальность книги Гапоненко, мы не можем исследовать исторические события по художественному произведению. «Трагедия деревни Мидзухо» – художественный роман, пусть и основанный на реальных документах и событиях. Невозможно выявить, какие события, описанные в книге, действительно случились, а какие являются плодом вымысла автора для создания соответствующей картины мира и тех идей, которые его волновали. Педагог, писатель и краевед, переживший в детстве ужасы войны и оккупации, он, продолжая традиции великой русской литературы, транслировал благородные идеи – неприятие войны, недопустимость конфликтов на межнациональной либо любой другой почве, необходимость всеми силами бороться за мирную жизнь. Но эти же идеи мешают нам сейчас выяснить детали тех событий, которые имели для сахалинского общества 1945 г. такое важное значение.

Еще об одном событии, которое имеет отношение к семейной трагедии Ким Гёнсун, также известно только по косвенным источникам. Речь идет о массовом расстреле корейцев в жандармерии Камисиска, в результате которого погибли 18 человек. Об этом факте стало известно благодаря книге В. Н. Гриня

Советские офицеры допрашивают начальника Сикукского окружного полицейского управления, по приказу которого в пос. Китои были заживо сожжены несколько корейских семей. Август 1945 г. *ГИАСО. Фотофонд. Оп. 1. Ед. хр. 10.*

«Разлука длиною в жизнь», вышедшей в 2008 г. В 1990-е гг. автор работал на высокой должности в УФСБ России по Сахалинской области и имел доступ к материалам соответствующего уголовного дела. Но он сразу предупреждает читателей, что «имена всех персонажей вымышленные, действительными являются только некоторые названия населенных пунктов. В некоторых случаях изменен возраст персонажей или их реальное присутствие в описываемых событиях… Многие бытовые сцены и зарисовки также являются плодом авторского воображения»[15].

Документы, на основании которых написана книга Гриня, известны. 19 октября 1995 г. Управление ФСБ России по Сахалинской области передало Ким Гёнсун копию уголовного дела на 234 листах, которое имело отношение к убийствам в Камисиска. Ким Гёнсун увезла документы в Южную Корею, и в 2009 г. южнокорейский исследователь Ли Вонён опубликовал их на русском и на корейском языках[16].

Изучая рассекреченные документы, можно сделать предварительные выводы. В рамках уголовного дела было проведено расследование действий корейца Ли Ду Бока (японское имя Кунимото Тофуку), который был осведомителем при японской жандармерии и выполнял мелкие поручения полиции. Он был косвенным свидетелем произошедших событий, знал имена убийц, однако на месте происшествия непосредственно во время расправы не был. Судя по документам, дела убийц – Аояма, Нисимори, Сасая, Миодзима, Накаяма, Хасимото, Киомоко и Кикути[17] – были выделены в отдельное производство[18]. Тем не менее по этим документам можно восстановить саму канву событий, что и сделал Гринь в своей повести.

Однако, как ни ценны документы, из которых нам частично известны события, происшедшие в Камисиска, есть два существенных обстоятельства, препятствующих восстановлению полной и достоверной хроники событий. Во-первых, исследователям доступны не оригинальные документы или копии оригинальных документов, а вторичная публикация южнокорейского исследователя, либо

художественное произведение Гриня. Во-вторых, сами документы рассказывают о косвенных свидетельствах человека, который пусть и работал на японцев, а также слышал выстрелы издалека, но тем не менее не был участником событий. Ли Ду Бок не мог сказать, сколько людей было убито, как их звали, назвать причины, по которым жандармы пошли на убийства, был ли у них приказ от командования на уничтожение корейцев и т.д. Вследствие этого научное исследование истории убийств в Камисиска, как и убийств в Мидзухо, на данном этапе провести невозможно.

В 2020 г. автор, понимая важность научного изучения событий августа 1945 г. и учитывая огромный интерес к этим событиям со стороны общественности России и Южной Кореи, провел предварительное изучение имеющихся фактов и от Сахалинского областного краеведческого музея направил соответствующий запрос в архив УФСБ России по Сахалинской области. Ответа пока не поступило, однако именно в 2021 г. должен истечь 75-летний срок секретности данного типа документов. Их обнародование позволит провести полноценное научное исследование массовых убийств корейцев, имевших место на Южном Сахалине в августе 1945 г.

Примечания

[1] На справке отсутствует дата, но написана она в период с 23 сентября до середины ноября 1945 г.

[2] г. Углегорск Углегорского района.

[3] ГИАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

[4] Пос. Тирикоро – пос. Нерпичье Поронайского района.

[5] Сикука – ныне г. Поронайск, Сикукский округ соответствует примерным границам современного Поронайского городского округа Сахалинской обл.

[6] ГИАСО. Фотофонд. Оп. 1. Ед. хр. 10.

[7] Сейчас это село Пожарское Холмского городского округа Сахалинской обл.

[8] *Гапоненко К. Е.* Трагедия деревни Мидзухо. Южно-Сахалинск, 1992. 134 с.

[9] *Гапоненко К. Е.* Трагедия деревни Мидзухо. Южно-Сахалинск, 2012. 148 с.

[10] 가뽀넨코 꼰스딴찐. 사할린 미즈호 마을의 비극–1945년 8월 일본인의 한인 학살만행에 대한 추적과 기록. 서울: 새문사, 2015. 230쪽.

[11] Сейчас – село Леонидово Поронайском городском округе.

[12] 배영숙. “세월이 흘러도 그때 상처는 아물지 않아요”. 16살에 부친학살 목격한 김경순씨 // 새고려신문. 1991년10월10일. (*Пэ Енсук.* «Время прошло, а раны не заживают». 16-летняя Ким Гёнсун, пережившая зверское убийство отца: интервью // Сэ корё синмун. 1991. 10 окт.

[13] *Гапоненко К. Е.* Трагедия деревни Мидзухо: Пот и кровь Карафуто // Коммунист. 1989. 11 июля.

[14] 사할린 미즈호(瑞穗) 조선인 학살사건 진상조사/ 조사책임자 방일권. 서울: 국무총리실소속 일제강점하강제동원피해진상규명위원회, 2008. 107쪽. (Сахалинское Мидзудо: действительная картина зверской резни / под ред. Бан Ильгвона. Сеул, 2008. 107 с.).

[15] *Гринь В. Н.* Разлука длиною в жизнь…: посвящается моим землякам – сахалинским корейцам: повесть. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2008. С. 63–64.

[16] 이원용. 사할린 가미시스카 한인학살사건 I (소련군KGB수사자료집–원 노문 수록). 서울: 북코리아, 2009. 427쪽. (*Ли Вонён.* Убийства корейцев в Камисиска на Сахалине (по документам Советской Армии и КГБ). Сеул: Пуккхориа, 2009. 427 с.)

[17] Кикути (или Кикучи) – возможно это тот же человек, который фигурирует в справке УМВД от 1946 г. (см. выше).

[18] 이원용. 사할린 가미시스카 한인학살사건 I (소련군KGB수사자료집–원 노문 수록). 서울: 북코리아, 2009. 359쪽. (*Ли Вонён.* Убийства корейцев в Камисиска на Сахалине (по документам Советской Армии и КГБ). Сеул: Пуккхориа, 2009. С. 349).

А. Ю. Волькович, К. Г. Назаня,
Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации

Музей памяти жертв нацизма как опыт расчеловечивания национал-социалистической идеологии путем музеефикации зверств нацизма

Аннотация
В статье представлены результаты научной и экспозиционно-выставочной деятельности Военно-медицинского музея за 2010–2020 гг. Статья рассказывает о концептуальных подходах к отражению в музейной экспозиции преступлений нацизма против человечности, выработанных в Военно-медицинском музее на основе анализа специфики его коллекции.
Ключевые слова: Вторая мировая война, преступления нацизма, Военно-медицинский музей, выставочная деятельность, музейная экспозиция.

A. Yu. Volkovich, K. G. Nazanyan,
Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Museum of the Memory of the Victims of Nazism as an experience of dehumanization of the national socialist ideology by museumisation of the atrocities of nazism

Abstract
The article presents the results of the scientific and exhibition activities of the Military Medical Museum in 2010–2020. The article is devoted to conceptual approaches to the presentation of Nazi crimes in the museum exposition, developed in Military Medical Museum on basis of an analysis of the specifics of its collection
Keywords: World War II, crimes of Nazism, Military Medical Museum, Museum of Memory of Victims of Nazism, museum exposition.

В 2020 г. Военно-медицинский музей – музей медицины России и военно-медицинской службы – отметил 75-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945).

В год 75-летия Победы открылись новые экспозиционные пространства, освещающие бесчеловечность национал-социализма (нацизма), немецкой тоталитарной экстремистской ультраправой идеологии и движения. Национал-социализм объявлял своей целью создание и утверждение на достаточно обширной территории «расово чистого» государства «арийской расы». Сегодня национал-социализм поднимает голову, несмотря на то что наши деды и прадеды боролись с ним. К сожалению, ужасы войны забываются с каждым днем, но этого допустить нельзя. Именно благодаря артефактам и выразительным музейным формам, которые сочетают подлинность и экспрессивность, Военно-медицинский музей реализовал несколько проектов, рассказывающих о преступлениях нацизма против человечности и их расследовании.

Самые значительные из них – «Музей памяти жертв нацизма» и раздел экспозиции «Музей военно-медицинской службы Красной армии», посвященный советским военнопленным и заключенным нацистских концлагерей.

Создать эти проекты позволила коллекция, которая формировалась в несколько этапов.

В 1944–1948 гг. музей пополнился материалами, непосредственно связанными с деятельностью армейских и фронтовых комиссий, а также Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) и Польско-советской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения Майданек. Поступившие материалы отражали деятельность военных судебно-медицинских экспертов и их место в составе комиссии. Координировал деятельность внутри Военно-медицинского музея научно-исследовательский отдел судебной медицины. Руководил отделом представитель известной династии судебных медиков Виталий Николаевич Бокариус (1921–1969).

В 1947–1948 гг. из Центральной судебно-медицинской лаборатории (ЦСМЛ) в собрание музея поступили материалы комиссий по расследованию злодеяний нацистов в концентрационных лагерях, ла-

герях для военнопленных, лагерях-лазаретах на территории СССР, а также в Польше, Германии, Австрии. Поступление в коллекцию Военно-медицинского музея артефактов, связанных с преступлениями против человечности и их расследованием, было не случайным. Оно имело четкую программу, в процессе составления и реализации которой ключевую роль играли военные судебно-медицинские эксперты, а также военные врачи – бывшие заключенные нацистских концентрационных лагерей.

С сер. 1950-х и до начала 1970-х гг. фонды музея пополнились свидетельствами медиков – бывших заключенных нацистских концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных. Были собраны десятки свидетельств. Музей стал хранителем «голосов узников», личных и эмоционально окрашенных свидетельств происходившего в нацистских лагерях. В эти годы в музей поступили также работы художников, сделанные непосредственно после освобождения концлагерей. Многие из переданных работ выполнены участниками фронтовых бригад Военно-медицинского музея. Известно, что в июле 1944 г. в освобождённый Красной армией концлагерь Майданек были направлены специальные фронтовые бригады. Художники фиксировали с документальной точностью процесс работы Польско-Советской комиссии по расследованию злодеяний немцев. Так, живописец и график Игорь Александрович Ершов создал более 120 работ для коллекции Военно-медицинского музея.

В 1950–1970-е годы музей в большей степени фокусирует свое внимание на деятельности движения сопротивления в нацистских лагерях и на судьбах отдельных узников.

Анализ коллекции музея позволил выявить общие принципы, которые положены в основу концепции проектов этой тематики:

– сочетание строгой документальности и эмоциональной окрашенности «музейного повествования», которое достигается за счет системного отражения феномена нацистских концентрационных лагерей в музейной коллекции и большого массива артефактов, передающих личностные переживания участников событий;

– «музейное повествование» сфокусировано на судьбах медиков – бывших заключенных нацистских лагерей для военнопленных и концентрационных лагерей;

– в «музейном повествовании» может быть воспроизведена целая палитра новых для посетителей музея личных историй, могут звучать «живые голоса» непосредственных участников событий.

Перечисленные принципы были положены в основу концепций ряда выставочных проектов, реализованных с 2010 по 2020 г. и посвященных концлагерям. Они предполагают разговор с посетителем «голосом» узника или освободителя, не только рассказывают о преступлениях нацизма, но и дают почувствовать, что за каждым предметом из музейного собрания стоит судьба конкретного человека, известного или безымянного.

Среди них проект 2011 г. «Между жизнью и смертью», реализованный к 65-летию со дня окончания Нюрнбергского процесса. Обращение к посетителю «голосом узника», воссозданным на основе музейного собрания, вызвало неподдельный интерес у публики и было высоко оценено музейным сообществом. Проект был удостоен специального диплома жюри Международного фестиваля «Интермузей» в Москве и стал номинантом премии «Музейный Олимп» в категории «Выставка года» в Санкт-Петербурге.

В последние годы все большую актуальность приобретают экспозиционные, исследовательские и образовательные проекты по теме освобождения и спасения узников нацистских лагерей. Для музея особенно важными становится изучение и популяризация деятельности советских военных медиков по оказанию медицинской помощи бывшим заключенным.

В январе 2015 г. в музее открылась выставка «Освенцим. Спасители и спасенные», приуроченная к 70-летию освобождения лагеря воинами Красной армии. Ее создатели поставили перед собой задачу на основе имеющихся в музее материалов «вернуть имена» героям фотографий узников лагеря, сделанным в ходе работы ЧГК в 1945 г.

Смежную тему поднимал и выставочный проект «Дань памяти. Майданек, о котором узнал весь мир». Выставка была организована к 75-летию со дня освобождения Майданека в июле-августе 2019 г. Она готовилась совместно со студентами кафедры музеологии Института истории СПбГУ. Создатели проекта выявили и представили посетителям материалы, связанные с посещением Майданека поэтом и писателем К. М. Симоновым при подготовке статьи «Лагерь уничтожения».

Разрабатываемые музеем принципы «музейного повествования» легли в основу масштабного проекта – «Музея памяти жертв нацизма», открывшегося 27 февраля 2020 г.

В новой экспозиции демонстрируются подлинные материалы, собранные в ходе работы комиссий по расследованию преступлений в различных нацистских лагерях, как на территории СССР, так и на территории Польши, Австрии и Германии из фондов Военно-медицинского музея.

Активно звучат и «голоса узников». Их «личные истории», воссозданные на основе воспоминаний, дополнены личными вещами, переданными в Военно-медицинский музей в 1950–1970-е гг. Особенностью проекта стало широкое включение в «ткань экспозиции» художественных произведений, созданных в годы Великой Отечественной войны.

Те же принципы легли в основу Музея военно-медицинской службы Красной армии, посвященного преступлениям нацизма против человечности и их расследованию. В экспозиции упор сделан на судьбы медиков – бывших военнопленных и узников нацистских концлагерей, широко представлены личные истории медицинских работников и материалы, связанные с их участием в лагерном движении сопротивления.

Особенно показательна с этой точки зрения экспозиция Музея памяти жертв нацизма. Одним из концептуальных принципов ее построения стало создание условий для постепенного интеллектуального и эмоционального вовлечения посетителя, его приближения к «трудному наследию», которое представляет эта экспозиция. Цели выставки служит предваряющая вход в Музей памяти жертв нацизма зона, отсылающая посетителя к миру нацистского концлагеря. Прежде чем оказаться внутри Музея, каждому необходимо пройти сквозь «лагерные ворота», между двух рядов колючей проволоки, мимо «вышки» с «охранником».

Важную роль в эмоциональном вовлечении посетителя в тему играют произведения современного искусства, созданные специально для музея и интегрированные в его экспозицию: композиция «Помни о тени» И. В. Баскина и «Композиция на тему 87 псалма» Т. Н. Петушковой.

Рассмотренные особенности «музейного повествования» о преступлениях нацизма против человечности в экспозиции Военно-медицинского музея коррелируют с принятой в музее Программой музейно-патриотического воспитания.

Документальность и исключительная по накалу эмоциональная окрашенность большинства проектов, связанных с историей нацистских концлагерей, заставляли и заставляют сотрудников музея снова и снова обращаться к ним в экспозиционной, выставочной и просветительной деятельности, осознавая всю важность этой тематики для нравственного и патриотического воспитания молодого поколения и сохранения исторической памяти о Второй мировой войне.

А. М. Горбунов,
научный сотрудник Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Музеефикация темы геноцида мирного населения СССР в Музее Победы

Аннотация
В статье дан обзор экспозиций, посвященных геноциду мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны, показано их значение для патриотического воспитания молодого поколения.
Ключевые слова: оккупация, геноцид, память, Великая Отечественная война.

A. M. Gorbunov,
Researcher at the Central Museum The Great Patriotic War of 1941–1945

Museumification of the theme of the genocide of the civilian population of the USSR in the Victory Museum

Abstract
The article provides an overview of expositions dedicated to the genocide of the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War, their significance for the patriotic education of the younger generation is shown.
Keywords: occupation, genocide, memory, The Great Patriotic War.

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 г., оставила неизгладимый след в истории нашей страны и нашего народа. Поднятые по тревоге в 4 часа утра солдаты и командиры навсегда ушли в бессмертие, закрыв собой свою Родину. Огненный смерч сражений пронёсся по территориям страны Советов, которая хотела мирно трудиться, ставить мировые рекорды в воздухоплавании, покорять Космос, растить своих детей творцами и созидателями. Советские солдаты и командиры стояли насмерть, но немецкие захватчики превосходили части Красной армии числом. Для вторжения в Советский Союз немцы подготовили 3 группы армий – «Север», «Центр», «Юг», в состав которых входило, включая союзников Германии, 181 дивизия и 18 бригад общей численностью 5,5 млн чел., 47,2 тыс. орудий и миномётов, 4,3 тыс. танков и 5 тыс. боевых самолётов[1]. В приграничных округах СССР находилось 167 дивизий и 9 бригад, в которых насчитывалось 2,9 млн чел., 32,9 тыс. орудий и миномётов, 14,2 тыс. танков и 9,2 тыс. боевых самолётов[2]. Однако не все советские дивизии находились у границы. Красная армия находилась в стадии модернизации и роста, строились новые объекты армейской инфраструктуры

и модернизировались старые, в армии шло массовое обучение личного состава. Эти и другие мероприятия привели к тому, что на большинстве полевых аэродромах начались работы по превращению их полос в бетонные, артиллерийские части дивизий первого эшелона находились в учебных лагерях, сапёрные части участвовали в строительстве дотов на линии новой границы. Итогом военного строительства стало то, что 22 июня 1941 г. в первом эшелоне против 40 советских дивизий было 100 немецких[3].

Несмотря на ожесточённое сопротивление солдат и командиров Красной армии, немцы шли вперёд, захватывая один район за другим. На оккупированной территории немцы сразу же установили так называемый «Новый порядок», который был полностью основан на нацистской идеологии: местные жители подвергались насилию, грабежам и убийствам; ресурсы, ценности и продукты питания изымались в интересах немецкой армии и немецкого государства; население и военнопленные обрекались на мучительную голодную смерть. На всей оккупированной территории создавались концлагеря, в которые сгонялись советские военнопленные, служащие, мужчины призывного возраста; гетто, в которые сгонялось всё еврейское население. Гетто и концлагеря создавались с одной целью – целенаправленное уничтожение советского населения. Не надо думать, что остальные категории населения были защищены от преднамеренного истребления: советское население уничтожали только потому, что народы нашей страны, согласно нацистской идеологии, принадлежали к низшим расам, численность которых необходимо было свести к нулю как можно скорее. Один немецкий солдат вспоминал: «28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцев мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы»[4].

Уничтожение советского населения не было случайностью. В своей книге фюрер Третьего рейха Гитлер откровенно писал о том, что необходимо захватить земли на востоке и колонизировать их. Для успешной колонизации было разработано несколько людоедских планов. Одним из таких планов был план Голода, или план Бакке – по имени создателя плана. План включал в себя всего три пункта: уничтожение лишнего населения, урезание пайков до экстремального минимума, уменьшение затрат на питание сельского населения. Автор плана скрупулезно подчитал: если все эти пункты воплотить в жизнь уже летом 1941 г., то зимой от голода, холода и лишений погибнет 30 млн советских людей. Второй план, «Ост», был более глобальным. Согласно ему на территории от западных границ уничтоженной Польши до Сибири должно было остаться 10–12% славянского населения в качестве рабов, все остальные народы предполагалось выселить в Сибирь или уничтожить. Выселение в Сибирь подразумевало уничтожение, поскольку нацисты не собирались налаживать жизнь покорённых народов.

Только благодаря мужеству и героизму наших дедов и прадедов, солдат и командиров Красной армии, работников тыла, партизан и подпольщиков эти планы остались на бумаге.

9 мая 2020 г. в Центральном музее Великой Отечественной войне 1941–1945 годов открылась экспозиция «Подвиг Народа» (площадь более 3 тысяч м^2), в которой большое пространство отведено теме оккупации территории Советского Союза.

Музейное пространство представлено сгоревшей избой, где посетители могут увидеть разруху принудительно покинутого дома. Оккупанты уже успели покопаться в скудном крестьянском скарбе: вещи разбросаны по дому, рядом вывороченные ящики старого комода, висит не успевшая остыть самодельная детская люлька. В избе висит монитор, на котором мелькают страшные цифры оккупации: количество убитых мирных жителей, количество сгоревших деревень, размер территории, занятой противником.

Во дворе рядом с домом немецкий солдат тащит мать с двумя детьми для отправки их на принудительные работы в Германию, за всем этим следит немецкий офицер, который вышел посмотреть на происходящее в деревне, которую он уже считает своей. Офицер расслаблен, он смотрит на происходящее взором хозяина, рядом с ним стоит столик с шоколадом и коньяком. Взгляд офицера находит не только угон советского населения в рабство, но и сожжённые дома рядом с ним, от которых остались только печные трубы, сиротливо напоминающие о том, что раньше здесь была жизнь. Люди любили и работали, пели песни, рожали детей и почитали предков, теперь на этом месте лишь пепел и разорение.

Между сожжённой избой и печными трубами находится мультимедийный тач-экран «Карта оккупации», на которой показаны планы агрессора и места массовых убийств. Мы собрали информацию о более чем 500 местах массовых убийств и продолжаем эту работу. Основной проблемой в работе по данному направлению является неполнота содержащихся в документах сведений. Так, в отчётах ЧГК зачастую только перечисляется количество сожжённых деревень и сёл, но не содержится их названий и мест расположения. В своём проекте мы поставили задачу показать на интерактивной карте сожжённые деревни, а для этого необходимы точные координаты местности. Мы произвели загрузку сведений о 56 сожжённых населённых пунктах Смоленской, Псковской и Новгородской областей, названия и месторасположение которых мы установили по документам и воспоминаниям.

Ещё один раздел экспозиции называется «Биржа труда», которая воссоздана по фотоматериалам из оккупированного немцами Смоленска. Здесь представлены листовки и плакаты, призывающие оккупированное население ехать в Германию на работу.

Здесь же находится мультимедийный тач-экран, где рассказывается о планах нацистов по сокращению населения, представлены цитаты главарей нацистского рейха. Несколько десятков документов ЧГК рассказывают об отечественных «Нюрнбергах» – судебных процессах над фашистскими преступниками на территории Советского Союза. Помимо этого, имеется большой раздел, посвящённый воспоминаниям осторбайтеров – советских граждан, принудительно угнанных на работы в Германию.

В ноябре 2020 г. в музее проходил форум «Уроки Нюрнберга», к которому в нашем музее было подготовлено выставочное пространство, официально открытое 7 мая этого года, под названием «Мир после войны». Среди материалов экспозиции документы судебных трибуналов над военными преступниками XX века – Нюрнбергского и Токийского процессов, Хабаровского трибунала, статистические данные о людских и материальных потерях в годы войны, статьи о работе политиков и дипломатов по созданию ООН и т.д. Гости увидят раритеты – личные вещи и фотографии Романа Руденко, подлинные рисунки художников Кукрыниксов, сделанные ими на Нюрнбергском процессе, личные вещи Василия Соколовского, копии списка Шиндлера. Один из мультимедийных экранов называется «Суд народов». На нем рассказывается о трёх процессах над фашистскими преступниками: Нюрнбергском, Токийском и Хабаровском. Помимо описания хода судебного процесса, обвинителей и нацистских преступников, представлены воспоминания тех, кто выжил в годы немецкой оккупации, членов ЧГК, а также документы ЧГК.

Экспозиционная и поисковая архивная работа Музея Победы направлена на сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и геноциде мирного населения.

Примечания

[1] *Горбунов А. М.* К истории обороны Смоленска в 1941: Контрудар Красной Армии под Лепелем // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 52.

[2] Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооружённых сил. Стат. иссл. М.: Олма-Пресс, 2001.

[3] *Исаев А. В., Драбкин А. В.* История Великой Отечественной войны. М.: Эксмо: Яуза, 2018. С. 73.

[4] *Шнеер А.* Плен… С. 169 (Цит. по: *Дюков А. Р.* За что сражались советские люди. М.: Эксмо: Яуза, 2007. С. 7).

И. А. Овчинникова,
Белгородский государственный историко-краеведческий музей

«В цепи фашистских злодеяний». О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на Белгородчине в годы Великой Отечественной войны

Аннотация

В статье на основе документальных источников, хранящихся в фондах ГБУК «Белгородский государственный историко-краеведческий музей», представлены факты злодеяний немецко-фашистских захватчиков на Белгородчине в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Белгород, злодеяния, виселица, сожжение.

I. A. Ovchinnikova,
Belgorod State Museum of Local Lore

«In the chain of fascist atrocities». About the atrocities of the Nazi invaders in the Belgorod region during the Great Patriotic War

Abstract

The article describes the facts of the atrocities of the Nazi invaders in the Belgorod region during the Great Patriotic War on the basis of available documentary sources in the funds of the Belgorod State Museum of Local Lore.

Keywords: Great Patriotic War, Belgorod, atrocities, gallows, burning.

Жизнь белгородцев, оказавшихся на захваченной немецкими войсками территории, находит отражение в документах, хранящихся в фондах Белгородского государственного историко-краеведческого музея

(БГИКМ). Документы свидетельствуют, что она была полна ужасов и страданий.

Продвигаясь быстрыми темпами, гитлеровцы захватывали города и села Белгородчины и вели войну на истребление. 20 долгих и страшных месяцев Белгород находился под гнетом гитлеровцев: «… фашистские изверги установили в городе режим насилия, кровавого террора, грабежа и массового истребления мирного населения. Буквально по пятам почти каждого гражданина ходила смерть, и она преследовала каждого лишь потому, что он являлся гражданином Советского Союза. Проводя идею массового истребления советских граждан, фашистские кровавые палачи использовали всяческие дикие, зверские методы: расстрелы, измор голодом и холодом, сожжение заживо, избиение до смерти, жестокие пытки»[1].

В центре Белгорода, на Базарной площади у церкви стояла виселица. Повешенных не разрешали убирать по несколько суток – так фашисты хотели запугать население города.

В «Акте о зверствах и нанесенном ущербе городу Белгороду и Белгородскому району немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1943 гг.»[2] зафиксированы жесточайшие злодеяния гитлеровцев.

«В результате облав и массовых арестов, в Белгородском доме колхозника немецко-фашистские оккупанты организовали лагерь для военнопленных. В первые дни в лагере совершенно отсутствовало питание, а затем стали выдавать в сутки 500 грамм похлебки, в которой варили дохлую конину. Военнопленные в полном смысле слова голодали, и когда женщины города приносили кусок хлеба, то при подаче его немецкие часовые били палками по рукам. Истомленных от голода и больных заставляли выполнять тяжелые физические работы: перевозка дров из дальнего парка, подвоз бочек с водой из реки, вывоз мертвых и замученных в Дальний парк»[3].

Согласно Акту о зверствах «представители горисполкома Белгородского горсовета депутатов трудящихся установили, что с приходом гитлеровских банд Дальний парк был вырублен, весь изрыт окопами, траншеями и превращен в кладбище для советских граждан. Немецкие захватчики с ноября месяца 1941 по январь 1943 г. каждый день расстреливали, вешали советских граждан и вывозили в Дальний парк, где сваливали в окопы (12–20 м в длину, 1,5–2 м в ширину, 2,5 м в высоту). Трупы лежали в беспорядочном положении друг на друге, причем совершенно не закапывались, а присыпались землей только на 30–40 см и все были в общей массе с землей. При раскопке были обнаружены черепа с пробитой затылочной костью, неразрывная пуля на вылет, были обнаружены черепа, разбитые пополам. По показаниям свидетелей и данным раскопок установлено, что вся площадь Дальнего парка (5 га) представляет собой кладбище, где, по неполным данным, похоронено не менее 2 тысяч человек»[4].

В городе проводились массовые аресты советских граждан. От мирных жителей жандармерия добивалась признательных показаний. Если не удавалось их получить, арестанты становились заложниками, для запугивания которых было введено зачитывание приговора в камере. В здании и подвале аптеки № 8 находился один из главных застенков гестапо, откуда живым никто не возвращался. Очевидцы свидетельствуют, что там находилось до 600 человек, и они были так изнурены и измучены, что их трудно было узнать.

Отсюда осуждённых группами и в одиночку уводили в Дальний парк. После дополнительных издевательств их зверски расстреливали. В экспозиции Музея в память об этих трагических событиях представлены решетка из окна подвала аптеки № 8[5] и плётка для истязания пленных[6].

Еще одно страшное злодеяние было совершено в Белгороде 5 февраля 1942 г. в сараях камышитового завода. В тот день в 7 часов утра от здания аптеки № 8 арестованных жителей свозили к камышитовому заводу. Сюда были согнаны также жители сел Михайловка, Пески, Дальние Пески, Пушкарное, Супруновка и Старого города. В основном это были старики, женщины и дети.

По приказу гитлеровцев полицаи выводили из общей массы группы людей по 50–60 человек, заставляли их на морозе раздеваться догола и загоняли в сарай. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте. По переполненному людьми сараю фашисты открыли огонь. Расстрел продолжался весь день. Затем, сарай был взорван и сожжён. В сараях камышитового завода гитлеровцы варварски сожгли свыше 1700 ни в чем не виновных советских граждан, среди которых было 90 жителей Белгорода. В фондах Музея хранится копия списка белгородцев, сожженных на камышитовом заводе, во время оккупации гор. Белгорода[7], составленного комиссией в 1948 г. В нем указано 90 человек, фамилии некоторых неизвестны. Среди погибших дети, женщины, старики.

Всего по неполным данным по городу Белгороду путем расстрелов, повешения и сожжения уничтожено свыше 5 тысяч советских граждан. Кроме того, был зафиксирован ряд одиночных убийств.

На всей территории Белгородского края с особой жестокостью немецко-фашистские захватчики творили свои злодеяния. Так, в январе 1943 г. в здании школы села Гусек-Погореловка Прохоровского района были заживо сожжены 615 военнопленных и узников Чернянского концлагеря. Об этом страшном факте 26 февраля 1943 г. писала газета «Курская правда»: «Наглухо заколотив двери школы, немцы облили стены бензином и подожгли здание со всех сторон. Того, кто пытался вырваться в окна и бежать, расстреливали на месте»[8].

Жителей Белгородчины угоняли на принудительные работы в Германию. За отказ – арестовывали и мучили в тёмных подвалах, избивали резиновыми палками.

В 1995 г. Дальний парк, превращенный в 1941–1943 гг. гитлеровцами в одно из кладбищ для советских людей, был переименован в «сквер Памяти». В память о жертвах немецко-фашистских злодеяний в Белгороде здесь был установлен памятный знак

жертвам фашизма. На монументальном железобетонном стилобате рельефно показан расстрел советских граждан. Фигуры на памятнике размещены так, словно «зависли» в воздухе между жизнью и смертью. Авторы памятника скульпторы А. А. Шишков и А. А. Пшеничный. На стилобате надпись: «Здесь, на территории бывшего Дальнего парка захоронено свыше 2500 граждан, зверски замученных немецко-фашистскими оккупантами в 1941–1943 гг.

О всех белгородцах, что жертвами пали,
как вечная скорбь – наша вечная память».

Примечания

[1] БГИКМ. НВ 1. Акты о зверствах и нанесенном ущербе городу Белгороду и Белгородскому району немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1943 гг.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] БГИКМ. КП 19714. Решетка из окна подвала аптеки № 8. 1940-е гг.
[6] БГИКМ. КП 3700. Плетка плетеная стальная. 1940-е гг.
[7] БГИКМ. НВ 4. Список граждан города Белгорода, сожженных на камышитовом заводе, во время оккупации гор. Белгорода.
[8] Во имя Победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: По документам и материалам областных архивов. Белгород, 2000.

Е. П. Мироничев,
научный сотрудник Музея Карельского фронта –
филиала БУ «Национальный музей Республики Карелия»

Музей Карельского фронта: опыт репрезентации событий Великой Отечественной войны на оккупированной территории Карелии и Заполярья

Аннотация
Материал посвящён отражению в музейной экспозиции темы финских концентрационных лагерей для местного населения, финских и немецких лагерей для военнопленных. Рассказывается об историческом контексте создания таких лагерей, о специфике их функционирования в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Музей Карельского фронта, Национальный музей Республики Карелия, Карельский фронт, Заполярье, концлагеря, оккупация.

E. P. Mironichev,
researcher of the Museum of the Karelian Front –
branch of the Museum of the Republic of Karelia

Karelian Front Museum: the experience of representing events The Great Patriotic War in the occupied territory Karelia and the Arctic

Abstract
This article is dedicated to the problem of finnish concentration camps for the local population on the occupied territory in Karelia, and to german and finnish camps for war prisoners in the museum exposition. Article presents the historical context of camps' existence and their working in the Great Patriotic War.
Keywords: the Great Patriotic War, Museum of the Karelian Front, Museum of the Republic of Karelia, Karelian Front, Artic, concentration camps, occupation.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной части территории Карелии с 1941 по 1944 г. существовала сеть финских концлагерей.

Уже с самого начала оккупации в 1941 г. Финляндия начала организацию сети концентрационных лагерей, также известных как «переселенческие»[1]. Контекст создания этой сети весьма специфический, был связан, с одной стороны, с нежеланием финнов «кормить» население, а с другой – с идеями о Великой Финляндии.

В этих идеях не было места славянскому населению, которое стало основным контингентом концентрационных лагерей. Остальные малочисленные народы, населяющие Карелию, считались финнами

дружественными, и потому могли попасть в лагерь, если, например, сочувствовали советской власти.

Всего в лагеря, которых было более десятка, попало около 60 тысяч человек – это очень много с учётом того, что Карелия была оккупирована не вся. Финны к декабрю 1941 г. смогли захватить только часть республики, и захваченная территория не была густонаселённой. В основном это были многочисленные деревни, сёла, поселения. Лишь считаные города, включая столицу – Петрозаводск, были взяты финскими войсками.

Спустя десятилетия память об этих событиях, и о лагерях в частности, сохраняется, а сама тема активно изучается особенно в последние годы. В 2020 г. в Беломорске, расположенном в Северной Карелии, был открыт Музей Карельского фронта, ставший филиалом Национального музея РК. Сам он размещён в здании бывшей железнодорожной школы, в котором в годы Великой Отечественной войны размещался штаб фронта[2].

Постоянная экспозиция разделена на десять залов по географическому принципу, и охватывает все участки Карелии и Заполярья, направления боевых действий с южных рубежей до самого севера. И, конечно, в нём не могла быть не отражена такая сложная тема, как финские концлагеря, – ей посвящён отдельный зал.

В музейной экспозиции широко используются элементы иммерсивного подхода, который применён в зале «Концлагеря». Зал показывает специфику и сложность темы концлагерей благодаря сочетанию сюжетной инсталляции, оформления, использованных предметов и материалов. Участие в создании экспозиции также принимали специалисты творческой мастерской «Невский баталист».

Первое, что видит посетитель, – это сюжетная инсталляция «Жизнь в концлагере». Маленький мальчик просит кусочек хлеба у своей матери в очень бедной, скудной обстановке. Позади них – наспех сколоченный деревянный стол с пустой посудой и деревянные двухъярусные нары, где лежит ещё один человек. В этом фрагменте мы видим не только убранство барака концлагеря, но и можем представить эмоции, мысли и судьбу заключённых.

Здание Музея Карельского фронта. Открыт в г. Беломорске в 2020 г.

Сама инсталляция создана по имеющимся материалам – документам[3], воспоминаниям и фотографиям[4]. Инсталляцию дополняет фоторяд, в котором размещены фотографии военнопленных и заключённых, предоставленные финским военным архивом. На этих коллажах можно увидеть реальные, не наигранные эмоции людей, попавших в плен. По правую сторону на стене находится фрагмент известной фотографии детей – заключённых концлагеря в Петрозаводске. Фотография является одной из наиболее узнаваемых. Её сделала фотокорреспондент Галина Захаровна Санько летом 1944 г.[5], впоследствии фотография использовалась на Нюрнбергском процессе.

Во время экскурсий и с помощью дополнительного материала в зале рассказывается о тяжёлой жизни в таких лагерях – очень маленькие и ветхие бараки, в которых жило по 5 семей; мизерная выдача продовольствия; антисанитария; болезни, инфекции; тяжёлый физический труд каждый день. Когда речь заходит о болезнях и первой помощи, начинается рассказ о финской военизированной женской организации «Лотта Свярд».

Этой организации выделена отдельная витрина. Ее экспонаты показывают участие «Лотта Свярд» в судьбе заключённых, а также демонстрируют различие в положении женщин-заключенных и финских женщин. Экспонаты витрины отражают разные виды деятельности «Лотта Свярд» как вспомогательной организации в армии Финляндии – связь, пошив и ремонт униформы, продовольствие, противовоздушная оборона и разведка, а также главная сфера деятельности: санитарная служба. Представленный манекен одет в униформу медсестры организации, а вокруг манекена расположены предметы, связанные с деятельностью «лотт» и медицинской службой. Роль «Лотта Свярд» в функционировании концлагерей большая – именно эти женщины оказывали первую помощь заключённым, среди которых было много больных и распространены инфекции.

Но необходимо отметить, что эта первая помощь была направлена не на полное излечение заключённых, а только на ограничение распространения инфекций и заболеваний. В сохранении жизней вклад «Лотта Свярд» небольшой – из 60 тыс. заключённых погибло около 20, по самым разным причинам, в том числе из-за отсутствия медицинской помощи. Сама по себе организация играла большую роль в финской армии, занимаясь почти всеми тыловыми работами. Ее деятельность позволяла высвободить мужское население для действующих войск на передовой. В годы войны в организации служило значительное количество женщин – около 300 тысяч при общем населении Финляндии в 3,7 млн человек в 1941 г.

Экспозиция зала заканчивается третьей витриной – «Военнопленный». Он находится за колючей проволокой на фоне лагерных вышек[6], а сам военнопленный в оборванной шинели, в ботинках, с помятым пустым котелком и ложкой. На лице у него – злость и желание отомстить. Судьба таких военнопленных незавидна – более того, лагеря для

Фрагмент витрины «Лотта Свярд» в зале «Концлагеря». Музей Карельского фронта. г. Беломорск.

Фрагмент инсталляции «Военнопленный». Музей Карельского фронта. г. Беломорск.

них на Карельском фронте были не только финские, но и немецкие, которые располагались на севере. Много красноармейцев и командиров попало в плен в первый трагический год войны, и значительная часть пленённых погибла в результате изнурительного труда в тяжелейших условиях. Финны также в этих лагерях отмечали славян специальными «метками» – буквой «V» на спине на форме (по первой букве финского слова «venäläinen», что означает «русский»).

Существование немецких лагерей в Северной Норвегии и судьбы военнопленных в Заполярье также были сопряжены с крайне тяжёлыми условиями – изнурительный физический труд, жизнь в плохо оборудованных жилищах, землянках и бараках при очень скудном питании[7]. Большое количество прифронтовых грунтовых дорог, построенных силами военнопленных, сохранились в Заполярье до сих пор.

Экспозиция зала дополнена документальными источниками, полученными из фондов Национального архива Республики Карелия, Российского государственного архива социально-политической истории, Национального музея Республики Карелия и других региональных и федеральных учреждений. В электронном информационном киоске посетитель может увидеть специальные видеоролики о концлагерях, архивные фотографии заключённых, условий их жизни и работы[8], документы, связанные с описанием деятельности оккупационной администрации[9], иные материалы. Одно из наиболее трагических событий запечатлено на фотографии советских разведчиц Александры Павловской-Анфиногеновой и Марии Сахаровой, попавших в плен. На фото – последние минуты жизни двух девушек, держащихся или связанных за руки и с закрытыми глазами. Такие документальные источники являются необходимым дополнением музейной экспозиции, подкрепляя ее историческую достоверность и позволяя посетителям самим прикоснуться к реальным событиям.

Представленные экспозиционные решения и сама тема вызывают широкий отклик у посетителей: многие из них признаются, что до посещения музея слабо себе представляли, что происходило в этих концлагерях и как они были устроены. При этом историей концентрационных лагерей интересуются не только жители Карелии и Мурманской области, но и гости из других регионов и зарубежья.

Тема финских концлагерей весьма обширна и многогранна. До сих пор имеются белые пятна в их истории. В то же время большое количество информации и источников, полученных музеем в последнее время, позволило создать полноценную и правдивую экспозицию и составить представление о жизни местного населения на оккупированной территории и реальных событиях того времени.

Примечания

[1] Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сб. док. / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева. М.: Фонд «Связь Эпох»: Изд. «Кучково поле», 2020. 408 с.

[2] *Мироничев Е. П.* К вопросу об истории здания Музея Карельского фронта: штаб Карельского фронта и его территория в годы Великой Отечественной войны // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 8. Петрозаводск, 2021. С. 197–203.

[3] НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. П.-2730. Оп. 1. Д. 3. Л. 27–31.

[4] Один из концентрационных лагерей для гражданского населения у пристани в г. Петрозаводске. Фото Г. З. Санько. Петрозаводск. 1945 г. // НМРК. КГМ-61667/1.

[5] Дети за колючей проволокой в концентрационном лагере финнов в Петрозаводске. Фото Г. З. Санько. Петрозаводск. Июнь 1944 г. // НМРК. КГМ-59987.

[6] Вышка охраны концентрационного лагеря № 6 в районе Кукковка в г. Петрозаводске. Фото Г. З. Санько. Петрозаводск. 28–30 июня 1944 г. // НМРК. КГМ-66845.

[7] Советские пленные в Норвегии в годы Великой Отечественной войны: документы и исследования / Сост. М. В. Батшев. М.: Институт Наследия, 2021. 358 с.

[8] Например: Дети, освобожденные из концентрационного лагеря советскими войсками. Фото Г. З. Санько. Петрозаводск. Июнь 1944 г. // НМРК. КГМ-66854.

[9] Напр.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 190. Л. 156–159.

Т. И. Столярова,
заведующая Музеем партизанской славы в Навле

Фашистский оккупационный режим на территории Навлинского района Брянской области

Аннотация
В статье приведены фрагменты документов, воспоминаний, выдержки из дневников и литературы о фашистском оккупационном режиме на территории Навлинского района Брянской области.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Брянская область, оккупационный режим, зверства фашизма, партизанское движение.

T. I. Stolyarova,
Head of the Museum partisan glory in the Navlya

The fascist occupation regime on the territory of the Navlinsky district of the Bryansk region

Abstract
The article presents documents, memoirs, excerpts from a diary and books about the fascist occupation regime on examples of fascist atrocities against civilians in the Navlinsky district of the Bryansk region.
Keywords: The Great Patriotic War, Bryansk region, the occupation regime, the atrocities of fascism, the partisan movement.

Злейшим врагом арийцев Гитлер объявил коммунизм и планировал расширение «жизненного пространства» Германии за счет славянских земель. В своей программной книге «Майн кампф» еще в 1924 г. он писал: «Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России».

При этом солдаты Вермахта руководствовались в своей оккупационной политике на Востоке принципом: «Чем больше погибнет людей, тем легче будет проводить колонизацию».

В 1941 г. Гиммлер поставил задачу уничтожить в России 30 миллионов человек. Речь шла о мирном населении. Эта задача выразилась в зверствах фашистов против мирного населения.

Навлинский район Брянской области был оккупирован с 6 по 10 октября 1941 г. Сразу после оккупации на собрании в райцентре гитлеровцы заявили населению: «Все коммунисты, комсомольцы и советские активисты объявляются врагами народа и подлежат беспощадному уничтожению».

После собрания фашистские оккупанты приступили к осуществлению своих планов. В Навле начались грабежи и насилия над мирным населением. Первыми жертвами стали три подростка. Оккупанты повесили их на самом видном месте, где до войны стоял памятник Ленину и где в первые дни оккупации немцы установили виселицу, просто так – для устрашения. Вскоре участь мальчиков разделила одна женщина, через несколько дней пятилетняя девочка и семилетний мальчик, которых комендант расстрелял лично: он становился на грудь детей и стрелял им в головы. На виселицах в Навле всегда качалось по 12–13 трупов мирных жителей. Так немцы стали устанавливать свой «новый порядок».

Александр Васильевич Суслин – первый секретарь подпольного окружкома и райкома РК ВКП(б) Навлинского района, организатор и руководитель партизанского движения в районе, в своих дневниках, которые хранятся в Навлинском музее партизанской славы, так охарактеризовал этот порядок:

«Вся эта свора контрреволюционеров под руководством гестаповцев занялась наведением в районе так называемого «порядка», который выражался в разгроме школ, клубов, уничтожении советских активистов и ограблении местного населения. Они отделили всех евреев от русских, нашили на одежду евреям желтые бубновые тузы и производили над ними другие издевательства: если еврей, то сойди с дороги в грязь и кланяйся проходящему фашистскому прихвостню. Заставляли так же русских мужчин, женатых на еврейках, развестись со своими женами и бросить зачастую двух, а то и трех детей, а если не хочешь, то сам нашивай себе желтый туз на спину и будь евреем. Фашисты стали устанавливать власть. Они сажали старостами людей с темным прошлым, насильно мобилизовали мужчин и заставляли служить их в полиции, а кой кого и соблазняли двадцатью гектарами земли.

В октябре фашистские стервятники в Навле провели собрание, согнав в помещение школы всех жителей. Они демонстративно предложили всем женщинам уйти с собрания, заявив, что всех их избаловал Сталин, а теперь будут другие порядки, и об этих порядках они рассказали следующим образом: сталинские права у женщин отнимаются, с Советской властью покончено раз и навсегда. Школы и клубы закрываются, работать будут только школы семилетки с программой, существовавшей до 14-го года. Колхозы распускаются, на земле восстанавливаются помещики, но не русские, а немецкие, и те крестьяне, которым не достанется земли или ее будет мало, могут идти к помещику за приличную плату работать. Так же будет поощряться честная инициатива в торговле и мелкой промышленности. Вот вкратце то, что было изложено на этом собрании фашистскими прохвостами. Отличились здесь и полицаи. Все эти фашистские ставленники представляли собой довольно интересный букет контрреволюционных сил.

Например: бургомистр Таненков, осужденный органами советской власти на 10 лет, свое правление начал с того, что ограбил семьи партизан и советских активистов в свою пользу, разобрал колхозный клуб и построил себе дом. Расстрелял двух наших товарищей Новцева и Клячина. С населением разговаривал так: сам в массу направлял два нагана, а два его телохранителя держат на взмахе по ручной гранате. Населению он заявил, что раньше он работал в пользу Германии, а теперь и подавно постарается.

Покровский, осужденный на 10 лет, стал начальником Навлинской управы. Мучил, расстреливал и сжигал семьи партизан, собственноручно застрелил нашего связного т. Гладкова, собственноручно повесил в Навле за челюсть нашего партизана т. Тищина, бывшего председателя Андреевского с/с, и, наконец, Калмыков – старшина Навли, о котором Покровский говорил, что Калмыков для непобедимости немецкой армии сделал гораздо больше, чем кто либо другой»[1].

Одним из способов уничтожения советских граждан являлись карательные экспедиции против партизан и угон рабочей силы в Германию. В этих экспедициях фашистские каратели выжигали целые села и зверски уничтожали захваченных людей.

Так, в деревне Глинное Навлинского района 25 сентября 1942 г. из 237 домов было сожжено 234. Принудительно угнано на каторгу 410 человек. За попытку уклониться от угона в Германию колхозницу Абанину Н. А. жестоко избили, вырвали из головы волосы, после чего расстреляли. Надругались над колхозницей Матюшкиной Анной, которую немецкие солдаты изнасиловали, отрезали уши, груди, выкололи глаза и бросили в огонь. Из этого же села была изнасилована шестнадцатилетняя Дуся Козлова, а затем расстреляна[2].

Такая же участь постигла село Салтановку. 26 сентября 1942 г. гитлеровские захватчики, поддерживаемые танками, ворвались в село. Фашистские захватчики начали грабить все подряд. Все, что можно было взять, грузилось на автомашины, бронетранспортеры, танки, укладывалось в вещевые мешки и ранцы. Из всех домов неслись крики и стоны.

Гитлеровские офицеры расхаживали по улице, торопили солдат. Но вот один из офицеров дал свисток, и в воздух тут же взвились ракеты. Это был сигнал эсэсовским бандитам поджигать дома. Густые клубы дыма поднялись к небу. Один из гитлеровцев увидел, что больница не охвачена огнем, дал команду – поджечь! К эсэсовцу подбежала колхозница Сезыкина, закричала «Больница это! Больница!…». Ее тут же схватили и бросили в огонь. Оккупанты загнали в дом возле больницы стариков, женщин и детей, подперли дверь бревном. Один из фашистов бросил в дверь гранату. Все погибли.

Так, в Салтановке были зверски уничтожены десятки мирных жителей, сожжено 450 домов, молочная ферма, клуб, сельский совет, 461 человек был угнано в Германию.

В деревне Зелепуговка было сожжено 260 домов, 26 человек: женщин и детей оккупанты бросили живыми в глубокий колодец, 36 детей фашисты побросали в горящее здание. В числе сгоревших были дети от 9 месяцев до 2-х лет. 380 семей были угнаны.

Семьи партизан, чтобы спастись от карателей, уходили в лес, но и здесь не было спасения[3].

«Это произошло 18 декабря 1942 года. Нас было девять партизанских семей. Всего 48 человек, из них 9 матерей, а остальные дети, от грудных до 12-летнего возраста. Наши мужья и отцы сражались в партизанских отрядах «Смерть немецким оккупантам» и им. Котовского.

Было одиннадцать часов утра, когда карательный отряд фашистов и полицаев напали на наши землянки. Всех выгнали из землянок, построили. На руках я держала малолетнего сына Леню, под сердцем билось другое дитя, остальные трое детей стояли рядом. Затем автоматные очереди… Очнулась от жгучей боли в левом плече и тяжелых стонов. Гитлеровцы добивали раненых выстрелом в голову. Так добили и моего сынишку Леню. Остался лежать в снегу другой убитый четырехлетний сынишки Толя.

Незаметно, превозмогая боль, уползла в землянку вместе с двумя оставшимися детьми.

Утром нас подобрали партизаны и отправили на большую землю. Чудом мы остались в живых, а все остальные погибли»[4].

Зверства фашистов коснулись и еврейских семей.

«В период оккупации в поселке Навля проживало несколько семей евреев, которые не смогли эвакуироваться в тыл нашей страны. Всего 38 человек. Как только поселок был оккупирован немцами, все семьи еврейской национальности согнали в один дом для постоянного жительства. Кроме того, заставили носить из желтой материи треугольник, который нашивался на грудь и на спину, где-то примерно 20 см ребро.

В середине сентября 1942 года все они были расстреляны (в овраге, где памятник комсомольцам-подпольщикам).

Несколько фамилий вспомнили с Верой Дмитриевной Пушкаревой:

1. Семья Шлифенсон Софьи Израилевны. Погибли: Шлифенсон С. С. и ее дети – Иза (9 лет), Лия (5 лет), Лена (1 год). Шлифенсон Яков – племянник 20 лет, окруженец, выпускник школы имени М. Горького, был отличником учебы.

2. Семья Певцовых: муж, жена, дочери Фаня (студентка медицинского института) и Дуся (девятиклассница).

3. Семья Янкельзон Софьи. Погибли Янкельзон С. и четверо сыновей: Яков (15 лет), Иосиф (12 лет), Изя (9 лет), мальчик (2-х лет). Один из сыновей Василий (9 лет) убежал из-под расстрела, его приютили в д. Селище, где он находился до освобождения. Вместе с воинской частью, освобождавшей Навлинский район, он дошел до западных границ нашей родины как сын полка. После окончания войны жил в г. Ленинграде В-1б1, 9 линия, дом 70, кв. 10. Янкельзон Василий Иванович где-то в 1950–52 гг. приезжал в п. Навля. До войны его отец Янкельзон жил с другой семьей в п. Суземка.

4. Расстреляна Кондрашова (Ковтун) Фаина, мать двоих малолетних детей – Игоря, Нины, которых немцы разрешили взять бабушке, матери Кондрашова Василия Васильевича, проживающей в п. Навля, ул. Советская.

5. Семья Климовицких: муж, парикмахер жена и 12-летняя дочь Ева.

6. Семья Шапочниковых из 4-х человек, из них две девушки.

7. Семья Волковых.

8. Семья Локшиных.

9. Семья Залманова».

В. Гаммова, 10 февраля 1988 г., п. Навля[5].

Зверства фашистов в Навлинском районе известны не только по воспоминаниям очевидцев, но и по официальным документам.

После освобождения Навлинского района была создана специальная комиссия по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, в составе председателя Исполкома райсовета – Курашина Ильи Филипповича, секретаря РК ВКП(б) – Суслина Александра Васильевича, начальника РО НКВД – Костюка, секретаря комиссии – Понамаревой Лидии Романовны, фельдшера – Пуниной Дарьи Петровны.

«Данная комиссия установила, что по неполным данным за период оккупации района с 6 октября 1941 года по 7 сентября 1943 года немецко-фашистскими захватчиками и их наймитами расстреляно и повешено 2539 человек и угнано в Германию 983 человека. С первых дней оккупации района немецко-фашистские изверги начали проводить массовые истребления советских граждан, для чего в пос. Навля в сквере, где был памятник В. И. Ленину, построили виселицу, около завода «Лесохим», западнее 200метров, устроили место массового расстрела. Убивали и вешали всех, кто им казался «политически неблагонадежными» или отказывался ехать на фашистскую каторгу в Германию.

1. Около завода «Лесохим» вскрыто комиссией 12 ям, в которых оказалось 100 (425) трупов расстрелянных и повешенных граждан, среди которых детей 12 лет –16, женщин – 32. Все труппы имеют следы зверских пыток и издевательств, многие из них изуродованы до неузнаваемости. В числе повешенных и расстрелянных в Навле были комсомольцы – подпольщики: Маруся Дунаева, Тамара Степанова, Валя Калинина и мн. др. Пытки, издевательства, расстрелы, повешения производились под руководством коменданта пос. Навля, немца Хайнорота Гохмана.

2. Во время карательных немецких экспедиций на партизанские села и леса, озлобленные провалом этих экспедиций под командованием майора Вайзе, немецкие палачи убивали женщин, детей и стариков, сжигали труппы в их собственных домах. Таким образом с 17 сентября 1942 по 27 сентября 1942 года немецкие каратели зверски замучили ни в чем не повинных советских граждан:

– в с. Вздружное 19 сентября 1942 года расстреляно и зверски замучено 132 человека;

– в районе с. Глинное 17 сентября 1942 года расстреляно и повешено 59 человек;

– западнее 2 км д. Ворки Салтановского с/с расстреляно и сожжено 137 человек;

– в с. Гаврилково сожжено в сарае 99 человек;

– в с. Салтановка расстреляно, сожжено и брошено в колодец 103 человека;

– в д. Зелепуговка расстреляно, брошено под танк 37 человек;

– в п. Жданово Вздруженского с/с расстреляно, сожжено, брошено в колодец 97 человек;

– в районе п. Вознесенский 19 сентября 1942 года экспедиция карательного отряда напала на лагерь, где жили 10 партизанских семей, в которых было 40 человек, выстроили в шеренгу, не добившись от них не слова о партизанах, избили, а затем расстреляли.

3. За связь с партизанами расстреляно и повешено в с. Чичково и Прилепах Синезерского с/с 176 человек.

4. 3 марта 1942 года при наступлении на д. Зубовка и п. Кореневка под командованием полковника Вейдомана С. С. дивизии, расстреляно 127 человек.

5. За убийство одного немецкого солдата в коммуне «Гигант» Синезерского с/с немцы под руководством коменданта ст. Синезерки обер лейтенанта Флидера расстреляли 100 человек.

6. 17 мая 1942 года в с. Алтухово за [вы]дачу партизанам данных о расположении карательного отряда под командованием Шплеера расстреляно и повешено 76 советских граждан.

7. 16 мая 1942 года в п. Харпач Андреевского с/с в 2-х погребах заброшено гранатами 29 советских граждан.

20 мая в селах Журавка, Андреевка, Ревны, Глубокие Лужи, Новоегорьевск расстреляно и повешено 374 человека мирных советских граждан. Операцией командовал комендант ст. Синезерки Филлер.

8. В мае 1943 года во время крупного наступления немецкой карательной экспедиции на партизанские леса население, захваченное карателями в лесах, собиралось в парке при п. Навля возле клуба им. Орджоникидзе, который был обнесен колючей проволокой. Из парка население вывозилось в машинах в лес для массового расстрела.

В урочище Трусова гора, в 2-х км от пос. Навля, около большака Навля-Брасово комиссией вскрыто 15 ям с труппами расстрелянных в мае 1943 года. В этих ямах обнаружено 276 трупов. Все трупы со связанными назад руками и имеют следы побоев.

9. В п. Сивский Алешенского с/с 19 мая расстреляно и повешено 43 человека.

10. В районе урочища Разделиц 26 мая 1943 года расстреляно 67 человек.

11. В п. Думча Вознесенского с/с расстреляно 30 человек.

12. В районе Ловча – 35 человек.

13. В п. Кореневка – 37 человек.

Карательной экспедицией в мае 1943 г. командовали полковник Бауман – Шитван и обер-лейтенант Доновецкий».

Пред. комиссии	Курашин
Секретарь	Пономарева
Члены комиссии	Суслин
	Костюк
	Пунина»[6].

По уточненным данным, за 2 года оккупации фашистами было разрушено 7 промышленных предприятий, уничтожено и разграблено имущество 129 колхозов и 1 совхоза. Сожжено 56 школ, 19 медицинских учреждений, 12 клубов, 77 животноводческих ферм, 28 мельниц. Из 114 населенных пунктов – 93 были уничтожены дотла. Оккупанты казнили, расстреляли, повесели 2878 человек, угнали в Германию около 2,5 тыс. человек.

Общий ущерб, нанесенный Навлинскому району, составил 963 млн руб.

Примечания

[1] Дневник А. В. Суслина «Записки секретаря РК ВКП(б) Навлинского района Орловской области 1941–1942 гг.». Музей партизанской славы в Навле. НМ ОФ № 1115.

[2] *Дандыбин Т. К.* В памяти народной. Брянск, 1973. С. 23.

[3] Там же. С. 24.

[4] Из воспоминаний жительницы с. Пролысово Е. Гаридовой.

[5] Письмо *Валентины Митрофановны Гаммовой* о расстреле евреев в поселке Навля 1942 году // *Вишневская Б. С., Смолякова Г. И.* Долго пахнут порохом слова… Орел, 2009. С. 215.

[6] Акт от 15 октября 1945 г. о зверствах фашистов на территории Навлинского района. Музей партизанской славы в Навле. НМ НВ № 2412.

Е. С. Манюк,
кандидат исторических наук, Калининградский областной историко-художественный музей
В. В. Макогонова,
кандидат философских наук, Калининградский областной историко-художественный музей

Калининградский областной историко-художественный музей и проект «Без срока давности»

Аннотация
В статье дана характеристика сборника документов, подготовленного сотрудниками музея в рамках серийного издания «Без срока давности» и посвященного Калининградской области. Авторы рассказывают об актуальности, задачах и структуре издания, особенностях регионального тома и его источниковой базы, а также об экспозиционно-выставочной работе музея по теме геноцида мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, проект «Без срока давности», Восточная Пруссия, Калининградская область, Калининградский областной историко-художественный музей.

Ye. S. Manyuk,
Candidate of Philosophical Sciences, Kaliningrad Regional Museum of History and Art
V. V. Makogonova,
Candidate of Philosophical Sciences, Kaliningrad Regional Museum of History and Art

Kaliningrad Regional Museum of History and Art and the project «No Statute of Limitations»

Abstract
The article describes the collection of documents prepared by the museum staff as part of the serial publication «No Statute of Limitations» and dedicated to the Kaliningrad region. The authors tell about the relevance, tasks and structure of the publication, the features of the regional volume and its source base, as well as about the exposition and exhibition work of the museum on the topic of the genocide of the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War.
Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Project «No Statute of Limitations», East Prussia, Kaliningrad region, Kaliningrad Regional Museum of History and Art.

В рамках федерального проекта «Без срока давности» в 2020 г. было подготовлено и издано 23 сборника архивных документов о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающих факт геноцида мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Каждый том серии посвящен одной из российских областей. Выполнением поручения Губернатора Калининградской области о подготовке регионального тома занимался авторский коллектив, сформированный на базе Калининградского областного историко-художественного музея с привлечением внешних экспертов.

Основная задача данного издания – расширение источниковой базы и введение в научный оборот новых архивных документов, свидетельствующих о преступной деятельности немецких военных и гражданских властей против граждан Советского Союза.

Отличительная особенность Калининградской области состояла в том, что в годы войны это была не оккупированная территория, а провинция Германии, которая входила в I военный округ, поэтому в Восточной Пруссии отсутствовало местное советское население. Граждане Советского Союза находились здесь преимущественно в качестве заключенных лагерей военнопленных, трудовых лагерей, как работники принудительного труда – «остарбайтеры» или насильно угнанные с оккупированных территорий Советского Союза. Ими торговали на «биржах труда», предлагая немецким семьям и предпринимателям в качестве дешевой рабочей силы[1]. Их судьба все еще нуждается в комплексном изучении. Поскольку

в научном обороте немецкие документы по северной части провинции Восточная Пруссия практически отсутствует, определить точное количество лагерей и их филиалов не представляется возможным. По имеющимся сведениям, с 1939 по 1945 гг. здесь находились порядка 50 лагерей для военнопленных и «остарбайтеров». Нет подтвержденных данных о наличии на территории нынешней Калининградской области «лагерей смерти», но здесь размещались «филиалы» концентрационного лагеря «Штуттгоф» (совр. пос. Штутово, Польша).

Территориальный статус региона в годы войны повлиял на состав документов и, соответственно, на структуру сборника. Этим обусловлено и весьма ограниченное количество фотоматериалов. Региональные тома серии преимущественно базировались на документах региональных архивов, прежде всего фондов местных комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, работавших в рамках ЧГК при СНК СССР и собиравших данные с 1942 г.

Составителям сборника пришлось заниматься поиском архивных документов в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Государственного архива Калининградской области (ГАКО), архивах Управлений Федеральной службы безопасности по Калининградской и Омской областям (АУФСБКО, АУФСБОО). Большую работу провели сотрудники регионального Управления ФСБ, которыми был рассекречен значительный массив документов по теме. Для сборника составителями было отобрано 150 наиболее информативных документов, в том числе фотоматериалы. Большинство воспоминаний и свидетельств наших соотечественников публикуются впервые.

Все документы сгруппированы в четыре тематических раздела.

В раздел 1 «Жизнь в лагерях: эксплуатация, лишения, голод» включены 58 документов. Они дают представление о системе нацистских лагерей различных типов, существовавших на территории северной части б. Восточной Пруссии, о жестоких условиях содержания в них заключенных, в первую очередь граждан Советского Союза.

В начале раздела помещены документы о концентрационном лагере «Штуттгоф», располагавшемся в соседней с Восточной Пруссией провинции Третьего рейха – Западной Пруссии. Этот лагерь имел разветвленную сеть «филиалов», в том числе на территории нынешней Калининградской области. В среднем в его бараках содержалось до 100 тысяч граждан со всей Европы. Средняя смертность составляла примерно 100–120 человек в день[2]. В лагере применялись изощренные способы уничтожения заключенных: впрыскивание фенола в область сердца, шприцевание бензином, удушение в газовой камере, лишение пищи, побои, распространение инфекций, повешение. Работник крематория Вильгельм Паш во время допроса рассказал об одном из случаев убийства русских узников: семерых мужчин расстреляли, а одну женщину сожгли заживо в печи крематория[3]. Специальные приказы коменданта «Штуттгофа» о создании внешних лагерей в г. Кёнигсберге и близлежащих к нему районах дополнены воспоминаниями бывших заключенных[4].

Опубликованные в первом разделе сборника акты армейских комиссий, спецсообщения и политдонесения представителей различных частей 3-го Белорусского фронта, составленные зимой–весной 1945 г., по мере овладения Красной армией территории противника, имеют особую историческую ценность. В них впервые были задокументированы масштабные злодеяния нацистских преступников.

Значительную часть материалов составляют воспоминания советских граждан, бывших заключенных трудовых лагерей и военнопленных, собранные сотрудниками Калининградского областного историко-художественного музея в 1960–1980-е гг. Источники личного происхождения дают репрезентативную информацию об устройстве лагерей и «страшном» быте узников. Так, более 100 страниц текста содержат записи Кузьмы Ивановича Игошева «Мы смерти смотрели в лицо. Воспоминания бывшего узника фашистских лагерей смерти» (1967)[5]. Этот текст в значительном объеме также вошел в 1-й раздел сборника.

В разделе 2 «Принудительные работы населения, угнанного в Германию» будет опубликовано 40 документов, в том числе из фонда Германского трудового фронта (Ф. Н-21). В издание вошли оригинальные переводы подлинников постановлений и циркуляров, изданных центральными правительственными учреждениями нацистской Германии, определявшие основные принципы эксплуатации восточных рабочих – «остарбайтеров». На 30 сентября 1944 г. в лагерях Восточной Пруссии содержалось 52 906 рабочих этой категории, из них 25 215 мужчин и 27 691 женщин[6].

Во 2-й раздел также включены документы, свидетельствующие о настроениях советских граждан, оказавшихся в Восточной Пруссии на принудительных работах. Так, в январе 1945 г. на стене дома помещика в местечке Кляйн Батчен[7] красноармейцы обнаружили надпись: «[…] Здесь жила одна русская девушка, работала рабой 2 года в Германии, нам здесь очень плохо, но отсюда никаким путем не вырваться, кто здесь остается, того расстреливают […]»[8].

Раздел 3 «Операции по уничтожению мирного населения» включает 21 документ. Значительная часть – акты специальных комиссий, составленные представителями воинских частей 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, действовавших на территории Восточной Пруссии (АУФСБКО, АУФСБОО, ЦАМО РФ), и материалы следствия, проведенного в 1959–1982 гг. прокуратурами городов Берлина, Киля и Люнебурга (ГАКО. Ф. Н-55).

Публикуемые документы раскрывают факт массового расстрела гражданских лиц, состоявшегося в конце января 1945 г. по дороге из Кёнигсберга в местечко Пальмникен[9] и на побережье Балтийского моря. Его жертвами стали по разным оценкам от 5 до 7 тысяч человек. Материалы следствия составили 13 томов. Были допрошены сотни свидетелей (ФРГ, ГДР, Израиль и др.), среди которых выжившие жерт-

Окно барака лагеря для военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»). Фрагмент экспозиции. ФКОИХМ. Фото БФУ им. И. Канта.

вы, бывшие жители Пальмникена, члены конвойной команды, местной организации гитлерюгенда. В деле имеются показания главного обвиняемого СС-обершарфюрера Фрица Вебера, который являлся начальником трудового лагеря на территории верфи «Шихау» в Кёнигсберге и сопровождал колонну узников из Кёнигсберга в Пальмникен.

Следы этого преступления были вскрыты еще в 1945 г. В феврале 1945 г. опергруппа НКВД при 43-й армии в районе местечка Куменен[10], расположенного по ходу движения колонны узников в Пальмникен, в лесном овраге обнаружила тела гражданских лиц. Среди расстрелянных – русские, евреи, французы, румыны, из которых большинство женщин от 18 до 35 лет. Люди были сильно истощены, одеты в рваную одежду и деревянные колодки, на груди имели нашивки с изображением шестиконечной звезды и пятизначных номеров. В карманах некоторых убитых были найдены продукты питания: мелкий картофель, брюква, овес, зерна пшеницы, к поясам привязана посуда: кружки, чашки, деревянные ложки[11]. Комиссия политуправления 3-го Белорусского фронта в апреле–мае 1945 г. обнаружила спонтанные захоронения участников «марша смерти» в районе Гермау[12] (86 тел) и неподалеку от янтарного завода в местечке Краксгепеллен[13] (263 тела). Тела извлекли и перезахоронили в братской могиле с воинскими почестями. Кроме того, были записаны свидетельские показания местных жителей[14].

Раздел 4 «Преступления без срока давности: нацисты и их пособники» содержит 31 документ. Подавляющее большинство из них датируется 1945 г. и отражает работу органов советской контрразведки по выявлению нацистских преступников и их пособников на территории Восточной Пруссии в первые месяцы после разгрома гитлеровской Германии.

Например, коллекция Управления ФСБ по Калининградской области, рассекреченная специально в рамках проекта «Без срока давности», содержит материалы следственных дел Кёнигсбергского оперативного сектора. В мае 1945 г. было установлено, что в Кёнигсберге члены местной ячейки НСДАП «Отто Райнтке» выполняли секретный приказ партийного руководства провинции, в соответствии с которым были созданы отряды фольксштурмовцев, которые патрулировали город и расстреливали оставшееся гражданское население, вывезенное из оккупированных областей СССР, а также военнопленных.

Таким образом, с февраля по 5 апреля 1945 г. в 19 лагерях Кёнигсберга было уничтожено около 1700 человек, в т.ч. женщин и детей[15].

Оперативные мероприятия, организованные группой СМЕРШ 11-й гвардейской армии в апреле 1945 г., сразу после штурма Кёнигсберга, подтвердили факты зверского обращения с заключенными на вагоностроительном заводе, где использовался труд более 700 иностранных рабочих, из них около 300 русских. По заявлению совладельца завода Макса Хоймана, для них были созданы худшие условия содержания, они подвергались пыткам и издевательствам[16]. В 1947 г. Хойману, который после войны остался в Калининграде и работал санитаром в областной больнице, был вынесен приговор о заключении на 8 лет в исправительно-трудовом лагере[17].

Тема «Лагеря на территории Восточной Пруссии и преступления против человечности» нашла отражение в экспозиционно-выставочной работе Калининградского областного историко-художественного музея. В настоящее время в фондовом собрании

Башмаки кожаные (фрагменты) из концентрационного лагеря «Штуттгоф». ФКОИХМ. Фото Е. И. Чепинога.

Фрагмент штукатурки здания бывшей фондовой биржи Кёнигсберга с надписью: «1945 года после огромной бомбардировки производился ремонт дома украинскими... 6 человек. 13/3 1945 года». ФКОИХМ. Фото Е. И. Чепинога.

музея, помимо документальных источников и фотоматериалов, имеются предметы историко-бытовой коллекции. Наибольшее эмоциональное воздействие на посетителей производят: окно барака лагеря для военнопленных «Офлаг-52», личные вещи бывших узников концлагеря «Штуттгоф» (деревянные колодки, кожаная обувь, урна с прахом заключенных), фрагмент штукатурки из здания бывшей фондовой биржи Кёнигсберга с надписью: «после огромной бомбардировки производился ремонт дома украинскими 6 человек. 13/3 1945 года».

Благодаря участию музея в федеральном проекте «Без срока давности» данная тема пробрела новое звучание на региональном уровне, привлекла внимание исследователей и общественности. В течение 2021 г. передвижная тематическая выставка «Без срока давности» будет представлена в 12 учреждениях культуры и образования региона.

Многоплановая работа по сохранению исторической памяти и защите исторической правды, проводимая в рамках проекта «Без срока давности», представляется сегодня особенно актуальной в условиях, когда предпринимаются попытки переписать страницы истории Второй мировой войны и ее итогов. Не вызывает сомнения, что эти попытки будут пресечены. В подтверждение тому – поправки в Конституцию РФ, за которые в 2020 г. проголосовали россияне. Одной из наиболее важных поправок стало включение в ст. 67.1 пункта 3 о защите исторической правды.

Примечания

[1] *Якимов С. А.* Битва за Восточную Пруссию. Калининград. 2018. С. 21.
[2] Архив Управления ФСБ РФ по Омской области (АУФСБОО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 143.
[3] Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 11. Микр. 2.
[4] Кёнигсберг – г. Калининград.
[5] Калининградский областной историко-художественный музей (КОИХМ). КГОМ1–5125/3.
[6] ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.
[7] Кляйн Батчен – не существует, юго-зап. п. Нагорное, Багратионовский г.о. Калининградской обл.
[8] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 241. Оп. 2656. Д. 215. Л. 127.
[9] Пальмникен – п.г.т. Янтарный, Янтарный г.о. Калининградской обл.
[10] Куменен – п. Кумачево, Зеленоградский г.о. Калининградской обл.
[11] Архив Управления ФББ РФ по Калининградской области (АУФСБКО). Коллекция № 10/307. Л. 80–81.
[12] Гермау – п. Русское, Зеленоградский г.о. Калининградской обл.
[13] Краксгепеллен – не сущ-т, ближайший н.п. – п.г.т. Янтарный, Янтарный г.о. Калининградской обл.
[14] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 334. Л. 110–110об; Д. 284. Л. 46–47.
[15] АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 273, 281об, 282об.
[16] Там же. Л. 26–27.
[17] Там же. Л. 67об.

Е. И. Серпионова,
кандидат психологических наук, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Пластичность коммеморaций: сравнительный анализ содержания путеводителя по мемориалу концлагеря Бухенвальд времен ГДР и современности

Аннотация
В статье сравниваются два путеводителя по мемориалу Бухенвальд: времён ГДР и современный. Путеводитель рассматривается как самостоятельный источник. Показано существенное изменение содержания: в новом путеводителе отсутствуют отсылки на документы, изъяты исторические фотографии, отражающие жизнь в лагере, скорректированы и смягчены выражения. Ставится вопрос, чем объяснить изменения в той информации, которую трудно отнести к коммунистической пропаганде, от которой избавлялся мемориальный комплекс после объединения Германии.
Ключевые слова: Вторая мировая война, мемориал Бухенвальд, путеводитель по мемориалу Бухенвальд, ГДР, объединение Германии, коммеморации.

E. I. Serpionova
Candidate of Psychological Sciences The Central Museum of the Great Patriotic War of 1941–1945 Victory Museum

Plasticity of commemorations: a comparative analysis of the content of the guidebook of the Buchenwald memorial concentration camp of the GDR and modern time

Abstract
The article compares two guidebooks of the Buchenwald memorial: from the GDR era and the modern one. The guidebook is viewed as an independent source. A significant change in content is shown: there are no references to documents; historical photographs reflecting life in the camp are removed, and expressions are corrected and mitigated. The question is raised how to explain the changes in the information that can hardly be attributed to communist propaganda. The memorial complex was actively getting rid of after the German reunification.
Keywords: World War II, Buchenwald memorial, a guidebook of the Buchenwald memorial, GDR, German reunification, commemorations.

Цель статьи – сравнить два путеводителя по мемориалу Бухенвальд. Первый путеводитель периода ГДР примерно 60–70-х годов (точную дату издания понять на путеводителе не удалось) и второй – современный, привезенный после поездки в мемориал в июне 2018 г. Считаю, что путеводитель во временной динамике может выступать в качестве исторического источника и стать самостоятельным объектом анализа. Путеводитель – бесплатная брошюра, доступная любому посетителю. Бесплатная – это важно, поскольку не каждый турист готов отдать деньги за экскурсию или потратить их на приобретение дорогостоящих изданий в магазине при мемориале. Так, тяжёлый, трёхсотстраничный каталог формата А4 по основной выставке «Бухенвальд. Дискриминация и насилие»[1] продавался в июне 2018 г. за 19,80 евро. Это издание, безусловно, содержит источники и развёрнутую информацию. Представлены описания экспонатов, сканы документов, приказы, фотографии и свидетельства, некоторые из которых были в путеводителе времен ГДР, но исключены из современного. Однако, чтобы приобрести этот каталог по выставке, нужны не только деньги, но и устойчивый интерес к теме, а в условиях туризма ещё и место в багаже. Для большинства посетителей бесплатная брошюра на их родном языке позволит погрузиться в историю места. Учитывая фактор доступности путеводителя, нахожу его *самостоятельным* источником информации, который формирует первое представление у посетителя, поверхностно знакомого с историей нацизма и концлагерей в Германии. Путеводитель рассчитан на широкого посетителя, а не только на информированного и настроенного приобретать дополнительные издания. Далеко не все посетители – историки и ис-

следователи, заинтересованные энтузиасты, фокус внимания которых уже на других изданиях. Полагаю, в этих условиях выбор содержания для путеводителя чрезвычайно ответственное решение. Таким образом, изложенное обосновывает актуальность сравнительного анализа именно путеводителя. Описанные причины фокусируют внимание на роли путеводителя как самостоятельного источника информации не только в Бухенвальде, но и в других выставочных пространствах.

Критерии выбора информационных блоков для сравнения. Для сравнения выбраны совпадающие в двух путеводителях тематические блоки, среди которых особое внимание уделено тем, что наименее прочих можно расценить как коммунистическую пропаганду. После 1990 г. в мемориале Бухенвальд началось переосмысление выставочной композиции и форм её представления. Во-первых, в измененную экспозицию включили категории жертв, которые не присутствовали в экспозиции прежде. Во-вторых, после объединения Германии началась «декоммунизация» Бухенвальда, и всё, что расценили как пропаганду, убрали из экспозиции и форм её представления.

Однако при этом в старом путеводителе есть пункты, которые в новом изменились существенно, однако в этих информационных блоках старого путеводителя трудно увидеть коммунистическую пропаганду. Вероятно, профессиональный историк обнаружит и аргументировано обоснует коммунистическую пропаганду там, где я её не замечаю. Пока же этого не произошло, сопоставим обозначенные информационные блоки. Остановлюсь на нескольких блоках и представлю их в виде сравнительной таблицы цитат из путеводителей с авторскими комментариями.

Путеводитель ГДР (название объекта и содержание)	**Современный путеводитель** (название объекта и содержание)
Конюшня	**Конюшня (1940)**
«На запад от лагеря находилось здание – конюшня. Сюда в октябре 1941 года привезли советских военнопленных. 68 фашистов убили здесь коварным образом 8483 мужественных борца. Это одно из многочисленных варварских действий фашизма против международного права. Эти массовые убийства были совершены на основании «Приказа о комиссарах», изданного главным командованием вермахта 6 июня 1941 года, следовательно, еще до нападения на СССР. Эсэсовцы, совместно с фашистскими генералами, планировали и совершили это кровавое преступление. В крематории показывается макет бывшей установки в конюшне. Установка для расстрела пленных выстрелами в затылок, также является реконструкцией». *Комментарий автора.* В старом путеводителе есть отсылка к документу, на основании которого были расстрелы. Наличие документа делает не только факт убедительным, но становится ясно, кто зачинщик и в чём суть преступления.	«Установка для расстрела советских военнопленных выстрелом в затылок. Фундамент сохранился, модель установки находится в соседнем здании крематория. Напротив конюшни – фундамент конного манежа коменданта Коха». *Комментарий автора.* Что мы узнаем из этого описания? Была какая-то установка для расстрелов, от нее сохранился фундамент и где она находится. Однако остаётся неясным, почему были расстрелы, а, главное, не указан документ, на основании которого проводился расстрелы.
Уничтожение трудом	**Немецкие военные заводы**
«Войска СС отдавали внаём в военную промышленность сотни тысяч заключенных. На больших предприятиях были устроены филиалы концентрационных лагерей. В 1944 г. войска СС заработали на заключённых из концентрационного лагеря Бухенвальд 60 624 229 марок! Для предприятий концернов войск СС Гиммлер установил ставку от 1,50 до 0,30 марок за работу заключенного. Таким образом, руководство СС получало большую прибыль. Если труд заключенного был уже недостаточным, то концерны требовали замены. Нетрудоспособный возвращался в Бухенвальд. Почти без исключения его последний путь приводил его в крематорий». На странице 13 издания дополняется, что «Монополисты выжимали без пощады последние силы из заключенных – до их полного физического уничтожения». На странице 14 перечислены заказчики и пользователи. На странице 15 указана прибыль концерна ИГ Фарбен от принудительного труда узников. *Комментарий автора.* Цитируемый текст дополнен в путеводителе документом о запросе квалифицированных рабочих на предприятие. Приведены конкретные цифры. Использована формулировка «*отдавали внаём* сотни тысяч заключенных». Эта формулировка предполагает, что труд был не просто подневольным, а финансово выгодным арендатору.	«Немецкие военные заводы – ранее лагерные мастерские. Руины бывшего завода СС, где узники работали на военную промышленность. Часть просеки времени проходит через это место». *Комментарий автора.* Эти три предложения – всё, что осталось от блока «Уничтожение трудом». Изменилось название блока, теперь он уже не звучит «уничтожение трудом», отныне он нейтрально называется «немецкие военные заводы». Однако, на мой взгляд, между формулировкой «немецкие военные заводы» и «уничтожение трудом» – большая смысловая разница. Аналогично различаются формулировки «сдавать внаём» и «работать». Первое – про принудительность труда и финансовую выгоду арендатора, а работа – про добровольность и зарплату.
Люди – подопытные животные	**Опытная станция по изучению сыпного тифа (1942)**
Один из многочисленных опытов описан в дневнике доктора, который процитирован в путеводителе: «29 декабря 1941 года …Так как опыт на животных не даёт возможности достаточной оценки, то необходимо поставить опыты на людях… «13 апреля 1943 года: Предварительный опыт …	Опытная станция по изучению сыпного тифа (1942): находилась в бывшем блоке 46 (Опытная станция Института Гигиены войск СС). Здесь проводились опыты на людях. Видны очертания здания.

6 человек, зараженных интравенозным способом, вновь сыпным тифом: 5 человек умерло. Подпись Доктор Динг, штурмбанфюрер СС». В концентрационном лагере Бухенвальд врачи-эсэсовцы ставили опыты по заказу концерна «ИГ-Фарбениндустри». Новосозданные вакцины против сыпного тифа, желтой лихорадки, оспы, холеры, дифтерии, испытывались на беззащитных заключённых. Эти опыты почти всегда кончались смертью заключенных. Показание бывшего заключенного Балашовского на Нюрнбергском процессе: «Для этих опытов в Бухенвальде был предоставлен барак 46. Я видел в бараке 50 фотографий ожогов фосфором, которые были засняты в бараке 46. Не надо быть специалистом, чтобы понять, что пришлось испытать людям, если мясо их тела прожигалось до костей. …Когда по истечении месяцев опыт был закончен, то оставшиеся в живых были ликвидированы».	
Дети в концентрационном лагере	**Памятные камни в честь депортированных в Бухенвальд детей и подростков**
В концентрационные лагеря фашисты депортировали тысячи детей. Оторванные от родителей, испытывая все ужасы концлагерей, большинство из них погибло в газовых камерах. Это были еврейские дети, дети расстрелянных партизан, дети убитых советских партийных и государственных работников. Антифашистам Бухенвальда удалось поместить многих детей в особом бараке. Солидарность взрослых защищала детей от самых ужасных издевательств эсэсовских бандитов и от транспорта на ликвидацию. Благодаря этому 904 ребенка смогли пережить концлагерь Бухенвальд.	35. Памятные камни в честь депортированных в Бухенвальд детей и подростков *Комментарий автора*. Это всё, что указано по теме в новом путеводителе: номер объекта и его название. Подробнее можно узнать из книг, которые продаются в магазине при музее, из аудиогида, но их нужно купить. Информационные ресурсы путеводителя на этом исчерпываются.
Аппель-плац	**Аппель-плац**
За входными воротами широко раскинулся Аппель-плац. Часами по утрам и вечерам здесь должны были стоять заключенные, молодые, старые, даже дети! В снег и в проливные дожди, в жару, в пробирающем холоде здесь стояли рабочие, священники всех вероиспове даний, ученые, писатели, деятели искусства, антифашисты из 32 стран. Многим заключенным длительные переклички принесли смерть. Голодая, трясясь в лихорадке, недостаточно одетые, они стояли на этой площади, однажды даже 18 часов подряд под ледяным ветром. Многие падали от изнеможения или лежали уже мертвые рядом с выстроившимися на перекличку товарищами из своего барака. Почти каждый день заключенные должны были смотреть, как во время перекличек их товарищей привязывали к козлам и избивали 25 или 50 ударами бичом по обнаженному телу.	Место проведения ежедневных утренних и вечерних поверок, а также приведения в исполнение наказаний и казней. (Далее сразу идет упоминание бараков, им не выделено отдельной статьи. – *Прим. моё)*. Позади аппель-плац находились лагерные бараки, в которых жили заключённые. В начале 50-х демонтировали. Места их прежнего расположения обозначены памятными знаками с соответствующими номерами бараков. В 1975 году их фундаменты были выложены медным шлаком. *Комментарий автора*. Прочитав новые формулировки, у меня не складывается даже минимального представления о том, чем же был опасен аппель и каково было узникам проводить время на перекличке.
Бесчеловечные условия жизни	**Столовая для заключенных**
«С началом войны сразу же был урезан дневной паек хлеба. При самом тяжелом физическом труде в 43/44 гг. узники получали в день по 350 граммов хлеба, в 44/45 гг. – всего только 250 граммов, а советские военнопленные даже только 100 граммов хлеба в день. Хлеб, однако, был основным продуктом питания. Нельзя себе представить условий в бараках и конюшнях лагеря. Заключенные пытались спать стиснутые в кучу, часто только по одному одеялу на 3–4 заключенных, и мокрой грязной одежде, без возможности менять белье, изнеможенные, истощенные. Примитивные умывальники, еще более примитивные устройства гигиены под открытым небом – несмотря на самые строгие меры невозможно было соблюдать чистоту. Нельзя было предотвратить распространение заразы и эпидемий».	На странице 13 брошюры имеется фраза, описывающая столовую для заключенных: «Часто узникам предлагались лишь некачественные продукты». *Комментарий автора.* Бесчеловечные условия жизни узников, включая данные о нормах питания, в новом путеводителе не описаны. Фотографии, подтверждающие плохое состояние узников отсутствуют. Из путеводителя не понятно, как именно жили узники и, если они жили плохо, то в чем конкретно это выражалось. Информационная нагрузка старого путеводителя больше. Возникает хотя бы примерное представление о жизни узников.

Итак, изменения в путеводителе очевидны. Во многом это следствие новой политики мемориала Бухенвальд, реализуемой после объединения Германии. Часть этой политики – убрать коммунистическую пропаганду. Вместе с тем остаются не совсем ясными причины информационного дефицита в тех блоках, которые трудно отнести к коммунистической пропаганде. Документы, фотографии и информационная наполненность в бесплатном путеводителе – это весомый вклад в просвещение посетителя. Наличие документа в путеводителе – это культура работы с информацией, повышение образованности, полезный пример уважения к источнику. Если, конечно, такая цель как просвещение и развитие имеется. Возможно, что появились новые факты, которые опровергают то, что было указано в старом путеводителе. Возможно, что руководство мемориала рассчитывает на то, что заинтересованные люди пойдут в магазин и купят информативный каталог с документами и подробностями о выставке. Однако это только домыслы и гипотезы. Необходим официальный и подробный ответ от руководства мемориального комплекса.

В заключение рискну дать широкую психологическую оценку. Оставлю в стороне анализ подмены

формулировок («работа на немецких военных заводах» // «уничтожение трудом»), доказательства пользы цитирования документов и статистики, оценку последствий информационной корректности и бедности для отдельной статьи.

Останусь в психологическом поле и осознанно включу личный опыт, что снизит градус научности статьи. Путеводитель – это самостоятельная информационная единица. В послевоенное советское время, к которому относится старый путеводитель, была фокусировка на подвиге, мужестве, отваге, антифашизме. Сегодня присутствует тенденция считать эту фокусировку избыточной. При этом в каждой фокусировке есть выгода и плата. Плата в том, что, когда одно на переднем плане, иное уходит в тень. Вчера в тени оказались забытые жертвы, потому сегодня сфокусировались на них. Плата – за кадром мужество, отвага, подвиг и возможность сопротивления. Когда о жертвах говорят несбалансированно чаще, чем о мужестве и подвиге, то не только ищутся и наказываются виновные, что важно, но и может сформироваться удобная самим людям иллюзия беспомощности человека перед обстоятельствами. Противопоставить этой комфортной иллюзии можно обратный пример – пример, когда *человек смог* в трудных обстоятельствах достойно сопротивляться, достойно жить и даже достойно умирать. Тогда есть шанс на мысль: «Если они смогли, то и я могу?» Вместо этого мужество, достоинство, отвага, чувства к Родине, совесть, стыд, способность думать не только о себе и поступки, *совершенные из этих качеств и свойств*, могут сегодня подаваться сказкой советской эпохи, тогда как они тоже проявления человека, как, увы, подлость, жестокость и низость. В человеке всегда есть что-то ещё. Однако *такой подход неудобен самим людям*, потому что придётся принимать не готовое решение – *каким быть*? Отчаяться или сопротивляться, предавать или оставаться честным, ныть, сбегать или достойно встречать и проживать трудности. Представление разных проявлений людей, попавших в экстремальные обстоятельства концлагеря – это не только исторические факты, это ресурс для пробуждения ответственности личного решения «Каким мне самому *быть сегодня*? Как поступать, когда трудно?». Неужели банальный путеводитель способен выполнить столь нетривиальную задачу? Это лишь сборник описаний экспонатов и маршрутов. Однако именно он дал мне до школы представление о причинах войны, о происходящем в нацистской Германии, о муках людей, о мужестве и отваге некоторых узников, человеческой низости и человеческом величии. Помню открытие после прочтения: соблазн скатиться в бездну или оставаться человеком будет и в моём пути, придется выбирать. Фотография знаменитой скульптуры Фрица Кремера, размещенная на страницах путеводителя, потрясала меня в детстве и сегодня напоминает, что мужество возможно. Жаль, что этой фотографии нет в современном путеводителе, как, впрочем, и многого другого ценного.

Примечания

[1] Бухенвальд. Дискриминация и насилие, 1937–1945: Каталог и сопроводительные статьи к постоянной экспозиции мемориального комплекса Бухенвальд. Wallstein Verlag, Göttingen, 2018.

Научное издание

Хабаровский процесс:
историческое значение и современные вызовы.
Аналитические материалы Международного
научно-практического форума. Хабаровск, 6–7 сентября 2021 г.

Составитель *Л. Шаповалова*
Редактор *А. Вильнов*
Корректор *Е. Шаповалова*
Дизайн обложки АСП «Мир для всех»

Печать офсетная. Усл. изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 25,6.
Тираж 500 экз.

Фонд «Историческая память»
119019, г. Москва, Гагаринский пер., д. 35, оф. 8.
www.historyfoundation.ru